Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

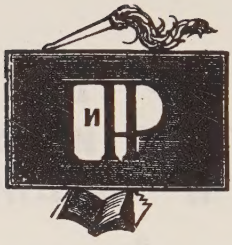
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

МАРТ-АПРЕЛЬ
КНИГА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924



Редакция
номера закончена
25-го марта.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

1. Н. Л. Мещеряков. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ 1
2. Г. Лелевич. БЫЛ ЛИ РАННИЙ РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ СОЦИАЛИЗМОМ? 15
3. Вяч. Полонский. БАКУНИН И ДОСТОЕВСКИЙ 24

4—5. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

4. ИЗ ПИСЕМ Ф. ЭНГЕЛЬСА 51
5. ИЗ ПЕРЕПИСКИ Я. М. СВЕРДЛОВА 60
6. П. Стучка. МАРКСИЗМ И СОЦИОЛОГИЯ 75
7. Валерий Брюсов. ЛЕВИЗНА ПУШКИНА В РИФМАХ 81
8. А. Греч. ЯПОНСКАЯ КСИЛОГРАФИЯ 93

9—12. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

9. М. Лиров. ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИТОГОВ 118
10. М. Эйхенгольц. СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ЛИРИКА 124
11. Р. Шор. ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГОФМАНУ 129
12. А. Федоров. ГАУЗЕНШТЕЙН 133
13. Р. Увира. ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ (1. Государство-штрейкбрехер. 2. О некоторых газетах и журналистах.) 140
14. В. Коларов. ВРАНГЕЛИАДА В БОЛГАРИИ 151
15. М. Фабрикант. ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХИТЕКТУРЕ 155

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. Б. Горева, Ц. Фридлянда, М. Зеликмана . 160
II. Литература о Ленине. В. Невского, В. Полянского 165
III. Литература о Германии. М. Брагинского 168
IV. Экономические науки и народное хозяйство. Е. Преображенского, Ф. Капелюша, М. Зеликмана, Ю. Спасского, М. Эльской, А. Хавина, Ю. Вильдо, П. Месяцева 171
V. Организация труда. О. Кауфмана, Д. Рейтинбарга 194
VI. История:
1. Всеобщая история. Н. Щербакова, Е. Кагарова, А. Слуцкого, А. Дивильковского 196
2. История революционных движений на Западе. А. Слуцкого, Н. Лукина-Антонова, Б. Горева . . 202
3. История революционных движений в России. В. Виленского-Сибирякова, В. Невского, Г. Лелевича, Г. Гордона, С. Ингулова, К. Злинченко 207
VII. Философия и психология. С. Кривцова, Г. Баммеля, И. Ильинского, М. Рейснера 219

Стр.

IX. **Наука и религия.** Е. Кагарова, Г. Бройдо, В. Сарабьянова 230

X. **Языкознание.** М. Петерсона, М. Кенигсберга, А. Пешковского . . 239

XI. **Науки о природе.** И. Стеллецкого, Э. Шпольского, М. Гремяцкого, М. Завадовского 246

XII. **Теория и история литературы.** Н. Кашина, Н. Фатова, Д. Благого, Ю. Соболева, В. Переверзева, В. Полянского 254

XIII. **Художественная литература.** К. Локса, Н. Асеева, Г. Лелевича, В. Вешнева, В. Волькенштейна, И. Кубикова, И. Гливенко, И. Аксенова, Д. Горбова, Э. Бика, Як. Бенни 267

XIV. **Искусства.** А. Луначарского, А. Федорова, С. Бугославского, А. Греча, Н. Кашина, Н. Щербакова, Л. Розенталя, А. Сидорова, Г. Жидкова 285

XV. **Литературная хроника. I. По СССР.** Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Коммунистическая Академия. Академия художественных наук. „Дом Ученых". Книжный итог за 1923 год. По литературным объединениям. **II. На Западе. Германия.** Нужда интеллигенции. Новые книги. **Франция.** По журналам. Новейшие издания. **Англия.** Издательские итоги за 1923 г. Художественная литература. Новые книги по истории и истории литературы. Новые научные издания. **Америка.** Издательские итоги. Вопрос о цензуре нравов. Литературные кино-инсценировки. Новые книги.

XVI. **Список книг, полученных для отзыва.**

В книге до 30 иллюстраций в тексте и на вкладных листах.

Портреты В. И. Ленина и Я. М. Свердлова.

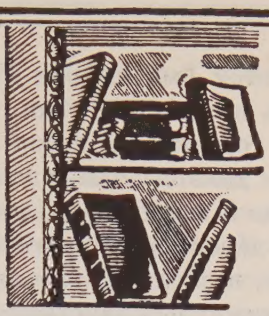
Два письма (факсимиле) В. И. Ленина.

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/pechat-i-revolyutsiya_march-april-1924_7_2

Владимир Ильич
УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ.

(Отрывки).

Н. Л. Мещеряков.

Познакомился я с Лениным весной 1902 г. В конце лета 1901 г. я поехал за границу, чтобы пройти курс электричества в одном из бельгийских университетов и прежде всего отдохнуть, так как до этого я много работал на заводе и сильно устал. Для этого я поехал в Швейцарию. В Шпице я встретился с сестрой Владимира Ильича—Анной Ильиничной и через нее быстро установил связь и переписку с Надеждой Константиновной, с которой мы были старые приятели еще с 1901 года, когда часто встречались на работе в Петербурге, хотя находились тогда в разных революционных лагерях: она была ревностной и упорной марксисткой, а я работал в то время еще в организации «Народной Воли». Мы вели с ней тогда бесконечные споры, которые и сблизили нас. Месяца через два после этого я вступил в заграничную лигу социал-демократов. Это была революционная организация, с помощью которой Ленин старался повернуть на революционный путь социал-демократическое движение, которое шло до этого времени под оппортунистическим флагом «Рабочего Дела». Мне пришлось остаться жить в Бельгии, и я был назначен представителем этой «лиги» для Бельгии. В это время Ленин, как и прочие из редакторов «Искры», жил в Мюнхене. Там были Мартов, Вера Засулич и Парвус. Все они были уверены, что этот небольшой городок на юге Германии не будет привлекать внимания, так как там никогда русские не создавали своих революционных организаций. Но было упущено из виду русское студенчество, которого в Мюнхене было очень много. Студенты узнали, что в городе находятся крупные революционеры, заинтересовались ими и за искровцами стали ходить студенческие хвосты. Они идут в ресторан или еще куда-нибудь—за ними тащатся студенты; вслед за студентами, конечно, заинтересовалась полиция. В результате пришлось бросить Мюнхен, как сравнительно маленький город, где известен каждый более или менее крупный житель, и выбрать другой пункт, где можно было бы потонуть в общей массе населения и где полиция оставила бы их более в покое, чем в монархической Германии. Этим

пунктом был выбран Лондон, куда вся компания искровцев переселилась весной 1902 года. Они проезжали через Бельгию и остановились в том городке, где я жил.

До этого я не видел не только Ленина, но даже его портретов. Помню, когда я встретился с ним в первый раз, я был разочарован, так как увидел далеко не романтическую фигуру. Это было самое обыкновенное русское, несколько калмыцкое, лицо. Мы его определили тогда: «похож на сапожника». Единственно, что поражало в нем,—это глаза. Мимо его глаз пройти было невозможно. Они были чрезвычайно проницательны.

Эта встреча продолжалась два дня, проведенные в Льеже, а затем мы вместе направились в Брюссель.

Мы попали туда во время маленькой революционной вспышки. То была борьба за всеобщее избирательное право, происходившая в довольно скромных размерах, как это умеют делать заграничные революционеры. Попав в Брюссель, я повел Владимира Ильича показывать город, учреждения рабочей партии, знаменитый тамошний кооператив и т. д. Когда мы вышли из кооператива, вдруг показались толпы рабочих. Это были участники революционной вспышки; собирались толпы демонстрантов; они разгонялись полицией и тут же обращались в бегство, ибо вожди рабочей партии старались всячески удержать рабочих в рамках умеренности и аккуратности.

Была объявлена забастовка, которая во всеобщую не вылилась. Ленин при виде этой толпы сейчас же оживился и обнаруживал большое тяготение примкнуть к демонстрации. Мне пришлось чуть не повиснуть на нем, чтобы как-нибудь замедлить его движение. Тут как раз сбоку появилась полиция и отрезала нас от толпы. В Брюсселе Ленин оставался недолго и оттуда проехал в Лондон.

Незадолго до этого в Брюсселе был Плеханов, с которым я ездил по Бельгии. Плеханов, как только кончались революционные собрания, тащил меня осматривать картинные галлереи, которых он был большой любитель. Я помню, как, приехав в Льеж, он спрашивал меня о какой-то знаменитой картине какого-то художника. Я не знал ни этой картины, ни этого художника, хотя жил здесь раньше года четыре. Ленин этим не интересовался. Он был всецело поглощен рабочим движением.

Цявловский, издавший в свое время книгу «Большевики» по документам охранки, сообщил мне, что, просматривая бумаги охранного отделения в 1917 г., он нашел два дела о Ленине. Одно дело заключало составленный на границе одним жандармом список книг, которые увез с собою за границу Ленин. Из этого списка видно, что из художественной литературы им были взяты только две книги: стихотворения Некрасова и «Фауст» Гёте. Остальные книги были по экономике.

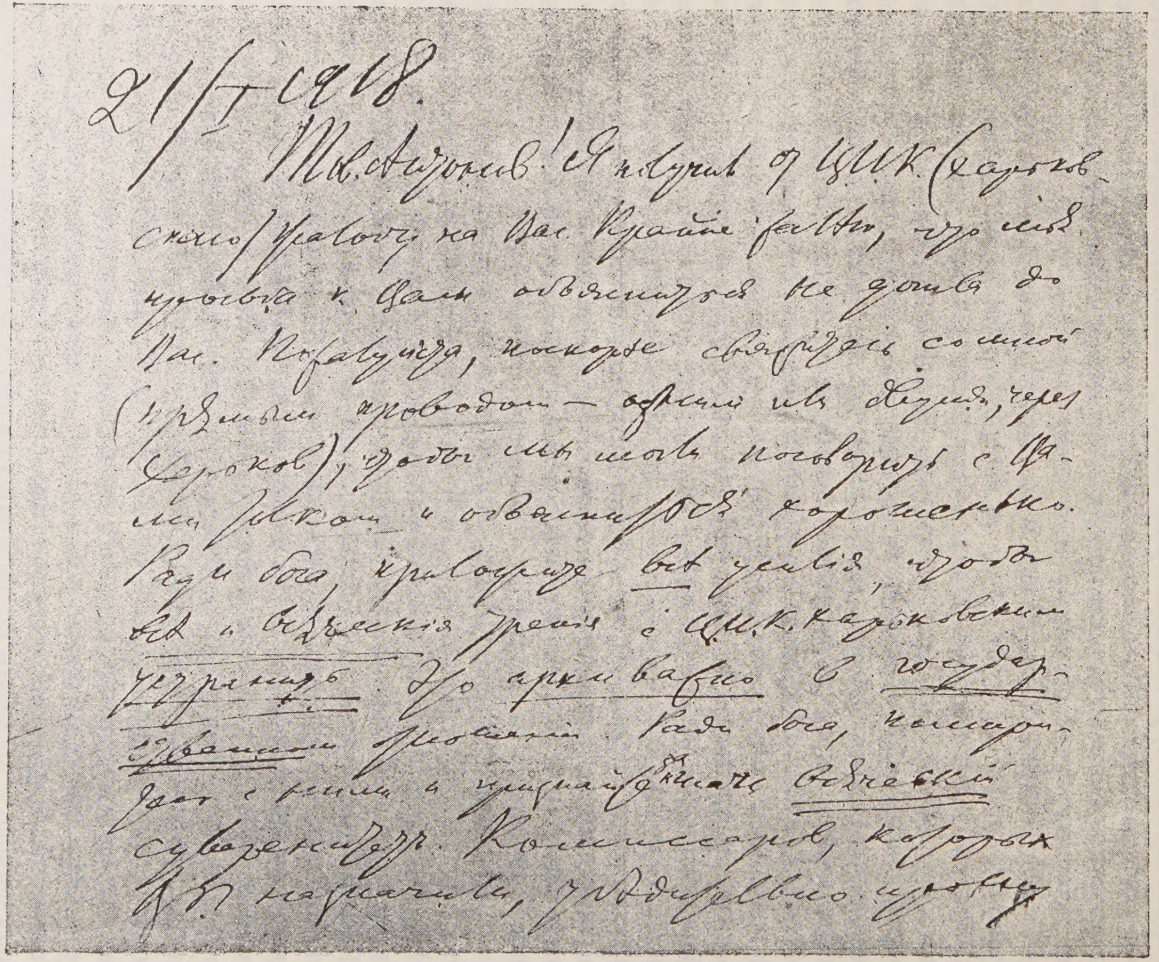
Меня очень заинтересовало тогда, что Ленин не интересовался картинными галлереями и музеями, которыми так богат Брюссель. То, что смотрят обыкновенные туристы—всякие памятники и т. д., его не интересовало: он проходил мимо, даже не посмотрев. Зато его интересовали самые детальные вопросы, касающиеся бельгийской рабочей партии.

* * *

Следующая встреча произошла осенью 1902 г. в Лондоне. Мне надо было возвращаться в Россию по окончании курса, и я поехал в Лондон, чтобы взять инструкции для предстоящей революционной работы. В этот раз наша встреча была очень долгая. Я прожил в нескольких шагах от Ленина в продолжение двух недель и встречался с ним ежедневно и даже по нескольку раз в день.

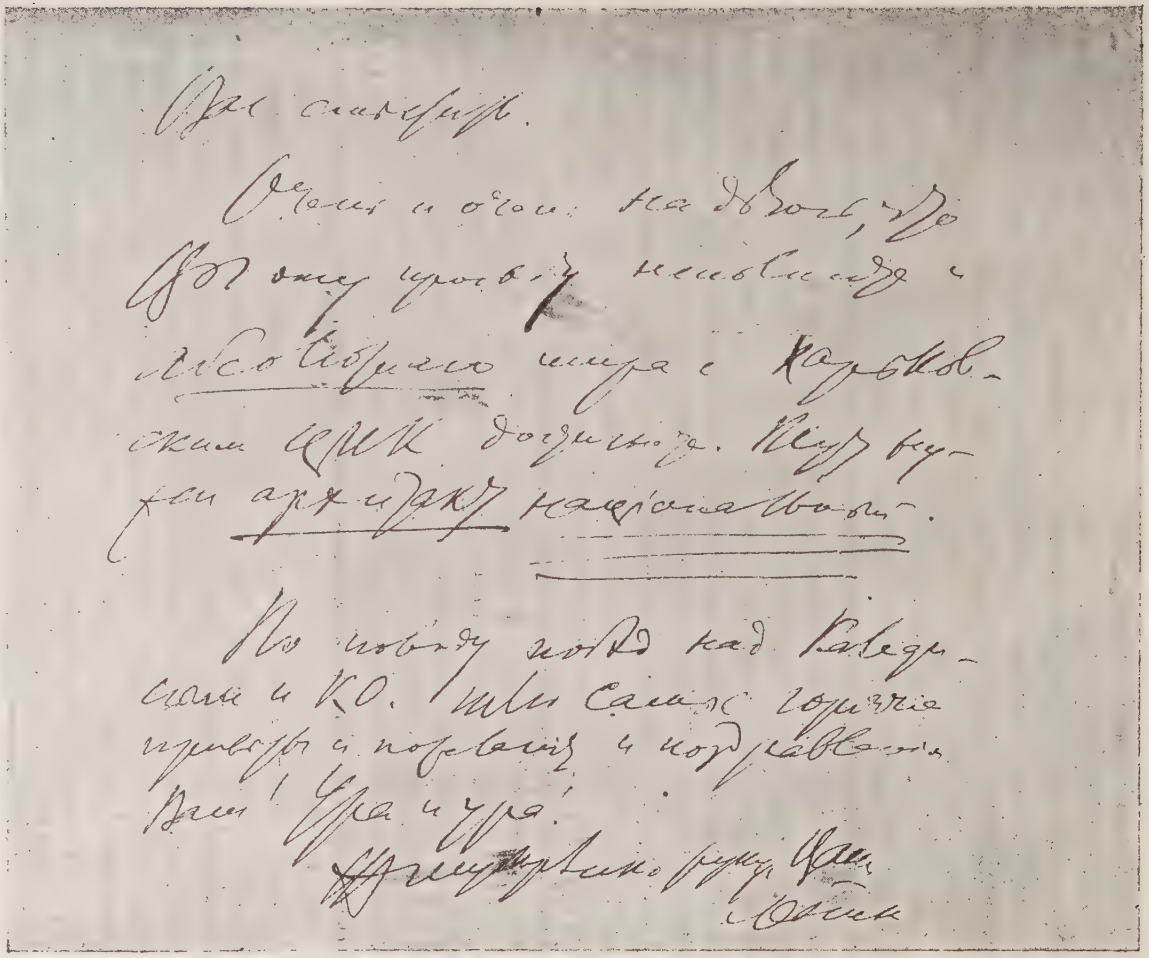
Всем известно, что Ленин вел очень скромный образ жизни как за границей, так и в России. Жил он невероятно скромно. Он больше всего любил порядок, который царил всегда в его кабинете и в его комнате, которые резко отличались, например, от комнаты Мартова: у Мартова всегда был самый хаотический беспорядок—всюду валялись окурки и пепел, сахар был смешан с табаком, так что посетители, которых Мартов угощал чаем, часто затруднялись брать сахар. То же самое творилось и у Веры Засулич. У Ленина, напротив, был необыкновенный порядок, воздух в комнате всегда чистый. Если у него в комнате закуривали, то хотя он в то время еще не запрещал курить, но начинал морщиться, открывал форточки и вообще обнаруживал большое неудовольствие. Жизнь Ленина в Лондоне протекала чрезвычайно однообразно. Утром он вставал и направлялся в Британский музей, где работал, потом отправлялся обедать в какой-нибудь ресторанчик, а после обеда совещался с Засулич, Мартовым, Надеждой Константиновной, а затем отправлялся домой и проводил вечер опять за работой.

Приехав в Россию, Ленин продолжал жить так же скромно. Отчего это происходило? Может-быть, этот человек был монашеского склада? Нет, Ленин не был таковым по натуре, да он и не мог им быть. Вождь пролетариата с монашеским складом, это—уже не настоящий вождь. Пролетариат борется за то, чтобы жизнь была красивее, богаче, полнее, чтобы люди могли жить, наслаждаясь всеми благами жизни. Какой же это вождь пролетариата, если он аскет по натуре? Ленин был чрезвычайно полный человек в смысле разносторонности. Беря с собой за границу экономические книги, он захватил все-таки Некрасова и Гёте. Ленин любил поэзию, он очень любил Пушкина и читал его с громадным удовольствием. Он очень любил музыку. Ради музыки, ради того, чтобы в течение часа послушать хорошего музыканта, он отвлекался иногда даже от работы, чем его близкие пользовались, чтобы заставить его отдохнуть хоть немного. Он любил охоту и был страстным охотником. Любил природу вообще и прогулки по швейцарским горам в особенности. Был очень хорошим шахматным игроком, играл, не глядя на доску. В Горках я провел с ним два лета, и мы занимались порой игрой в городки. Этот человек—председатель Совнаркома, мировой вождь пролетариата—забавлялся даже этой простой игрой. В игре в городки всегда участвовал Бухарин. Ленин играл плохо, а Бухарин был у нас лучшим игроком и гордился этим, кажется, больше, чем своей литературной работой. Ленин всегда



21/I 1918.

Тов. Авдеев! Я получил от ЦИК (Сахалинского) указ на Ваше [illegible] имя, чтобы Вы немедленно выехали на Дон в Ваш. Кубанскую, поскорее свяжитесь с местным (Донским) правительством — образуйте из двух, трех (Ваших) людей [illegible] и организуйте хорошенько. Ведь оба, [illegible] без [illegible] двух [illegible] и [illegible] Урала с ЦИК. Казаковым [illegible] Это архиважно с [illegible] Сделайте [illegible] Ваш [illegible] с [illegible] Вы [illegible] Комиссаров, которых [illegible] назначить, [illegible]



Письмо В. И. Ленина тов. В. А. Антонову-Овсеенко. (Из книги В. А. Антонова-Овсеенко «Записки о гражданской войне», находящейся в печати).

язвительно подсмеивался над ним. У Бухарина бывало так, что если он делал промах, то палка у него летела всегда слева, и Ленин говорил, что это оттого, что Бухарин еще не расстался с левым коммунизмом.

* * *

После годичного пребывания за границей я вернулся в Россию. Вскоре я был арестован в Москве и после годичного пребывания в тюрьме был направлен в Якутск. Никакой серьезной революционной работы в Якутске не было, а потому я и не возобновлял переписки с Надеждой Константиновной, которая тогда была секретарем «Искры».

Живя в якутском улусе, я однажды получил письмо из-за границы. Под письмом подпись, мне совершенно незнакомая. По почерку узнаю руку Надежды Константиновны. Письмо самое бессодержательное. Но химическое исследование дало другие результаты и ряд революционных новостей, о которых она извещала меня и через меня и других товарищей, временно оторванных от революционной работы. Завязалась переписка, и Надежда Константиновна все время держала меня, а через меня и остальную часть ссыльных, в курсе революционных дел того времени. Я привожу этот факт для того, чтобы показать, как внимательны были эти два человека—Ленин и Надежда Константиновна,—как внимательно они относились всегда к товарищам. Второй раз, когда я попал в ссылку в Енисейскую губернию, опять Надежда Константиновна отыскала меня, и снова завязалась переписка. Это—характерная черта Ленина: не оставлять товарищей, которые попали в ссылку. Вот еще пример. Товарищ Н. А. Теодорович попал в каторгу. Ему совершенно нечем было жить, а между тем у него были жена и дети. И вот однажды он получает перевод в сумме, кажется, 10 рублей, которые были присланы ему от Ленина. Время от времени Ильич снабжал Теодоровича, пока тот не стал на ноги. Теодорович был страстный любитель книг, и Ленин все время снабжал его литературой.

В то время, когда Ленин был уже председателем Совнаркома, он точно так же трогательно заботился обо всех старых товарищах. Когда умер Гольденберг (был старым большевиком, но с начала февральской революции ушел из рядов большевиков к новожизненцам, а потом опять перешел к нам), то Ганецкий показывал мне раздражительное письмо Ленина, в котором он писал: «Товарищ Гольденберг работал у вас в Наркоминделе и нуждался. Сделали ли вы что-нибудь для этого человека? Это надо было сделать. А теперь, когда он умер, вспомнили ли вы об его жене? Это человек совершенно не практический, и нужно оказать ей возможную помощь». У товарища Енукидзе имелся целый пакет всяких записок Ленина, в которых он его просил о разных мелких услугах для товарищей: одного надо немного подкормить, ибо он сильно изголодался, другому помочь найти комнату и т. п. В таких делах Ленин никогда не приказывал; он только просил. Я нашел у себя одну очень характерную для Ленина записку, в которой Владимир Ильич просит нас не издавать

никогда его сочинений без его разрешения, ибо, по его словам, его речи записываются очень плохо. Повторяю, что во всех этих записках не было ни одного приказа, а только просьбы. Надо сказать, что некоторые очень злоупотребляли готовностью Владимира Ильича всегда помочь товарищу и обращались к нему со всякими пустяками. Надо получить обед в столовой Совнаркома, получить комнату или еще что-нибудь,—обращались к Ленину, и никогда не слыхали от него отказа. На-днях мне тов. Невский рассказывал, как он говорил с Лениным во время голода. Когда разговор был окончен, Невский, прощаясь с Лениным, извинился, что он оторвал его от работы. «Это ничего, об этом надо было поговорить,—ответил Ленин,—но вот телефоны, телефоны... Из-за всякого пустяка обращаются ко мне».

* * *

Приведу еще несколько воспоминаний о встречах с Лениным.

Весной 1906 года Ленин приехал в Москву, чтобы обсудить здесь с товарищами тезисы большевиков к Стокгольмскому съезду. Я в то время был членом Московского Окружного Комитета. Хотя громадное большинство и в комитете и в организации было на стороне большевиков, мы повели по отношению к меньшевикам слишком нерешительную, соглашательскую тактику. Эта тактика дала самые скверные результаты по отношению к выборам в 1-ю Думу. Кое-где бойкот был проведен при нашем участии, кое-где мы участвовали в выборах по первой стадии. Не была целиком проведена ни та, ни другая тактика, хотя при тогдашнем настроении рабочих Московской губернии тактику бойкота провести было возможно.

Владимир Ильич явился на заседание Московского Окружного Комитета. На этом собрании мы горько каялись в сделанных нами ошибках. Владимир Ильич слушал и упорно молчал. «Да выругайте вы нас получше», шутя сказал ему один из товарищей. «Поздно, товарищи,—ответил ему Ленин:—надо было посильнее ругать вас раньше, да, повидимому, никто этого не делал. А теперь дело так испорчено, что никакой руганью не вернешь сделанного. Теперь надо думать, как в будущем исправить ваши ошибки».

* * *

При обсуждении в Москве проектов большевистских резолюций для Стокгольмского съезда много споров вызвал проект резолюции о Советах Рабочих Депутатов. На меня эти споры произвели глубокое впечатление. Я принадлежал к числу тех товарищей, которые с большой опаской глядели на участие в Советах нерабочих элементов, боялись мелко-буржуазного засилия последних. Я боюсь сделать ошибки, излагая теперь эти прения. Но, во всяком случае, могу сказать, что я ушел с собрания с вполне ясным убеждением, что Ленин рассматривает Советы не только как органы борьбы, но и как органы власти. Я думаю, что мысль о советском правительстве уже тогда была в голове Владимира Ильича.

Припоминаю из того же периода один разговор с Н. А. Рожковым, который был тогда в рядах большевиков и принимал участие в обсуждении резолюций. «Я не могу согласиться с Лениным в одном,—сказал Рожков:—Ленин думает, что в Западной Европе уже созрели условия для социалистической революции, и революционный взрыв в России поведет к социалистической революции на Западе. Я с этим согласиться решительно не могу».

Еще один факт, показывающий, как глубоко, далеко и проницательно заглядывал в будущее Владимир Ильич.

* * *

Несколько воспоминаний из времени Учредительного Собрания.

Вспоминается, как живая, фигура Ильича, сидящего на приступках трибуны председателя. На вылощенные речи Чернова и Церетели он не обращал никакого внимания. Сперва он что-то писал, а потом просто полулежал на ступеньках то со скучающим видом, то весело смеясь.

Около 11 часов вечера большевистская фракция потребовала перерыва для совещания. Перед нами встал вопрос, что делать дальше. Выступил Владимир Ильич.

— Центральный Комитет предлагает уйти с Учредительного Собрания после оглашения соответствующей резолюции,—предложил Владимир Ильич.

— А что же будут делать эс-эры после нашего ухода?—спросил кто-то из товарищей.

— Вероятно, будут продолжать свою болтовню.

— До каких же пор они будут продолжать ее?

— Пока им не надоест это занятие.

После некоторого колебания было решено последовать совету Ильича. Для прочтения резолюции был намечен тов. Раскольников. Мы все стали собираться к возвращению в залу заседания.

— Как, товарищи? Вы хотите вернуться в залу и уйти оттуда после прочтения нашей резолюции?—спросил нас Владимир Ильич.

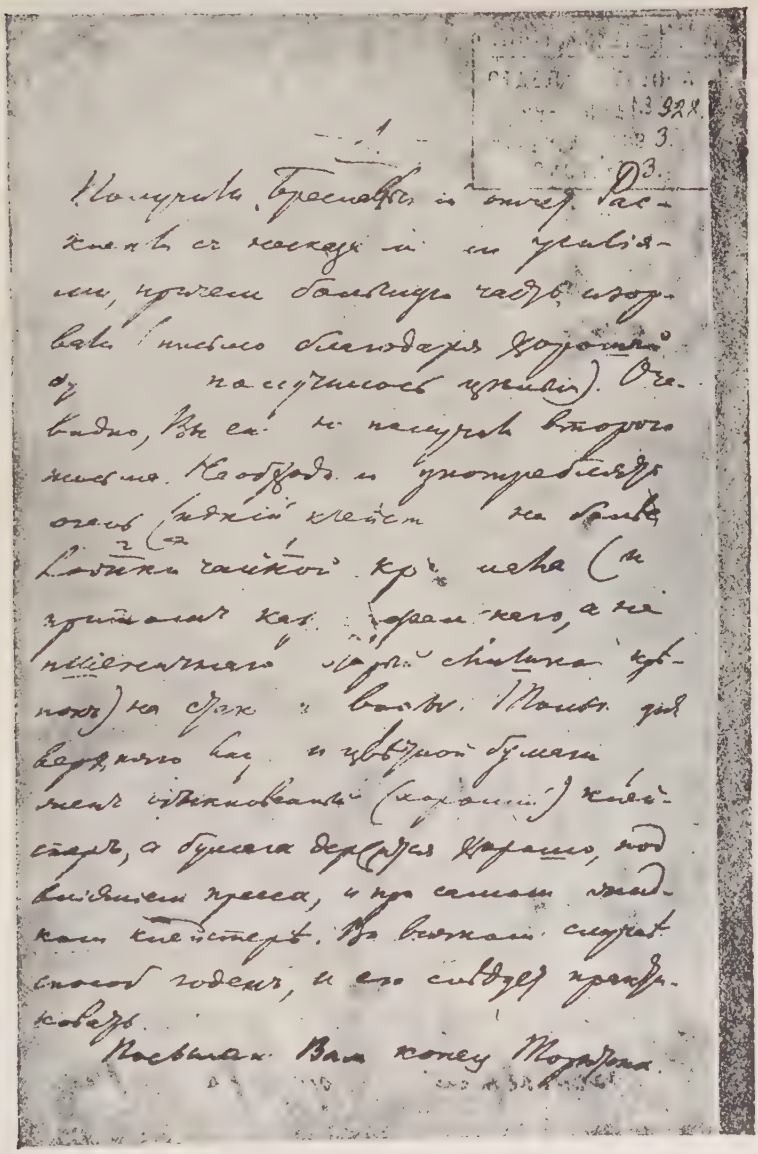
— Да.

— Да разве вы не понимаете, что наша резолюция об уходе, сопровождаемая уходом всех нас, так подействует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эс-эров и меньшевиков?—был ответ Ленина.

Многие с ним согласились не сразу. Но после второй энергичной речи Ленина его предложение было принято. Большевики не вернулись в залу заседаний. Одни разошлись по домам; другие наблюдали сцену с хор, из дверей и т. п. На заседание вернулся один тов. Раскольников, который прочитал декларацию и ушел. На солдат караула она произвела громадное впечатление. Многие из них взяли винтовки на изготовку. Товарищ, бывший на хорах, рассказывал мне, что один из солдат даже

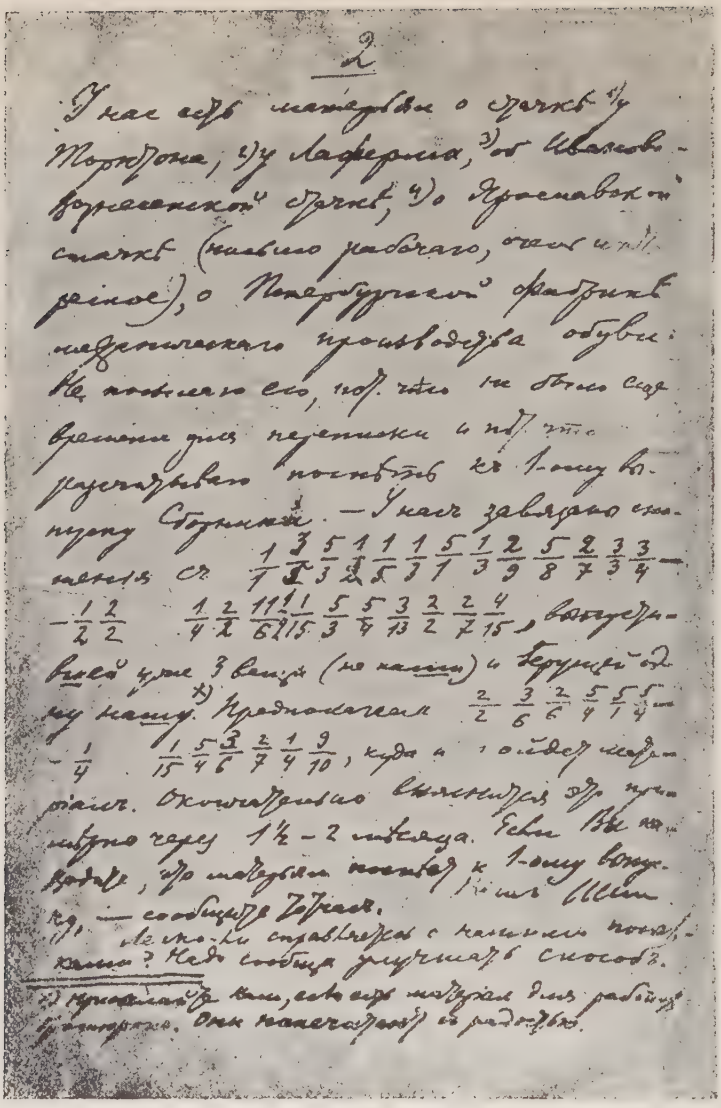
Письмо В. И. Ленина, относящееся к 1895 г., написанное из России за границу.

(Печатается с разрешения института В. И. Ленина).



«Получили Бреславльскій отчет. Расклеили съ несказанными усиліями, причем большую часть изорвали (письмо благодаря хорошей бумагѣ получилось цѣлым). Очевидно, Вы еще не получили второго письма. Необходимо употреблять очень жидкій клейстеръ: не болѣе чайной ложки крахмала (и притомъ картофельнаго, а не пшеничнаго, который слишком крѣпокъ) на стаканъ воды. Только для верхняго вида и цвѣтной бумаги нуженъ обыкновенный (хорошій) клейстеръ, а бумага держится хорошо, подъ вліяніемъ пресса, и при самомъ жидкомъ клейстерѣ. Во всякомъ случаѣ способъ годенъ, и его слѣдуетъ практиковать.

Посылаю Вам конец Торнтона.

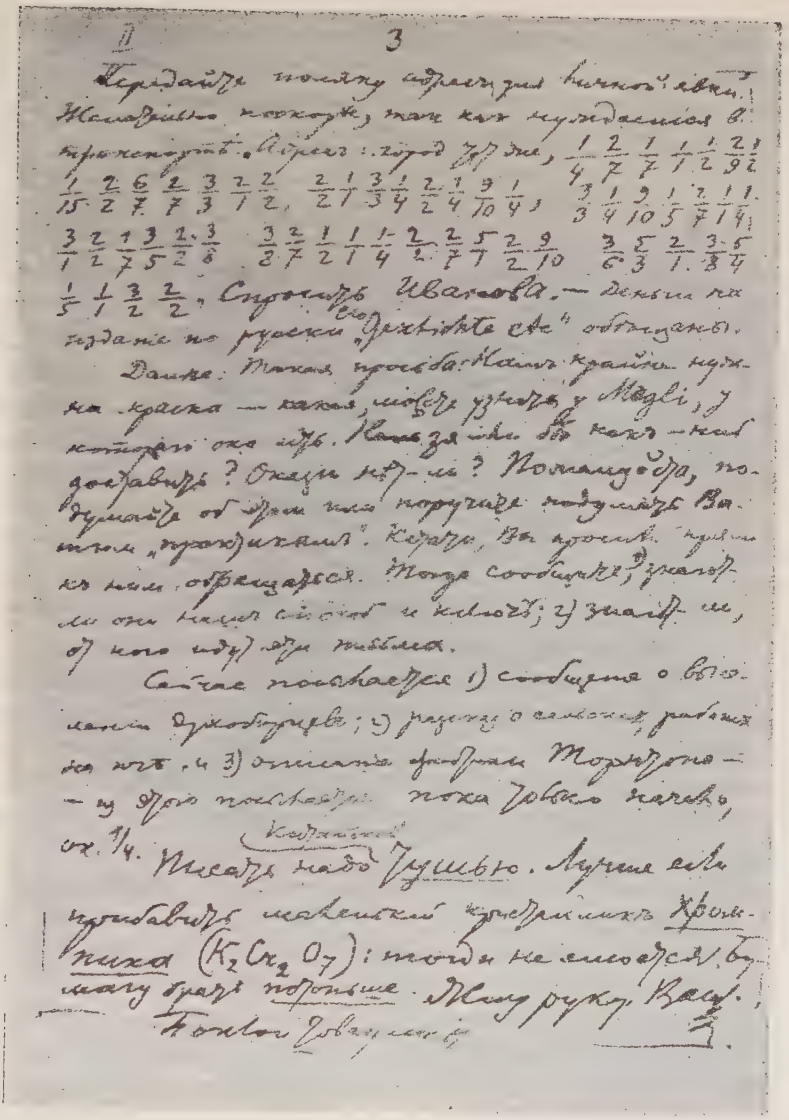


«У нас есть матерьял о стачкѣ 1) у Торнтона, 2) у Лаферма, 3) об Иваново-Вознесенской стачкѣ, 4) о Ярославской стачкѣ (письмо рабочаго, очень интересное), о Петербургской фабрикѣ механическаго производства обуви. Не посылаю его, пот. что не было еще времени для переписки и пот. что разсчитываю поспѣть къ 1-му выпуску Сборника.—У насъ завязаны сношения съ НАРОДОВОЛЬЧЕСКОЙ ТИПОГРАФІЕЙ, выпустившей уже 3 вещи (не наши) и берущей одну нашу *). Предполагаем ИЗДАВАТЬ ГАЗЕТУ, куда и пойдетъ матеріалъ. Окончательно выяснится это примѣрно через 1½—2 мѣсяца. Если Вы находите, что матерьял поспѣет к 1-ому выпуску,—сообщите тотчасъ. Ваш...

Легко ли справляетесь съ нашими посылками? Надо сообща улучшать способъ.

---

*) Присылайте нам, если есть матеріал для рабочих брошюрокъ. Они напечатают съ радостью».



«Передайте поляку адресъ для личной явки. Желательно поскорѣе, так как нуждаемся в транспортѣ. Адресъ: город тот же, ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ, СТУДЕНТЪ МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ ЗАКЛАДНЫЙ, спросить Иванова.—Деньги на изданіе по-русски его «Geschichte etc» обѣщаны.

Далѣе. Такая просьба: Нам крайне нужна краска—какая, можете узнать у Mögli, у которого она есть. Нельзя-ли бы какъ-ниб. доставить? Оказіи нет-ли? Пожалуйста, подумайте об этом или поручите подумать Вашим «практикамъ». Кстати. Вы просили прямо къ ним обращаться. Тогда сообщите, 1) знают-ли они нашъ способ и ключъ; 2) знают-ли, от кого идут эти письма.

Сейчас посылается 1) сообщеніе о выселеніи духоборцевъ; 2) разсказ о сельских рабочих на югѣ и 3) описаніе фабрики Торитона—из этого посылается пока только начало, ок. 1/4.

Писать надо китайской т у ш ь ю. Лучше если прибавить маленький кристаллик х р о м п и к а ($K_2 Cr_2 O_7$): тогда не смоется. Б у м а г у б р а т ь п о т о н ь ш е Жму руку. Ваш...

Поклон товарищам.

прицелился в толпу делегатов-эс-эров. Еще момент, и могла бы разыграться ужасная сцена.

Знают ли, подозревают ли бывшие депутаты-эс-эры, что только Ленину они обязаны спасением от смерти?..

* * *

В своей московской жизни Ленин был чрезвычайно скромным человеком. Жил он в Кремле, в помещении, которое примыкает к Совнаркому. Это—четыре небольших комнаты, из которых Ленин выбрал себе самую маленькую—площадью около 36 кв. аршин—комнату, проходную, да, кроме того, как говорят, в ней были скрипучие полы, так что всякий, кто проходил мимо, отрывал его от работы. Но он не соглашался ни на перемещение, ни на ремонт. Теперь эта комната отремонтирована, но ему уже не пришлось воспользоваться ею.

Помню как-то, кажется в 1919 г., я зашел вечером по делу к Надежде Константиновне. Показываю часовому пропуск, звоню, отворяется дверь—открывает ее сам Ленин. У них была одна прислуга, но она была занята в это время, и председатель Совнаркома не задумался оторваться от работы и отворить дверь. Он повел меня к Надежде Константиновне, а сам пошел работать. Потом подали чай; пришел Владимир Ильич. Но тут обнаружилось, что у них не хватило ложечек: на четырех человек их было только две, и приходилось их перекладывать из стакана в стакан. К чаю не было дано ничего, кроме черного хлеба и масла. Факт характерный.

Еще один факт: как-то к Ленину явилась группа крестьян. В Совнаркоме было довольно холодно, и по окончании разговора один крестьянин спрашивает его: «Что же у тебя, Владимир Ильич, как холодно?». «Да дров,—говорит,—нет, надо экономить». Через некоторое время в Москве был получен на имя Ленина вагон дров, который прислали ему крестьяне, и письмо, в котором было сказано: «вот посылаем тебе вагон дров, сложи печку, а если нет печника, напиши, мы пришлем своего; у нас в деревне такой есть».

Вот какие изумительные взаимоотношения существовали между этим человеком и народной массой.

* * *

Прибавлю несколько слов о работе Ленина. В Совнаркоме разрешалось говорить докладчику 5 минут, а ораторам только 3 минуты. «Тут, товарищи, не митинг; агитацией заниматься нечего, нужно говорить только дело», говорил Владимир Ильич. Поэтому Ленин всегда держал в левой руке часы. С одним товарищем вышел такой случай. Он хотел опровергнуть противника и начал свою речь издалека: начал излагать мысли противника; на это ушли все его три минуты. «Ваше время окончено», прервал его Ленин. «Как, я сказал только то, что ду-

мает противник, я еще не успел изложить свои мысли».—«Ничего не поделаешь». Страшный хохот, в котором принял участие и Владимир Ильич. Товарищу пришлось записаться во вторую очередь, чтобы сказать уже то, что он думает по этому делу.

Итак, первым делом Ленина было следить за тем, чтобы каждый употребил на речь не больше трех минут. Кроме того, он в это же время просматривал иностранные газеты или какие-то корректуры. Затем время от времени схватывал бумагу и писал кому-нибудь записку. Потом получал ответные записки, читал их. И все время внимательно прислушивался к тому, что говорит каждый товарищ. В своем заключительном слове он великолепно резюмировал все речи, все существенное, что было в них сказано, и предлагал обдуманное и обоснованное решение. По отношению к своим речам Владимир Ильич был так же суров: и их он сокращал до установленного регламентом времени.

Была сделана колоссальная ошибка, что в Совнаркоме не стоял фонограф и не присутствовала стенографистка, чтобы записывать речи Ленина. Стенографировались только его большие речи на больших собраниях. Между тем эти маленькие речи по три-пять минут были очень блестящими речами, полными содержания; в них Ленин часто вкладывал больше того, что он вкладывал в большую речь. Если бы все это записывалось, то мы имели бы богатую сокровищницу. Но все это пропадало, а вспомнить эти многочисленные речи, конечно, нет никакой возможности. Такая же судьба постигла его записки, которых он писал множество. Эти записки или тут же разрывались, по старой конспиративной привычке, или клались в карман и там затирались, или просто терялись. Большая часть записок, к сожалению, потеряна.

* * *

Строя колоссальные планы электрификации всей России, которые потребовали бы десятков миллиардов рублей, Ленин был вместе с тем удивительно экономным, бережливым хозяином там, где расходы не вызывались необходимостью. Вспомните его проект о вывешивании на улицах газет для чтения и о том, что эти газеты должны прибиваться к доске деревянными колышками, чтобы съэкономить железные гвозди, ибо железа в то время у нас было совсем мало. Помню еще такой случай. В Горках, в парке, было несколько сухих деревьев; решили их срубить. Владимиру Ильичу показалось, что одно из срубленных деревьев не совсем сухое. Из-за этого дерева он поднял целый скандал. Нашли виноватого. «А ты сам вырастил хоть одно такое дерево?» спрашивает Ленин. «Нет».—«А сколько было труда положено на него, сколько оно росло. Посадите его под арест». В конце-концов, удалось убедить Владимира Ильича, что он ошибается, что дерево было действительно сухое.

Ленин иногда сильно ругался, но его слова не оставляли на душе скверного осадка. Было всегда только неприятное сознание, что ругает он за дело. В моей жизни это был единственный человек, от которого

я безболезненно выслушивал самые резкие упреки. К нему относились,— ну, как к отцу. Ведь вы не станете на своего отца сердиться, если он ругнет за дело. И такое отношение было у всех. Попадало от него очень многим, но говорят об этом всегда с самым добродушным смешком, как о самом приятном воспоминании.

* * *

Еще одна характерная черта. Владимир Ильич страшно не любил, когда по отношению к нему проявляли заботу: после покушения на Ленина в 1918 году была установлена слежка агентов, которые следили за ним, чтобы предохранить его от нападения. Им приходилось от него буквально прятаться. Например, отправляется в Горках Ленин погулять; за ним отправляются чекисты, но им надо итти так, чтобы Ленин не видел; еще увидит, то пошлет назад. Когда Ленин жил в Кремле, он часто выходил гулять по Кремлю, при чем к нему могли обращаться все, кто хотел. Обыкновенно красноармейцы обращались к нему по своим делам; он охотно вступал с ними в разговоры, и из разговоров он почерпал то знание масс, которое нас в нем поражало. Меня всегда удивляло, как человек, который сидит в Кремле, видит рабочую массу только на митингах да на съездах, между тем так прекрасно знает, что̀ думает и что̀ чувствует эта рабочая или крестьянская масса. В разговорах с товарищами Ленин удивительно умел расспрашивать их о настроении масс. Верхи его интересовали гораздо меньше. Как живут рабочие в этой местности? Что думают? Чем интересуются? Вот вопросы, которыми засыпал Владимир Ильич приехавшего из провинции собеседника в начале своего разговора. И только выспросив все по этим вопросам, он переходил к разговору о верхушках. Это всегдашнее прощупывание масс было одной из характернейших и изумительнейших черт Ленина.

БЫЛ ЛИ РАННИЙ РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ СОЦИАЛИЗМОМ?

Г. Лелевич.

Свыше трех лет назад покойный тов. В. Воровский поместил в московском журнале «Творчество» статью, доказывающую, что Герцен вовсе не был социалистом. Не так давно по стопам тов. Воровского пошел тов. Горев, попытавшийся доказать, что и другой ранний русский социалист Белинский тоже социалистом не был (см. статью Б. Горева в четвертой книге «Печати и Революции» за прошлый год). Смысл этих обоих выступлений сводится к тому, что ранний русский социализм 30—40-х годов ничего общего с настоящим социализмом не имел и был лишь туманной идеологической оболочкой буржуазно-демократических стремлений интеллигенции. Этот взгляд представляет из себя не что иное, как ревизию установившейся в русской марксистской историографии оценки раннего русского социализма, как русской разновидности утопического социализма (вспомним хотя бы работы Плеханова, Кирика Левина, Фриче и др.). Выяснение этого вопроса представляет не малый интерес, так как без точного определения исторической роли Белинского, Герцена, Огарева, петрашевцев и др. наших ранних социалистов невозможно правильное понимание и дальнейших этапов развития социалистической мысли в России.

Разумеется, я далек от мысли всесторонне осветить этот сложный и важный вопрос в журнальной статье,—такое всестороннее освещение требует специального исследования. Однако, и в рамках этой статьи возможно сделать некоторые замечания, вскрывающие ошибочность постановки вопроса тт. Воровским и Горевым и намечающие до некоторой степени пути дальнейшей разработки вопроса.

Исходя из совершенно правильного утверждения, что нельзя судить об исторических деятелях по словам их, тов. Воровский поставил три вопроса для того, чтобы выяснить, был ли Герцен социалистом: «а) как отражались социалистические учения на общественной деятельности Герцена, иначе говоря, в какой мере социалистическое «слово» становилось у него «делом»; б) как относился Герцен к тем течениям, организациям и отдельным лицам, социалистичность которых ни в ком не воз-

буждает сомнений; в) какие исторические события полнее всего и глубже всего захватили Герцена, т.-е. с какой полосой общественного движения он теснее всего связал свое «имя» (см. Воровский, «Литературные очерки», изд. «Новая Москва», стр. 5—6). На первый вопрос тов. Воровский ответил, что социалистическое слово Герцена не сопровождалось революционно-социалистическим делом; на второй,—что Герцен относился враждебно к основателям научного коммунизма и к деятелям рабочего движения; на третий,—что глубже всего Герцена захватило освобождение крестьян, т.-е., по существу, буржуазная реформа. Отсюда вывод: «Он (Герцен—*Г. Л.*), несомненно, был революционером в смысле грядущего буржуазного переворота, и долгое пребывание за границей, вне переменчивых влияний русской действительности, облегчило ему сохранение духа революционности. Однако, его революционность не была социалистической» (там же, стр. 13).

Столь же недвусмысленна характеристика социализма Белинского, данная Горевым: «Увлечение социализмом было лишь *первой смутной и абстрактной формой политического радикализма* (курсив автора) Белинского, его интеллигентской жажды буржуазной, европейской политической свободы» («Печать и Революция», книга четвертая за 1923 г., стр. 7). Столь же решительно, как с Белинским, расправляется тов. Горев и со всем ранним русским социализмом: «Наша интеллигенция заимствовала из Западной Европы не боевой народный коммунизм равенства, а мирный пропагандистский социализм интеллигенции. Не даром Герцен впоследствии с ужасом цитировал декреты, заготовленные бабувистами, и сравнивал их с аракчеевщиной. Нашей интеллигенции нужно было не равенство и не общность имуществ, а *свобода* (курсив автора), которая субъективно отражала свободу буржуазного развития, и идеи этой свободы она заимствовала не у дискредитировавшего себя уже буржуазного либерализма, а у интеллигентского социализма утопистов, который сам являлся попыткой реформировать и облагородить народившееся буржуазное общество, дать в нем заслуженное место интеллигенции, освобожденной от всех нелепых традиций и предрассудков» (там же, стр. 3—4).

Эта выдержка очень наглядно вскрывает ошибочность построений тов. Горева. Если задача Горева сводилась к тому, чтобы доказать, что Белинский, Герцен, Огарев и др. не были провозвестниками научного коммунизма или первобытно-пролетарского стихийного коммунизма, а являлись типичными утопистами, то тов. Горев напрасно тратит энергию, воинственно ломясь в открытые двери: никто не считает ранних русских социалистов марксистами или бабувистами и вейтлингианцами. Но если тов. Горев на этом основании провозглашает Белинского или Герцена не социалистами, то он забывает сделать одну вещь,—доказать, что всякий утопический социалист вообще не является социалистом. Без этого все экскурсии в область слабых сторон раннего русского социализма крайне бездоказательны, ибо эти слабые стороны свойственны не только социализму Герцена и Белинского, но и социализму Сен-Симона и Фурье.

В самом деле, вспомним, какие исторические условия породили утопический социализм и каковы были его характерные черты. Рассказывая о начале деятельности Сен-Симона, Фурье и Оуэна, Энгельс пишет: «К этому времени капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность интересов буржуазии и пролетариата достигли еще незначительного развития. Крупная промышленность, тогда только возникавшая в Англии, была еще незнакома Франции. Но лишь при существовании крупной промышленности, с одной стороны, развиваются те конфликты, которые делают неизбежными переворот в способе производства и устранение его капиталистического характера (конфликты не только между классами, порожденными капиталистическим способом производства, но и между созданными им же продуктивными силами и формами обмена), а с другой стороны, появляются, благодаря тем же гигантским силам производства, и средства, которые могут привести к разрешению этих конфликтов... Пролетариат, выделившийся из среды этих неимущих масс в качестве ядра, послужившего к образованию нового класса, был еще совершенно неспособен к самостоятельной политической деятельности. Он представлял собой угнетенное, страждущее сословие, которое было неспособно помочь себе собственными силами и которое поэтому нуждалось в помощи извне и сверху. Под влиянием этих исторических условий находились и лица, обосновавшие социализм. Незрелому состоянию капиталистического производства, неопределившемуся положению классов соответствовали и незрелые теории» («От утопии к научной теории», изд. «Молот», стр. 7—8).

Итак, утопический социализм—продукт незрелого состояния производства, неопределившегося положения классов, неспособности тогдашнего пролетариата к самостоятельной политической деятельности, это—незрелая теория. Однако, незрелость эта не заставила Энгельса отрицать за утопическим социализмом права на название социализма и назвать его лишь «смутной и абстрактной формой политического радикализма». Буржуазно-интеллигентское происхождение утопического социализма еще более подчеркивается в знаменитом месте энгельсовского предисловия к изданию 1890 г. «Коммунистического Манифеста», трактующем о различии социализма и коммунизма в 1848 году. Как безусловно помнит тов. Горев, Энгельс писал там, что «социализм (в том числе фурьеризм и оуэнизм. *Г. Л.*) означал в 1847 г. буржуазное движение» («Коммунистический Манифест», изд. «Московский Рабочий», стр. 15). Почему же Маркс, Энгельс, Плеханов, Бебель, Меринг, несмотря на все это, продолжали считать утопистов социалистами?

Совершенно не учитывая неизбежной незрелости всех утопических систем, тов. Воровский изумлялся, как мог социалист Герцен остаться в стороне от европейского рабочего движения. Но отчужденность Герцена от союза коммунистов и Первого Интернационала вытекает не из буржуазно-демократической природы Герцена, а из типичных *утопических* черт его миросозерцания. Эту сторону миросозерцания Герцена прекрасно выяснил Плеханов. Вот что писал последний о взглядах Герцена на

будущность Западной Европы: «Рассуждая о возможной судьбе Запада, Герцен становится на точку зрения *борьбы классов: победит рабочий класс* (курсив автора)—Западная Европа воскреснет к новой жизни: *не победит* (курсив автора)—она окончательно разложится. Эта попытка определить дальнейший ход внутреннего развития данного общества, становясь на точку зрения происходящей в нем борьбы классов, сближает здесь Герцена с последователями современного научного социализма. Но не следует преувеличивать это сближение. Герцен, только скрепя сердце, приурочивает к борьбе классов свои упования на будущее торжество социализма в Западной Европе. Разрешение «социального вопроса» путем классовой борьбы представлялось ему самым худшим средством его разрешения. Утопический характер того социализма, которого, говоря вообще, держался наш великий публицист, едва ли не больше всего сказался в его отвращении от классовой борьбы. События 1848—1849 гг. разочаровали его, главным образом, потому, что явились выражением классовой борьбы в западно-европейском обществе. Поскольку борьба эта являлась более или менее надежным средством разрешения великого вопроса об отношении труда к капиталу, она производила на него впечатление горькой насмешки над силой того самого разума, последним словом которого он считал западно-европейский социализм. Требованиям разума соответствовал, по его взгляду, лишь такой ход решения «социального вопроса», при котором почин общественного преобразования взяли бы на себя просвещенные и беспристрастные представители господствующего класса» («Очерки по истории русской общественной мысли XIX века», изд. «Прибой», стр. 188).

Действительно, отчужденность Герцена от рабочего движения объясняется тем, что он не выводил социализм из борьбы классов, но эта была ошибка не только Герцена, это было заблуждение *всех утопистов*. «До конца жизни,—пишет Плеханов,—Герцен повторял в своем социализме ту ошибку, которая свойственна была не только учению Сен-Симона, но и всему вообще утопическому социализму. Я имею в виду *неуменье этого социализма свести концы с концами в своем понимании связи между бытием и сознанием, экономикой и политикой*» (курсив автора) (там же, стр. 176).

Именно для Сен-Симона и его учеников особенно характерно неверие в то, что социалистический строй может быть добыт классовой борьбой. «29 ноября 1831 г. Сен-симонистский (тогда) «Globe» писал: «Les classes intérieures ne peuvent s'élever qu'autant que les classes supérieures leur tendent la main. C'est de ces dernières que doit venir l'initiative» (Низшие классы могут подняться лишь в той мере, в какой им помогут сделать это высшие классы. От этих последних должен исходить почин). Так думал, как видно, и Герцен. Но так же думали и все социалисты-утописты» (там же, стр. 189).

Эта отличительная черта утопистов прекрасно охарактеризована в «Коммунистическом Манифесте»: «Неразвитая форма борьбы классов, равно как и собственное их (утопистов. *Г. Л.*). общественное положение, приводят к тому, что они считают себя стоящими выше этого антагонизма

классов. Они хотят улучшить положение всех членов общества, не исключая и лучше поставленных. Поэтому они обращаются всегда безразлично ко всему обществу и даже преимущественно к господствующему классу. Ведь достаточно понять их систему, чтобы немедленно признать ее наилучшим планом наилучшего общественного устройства» («Коммунистический Манифест», стр. 60). Отсюда попытки Сен-Симона воздействовать на Бурбонов в сторону осуществления его планов (Плеханов, цит. соч., стр. 177), отсюда попытки Прудона обратить правительство Наполеона III на путь социальной революции (там же, стр. 202), отсюда надежды Герцена на Александра II. Почему же Герцена надо лишить звания социалиста за те свойства, которые отнюдь не помешали сохранить это звание Оуэну или Сен-Симону?

В качестве серьезного довода против подлинности герценовского социализма тов. Воровский выдвинул то соображение, что Герцен, «органически не допуская революционных средств, тем самым не шел дальше отвлеченных рассуждений на тему о социализме. «Слова» у него были подчас народника-социалиста, а «дела»—либерального дворянина» (Воровский, цит. соч., стр. 7). Снова Герцен страдает за грехи всех утопистов. Ведь «Коммунистический Манифест» достаточно ясно писал, что утописты «отвергают» всякую политическую и особенно всякую революционную деятельность; они стремятся достигнуть своей цели мирным путем и посредством маленьких естественно обреченных на неудачи экспериментов, они хотят, силою примера, проложить путь новому общественному евангелию» («Коммунистический Манифест», стр. 61).

Мы видим, таким образом, что попытки объявить ранних русских социалистов не социалистами являются покушением с негодными средствами, ибо они нападают на характернейшие черты утопического социализма. Эта ошибка (как увидим ниже, она покоится на простой потере исторической перспективы) очень ярко вскрывается, как только подойдешь к вопросу о наличии в раннем русском социализме элементов будущего народнического социализма. Что бы там ни говорили, а Герцен является бесспорным отцом народничества, да и западник Белинский, как увидим ниже, был в этом отношении не без греха. Откуда у сен-симониста Герцена взялась надежда на русскую крестьянскую общину как на ячейку социалистического строя? На этот вопрос прекрасный ответ дает Плеханов: «Герцен и Огарев увлекались некогда философией Гегеля, и каждый из них был много обязан ей в развитии своего миросозерцания. Но едва ли я ошибусь, сказав, что Герцен с бо́льшим успехом, нежели Огарев, прошел через школу великого немецкого идеалиста. Правда, он тоже усвоил в ней далеко не все то, что усвоили такие люди, как Фейербах, Маркс или Энгельс. Он недостаточно оценил диалектическую сторону Гегелевой философии. Но по всему видно, что он обратил на нее гораздо бо́льшее внимание, нежели Огарев. Это сказалось и на его отношении к тогдашнему социализму. Чтобы твердо поверить в будущее торжество социализма, ему недостаточно было убеждения в том, что социализм представляет собою прекрасный идеал хороших людей. Ему надо было

выяснить себе тот ход общественного развития, который привел к возникновению этого прекрасного идеала и который ручался бы за его осуществление. Эта его теоретическая потребность не вполне сознавалась им самим. Однако, ее наличность оставила свой глубокий след на всех его рассуждениях о социализме вообще и в частности о шансах социализма на Западе Европы. Если он еще до февральской революции толковал с Бакуниным о вероятной смерти западного «старика», то его скептицизм вызван был в этом случае, между прочим, тем, что западно-европейский социалистический идеал представлялся ему лишь привлекательной теорией, не имевшей серьезной опоры в логике общественной жизни. И если он, с другой стороны, стал смотреть на Россию как на страну, призванную к осуществлению западно-европейского социалистического идеала, то это произошло по той причине, что русская община показалась ему способной сыграть историческую роль объективной основы социализма, отсутствовавшей, по его мнению, на Западе» (Плеханов, цит. соч., стр. 220).

О том, что разочарование Герцена в Западе и поиски элементов социализма в отсталой России действительно вытекали из недовольства утопическим характером европейского социализма, лучше всего свидетельствуют следующие слова самого Герцена: «Попытки нового хозяйственного устройства одна за другой выходили на свет и разбивались о чугунную крепость привычек, предрассудков, фактических стародавностей фантастических преданий. Они были сами по себе полны желанием общего блага, полны любви и веры, полны нравственности, преданности, но не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение» (цитирую по Плеханову, стр. 147). Оценка русской крестьянской общины как ячейки социалистического строя, т.-е. основное положение будущего народнического социализма, оказалась для Герцена выходом из теоретического тупика, являлась попыткой вывести социалистический идеал из объективных условий, а не из абстрактного превосходства того или иного утопического плана и не из отвлеченной идеи справедливости. Самая постановка вопроса о необходимости обоснования социализма анализом объективных условий является огромной заслугой Герцена.

Не менее ценные результаты дает и рассмотрение социалистического периода умственной жизни «неистового Виссариона». Как известно, «Белинский в первой фазе своего развития жертвовал действительностью ради идеала, а во второй—идеалом ради действительности» (Плеханов, «Литература и критика», изд. «Новая Москва», стр. 143). В третий период, как превосходно выясняет далее Плеханов, Белинский, несмотря на свое стремление к «конкретному идеалу», неизбежно перешел на точку зрения утопизма, как только отказался от своего «примирения с действительностью». Всем известно признание, сделанное Белинским в письме к Боткину от 8 сентября 1841 года: «Я теперь в новой крайности, это—идея социализма, которая стала для меня идеей идей... альфою и омегою веры знания»... (цит. по «Литературе и критике», стр. 137—138). Но Белинский, точно так же как Герцен, быстро уловил слабые стороны утопического

социализма. Правда, и у Белинского увлечение утопизмом повлекло за собой иллюзию о якобы социалистических тенденциях русской крестьянской общины. Об этом прекрасно свидетельствует следующее место из воспоминаний Кавелина: «В Москве, в одном разговоре с Грановским, при котором я присутствовал,—Белинский... выражал славянофильскую мысль, что Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с враждой капитала и собственности с трудом, чем Европа». Приводя эту интереснейшую цитату, Плеханов справедливо замечает: «Это, действительно, чисто славянофильский взгляд, усвоенный потом нашими народниками и субъективистами. У Белинского, непримиримого врага славянофилов, он мог возникнуть только как результат увлечения утопическим социализмом» («Литература и критика», стр. 147).

Герцен до конца жизни оставался верен славянофильско-народническим мечтаниям, но, как говорит в другом месте Плеханов, «Белинский самым характером своего диалектического ума был застрахован от полного и продолжительного увлечения им» (там же, стр. 66). И неудовлетворенность утопическим характером своего социализма, стремление к «конкретному идеалу» заставили Белинского разочароваться в социализме, вызвали то преклонение перед прогрессивной ролью капитализма, которое звучит в знаменитом письме к Анненкову от 15 февраля 1848 года. Совершенно не обосновано замечание тов. Горева: «Трудно согласиться с Плехановым, что Белинский отрекся от тогдашнего социализма из-за его отвлеченно-утопического характера» («Печать и Революция», книга четвертая за 1923 г., стр. 7). Нисколько не трудно, тов. Горев, тем более, что мнение Плеханова подтверждается хотя бы следующим многозначительным местом статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «Идея истины и добра признавалась всеми народами во все века; но что непреложная истина, что добро для одного народа или века, то часто бывает ложью и злом для другого народа, в другой век. Поэтому безусловный или абсолютный способ суждения есть самый легкий, но зато и самый ненадежный; теперь он называется абстрактным, или отвлеченным. *Ничего нет легче, как определить, чем должен быть человек в нравственном отношении; но ничего нет труднее, как показать, почему вот этот человек сделался тем, что он есть, а не сделался тем, чем бы ему по теории нравственной философии следовало быть*» (курсив мой. *Г. Л.*) (Белинский, «Собрание сочинений» изд. лит.-изд. отд. Наркомпроса, том третий, стр. 759).

В этих строках Белинский попадает не в бровь, а в глаз той характернейшей особенности утопизма, которую Энгельс излагал так: «Что истинные разум и справедливость до сих пор не царствовали в мире, происходит только от того, что они неправильно были познаны. Недоставало именно того гениального человека, который появился теперь и который познал истину» («От утопии к научной теории», стр. 6). Я не собираюсь ни защищать, ни оспаривать предположения Плеханова, что, если бы Белинский не умер так рано, весьма вероятно было бы превращение его в последователя научного социализма. Вне зависимости от правильности

или ошибочности этого предположения, можно уже считать установленным, что Белинский был одним из пионеров утопического социализма в России, при чем, как и Герцен, понял недостаточность и необоснованность утопизма. И совершенно справедлива характеристика Плеханова: «Что передовые русские люди 40-х гг. не могли сделаться основателями научного социализма, это в достаточной мере объясняется экономической отсталостью России и их неполным знакомством с экономикой Запада. Но что эти люди дошли до сознания неудовлетворительности утопического социализма, это свидетельствует об их выдающейся даровитости. Конечно, тут чрезвычайно много значила школа Гегеля, через которую они имели великое счастье пройти. Но очень многие немецкие социалисты тоже испытали на себе благотворное влияние Гегеля: однако, между ними только Маркс и Энгельс поняли, каким образом социализм из утопии может сделаться наукой. Все остальные гегельянцы (и фейербахианцы), увлекавшиеся социализмом, вполне довольствовались его утопической основой. Вот почему мы с полным правом можем считать наших Белинского и Герцена людьми несравненно более даровитыми, нежели Грюн, Гесс, Земмиг, Фр. Шмидт и другие философские социалисты Германии» («Очерки по истории русской общественной мысли XIX века», стр. 138—139).

Из сказанного ясно, в чем сущность ошибки, допущенной тов. Воровским, а за ним и тов. Горевым. Эти товарищи подошли к утопическим социалистам 40-х годов с *критерием современного коммунизма*, они хотели разыскать у утопических, не пролетарских и не революционных социалистов свойства пролетарского революционного научного социализма. Таких свойств они, разумеется, не нашли и на основании этого объявили Белинского, Герцена и др. не социалистами вообще. Вредна эта ошибка, разумеется, не тем, что «умаляет славу» ранних русских социалистов. В конце-концов, быть ранними вождями политического радикализма не так уже мало. Беда в том, что ошибка тт. Воровского и Горева лишает возможности правильно установить идейный генезис русского социализма, обрубая первый и важный этап его.

Если сохранить историческую перспективу, то краткая схема развития русского социализма будет такова: социализм, как определенное ответвление общественной мысли, появился в России в 30—40-х годах прошлого столетия, когда в некоторой части русской интеллигенции приобрели значительную популярность учения западно-европейских утопистов, в особенности Сен-Симона и Фурье. Этот мирный утопический социализм был идеологией деклассированных представителей дворянства (Герцен, Огарев, часть петрашевцев) и немногочисленных представителей нарождающейся мелко-буржуазной «разночинческой» интеллигенции (Белинский, часть петрашевцев). В 60-х годах мирный утопический социализм уступил место революционному мелко-буржуазному социализму народников. Причинами этого следует считать обнаружение на примере реформы 19 февраля тщетности каких бы то ни было надежд на реформаторство правительства и господствующего класса, с одной стороны, выступление мелко-буржуазной интеллигенции, как серьезной обществен-

ной силы—с другой. При этом преемственность подчеркивается фактом, что крупнейший русский утопист Герцен разработал и некоторые из основных теоретических положений будущего народничества. В 80-х годах одно из течений мелко-буржуазного народнического социализма, оплодотворенное первыми шагами русского организованного рабочего движения, поднимает знамя марксизма и кладет начало истории пролетарского научного социализма в России.

Эта смена этапов сопровождается интереснейшим явлением, подмеченным еще Марксом и Энгельсом: «Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты» («Коммунистический Манифест», стр. 61—62). Действительно утопический социализм Герцена, Огарева, Белинского, петрашевцев был огромным шагом вперед по сравнению с либеральной идеологией Оболенского и Трубецкого и радикализмом Пестеля. Но в 60-х годах, при столкновении с революционным мелко-буржуазным социализмом Чернышевского, Добролюбова, А. Серно-Соловьевича и др. герценовский утопизм оказался реакционным. Точно так же революционное народничество было огромным шагом вперед по сравнению с утопизмом ранних русских социалистов. Но при столкновении с народившимся марксизмом оно оказалось реакционным (вспомним борьбу Михайловского, В. В. и др. с марксизмом в 90-х годах). Каждый из этапов русского социализма был революционен *лишь до* появления его преемника. Старуха-история беспрекословно подчиняется закону диалектики!

Мы закончим настоящий очерк пожеланием, чтобы действительно научная разработка истории социализма в России во всем ее объеме была поставлена в порядок дня. Пора осуществить, наконец, в применении ко всему раннему русскому социализму прекрасные слова, написанные Плехановым по поводу сомнений Герцена в чаяниях западных утопистов: «Придет время, когда историки социализма выяснят, наконец, истинный смысл этого мучительного сомнения. Они отведут нашему блестящему автору одно из самых видных мест в ряду тех писателей первой половины XIX века, которые, всем сердцем сочувствуя социализму, более или менее ясно сознавали шаткость его *утопической* (курсив автора) основы и делали оставшиеся безуспешными, но все-таки в высшей степени замечательные попытки поставить его на прочный фундамент науки».

БАКУНИН И ДОСТОЕВСКИЙ [1]).

Вяч. Полонский

«Ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства я не знал и совсем не знаю, как из газет. *Да если бы и знал, то не стал бы копировать*».

Достоевский: «Письмо Каткову».

«Откуда такое щедрое обилие фактов, черточек, событий, эпизодов»...

Л. Гроссман: «Бакунин и Достоевский».

Глава первая.

БАКУНИН — ПРОТОТИП СТАВРОГИНА.

I. У истока легенды.

Л. П. Гроссман, известный исследователь Достоевского, взялся доказать утверждение, будто прототипом Ставрогина, героя романа «Бесы», послужил Достоевскому «великий бунтарь», «апостол всемирного разрушения» Михаил Александрович Бакунин. На обоснование этого парадокса Л. П. Гроссман потратил немало труда. Его работа, напечатанная в четвертой книге нашего журнала за 1923 г., представляет собой живописную мозаику догадок, сближений, сопоставлений; тщательно составленная, она, в конечном счете, создает подобие очевидности: Бакунин, как две капли воды, оказывается похожим на Николая Ставрогина.

Парадокс, защищаемый нашим автором, представляет двойной интерес. Ставрогин, если ему в самом деле послужил прототипом знаменитый революционер, бросает новый свет на загадки бакунинской души — спорить в этом пункте с Л. П. Гроссманом не приходится. С другой стороны—это открытие, неожиданно сближающее столь несходные,

[1]) Основные положения настоящей работы были изложены автором на заседании Общества Любителей Российской Словесности 10 февраля 1924 г.

полярно противоположные натуры, вскрывает перед нами творческие методы Достоевского. Понятно поэтому внимание, которое обратила на себя эта работа. Еще до напечатания она с успехом была прочитана автором в публичных собраниях. Целый ряд ученых признал правильность ошеломляющего открытия. Б. И. Гореву, напр., известному историку социализма, исследование Гроссмана кажется убедительным. Того же мнения держатся проф. П. Н. Сакулин и В. С. Спиридонов, редактор Аполлона Григорьева. И, наконец, Ю. М. Стеклов, авторитетный исследователь Михаила Бакунина, объявил Л. П. Гроссману, что целиком находится на его стороне. Об этом сообщил Л. П. Гроссман в заседании Общества Любителей Российской Словесности 10 февраля 1924 г., когда автор этих строк выступил с возражениями против его гипотезы.

Столь авторитетные сторонники Л. П. Гроссмана нас, однако, не убеждают. Успешный результат его работы мы относим всецело на счет мастерства, с каким сооружена историко-литературная конструкция: в талантливости этой конструкции никак отказать не возможно. Такое признание не мешает нам, однако, считать труд Л. П. Гроссмана фантастическим, построенным на натяжках, искусственных сближениях и неправильном толковании источников. Внешняя убедительность и тот блеск, с каким парадокс преподнесен читателю, может затемнить правильное представление о Михаиле Бакунине, нисколько в то же время не посодействовав уяснению сложного облика героя «Бесов». Другими словами— налицо пред нами опасность возникновения легенды, которая имеет много шансов пустить основательные корни в читательском сознании. Если указанные выше имена присоединяются к Л. П. Гроссману,—чего можно требовать от читателя, слабовато разбирающегося в вопросах нашего прошлого и не всегда достаточно «ученого», чтобы критически отнестись к авторитетным, хотя и фантастическим изобретениям специалистов? Это обстоятельство и заставляет нас проанализировать любопытное исследование.

II. Постановка вопроса.

Мы не хотим, впрочем, отказать Л. П. Гроссману в правильности многих его утверждений. Мы не возражаем, например, против того, что «тяжелый и непроницаемый покров» не снят еще с духовного облика Бакунина. В некоторых частях он продолжает быть загадочным. Столь же прав Л. П. Гроссман, когда замечает далее, что «не исследователи, а художники слова часто дают окончательную формулу самым глубоким и сложным историческим характерам». Мы могли бы привести целый ряд утверждений, с которыми не будем спорить в виду их явной бесспорности; они необходимы Л. П. Гроссману лишь для того, чтобы подчеркнуть всю значительность сделанного им открытия. Вот первоначальная его формулировка:

«И кажется, только **единственный раз** на протяжении целого полустолетия **маска с лица Бакунина была приподнята**, и **сущность**[1]) трудней-

[1]) Жирный шрифт и курсив везде наш. *Вяч. П.*

шей психологической проблемы **разрешена до конца** в одной замечательной художественной интуиции.

«В русской литературе **есть книга о Бакунине,** написанная еще при жизни его, но до сих пор с этой стороны неизвестная. Это, конечно, **самое выдающееся исследование о нем,** и если нам удастся раскрыть таинственно запечатленный образ одного фантастического героя русского романа, **духовная природа** *Бакунина* предстанет перед нами в пластических чертах одного гениального воображаемого портрета».

Выдающимся исследованием этим, по словам Л. П. Гроссмана, являются «Бесы». «Роман, считавшийся до сих пор изображением нечаевщины, является у нас **первой монографией о Бакунине**». Эта монография дает «одну из **самых выдающихся трактовок личности** Бакунина во всей мировой литературе о нем».

Мы хотели бы остановиться на этих ясных определениях. К сожалению, наш автор их в дальнейшем смягчает, изменяет, дополняет, лишая их мало-по-малу указанного только что положительного качества.

Так, например, охарактеризовав сущность своего открытия, Л. П. Гроссман делает такое неожиданное примечание: «Ставрогин, конечно, только *воображаемый* портрет Бакунина, т.-е. *в основе глубоко преображающий его подлинный* облик». Но одно из двух: **или** в образе Ставрогина мы имеем «*воображаемый*» портрет Бакунина, и тогда он не может «*до конца*» разрешать «сущность труднейшей психологической проблемы»—в данном случае проблемы бакунинской души, ибо будет говорить больше о «духовной проблеме» *автора* портрета, чем его прототипа; **или** роман «Бесы» является самым выдающимся *исследованием о Бакунине*,—но тогда мы в «Бесах» будем искать Бакунина «исторического», а *не вымышленного*. В двойственной постановке задачи чувствуется лукавство автора. Он, очевидно, и сам сомневался в достоверности отождествления (Бакунин=Ставрогин), смягчая, ограничивая и опровергая на протяжении своей работы собственные первоначальные утверждения. «Бакунин,—заключает свою работу Л. П. Гроссман,—взят Достоевским не как подлинная историческая фигура, а лишь как *романический* тип, т.-е. с полным сохранением за автором прав на свободное преображение этой крупной и характерной фигуры политической современности. Портретного сходства здесь, конечно, нечего искать».

В конце-концов, исследователь определяет задачу весьма непритязательно. «Нам важно установить один только факт,—пишет он:—*Достоевский, создавая Ставрогина, исходил из личности Бакунина*».

Займемся и мы, следом за Л. П. Гроссманом, рассмотрением этого факта.

III. Женевский конгресс, Бакунин и Достоевский.

Развертывание своей темы Л. П. Гроссман производит не без картинности. Он изображает заседание Лиги Мира и Свободы в 1867 году, в Швейцарии, где Бакунин «потрясал огромную аудиторию женевского дворца ударными тезисами своей очередной исторической речи». Шеститысячная

толпа напряженно внимает оратору, рассказывает нам автор, «а в пестрой массе ученых, журналистов и рабочих делегатов, *жадно* прислушиваясь к словам Бакунина и *пристально* всматриваясь в его титаническую фигуру стоял затерянный в толпе, никем не замеченный и, вероятно, всем здесь незнакомый известный русский романист Федор Достоевский».

А дальше доводится до сведения читателя, что все происходившее в женевском дворце «*глубоко потрясло*» известного русского романиста. Достоевский, по словам Л. П. Гроссмана, «*был поражен*» обликом оратора, «давно уже знакомого ему по рассказам», и пока стальные слова Бакунина «*болезненно* вонзались» в его сердце, «личность произносившего их оратора как бы вырастала перед ним, раскрывая сложные тайники своего мятущегося и вечно ненасытного духа». Наш автор говорит далее, что «*всматриваясь* в черты этого лица, Достоевский *почувствовал прилив блаженно-томительной тревоги*, предвещавшей нарождение нового творчества».

Эта историко-литературная симфония заканчивается аккордом:

«*В этот день Достоевский задумал своего Ставрогина*».

Л. П. Гроссман не открывает читателю маленького секрета. С таким тонким знанием нарисованная картина является «*воображаемой*» картиной. В ней все сочинено, от первого слова до последнего; в ней нет ни одного штриха, который автор мог бы обосновать. Эта необузданная игра фантазии вызвана одним лишь историческим фактом: Достоевский, действительно, посещал заседания Лиги Мира и Свободы. *И только*. В природе не существует даже материала, который мог бы установить, что Достоевскому удалось на конгрессе прослушать короткую речь Бакунина [1])

Обратимся к источникам, давшим толчок фантазии Л. П. Гроссмана. Это—два письма Достоевского из Женевы: одно—А. Н. Майкову, другое—С. А. Ивановой (Хмыровой).

Вот что писал Достоевский А. Н. Майкову по поводу женевского конгресса.

«Писал ли я Вам о здешнем «*мирном конгрессе*»? Я в жизнь мою не только не видывал и не слыхивал подобной бестолковщины, но и не предполагал, чтобы люди были способны на такие глупости. Все было глупо: и то, как собрались, и то, как дело повели и как разрешили. Разумеется, сомнения и не было у меня в том еще прежде, что первое слово у них будет: *драка*. Так и случилось. Начали с предложений вотировать, что ненужно больших монархий и все поделать маленькие, потом—что ненужно *веры* и т. д. Это было 4 дня крику и ругательств. Подлинно мы у себя, читая и слушая рассказы, видим все превратно. Нет, посмотрели бы своими глазами, послушали бы своими ушами.

«Видел и Гарибальди. Он мигом уехал» [2])...

---

[1]) См. эту речь в III томе Избран. сочинений М. Бакунина, изд. «Голос Труда», Москва—Петербург, 1920, стр. 100—103.

[2]) Письмо от 15 сентября 1867 г. Собр. соч. Достоевского, изд. 1883 г., т. I, стр. 179—180.

и дальше об Эмилии Федоровне, и о каком-то Бабикове, и о поклонах Анне Ивановне и т. д. и т. д.—о конгрессе мимоходом, с пренебрежением, с издевательством без того «*волнения*» и «*болезненности*», о которых сообщает нам Л. П. Гроссман. О Бакунине—ни полслова, как будто его и не было (не отсутствовал ли Достоевский во время его речи? [1]) Мы не утверждаем, будто Достоевский проявил полное безразличие к тому, что говорилось в женевском дворце 9—12 сентября 1867 года. Мы замечаем лишь, что Л. П. Гроссман не имеет никаких оснований сообщать о «жадном» взгляде Достоевского, о «глубоком потрясении», им будто бы испытанном, о том, как «болезненно вонзались» в сердце его слова знаменитого анархиста и, наконец, о той «блаженно томительной тревоге», которую якобы испытал Достоевский, и испытал именно во время речи Бакунина, и именно в женевском дворце, и именно 10 сентября 1867 года — какая исключительная точность! — основанная лишь на фантастических домыслах нашего автора. Мы полагаем, что Л. П. Гроссману прежде всего следовало бы объяснить нам причины полнейшего игнорирования Достоевским имени Бакунина в письмах, написанных под свежим впечатлением его речи, произведшей столь «неотразимое» действие? И почему в этих письмах даже с помощью микроскопа нельзя отыскать и следов столь живописно разукрашенных впечатлений. Быть-может, Л. П. Гроссману известны источники, нам неведомые? Но почему, в таком случае, он держит их под секретом?

Л. П. Гроссман приводит в своей работе три строки из письма Достоевского С. А. Ивановой. Этот отрывок, по его мнению, должен убедить читателя, будто Достоевский действительно был «взволнован и потрясен». Но автор оставил не процитированной значительную часть письма, далеко не безынтересную, заслуживающую того, чтобы познакомить с ней читателя.

«Я сюда попал прямо на Конгресс Мира, на который приезжал и Гарибальди,—сообщал Достоевский 29 сентября (11 октября) 1867 года.—Гарибальди скоро уехал, но что эти господа, которых я первый раз видел не в книгах, а наяву, социалисты и революционеры, врали с трибуны перед 5.000 слушателей, то невыразимо! Никакое описание не передаст этого. Комичность, слабость, бестолковщина, несогласие, противоречие себе—это вообразить нельзя. И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников. Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру, большие государства уничтожить и поделать маленькие; все капиталы прочь, чтобы все было по приказу и проч. *Все это без малейшего доказательства, все это заучено еще 20 л. назад наизусть, да так и осталось. И главное—огонь и меч—и, после того, как все истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир*» [1]).

Л. П. Гроссман процитировал лишь слова, взятые курсивом. Он остерегся, очевидно, привести цитату целиком. Но даже из того, что им

---

[1]) «Русская Старина», 1885, т. 47, Июль — сентябрь. Стр. 139. См. также В. Чешихин-Ветринский: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. 2-я. Стр. 90. Изд. 1923.

приведено, лишь исключительное воображение, да и то в исключительных случаях сможет извлечь все те утверждения, которые находим мы у нашего автора.

Нас смущает неопределенность Достоевского. «Видел и Гарибальди. Он *мигом* уехал». Конгресс продолжался четыре дня, 9—12 сентября. Из этих четырех, целых два дня Гарибальди просидел на эстраде, около трибуны,—а в первый же день заседания произнес большую декларацию, произведшую сильное впечатление. Прослушал ли эту декларацию Достоевский? И откуда он взял, что Гарибальди уехал «мигом»? Не пропустил ли он выступлений Гарибальди и Бакунина? Желая рассеять наши сомнения, не полагаясь на интуитивные домыслы Л. П. Гроссмана, мы обратились к воспоминаниям А. Г. Достоевской, еще неопубликованным и хранящимся в Центрархиве. Нам удалось найти в них запись, касающуюся этого посещения конгресса. Вот что читаем мы у Анны Григорьевны:

«В начале сентября 1867 года в Женеве состоялся Конгресс Мира, на открытие которого приехал Джузеппе Гарибальди. Приезд [у его придавали большое значение][1]) его взволновал весь город, и ему приготовили блестящий прием. Мы тоже пошли на Rue du Mont Blanc, по которой он должен был проезжать с железной дороги. Дома были убраны зеленью и флагами, и масса народу толпилась на его пути. Гарибальди в своем оригинальном костюме ехал в коляске стоя и размахивал шапочкой в ответ на восторженные приветствия публики (нам удалось увидеть Гарибальди очень вблизи). Ф. М. нашел, что у Гарибальди чрезвычайно симпатичное лицо и добрая улыбка. Интересуясь конгрессом, мы пошли на второе заседание его и часа два слушали речи ораторов. Ф. М. от этих речей вынес тяжелое впечатление, о котором он писал в письме С. А. Ивановой-Хмыровой следующее»[2]). И дальше цитата из письма Достоевского, которая приведена нами выше.

Разъяснение А. Г. Достоевской, как видим, не облегчает положения Л. П. Гроссмана. Напротив: мы знаем теперь, что Достоевский посетил конгресс один раз, что длилось это посещение «часа два», и что именно в эти два часа он должен был прослушать речь Бакунина. О! мы не утверждаем, что Достоевский с женой, утомленные и возмущенные слышанным (ведь монархический, реакционный образ мыслей Достоевского в эту эпоху нам хорошо известен), не дождавшись конца заседания, ушли домой—хотя такое утверждение, основанное, разумеется, на интуиции, было бы не менее достоверным, чем «воображаемая» живопись Л. П. Гроссмана. В самом деле: решив посмотреть конгресс, супруги собрались только на второй день. Вероятнее всего, они поспешили к началу заседания, которое открылось в два часа дня. Предположение, что они попали на конгресс к вечеру,—менее основательно. Но—как точно указывает

---

[1]) Взятое в скобки написано А. Г. Достоевской между строк.

[2]) Центрархив, 7-я тетрадь неопубликованных воспоминаний А. Г. Достоевской, стр. 10.

Анна Григорьевна—прослушав ораторов «часа два», они ушли с тяжелым впечатлением, т.-е. ушли до конца заседания. *А Бакунин говорил последним.*

Неупоминание его имени в письмах Достоевского, а также в воспоминаниях его жены—такое допущение подтверждает. Иначе трудно объяснить умалчивание имени человека, сыгравшего, как нас уверяет Л. П. Гроссман, столь большую роль в создании одного из самых любимых образов Достоевского.

Всего лишь один раз,—единственный раз в огромном литературном наследстве автора «Бесов» мы встречаем имя Бакунина. В одной из записных книжек имеется такая заметка. «Гр. Бакунин—старый гнилой мешок бредней, ему легко детей хоть в нужник нести». Слова очень характерны, но как далек их смысл от «потрясающего восторга», приписываемого Достоевскому нашим автором! Приведя первые шесть слов этой записи, Л. П. Гроссман находит ее «весьма знаменательной». Еще бы не знаменательна!

Все это, однако, лишь вступление в изучение вопроса о Бакунине, как прототипе Ставрогина. Вслед за Л. П. Гроссманом обратимся к *биографической* основе его изысканий.

Исследователя «поражает *почти полное* совпадение различных существенных обстоятельств в истории обоих героев». Несмотря на то, что «портрет» Бакунина—«воображаемый», «в основе глубоко преображающий» подлинный облик прототипа, — значительнейшая часть исследования Л. П. Гроссмана, именно та, что своей убедительностью ошеломляет неподготовленного читателя, заключается в точнейших установлениях буквального тождества отдельных биографических черт и эпизодов из жизни Бакунина и Ставрогина. Рассмотрим эти «совпадения» по порядку, останавливаясь, разумеется, на более существенных и игнорируя мелкие, не требующие критического анализа.

IV. „Почти полные совпадения".

Вот одно из таких «совпадений»: «Ставрогин, как и Бакунин,— делает открытие Л. П. Гроссман,—аристократ, идущий в демократию».

Л. П. Гроссмана оно поражает; как это удивительно, не правда ли?—как будто того же «совпадения» мы не найдем также у Герцена, Огарева, Сазонова, у любого крупного представителя «дворянской» интеллигенции сороковых годов, примыкавшего к революционному движению. Таких совпадений мы можем найти сколько угодно и у кого угодно, они нисколько не характерны для Бакунина, а ведь установление биографических «совпадений» только тогда имеет смысл, когда «совпадения» индивидуальны.

Столь же мнимыми приходится считать и другие «совпадения», указываемые Л. П. Гроссманом. Он замечает, напр., что Ставрогин — «представитель высшей европейской культуры, приобщенный к первоисточникам научной современности»; подобно Бакунину — Ставрогин

«весьма порядочно образован», как будто эта черта обща только им двоим, как будто эта черта не сближает Ставрогина, напр., более с Герценом, чем с Бакуниным? Ставрогин, как и Бакунин, слушал лекции в немецких университетах. А Станкевич, Тургенев? А другие интеллигентные русские юноши, выезжавшие за границу с специальной целью послушать философов именно в немецких университетах? Разве с ними у Ставрогина нет той же общей черты, которую Л. П. Гроссман приписывает одному лишь Бакунину?

«Ставрогин изъездил всю Европу,—настойчиво продолжает Л. П. Гроссман;—был в Египте и заезжал в Иерусалим; потом примазался к какой-то ученой экспедиции в Исландию и, действительно, побывал в Исландии». Бакунин, как известно, тоже скитался по Европе, хотя в Иерусалиме и Исландии не бывал. Л. П. Гроссман находит, что в поездке Ставрогина в Исландию имеется «очевидный *намек* на случайное участие Бакунина в известной экспедиции Лапинского в Швецию». Убедительно ли это совпадение? «Скитальчество» русских интеллигентов по Европе и за Европой—факт общеизвестный; этот факт сближает Ставрогина с Герценом и П. В. Анненковым, с Катковым и В. Боткиным, с Станкевичем и со многими другими не менее, чем с Бакуниным. Но поскольку Л. П. Гроссман настаивает на индивидуальном соответствии этих биографических особенностей, оно имело бы место именно в том случае, какой исключается фактической историей странствий Михаила Бакунина: он не был ни в Иерусалиме, ни в Египте. Что же касается «намека» на экспедицию Лапинского в Швецию, он не может не вызвать улыбки: намек настолько тонкий, что рвется.

Старательность, с какой Л. П. Гроссман подбирает несовпадающие совпадения, говорит о готовности его доказывать свою гипотезу даже обстоятельствами, которые ничего доказать не могут. «Почти полным» совпадением он считает, напр., что герой «Бесов», приобщившись к «международной революции», ведет блистательную пропаганду своих политико-философских убеждений, властно подчиняющих ему разнообразных адептов. Но, пользуясь методом Л. П. Гроссмана, можно с гораздо бо́льшим успехом доказать «почти полное» совпадение биографий *Герцена* и Ставрогина. Герцен, как и Ставрогин, аристократ, пошедший в демократию; был «порядочно образован», примкнул к международной революции, занимался блистательной пропагандой и даже всю Европу изъездил вдоль и поперек. Как это примечательно, не правда ли? Но все эти примечательности меркнут рядом с следующим, уже не «почти», а *полным* совпадением, сближающим *только* Герцена и Ставрогина, к сожалению, не замеченным Л. П. Гроссманом. *Герцен был гражданином кантона Ури*—Ставрогин писал Даше: «*Я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури*». Какой намек! Какое совпадение! Уже не Герцен ли, в самом деле, послужил Достоевскому прототипом Ставрогина?

Ставрогин близок Петру Верховенскому. Бакунин был близок Нечаеву. В глазах Л. П. Гроссмана это совпадение является лишним доказательством его гипотезы. Бакунин, как известно, впоследствии

разочаровался в Нечаеве—«в романе этому вполне соответствует общее презрительное отношение Ставрогина к Петру Степановичу». Бакунин склонял Нат. Ал. Герцен на свидание с Нечаевым. «Это происшествие отразилось на эпизоде доставления Верховенским Ставрогину Лизы Дроздовой», замечает наш автор.

Поскольку в романе центральное место занимает Петр Верховенский, которого Л. П. Гроссман, следуя общепринятому и неверному мнению, попросту считает Нечаевым, постольку связанный с ним Ставрогин может вызвать тень Бакунина, Л. П. Гроссман пытается документировать эту близость. «*Изучая процесс нечаевцев*,—пишет он,—*Достоевский неоднократно встречался с именем Бакунина, и сложные взаимоотношения двух знаменитых деятелей современной революции* сообщили ему немало материалов для его романа». Сказано крепко. Но вот в чем дело. Никаких «сложных взаимоотношений» двух знаменитых деятелей на процессе нечаевцев оглашено не было просто потому, что никто из обвиняемых (Нечаев ведь судим был в 1873 году) *не был в курсе этих отношений*. Были оглашены лишь бумага, выданная Нечаеву за подписью Михаила Бакунина, и «Катехизис революционера», при чем авторство этого катехизиса и причастие Бакунина к его составлению—остались для суда нераскрытыми. Это одно обстоятельство уничтожает какую бы то ни было возможность для Достоевского детально ознакомиться по отчетам с «сложными взаимоотношениями двух знаменитых деятелей». Таково наше замечание, во-первых. А во-вторых, *если бы даже* в процессе и заключался богатый материал для характеристики взаимоотношений Бакунина и Нечаева, *оказать своего влияния* на характеристику отношений Ставрогина и Петра Верховенского *он не мог*—по той простой причине, *что не только значительная часть романа успела быть написана* **до начала процесса нечаевцев**, *но* **даже была напечатана.** В этом можно без труда убедиться, взяв книжки «Русского Вестника» за 1871 г.

В первых книгах (январь — июль) 1871 года было напечатано около половины романа (255 страниц из 603) [1]), при чем в эту напечатанную часть вошли: прибытие Ставрогина с Верховенским и знаменитые две главы из второй части—«Ночь», включающие в себе сцены с Петром Верховенским («представьте, мне показалось, что вы палку ищете»), ночные беседы с Шатовым, с хромоножкой и с Федькой Каторжным («режь еще, убивай еще!»), т.-е. до опубликования отчета о процессе нечаевцев оказались *опубликованными все те главы, в которых были* **окончательно обрисованы** *взаимоотношения Верховенского и Ставрогина.*

Отчет о процессе нечаевцев начал печататься в «Правительственном Вестнике» с 1 июля 1871 года, т.-е. после того, как добрая половина романа была опубликована. Печатание отчетов растянулось на 2 месяца (с № 155 до № 276), так что можно предположить, что и третья глава второй части, напечатанная в сентябрьской книге, была написана до окончания отчетов процесса.

[1]) По изд. 1883 г.

Утверждение Л. П. Гроссмана было бы правильным лишь в том случае, если предположить, что Достоевскому могли быть известны отчеты процесса месяцев за шесть до начала его разбирательства. Но на такое допущение наш автор, мы полагаем, не пойдет. Таким образом, совершенно отпадает источник, на который с таким упованием рассчитывает Л. П. Гроссман. Других источников у Достоевского, как увидим ниже, не было. Вся же история отношений Бакунина и Нечаева сделалась доступной широким слоям общества лишь из работы Драгоманова, т.-е. много лет спустя после смерти Достоевского.

Что касается Наташи Герцен, то ведь Бакунин пытался вовлечь ее в *революционную конспирацию*. Верховенский доставил Лизу Ставрогину для других целей. Никакого совпадения, да еще «почти полного», здесь нет. Неужели Л. П. Гроссман этого не заметил? Он не замечает еще и того обстоятельства, что попытка Бакунина вовлечь в революционную конспирацию Наташу Герцен была известна лишь самым близким людям. Происходила эта попытка в Швейцарии в феврале 1870 г., т.-е. более чем через полтора года после отъезда оттуда Достоевского. Переписки он с «швейцарцами» не вел, информаторов не имел—откуда, каким чудом мог осведомиться он о *конспиративных* действиях Бакунина? Л. П. Гроссман узнал обо всем этом из книги Драгоманова, вышедшей в 1896 году, через 15 лет после смерти Дотоевского. Ну—а Достоевский?

Таковы биографические «совпадения», установленные Л. П. Гроссманом. Мы рассмотрели наиболее существенные. Их совершенно достаточно, чтобы получить представление о зыбкости сооружения, воздвигаемого нашим автором. Он не придает им, впрочем, первостепенного значения. Более *разительно*, по его мнению, подтверждают его гипотезу несколько «*капитальных*» эпизодов романа.

V. Несколько капитальных эпизодов.

«Особенное значение имеет первый драматический эпизод романа—пощечина Шатова», читаем мы. Биографическим источником этой пощечины Л. П. Гроссман считает столкновение Бакунина и Каткова. В этих эпизодах он находит полное соответствие. «Как известно, друзья Бакунина глубоко осуждали его за все его поведение в этой скандальной истории, особенно за уклонение от дуэли, *несмотря на решительный вызов Каткова*» [1].—«Такова одна из загадок бакунинского образа, глубоко поразившая Достоевского», добавляет он. Но беда в том, что «биографический источник» упрямо не хочет «соответствовать» замыслам Л. П. Гроссмана. Последний утверждает, например, будто Бакунин уклонился от дуэли, «несмотря на решительный вызов Каткова». А источник очень невежливо сообщает, что Каткова вызвал на дуэль Бакунин, что пощечина получена им была лишь после того, как он побил Каткова

[1]) Курсив во всех случаях наш. *Вяч. П.*

палкой. Бакунин уехал за границу, к противнику охладел, увидел, что был не прав,—и охоты драться не проявил.

Но, упоенный столь ценной биографической находкой, Л. П. Гроссман приходит к выводу, что Достоевский гениально разгадал «одну из загадок бакунинского образа». Бакунин, оказывается, в этой скандальной истории проявил «высшее, почти сверхъестественное напряжение волевой энергии». Как жаль, что Бакунин лежит в гробу: эта «разгадка» доставила бы ему великое удовольствие.

Есть в этом эпизоде и другая сторона. В черновых набросках к «Бесам» пощечину получает не Ставрогин от Шатова, а *Шатов*—от *Ставрогина*. Достоевский в разных местах черновика повторяет про эту, полученную Шатовым, пощечину. Мы можем, таким образом, притти к следующему заключению по поводу этого «капитального» эпизода: ссылка Л. П. Гроссмана на столкновение Бакунина и Каткова совершенно неосновательна; развитие же замысла «Бесов» уничтожает вообще какую бы то ни было возможность искать «биографический источник» знаменитой пощечины где-нибудь в другом месте, кроме черновых записей к роману самого Достоевского.

* * *

«Для нашей темы крупное значение имеет отношение Ставрогина к Лизе Дроздовой», переходит к другому «капитальному» эпизоду Л. П. Гроссман. Это «крупное значение» подмечается в том, что Ставрогин, проведя с Лизой Дроздовой памятную ночь, оказался, будто бы, не на высоте. В качестве авторитетного свидетеля привлекается Аким Волынский, который, по утверждению Л. П. Гроссмана, в своих статьях «зорко» подметил и зафиксировал «физическое вырождение» мужской личности Ставрогина, его «полное органическое бессилие». «Так раскрывает Достоевский великую тайну пола в Ставрогине», с большим удовлетворением заключает наш автор. Удовлетворение это проистекает из того обстоятельства, что и в Бакунине были подорваны «все непосредственные инстинкты». По отношению к знаменитому анархисту есть много оснований утверждать это. Но очень нехорошо, что Л. П. Гроссман набрасывает незаслуженную тень на Николая Ставрогина, который на протяжении длинного романа ведет себя в этом отношении вне всяких подозрений, несмотря на подозрительность Акима Волынского. Чтобы не оставить без освещения и настоящий «капитальный» эпизод, остановимся некоторое время на этой щекотливой теме.

Есть одно признание Ставрогина в предсмертном письме к Даше, которое как будто подтверждает интуитивные домыслы Гроссмана и Волынского. «Я пробовал большой разврат и истощил в нем силы», пишет Ставрогин. При некотором усилии воли эту фразу можно понимать в физиологическом смысле. Дошел, что называется, до точки. Но такое понимание опровергается фактическим материалом романа. Нет никаких оснований полагать, что трагический герой романа, разбитый, потерпевший житейское крушение «Принц Гарри», намыливая петлю, жало-

вался Даше на ослабление своих половых функций. Вряд ли такое толкование его предсмертных признаний можно назвать «глубоким». Правда, новейшие исследования говорят о теснейшей зависимости душевной жизни от половой сферы; половые расстройства или аномалии половой конституции оказывают огромное влияние на все проявления человеческого интеллекта; истощение физических сил в разврате влечет за собой подрыв душевного благосостояния. Но было бы ошибочным обратное утверждение, т.-е. что всякие душевные опустошенность, ущербленность и расстройства являются результатом аномалий в половой системе. Душевная трагедия Ставрогина, как психофизической организации, могла, разумеется, иметь физиологические основания. Скажем больше: *все* трагические коллизии *всех* героев Достоевского развивались не без физиологических оснований. Можно ли в этом сомневаться? Но при изучении Ставрогина, как литературного образа, физиологию следует оставить в покое: идейные трансформации литературных типов интересны и ценны постольку, поскольку они не обусловлены подорванной физиологией: в последнем случае мы получаем клинический, а не литературно-художественный материал. Весь же эпизод с Лизой Дроздовой рассказан Достоевским весьма подробно. Достаточно внимательно прочесть главу «Законченный роман», чтобы снять с Ставрогина тень, набрасываемую на него Волынским. Нельзя сомневаться в том, что в этой сцене, как и в предсмертном письме Ставрогина, речь идет не о мужских «достоинствах» Принца Гарри, а об его душевной опустошенности, мертвенности, которая с страшной очевидностью открылась Лизе именно в эту ночь. В конце-концов, разгадка этой сцены имеется в словах Ставрогина: «Я знал, что я не люблю тебя, и погубил тебя. Да, «я оставил мгновение за собой» [1]); я имел надежду... давно уже... последнюю... Я не мог устоять против света, озарившего мое сердце, когда ты вчера вошла ко мне, сама, одна, первая... Я вдруг поверил. Я, может-быть, верую, еще и теперь». «Догадалась как-нибудь в эту ночь,—говорит он Верховенскому,—что я ее вовсе не люблю.. о чем, конечно, всегда знала». Л. П. Гроссман может припомнить, наконец, что Мария Игнатьевна Шатова принесла своему мужу «ставрогинского ребенка». Бакунин был бездетен. Достаточно ли крепко обосновал второй «капитальный» эпизод Л. П. Гроссман?

---

[1]) Л. П. Гроссман, вслед за А. Волынским, полагает, что Ставрогин не воспользовался этим «мгновением». Диалог, происходящий между Лизой и Николаем Всеволодовичем, не дает оснований для такого умозаключения. «Лиза,—воскликнул он,—клянусь, я теперь больше люблю тебя, чем вчера, когда ты вошла ко мне».—«Так зачем же вы дарили мне... столько счастья?» спрашивает он Лизу. И сама Лиза, отшатнувшись в эту ночь от Ставрогина, язвительно упрекает его в том, что он знал, что она уйдет от него, и оставил «мгновение» за собой». Л. Гроссман сильно подчеркивает ее фразу, брошенную Ставрогину: «вы всякого безногого и безрукого стоите».—Но эту фразу следует понимать «духовно». Ведь если столь узко воспринимать драматическое столкновение Ставрогина и Лизы, нетрудно за самой Лизой признать «полное органическое бессилие»: обращаем внимание Л. П. Гроссмана (и А. Волынского) на следующее признание Лизы: «я ни на что не способна, и вы ни на то не способны: два щелчка с обеих сторон, тем и утешимся».

VI. Портретные и прочие черты.

Столь же слабо обоснованы и другие сближения, с помощью которых Л. П. Гроссман пытается доказать, что Достоевский, создавая Ставрогина, исходил из личности Бакунина. Он утверждает, например, что известные нам портреты Бакунина не оставляют «сомнений в физическом прототипе Ставрогина», хотя строгий брюнет росту *почти* высокого, мало походит на «*исполина* с львиной головой, с всклокоченной гривой» светлых золотистых волос. Настаивать здесь на портретном сходстве можно только плотно закрыв глаза [1]). Достаточно поставить подвижного Бакунина, шумного непоседу, с громовой речью, размашистыми жестами, неугомонного и развязного, носившего «дьявола в теле» рядом с Ставрогиным, каким последнего создал Достоевский, чтобы рассмеяться при мысли о портретном сходстве.

Ставрогин не был очень разговорчив; удивительно скромен, молчалив и сдержан, сосредоточенно-задумчив, с медлительной речью—таким характеризует своего героя автор романа «Бесы». «Вялая, холодная улыбка выдавилась на его губах»—вот характернейшее описание Ставрогина; «решительно он походил на восковую фигуру»—неужели это в самом деле напоминает «великого бунтаря»?

Л. П. Гроссман, вопреки своим собственным утверждениям, значительнейшую часть работы посвятил именно *биографическим и портретным* сближениям,—лишь мельком останавливаясь на идеологии Бакунина. При этом оказалось, что все персонажи романа в большей или меньшей степени являются носителями бакунинских идей.—«Практические заветы» позднего Бакунина выражает Верховенский, его атеистические воззрения исповедует Кириллов, раннее славянофильство проповедует Ставрогин, позднее—Шатов. Идеологические изыскания делаются по тому же методу, с помощью которого поездка Ставрогина в Исландию отождествляется с экспедицией Лапинского. Славянофильство Бакунина, характерное для целой плеяды людей сороковых—шестидесятых годов, делается исключительной особенностью Бакунина. Одно из юношеских писем Бакунина заканчивается фразой «да хранит вас Бог»—эти слова напоминают Л. Гроссману шатовскую формулу о Ставрогине, «насаждавшем в его сердце бога и родину»,—как немного, оказывается, надо, чтобы оказаться прототипом Ставрогина! В качестве документального материала, устанавливающего фактическую связь между бакунинскими теориями и проповедью Ставрогина наш автор приводит статью «О Вейтлинге и коммунизме», напечатанную Бакуниным в одном швейцарском журнале без подписи и открытую Максом Неттлау

[1]) По роману Достоевского, глаза Ставрогина «что-то уж очень спокойны и ясны». Л. П. Гроссман, желая призвать в помощь Иекка (который, между прочим, никогда не встречался с Бакуниным), приводит слова последнего: глаза Бакунина «были загадочные, как у хищного зверя». Почему это наблюдение автора книги «Интернационал» подтверждает, по мнению Л. П. Гроссмана, портретное сходство Ставрогина и Бакунина—мы не могли догадаться.

лет через пятнадцать после смерти Достоевского: это историко-литературное сближение должно лишний раз убедить читателя в том, что Достоевский совершенно сознательно вкладывал Ставрогину идеи «апостола всемирного разрушения».

Все это, конечно, чудеса, озадачивающие самого Л. П. Гроссмана. Он ставит себе поэтому вопросы: «Откуда Достоевский мог почерпнуть столько сведений о жизни и личности Бакунина в эпоху, когда вообще не существовала еще ни одна его биография?» «Откуда такое щедрое обилие фактов, черточек, событий, эпизодов, взятых из самой гущи истории Бакунина и насквозь напитавших личность и судьбу Ставрогина?» «Оправдывается ли фактами творческой истории «Бесов» наша презумпция о широкой осведомленности их автора во внешней и внутренней биографии Бакунина?»

Мы проходим мимо целого ряда предположений, которые опровергать нет охоты просто потому, что игра, как говорят, не стоит свеч. Обратимся к основному источнику широкой осведомленности Достоевского.

VII. Огарев, Бакунин и Достоевский.

«Чрезвычайно существенны в истории заочного знакомства автора «Бесов» с Бакуниным встреча и близкое отношение Федора Михайловича с Огаревым в Женеве в 1863 году,—сообщает Л. П. Гроссман.—Сведения об их дружбе и постоянных беседах мы имеем в «воспоминаниях» А. Г. Достоевской» [1]).— «Знакомых в Женеве у нас не было почти никаких,—цитирует эти воспоминания Л. П. Гроссман.—Федор Михайлович всегда был очень туг на заключение новых знакомств. Из прежних же он встретил в Женеве Н. Огарева, известного поэта, друга Герцена, у которого они когда-то и познакомились. Огарев часто заходил к нам, приносил книги и газеты и даже ссужал нас иногда десятью франками, которые мы при первых деньгах возвращали ему. Федор Михайлович ценил многие стихотворения этого душевного поэта, и мы оба были всегда рады его посещению» [2]).

---

[1]) Здесь, конечно, опечатка. Следует 1867 г.

[2]) Просматривая черновые тетради воспоминаний А. Г. Достоевской, хранящиеся в Центрархиве (Л. П. Гроссман пользовался беловым, переписанным экземпляром, хранящимся в Историческом музее), мы нашли то самое место, которое приводит и Л. П. Гроссман. В черновом виде оно имеет несколько иной вид: первоначально А. Г. записала про Огарева: он *«изредка»* заходил к нам; в беловом экземпляре «изредка» превратилось в «часто». Впрочем, приведем интересующее нас извлечение целиком. Фразы, помещенные в скобки, написаны А. Г. между строк.

«Знакомых у нас почти не было никаких. Ф. М. всегда был очень туг на заключение новых знакомств. Из прежних же Ф. М. встретил в Женеве одного Н. Огарева, известного поэта, друга Герцена, у которого они когда-то и познакомились. Огарев изредка к нам заходил, приносил книги и был необычайно приветлив [ко мне], обращаясь со мной почти как с девочкой. Ф. М. ценил многие стихотворения этого задушевного поэта, и мы оба были всегда рады его приходу. К нашему большому сожалению, [и даже ссужал нас 5 или

Воспоминания эти не опубликованы. Но это не мешает нам утверждать с совершенной определенностью, что А. Г. писала их не ранее как двадцать лет спустя после жизни в Женеве. Другими словами—точность воспоминаний может быть установлена лишь после основательной их критической проверки. Они нуждаются в такой проверке тем более, что в литературном наследстве Достоевского мы находим свидетельства, в большой степени смягчающие, если не совсем отрицающие факты, приведенные А. Г. Достоевской. Вот что писал сам Федор Михайлович А. Н. Майкову из Женевы: [1])

«Ну, а мы с женой до того на необитаемом острове, что вот такое, например, письмо, как это последнее Ваше, производит впечатление колоссальное на несколько дней. Если мы с Аней не сошли еще с ума от скуки, то как ни хвались своими природами, а все-таки в перспективе—помешаться можно. Все один да один и ничего больше».

Удивительное дело! При таком одиночестве как можно было забыть Огарева, если этот человек был даже *другом*. Но сколь бы тщательно мы ни изучали переписку Достоевского, указаний на имя Огарева и на дружбу с ним мы не найдем. А письма эти были многословны и наполнены всякими сведениями о долгах, о рулетке, о кредиторах, об Анне Григорьевне, о Каткове, о женевцах, об уединении, о газетах и журналах, о Наполеоне, о Кельсиеве, о скуке, о деньгах,—больше всего о деньгах, и вновь об одиночестве, два раза о женевском конгрессе,—и ни звука о Бакунине, ни полслова об Огареве. В том же году Достоевский в другом письме Майкову от 16 (28) августа 1867 года жалуется в таких выражениях:

«...Я, потеряв Вас, попал еще, сверх того, на чужую сторону, где нет не только русского лица, русских книг и русских мыслей и забот,—но даже приветливого лица нет».

Можно предположить, что Достоевский избегал писать об Огареве, Герцене и Бакунине,—он боялся перлюстрации. Но эта ссылка на «поднадзорность» Достоевского, как на причину отсутствия в письмах его имен Бакунина и Огарева, если бы ею попытался защититься Л. П. Гроссман, прежде всего опасна ему самому. Ведь трудно предположить, чтобы «поднадзорный» Достоевский, в Женеве, где кишмя-кишели русские шпионы,—дружил бы с тем самым Огаревым, самое имя которого,

---

10-ю фр., которые мы при первых деньгах и возвращали. Огарев, уже глубокий тогда старик, особенно подружился со мной, был необычайно приветлив и, к удивлению моему, обращался со мной почти как с девочкой, какою я, впрочем, тогда и была] вскоре с ним случилось несчастье: в припадке падучей Огарев, возвращаясь к себе на виллу за город, упал в придорожную канаву и при падении сломал ногу. Так как это случилось в сумерки, а дорога была пустынна, то несчастный пролежал в канаве до утра и жестоко простудился. Друзья его увезли лечиться на юг, и таким образом мы потеряли единственного в Женеве знакомого, с которым приятно было встречаться и беседовать», (Из воспоминаний А. Г. Достоевской. Рукопись, хранящаяся в Центрархиве. Тетрадь седьмая. Стр. 8—9).

[1]) 9 (21) октября 1867 года.

даже начальную его букву, со страхом изгонял со страниц своей переписки.

Если же и были у Достоевского опасения перлюстрации,—*они не могли изменить самого характера переписки*. Нельзя думать, что он письма свои «приспособлял» к чуткому жандармскому уху, не только опуская имена, но вообще фальсифицируя свои настроения. Это—во-первых. А во-вторых, такое допущение опровергается фактами. Сообщал же Достоевский Майкову о встрече своей с Герценом, правда, законспирировав его под буквой Г. Но и это письмо повторяет обычные стоны и жалобы.

«О, друг мой, как бы я желал воротиться, как тошна моя жизнь здесь! Скверная жизнь. И, главное, работа не идет на лад. Если б только мне роман порядочно окончить, как было бы хорошо! Это начало всему моему будущему. Анна Григорьевна не тоскует и искренно говорит, что счастлива. А мне тошно.—Никуда не хожу и никого не вижу. Да если б и были знакомые,—так, кажется, не ходил бы, совсем опустился,—а работа все-таки не идет. Выхожу в день только на два часа из квартиры, в пять часов, и иду в кафе читать русские газеты. Никого-то не знаю здесь и рад тому. С нашими *умниками* противно и встретиться. О бедные, о ничтожные, о дрянь, распухшая от самолюбия, о говно! Противно. С Г. случайно встретился на улице, десять минут проговорили враждебно-вежливым тоном, с насмешками, да и разошлись. Нет-с не пойду-с! [1])

Мы предлагаем читателю самым внимательным образом отнестись к процитированным только-что строкам. Это показание очень достоверного свидетеля. Отношение к Герцену и к прочим *умникам* выражено здесь, на наш взгляд, даже более красноречиво, чем это соответствовало элементарным требованиям приличия. Быть-может, Достоевский, по мнению Л. П. Гроссмана, делал исключение для Огарева? Такое предположение нельзя объявить *невозможным*, но ведь разговор идет не о том, что возможно и что невозможно, а о *наличности* такого исключения. Эта именно наличность и требует обоснования, но она отвергается имеющимися у нас косвенными показаниями документов. *Достоевский крайне враждебно относился ко* всем *умникам*, ко всем носителям *женевских* идей, которых изобразил в «Бесах», и у нас нет никаких оснований полагать, будто один из женевских *вождей*,—друг Бакунина, друг Герцена, заставивший его передать Нечаеву остатки бахметьевского фонда — будто Огарев мог оказаться вдруг, природе вопреки, *другом* Достоевского, открывающим ему вместе с своим сердцем и переписку старого революционера. Достоевский ненавидел эмиграцию. «Русские изменники заграничные», со злобой обронил он в одном из женевских писем Майкову [2]). Такими «изменниками» были для него и Герцен, и Бакунин, и Огарев. Здесь-то и заключена причина его одиночества в крошечной Швейцарии, центре русской эмиграции, кипевшей тогда ключом, где,

---

[1]) А. Н. Майкову. Женева, 20 марта (2 апреля) 1868 г.

[2]) От 18 февраля (1 марта) 1868 года (сборник «Достоевский», ред. А. Долинина, стр. 476).

кроме Герцена и Огарева, проживал сам Бакунин—предмет «страстных вожделений» Достоевского. Но эти русские люди были ему чужды—и нас нисколько не удивляет то обстоятельство, что, находясь в близком соседстве с Бакуниным, Достоевский ни разу не поинтересовался лично побеседовать с «прототипом» своего героя. Достоевский не скрывал своих чувств от этих русских людей—не такой он был человек, чтоб носить маску; они платили ему той же монетой. И если Достоевский с Огаревым встречались—то редкие встречи эти не могли быть «дружескими». Огарев иногда помогал Достоевскому деньгами, самое бо́льшее, что мог он сделать. У него было доброе и мягкое сердце—а Достоевский, привезший с собой в Женеву молодую, беременную жену, жестоко нуждался. Делать же отсюда головокружительные выводы о дружбе, частых беседах, и, наконец, что́ является самым главным из утверждений Л. П. Гроссмана, о предоставлении Достоевскому Огаревым своего архива, — это значит дать волю воображению, не сдерживаемому критической уздой. Вся история с дружескими отношениями Достоевского и Огарева необходима Л. П. Гроссману для того, чтобы создать видимость вероятности следующему его предположению: «нужно *думать*,—пишет Л. П. Гроссман,—что Огарев, *в то время* усиленно переписывавшийся с Бакуниным, *не скрывал от Достоевского писем своего корреспондента*».

Друг Герцена, действительно, многое знал про Бакунина. Огареву в самом деле Бакунин написал много замечательных писем. Годы 1869—1870 Огарев как раз был особенно близок Бакунину. Все это бесспорно. Огарев, вообще говоря, *мог* послужить Достоевскому богатым источником. Но послужил ли он ему на самом деле? Бакунин был революционер. Причастным к революции считал себя и Огарев. Годы 1869—1870 были годами совместной работы Нечаева и Бакунина, когда за первым была организована русскими шпионами систематическая охота. Под наблюдением был и Бакунин, ожидавший обысков и всячески конспировавший свои сношения с кем бы то ни было. Свою дальнюю переписку он шифровал, переписку же с Огаревым и Герценом считал очень важной, ни на мгновение не допуская, чтобы эта переписка могла сделаться достоянием посторонних людей. В этом смысле у него не было разногласий с Огаревым: последний не был мальчиком, не соблюдавшим элементарных требований конспирации. Достаточно прочитать переписку Бакунина с Герценом и Огаревым хотя бы в известном Драгомановском сборнике, чтобы увидеть, как много заботились Герцен и Огарев именно о соблюдении тайны революционной переписки, как часто они (Огарев вместе с Герценом) укоряли Бакунина именно в недостаточной конспирации. Сознания такой необходимости не лишен был и Бакунин. Относительно своих писем, адресованных Огареву, предупреждал он друга, чтобы тот соблюдал осторожность. 29 февраля 1870 г. Бакунин специально обращал на это внимание Огарева; говоря о требовании выдачи Нечаева, он продолжает: «Теперь времена такие важные, что необходимо знать о каждом письме, о каждой строке,—дошло ли оно по своему адресу

цельно или нет? И потому прошу тебя отныне немедленно отвечать на каждое письмо хоть двумя строками: *письмо от такого то числа получил*. Я буду делать то же самое».

Одни эти соображения решительно опрокидывают, как необоснованную, гипотезу о предоставлении Огаревым Достоевскому, *чужаку*, человеку враждебного лагеря, писем старого революционера, доверявшего другу свои намерения и замыслы.

Но беда не только в этом. Самое большое разочарование должен испытать Л. П. Гроссман, когда мы покажем ему, что Н. Огарев, *даже* если бы и был другом Достоевского, *даже если бы и хотел* познакомить его с письмами Бакунина—*сделать этого не мог*. И вот почему.

До 1867 года Бакунин писал из Италии общие письма Герцену и Огареву, при чем они более относились к Герцену, чем к Огареву и оставались у первого. Писем, адресованных одному Огареву до 1867 года очень мало: в известном Драгомановском сборнике всего одно (5 или 6 августа 1866 г.), да еще письмо от 8 ноября 1867 г. Усиленная переписка, именно та, о которой говорит Л. П. Гроссман, начинается между ними лишь с лета 1868 года, т.-е. *после того, как Достоевский из Женевы* (15 мая 1868 г.) уехал в Италию. Показывать Достоевскому письма Бакунина, полученные после отъезда Достоевского из Женевы, Огарев, конечно, не мог. Одно это обстоятельство попросту уничтожает источник, на который опирается Л. П. Гроссман. Здесь говорить больше не о чем, и пусть читатель сам судит, насколько убедительно звучит следующее утверждение Гроссмана: «вчитываясь в эти замечательные бакунинские письма к Огареву, приходишь к заключению, что они вообще не мало дали Достоевскому».

Здесь следует коснуться еще одного «хронологического» момента: Бакунин в Локарно прочел книгу о Грановском, незадолго до того вышедшую в России, и написал о ней Огареву письмо. Достоевский умоляет Страхова выслать ему ту же книжку. Как все это примечательно! «Соображая даты, — заключает наш автор, — отношения Достоевского с Огаревым и содержание бакунинских писем, необходимо все это поставить в связь с работой Достоевского над «Бесами».

В самом деле: как не поставить «в связь с работой Достоевского над «Бесами» книгу, которую он требовал «ради Христа» именно для этого романа. Но Л. П. Гроссман связывает «все это» именно с Бакуниным, бросая неопределенные, но настойчивые намеки на то, что сначала Бакунин прочел книгу о Грановском, потом написал о нем письмо Огареву, а последний (это должно подразумеваться) письмо Бакунина показал Достоевскому—Достоевский же тотчас стал молить Страхова: пришлите мне книгу о Грановском, нужную «как воздух». Читатель так именно и воспринимает намеки Л. П. Гроссмана, «соображая все даты». Но вот какое обстоятельство: письмо о Грановском Бакунин написал из Локарно в Женеву 23 ноября 1869 года. Достоевский, уехавший из Швейцарии в мае 1868 года, просил Страхова выслать книгу письмом из Дрездена от 26 февраля (10 марта) 1870 г. Так «соображает даты» Л. П. Гроссман,

стараясь создать легенду, упорно не желающую создаваться. Или, быть-может, он интуитивно убежден в том, что Огарев, снимая копии с бакунинских писем, отправлял эти копии Достоевскому, который держал с ним постоянную связь, сообщая ему свои адреса во время европейских скитаний? Но на чем эта интуиция основана?

VIII. Итоги.

Такова документальная сторона исследования Л. П. Гроссмана. Зыбкость выводов, воздушность посылок, неисторичность самой конструкции—оказываются для него характерными. Ослепленный сверкнувшим парадоксом, наш автор попал в плен предвзятой идеи. Не он ею овладел, но она им завладела. Потому-то, словно одержимый, отдавшись своеволию интуиции, он изобретал, когда документальных подтверждений не находил; умалчивал, когда они ему противоречили; устанавливал, как доказанные, положения, нуждавшиеся в доказательствах; толковал в благоприятную сторону события и факты, имевшие смысл обратный тому, которого он добивался; щеголял мелочами, призванными играть в его работе большую роль, и совершенно забывал о крупнейших явлениях, отставляя их за кулисы памяти.

В итоге — совпадения не совпадают; «капитальные эпизоды» оказываются фантастическими; портретное сходство, столь тщательно наведенное, смывается, как грим от прикосновения критической губки; самое же главное: источники, послужившие фундаментом всей работы — отчеты нечаевского процесса и переписка Бакунина, сообщаемая романисту Огаревым, — оказываются, при ознакомлении, мифом.

Так возникают легенды. И, повторяем, только благодаря большому изобразительному таланту Л. П. Гроссмана обязана эта легенда своей внешней убедительностью.

Всего печальнее при этом то обстоятельство, что много труда потратив на столь бесплодное занятие, Л. П. Гроссман затуманил образ Ставрогина, пройдя мимо истории его возникновения и развития. А между тем *эта история устанавливает факт полной независимости Ставрогина от той исторической фигуры, которая, по утверждениям Л. П. Гроссмана, явилась, будто бы, его прототипом.*

Ведь не только потому отрицаем мы гипотезу Л. П. Гроссмана, что она им документально не обоснована, что с отчетом о нечаевском процессе Достоевский познакомился после того, как добрая половина романа была напечатана; что знаменитые письма свои, послужившие, будто бы, Достоевскому материалом для Ставрогина, Бакунин написал Огареву лишь после того, как исчезла всякая возможность сообщения их содержания Достоевскому, и так далее и так далее. Мы пойдем навстречу Л. П. Гроссману и *предположим*, что все его исследование исторично и документально, что нечаевский процесс был опубликован до появления «Бесов» в печати и что письма Бакунина Огарев действительно сообщал Достоевскому.

Допустим все это—*и все-таки, такие допущения ни на иоту не сделали бы более доказательной гипотезу Л. П. Гроссмана*, ибо генезис образа Ставрогина убедительно говорит нам, что возникновение и развитие его не находится ни в какой связи с Бакуниным, ни с его письмами, ни с процессом Сергея Нечаева.

Николай Ставрогин родился и вырос сам по себе. Михаил Бакунин—также.

Глава вторая.

ИСТОРИЯ НИКОЛАЯ СТАВРОГИНА.

«Я сел за поэму об этом лице потому, что слишком давно уже хочу изобразить его.
...Я из сердца взял его».
Достоевский — Каткову о Ставрогине.

I. Замысел романа „Бесы".

I.

Интересующее нас пребывание Достоевского за границей продолжалось с 14 апреля 1867 года по 8 июля 1871 года. В Женеве он провел зиму 1867—68 г., в течение которой писал роман «Идиот». В мае 1868 г. Достоевский перебрался в Вевей, в сентябре был в Италии, где провел зиму 1868—69, продолжая работать над тем же романом. В июле переехал в Дрезден. Здесь в конце 1869 года написана повесть «Вечный муж». Закончив эту повесть, в 1870 году Достоевский приступил к роману «Бесы».

Это не значит, конечно, что возникновение «Бесов» относится к последнему периоду. Достоевский редко был увлечен *одним* только замыслом: они во множестве клубились в его сознании, нередко меняя формы даже после того, как были закреплены на бумаге. Возможно, что, работая над «Идиотом», обдумывая повесть «Вечный муж», он в то же время вынашивал замысел «Бесов». Не возник ли этот замысел приблизительно в дни съезда «Лиги мира и свободы»? Исследуем этот вопрос.

II.

11 (23) декабря 1868 года, Достоевский писал из Флоренции Н. Н Страхову, редактировавшему в то время журнал «Заря».

«Здесь у меня на уме теперь: 1) огромный роман, название ему «Атеизм» (ради бога, между нами), но, прежде чем приняться за который, мне нужно прочесть чуть не целую библиотеку атеистов—католиков и православных. Он поспеет, даже при полном обеспечении в работе, не раньше как через два года. Лицо есть. Русский человек нашего общества, *и в ле-*

тах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов,—*вдруг*, уже в летах, теряет веру в бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человек, и русский человек.) Потеря веры в бога действует на него колоссально (собственно, действие в романе, обстановка—очень большие). Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, и священникам; сильно, между прочим, попадается на крючок иезуиту-пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины—и под конец обретает Христа и русскую землю, русского Христа и русского бога (ради бога не говорите никому; а для меня так: написать этот последний роман, да хоть бы и умереть—весь выскажусь).

«...Есть у меня идея одной довольно большой повести; листов в 12 печатных, и привлекает меня. Есть и еще одна мысль» [1]).

Здесь мы имеем указания на целых три замысла. Из них первый—важнейший. Он, кроме того, интересен указаниями на героя романа: «русский человек нашего общества» и т. д. Во время работы над «Идиотом» Достоевский, следовательно, больше всего думал именно об этом романе. Но был ли этот замысел эмбрионом «Бесов» и, следовательно, «герой» его—эмбрионом Николая Ставрогина? Ответ дать нетрудно: роман «Атеизм» не был, конечно, замыслом «Бесов», хотя многое из этого замысла отразилось в «Бесах». Герой «Атеизма» не был Николаем Ставрогиным, хотя многие его черты позднее сделались чертами Ставрогина Но не о «Бесах» ли упоминает Достоевский в последних строках нашей цитаты? «Идея большой повести»—«вечный муж». Остается нераскрытым третий замысел: может-быть, это был замысел «Бесов», но, может-быть, и нет. Во всяком случае в переписке Достоевского, относительно оживленной именно за эти годы, мы впервые лишь в декабре 1868 г. находим неясный намек, который *предположительно* может быть отнесен к «Бесам»: 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.) Достоевский весьма подробно рассказывал Майкову о своих занятиях, относящихся к осени 1867 г., когда, по уверению Гроссмана, он «задумал» Ставрогина. Вот что читаем мы в этом письме:

«Все лето и всю осень компановал разные мысли (бывали иные презатейливые), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь, или трудность, или маловыжитость иной идеи. Наконец, я остановился на одной и начал работать, написал много, но 4 декабря иностранного стиля бросил все к чорту. Уверяю вас, что роман мог бы быть посредственен: но опротивел он мне до невероятности именно тем, что посредственен, а не *положительно хорош*. Мне этого не надо было. Ну, чего же мне было делать. Ведь 4 декабря... затем (так как вся моя будущность тут сидела) я стал мучиться выдумыванием *нового романа*. Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4 до 18 декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как

[1]) Собр. соч. Достоевского. Изд. 1883 год, т. I, стр. 202.

я не помешался—не понимаю. Наконец, 18 декабря я сел писать новый роман, 5 января (нового стиля) я отослал в редакцию 5 глав первой части (листов около 5)» [1]). Этот новый роман — «Идиот».

Быть-может, романом, опротивевшим Достоевскому до «невероятности», и были «Бесы»? Допущение соблазнительное, но им не соблазнился Л. П. Гроссман: во всей переписке Достоевского на возникновение «Бесов» именно в эту эпоху нет и намеков. Все внимание его занято романом «Атеизм». Он много раз к этому замыслу возвращается. О нем упоминает в письме С. А. Ивановой из Флоренции от 25 января (6 февраля) 1869. О том же повторяет А. Н. Майкову:

«Писал я Вам или нет о том, что у меня есть одна литературная мысль (роман, *притча* об *атеизме*), перед которой вся моя прежняя литературная карьера была только дрянь и *введение* и которой я *всю* мою жизнь будущую посвятил? [2])

В последующих письмах этот роман получает новое название. Речь идет уже о «житии великого грешника». Но замысел остается прежним. При этом Достоевский указывает: «идея этого романа существует во мне уже три года» [3]), т.-е. возникновение его относится к осени 1867 г.; 25 марта (6 апреля) 1870 года он подробно рассказывает А. Н. Майкову содержание этого романа.

«Над тем, что пишу в «Русский Вестник», я не очень устану; зато в «Зарю» я обещаю вещь хорошую и хочу сделать хорошо. Эта вещь в «Зарю» уже два года как зреет в моей голове. Это та самая идея, о которой я Вам писал уже. Это будет мой последний роман. Объемом в «Войну и Мир», идею Вы бы похвалили—только я по крайней мере соображаюсь с нашими прежними разговорами с Вами. Этот роман будет состоять из 5 больших повестей (листов 15 каждая; в два года план у меня весь созрел). Повести совершенно отделены одна от другой, так что их можно даже пускать в продажу отдельно. Первую повесть я и назначаю Кашпиреву: тут действие еще в сороковых годах (общее название романа есть «Житие великого грешника», но каждая повесть будет после названа отдельно). Главный вопрос, который проведется во всех частях—тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование божие. Герой, в продолжение жизни,—то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист. 2-я повесть будет происходить вся в монастыре. На эту вторую повесть я возложил все мои надежды. Может-быть, скажут, наконец, что не все писал пустяки. (Вам одному исповедуюсь, Аполлон Николаевич: хочу выставить во 2-й повести главной фигурой Тихона Задонского, конечно, под другим именем, но также архиерей будет проживать в монастыре на спокое. 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитой и развращенный (я этот тип знаю), будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями

---

[1]) Сборник «Достоевский», ред. А. Долинина, стр. 345 — 6.

[2]) Там же, стр. 427, письмо из Флоренции от 15 (27) мая 1869 г.

[3]) Письмо Н. Страхову из Дрездена от 24 марта (5 апреля) 1870 года.

(круг наш, образованный) и для обучения. Волчонок нигилист-ребенок сходится с Тихоном (вы ведь знаете характер и все лицо Тихона). Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например, за границей на французском языке брошюру,—очень и могло бы быть, что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский, например, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов и инок Парфений. (В этом мире я знаток, и монастырь русский знаю с детства.) Но главное—Тихон и мальчик. Ради бога не передавайте никому содержания этой 2-й части. Я никогда вперед не рассказываю никому моих тем, стыдно как-то; а вам исповедуюсь. Для других пусть это гроша не стоит, но для меня это—сокровище. Не говорите же про Тихона. Я писал о монастыре Страхову, но про Тихона не писал. Авось. выведу величавую *положительную*, святую фигуру. Это уж не Констан-жоглос и не немец (забыл фамилию в Обломове); и не Лопуховы, не Рахметовы» [1]).

Это письмо было написано в период работы над «Бесами». Первое не предположительное упоминание о «Бесах» мы имеем от 17 (29) сентября 1869 года.

«Работаю усиленно,—пишет Достоевский Майкову,—замыслил вещь в «Русский Вестник», которая волнует меня, но боюсь усиленной работы».

Таков результат, к какому приводит нас исследование вопроса о времени возникновения замысла романа «Бесы». Мы имеем здесь прямое указание на то, что, работая над «Идиотом» и «Вечным мужем», Достоевский обдумывал «Атеизм», превратившийся в «Житие великого грешника», которые предшествовали замыслу «Бесов».

Но, быть-может, Л. П. Гроссман отделяет замысел Ставрогина от замысла «Бесов»? В примечании он приводит слова Достоевского: «Я сел за поэму об этом лице потому, что *слишком давно уже хочу изобразить его*» (курсив Л. П. Гроссмана). «Поэма», может-быть, задумана позднее ее героя, который, действительно, мог волновать автора задолго до того, как он решился приступить к его художественному воплощению? Подойдем к вопросу с этой стороны.

III.

Главным действующим лицом «Бесов» по первоначальному замыслу был не Ставрогин. Облик этого героя стал кристаллизоваться в сознании Достоевского лишь после того, как весь роман вчерне был уже продуман.

«Никогда никакая вещь не стоила мне бо́льшего труда,—писал он Н. Н. Страхову.—Вначале, т.-е. еще в конце прошлого года, я смотрел на

[1]) Дрезден, 25 марта (6 апреля) 1870 год. Собр. соч., т. 1. Указан. изд., стр. 233.

эту вещь как на вымученную, как на сочиненную, смотрел свысока. Потом посетило меня вдохновение настоящее и вдруг полюбил вещь, схватился за нее обеими руками—давай черкать написанное. Потом летом—опять перемена: *выступило еще новое лицо*, с претензией на настоящего *героя романа*, так что прежний герой (лицо любопытное, но действительно не стоющее имени героя) стал на второй план. Новый герой до того пленил меня, что я опять принялся за переделку. И вот теперь, как уже отправил в редакцию «Русский Вестник» начало,—я вдруг испугался: боюсь, что не по силам взял тему. Но серьезно боюсь, мучительно! А между тем я ведь ввел героя не с бух-да-барах. Я предварительно *записал* всю его роль в программе романа (у меня программа в несколько печатных листков), и вся записалась одними сценами, т.-е. действием, а не рассуждениями. И потому думаю, что выйдет лицо и даже, может-быть, *новое;* надеюсь, но боюсь» [1]).

Здесь мы вплотную подходим к Николаю Ставрогину. Он именно и был тем «новым лицом», которое летом 1870 года появилось на горизонте «Бесов» с претензиями на «настоящего героя романа» — уже после того, как общий замысел романа вчерне был намечен. Когда и при каких обстоятельствах зародился в Достоевском образ этого «настоящего героя»?

II. Подлинный прототип Николая Ставрогина.

За последнее время были опубликованы драгоценнейшие документы для изучения творчества Достоевского. Они хорошо известны, конечно, и Л. П. Гроссману. Нас интересуют в данном случае черновые записи к роману «Бесы»,—те самые «сцены» о которых писал Н. Страхову Достоевский. Сцены эти заключают первоначальную характеристику Ставрогина, являющуюся *исходной в развитии всего образа.*

Ключ к поискам прототипа Ставрогина и дадут отрывочные зарисовки, сжатые, разорванные полунамеки, рассеянные в этих сценах.

В них Ставрогин фигурирует первоначально под именем «князя». Вот одна из черточек этого облика:

«... он... поэт: презирает атеистов и до озлобления, верит озлобленно. В мужики и в раскольники хочет итти».

«... В объяснении с Ш. он совершенно объясняет свой взгляд на вещи и людей, буду простым честным и новым человеком (?). Ужасает Ш. пылкостью и затаенным огнем души, и затаенными язвами, от долгого дикого и угрюмого молчания. Может на все решиться. Такие люди у нас есть».

Таков замысел, пока еще неясный. Мы узнаем далее, что «князь»—ищет правду. «Христианское смирение и самоосуждение»—вот его душевные качества; он «нашел правду в идеале России и христианстве».

«...Князь правдив, жесток, принявший решение, ненавидящий современный порядок, прогресс и современных людей (сходится с Нечае-

[1]) Письмо из Дрездена 9 (21) октября 1870 г.

вым), с Голубовым (в монахи), предлагает под конец ей руку (самоосуждение), твердо объявляет матери решение, невесте говорит: надо переродиться, честным быть. Ирония защита в виде нападения. Ненависть. Чистое лицо. Новая форма боярина. Ужасно горд. Честными, поскорей спасаться и новое племя начинать.—Ш... все-таки слаб, но фразер. Князь не фразер и силен.

«Блестящая фигура, но приподнять только уголок» [1]).

Как видим, замышленный облик мало походит на Бакунина. Достоевский с разных сторон подходит к своему герою, набрасывает отдельные черты, подчеркивает душевную драму, борьбу, внутренний трагизм, сомнения.

«Князь ищет подвига, дела действительного, заявление русской силы о себе миру. Идея его—православие настоящее, деятельное (ибо кто нынче верует). Нравственная сила прежде экономической. (NB. не верит в бога и имеет в уме подвиг Тихона.) Знаете ли вы, сколь может быть силен человек.

«Вообще иметь в виду, что князь обворожителен, как демон, и ужасные страсти бороться с.... подвигом. При этом неверие и мука. Рост веры. Подвиг осиливает. Вера берет верх, но и бесы веруют и трепещут. «Поздно», говорит князь и бежит в Ури, а потом повесился» [2]).

Приведем еще ряд характеристик, чтобы яснее представить облик этого героя, взятого, как сообщает Достоевский, «из сердца».

«Князь понимает, что его мог бы спасти энтузиазм (напр., монашество, самопожертвование исповедью), но для энтузиазма недостает *нравственного* чувства (частью от неверия). *Ангелу сардийской церкви напиши*. Частью от буйных телесных инстинктов. *Из горькой иронии на несовладание с самим собой он женился*. Из страсти к мучительству изнасиловал ребенка... *Страсть к угрызениям совести* [3]). Страстность—Лиза. Овладев ею—убивает хромоножку. С убийством Шатова порыв сумасшествия (речи может быть) и повесился. Тоска. Но главное все-таки безверие. Ужас к самому себе, напр., от *сознания наслаждения* в страдании других.

«...Князь совершенно верует и в Антихриста, и в спасение православия. Но так как он по совести *недостаточно* верует, то и говорит формулу: «Коли недостаточно верую—значит, ничему не верую» [4]).

Теперь понятно, почему Ставрогин взят «из сердца». Это—*характернейший персонаж Достоевского, излюбленный и постоянный герой его романов, раскаявшийся нигилист, прошедший через неверие в бога, через преступления и падения*. Оригинальностью Ставрогина является то обстоятельство, что он живет в революционной среде, в окружении либералов и социалистов, и эта безбожная среда оказывается горнилом для

---

[1]) Черновые наброски «Бесов». Н. Бродский. Творч. ист. ром. «Бесы». «Свиток», I,118.

[2]) Из записн. книжек Достоевского, сборник «Творчество Достоевского», ред. Л. П. Гроссмана. Одесса. Стр. 15—16.

[3]) Курсив Достоевского.

[4]) Из записн. книжек Достоевского, сборник «Творчество Достоевского», ред. Л. П. Гроссмана. Одесса. Стр. 18.

испытаний его духа. Сквозь грехи и преступления, сквозь неверие и сладострастье, через все «бездны»—Достоевский заботливой рукой, как по мостику, хотел привести Ставрогина к покаянию и просветлению, к победе над соблазнами. Вместе с «воспитанницей» он должен был начать «новую жизнь», и нисколько не удивительно, что устами этого, взятого «из сердца», «раскаявшегося нигилиста» должен был иногда говорить сам автор.

«Идея князя (в разговоре с Шатовым) насчет огромного значения православия и его нового фазиса. Влияние Пиевского Вселенского Ватиканского Собора. (Все *мое* мнение о православии, как самом полном и настоящем выражении России с последнею резкостью.)

Достоевский устами Ставрогина хотел высказать *«свое» мнение о православии*—неужели Л. П. Гроссман всерьез убежден, что для этой цели ему понадобился Бакунин в качестве ставрогинского прототипа? Замысел, записанный в 1870 году, вся характеристика героя говорит о том, что он призван был воплотить излюбленный образ Достоевского, долженствовавший стать трагическим носителем мысли мучавшей самого Достоевского «всю его сознательную жизнь». *Тесная, преемственная связь Ставрогина с героем замыслов «Атеизма» и «Жития великого грешника»—не подлежит ни малейшему сомнению.* В образе Ставрогина отразились черты этого «сердечного», долго созревавшего, но не дозревшего замысла. *Прототипом Ставрогина, оказывается, был не Бакунин, «русский изменник заграничный»,—а тот «русский человек нашего общества», которого ставил Достоевский в центре романов «Атеизм» и «Житие великого грешника»*, пред которым, по его словам, вся его «литературная карьера была только дрянь и введение», которого взял он «из своего сердца» [1]).

Вот характернейшие черты героя «Жития великого грешника», целиком совпадающие с характеристикой Николая Ставрогина.

«Зарождающиеся сильные страсти. Усиление воли и внутренней силы. Гордость безмерная и борьба с тщеславием, чтоб ничего не бояться. Жертвы жизнью. Действие разврата; ужас и холод от него. Его называют извергом и держит себя извергом. Страстное желание удивлять всех неожиданно наглыми выходками. Сила воли—главное себе поставил. Сам дивится себе, сам испытывает себя и любит опускаться в бездну. Так как многое его иногда трогает сердечно, то он в страшном припадке злости и гордости бросается в разгул. (Это главное).

«В отклонениях фантазии мечты бесконечные, до ниспровержения бога и постановления себя на место его» [2]).

Этот образ и есть тот самый, который задумал Достоевский, «жадно» всматриваясь в черты гиганта Бакунина, «давно уже знакомого ему по рассказам»? Так вот какую «дремлющую стихию» творческих возможностей расковала личность знаменитого анархиста!

---

[1]) См. очень ценные рассуждения В. Комаровича о связи «Жития» с «Бесами» в сборнике «Достоевский», под. ред. А. Долинина, стр. 203—205.

[2]) «Житие великого грешника». «Исповедь Ставрогина». Изд. Центрархива. 1922 г.

Бедный Бакунин! Он отказался бы выступить на конгрессе Лиги Мира и Свободы если бы мог предположить, что̀ из этого воспоследует!

III. Заключение.

Все это, конечно, Л. П. Гроссману должно быть превосходно известно. Больше того: в своих прежних работах по Достоевскому, когда исследовательское зрение его не пострадало от ослепительного парадокса, он сам сообщал читателям, что «к моменту усиленной работы над «Бесами» давнишний замысел успел «глубоко захватить» Достоевского и даже, несомненно, отразиться на истории и образе Ставрогина» [1]). Л. П. Гроссман в той же статье приходил к заключению, что «Бесы», так же как «Подросток» и «Братья Карамазовы», явились фрагментарным осуществлением «Жития великого грешника»,—«это с полной очевидностью явствует из записных книжек», писал наш автор. Что же произошло впоследствии? Ведь если потребовать от Л. П. Гроссмана логической последовательности, **он должен будет признать, что «Атеизм» и «Житие великого грешника» связаны с личностью Михаила Бакунина, что герой «Атеизма» и «Жития», частично осуществленный в романе «Бесы», прототипом своим имеет личность знаменитого анархиста.** Неужели Л. П. Гроссман не замечает, в какие дебри путаницы завела его столь слабо обоснованная гипотеза, противоречащая всем без исключения существующим материалам о Достоевском, в том числе и материалам, опубликованным Л. П. Гроссманом?

Документы, которые мы привели, по нашему мнению, решают вопрос о происхождении образа Ставрогина и связи его с Бакуниным. Ставрогин возник и развился из замыслов «Атеизма» и «Жития великого грешника», зародившихся независимо от того торжественного дня (10 сентября 1867 г.), когда, по утверждениям Л. П. Гроссмана, «Достоевский задумал своего Ставрогина». *Никакой связи внутренней или внешней, исторической, логической или психологической Михаил Бакунин с Николаем Ставрогиным не имеет.*

* * *

Гипотеза «Бакунин—Ставрогин» должна быть сдана в архив, несмотря на обольстительность, с какой облек ее в плоть и кровь талантливый автор.

---

[1]) *Л. Гроссман.* «Рукописи Достоевского, стр. 4 в сборнике «Творчество Достоевского». Одесса.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

I. ИЗ ПИСЕМ Ф. ЭНГЕЛЬСА. — II. ИЗ ПЕРЕПИСКИ Я. М. СВЕРДЛОВА.

I. ИЗ ПИСЕМ Ф. ЭНГЕЛЬСА.

(Перевод и примечания В. В. Адоратского).

В Австрии недавно начало выходить в свет собрание статей, речей и писем известного деятеля австрийской социал-демократии Виктора Адлера. Особенно интересен первый выпуск этого собрания: Victor Adlers Aufsätze, Reden und Briefe herausgegeben vom Parteivorstand der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Deutschoesterreichs. Heft 1. Wien 1922. Verlag der Wiener Volksbuchhandlung. В этом выпуске помещено много писем Ф. Энгельса. Как всегда, письма Энгельса чрезвычайно содержательны. Они касаются ряда вопросов политики, а также и вопросов чисто теоретических, в них встречаются верные, меткие характеристики. В письме от 19 августа 1892 г. Энгельс, напр., пишет о Ренане:

«Я изучаю здесь древнее христианство, читаю Ренана и библию. Ренан страшно плоский (schauerlich flach), но, как у человека светского, у него более широкий взгляд сравнительно со взглядами немецких школьных теологов. Вообще говоря, его книга—это роман, и о нем можно сказать то же, что он сам говорит о Филострате [1]). Им можно пользоваться в качестве исторического источника точно так же, как можно было бы пользоваться романами А. Дюма - отца об эпохе Фронды. В отдельных подробностях я поймал его на грубейших ошибках. У немцев он списывает с безграничной наглостью».

В письме от 17 июля 1894 г. Энгельс дает характеристику Мильерана и Жореса: «Из числа главных представителей *Мильеран* является одним

[1]) *Филострат*—греческий философ софист, живший в последней четверти второго и в первой половине третьего века христианского летосчисления (род. 172—182, умер 244—249). Автор ряда книг, из которых наибольший интерес представляют: 1) об Аполлонии Тианском, 2) Биографии софистов и 3) Описание картин. В последнем произведении Филострат описывает подробно картины, виденные им, будто бы, в одной картинной галлерее.

из самых способных и, я полагаю, и самых искренних, но я боюсь, что в нем засело множество буржуазно-юридических предрассудков гораздо прочнее, чем он сам об этом подозревает. Политически он самый способный человек из всей группы. *Жорес*—профессор, доктринер, который сам себя любит слушать, и камера его слушает охотнее, чем Геда или Вальяна, потому что он гораздо более близок господам из большинства. Я полагаю, что у него искреннее намерение выработать из себя хорошего социалиста, но ты знаешь, что энергия этих новичков прямо пропорциональна их незнанию дела, и последнее у Жореса весьма велико».

Ниже мы помещаем отрывки из четырех писем. Первое письмо от 4/XII 1889 г. интересно тем, что в нем говорится о Великой французской революции, историей которой Энгельс, а особенно Маркс всегда интересовались и основательно ее изучали. Во втором письме от 19/IV 1890 г. дается характеристика антисемитизма. Письмо от 30/VIII 1892 интересно своими замечаниями по национальному вопросу. Наконец, письмо от 11 октября 1893 г. содержит живое изображение Австрии, которое Энгельс написал под свежим впечатлением своей поездки и личных наблюдений. Летом 1893 г. Энгельс совершил небольшое путешествие по Европе. Он был на международном социалистическом конгрессе в Цюрихе (август 1893 г.), а после этого проехал в Вену. Печатаемое ниже письмо он написал только что вернувшись оттуда в Лондон. Ожидания Энгельса, что через 5 — 6 лет начнется в Европе революция, о чем он говорит в конце письма, не оправдались. Революция наступила не в 1897—98 гг., а позднее. В частности для Австрии и ее избирательной реформы решающей оказалась революция 1905 г. в России. Но, допустив ошибку в сроке, Энгельс не ошибся нисколько в направлении развития. Не через пять-шесть, а через двадцать лет «камень» все-таки «покатился», и революция 1917—18 гг. «действует по всем направлениям», только роль Франции взяла на себя не Германия, а Россия.

В. Адоратский.

1.

Лондон, 4 декабря 1889 г.

Энгельс Адлеру.

Книгу Авенеля и Клооце [1]) я тебе рекомендовал *обработать* вот почему:

По моему (и Маркса) мнению, в книге имеется первое, основанное на архивных изысканиях, правильное изображение специально *критического периода Французской революции*, — именно время от 10 августа [1792 г.] до 9 термидора [27 июля 1794 г.].

Парижская Коммуна и Клооц были сторонниками войны с целью революционной пропаганды (Propagandakrieg), считая ее единственным средством спасения. Тогда как Комитет общественного спасения (Comité de salut publique) занимался дипломатией (Staats männerte), боялся евро-

[1]) *Georges Avenel, Anacharsis Cloots.* L'orateur du genre humain. Paris A Lacrois Verboekhoven et C°, 1865, 2 vol. P. 894.

пейской коалиции, искал мира путем *разделения* союзников. Дантон хотел мира с Англией, т.-е. с Фоксом и с английской оппозицией, которая надеялась в результате выборов получить власть. Робеспьер в Базеле надувал Австрию и Пруссию и хотел притти к соглашению с *этими* странами. Оба были противниками Коммуны и добивались прежде всего свержения тех людей, которые желали войны для революционной пропаганды и распространения во всей Европе республиканского строя. Им [Дантону и Робеспьеру] удалось победить, Коммуна (Эбер, Клооц) была обезглавлена. Но с этого момента стал невозможен мир между теми, кто хотел мира с одной только Англией, и теми, кто хотел его заключить с одними лишь немецкими державами. Выборы в Англии прошли благоприятно для Питта, Фокс был на годы отстранен от правительства, это испортило положение Дантона, Робеспьер победил и обезглавил его. Но (это Авенель *недостаточно* подчеркнул) в то время, как террор достиг безумных размеров, ибо он был необходим для того, чтобы помочь Робеспьеру удержать в своих руках власть при наличных внутренних условиях, — благодаря победе при Флерюс (Fleurus) 24 июня 1794 г. [1]) террор стал не нужен, потому что эта победа не только освободила границы, но и передала Бельгию, а косвенным образом и левый берег Рейна — Франции. Робеспьер стал тогда точно так же лишним — и пал 24 июля.

На всю Французскую революцию огромное влияние оказывала война коалиции, вся жизнь революции обусловливалась ей. Проникает коалиционная армия во Францию — это вызывает преобладание гастрического нерва (Vagus), получается сильное сердцебиение, революционный кризис. Армия коалиции должна отступать, — получает преобладание симпатический нерв (Sympathicus), сердце бьется медленнее, реакционные элементы снова протискиваются на первый план, плебеев, — предтеч позднейшего пролетариата, энергия которых спасала республику, — вразумляют и усмиряют.

Трагично то, что партия войны беспощадной (à outrance), войны за освобождение народов, — оказывается вполне права, и республика побеждает всю Европу, но только уже после того, как эта партия сама давно обезглавлена и вместо войны для революционной пропаганды является базельский мир и буржуазная оргия директории.

Книгу надо совершенно переработать и сократить. Декламации надо выбросить, факты дополнить и изложить ясно по обычным историческим работам. Клооц при этом может отступить совсем на задний план. Из Lundis revolut. [2]) можно вставить важнейшее — таким образом можно создать работу о революции, какой до сих пор еще не было.

---

[1]) Французские революционные войска под командой Журдана одержали победу над австрийцами, англичанами и голландцами 26 июня 1784 г. около местечка Флерюс в Бельгии.

[2]) *George Avenel* Lundis révolutionnaires 1871—1874. Nouveaux éclaircissements sur la Révolution française. Paris 1875.

Изображение того, как битва при Флерюс (Fleurus) свергла господство террора дано Кеппеном [1]), в 1842 г., в (первой) «Рейнской газете», в прекрасной рецензии на историю Французской революции Г. Лео [2]).

2.

19 апреля 1890 г.

Энгельс неизвестному [3]).

Антисемитизм, это — признак отсталой культуры и поэтому встречается только в Пруссии, Австрии и в России. Если бы здесь, в Англии или в Америке, кто-нибудь вздумал заниматься антисемитизмом, то его просто высмеяли бы. Г-н Дрюмон [4]) своими сочинениями производит в Париже самую незначительную сенсацию, оказывающую действие всего лишь на короткий срок, а по остроумию его сочинения бесконечно выше произведений немецких антисемитов.

В настоящее же время, когда он выступает кандидатом в городскую думу, ему приходится самому заявлять, что он является таким же противником христианского капитала, как и еврейского. Но г-на Дрюмона стали бы читать, если бы он даже отстаивал противоположное мнение.

В Пруссии мелкое дворянство, юнкерство, получающее 10.000 марок дохода, а расходующее 20.000 м. — и поэтому попадающееся в лапы ростовщиков, — оно-то и настроено антисемитски. В Пруссии и Австрии осужденные на гибель благодаря крупно-капиталистической конкуренции мелкие буржуа, цеховые мастера и мелкие торговцы составляют при этом хор, который подтягивает. Но если капитал уничтожает [именно] эти классы общества, являющиеся всецело реакционными, то он делает то, что ему делать надлежит, и делает хорошее дело — все равно, является ли он семитским или арийским, крещеным или обрезанным. Он помогает отсталой Пруссии и Австрии двигаться вперед, способствует тому, чтобы они достигли, наконец, современного положения, при котором все старые общественные различия растворяются в великом противоречии между капиталистами и наемными рабочими. Только там, где этого еще нет, где еще не существует сильного класса капиталистов, где капитал еще слишком слаб, чтобы овладеть всем национальным производством—и оттого главной ареной его действий является биржа (Effecten börse), где,

---

[1]) Фридрих Кеппен (Köppen)—историк, друг Маркса, старше Маркса приблизительно на 10 лет, умер в 1863 г.

[2]) Генрих Лео (1799—1878)—немецкий историк, сначала радикально настроенный студент, гегелианец, впоследствии противник гегелианства и реакционер. Упомянутая книга вышла в 1842 г. в Галле.

[3]) Этот отрывок из частного письма был напечатан с согласия Энгельса и адресата, но без упоминания имени последнего, 9 мая 1890 г. в Венской «Arbeiter Zeitung». Издателю писем В. Адлеру не удалось установить имени адресата.

[4]) Эдуард Дрюмон (род. 1844)—французский журналист-антисемит. В 1886 г. выпустил книгу «La France juive», имевшую некоторый успех. Дальнейшие его публикации в этом духе такого успеха не имели.

следовательно, производство еще находится в руках крестьян, помещиков, ремесленников и тому подобных классов, перешедших из средневековья,— только там капитал является по преимуществу еврейским, и только там существует антисемитизм.

Во всей Северной Америке, где имеются миллионеры, богатство которых лишь с трудом можно выразить в наших несчастных марках, гульденах или франках, среди этих миллионеров *нет ни одного еврея*— и Ротшильды по сравнению с этими американцами просто нищие. Да даже здесь, в Англии, Ротшильд является человеком со скромными средствами по сравнению, напр., с герцогом Вестминстерским. Даже и у нас, на Рейне, после того как мы с помощью французов еще до 1795 года прогнали дворянство с земли и создали современную промышленность,—где здесь евреи?

Антисемитизм есть, стало-быть, не что иное, как реакция средневековых, гибнущих общественных слоев против современного общества, которое в сущности состоит из капиталистов и наемных рабочих. Антисемитизм под прикрытием социалистической видимости служит поэтому реакционным целям. Это—разновидность феодального социализма, и нам с ним совсем не по пути. Если он возможен в какой-нибудь стране, то это является доказательством того, что там еще нет достаточно капитала. Капитал и наемный труд в настоящее время нераздельны. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе конец господства капиталистов. Нашим немцам, а к ним я причисляю и венцев, я желаю, таким образом, бойкого развития капиталистического хозяйства, а отнюдь не застоя его в неподвижном состоянии.

К тому же антисемитизм извращает все положение вещей. Он даже не знает тех самых евреев, против которых он голосит. Иначе он знал бы, что здесь, в Англии и в Америке, благодаря восточно-европейским антисемитам, а в Турции—благодаря испанской инквизиции существует несметное количество *еврейских пролетариев*; и эти-то еврейские рабочие как раз и подвергаются злейшей эксплуатации и являются самыми несчастными. За последний год у нас было здесь *три* стачки еврейских рабочих,—как же тут пользоваться антисемитизмом для борьбы против капитала?

Кроме того, мы евреям очень многим обязаны. Не говоря уже о Гейне и Берне, — Маркс был чистокровного еврейского происхождения. Лассаль был еврей. Много из наших лучших товарищей—евреи. Мой друг Виктор Адлер, который теперь за свою преданность делу пролетариата расплачивается сиденьем в венской тюрьме, Эдуард Бернштейн — редактор лондонского «Социал-Демократа», Пауль Зингер—один из лучших наших депутатов Рейхстага, — все это люди, дружбой которых я горжусь, и все они евреи!

«Gartenlaube» [1]) из меня самого сделал еврея, и во всяком случае, если выбирать, то уж лучше еврей, чем Herr von...!

---

[1]) Немецкий иллюстрированный журнал типа русского журнала «Нива».

3.

30 августа 1892 г.

Энгельс Адлеру.

Есть слишком много таких людей, которые из удобства и для того, чтобы не слишком утруждать свою голову, желают постоянно применять одну и ту же тактику, подходящую в сущности только к определенному моменту. Мы тактику не творим из ничего, но создаем из изменяющихся обстоятельств. В настоящем нашем положении нам приходится очень часто держаться той тактики, которую диктует нам наш противник.

Прав ты точно так же относительно независимых. Я еще помню, те годы, когда (состоя еще тогда в официальной переписке с Либкнехтом) я непрерывно должен был бороться против просачивающейся всюду исконно-немецкой обывательщины (die überall hinsichernde urdeutsche Spiessbürgerei). Вообще говоря в Германии теперь это время относится к прошлому, но что за филистеры-обыватели (was fur Spiesser) заседают во фракции, и к ним еще присоединяются новые! Рабочей партии приходится выбирать между рабочими, которые сейчас же подвергаются репрессиям (расчету) и затем очень легко развращаются, становясь пенсионерами партии, или между обывателями, которые сами себе добывают пропитание, но позорят партию. И по сравнению с ними независимые прямо неоценимы.

То, что ты говоришь относительно быстрого промышленного прогресса Австрии и Венгрии, меня очень радует. Вот единственно солидная основа для прогресса нашего движения. И это также единственная хорошая сторона системы покровительственных пошлин — по крайней мере для большинства континентальных стран и Америки. Искусственно выращивается крупная промышленность, ускоряется централизация капитала, разрушаются средние слои. В Германии покровительственные пошлины были, собственно говоря, излишни, так как они были введены как раз в тот момент, когда Германия закрепила свое положение на мировом рынке, и они этот процесс нарушили. Но зато они заполнили множество прорех в немецкой промышленности там, где еще долго оставалась бы пустота, и если Германия будет вынуждена пожертвовать своими пошлинами ради положения на мировом рынке, то она будет обладать совсем иной способностью к конкуренции, чем прежде. В Германии, как и в Америке, покровительственные пошлины являются теперь чистым препятствием, потому что они мешают этим странам занять подобающее им положение на мировом рынке. Поэтому очень они скоро должны будут отпасть в Америке, а Германия также должна будет последовать этому примеру.

Но, поднимая свою промышленность, вы оказываете услугу Англии. Чем скорее будет совсем уничтожено ее господство на мировом рынке, тем скорее придут здесь рабочие к господству. Континентальная и американская конкуренция (точно так же индийская) вызвала, наконец, в Ланкашире кризис, и ближайшим результатом этого было внезапное превращение рабочих в сторонников 8-часового рабочего дня.

Сотрудничество [1]) с чехами есть политическая необходимость. Они живут в центре Германии, мы связаны с ними, как и они с нами, и мы всецело заинтересованы в том, чтобы не допустить возникновения здесь младо-чешско-русского панславистского гнезда. Правда, есть средства надолго с этим покончить, но лучше сделать так, как лучше. И если они смогут получить от нас все, что относится к национальной автономии на чешской земле, чего они желают и в чем нуждаются, то в этом нет никакой опасности. (Ты видишь, тут я действую не обращая никакого внимания на временное политическое отделение от Германии.)

4.

Лондон, 11 октября 1893 г.

Энгельс Адлеру.

29 сентября мы прибыли сюда и набросились с возрастающим презрением к смертельной опасности на ту гору работы, которую мы здесь нашли.

Хотя и я не мог найти в Берлине «Ringstrasse [2]) одну за другой», как говорил тов. Хегер (Höger), однако по внешности Берлин очень красив, даже в рабочих кварталах фасады как у дворцов. Но что скрывается за ними—об этом лучше умолчать. Нищета рабочих кварталов повсюду одинакова. Но окончательно меня сразили «Берлинские меблированные комнаты» — эти приюты мрака и душного воздуха (подобного нельзя найти нигде во всем остальном мире) — и великолепно себя в них чувствующих берлинских филистеров-обывателей. Благодарю покорно. В

---

[1]) По поводу сотрудничества немецких и чешских рабочих Энгельс высказался в заметке, написанной им для изданного в Праге на чешском языке майского сборника. В партийном архиве германской социал-демократии в Берлине хранится письмо Иосифа Капка, в котором последний просит Энгельса дать статью. На этом письме рукой Энгельса написано следующее:

«Чешским товарищам к их майскому празднику на память, из эпохи 1848 г.

«Карл Маркс в то время встретился в Вене с пражским книгопродавцем Боррошем—вождем фракции богемских немцев в австрийском национальном собрании. Боррош очень жаловался на национальную вражду в Богемии и на якобы фанатическую вражду чехов к богемским немцам. Маркс спросил его, а как обстоит дело с богемскими рабочими. «Ну, — отвечал Боррош, — это дело совсем иное. Как только рабочие вступают в движение, так вражда прекращается. О чехах и немцах больше нет и речи, все действуют заодно».

«То, что богемские рабочие и той и другой национальности только чувствовали, *они теперь знают:* а именно, что вся национальная вражда возможна только при господстве крупных землевладельцев-феодалов и капиталистов; что эта вражда служит только увековечению этого господства; что у чешских и немецких рабочих одни и те же общие интересы, и что как только рабочий класс достигнет политического господства, так будут устранены все поводы для национальной розни. Ибо рабочий класс по самой своей природе международен и этим первым маем это доказывается еще лишний раз. *Ф. Е.*

Лондон.

[2]) Ringstrasse—красивая улица в Вене, окружающая кольцом центральную часть города, отсюда и ее название (Ring—по-немецки, кольцо).

квартире Августа [Бебеля] нет ни одного, — это единственная квартира, которая мне нравится, во всех прочих я погибал.

Однако, настоящее письмо вовсе не должно сводиться к одному этому воплю из стесненной груди. Мне хочется поздравить тебя и венцев.

Прежде всего по поводу твоей речи в зале Швендера, которой ты снова доказал, как правильно ты умеешь разбираться в запутанных и сложных австрийских условиях и как все время умеешь среди всей путаницы удержать руководящую нить. Как раз в настоящий момент это особенно важно.

Кроме того, я поздравляю тебя и австрийцев с блестящим успехом, которого достигла ваша агитация за избирательное право: — с проектом избирательной реформы Таффи [1]). Здесь я должен передохнуть.

С тех пор, как я видел вашу страну и народ, мне становилось все яснее, что нам суждены там большие успехи. Промышленность, находящаяся в процессе сильного развития, но работающая еще по большей части с помощью отсталых производительных сил, благодаря существовавшему в течение долгого времени высокому таможенному тарифу (я говорю это на основании богемских фабрик, которые я видел). Сами промышленники в своем большинстве (я говорю о более крупных) срослись с биржей так же тесно, как и с самой промышленностью. В городах политически довольно индиферентные обыватели, приближающиеся к состоянию фэаков, желающие прежде всего пожить в свое удовольствие, и пусть их оставят в покое. В деревне быстро растущая задолженность и тающая мелкая собственность. В качестве действительно господствующих классов—крупные помещики, вполне довольные своим политическим положением, которое обеспечивает за ними скорее косвенное господство, и крупная буржуазия, немногочисленная финансовая аристократия и тесно связанные с ней крупные промышленники, политическая власть которых проявляется *еще более косвенным образом* и которая точно так же этим вполне довольна. Таким образом, среди владеющих классов (крупных) нет никакого желания превратить это косвенное господство в прямое, конституционное, а у мелких никакого серьезного стремления к действительному участию в политической власти. В результате: безразличие и застой, нарушаемые лишь национальной борьбой различных дворян и буржуа между собой и развитием союза с Венгрией.

Над этим возвышается правительство, которое формально лишь незначительно и по большей части только для видимости стеснено в своих самодержавных аппетитах и на деле встречает очень мало препятствий, потому что по природе своей оно консервативно, а дворянство, буржуазия и бонвиван — обыватель — тоже таковы. Крестьяне же при их разбросанности по стране не могут создать организованной оппозиции. От

[1]) По этому проекту предполагалось ввести довольно широкое, почти всеобщее, избирательное право с двумя ограничениями: для участия в выборах требовалось: 1) грамотность и 2) шестимесячное проживание в данной местности. Этот проект вызвал сопротивление реакционеров. и министерство Таффи сменилось в ноябре 1893 г. министерством Виндишгреца.

правительства требуют только одного: *жить и давать жить другим*, а этим искусством австрийское правительство владело издавна. Отсюда—фабрикация чисто бумажных законов и предписаний, фабрикация, объясняющаяся также и другими причинами, но, благодаря только что указанным, доходящая до крайнего предела и возведенная в принцип, и на ряду с этим поразительное административное головотяпство (Schlamperei), действительно превосходящее все, что я себе представлял.

Прекрасно. При таком застойном положении государства, когда правительство, несмотря на свое весьма благоприятное положение по отношению к отдельным *классам*, все же находится в вечных затруднениях: 1) потому что классы разделены на X национальностей и поэтому, вопреки стратегическим правилам, идут вместе (против рабочих), а бьют врозь (друг друга), 2) из-за вечной финансовой нужды, 3) из-за Венгрии, 4) из-за иностранных затруднений, — короче: при таком положении, по моему мнению, рабочая партия, которая имеет программу и тактику, которая знает, чего хочет и как этого хочет, у которой имеется веселый, легко возбудимый темперамент, обусловленный удачной кельто-германо-славянской расовой помесью с преобладанием немецкого элемента,— такая рабочая партия должна только развить достаточную деятельность для того, чтобы достичь совершенно исключительных успехов. На ряду с партиями, которые не знают, чего они хотят, на ряду с правительством, которое тоже не знает, чего хочет, и живет не задаваясь никакими широкими планами,—партия, которая знает, чего она хочет, и хочет этого упорно и твердо, такая партия, в конце-концов, должна победить. И это тем более, если все, что австрийская рабочая партия делает и *может* желать, является как раз тем, чего требует также и идущее вперед экономическое развитие страны.

Таким образом, положение здесь настолько благоприятно для быстрых успехов, как нигде, даже в Германии, где развитие, правда, идет быстрее и партия сильнее, но и сопротивление также больше. К этому прибавляется еще одно обстоятельство: опустившаяся великая держава—Австрия все еще стыдится Европы, а возвышающемуся мелкому государству—Пруссии это чувство всегда оставалось чуждым. А с тех пор как с 1866 г. произошло вступление в ряды «современных» государств, в Австрии стали стыдиться также и *внутренней* наготы: для прежней откровенно-реакционной Австрии этого раньше совсем не требовалось. Да, чем меньше хотят становиться действительно современным государством, тем более стараются казаться таким, и чем круче становится на дыбы реакция в Пруссии (там она связана гораздо более, чем в Австрии), тем более либеральными начинают прикидываться в Австрии из чистого злорадства.

Европейское положение все более становится похожим на положение в 1845 г. (я говорю о внутреннем положении). Пролетариат все более и более занимает то положение, которое тогда занимала буржуазия. Тогда начали Швейцария и Италия. Швейцария внутренней дракой демократических и католических кантонов, выразившейся в войне Зондербунда. Италия — либеральными опытами Пия IX, либерально-нацис-

нальными переменами в Тоскане, в мелких герцогствах, Пьемонте, Неаполе, Сицилии. Как известно, война Зондербунда и бомбардировка Палермо явились непосредственным прологом Парижской февральской революции 1848.

Теперь, когда через пять-шесть лет кризис созреет, повидимому, Бельгия возьмет на себя роль Швейцарии, Австрия — Италии, а Германия — Франции. Борьба за избирательное право начинается в Бельгии и будет в широком размере подхвачена в Австрии. Не может быть и речи о том, что удастся отделаться какой-нибудь избирательной полуреформой. Если же камень покатится, то этот толчок будет действовать во все стороны, и одна страна будет действовать на другую.

II. ИЗ ПЕРЕПИСКИ Я. М. СВЕРДЛОВА.

Печатаемые ниже письма Я. М. Свердлова представляют собой превосходный материал для его биографии. Ценность их тем более значительна, что корреспонденция Я. М. не была очень большой—она ограничивалась узким кругом друзей,—это, во-первых, а во-вторых, публикуемые письма охватывают период тюрьмы и ссылки, наименее поддающийся биографическому описанию при отсутствии мемуаров, которых, как известно, т. Свердлов не оставил.

Огромный интерес представляют также два последних письма, написанные уже в эпоху революции 1917 г.—в Петербурге.

Люди, мало знавшие его, не могли и предполагать, сколько нежности и трогательного внимания теплилось под угловатой внешностью этого сурового человека. Какую заботливость проявляет он из своего заполярного круга, к друзьям, которые, казалось бы, несравненно менее, чем он, нуждались в участии. Заброшенный в далекие пустыни севера, оторванный от жизни, скованный полицейским надзором, он находил в себе силы, утешать и учить житейской мудрости свою четырнадцатилетнюю приятельницу, посылать ей из за тысячи верст диссертации на темы о смысле жизни, об искусстве, о знании. Поистине огромным должно было быть душевное богатство этого удивительного человека, если он умел шутя преодолевать все общественные и личные невзгоды, тяжело падавшие на его плечи.

Письма публикуются нами с разрешения лиц, которым они были адресованы, с подлинников с соблюдением всех особенностей стиля т. Свердлова, но по новой орфографии. Не все письма имеют даты. Там, где дат не имелось, мы их восстановили по замечаниям адресатов и по некоторым косвенным указаниям самих писем. Такие даты (т.-е. восстановленные нами) помещены в скобках.

Всего в нашем распоряжении 22 письма. Из них мы воспроизводим здесь 14. Полностью вся переписка будет напечатана в сборнике Истпарта, посвященном памяти т. Свердлова.

Вяч. П.

1.

7/IV-13 г. Дорогие друзья! Из-за толстых стен шлю свой горячий привет. Не имея возможности писать много, предназначаю сие послание

всему семейству. Очень жаль, что пока не могу исполнить просьбу Кирочки (может Александровны?) и написать на интересующую ее тему о смысле жизни. Обсуждение вопроса требует больше места, нежели то, кот. я при данных условиях располагаю. Но обещаю не забыть и при первой возможности напишу со всею обстоятельностью, на кот. способен. Думаю, что такая возможность представится приблизительно через 1—1½ месяца. В конце мес. ожидаю отправки. Ждал еще в конце марта, но ничего не вышло: ну, да оно не беда. Полагаю, что придется на этот раз проехать немного дальше. В силу счастливой случайности знаком с речью Маклакова в Думе, она не сулит мне ничего хорошего. Но и сие не важно. Я ведь из той категории человеков, кот. всегда говорят: хорошо, а могло бы быть хуже. Так как абсолютного вообще не существует—я ведь диалектик, а значит релятивист,—то подобное положение утешает при всяких обстоятельствах. Я не помню точно, но предполагаю, что, когда тонул, думал так же; могла бы быть и более тяжелая смерть. Что-ж писать о себе? Живу хорошо, насколько это только возможно при данных условиях. Занялся франц. яз., теперь более или менее читаю, конечно, со словарем. Есть у меня фр., нем. книги. Но не только учебой в буквальном смысле занимаюсь, пополняю и общие знания. В этом отношении дело обстоит не важно—мало материалу, но кое-что все же находится. Уделяю время и поэзии, порой увлекаюсь даже ею. Побывал у меня Шелли, Верхарн, Верлен, Эдгар По, Бодлер, Кальдерон, не считая многих, пищущих прозой. Перечитываю частенько Гейне, он у меня в подлиннике, я довольно хорошо к нему отношусь. Как видите, жизнь моя довольно богата. Если же прибавить ко всему «силу духа», дающую возможность чуть ли не в любой момент переноситься в наиболее желательный пункт земного шара, то я иногда и с друзьями беседую. Хорошо, Л. И., жить на свете! И дочери своей должны сие внушить. Жизнь так многообразна, так интересна, глубока, что нет возможности исчерпать ее. При самой высшей интенсивности переживаний можно схватить лишь небольшую частицу. И надо стремиться к тому лишь, чтобы эта частица была возможно большей, интересной... Я в отчаянии. Настроение самое что ни на есть болтливое, но приходится ограничиться сказанным. Вы говорите, что я еще и ничего и не сказал? Факт! Черкните мне в Сибирь, кк буду там. Не хотел бы терять с Вами постоянных сношений. Всего доброго вам всем. Кирочке цветущего здоровья, а вам обоим вообще всего наилучшего. Крепко жму всем руки.

Я.

2.

14/IV (1913 г.). С праздничком, дорогие друзья! Пользуюсь счастливым случаем черкнуть пару строк. Так долго не приходится покалякать, что при первой же возможности берусь за перо и пишу всюду, куда только возможно и куда хочется. Не могут быть мои письма пока так содержательны, как это хотелось бы самому. Но надо уметь довольствоваться малым в своем непрерывном стремлении к большему. Кк дела

Ваши? Кк здоровье Киры? Л. И.? Почему не черкнули такой открыточки? Мне на этот раз и повезло и не повезло. Есть свидания, но совершенно нет переписки. Никто с воли ничего не пишет. Жинка, снабжавшая бывало аккуратно письмами, сама в заточении, а переписка между заключенными не допускается. Я, по понятным причинам, не могу писать почти никому, ну, и мне тоже не пишут. За все время одна откр. и одно крохотное письмишко. А так приятно в тюрьме получать хоть что-нибудь. Ну, да теперь уж не стоит и писать. Чуть не со дня на день ожидаю отправки. Почти уверен, что в последних числах апреля распрощусь с Питером. Надолго ли? Аллах ведает. Думаю, что попаду на этот раз подальше. Хотя и занимает этот вопрос, но не останавливаюсь долго на нем. Гадай—не гадай, толк один. Начинает весна действовать. Хочется скорее на воздух вольный, на солнце. Его здесь так мало, пара жалких лучей нет-нет пробьется через решетку. Вижу немного зелени на прогульном дворе. Но что за зелень?! Три-четыре чахлых деревца. На ряду с этим предо мной возникают картины могучих сибирских лесов, по кот. идешь-идешь и конца им нет. Недели с $1^1/_2$ тому назад перебрался в камеру с окнами на Неву. Поглядываю изредка. Скоро, скоро попаду на настоящую, вольную реку. Сильно люблю воду. Заниматься начинаю меньше, чаще является желание прогуляться—шесть шагов вперед, шесть назад—мурлыкая песенку. Конечно, потихоньку, ибо петь строго возбраняется. Пою на разные мотивы. Преобладают минорно-тягучие, в них больше задушевности. Но это не значит, что «грусть-тоска» запала в сердце. Вообще-то настроение у меня далеко не минорное. Порою задумываюсь о жинке. Ей труднее приходится. Не легко должно быть с младенцем в камере. Вот это печалит меня. О себе не горюю. Мне что? Сил, энергии хватит еще надолго. Так сильна «воля к жизни», что буду жить, жить, поскольку возможно полнее. С каким бы удовольствием поболтал теперь с Вами за самоварчиком! Подождем—придет еще и это и много, много хорошего впереди. Крепко жму всем вам руки.

Я. С.

3.

19/I (1914). Милая Кирочка! Ужасно трудно при условиях нашей переписки, на расстоянии многих тысяч верст, живо откликаться на все волнующие Вас вопросы. Мне думается, для меня более или менее ясно Ваше самочувствие. И попрежнему говорю Вам, для подобного пессимизма слишком мало оснований. Пусть отдельные люди обладают тысячью недостатков, пусть будет мало «хороших» личностей. Не в том вижу я залог господства на земле в более или менее близком будущем царства красоты и гармонии, царства красивой, гармоничной личности. Человечество в целом за тысячелетия своего развития так преобразовало жизнь в сторону превращения ее в действительно человеческую, что нет оснований сомневаться в самых прекрасных возможностях. Процесс преобразования жизни происходит стихийно, независимо от воли людей, хотя они сами являются его творцами. Но ими двигают, их направляют силы, вне их

стоящие, от них независящие. Чем сознательнее люди относятся к преобразованию, чем полнее они понимают его нужды, тем быстрее оно совершается. Последняя эпоха, отличается именно сознательным отношением к этому преобразованию, и никакие ужасы, стоящие в самом резком противоречии с народившейся—в зачаточной форме—новой жизнью не смогут его ни задержать, ни остановить. Слова мои вряд ли могут быть чем-либо иным, чем глас вопиющего в пустыне. Но это будет до тех пор, пока Вы не примете сами активного участия в жизни. Вы выбрали, наметили свой жизненный путь. Много горестей, страданий доставит Вам жизнь, но она измеряется не количеством, не длительностью переживаний, а их интенсивностью. Глубокие натуры в часы переживают годы. И я уверен, будет у Вас не один момент, стоящий годов. Предстоят очарования и развенчания кумиров. Но, познав глубокие переживания, Вы оцените силу прекрасных моментов. И я, подобно Вам, милая Кирочка, думаю, что Вы еще сами не знаете, чего именно хотите для себя лично. Вы еще не вполне сознали себя. Но это придет. Сказалась на Вашем самочувствии и болезнь, но не в ней одной дело. Важно теперь отбросить на время предвзятость в отношении к фактам жизни, вооружиться некоторым бесстрастием и беспристрастием. Пытайтесь изучать современность, творите, отражайте в своем творчестве грядущую жизнь. Чем сознательнее будет становиться Ваше отношение к настоящему, тем полнее Вы будете отделять в нем зародыши будущего. Милая Кирочка, попробуйте жить проще, без постоянного самоанализа. Последний — зло огромное, когда принимает большие размеры. Он лишает нас способности к непосредственным переживаниям. И думается мне, что по мере Ваших дальнейших занятий науками и скульптурой приведет Вас к признанию «благости», самоценности жизни. Жду Вашего ответа на мое прошлое письмо. Всегда рад Вашим письмам. Пишите больше и чаще, как только явится желание поговорить с другом. Ведь мы друзья!

А как здоровье? Близко ли время полного освобождения из плена всех болезней?

— Я живу постарому. Последнее время пытаюсь много заниматься. Вожусь много с ребятками своими. Хороший это народ, хотя и здорово шаловливый и, подчас, надоедливый. Самочувствие не плохое, ближе к хорошему. Не мало тяжелого, но сие не важно. Будут и лучшие времена и для нас.

Всего Вам доброго и бодрого. Целую. *Як.*

4.

22/III (1914). Хочется черкнуть Вам, Лидия Ивановна, из заполярных краев. Собственно, пока что заполярность мало сказывается. Не холоднее, чем в Селиванихе, только день увеличивается несколько быстрее. Бóльшая оторванность связана просто с бóльшей отдаленностью от почты. Пока еще почта ни разу не дошла до нас. Проехал ходок давно, ждем со дня на день возвращения его. Приедет, появятся и газеты, возможно и

письма. Хорошо, если много писем. Вы и не представляете, как сильно нервирует почта. Ждешь—ждешь, придет—и получишь одно-два письма. Злость, досада. Теперь ожидание острее, сильнее будет и реакция в случае разочарования.—Устроился я на новом месте значительно хуже. Одно то уже, что живу не один в комнате. Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с кот. мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда. Но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев. Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного хода. У хозяев—ребята. Естественно, торчат часами у нас. Иногда мешают. Заходят и взрослые вообще из деревни. Придут, усядутся, помолчат с полчаса и вдруг поднимутся: «ну, надо итти, до свиданья!» Ушли, а вскоре еще кто-нибудь зайдет, и повторяется то же самое. И приходят как раз в лучшее для занятий время—вечером. Понятно. Днем на работе. Пришлось проститься с прежним распорядком и заново распределять день свой. Пришлось проститься и с привычкой сидеть за книгой далеко за полночь. Керосину абсолютно нет. Зажигаем свечи. Для моих глаз света мало. Так что все занятия перенесены на день. Впрочем, занимаюсь не много. Книг почти нет. Усердствую лишь во франц. Наконец-то заполучил пару книг. Почти забыл язык, восстанавливаю. Нет и надлежащего настроения для серьезных занятий. Хочется беллетристики хорошей, а ее абсолютно нема. Хорошо бы иметь под руками хорошие стихи. Хорошо бы иметь много такого, чего нет. Одно хорошо здесь: масса красивых мест. Погода стоит чудесная. Мятели, ветры кончились, повидимому. Целый день солнышко. Днем тепло. вечером и утром мороз. Кругом лес. Хорошо в лесу. Гуляю ежедневно. Необходимо запасаться силами, здоровьем. И все же, признаюсь, порою ужасно тоскливо. И ничем тут невозможно помочь. Сидеть изо дня в день за книгами, накапливать в себе пласты знаний, не пользуясь ими в данный момент—право же могут на время надоесть и книги. Слишком сильна жажда жизни, чтобы можно было все время удовлетворяться мертвым материалом. Нужно, по крайней мере, разнообразие даже и в книгах. Но и его нет. В конце-концов, все это неважно. Самочувствие вполне прилично. Крепко жму Вашу руку.

Привет всем Вашим. *Я.*

5.

22/III (1914). Милая Кирочка! Вы знаете из моей открытки, что я попал за полярный круг. Условия бытия моего значительно изменились хотя бы потому, что еще сильнее оторван теперь от почты. На ряду с переселением и новыми условиями и жизнь свою построил иначе. Попал я на промысловое место. Добывается здесь песец, лисица, россомаха. Для промысла не требуется особых познаний. Вот мы с приятелем бросили «нометы» на зверей. Через день приходится ходить на голицах за 9—10 верст. Погода чудесная, природа восхитительная, воздух—прелесть. Очень

Яков Михайлович СВЕРДЛОВ
(в поезде Л. Д. Троцкого).

хорошо пройти около 20 в. Я настолько привык к голицам, что двигаюсь на них совершенно свободно и не устаю. Да и то сказать. Образовался на снегу «наст» (крепкий верхний слой снега), настолько крепкий, что во многих местах свободно держит человека.—Кругом остяки, тунгусы, юраки. Есть очень занятные фигуры. Вообще здесь не плохо пожить месяц—другой. С нетерпением жду почты. Пишите, не забывайте. Как Ваше здоровье, как живется? Всего доброго. Жму Ваши руки.

Я

6

27/V (1914). К большому своему огорчению, милая Кира, не получил до сих пор Вашего письма, о кот. мне писала сестренка. Я даже до сих пор не знаю, где Вы. Но как только вскрылась река, явилось желание черкнуть Вам пару строк. Вы, вероятно, думаете, что за полярным кругом и весны не бывает? Ошибаетесь, милый человек. Бывает, да еще какая весна-то! Одно вскрытие такой мощной реки, как Енисей, чего стоит. С треском ломается лед, раскалывается на огромные глыбы, гонит их водой друг на друга, они лезут на берег, а вода все поднимается, поднимается. Не хочется и с берега уходить. Чуть-чуть потеплело, полетели на дальний север стаи гусей. Иные летят низко-низко, сворачивая в сторону у самой деревни. Прилетают другие птицы. Иные остаются, но большинство пролетает дальше. В возмещение пролетевших мимо с моря появляются морские петушки, морские зуйки и пр. Оживляется лес, озера, заливные луга, поляны. Всюду жизнь. Деревня очутилась на острове. Разлилась вода далеко-далеко позади деревни, затопила кусты. Море, да и только. Лишь кое-где торчат верхушки дерев, кустов, расположенных по высоким курганам. Разбушевался северный ветер, вздулся Енисей, покрылся пеной волн, ударяет свои воды об яр, на кот. стоит деревня, подмывает его и откалывает кусок за куском. С шумом падает земля и уносится волнами. Крестьяне отправляются на охоту. «Садят» на гусей, «скрадывают» уток. Ловят рыбу и в реке и по озерам. Это тоже проявление жизни. А со вчерашнего дня и солнце перестало закатываться. Круглые сутки светит. Давно уже нет ночной тьмы. Белые ночи, да настоящие белые, не петербургские, с конца апреля прогнали темень. Но вот только теперь круглые сутки на горизонте солнце. Странно, непривычно. Не отличишь дня от ночи, иначе, как по направлению, местоположению солнца. Так продлится около 2—3 недель. Сейчас 11 часов ночи, а солнце как раз против окна. Только красное, багровое, низко и не греет почти. В полном противоречии со всем этим, кругом масса снега. Тает, исчезает с поразительной медлительностью. Пока хорошо, но близко уже появление комаров. Тогда беда. Окна не отвори, не загородившись сеткою. Спать в «пологе». Выходить из дома лишь в сетке. Затем еще худшая штука—мошка. И сетка не спасает.—Ходил и я на охоту, но ничего не убил. Плохо стреляю в лёт. Ставил капканы на гусей, но только одного и заловил.—Особенно не хандрю, целыми днями шатаюсь. Заниматься бросил, не хочется пока. Попрежнему бодр, не унываю, сильна «воля к жизни». Надеюсь, что

Вы в хороших краях и силы восстановляются. Хочется видеть Вас, милая Кирочка, крепкой, здоровой, бодрой, полной стремления жить,—жить во что бы то ни стало. «Как жить», в конце-концов, укажет сама же жизнь и укажет [1]). Все со временем выяснится. Всего лучшего.

Я.

7.

27/V-14 г. Милая Лидия Ивановна! Я положительно начинаю думать, что мне особенно не «фартит». Вся моя почта за $1^1/_2$ месячную распутицу проехала мимо и очутилась на 100 в. ниже. Теперь жду ее с минуты на минуту. Дошли две летние почты. Чрезвычайно скудно и по части писем и с газетами не лучше. Одно письмо лишь от сестренки. Зато газеты! Так стосковался по ним. А тут еще масса животрепещущего материала. Прекращаются известия на самом интересном пункте: исключение на 15 засед. из думы и ответ—80.000 забастов. Что дальше? Надеюсь завтра—послезавтра получить почту.—Вся распутица прошла крайне скверно. Почти не занимался. Не думайте, что был занят какими-либо сложными личными переживаниями. Нет, просто пропала охота заниматься и не было ни малейшего желания заставлять, ломать себя. Редко до сего времени так непродуктивно проходили дни, недели. За всю распутицу не написал даже ни одного письма. Не было надлежащего настроения. Чувство полной оторванности от всего мира, от всего, что дорого, близко—это ужасно тяжелая штука. Нет способности к ассимиляции с местным населением. Ведь здесь чрезвычайно грубый, примитивный народ. Таковы же их понятия, нравы, образ жизни. У них абсолютно отсутствует представление о какой-либо связи с остальной Россией. При всех своих талантах разговорных, даже меня нехватает на сколько-нибудь продолжительную беседу с ними. Со мной тов.? Да. Но мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. Хуже всего, что только со стороны «мелочей жизни» и виден. Нет места для проявления крупных черт. С тов. теперь на разных квартирах, редко и видимся. Но беда не столько все же во внешних условиях, сколько во внутренних. В самом бродят такие силы, кот. не дают сжиться, примириться с окружающими. Оно и хорошо и плохо. Ко всему же прибавляется и влияние весны. Началась и здесь, наконец, весна. И—что меня самого удивило—оказала на меня воздействие, какого никогда до сего не испытывал.—В общем же жить можно. Вскрылась река, кругом лес шумит, проезжают лодки за лодками, скоро покажется и пароход. Тянет, манит прочь отсюда. Всего, всего доброго и бодрого. Не забывайте. Надеюсь встретить Киру и Вас здоровыми. Не скоро? что-ж из того. Не век же проживу здесь. Сохранюсь, уцелею, не превращусь в «обломок» человека. Крепко жму руку.

Я. С.

---

[1]) Неровности стиля и повторения нами сохранены.

Ред.

8.

16/IX (1914). Милая Кирочка! Пришел, наконец, и Ваш ответ на мое письмо. Долго, долго пришлось ему быть в дороге. Да и расстояние-то не малое. Не одна тысяча верст разделяет нас. И только для мысленного ответа нет расстояния. Только в мыслях можешь произвольно, не сходя с места, переноситься куда угодно, хотя бы и на Марс. Ну, на Марс-то я, правда, и в мыслях не часто взлетаю. А вот к Вам-то частенько совершаю путешествия. Готов побродить и по горам, ходок я хороший, ноги крепкие. Хотя Мюллером и не занимаюсь теперь, но крепость и бодрость не потерял. Ездил немало на лодке. Вверх по течению реки чаще всего на собаках. Представляете, каким образом. Запрягают собак; их упряжь зовется «алык». К алыку привязывают веревку, другой конец которой прикрепляется к лодке. Собаки бегут берегом и тянут лодку. Нужно только сидеть на корме и править. Удобная штука. Ну, а вниз по течению легко и на веслах спуститься. Я большой любитель поездить на реке. Арендовал крохотную лодченку, на кот., кроме меня, ни один не осмеливается отправиться по Енисею. Она специально для озер. А я посмеиваюсь над страхами, пророчествами товарищей, старающихся уверить меня, что рыбы давно дожидаются, когда попаду к ним. Но я знаю, что не буду для них лакомым куском, слишком тощ и не вкусен, потому и езжу. Хорошо так забраться одному подальше вверх, а потом сидеть и мечтать. Течение же несет само лодочку вниз. Кончилось катанье. Река еще не стала, льда нет, но холодно, холодно. Много плохого здесь. Немало и хорошего. Вы видели когда-нибудь картину Ярошенко «Всюду жизнь»? И не только на воле, но и в арестантском вагоне, и в глуши Сибири жизнь может дать и дает много радостного. Всего доброго.

Я. Св.

9.

15/II-15 г. Милая, славная Кирочка! Перечел вновь Ваше письмо. И радостно и грустно. До-нельзя трогает Ваше внимание. Так приятно почувствовать чистое, искреннее, доброе отношение. И грустно за невозможность быть так полезным, как хотелось бы. Я не смогу оправдать Ваших надежд, не смогу удовлетворительно ответить на все вопросы. Причин тому много. Иное дело личные беседы. Тогда мог бы сказать много больше. Но—предисловие излишне.

Ваше письмо вполне гармонирует с имеющимся у меня представлением о Вас. Я бы сказал, что Ваше развитие идет нормальным порядком. Именно общие вопросы человеческого общежития должны выдвигаться на первый план у современного интеллигентного человека, если он обладает хотя некот. чуткостью. Иное дело решение этих вопросов. Тут дело чрезвычайно осложняется. Малое знакомство с жизнью, даже и теоретически—не только практически—мешает правильной ориентировке. Имеет большое значение и отсутствие определенной исходной точки зрения.

Видите ли, когда два человека говорят о благотворительности напр., или о счастье, то это еще не значит, что они говорят об одном и том же. Неодинаковым может быть и их отношение к вопросу. Напр., вопрос о том, как добиться того, чтобы искусство было доступно для всех, может решаться самым различным образом. Можно сделать искусство доступным по замыслу, идее, но из этого оно еще не станет доступным. Вы будете «открывать жизнь во всей ее наготе». Но кто будет посещать Ваши выставки? Только тогда действительно массы смогут знакомиться с искусством, когда у них будет достаточный досуг и материальное положение значительно улучшится, когда они не будут подавлены нуждой и исключительными думами о куске хлеба. Значит ли это, что искусство пока бесполезно для улучшения человеческой жизни? Нет, совсем не значит. Художник, чуткий к жизненным явлениям, предчувствующий иную, яркую, светлую, радостную жизнь для всех может сделать много. Среди преобразователей жизни художники могут занять почетное место. При каких условиях? Они могут будить мысль все же широких кругов, могут порождать стремление к лучшей жизни. И это двояким путем. Показывая «жизнь во всей ее наготе», будут рождать недовольство ею и стремление к ее изменению. Того же может достигнуть художник, противопоставляя современной антагонистичной жизни, жизнь гармоничную. Путей много перед чутким художником. Важно лишь, чтобы творчество его было сознательным. Нелепые разговоры об искусстве для искусства. Всякое искусство, как порождение людей, носит на себе отражение той или иной человеческой среды. И это надо хорошо понять. Человек, пришедший к сознанию негодности современного уклада жизни, может выбрать различное поприще деятельности. Один принимает непосредственное участие в ломке старого здания, другой заготовляет элементы для новой постройки, третий строит план лучшего здания, четвертый будит недовольство старым и т. д. и т. д. В известном смысле и здесь можно сказать: «все дороги ведут в Рим». И все отдельные ручьи такой деятельности сольются в одном потоке и притекут к одному месту.—Люди плохи, лживы, лицемерны... можно бы привести еще двести не менее звучных эпитетов. Но что могут дать эпитеты. Ничего хорошего. Ни грана смысла нет в этом, когда говорится о людях вообще. О том или ином конкретном человеке все это можно сказать. По отношению же ко всем людям это бессмыслица, ибо не дает ничего для понимания жизни. Верно, что в жизни встречается много лжи, фальши и т. д. Важно отдать себе отчет в причинах подобных явлений. В различные эпохи человеческой жизни не мало ученых, философов, пытались выводить это из самой природы человека. Тем самым сторонники таких теорий приводили к тому, что бороться с подобными явлениями следует, изменяя самую природу человека. Отсюда и теория самоусовершенствования и всевозможные пессимистические воззрения на возможность улучшить жизнь. Природа человека рассматривалась как нечто самодовлеющее, независимое, неизменное. Вариации этих воззрений найдете и у греческих философов, и в христианстве, и в утопическом социализме вплоть до Роберта Оуэна, и во французском просветительстве

XVIII ст., наследниками кот. были утописты и т. д. Иное дело теории, рассматривающие вышеуказанные явления под иным углом зрения. Люди живут в определенных условиях, при определенных между собою отношениях, при определенном социальном укладе. На основе этого уклада вырабатывается и самая «природа» человека. Так как сам уклад изменяется в зависимости от целого ряда причин, то и нужно понять, где лежит первопричина. Понимание последней приводит к ясному сознанию двигательных пружин человеческого общества. И теории последнего порядка чужды пессимизма. Прослеживая исторический процесс изменения социальных взаимоотношений людей, устанавливая закономерность этого процесса, указанные теории приходят к сознанию возможности и неизбежности такого уклада, при кот. коренным образом перерабатывается и самый человек,—уклада, при кот. сами собою исчезают различные несимпатичные черты современного человека.—Если можно и должно предъявлять большие требования к определенному человеку, то нельзя того же делать по отношению к людям вообще, к человечеству. Вы не видите в жизни ничего хорошего. По-моему это происходит потому, что отдельный человек с его «маской» заслонил перед Вами всю жизнь. По отношению к жизни мне единственно правильной представляется такая точка зрения, кот. дает возможность определить направление человеческого развития, процесс изменения жизни. При изучении истории культурного развития Вы неизбежно должны притти к тому, что жизнь развивается в сторону большей гармоничности отношений между людьми, и это при прогрессирующей ее многогранности. Вы неизбежно придете и к признанию наличности и в настоящее время элементов этой будущей гармоничной жизни. Тогда Вы признаете, что в жизни много отрадных явлений, пройти мимо кот. можно лишь при нежелании их замечать. Вы увидите массу фактов самопожертвования ради интересов высшей коллективности. Увидите массу кристально чистых душ человеческих. Увидите много такого, что преисполнит Вас радостью, бодростью. Важно лишь выработать в себе слиянность с тем новым, над созданием кот. многообразно работали и работают массы. Жизнь столь многообразна, что всякий, ищущий в ней те или иные нужные ему проявления—найдет их. Мизантроп, пессимист, не желая видеть ничего хорошего, увидит лишь плохое. Возможно и обратное. Не к чему ударяться в крайность для отыскания хорошего. Много плохого, чего не должно быть. Но процесс развития жизни как раз и идет в сторону преобладания хорошего. Процесс этот может быть длительным. Пусть! Раз Вы приобретаете научную уверенность в неизбежности победы гармоничной жизни, не имеет значения вопрос о длительности процесса. И самая борьба людей и с внешними условиями и между собою за господство новых начал жизни полна захватывающего интереса. Принять участие в этой борьбе—огромное наслаждение. Да и самый процесс индивидуальной жизни интересен. Жизнь сама по себе уже благо.

Жизнь сложна. И не легко найти индивиду свое место в ней. Отсюда так много и разочарований. Необходима изрядная энергия для отыскания этого места, кот. дается часто лишь в результате ряда разочарований. Но

это не должно пугать. Невозможно, милая Кирочка, указать, дать добрый совет, как быть хорошей, энергичной и т. д. Воспитать чуткость в человеке, пробудить его энергию до известной степени можно. Но только при условии длительного воздействия, воспитания. Притом же только личное воздействие может иметь большое значение. Самое важное научиться любить жизнь, как она есть со всем плохим и хорошим, таящимся в ней. Вы правы, что, кроме скульптуры, если нельзя надеяться на нее, как на заработок, необходимо еще что-либо. Но какую область избрать? На это я пока ничего не отвечу. Перед Вами еще год с лишним до этого избрания. Так много может произойти в течение столь длительного времени, что преждевременно и говорить что-либо. Надеюсь, что до тех пор еще многими письмами обменяемся.—Мои мечты во многом не сбылись. Прожил не так, как хотелось бы. Причин тому много. А о здешней жизни мало интересного можно сообщить. Зиму прожил недалеко от почты и телеграфа. Получались телеграммы Пет. Агентства. Все же можно было до известной степени следить за войной. Вокруг войны сосредоточились все помыслы. Как ни отдаленна она отсюда, но затронула основательно. Тяжелее чувство оторванности, а оно-то, главным образом, и угнетало и раньше. Народу кругом мало, поговорить почти не с кем. Но поскольку возникают разговоры, вертятся по преимуществу вокруг войны. Газет, журналов—мало. Писем из России почти нет, большинство моих корреспондентов исчезло с горизонта. Газеты не дают никаких сведений о внутренней жизни страны. Книг тоже почти нет. За всю зиму не занимался так, как хотелось бы. Если чем и занимался, то, главным образом, языками да попытками найти заработок, пока не давшими никаких практических результатов. А тут еще обстоятельства сложились так, что жинка должна будет приехать сюда с ребятками. Как будем жить, еще не знаю. Но не горюю. Как-нибудь проживем. Бодрости у меня не убавилось, как и энергии. Попрежнему хорошо знаю, что неизбежны лучшие времена и для меня. Пишите, милая Кирочка, чаще. Всего, всего доброго и бодрого. Крепко жму руки.

В силу некоторых причин не мог отослать раньше письмо. Мой искренний привет и наилучшее пожелание Л. И., хотел писать и ей да сегодня не буду.

27/II.

10.

с. Монастырское.

19/III-16 г. Милая Кирочка! На этот раз отвечаю немедленно же по получении Вашего письма. Эх, хорошо бы сейчас посидеть в Питере среди милых, хороших друзей. Много бы говорили. Я и так «говорун» изрядный, а уж тут бы на радостях несколько часов под ряд и рта не закрыл. Теперь я не много говорю, а мало. Так что несколько изголодался по хорошим разговорам. —Хорошо будет, когда окончатся Ваши занятия и выдержите необходимый искус. Только бы не подорвать здоровья. А там—дороги открыты. И прекрасно будете чувствовать себя без обязательных занятий—на свободе. По собственному желанию, влечению будете выбирать занятия. Трудная штука

избрать что-либо такое, что удовлетворило бы. Благо тому, кто уяснит свои стремления и сразу же сумеет повести занятия по выбранному предмету. Это мало кому удается, особенно у нас на Руси? Я все же думаю, *что больше всего* внимания Вы должны работать над скульптурой, изучая, с одной стороны, технику, с другой — историю искусства вообще. Со своей стороны могу рекомендовать приобрести Вермана «Историю искусства» и под тем же названием книгу *Вёфлина*. Это—капитальные труды. Вы наверное и сами знаете текст Маковского к «Галлерее скульптуры» и книгу Мутера «История живописи». Впрочем, зря я указываю книги. Вы и без меня доберетесь до нужного.—Печальная штука не быть способным отдаваться непосредственным переживаниям. Самоанализ способен отравить самые лучшие, красивые переживания. Мучительная штука. Но борьба с такой штукой бесполезна, пока эта способность не придет сама собою. Жизнь столь многообразна, так много ярких моментов у каждого человека, что, независимо от своего желания, совершенно неожиданно будете захвачены целиком, без остатка, без единой мысли. И редок человек, не переживший такого момента.

Не ищите кумира, идеала в конкретном живом человеке, в отдельной личности. Это грозит большими разочарованиями. «Не сотворите себе кумира». В современной жизни не может быть совершенного человека, не таковы условия, чтобы он мог развиться. Но уже в настоящее время у ряда людей можно найти отдельные черты, кот. переживут современную антагонистическую жизнь. Будущий гармоничный человек, как тип, может быть провиден из этих черт отдельных людей. Изучение истории развития человечества порождает уверенность в пришествии царства этого человека. И не в самоусовершенствовании теперь дело, а в уничтожении условий, порождающих скверное, некрасивое в людях. Эх, много можно сказать об этом. Но, довольно. Не забывайте, милая Кирочка. Летнее время, веселые встречи могут вытеснить меня из Вашей головки. Пишите больше. Ведь мы добрые друзья. Целую Вас. *Як.*

Мой искренний привет и лучшие пожелания дорогой Лидии Ивановне.

11.

20/VIII-16 г. Милая Лидия Ивановна! Где Вы обретаетесь, как живете? Кирочка в последнем письме ничего не пишет о Вас. Думаю, что Вы с ней. Хорошо в Финл. Кирочка пишет о массе солнца, цветов. Здесь же полный контраст. Лето на редкость плохое. Совершенно почти не было теплых ясных дней. Холода, беспрестанные дожди. Надоела такая погода. Развели товарищеский огород, но растет не особенно хорошо. Все же в этом году «вкушаем» и плоды. Есть репа, немного редьки, редиска, морковь, брюква, салат, даже цветная капуста.

Дороговизна невозможнейшая. Ряд продуктов совершенно отсутствует. А пособие не увеличено и заработков мало.

Особенно плохо с одеждой. Если найдете среди своих знакомых лишнюю одежду и обувь—пошлите. Если и денег добудете—тоже хорошо. Посылайте все на имя Клавдии Тимофеевны Новгородцевой. На купоне ничего не нужно писать.

Я лично живу довольно сносно. Обеспеченных 50 рубл. в месяц имеется. Не особенно много, но острой нужды во всяком случае нет. Ребята у меня подрастают помаленьку. Народ хороший, достаточно озорной, здоровый и вполне толковый. Всего доброго. Жму руку.

Я. С.

12.

20/I-17 г. Милая Кирочка! Большое спасибо за монеты. Такая штука при здешних условиях всегда во-время. Особенно же при теперешней дороговизне. Жить вообще туговато, но не так уж плохо. Многим и многим приходится много хуже. Мы-то все же питаемся недурно с ребятами. Здесь ведь нет ни мясного, ни мучного голода пока, а это самое главное. Растут и ребятишки нормальным порядком.

Вы не раз удивлялись, милая Кирочка, моей жизнерадостности, даже сомневались в ее постоянстве. Видите ли, дело тут объясняется довольно просто. Бывают и у меня минуты тяжелых переживаний. Но все они вызваны лишь различными «житейскими мелочами», не являющимися основой существования. Это, так сказать, временный налет. Основа же—жизнерадостное отношение к жизни, вытекающее из миросозерцания, дающего бодрость при самых тяжелых условиях. При моем миросозерцании уверенность в торжестве гармоничной жизни, свободной от всяческой скверны, не может исчезнуть. Не может поколебаться и уверенность в нарождении тогда чистых, красивых во всех отношениях людей. Пусть теперь много зла кругом. Понять его причины, выяснять их, значит понять его преходящее значение. Посему отдельные, тяжелые порой, переживания тонут в общем бодром отношении к жизни. В этом весь секрет. Тут нет отказа от личной жизни. Наоборот, именно при таком отношении к жизни только и возможна полная личная жизнь, где люди сливаются в одно целое не только физически, но и духовно. Пишите больше. Всего лучшего. Целую. Ваш *Як.*

Горячий привет Лидии Ивановне, как ее здоровье?

13.

23/VI-17 г. Милая, хорошая Кирочка! С наслаждением посидел бы с вами рядком, да потолковал ладком. Но сие ведь никак не можно. Посему ограничусь посланием, хотя и не столь большим, как хотелось бы. Зело уже поздно и я мало-мало устамши, как говорится. Настроение в Питере напряженное до крайней степени. Достаточно выступить одной мастерской на каком-либо большом заводе, как взволнуется все рабочее и солдатское население столицы. Посему мы последнее время только и

делаем, что тушим разгорающийся пожар, ибо в данный момент не считаем целесообразным переход к непосредственному действию. Наиболее существенным мне представляется ответить Вам на вопрос о демонстр. Мы готовили мирную дем., чтобы дать выход, разрядить ту сгущенную атмосферу, кот. создалась последнее время. Настроение боевое нарастало давно. Около трех недель от нас добивались разрешения на устройство демонстрации, главным образом, солдатской. Мы сдерживали. И когда увидели, что вот-вот выльется из берегов бурливое настроение, мы и призвали к мирной демонстрации. Призывали к мирной и только к мирной. Ни о каком заговоре не может быть и речи, ибо собрания происходили по заводам и полкам за два дня до предполагавшейся демонстрации. Мы не предполагали, что ее запретят. Ожидали лишь агитацию против, но непрямое запрещение. Были уверены, что никакой агитацией не изменишь перевеса в нашу пользу, закрепленного в последнее время. Наше право было назначить демонстр. Не оспаривали же этого права за другими партиями. Когда же съезд наложил запрет, мотивируя контр-революцией, объявляя врагами народа не подчиняющихся, мы решили, что на разрыв с советами итти нельзя в настоящее время—и отменили демонстр. Но и отмененная демонстр. имела большое значение, потому что удержать массы могли только мы. Приезжавших на заводы и в полки Чхеидзе, Церетелли и К-о просто не слушали и подчинялись лишь призыву ЦК и «Правды» не выходить на улицу. Если и тогда выяснилось, за кем идут питерские массы, то 18 во время дем. это обнаружилось с еще большей очевидностью. «Солд. Пр.» не выходила 4—5 дней. Теперь снова выходит аккуратно. Происходит конференция военных организаций наших. Проходит хорошо, публика хорошая съехалась. Вообще настроение у нас совсем не плохое. Никакого провала на съезде у нас не было. Мы были в меньшинстве, но мы-то знаем, что и в провинции массы с нами и против нас лишь верхи.

Ну, всего лучшего. Работаю много, устаю немного, отдыха нет. Не беда. Пишите, милая Кирочка с удовольствием буду читать В/письма.

Целую. Ваш *Як.*

Пошлите для «просмотра» каррикатуру.

Привет Сергею Алекс. и всем вообще Вашим.

14.

23/VI-17 г. Милая Лидия Ивановна! Ваше письмо показывает, что на Вас действительно ужасно сильное впечатление произвело отношение тамошнего крестьянства к самым насущным вопросам. Я понимаю, мне думается, В/настроение. Только напрасно думаете, милая Л. И., что я, напр., не ожидал ничего подобного в ряде глухих российских мест. Слышал не раз об аналогичных фактах, предполагал массу дикостей. Но какой из этого вывод следует делать?

О том, что в общем и целом такие места не превалируют — несомненно не только для меня. Что можно привести ряд примеров совершенно противоположных описанному Вами — не станете и Вы спорить.

Но основной вопрос не в этом. Он заключается в указании тех путей, кот. наиболее скоро и притом наиболее безболезненно приведут к уничтожению подобных явлений. От ответа на этот вопрос зависит и В/отношение к тем мерам поднятия развития производительных сил, поднятия общего культурного уровня, кот. мы намечаем.

Мне вспоминается, как в 1902 году (или это было в 1903) пришлось тут же после Кишиневского погрома дискутировать с бундовцами. Я лично никогда не знал национального гнета, никогда не подвергался гонениям в качестве еврея. И в первые дни после Кишин. погр. я не испытывал ничего, что отделяло бы меня от настроений не еврейского населения. У бундовцев было иное. Они бросали мне: «те самые, к кот. вы идете, никогда не изменят своего отношения к евреям, и к вам в том числе» и т. п. Их вывод был—отойти от этой массы, работать над воспитанием евреев, добиваться их самостоятельного существования, как особой организации и т. д. Я видел выход в другом. В борьбе с общими условиями, через изменение которых придет изменение и отношения к евреям.

И с деревней тоже. Много темноты, много невежества. Наследие веков не исчезает в один день. Но наша работа,—работа в указываемом нами направлении принесет наилучшие плоды. Докатятся волны подъема и до самых глухих углов, всколыхнутся, проснутся к новой жизни и они. Все меньше их становится. Вернутся солдаты, внесут массу творчества, изменится деревня. Меня не смущают факты, сообщенные Вами. Они могут заставить меня лишь еще энергичнее бороться за их полное исчезновение.—Детенки мои еще не приехали. Жду их через 4—5 дней. Всего доброго и бодрого. Крепко жму руки.

Ваш *Як*.

ПРИМЕЧАНИЯ.

▭ Первое письмо, публикуемое нами, написано в «Крестах», где сидел Я. М., выданный Р. Малиновским и арестованный в ночь на 10 февраля 1913 года.

▭ А. А. Бессер, семье которого адресованы письма, был членом Уральского Областного Комитета Р.С.-Д.Р.П. (б.). Познакомился Я. М. с этой семьей на Урале.

▭ Кирочка, дочь А. А. Б.—в 1913 г.—четырнадцатилетний подросток. Л. И.—жена А. А. Б.—ныне покойница.

▭ Жена Я. М., Клавдия Тимофеевна Новгородцева, была арестована одновременно с мужем, имея на руках двухлетнего мальчика. Вместе с ребенком она просидела в «Крестах» два с половиной месяца.

▭ После «Крестов» Я. М. был выслан в отдаленнейшую часть Туруханского Края.

▭ Джугашвили, упоминаемый в четвертом письме—тов. И. Сталин.

▭ Сергей Алекс., упоминаемый в письме 13—С. А. Басов-Верхоянцев.

МАРКСИЗМ И СОЦИОЛОГИЯ.

П. Стучка.

Проф. Е. А. Энгель. Очерки материалистической социологии. (Издательство Л. Д. Френкель. М.—П. 1923 г. 142 стр.)

До сих пор единственным популярным учебником марксистской социологии считался труд т. *Н. Бухарина*: «Теория исторического материализма». *Проф. Энгель* своей работе приписывает в некотором смысле роль «Анти-Бухарина». В предисловии автор два раза подчеркивает *свой новый подход* к предмету с точки зрения *марксизма*. «Ознакомить... всех интересующихся проблемами марксизма с *попыткой несколько иного, чем общепринятый* (очевидно же, у нас?), *подхода к разрешению* некоторых *из основных проблем марксизма*». «В учении о производительных силах делает попытку *противопоставить* понимание их... *общепринятой трактовке* вопроса с точки зрения технической». Значит, автор рекомендует себя в некотором роде ученым изобретателем? В противоположность английской публике, которая с слишком большим недоверием встречает всякого «инвентора» (изобретателя), мы в технике, где как раз так много уже готовых, весьма простых и испытанных нововведений остается без применения, черезчур падки на изобретателя. Повторяется это как будто и в теориях общественных в.то же самое время, когда важнейшие результаты и факты нашей революции еще не использованы и не сведены в единую теорию. Так, посвятить почти половину книги правовым вопросам, как это делает автор, и оставить без ответа или, вернее, молчаливо отбросить вопрос о классовом характере всякого права,—вопрос, поставленный с громом и молниею в первые же дни Октябрьской революции, невыгодно рекомендует его в глазах нашей коммунистической молодежи (а для кого еще пишется у нас об основных проблемах марксизма, если не для нее?).

Тов. Бухарин под марксистской социологией подразумевает «общее учение *об обществе* и законах его развития». Основатель буржуазной науки социологии, Огюст Конт, как известно, эту науку назвал учением «о человеке как о члене общества». К которому из этих разновидностей

отнести автора? Он пишет в заглавии V главы «Марксизм *или* материалистическая социология», а в другом месте свою социологию определяет как науку «об общественном *человеке*». Эта двойственность является характерным признаком для автора и его работы. Объявляя себя чуть ли не единственным правоверным марксистом, он в то же время, по крайней мере на словах, проявляет или, правильнее сказать, *сохраняет уклон* к старому миру. А этот уклон—для самого автора, может-быть, только пережиток—весьма опасен для его читателей. Ведь у нас всякое новое; особенно изложенное на тяжелом, трудно-понятном, т.-е. «научном», языке учение легко создает «школу».

Первая часть работы, как и следует ожидать от книги, посвященной человеку (хотя и общественному), старается выяснить границы биологии и социологии. Автор, как и всякий марксист, в биологии—дарвинист, и он правильно ищет мостика не от дарвинизма к марксизму, но, наоборот, от марксизма к дарвинизму. «Марксизм покрывает дарвинизм, но дарвинизм не покрывает марксизма». Таков результат его анализа. «Благодаря *стыку*, образуемому *понятием активного приспособления* между дарвинизмом и марксизмом, можно, *отправлялсь от марксизма и спускаясь вниз по лестнице органического* мира, прийти к дарвинизму, и, наоборот, можно, отправляясь от дарвинизма и *направляясь вверх к общественному человеку, прийти к марксизму*». Как относиться революционному марксизму к подобной, на вид весьма привлекательной, беспрерывной *лестнице*, несколько напоминающей известный сон Якова?—Революционный марксизм как будто не признает такой беспрерывной лестницы; он, напротив, как относительно развития экономиики, так и относительно общественного движения, проповедует учение *о движении скачками* и даже в биологию пытается внести эту свою точку зрения «революционного развития» [1]). Не является ли такая сплошная лестница просто перекрашенным эволюционизмом? Маркс *такой* эволюционной точки зрения на движение (любимое слово Маркса вместо двусмысленного «развития») общества, как бы такой взгляд ему ни навязывали, не признавал.

Но присмотримся ближе к тому вновь открытому автором «мостику», благодаря которому автор поднялся до верного понимания марксизма. Это—«понятие активного приспособления». Я не могу подробно остановиться, на этом понятии, которому посвящена значительная часть первой половины книги, но всякий читатель убедится сам, что это либо просто ничего не говорящая фразеология, либо именно мостик для связи—с дореволюционным мировоззрением. Мы все признаем теорию *отбора*, но применять ее дословно к развитию общественного человека, например, капиталистического периода, явно неправильно и не по-марксистски. К. Маркс, напротив, учит, что каждый период в развитии человечества

[1]) Подтверждение этому взгляду революционное учение видит, между прочим, в известном отсутствии «переходных форм», и в то же время наличность форм, объясняемых лишь из обратного развития к предыдущей форме.

имеет *свои особые законы* развития. О каком отборе сильнейшего, например, идет речь в капиталистическом обществе, когда над человечеством властвует выродившийся тип человека, благодаря не своей силе, а власти денег, когда не человек управляет произведенным им же орудием, а, наоборот, это орудие-машина управляет человеком? Что означают тут фразы об отборе, об активном воздействии и т. д. и что они имеют общего со словами Дарвина? Дарвин был прав, но для биологии и для известной ступени развития человечества, а не больше. Маркс, напротив, наметил законы дальнейшего развития общества и человечества, конечно, не отрицая, но подтверждая животную природу самого человека. Но я не вижу углубления учения Маркса в том, что пытаются строить искусственные словесные мостики для создания стройной многоэтажной лестницы, что с этою целью активное приспособление биологии для социологии переименовывают просто в «производство» и т. д. Такая игра слов привычна для старого юриста, хотя и «социолога», но она недопустима для социолога-марксиста. А такой прием является самым излюбленным методом автора, когда он, например, этот свой взгляд развивает в особую «пассивную» и «активную классовую борьбу», когда он теорию «естественного отбора» превращает в «теорию социального отбора» и т. д. и т. п. Так, вся первая часть книги является более или менее верным изложением учения Дарвина, а тут же перефразировка Дарвина в марксистском духе, обильно снабженная революционно-марксистскими словечками. Подобные учения одного другого подкупают своим революционным языком и одновременно своею квази-научностью. Но автор сам весьма удачно выражается: «В классовой борьбе, как политической, выковываются новые формы общественного сознания», а не—прибавили бы мы—просто в кабинете, заваленном старыми научными фолиантами вперемежку с одною-другою политически-агитационною брошюркою. Относительно первой части работы, о дарвинизме, можно сказать, что от ее чтения ни особой пользы, ни особого вреда не получается.

Переходя к основной теме своей работы, к общественным отношениям как «элементарному социальному явлению», автор, прежде всего, дает определение общественного отношения, как отношения между людьми, которому присущи два основных *идеологических момента: целевой и нормативный*. Значит, общественные отношения могут быть только *сознательные*, ибо говорить о бессознательной цели либо бессмыслица, либо скрытая теология. Это—с одной стороны [1]). А с другой стороны, эти отношения должны быть *сознательно нормированы*, ибо сам автор отмежевывает эти человеческие нормы от всяких *инстинктивных норм животного* мира. Это—все, что хотите, только не марксизм. Маркс под общественными отношениями понимает просто *взаимоотношения людей в произ-*

[1]) Сам автор на стр. 110 цитирует Маркса: «В общественном производстве люди вступают в определенные *необходимые независимые от их собственной воли*, производственные отношения». А таких цитат у Маркса без счета. Значит,—«ненамеренная цель»? Совсем иное дело—«целесообразность», у Маркса, как специфический признак человеческого труда.

водстве и обмене. Эти взаимоотношения, с одной стороны, вовсе не обязательно сознательны; что же касается регулирующих *норм*, то нормы появляются только в результате общественных отношений и общественного движения [1]) и лишь после открытия законов общественного движения могут быть выдвинуты сознательно. Значит, назад к Канту и Штаммлеру? [2]). А если читаешь у автора слова, как: «момент *нормирования*» «отношений людей» и является *моментом, превращающим* соответствующие *отношения (вообще) в «общественные отношения»:* половое общение—в брачные отношения, убийство—в преступление, драку—в войну», то покажется, как будто имеешь перед собою старого юриста Штаммлера—в квадрате. Дальше, определение права, как «идеологического скелета социальной организации»! «Закон и обычай»—вот истинно-научное определение права в марксистском смысле. А вслед за тем идут самые отсталые юридические рассуждения о делении «права на частное и публичное», на «объективное и субъективное право» и т. д., только украшенные марксистскою терминологиею. Читаешь все это в недоумении: имеешь ли пред собою действительно марксиста, только не отбросившего еще старый буржуазный хлам, или, напротив, профессора, сознательно протаскивающего этот старый хлам под марксистским соусом в наше революционное мировоззрение.

А надо отдать справедливость автору: он—человек, владеющий пером, и если отбросить его страсть к «научному» методу изложения своих мыслей, он читается с захватывающим интересом. Но тем опаснее его уклон. Выставляя этот уклон именно как нечто новое, ультра-материалистическое (он для упрощения дела «термин материалистический просто употребляет как *синоним* термина научный!»), он вносит путаницу в головы читателей, и так уже не особенно твердых в экономическом материализме. Возьмем для примера его открытие: деление у Маркса производительных сил на материальные и общественные, относя к последним рабочего. Автор широко рекламирует это свое открытие, но в чем же суть этой новой идеи! Ведь Маркс дает в «Капитале» и прочих своих основных работах критику буржуазной экономии; для него политическая экономия вообще только экономия капиталистической эры. И тут-то Маркс подчеркивает, что и рабочая сила играет роль той же *материальной* производительной силы. Автор свой взгляд противопоставляет «*буржуазному* техническому пониманию производительных сил». Но это ведь т. Бухарин [3]) повинен в таком техническом понимании «обществен-

[1]) Маркс только поставил своею целью «исследовать нормы общественного движения, т.-е. общества», для Энгеля норма является предпосылкою общества.

[2]) Штаммлер, как известно, определяет «общество как внешне нормированное общежитие людей». А т. Энгель вещает: «Правоотношение есть нормативный момент (всякого!) общественного отношения».

[3]) Автор полемизирует вообще дипломатическими приемами. Он не называет фамилий, и только из совпадения терминологии приходится догадываться, кого он имеет в виду. Так, на стр. 128 он говорит, как «о варианте псевдо-психологического определения, господствующего у буржуазных социологов» — об «обществе, как наиболее широком взаимодействии людей».—Помните, что опять т. Бухарин говорит об обществе, как о «наиболее широкой системе взаимодействий людей» и т. д.

ных, материальных производительных сил, как общественной техники». Но в чем суть этого искусственного противоставления понятий материальных и общественных производительных сил у автора? В том перекрашивании Маркса в идеологический цвет, который составляет суть всей «материалистической социологии» проф. Энгеля. Но стоит прочесть немецкий текст «Предисловия» к «Критике политической экономии», чтобы убедиться в полной искусственности его построения. Впрочем, и в русском переводе это ясно. Сопоставьте, например (стр. 110), случай 2: «*материальные производительные силы общества* приходят в *противоречие* с существующими производственными отношениями», а несколько дальше случай 5 о *том же* противоречии: «из *конфликта* между *общественными производительными силами* и производственными отношениями». Где тут противоставление 2 и 5? «Углубление» Маркса на игре слов — провалилось. Но у автора «умысел иной тут был»: внести чуждый Марксу специфически идеологический момент и в это понятие. Когда рабочие победят капитализм, они, конечно, вообще перестанут быть простою материальною производительною силою общества; при капитализме это неизбежно. А пока преждевременно писать про наше переходное время, что оно уже «превратило общественную производительную силу из объекта эксплуатации в господина важнейших производительных ресурсов страны».

Автор не даром больше всего места посвящает вопросу, как *отделить социологию от биологии и психологии*, тогда как т. Бухарина, наоборот, больше всего интересует разграничение *социологии и прочих общественных наук* (экономические науки, право и т. д.). Это отнюдь не случайно. Читайте у Энгеля: «Общественное отношение есть такое *социально-психологическое*, а следовательно, и *биологическое* отношение *между людьми*, которому присущи два основных *идеологических момента:* целевой и нормативный». Сам автор тут и видит свою Сциллу и Харибду (стр. 129), но он не минует их, если он будет доверяться одному компасу своей фальсификации Маркса. Слишком дорожит автор багажом своего собственного переходного периода. Ему остается только один путь: сжечь старое и написать новое изложение социологии, без претензии на новизну и не в противовес «общепринятому» марксизму, или вернуться в объятия прежних своих сторонников. От идеологического же понимания социологии и права ведет только одна дорога: к *идеалистическому*, все равно чрез биологию ли, или чрез психологию. Было бы, конечно, жаль терять такую способную силу, как т. Энгель. Надеемся, что ему удастся вырваться из своего заколдованного круга.

Недавно мне пришлось говорить о другой книге автора: «Основы Советской Конституции». Я мог хотя и критически, но мягче относиться к той книге, и не без основания. Ныне я вижу даже на обложке обеих книг известную разницу: первая — под фирмою Госиздат, вторая — у Л. Д. Френкеля. Случайно ли? Автор—дарвинист, и он, может-быть, видел в музее Дарвина изображение двух разноцветных зайцев: «in summer and in winter dress» (в летнем и зимнем одеянии). У Дарвина в данном

случае шла речь о «приспособляемости» зайца. О каком, однако, приспособлении, пассивном или активном, идет речь тут?

Еще несколько слов о концепции права по разбираемой книге. Перефразируя вышеприведенную цитату самого автора, можно было бы сказать, что у него «социология не покрывает права, а *право покрывает социологию*». Без права у него нет даже общества. Право в собственном смысле слова или «объективное» — это «обезличенная правовая норма, определяющая массовое (групповое, классовое) правовое поведение». А норма эта, по т. Энгелю, *закон и обычай* или, проще, свод законов, ибо в современном обществе обычай может применяться по общему правилу лишь там, где это разрешает закон. Стоило ли после всего этого провозглашать, как делает автор, что он нашел *первым* «возможность подхода к построению *материалистической* теории права». А «задача суда в том, чтобы выяснить, можно ли подвести заявленную правовую претензию («субъективное право») под какую-либо из норм закона». Правда, хорошо, что автор не был в наших рядах в 1917 г., ибо что же он сказал бы про задачу наших судов 1917 и сл. годов? Такие рассуждения для нас ровно никакой ни научной, ни тем более практической ценности не имеют.

На этом я кончаю свою заметку и советую автору основательно приняться за переработку своего труда, не при помощи одних ножниц и клея, а посредством огня и радикальной самокритики, не пренебрегая «общепринятым у нас подходом... к разрешению проблем марксизма».

ЛЕВИЗНА ПУШКИНА В РИФМАХ [1]).

Валерий Брюсов.

1.

В истории русской рифмы существует резкий перелом, наметившийся лет 15 тому назад. Принципам рифмы «классической»,—той, которой пользовались последователи и эпигоны Пушкина, футуристы противопоставили принципы «новой» рифмы. Сначала то были неясные, неоформленные искания, часто сводившиеся к тому, что новые поэты просто небрежно относились к рифме, позволяя себе пользоваться созвучиями очень приблизительными, ассонансами весьма сомнительными. Но понемногу характер новой рифмы стал приобретать совершенно точные очертания. Из стихов В. Маяковского, особенно же Б. Пастернака и Н. Асеева, можно уже вывести определенную теорию новой рифмы. За последние годы эта новая рифма получает все большее распространение, усвоена, напр., большинством пролетарских поэтов и покоряет постепенно стихи других поэтов, футуризму по существу чуждых.

Различие между рифмой «классической» и рифмой «новой» вполне явно. Классическая рифма, рифма преемников Пушкина, обращала исключительное внимание на тождество или сходство ударных гласных в двух словах и тех звуков, которые за этими звуками следуют *вправо*, т.-е. на конец слова. Напр., для Ап. Майкова были вполне точными рифмами: благость—тягость, ворот—год, и тому под. Новая рифма, сохраняя требование тождества или сходства ударных гласных, допускает значительное

---

[1]) Предлагаемая статья была прочитана мною, как доклад, в «Кабинете Поэтики Литературно-Художественного Института» и в Пушкинской Секции Академии Художественных Наук. Моими оппонентами было сделано мне не мало ценных указаний. Среди них я особенно должен отметить замечания Мих. Абр. Гершензона (младшего, студента Л.-Х. Института). Так как М. А. Гершензон, при исследовании рифм Пушкина, стоит на совершенно иной, нежели я, точке зрения (притом очень интересной), то я не могу привести здесь его возражений полностью: это значило бы написать другую статью. Но в тех случаях, когда замечания М. А. Гершензона сводились к поправкам и дополнениям моих положений, я привожу далее эти замечания в подстрочных примечаниях. *В. Б.*

несходство звуков, следующих за ними, т.-е. конца слова, но зато требует совпадения или близкого сходства звуков, стоящих *влево* от ударного, т.-е. звука, идущего непосредственно перед ударным, так называемого «опорного», а также и части звуков, предшествующих ему. Напр., Б. Пастернак рифмует: продолжая—лужаек, померанцем—мараться, кормов—кормой, чердак—чехарда, подле вас—подливал, и тому под.

Теория классической рифмы из числа звуков, стоящих *влево* от ударного, обращала внимание лишь на один, непосредственно предшествующий, «опорный», притом исключительно на звук согласный («опорная согласная», «consonne d'appui»). Необходимым согласование опорного согласного признавалось только в мужских открытых рифмах, т.-е. в словах, кончающихся на ударную гласную. Таковы, напр., рифмы А. К. Толстого: в пыли—вознесли, красоты—цветы, и тому под. В других случаях согласование опорной согласной считалось роскошью, называли такую рифму «глубокой» (что терминологически неправильно или, вернее, неудобно) и пользовались ею лишь в исключительных случаях. Напр., для А. К. Толстого типичны рифмы: голубой—корой, дома—переломы, и т. п.

Новая рифма, разрешая различие конечных звуков слова, непременно требует согласования звука опорного, все равно гласного или согласного, и тем большего совпадения звуков *влево* от ударного, чем больше различие в окончании рифмующихся слов. Иначе говоря, новая рифма выдвинула в рифме значение *до-ударных* звуков, стоящих влево от ударного. Практика показала, что совпадение этих звуков действительно крайне усиливает созвучие слов, делает их созвучными даже при несходстве окончаний. Отсюда был уже один шаг к тому, чтобы в рифмах, где окончания совпадают (как в классической рифме), тоже искать совпадения до-ударных звуков. У того же Б. Пастернака находим рифмы: истолку—потолку, кружевных—уж и в них, твой—плотвой, стрелки—тарелке, керосине—серо-синей, марина—комариной, и тому под. Добавим, для характеристики новой рифмы, что она допускает перестановку (метастазу) звуков, предшествующих ударному, напр.: мандарина—гордыней, знакомств—замком, и тому под.; идя далее, новые поэты допускают даже, при согласовании левых, до-ударных звуков, неточное совпадение ударного, напр.: репейник—терпенье, разбою—разбойник, и тому под.

Ныне распространенные теории рифмы все стоят на принципах рифмы классической, т.-е. согласования только звука ударного и стоящих *вправо* от него. Так определяют рифму стихологи немецкие, французские, английские; им следует и русские теоретики. Этими же принципами руководится и автор новейшего обширного труда о рифме В. Жирмунский («Рифма, ее история и теория», Пб. 1923) Определенно формулирует эти принципы автор другой недавней работы о стихе Б. Томашевский («Русское стихосложение», Пб. 1923). Он пишет: «В общем случае состав рифмы слагается из ударного гласного и замыкающих звуков. В частном случае мужской рифмы на открытый слог в состав рифмы входит и опорный звук... На опорные звуки в XVIII и XIX веках внимания обращали весьма мало, по крайней мере на практике». Последние слова стоит запомнить.

Наши теоретики рифмы щедро брали примеры из стихов Пушкина, но подходили к рифмам Пушкина с уже готовой теорией. Все внимание обращалось на ударную гласную и на звуки *вправо* от нее; звуками *слева*, до-ударными, не интересовались вовсе. Отсюда возникла уверенность, что Пушкин следовал принципам рифмы классической, что он согласовывал звуки, только начиная с ударного до конца слова. Отсюда и утверждение, что «на опорные звуки в XVIII и XIX веках внимания обращали весьма мало». Задача предлагаемой статьи в том и состоит, чтобы показать неправильность подобных выводов.

Итак, статья будет рассматривать не рифму Пушкина в целом (различные ее формы, типы, виды и тому под.), но только особенности пушкинских рифм, по отношению к согласованию в них до-ударных звуков. Тезис, подлежащий доказательству, состоит в том, что Пушкин обращал большое внимание на звуки, слева от ударного, и что, следовательно, новшества футуристов в области рифмы могут опереться на высокий авторитет Пушкина [1]).

2

Для начала рассмотрим одну из наиболее популярных строф «Евгения Онегина» (гл. IV, стр. 41):

Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит, и путник осторожный
Несется в гору во весь дух.

На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева.
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок.
В избушке распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучина перед ней.

В строфе 7 пар рифм. Из них в 4 до-ударные звуки приняты во внимание явно: *хол*одной—*гол*одной, *дор*ожный—ос*тор*ожный, к*ружо*к—*рожо*к, ве*сь д*ух—па*ст*ух. В рифме: р*абот у*молк—д*орогу* вол,—опорные и другие согласные различны, но все три предшествующие гласные согласованы: *у*, которое не изменяет произношения без ударения, ударное *о* и неударное *о*, совпадающее с неударным *а*. В рифме: ночей—ней—оба слова начинаются одним и тем же звуком (о чем скажем далее), а кроме того, опорная согласная «ночей» звучит явственно в «лучина перед ней» (ср. сочетания звуков: чина-ней—ночей). Вполне классической остается лишь

[1]) М. А. Гершензон выставил положение, что нельзя рассматривать евфонию (звуковое строение) рифм у Пушкина вне общего евфонического (звукового) строения всего стиха или даже ряда стихов. До известной степени это верно, в том смысле, что у Пушкина рифмующееся слово определенно подчиняется общей евфонии стиха. Думаю, однако, что представляет самостоятельный интерес—установить, как, несмотря на то, рифмы Пушкина, взятые сами по себе, имеют определенную тенденцию к согласованию до-ударных звуков. На зависимость же рифмы от общей евфонии стиха указано в самом тексте статьи. Между прочим, изолирование рифм от этой общей евфонии только *уменьшает* число доказательств, которые можно было бы привести в защиту основного тезиса статьи.

одна рифма: хлева—дева, объясняемая частью полуиотированным звуком русского *е*, частью евфоническим строением стихов: распевая дева—коров из хлева (в сочетании «ов-из» буква *в* означает звук средний между *ф* и *в*).

Возьмем другую строфу «Онегина» (гл. V, стр. 33):

Освободясь от пробки влажной,
Бутылки хлопнули; вино
Шипит; и вот с осанкой важной
Куплетом мучимый давно,
Трике встает; пред ним собранье
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в руке,
Запел фальшивя. Плески, клики
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;
Поэт же скромный, хоть великий,
Ее здоровье первый пьет
И ей бокал передает.

В этой строфе, из 7 пар рифм, явные опорные согласные в 3: вино—давно, Трике—руке, клики—великий. В рифме: влажной—важной—опорная согласная одного слова отделена во втором вставным звуком; кроме того, оба слова начинаются одним и тем же звуком. В рифме: пьёт—передаёт—ударная гласная иотированная, т.-е. как бы заключает в себе опорный звук *j*; кроме того оба слова начинаются одним и тем же звуком. Вполне классической рифмой опять остается лишь одна: собранье—молчанье; но и здесь должно заметить, что оба рифмующиеся слова построены одинаково: оба—трехсложные, в обоих после начальной согласной следует неударное *о*, потом группа из двух согласных (*бр* и *лч*), и т. д.

Предлагаем проследить рифмы еще следующего стихотворения («Прозерпина»):

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аиды бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Протекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил...
И богиням льстит измена,
Прозерпине смертный мил.
Ада грозная царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к Аиду их несет.
Мчатся, облаком одеты,
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца...
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет,
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы.
Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат.
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Керери дочь уходит
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой.
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой

Из 43 стихов то или иное согласование до-ударных звуков здесь имеется в 27 стихах, что составляет почти 63%. В 16 стихах согласова-

ния до-ударных звуков нет; но в них, почти везде, звуковое строение рифмы определяется звуковым строением стиха: *Равно*душна и *ревни*ва... *Прозерпи*на в *упое*ньи... и тому под.

3.

Теперь рассмотрим типы пушкинской рифмы, сначала по отношению только к опорному звуку.

Отдельно должно рассматривать рифму мужскую (с ударением на последнем слоге) и женскую (с ударением на предпоследнем слоге). Рифм дактилических и ипердактилических у Пушкина немного, и их можно оставить в стороне.

Среди мужских рифм различаются: открытые, т.-е. с ударением на гласную, полуоткрытые или смягченные, т.-е. с ударением на дифтонг с *й*, и закрытые, т.-е. кончающиеся на согласную.

В открытых мужских рифмах Пушкин, как постоянное правило, соблюдал совпадение опорного звука, напр.: пора—вечера, старика—ручейка, зима—ума, небеса—полчаса, равно—темно, мне—старине, Парни—дни, чреду—суду, мечты—полноты и т. д. Исключение составляют рифмы на иотированные звуки: *ю*, *я*, *ё*, т.-е. *jy*, *ja*, *je*, где, повидимому, для слуха Пушкина звук *j* уже являлся опорным. Отсюда возникали рифмы: лью—свою, друзья—я, и тому под., но рядом с ними не редки и рифмы на иотированный звук с добавочным опорным: края—да я, сердца я—твоя, мою—отдаю, мое—твое, и т. д. В отдельных случаях, как иотированные, принимались Пушкиным звуки *и* и *е*, откуда рифмы: любви—дни, стекле—О да Е, и тому под. Но таких примеров и вообще отступлений от общего правила мужской открытой рифмы у Пушкина очень немного.

В смягченных мужских рифмах Пушкин менее строго согласовывал опорный звук. Повидимому, слух его довольствовался совпадением как бы двух звуков в дифтонге. На ряду с рифмами, где опорный звук соблюден точно: живой—головой, дней—сильней, речей—очей, он ей—дней, молодой—седой, одной—мной, и т. д., встречается много таких, где взято не точное, а приблизительное согласование звуков (сходство, а не тождество): тобой—роковой, молодой—суетой, грядой—высотой, и т. д., и, наконец, такие, где опорный звук вовсе не принят во внимание: герой—собой, речей—нежней, чай—вставай, и т. д.

В закрытых мужских рифмах Пушкин чаще, чем в смягченных, согласовывал опорные звуки, напр.: разговор—двор, берегов—богов, роман—обман, болван—зван, пером—гром, брат—град, говорят—наряд, вряд—наряд, наконец—венец, медведь—реветь, Аквилон—небосклон, труд—руд. труслив—справедлив, падут — отдадут, судить — щадить, восставал—укрывал, и т. д. Не менее часто встречаются в таких рифмах приблизительные опорные звуки: опор — разговор, небес — древес, сад—назад, конь—огонь, глядел—хотел, стихов—богов, грядах—кустах, путь—как-нибудь, и т. д. Однако, в ряде таких рифм опорные звуки не согласованы вовсе, напр.: сейчас—нас, порок—венок, устах—очах,

и т. д., особенно часто это в рифмах с ударением на *ю*, *я* и *ё* и в рифмах, кончающихся на две согласных.

Среди женских рифм Пушкина должно различать две группы: те, где после ударной гласной нет согласной или одна согласная, и те, где после ударной гласной две или несколько согласных.

В первой группе согласование опорного звука особенно часто в рифмах открытых: 1) без согласной после ударной: настроя—героя, сединою—женою, клеветою—мечтою, пожилые—злые, замираю—вверяю, и т. д.; 2) с согласной после ударной: тумане—романе, угрозы—прозы, друга—супруга, телега—ночлега, рассказы—проказы, печали—качали—венчали, печали—отвечали, Орлова—слова, отраду—винограду, отрада—Цареграда, время—стремя, триолеты—куплеты, воздымала—выжимала, и т. д.; 3) то же с приблизительным согласованием: боле—воле, убийца—кровопийца, утверждали—достали, Гибралтара—удара, гости—кости, стакана—кургана, посвящали—искажали, и т. д.

В смягченных женских рифмах такое согласование встречается реже, повидимому, по той же причине, как в смягченных мужских. Этим объясняется и то обстоятельство, что Пушкин не часто ищет совпадения опорных звуков в рифмах на *ний*, *ений*, напр.: Евгений—суждений, желаний—свиданий, и тому под. Однако, в ряде случаев такое согласование имеется: Граций—Гораций, княгиней—богиней, исключений—огорчений, и т. д. То же должно сказать о закрытых женских рифмах, каких вообще у Пушкина сравнительно немного; но и среди них есть ряд с согласованием опорных звуков: субботам—работам, дорисован—образован, навещают—утешают, и т. д.

В рифмах второй группы опорные звуки согласованы вообще редко, и для Пушкина типичны рифмы: разгульный—караульный, возникла—Перикла, лицемерный—суеверный, и тому под. Но и здесь можно привести ряд рифм с согласованием, точным или приблизительным: проворно—чудотворной, страстный—прекрасный, смиренный—презренный, печальный—первоначальный, железный—полезный, треснет—воскреснет, бездельник—понедельник, сердечный—скоротечный, Андрюшка—старушка, и т. д. Должно заметить, что согласную со следующим ъ Пушкин тоже рассматривал как двойную согласную; отсюда его рифмы без опорного звука на *анье*, *енье:* молчанье—трепетанье, угощенье—варенье, и т. п. Однако, в отдельных случаях согласование и здесь встречается: поколенье—употребленье, возраженье—воображенье, утешенье—просвещенье, и т. д.

Особенно редко встречается согласование в таких рифмах с ударением на дифтонге, как: злодейство—семейство, и тому под.

Ко всему этому должно добавить существенную оговорку. Согласование опорных звуков может быть и не явным. Звук, являющийся опорным в одном слове, нередко у Пушкина оказывается в слове рифмующимся отделенным от ударной гласной или одним вставным звуком, или целым слогом, или даже несколькими слогами. В последних случаях нужны особые условия, чтобы установить именно согласование звуков (о некоторых таких условиях будет сказано дальше), и здесь мы остано-

вимся только на первом случае, т.-е. когда опорный звук отделен в рифмующемся слове от ударной гласной одним звуком.

Вот примеры такого согласования: 1) точного в мужских рифмах: ку*м*ир—ва*м*пир, ков*р*ом—зе*р*ном, коле*и*—земл*и*, наводи*т* сон—торжеству*ет* он, докучны ей—речей, зо*в*ешь—узна*е*шь, и т. д.; 2) точного в женских рифмах: при*с*луги—до*с*уги, с*л*ова—бесто*л*кова, *д*ела—побле*д*нела, о*б*едни—*б*редни, вос*п*ета—*п*оэта, по*р*ога—че*р*тога, от*в*аги—о*в*раги, тер*п*енье—уве*р*енье, ре*т*ивый—прихо*т*ливый, ро*ж*денный—обо*д*ренный, беззако*н*ный—непреклонный, *я*влялся—раздавался, и т. д.; 3) приблизительного: с*к*ал—по*х*вал, по*т*ом—о*д*ном, о*б*ходит—за*в*одит, *б*лещет—трепещет, догадкой—у*к*радкой, зо*в*ут о*т*иа—мер*тв*еца, и т. д. [1]).

4.

До сих пор мы рассматривали только опорные звуки. Между тем Пушкин весьма часто не довольствовался согласованием одного только опорного звука, но согласовывал также ряд других до-ударных звуков. В том случае, когда все эти звуки непосредственно предшествуют ударному, получается то, что правильно должно называть «глубокой» рифмой. Вот примеры таких глубоких рифм Пушкина: 1) мужских открытых: ме*ст*а—про*ст*а, хо*ч*у—отпла*ч*у, отравле*н*о—напое*н*о, гре*х*и—жени*х*и, истре*б*я—се*б*я, сло*в*а—тра*в*а, сло*в*а—пра*в*а, *с*лова—го*л*ова, ви*н*а—тиши*н*а, бого*в*—вра*г*ов, вла*с*ы—ча*с*ы, осе*н*я—ме*н*я, вра*л*я—по*л*я, да*в*но—ра*в*но, перевести—чести, и т. д.; 2) смягченных мужских: роковой—головой, золотой—теплотой, и т. д.; 3) закрытых мужских: по*к*азать—*с*казать, с*н*имая—под*н*имая, и т. д.; 4) женских: с по*кл*оном—небос*кл*оном, ки*п*ела—свири*п*ела, пог*руж*енный—воо*руж*енный, Ги*мен*ея—пла*мен*ея, и т. д.

По аналогии с просто опорными звуками, дополнительно согласованные до-ударные звуки могут и не предшествовать непосредственно ударной гласной. Такие рифмы тоже приближаются к типу глубоких. Примеры: 1) где в одном случае все согласованные звуки являются опорными: у*м*но—с*м*ешно, Тульчи—па*л*ачи, стрелка—издалека больна—влюблена, и т. д.; 2) где второй звук ни в одной из рифм не является опорным: *д*уши—каранда*ш*и, *д*уша—*д*ыша, плеча—луча, сама—без ума, ро*ж*ок—кру*ж*ок, сло*ж*ено—для кого *ж* оно, и т. д. Возможны и более

---

[1]) М. А. Гершензон, выставляя положение, что звуки рифмы являются, с одной стороны, итогом звукового строения данного стиха, с другой—подготовкой звукового строя следующего стиха, указал на любопытное явление: эти вставные звуки часто являются именно теми, которые получают преобладание в следующем стихе. Пример:

*Р*оссии бранная царица,
Воспомни прежние права!
Померкни, солнце Австер*л*ица,
Пылай, великая Москва!

Опорная согласная *р* (царица) отделена в рифме (Австер*л*ица) звуком *л*, который получает преобладание в следующем стихе. Таких примеров не мало.

сложные приемы такого согласования, с перестановкой звуков и тому под., напр.: *вз*дор—разго*в*ор, *К*орсар—*С*богар, Гим*е*ней—*м*ного дн*е*й, Гран*д*исон—*н*аводит сон, п*р*остит*е* ей—*страст*ей, и т. д. [1]).

Близко к «глубоким» рифмам стоит особенный тип рифм, очень любимый Пушкиным,—рифма «поглощающая». В таких рифмах одно слово *полностью* входит в состав окончания другого.

Наиболее часто применял Пушкин этот прием там, где одна из рифм образована односложным словом. Примеры: да—череда, луг—плуг, кумир—мир, бес—небес, человек—век, снег—нег, дам—следам, стороне—оне, сам—глазам, след—лет, чай—примечай, вот—небосвод, мил—томил, нет—лорнет, был—забыл, честь—перечесть, и т. д. Эти рифмы не могут быть названы собственно глубокими, но есть у Пушкина и примеры подлинно глубоких мужских рифм такого типа: его—моего, ему—почему, очки—дурачки, и т. д.

Весьма нередко пользовался Пушкин этим приемом и в женских рифмах. Примеры: речи—встречи, скрежет—режет, столица—лица, хороводы—воды, тучей—летучей, морозы—розы, вижу—ненавижу, тонет—стонет, громом—ромом, странен—ранен, праздность—разность, хладнокровно—ровно, дело—охладело, Тани—мечтаний, непогоды—годы, вериги—Риги и т. д. Или еще—подлинно «глубокие» рифмы этого типа: краткой—украдкой, расправа—права, винограда—награда, живые—сторожевые, и т. д. Не мало таких рифм у Пушкина и с несколько не точным согласованием звуков: Вальтер Скотт—расход, возврата—брата, осторожный—дорожный, праздный—однообразный, безобразный—праздный, священный—просвещенный, Харит—укорит, и т. д.

К этому же типу рифм должно отнести те, где одно слово начинается ударной гласной, и где, следовательно, нет в нем самом опорного звука, но где это слово повторяется полностью в рифмующемся. Пушкин также очень охотно применял такого рода рифмы. Примеры: 1) мужские рифмы: он—Наполеон, их—затих, честь—есть, и т. д.; 2) женские: ада—отрада, ночи—очи, годы—оды, свободы—оды, оба—гроба. Оле—боле, стулья—улья, шумный—умный, охнет—сохнет, и т. д.

---

[1]) М. А. Гершензон указал, что у Пушкина нередко опорные и вообще до-ударные звуки одной рифмы систематически распределяются по нескольким словам в рифмующемся стихе. Примеры:

И жало мудрое *зм*еи
В уста *з*амершие *м*ои.

Я знаю сам свои *пор*оки,
Не нужны мне, *п*оверь, у*р*оки.

Ты сам, дивись, Назон, дивись судьбе *превр*атной,
Ты, с юных лет *презр*ев волненья жизни *р*атной.

Другие примеры: с *б*ою—*б*уйной головою, *б*ани—*б*архатные ткани, *с*уровый—*с*транность *р*ифмы новой, *ост*авил—*мест*а сии прославил, *тр*он—*тер*пит он, и т. д.

Отдельный вид, и, быть-может, наиболее интересный, «поглощающих» рифм составляют рифмы поглощающие с метастазой (перестановкой) или разделением звуков, т.-е. где все звуки одного слова *полностью*, но не под ряд и не в том же порядке, входят в состав рифмующегося слова.

Примеры: 1) поглощающих рифм с разделением звуков мужских: *стон—сторон*, *том—тайком*, *ты сам—там*, *сны—старины*, *мгла—могла*, *хлоп—холоп*, *рука—ручейка*, *горит—говорит*, *просак—простак*, *пленять*—воспламенять, *красой—рой*, и т. д.; 2) женских: *страдаю—стаю*, *приносят—просят*, *топит—торопит*, *прилежней—прежней*, *нежно—неизбежно*, *деле—доселе*, *сегодня—сводня*, *праздник—проказник*, *рано—романа*, *милый—могилы*, *своды—свободы*, *руку—разлуку*, *верой—Венерой*, *пищу—пепелищу*, *поле—поневоле*, *злата—заплата*, *тучи—трескучий*, *неге—ночлеге*, *пиво—спесиво*, и т. д. Стоит обратить внимание, что громадное большинство этих рифм *начинаются* с одного и того же звука.

Примеры: 3) поглощающих рифм с перестановкой звуков: *года—тогда*, *стара—востра*, *гражданин—один*, *косны—несносный*, *не жаль—жизни даль*, *расточены — старины*, *клавикорды — аккорды*,—воспоминанье—вниманье, Прасковью—кровью, и т. д.

К особенностям пушкинской рифмовки относится принятие во внимание *начальных* звуков слова, примеры чему были только-что даны.

Во-первых, в ряде случаев, опорный звук одного слова согласован с начальным звуком рифмующегося. Примеры: мой—мной, томим, моим, приговор—взор, страх—местах, рукой—порой, венец—певец, толпой—пустой, чертей—рифмачей, тронут—потонут, минуты—надуты, страницы—небылицы, мгновенье—владенье, печали—читали, и т. д. Ряд таких рифм является поглощающими с разделением звуков [1]).

Во-вторых, в ряде рифм, согласованы именно начальные звуки обоих рифмующихся слов. Примеры: 1) мужских рифм: меня—моя, покой—пустой, вода—вреда, вощаной—водой, лужок—лесок, столба—судьба, головой—горой, лови—любви, друзей—дней, наизусть—ни грусть, передал—проливал, глядит—гласит, чернит—чертит, и т. д.; 2) женских рифм: Татьяна—тирана, сваха—страха, невежды—надежды, поэты—предметы, важной—влажной, погода—природа, волненье—воображенье, волненье—вдохновенье, небреженьем—нетерпеньем, и т. д. Этот прием особенно распространен в стихах Пушкина.

Должно еще отметить, что Пушкин весьма охотно применял, как рифмы, слова, в звуковом отношении аналогичные. Характерными примерами могут служить рифмы: предметы—приметы, приезд—присест, плохи—блохи, и т. д. Ряд таких рифм приведен раньше под различными рубриками. К тому же типу относятся любимые Пушкиным рифмы: сладость—младость, племя—время, сети—дети, пишет—дышит, тень—

[1]) Отдельные случаи подходят близко к указанному выше распределению до-ударных звуков рифмы между несколькими словами в рифмующемся стихе, напр лоно вод—лед, слезы лил—сил, и т. д.

день, и т. д., а также еще: моэта—поэта, необозрима—невозвратима, залетный—заботный, и тому под.

Повидимому, пристрастием Пушкина к таким созвучиям должно объяснить то, что он охотно рифмовал ряд односложных и двусложных слов, формально дающих только бедное созвучие: глас—нас, нас—вас, лет—нет, шум—дум, силы—милы, тени—сени, нами—вами, и тому под. Может-быть, по той же причине Пушкин допускал рифмы, представляющие в сущности повторение одного и того же слова с разными приставками: меж тем—тем, всяк—сяк, обрести—завести, всходит—нисходит, приговоров—разговоров, самовольным—недовольным, и т. д.

Последние виды рифмы составляют уже переход к рифмам омонимическим и тавтологическим. Омонимической рифмой в точности называется такая, где оба рифмующиеся слова составлены из одних и тех же звуков, но в разном их распорядке; но также называют омонимической рифмой и те, где рифмующиеся слова составлены из сходных звуков. Примеры таких рифм Пушкина частью даны выше, частью еще: голод—холод, голодный—холодный, пятой—бедой, задрожала—задержала, арестом—Орестом, и т. д.

Тавтологической рифмой называется такая, в которой рифмуются два слова, одинаковые по произношению, но имеющие разное значение. Примеры, для ясности, приводим в полных стихах:

А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?

Будет вам по калачу...
А не то поколочу.

В год за три-щелчка тебе по-лбу...
Есть же давай мне вареную полбу.

И током слезы точит.
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит.

Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.

Хоть убей, следа не видно...
В поле бес нас водит, видно.

Защитник вольности и прав
В сем случае совсем не прав.

Можно напомнить еще стихотворные шутки Пушкина на глубокие рифмы: «Дева, ног не топырь...» и тому под.

5.

Остается сказать о бедных рифмах у Пушкина.

Несомненно, у него есть ряд рифм, где звуки согласованы, только начиная с ударной гласной, при чем иногда самое сходство этих ударных гласных лишь приблизительное. Можно найти у Пушкина и просто сла-

бые рифмы, и не только в лицейских стихах: одни—стороны, ныне—именины, китайца—американца, и т. д., но и в «Онегине»: героиней—Дельфиной, и тому под. Но все это будут единичные исключения.

Как правило, можно установить следующее. В тех случаях, когда Пушкин, по внешности, довольствовался «бедным» созвучием, не искал согласования до-ударных звуков, это было обусловлено тем, что до-ударные звуки рифмующихся слов подчинялись звуковому строю того стиха, в который они входили. Такова, напр., «бедная» рифма: суровый—подковой; но звуковое строение этих двух слов легко объясняется, если взять полностью стихи с этими рифмами:

*С*кажать верхом в *с*тепи *с*уровой...
Но *к*онь *пр*итупленной *п*одковой.

Несколько аналогичных примеров приведено раньше и дальше [1]).

Это обстоятельство весьма затрудняет цифровые подсчеты числа рифм у Пушкина, где до-ударные звуки во внимание приняты. В ряде рифм, где формально нет согласования до-ударных звуков, в действительности эти звуки играют огромную роль в евфонии стиха.

Возьмем пример, стихотворение: «Зима. Что делать нам в деревне...» В нем 46 стихов, не считая последнего, оставленного без рифмы, т.-е. 23 пары рифм.

Из них поглощающих 3: встречаю—чаю, речи—встречи, розе—морозе. Сюда же можно было бы отнести рифму: яд—скользят, но мы рассматриваем ее далее.

Поглощающих с перестановкой 1: крыльцо—лицо.

Просто глубоких 2: закрываю—вырываю, слова—права. Предыдущую рифму: крыльцо—лицо, конечно, можно также рассматривать и как просто глубокую.

С точной опорной согласной 5: метель—постель, коня—дня, шевеля—короля, уголка—возка, сторона—полна.

С приблизительной опорной согласной 1: спор—разговор.

С согласованием опорной согласной и начальной 2: *в*зоры—разго*в*оры, *з*а нами—*гл*азами.

С согласованием начальных согласных 1: скуки яд—скользят.

Всего рифм, где согласованы до-ударные звуки, 15; где они не согласованы—8. Однако, рассмотрим эти последние:

В рифме: *до* обе*да*—сосе*да*, явная аналогия в построении рифмующихся слов. То же в рифме: воет—ноет, но она объясняется еще звуковым строением стихов:

---

[1]) М. А. Гершензон указал, что евфонией стиха часто объясняется у Пушкина замена точного согласования опорных звуков—приблизительным. Примеры:

Их моют дожди, засы*п*ает их *п*ыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

*П*ошла гулять в *п*устынном *п*оле.
Она привыкла к резвой воле.

Куда как весело! Вот вечер; вьюга воет.
Свеча темно горит; стесняясь сердце ноет.

То же рифма: поздней уж порой—являемся домой. То же рифма: прислужницею странной—холодный и туманный. То же рифма:

о сахарном заводе.
Хозяйка хмурится в подобие погоде.

То же рифма: идет в уединенье—печальное селенье. Наконец, рифма: и песни вечерком—и шопот за столом, дает аналогичное построение двух выражений.

Принимая во внимание такие оговорки, должно признать, что все формальные подсчеты дадут цифры *ниже* действительных.

Однако, чтобы избежать всяких субъективных толкований, лучше при подсчете рифм, где приняты во внимание до-ударные звуки, считать за таковые только следующие типы: 1) поглощающие с опорной согласной; 2) поглощающие с перестановкой и с разрывом; 3) глубокие; 4) с опорным звуком точным; 5) с опорным звуком приблизительным; 6) с согласованием опорного звука и начального; 7) с согласованием начальных звуков; 8) мужские с ударением на иотированный звук (таких немного).

Составленные по этой программе статистические таблицы дали следующие результаты:

В III главе «Онегина» из 92 пар рифм, с согласованием до-ударных звуков 68, т.-е. 73%.

В IV главе «Онегина», из 312+3 (имеются в виду тройные рифмы в «Письме Татьяны»), с согласованием рифм 171, т.-е. 54%.

В «Цыганах», из 244+27, с согласованием рифм 139, т.-е. 51%.

В «Прозерпине», из 43, с согласованием рифм 27, т.-е. 63%.

В стихотв. «Зима. Что делать нам в деревне...», из 23, с согласованием рифм 15, т.-е. больше 65%.

В стихотв. «К Овидию», из 52, с согласованием рифм 27, т.-е. почти 54%.

Разумеется, этих подсчетов далеко недостаточно. Но и они уже позволяют утверждать, что у Пушкина *в большинстве* рифм, так или иначе, до-ударные звуки согласованы.

Следовательно, так наз. «классическая» рифма не есть пушкинская рифма. Утверждение, что поэты XIX века на опорный звук обращали внимания мало — неверно: опровержение — Пушкин. Господствующие определения рифмы должны быть изменены, если желательно, чтобы они соответствовали рифмам Пушкина. И наши футуристы, в своей реформе рифмы,—может-быть, не подозревая того,—возобновляли традиции Пушкина.

Рис. 1. Икириусаи Хиросиге. — Из серии больших мостов.

ЯПОНСКАЯ КСИЛОГРАФИЯ.

(Эволюция стиля).

А. Н. Греч.

Каждая эпоха, даже каждая отдельная отрасль в искусстве переживает момент, который лучше всего можно охарактеризовать словом «мода». Это—время поверхностного и неглубокого знакомства, время непосредственного воздействия вновь открытого источника искусства [1]). И так же внезапно, так же неожиданно, как она появилась, вдруг угасает вспышка интереса. Однако, путь уже проложен, и на смену дилетанту идет ученый, критически разбирающий открывающийся перед ним художественный материал. Итак, любителя сменяет ученый, художественную критику—научное исследование.

Интересующая нас здесь область—японская гравюра на дереве—прекрасно иллюстрирует все сказанное, правда, скорее применительно к Западу и Новому миру, чем к России, где литература, посвященная вопросу, почти совершенно отсутствует [2]).

---

[1]) О влиянии японской ксилографии на французскую живопись конца XIX в. см. раннюю работу Тугендхольда «Французское искусство и его представители». Петроград, изд. Т-ва «Просвещение».

[2]) Мы можем указать лишь на сильно «эстетизирующую», лишенную методологии, но исторически верную статью Н. Пунина в журнале «Аполлон» (№ 6 — 7 за 1915 г.).

Можно смело сказать, что всего каких-нибудь тридцать лет тому назад началось настоящее знакомство с японской ксилографией.

Одним из первых исследователей были француз Gonze (L'art Japonais) и англичанин W. Anderson (Japanese Wood Engravings. The Portfolio. May 1895), оба очень поверхностно подошедшие к вопросу; за ними выступил Ernst Fenellosa (Outline of Chinese and Japanese Art, перв. изд. 1907 г., вт. изд. 1913 г.), американский ученый, прекрасный знаток дальневосточного искусства, впервые в названном труде и ряде статей в каталогах выставок разработавший эту область дальневосточного искусства. Дальнейшее углубление вопроса почти всецело принадлежит немцам. Следуя Фенеллозе, пишет свой известный труд W. v. Seidlitz (Der Japanische Farbenholzschnitt, 2 изд. Leipzig, 1913), первый из крупных германских исследователей. Его противником выступает D-r J. Kurth, глубокий знаток Японии, автор ряда монографий и исследований [1]) и, наконец, L. Bachhofer (Die Kunst der japanischen Holozschnittmeister. München, 1922).

Интересно слегка очертить позиции названных ученых. Фон-Зейдлиц — популяризатор и компилятор материала; ему недостает непосредственного соприкосновения с жизнью, языком и бытом Востока; в этом отношении он является полной противоположностью д-ру Курту, занимающемуся не только изобразительными искусствами, но также языком и литературой, как о том свидетельствует выпущенная им на немецком языке антология японской лирики (Japanische Lyrik aus vierzehn Jahrhunderten. München, 1910). Однако, и к последнему отчасти справедлив упрек в излишней исследовательской кропотливости, в ущерб ясности общей

Рис. 2. Хишикава Моронобу. — Из эротической книги (Шунгва).

[1]) Перечислим здесь главнейшие работы д-ра Ю. Курта: «Der japanische Holzschnitt». München, 1909 и 1921; «Harunobu». München, 1910 и 1923; «Sharaku». München, 1921; «Utamaro». Leipzig, 1907. См. также ряд статей в «Orientalisches Archiv» и «Ostasiatische Zeitschrift». Полная библиография исследований д-ра Курта приложена ко 2 изд. книги. «Der japanische Holzschnitt». 1921.

картины. Д-р Курт прежде всего пишет историю отдельных художников.

Наконец, Бахофер, третий из указанных нами крупных исследователей, пытается наметить в японской гравюре эстетическую закономерность, исследует ее по принципам формального и стилистического анализа Вельфлина. Для него имена почти не играют роли. Отсюда ясно намечаются лишь два последних пути, по которым может итти научное исследование японской ксилографии; для европейцев же, которым недоступен язык, остается только последний путь,— путь формально-стилистического анализа [1]).

Рис. 3. Китагаво Утамаро. — Три девушки.

I.

Возникновение японской ксилографии, подобно европейской, стоит в тесной зависимости от книгопечатания. Однако, самостоятельной отраслью искусства становится она только тогда, когда получает свою ценность гравюра как таковая, т.-е. самостоятельное художественное произведение, пользующееся способом гравюры как удобнейшим средством своего

[1]) Считая не лишним отметить здесь несколько работ, относящихся к школе д-ра Ю. Курта: 1) Friedrich Succo. «Toyokuni und seine Zeit» (1913). (Подробный разбор запутанного вопроса о Тойокуни и его учениках). 2) Fr. Loevenstein. «Die Handzeichnungen der japanischen Holzschnittmeister» (1922). (Хорошо иллюстрированное, но не вполне удовлетворительное в историко-методологическом отношении исследование).

размножения [1]). Конечно, расцвет графического искусства в Японии был возможен лишь тогда, когда сама живопись стала приближаться к графике. Последнее, действительно, произошло в начале XVII века. Таким образом, почва для внезапного расцвета ксилографии была подготовлена. Раз начавшись, развитие ее шло быстро и беспрерывно. Всего каких-нибудь два столетия просуществовала японская цветная гравюра, но на протяжении этого времени несколько раз менялся ее стиль; поэтому, применяя обычную схему, мы можем наметить три, отличных друг от друга, периода: эпоху молодости, зрелости и старости. постепенный рост и эволюцию художественно-жизненных сил.

На некоторых, наиболее типичных для каждой эпохи мастерах мы построим здесь свои примеры.

Но прежде надо отметить, что японская ксилография — это некое социальное явление; японская гравюра доступна гораздо большему кругу людей, чем живопись, поневоле более аристократическая и замкнутая. Пусть сюжеты ее вовсе и не народны, особенно в первую эпоху, она все же является носительницей нового движения в искусстве, так называемое «укио-ие» (от имени художника Укио Матехеи), взглянувшего на мир совершенно иными глазами, влившего в искусство новую жизненную струю.

Рис. 4. Катсушика Хокусаи. — Иллюстр. к сказке.

В процессе эволюции мы увидим, как по духу своему японская ксилография все ближе и ближе подходит к окружающей действительности, к повседневной реальности.

Прежде всего нам придется говорить о линии и краске—этих двух факторах формообразования. так как третий, сопутствующий им в евро-

[1]) В этой самостоятельности заключается главное принципиальное различие японской гравюры от китайской, стремящейся воспроизводить живописные произведения.

Из собрания П. П. Перцова

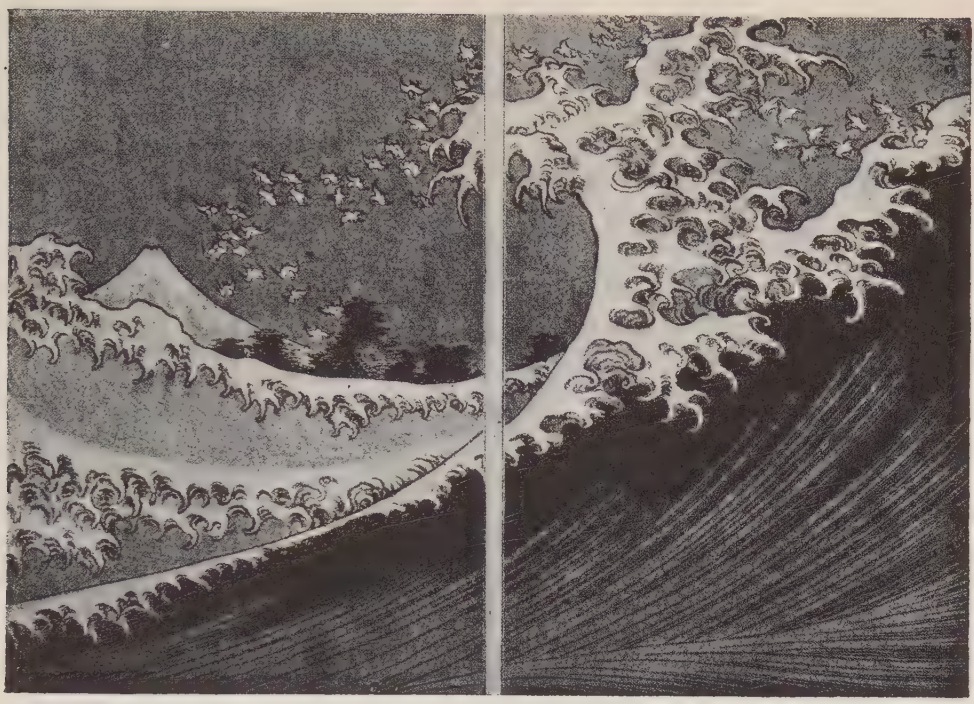


Рис. 5. Катсушика Хокусаи. — Волна.

пейской живописи, — светотень — в искусстве Японии отсутствует; ни отбрасываемых, ни падающих теней не знает дальневосточное мироощущение.

II.

Для первого периода линия—почти все. Она обладает невероятной гибкостью; ею одною умеет формовать художник. Чередованием ритмически изгибающихся контуров, чередованием черных штрихов и белых перерывов в узорах—умеет он создавать чудеснейшие эффекты.

Любой лист Хишикава Моронобу (1638—1714), этого наиболее выразительного представителя первого периода, своего рода вдохновителя японской ксилографии, является в этом отношении крайне показательным.

Наш пример (рис. 2) заимствован из эротической книги (Шунгва, т.-е. весенняя книга), сюжеты которой были особенно близки художнику.

Мы видим изображение сидящих мужчины и женщины, представленных тесно обнявшимися. Нетрудно заметить, как здесь штрих стремится подражать удару кисти, полоске туши, этому излюбленному изобразительному средству восточных народов. Линия здесь далеко не равномерная: у нее есть свои утолщения и суживания, особенно заметные в закругленных местах; временами линия даже ложится как пятно, особенно, как это видно на нашем примере, внизу, где она отграничивает изображение.

Ее ритм мелодичный, круглящийся, исключающий острые углы; ее музыкальность увеличивается параллелизмом—последний находим, например, в рукавах женской фигуры, в мотиве колена, в очертаниях свитка; наконец, при внимательном разглядывании можно найти любопытные чередования—впадение конца одной линии в повышения другой, своего рода графические синкопы. На ряду с этими главными формующими штрихами мы должны отметить сеть самостоятельно задуманных второстепенных линий, образующих декоративный узор тканей, мало

Рис. 6. Суцуки Харунобу. — Художник с гетерами Ойсеи и Офудиио в виде фей.

зависящий от главных контуров, точно нанесенный проекционным фонарем на материю с неглубокими складками.

Наш пример показывает, с какой тонкостью владел Моронобу графическими средствами. Отметим еще несколько деталей: там, где черный штрих проходит по черной плоскости, он выделяет его белыми границами.

Все сказанное показывает решительное преобладание линии у Моронобу, а тем самым и у всех художников первого периода японской ксилографии, лучшим представителем которых был указанный мастер. Линия обусловливает плоскостно-декоративный характер примитивного стиля японской деревянной гравюры.

Обратимся теперь к листу второго периода, принадлежащему знаменитому мастеру расцвета Китагава Утамаро (1753—1806). Наш пример изображает трех девушек под вишневым деревом (рис. 3). Здесь сразу

видно, как линия стала ровной, повсюду одинаковой, лишенной каких-либо утолщений и утоньшений, вместе с тем не потеряв своей гибкости и выразительности. В ее направленности чувствуется больше закономерности, контуры свободно спадают со стройных фигур, круглятся или переламываются в зависимости от очерчиваемой ими формы. Мы находим ряд острых углов, главным образом, в складках тканей, совершенно немыслимых во времена творчества Моронобу.

Рис. 7. Нишикава Сукенобу. — Иллюстр. к «Эхон вака но ура».

Интересно, что внутренний рисунок, орнаментальный узор, игравший прежде, как мы видели, очень важную и почти независимую роль, теперь, если не исчезает, то, во всяком случае, отходит на второй план. Последнее частью объясняется техническими особенностями, частью общим стилистическим стремлением к большей ясности и отчетливости. Конечно, введение краски немало этому способствовало, так же как и особый вид «слепой» гравировки, помощью бескрасочной доски, дающей на бумаге вдавленный узор.

Рис. 8. Суцуки Харунобу.— Сцена туалета.

На нашем примере показаны три, тесно связанные между собой фигуры. Все они, однако, легко отделимы одна от другой; линия оформляет каждую из них, не связывая в общий декоративный узор, даже указывает на некоторое взаимоотношение одежды и тела. Штрих становится более логичным, более связанным с изображением, делается всецело формующим элементом.

Наш третий пример для последнего периода японской ксилографии (рис. 4) разнится от первых двух тем, что здесь перед нами оригинальный рисунок наи-

более известного и талантливого художника того времени Катсушико Хокусаи (1760—1849).

Рисунки японских мастеров лишь недавно сделались предметом научного исследования [1]). Естественно, что они гораздо больше, чем гравюры, позволяют проникнуть в интимные стороны творчества отдельных художников. На нашем примере (эскизе к книжной иллюстрации), где фея ведет под уздцы лошадь военачальника, мы находим новое, отличное от предыдущих примеров, применение линии. Круглящаяся и декоративная вначале, ритмически формующая потом, она становится здесь разорванной и нервной. Та уверенность, с которой нанесены контуры, та упрощенность штриха, которая здесь заметна, свидетельствуют о новом художественном течении, толкующем линию как носительницу движения. На первый план выступает стремление к обобщающему, к характерно выразительному. Не орнаментальная игра линий, не четкий штрих, образующий тот или иной силуэт, форму или деталь, а нечто гораздо более подвижное и неспокойное, как мы это находим на нашем примере. Если в эпоху Моронобу заметно преобладание линии над прочими элементами, если в период расцвета линия гармонически сочетается с остальными изобразительными средствами, то здесь, в третий период, когда она достигает особой виртуозности, линия подчиняется общему кинетическому движению, которое охватывает каждый лист Хокусаи и его преемников, не боящихся

Рис. 9. Сунуки Харунобу. — Камелия.

[1]) См. Loevenstein, op. cit.

Рис. 10. Косотеи Тойокуни. — Умывание.

Рис. 11. Киосаи.—Рыбак (рис.).

в рисунке перерывов и недоговоренности. Направленная в сторону передачи движения, иллюзорная, «импрессионистическая»,—такова графическая сторона в третий, последний период японской ксилографии.

III.

В теснейшей связи с линией стоит краска, получающая во все главнейшие эпохи развития японской гравюры свое особое выражение. Японская ксилография—искусство самостоятельное, независимое от живописи, в противовес аналогичному явлению в Китае. Не задаваясь целью воспроизводить картину, гравюра могла вполне закономерно развить свою красочную сторону. В первую эпоху—это не более чем декоративное пятно—безразлично, нанесенное ли от руки или отпечатанное с доски. Позднее, в эпоху классицизма, находим большее разнообразие красок, создающее единое гармоничное целое. В это время цвет вместе с линией обусло-

вливают формальную выразительность листа. Наконец, в третий период краска доминирует; она накладывается уже не ровными поверхностями, а начинает приобретать различные оттенки; появляется тон—и тем самым гравюра выходит из своих пределов, вторгаясь в область живописи.

Лишь красные и желтые цвета встречаются у мастеров примитивной эпохи; они наложены пятнами и являются не более чем расцветкой, не пытающейся выйти из линейных границ рисунка. Развитие красочности в японской ксилографии шло очень скоро; уже Мазанобу (1689—1768) нашел способ получения двухтонного оттиска, сочетающего нежно-зеленые и розовые цвета. Очень быстро красочное многообразие увеличивается, благодаря стараниям лучшего мастера переходного времени—Харонобу, которому выпала честь изобретения полихромного печатания.

Как общее правило отметим, что краски в гравюрах первого периода стремятся прежде всего к декоративному эффекту.

Чувство краски у мастеров классицизма много тоньше: в бесчисленных сочетаниях варьируют они различные оттенки. В эту эпоху краска и линия созвучны, между ними устанавливается гармоничное равновесие. Именно этим объясняется необычайная «мелодичность» листов Шуншо, Кионага, Утамаро и Эйши. Однако, это равновесие удержалось недолго. Уже ближайшие ученики Утамаро стремились к большей выразительности цвета, в своей резкости прежде всего бросающегося в глаза.

В третий период краска получает еще большее значение — теперь цвет зачастую доминирует над линией, он становится по преимуществу формующим элементом. Несмотря на это, японская гравюра никогда не становится в прямом смысле слова живописной; она всегда остается графичной в основе. Если контур даже отсутствует (как у некоторых поздних мастеров), то все же граница двух красочных поверхностей дает не менее сильное впечатление, чем отсутствующая черная черта.

Японский художник умел чудесно задумывать графически свои гравюры, доходя в них до виртуозности, позволявшей ему роскошь иногда «подразумевать» линию.

В красочном отношении третий период—самый интересный и самый богатый, пользующийся не только неограниченным количеством цветов, но и всем

Рис. 12. Тори Кионобу I.— Актер Ишикава Эбицо.

Рис. 13. Тори Киономбу I. Из серии видов озера Бива.

многообразием их оттенков. Хокусаи и Хирошиге своими valeurs, своими нюансами краски «насильничают» над доской: они как бы преодолевают материал. Это искусство, остающееся, несмотря на все сказанное, графичным, вовсе не упадочно, как это отмечает в своей книге Бахофер [1]); оно лишь использовало последние возможности художественного выражения—после него уже больше нечего было делать.

Таким образом, мы видим, что эволюция краски тесно связана с эволюцией линии, достигшими в третий период предела своего развития.

IV.

Обратимся теперь к проблеме пространства, едва ли не самой трудной для европейского понимания в дальневосточном искусстве. Отметим прежде всего основные положения, остающиеся в силе для всех трех периодов японской ксилографии. Это, во-первых, взятая сверху точка зрения, свойство художника смотреть на мир сверху вниз, отчего для нас изображенное пространство кажется сильно диформированным, получает какой-то динамический характер. «Японец, — пишет д-р Курт, — глядит на предметы сверху вниз, так что часто представленный вид расстилается подобно карте, и облака не только перерезают картину, но образуют даже отграничение ее нижнего края» [2]). Вторая особенность в пространственном отношении—это свойство дальневосточного художника «снимать крышу своих

[1]) Op. cit., стр. 74.

[2]) *J. Kurth.* Der japanische Holzschnitt. München, 1921, стр. 17.

зданий», таким образом проникая внутрь их, в противоположность европейцам, опускающим переднюю стену [1]). Кроме этих основных общих положений, для первого периода характерно отсутствие централизации, направленности всех пространственных линий к одной точке. Последнее остроумно выводит Curt Glaser в своей книге [2]) из живописи, от характерной для картины формы макимоно, т.-е. свитка, покрытого изображениями, бесконечно развертывающегося в длину. Здесь поэтому не могло быть и речи о какой-либо централизованной точке зрения. Стоявшая в тесной зависимости от живописи ксилография автоматически восприняла эту особенность пространственного понимания.

Рис. 14. Тори IV Кионага. — У ворот храма.

На примере Моронобу (рис. 2) мы видим, как мало еще разработано пространство. Почти отсутствует какая-либо глубина, если не считать подсвечника позади фигур и свитка со стихотворением спереди, скорее декоративно, чем рельефно выделяющих группу. Обратимся, однако, к другому примеру, где пространство более выявлено. На книжной иллюстрации Сукенобу (1671—1751, уч. Моронобу) (рис. 7) находим двух женщин—одну сидящую, другую стоя-

[1]) Проф. *Б. Р. Виппер.* Проблема и развитие натюрморта. Казань, 1922, стр. 70, 71.

[2]) *Curt Glaser.* Die Kunst des Ostens, II изд. Leipzig, 1920, стр. 43—51.

Рис. 15. Катсукава Шуншо.—Иллюстр. к Исе Моногатори.

щую перед ней, протягивающую цветы. Место сцены — балкон, окружающий японский дом. Однако, фигуры совершенно с ним не связаны; они поставлены почти вне зависимости от пространственных отношений, отчего совершенно беспомощной кажется поза сидящей женщины, как бы падающей на бок. Обе фигуры легко могут быть изолированы из своего окружения. Все сказанное уже неприменимо к Харунобу (ок. 1725—1770), чудеснейшему мастеру перехода. На нашем примере («Камелия» ок. 1769 г. — рис. 9) последний сохранил в общих чертах схему Сукенобу, получившую, однако, иное выражение. Фигуры в разбираемой нами сцене туалета не отделимы от пространства, где они задуманы; молодая женщина, занятая с ребенком, действительно сидит на дощатой панели дома; нога ее достигает земли и не нуждается в опорном камне, как у Сукенобу; мальчик действительно стоит перед ней, и женщина, расчесывающая волосы перед зеркалом, находится внутри помещения. В листе есть некоторая централизация — линейная и пространственная, направленная к фигуре, точнее, к голове сидящей молодой женщины. Известную глубинность придает листу наличие своего рода «предметного» обрамления—раздвижной стены слева, волнистого «облачного» обреза изображения вверху и цветущего дерева справа.

Классическая эпоха сделала еще один шаг вперед. Централизация лежит теперь на ясно выраженном переднем плане, на населяющих его фигурах. Наш пример, воспроизводящий лист одного из лучших мастеров расцвета—Кионага, является в этом отношении весьма показательным.

Мы находим на нем группу, состоящую из отца с сыном и дочерью, подходящих к воротам храма. Здесь резко отграничена площадка, где расположены фигуры: слева—высокой каменной стеной, позади—горизонтальной линией понижающейся почвы, отделяющей первый план от расстилающегося позади ландшафта.

Интересно, что именно теперь пейзаж становится обычным фоном для фигур, он завоевывает себе, пока еще скромное, место, будучи часто видимым лишь в том или ином предметном или фигурном обрамлении. Однако, по существу неважно, находим ли мы в фоне ландшафт или стену, отграничивающую помещение. Классический стиль стремился прежде всего к организации пространства первого плана.

Пейзаж наиболее показателен для разрешения проблемы пространства в разные эпохи японской ксилографии. Ранний, примитивный стиль (напр., Кионобу I) трактует его как нагромождение скал, деревьев, воды, людей, животных и различных предметов без намерения связать их чем-то общим. Наоборот, классический период понимает ландшафт как нечто гораздо более органическое, замкнутое и централизованное. Шуншо (1726 — ок. 1790), самый «пейзажный» из мастеров эпохи расцвета, дает схему очень стройного и логичного построения. Первый план, где движутся фигуры (илл. к «Исе Моногатори» [1]), рис. 16), художник резко от-

Рис. 16. Катсукава Шуншо.—Иллюстр. к Исе Моногатори.

[1]) Собрание идейно связанных по теме любовных, стихотворных и прозаических отрывков. См. русский перевод «Исе Моногатори». Н. Конрад. Госиздат. 1923.

граничивает клубами облаков от второго плана холмистых возвышенностей, в свою очередь отделенных от замыкающего горизонт вулкана Фуджи. Последний выделяется на фоне неба, вверху отграниченном круглящимися фестонами нависшего облака. Таким образом, мы видим здесь ясное расчленение планов и замкнутость общего впечатления. Совершенно иное отношение к пространству находим у мастеров третьего периода, в творчестве которых пейзажу отведено еще более видное, едва ли не преобладающее, место. Здесь акцент с переднего плана переложен на дальний; развертывание ландшафта, развертывание пространства — вот что больше всего интересует Хокусаи или такого,—уже чистого пейзажиста, как современник его Хирошиге (1797—1858). У них обычно находим внизу опорную точку, в виде ли какого-нибудь предмета, вырастающего на первом плане, в виде ли темного красочного пятна; затем следуют диагонально-расположенные вехи, уводящие глаз в глубину; наконец,—даль неопределенная и расплывающаяся, небо, переходящее в темно-синюю, ограничивающую верхний край, полосу. Прибавим сюда воздушную перспективу, «импрессионистический» рисунок—и мы получим некоторое представление о японском пространственном построении. Иногда появляется здесь европейская централизирующая перспектива, однако она обычно производит искусственное впечатление; такие листы кажутся ученически-засушенными, лишенными своеобразного аромата—предпочтение следует

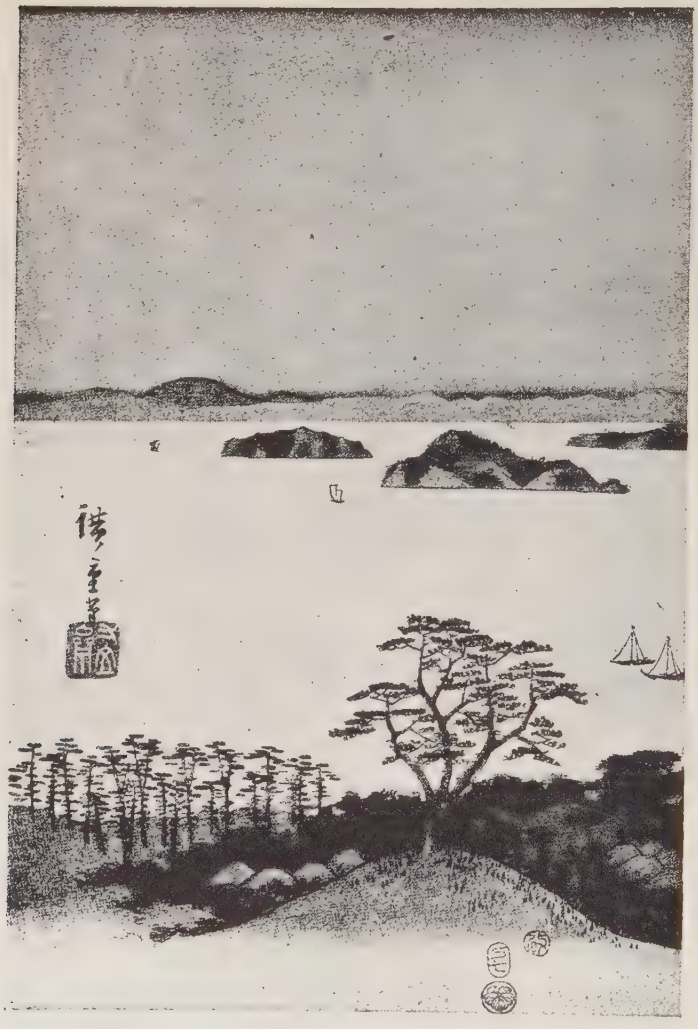


Рис. 17. Икириусаи Хирошиге. — Морской залив.

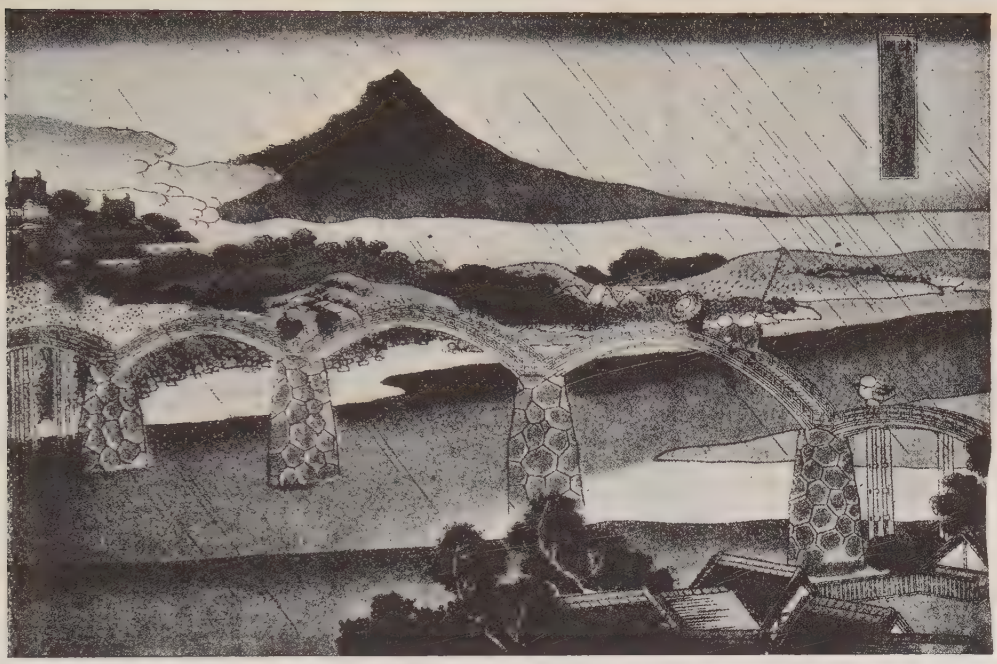


Рис. 18. Катсушика Хокусаи. — Мост

Рис. 19. Икириусаи Хирошиге. — Морской берег.

отдать тем гравюрам, где чисто по-восточному первый план кажется взятым сверху, и весь ландшафт развертывается немного à vol d'oiseau (рис. 8).

V.

Проблема пространства тесно связана с построением листа, с его тектоникой, являющейся самым важным моментом в композиции.

Для примера эволюции, в границах конструктивности, возьмем несколько изображений актеров из разных эпох. Сюжеты героически-театрального характера были достоянием школы Тори в первый период японской ксилографии. Это направление д-р Курт не совсем удачно называет «геральдическим» в отличие от «круглящегося» стиля Моронобу, хотя принципиального различия в смысле линейного понимания между ними нет.

Рис. 20. Нагаиоши. — Горная богиня Ямауба с сыном Кинтоку.

На нашем примере (рис. 12),—листе, принадлежащем родоначальнику школы Тори—Кионобу I (1664—1729), мы находим оттиск несколько вытянутого в длину формата с изображением актера, держащего в руках стрелу. Прежде всего бросается в глаза стремление художника заполнить графически всю поверхность бумаги; позади актера находим род изгороди из стрел; вверху совершенно произвольно расположена кривая сабля и неизвестно откуда берущаяся ветвь цветущего дерева. Свободные же места внизу заполняют

Рис. 21. Икирисаи Хиросиге. Снег.

различные надписи. Расположение предметов носит крайне случайный характер: плоскостно-орнаментальные, они вносят лишь противоречие в построение листа, лишив своей узорчатостью изображенную фигуру актера какой бы то ни было глубинности. Последний и без того не обладает композиционной замкнутостью: движение рук, ног и головы— все обращено у него в разные стороны.

Рис. 22. Китао Масанобу. — Мужской портрет

Обратимся теперь к подобному же сюжету в гораздо более позднюю эпоху. Рассматривая лист Тойокуни I (1768—1825), талантливейшего эклектика классического периода, мы видим некое вертикальное построение, очень сильно выраженное выдвинутой вперед правой, обнаженной ногой актера и прямой постановкой его головы; в положении выставленных вперед рук мы находим также известную централизацию и направленность движения по средней, делящей лист, вертикали, находящей отзвук в ряде других второстепенных линий. Едва ли правильно указание Loevenstein'a [1]) на horror vaeui у Тойокуни, — наоборот, художник дал фигуре ровно столько свободного пространства, сколько ей действительно надо для свободного размещения в четырехугольнике листа, т.-е. прекрасно сумел согласовать формат и изображение. Как раз обратное этому, — страх перед пустотой заставлял мастеров Тори стремиться к запол-

[1]) Op. cit., стр. 31.

Рис. 23 и 24. Куниоши. — Женщина из Иошивары (два состояния доски).

Рис. 25 и 26. Косотеи Тойокуни. — Ойран и Даймио (рисунок и гравюра).

нению всех остающихся свободными мест; происшедшая отсюда орнаментальность, повидимому, послужила причиной для д-ра Курта назвать этот стиль «геральдическим».

Наш пример для композиционного построения в третью эпоху взят снова из дошедшего до нас, к сожалению, довольно скудного, рисуночного материала. Это—изображение юноши (рис. 11), держащего в зубах кинжал и несущего на плечах большую рыбу. Интересно, что здесь перед нами с композиционной стороны явление, аналогичное европейскому искусству; этот рисунок Киосаи, ученика Хокусаи, мы можем считать чисто «барочным» — спиралевидно изгибается тело, противоположны в своей направленности движения рук и ног; поза и связанные с ней раккурсы особенно интересуют художника. Высоко поднята левая нога, опирающаяся на камень, отчего получается сильное сокращение ее выше колена. Художника интересует, главным образом, движение, общее впечатление действия, контрастность, которую должна выразить композиция. Не принцип централизации, как в классическую эпоху, находим здесь, а скорее построение, рассчитанное на равновесие масс.

Рис. 27. Китагава Утамаро. — Из серии больших женских голов.

Вопрос построения—едва ли не самый важный; поэтому мы позволим себе несколько подробнее на нем остановиться.

Одним из самых выразительных примеров организации листа в книге Бахофера является сопоставление передачи женского тела у Харонобу и Тойокуни, двух переходных мастеров первого и второго периода японской ксилографии.

Приведенные примеры (рис. 8 и 10) служат иллюстрациями двух различных по пониманию штудий обнаженного тела. В этом отношении Харонобу рисуется еще совершенно беспомощным: плечо, переход от шеи к руке, сгиб локтя, линия спины—все это дано у него непрерывным штрихом, совершенно не моделирующим тело; почти не оформлена также и грудь, намеченная лишь двумя графическими дугами.

Противоположное понимание задачи находим у Тойокуни—у него прежде всего замечаем сложный и интересный раккурс тела; очень немногими, но уверенными штрихами передает он складки кожи в локте,

форму груди; у него линия, не потеряв своей плавности, сумела стать носительницей оформляющего момента в изображении. Гораздо сильнее и определеннее стали все движения; женщина Тойокуни действительно

Рис. 28. Итагава Тойокуни. — Актер.

опирается на левую свою руку и действительно держит губку в правой, являясь в этом отношении противоположностью расслабленной и мало выразительной женщине Харонобу. Ясность и единство—еще два свойства классической эпохи, проступающие в каждой мелочи и детали. Действительно, на том же примере мы видим, как тонко разрабатывает Тойо-

куни ветку цветущего дерева,—каждый лист и лепесток, каждую деталь стебля; эпоха Моронобу трактовала условно и предвзято те же растительные элементы, эпоха Хокусаи и Хирошиге довольствовалась лишь одним общим впечатлением.

VI.

Нам остается разобрать еще одну область изобразительного искусства,—область, слагающуюся из комплекса ранее рассмотренных нами взаимодействующих причин,—именно, выразительность графического произведения. Игрой своих линий, условностью цвета, недостаточной конструктивностью, отсутствием централизации в композиции Моронобу и его преемники производят орнаментально-декоративное впечатление. Это какая-то игра изобразительными элементами, свидетельствующая о поверхностном, свойственном молодости, отношении к искусству. На нашем примере (рис. 1) мы видели, как трудно отделить одну от другой фигуры, как преобладает узор во всем изображении. Классическая эпоха сумела выделить живого человека из этого «круглящегося» или «геральдического» стиля. Она поставила его во взаимоотношение с природой, нашла ему место, вдумчиво и серьезно подошла к сюжету. Чем дальше, тем больше увеличивается интерес к человеку, к его индивидуальности. Женские головы Утамаро (рис. 27), занимающие целый лист, или человеческие маски Шараку делаются чем-то большим и самодовлеющим. Если для поверхностного взгляда европейца все головы Шараку кажутся на один лад, это все же далеко не так на самом деле,—они бесконечно разнообразны и отличны одна от другой. Та психологичность, которая видна, например, в портрете актера Соджуро (рис. 28),—психологичность, сказывающаяся и в выражении лица с закатившимися зрачками глаз, и в рисунке рта, и в положении руки, держащей большой распущенный веер,—явление далеко не единичное, а характеризующее целую эпоху, для которой центр тяжести лежал в умении самыми скудными средствами добиться самой глубокой выразительности. И в этом отношении более свободный и подвижной рисуночный материал является лучшим примером. В собрании д-ра Курта есть рисунок Куниоши (ученика уже нами упоминавшегося Тойокуни), представляющий бритье (рис. 29). Здесь даны: голова посетителя парикмахерской, с крайне напряженным выражением лица, и две руки, принадлежащие «мастеру», от головы которого виден только подбородок. Центр внимания художника — на руках и на действиях корявых, изогнутых пальцев, перебирающих кожу лица и водящих по нему острием бритвы.

Сила выразительности настолько велика, что она вызвала у Loevenstein'a, автора описания рисунков японских мастеров, впечатление жути, заставившее его усмотреть в брадобрее чуть ли не преступника.

Подводя итоги всему сказанному, мы едва ли сможем отдать объективное предпочтение той или иной из трех эпох—каждая из них создает свои ценности, каждая из них развивается по своим собственным художественным законам. Смена стилей, конечно, происходит незаметно;

множество мастеров перехода, крупных и малых, делают это движение ровным и плавным. Наши же примеры, умышленно контрастные, должны лишь показать наиболее яркие и характерные для каждой эпохи особенности.

В заключение можно сказать лишь одно: японская ксилография проделала свой путь—от юности к зрелости и к старости, испытующей и синтезирующей. Круг замкнулся. О японской гравюре по дереву мы можем говорить как о вполне законченном историческом процессе, очень важном и для искусства Востока, и для искусства Европы [1]).

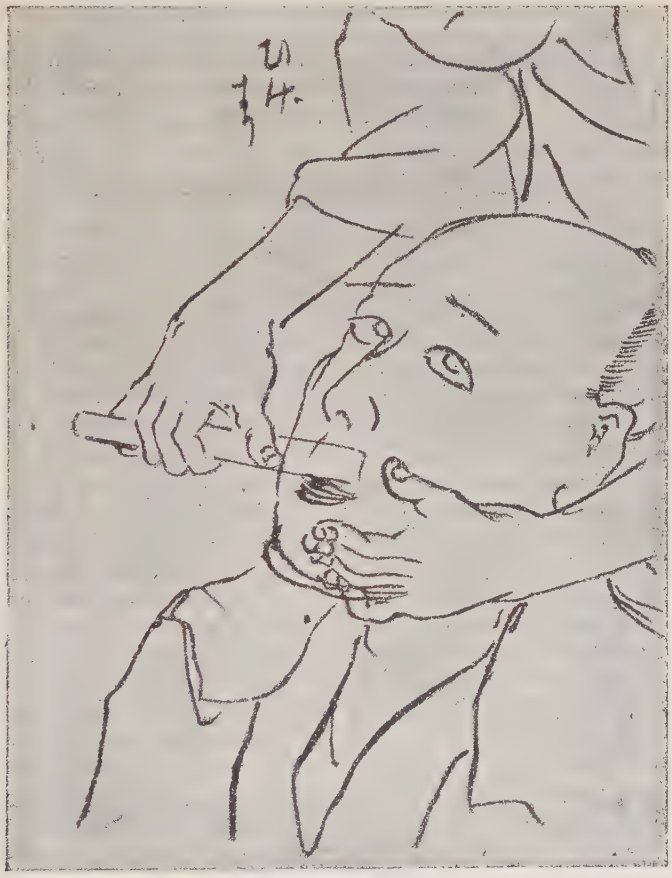


Рис. 29. Куниоши. — Бритье (рис.).

[1]) Настоящая статья является лишь попыткой набросать эволюцию стиля в пределах японской ксилографии, согласно выше перечисленным германским исследованиям, в частности книге L. Bachhofera—Die Kunst der japanischen Holzschnittmeister. Даты жизни и смерти художников поставлены по Курту.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

I. ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИТОГОВ. — М. Лиров. II. СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ЛИРИКА. — М. Эйхенгольц. III. ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГОФМАНУ. — Р. Шор. IV. ГАУЗЕНШТЕЙН.—А. Федоров.

I. ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИТОГОВ.

М. Лиров.

Известно изречение Гёте: если хочешь узнать поэта, то ты должен познакомиться с его страной. Можно обернуть эту формулу: если хочешь узнать страну, ты должен познакомиться с ее поэтами. Ибо хотя бытие и определяет сознание, но по сознанию мы часто имеем лучшую возможность судить о сущности, характере и прочности данного бытия. А литература и искусство, как области сознания, пока еще наиболее стихийные и неорганизованные, в которых «царство необходимости» все еще доминирует над «царством свободы», больше всего являются отображением подлинного бытия,— они иногда сами находятся на положении «куска жизни, претворяемого в легенду», и поэтому можно иногда по «поэтам» вполне судить о «стране»...

Можно ли по современной русской литературе судить о глубине захвата Октябрьской революции, о степени органического внедрения советского строя в народный быт и психику интеллигенции, о силе всепроникающего влияния победившего большевизма в лице коммунистической партии на все стороны жизни не только рабочего класса, но и всех слоев народных?

Иные неженки, пожалуй, встрепенутся: да ведь это политический подход к литературно-художественным вопросам! А мы скажем наоборот, это литературно-художественный подход к политическим вопросам.

Итак, стоит ли обратиться к нашим поэтам и писателям, чтобы по ним узнать советскую страну?

Безусловно, стоит.

Этим я отнюдь не хочу сказать, что наша современная литература уже уразумела миропотрясающий смысл наших октябрьских превращений, что она уже полностью оценила наши советские возможности, что она, наконец, увидела и поняла главного героя нашей революции—рабочего. Ничего этого нет в ней, да, пожалуй, пока еще не может быть. Литература может быть либо провозвестником, либо регистратором, либо завершителем. Провозвестником она уже не оказалась, до завершений ей далеко,— состоит она пока в регистраторах. Но регистрировать факты и явления прошлого и настоящего Октябрьской революции литература начала лишь недавно,—ведь революции-то нашей шесть лет отроду, советская же литература—на три года моложе... Понятно поэтому, что на ее регистрационных методах должна была сказаться неискушенность ранней юности...

И тем не менее литература эта заслуживает сугубого внимания, именно как

один из глубочайших показателей проникновения Октября во все поры нашей культурно-общественной жизни. Именно теперь настал момент для подведения некоторых, хотя бы беглых итогов. Ибо после трех лет литературного оживления мы как будто вступили в полосу некоторого литературного затишья. Чтобы не слишком углубиться, мы в качестве примерного литературного года возьмем 1923 год, как наиболее зрелый из всех трех лет существования нашей советской литературы. Не даром этот год был наиболее богат как произведениями, которые составляли литературные события или таковыми провозглашались, так и литературными боями.

* * *

В 1923 году на литературной арене фигурировали, можно сказать, все представители нашей литературной иерархии.

Запоздалый завершитель дворянско-интеллигентского периода русской литературы (А. Толстой). Последний разночинец ее мещанско-освободительного периода (В. Вересаев). М. Горький, в свое время сам открывший собой новый период в русской литературе, а теперь снова себя переживающий под охранительным орденом «Автобиографических рассказов». Продолжатель в нашу эпоху традиции той части интеллигенции, которая, сбитая с толку еще революцией 1905 г., выступила тогда в литературе в лице Андрея Белого с сумбурной психоидеологией и деформированным языком (Б. Пильняк). Редкостный ныне вид талантливого чеховского эпигона, оставленного в литературе на произвол всяких влияний (В. Лидин). Усовершенствованная космополитическим всезнайством и модернизированная в стиле анархического «наплевать» порода Боборыкиных, пишущих, по определению И. С. Тургенева, «художественные корреспонденции с места событий» (И. Эренбург). Помесь Ропшина и Анского (А. Соболь). Представитель высоко развитой газетной беллетристики, реквизированной в свою пользу Советской властью (Ефим Зозуля). Один из первых певцов той «новой силы, что пришла в мир,— силы скорости», охотно предлагающий себя к услугам советской электрификации (В. Маяковский). Затем уже идут коренные жители литературы, внушенной Октябрьской революцией, иерархия которых еще не установилась и о которых вследствие этого придется более подробно поговорить ниже.

На всех них с равной силой и в разной степени наложил свою властную печать Октябрь, внушив им один из своих многострунных напевов.

А. Толстой в своем недавнем произведении «Аэлита» ведет, собственно, традиционную линию дворянско-интеллигентской литературы и продолжает разрабатывать мотивы, ведущие свое начало от взаимоотношений Пьера Безухова и Каратаева. Интеллигент из высших классов, болезненно ищущий смысла жизни, и человек из народа, этим смыслом обладающий «по натуре». В старину—еще до октября 1905 г.—интеллигент обыкновенно обретал искомый смысл жизни в приобщении к вещей мудрости человека из народа, при чем неизменно оказывалось так, что вещая мудрость народа вполне согласовалась с интересами его, мятущегося интеллигента... Уже первые раскаты рабочей грозы в 1905 г. значительно расшатали возможность такого приобщения и благополучного прозрения смятенной интеллигентской души. Октябрьская революция окончательно отменила такие счастливые для интеллигента возможности.

Объективно выяснилось, что «человек из народа»—в данном случае мужик или рабочий—обладает вещей мудростью и смыслом жизни вовсе не потому, что они имманентны его душе или духовной природе, а потому, что они ему продиктованы его классовыми интересами, которые — увы!—непримиримы с таковыми же интересами правдоискательствующего интеллигента. И современный Безухов—по-новому Лось—уже без всяких иллюзий сходится с Каратаевым—по-современному Гусев. Ибо Гусев уже не смиренномудрый мужичок, блаженно приемлющий объективно враждебный ему порядок вещей, а буйный сын Октября, стремящийся даже Марс присоединить к республике советов на земле... И точно так же, как Гусев охвачен хмелем мировой революции, которую он стремится распространить даже на Марс,

Лосем овладевает безысходная мировая скорбь, от которой для него нет спасения даже на Марсе. Лось уже не приобщается к вещей мудрости Гусева, а сосуществует рядом с ней, относясь к ней с равнодушным любопытством. Он пытается еще обрести спасение в потусторонней любви и мудрости марсовой Аэлиты, но и она не в состоянии воспламенить его на новую жизнь. Произошла было с ненавистью разлука Безухова с Каратаевым, теперь без радости любовь между Лосем и Гусевым. Настоящая романтика «сменовеховщины».

И все же «Аэлита» представляет собой значительную литературную ценность—и именно октябрьского порядка. Ибо «Аэлита»—это пока наибольшая художественная дань, которую «порок» дореволюционный литературы уплатил октябрьской «добродетели». Октябрь заставил наиболее цельного представителя дореволюционной литературы художественно канонизировать в исконной галлерее русской литературы новый тип «человека из народа» с советской и красноармейской «изюминкой». Это сделано со «слезой», с дворянско-интеллигентской ноншалатностью, но сделано хорошо и по-«классически» прочно.

* * *

1905 год породил у нас еще один вид интеллигенции: интеллигенции, впервые ощутившей изжитость буржуазных психоидеологий и пытающейся подновить их в своей душе переливанием в них свежей крови мирно-социалистической идеологии с примесью некоторых заумных «систем» Запада. Осколки «эволюционного» марксизма в рамках идей Михайловского и причудливом сочетании Владимира Соловьева и Штейнера, Достоевского и Эдгара По, с устремлением не в сторону объявившихся тогда «веховцев», а в сторону проповеди благоустроенной демократии. Все это в сумме своей дало в свое время интригующую фигуру Андрея Белого.

* * *

1905 г. дал литературе «Петербург» Андрея Белого. Город сумбурный и фантасмагорический, по которому бродят символически реабилитированные «Бесы» Достоевского, сконструированные по рассчитанной фантастике Эдгара По и чертовщине Шарля Бодлэра... В результате получилось причудливое художественное восприятие русской революции: национально-заумная с закваской славянофильского вселенства.

Много было пережито с тех пор. Произошла великая война, из горнила которой рабочие и крестьянские массы вышли вполне готовыми для революционных боев. Произошла, наконец, Октябрьская революция, во время которой случались не раз кровавые размолвки между рабочими и крестьянами, наложившие свою печать на всю революцию, которая завершилась политической диктатурой пролетариата при материальном возобладании крестьянства.

Международный характер Октябрьской революции при ее мужицком крене создал почву для романтики «скифского интернационализма», столь пленявшего Ал. Блока. Она также сделала совершенно ненужными заумные предпосылки славянофильского вселенства А. Белого: слишком реальны и посюсторонни были мужицкие опоры октябрьского интернационализма рабочих. Борис Пильняк, более почвенный и современный, чем его предшественник Белый, совершенно отбрасывает все его причудливые построения, подводя под свою художественную концепцию мужицко-пугачевскую базу, при полном почти сохранении формы А. Белого. В результате мы получили «Третью столицу»—продолжение и углубление «Петербурга» в духе октябрьской эпохи... Нет уже ни символической достоевщины, ни соловьевщины, в которых томилось предвосхищение одинокого интеллигента, а есть реальная мужицкая крепость, вспыхивающая на весь мир яркой пугачевщиной. И эта именно национальная пугачевщина противопоставляется всему остальному миру, как международный фактор, ибо ограниченность интеллигентско-крестьянского кругозора во всем прочем мире видит одного только выхолощенного мистера Смита—и не в состоянии ни видеть, ни уразуметь идущего к власти рабочего... И эти мотивы «Третьей столицы» весьма естественно продолжаются и дополняются романтикой русских волков

и монастырей в «Повестях о черном хлебе».

Безнадежная борьба расколотой интеллигентской души с цельностью Октября, из которой победителем выходит Октябрь. Ибо в результате все же получается расширение исконных рамок литературных видений, и за всеми стилизованными смятениями и надрывами ощущается реальная фигура «некоего в красном», которая путает нарочито «диалектические» чертежи. А иногда, хотя довольно редко, этот «некто в красном» прорывается на авансцену, и мы тогда получаем такой прекрасный рассказ, как «Speranza» («Кр. Новь» № 6).

А В. Лидин, бедный чеховский эпигон, лирическим фальцетом подпевает в своем «Морском сквозняке» крепкому Пильняку в бескрылом противопоставлении «национального интернационализма» русской революции всему «гнилому Западу», откуда, как бы по волшебству, сгинули рабочие с их борьбой, с их несокрушимым устремлением к конечной победе. С той разницей, что у Пильняка чувствуется хоть крепкая классовая база, а у тихони Лидина просто выходит «русский дух» и «Русью пахнет»...

А ступенью ниже мы наталкиваемся на безродного, но талантливого космополитического фланера Илью Эренбурга, который с видом кабаретного экклезиаста наблюдает великие события великой эпохи для составления из них фельетонного «обозрения» на потребу скептического от пресыщения буржуа («Гибель Европы»). Или с легкостью жонглера он налету хватает установленные в русской литературе со времени Толстого и Достоевского клишированные формулы о русской душевной диалектике и, погрузив их в свои фельетонные растворы, создает из них «страшного» и «сложного» рабочего-коммуниста-чекиста, по обычаю чистого в падении и падшего в чистоте—для очаровательного устрашения нэпмановских гурманов («Жизнь и смерть Николая Курбова»).

И тут же, рядом, Андрей Соболь («Обломки») выводит благолепно «трагические» новеллы из времен голодных пайков и коптяных «буржуек», рассказывает со стилизованно-сдержанным «смятением» потрясающие эпизоды из эпохи гражданской войны. Язык — готовый, книжный; конструкции—осколки с классиков и их эпигонов, фабулы — нарочитые.

И, наконец, Ефим Зозуля. Писатель без преемственности, без школы, дитя высоко развитой газетной индустрии. Но именно потому, что без традиций и что живет в нем трепет газетной злободневности, он с головой окунулся в советскую современность, которую живописует, правда, поверхностно, словно в газетном блокноте, но зато пленяет искренностью вечного неофита...

Таковы в своих произведениях писатели, приведенные в покорность Октябрем..

* * *

У всех названных писателей чувствуется—в большей или меньшей степени—надрыв, вызванный тем, что они были насильственно вынуждены переместить центр своего творческого внимания и душевных устремлений. Они, которые привыкли в своем творчестве считать себя «свободными как птица», а интуицию рассматривать, как некое таинство, производимое «шестикрылым серафимом», впервые в своей жизни почувствовали себя впряженными в колесницу осознанной необходимости, а сакраментальное «и виждь, и внемли» они услышали не как наитие свыше, нашедшее на индийских иогов, но как властную директиву Октября, направленную по адресу сознательных производителей ценностей.

У писателей, с самого начала приявших Октябрь или им впервые призванных к творческой жизни, заботы и тревоги совсем иные.

Октябрь, советский строй, диктатура пролетариата, коммунистическая партия, революционный союз рабочих и крестьян, комсомол и пр. и пр.—все это уже перестало быть исторической «невидалью», которая требует постоянного напряжения героической риторики или риторической романтики. Революция, нисколько не утихомирившись, стала бытом. Это, конечно, небывалое противоречие: быт—это нечто устойчивое, отстоявшееся, умиротворяюще - засасывающее; революция—это непрерывное

становление, перманентно-взрывное состояние. И тем не менее это так: революция на бивуаках, ее маневренный быт. Сочетание быта, построенного на неизбежности грандиозных революционных боев, и революции, временно опирающейся на развернутом быте...

И как в политике мы уже давно перешли от агитации к пропаганде, так и в литературе понадобился переход от героической риторики к романтике революционной повседневности.

Эту назревшую потребность прекрасно выразил поэт Безыменский в новом сборнике стихов («Как пахнет жизнь»):

Воспели идущих по баррикадному пути,—
А вы попробовали
В отделении милиции
Революцию найти?
Хорошо планеты
Перекидывать, как комья,
Электропоэмами космос воспеть.
А вот сумейте в каком-нибудь предгублескоме
Зарю грядущего разглядеть.
. . . . . .
Смешно не видеть
Красной Армии,
Не видеть молний
Октябрьской грозы.
А вот воспойте красноармейца в казарме,
во имя Революции добывающего азы.
. . . . . .
Довольно неба
И мудрости вещей,
Давайте больше простых гвоздей.

Это очень трудная задача для литературы, которая далеко не удалась и самому Безыменскому. Он прекрасно, при помощи упрощенной и популяризированной формы Маяковского, сформулировал задачи, талантливо составил «тезисы для агитации», но несколько грузно и надуманно осуществляет их. И уже совершенно напрасно включил он в свой новый сборник, принципиально отвергающий пышные «электропоэмы» и «железопсалмы», такие поэмы, как «Я», которые гласят:

Из железо-бетона и стали я скован.
Отец мой—безликий, космический зодчий.
В чреве заводов, под сердцем станковым
Я зачат и выношен. Я—Рабочий».—

и т. д. в стиле «металлургической» (по выражению т. Осинского) поэзии Садофьева и иных...

Но все же под знаком этой новой и важной задачи находилась подлинно октябрьская литература 1923 года, по крайней мере в ее наиболее интересных и трепетных произведениях.

А на другом фланге той же октябрьской литературы, в лице сразу приявшего революцию Маяковского, хотя несколько по иному, но также ощущается эта потребность в романтике революционных будней. Маяковский привык к иным масштабам, и Октябрь-то он приял, завоеванный его потрясающей мир энергией и электрифицирующей силой. А тут вдруг необходимо сосредоточить все свое внимание на «любом Феде, на рабфаке, который будет нашим завтрашним днем» (Безыменский). И Маяковский в прекрасных стихах предостерегает от «перерождения» октябрьской поэзии, как в политике принимаются меры против иных видов «перерождения»:

«Был я сажень ростом,—
На что мне сажень?
Для таких работ годна и тля.
Что хотите буду делать даром—
Чистить
Стеречь
Мотаться
Месть.
Я могу служить у вас хотя б швейцаром,—
Швейцары у вас есть?
(«Про это».)

И вот, как бы снабженная, с одной стороны, талантливыми «тезисами» Безыменского и прекрасными предостережениями Маяковского—с другой, наша подлинно-молодая литература в истекшем году делала свои первые шаги в области создания романтики революции, как быта, или романтики быта, как революции в покое (относительном, конечно).

И первое место в ряду таких произведений занимает безусловно «Перегной» Л. Сейфуллиной. В повестях Сейфуллиной не только наши подлинные будни незаметно превращаются в героическую романтику, но и наши подлинно-героиче-

ские «дела и дни» получают окраску бытовых будней.

Возьмем, напр., рассказ «Правонарушители». Беспризорные дети советского режима, эти малолетние преступники, испытывающие всяческие злоключения и от голода и бездомности, и в милиции, и в Чека, и в детских домах,—вынужденные ютиться на кладбищах,—все же лишены чувства окончательной заброшенности: в них живет жизнерадостное ощущение, что Советская власть—их власть. Они к этой власти относятся, с уличным, правда, но любовным амикошонством. Непременные участники всяких празднеств и манифестаций, где вдохновенно поют «Интернационал» и вопиют: «Ленин, Троцкий, Сафнарком». Сравните самоощущение беспризорных, босяцких детей у Сейфуллиной с такими же детьми, скажем, у Горького, и вы почувствуете, какой грандиозный сдвиг произошел в самых глубинах народных: даже горьковский босяк и бездомный, продолжая оставаться и при советском режиме босяком и бездомным, все же чувствует и осознает, что он обрел родину... И не только родину, но и новую идеологию.

«Все-таки за «Интернационал». Жорже корявому морду набил. Из. буржуев Жоржа. Тетя какая-то ему пирожки носит. Так вот говорит раз Жоржа Гришке:

«— Надо петь: весь мир жидов и жиденят.

«А Гришка—красной партии. Знает: и жиды люди. Это Советскую власть ими дразнят. Ну и набил морду Жорже».

Это Гришка-то, малолетний «правонарушитель», питомец улиц и заброшенных кладбищ.

В этом удивительном рассказе беспризорные дети как бы испытывают все время какой-то праздничный подъем: и в голоде, и в холоде, и на кладбище, и в милиции, и в оказененном детском доме Наробраза и уж, конечно, в прекрасной детской колонии, под руководством товарища Мартынова. И только один раз их охватывает глубокая тоска: когда из-за тупости обюрократившегося Наробраза колонии Мартынова грозит закрытие, а им снова попасть в «правонарушители».

А в «Перегное» прекрасно передана эпопея нарастания борьбы и победы бедняцкого большевизма в деревне и его корявых, можно сказать, взаимоотношений с коммунизмом городских рабочих; художественно схвачена кулацкая сущность сектантской духовности; первоначальное сосуществование новых нравов революционной культуры с нравами первобытной тьмы деревенской; неожиданное для деревни появление в ее среде первого комсомольца Ваньки Софронова—и над всем этим геройские будни нашей гражданской войны.

Повести Сейфуллиной отличаются, правда, слишком большой, иногда утомительной пестротой, но это безусловно первые ценные материалы к построению здания подлинной художественной литературы нашей революционной повседневности.

Второй значительной попыткой в этом направлении является «Неделя» Ю. Либединского. Это первая попытка дать художественное изображение быта коммунистов, как сплошное героическое приключение и дома, и на мирной работе, и в бою, и в духовных томлениях. Единственный и довольно крупный недостаток этой вещи состоит в том, что она написана в несколько архаическом стиле натуралистического бытописательства, подчас низводящего ее на степень бытового очерка.

Зато «Завтра» того же Либединского является уже срывом и художественным и идеологическим. Сумбурная по форме, эта повесть являет собою пример идеологической растерянности: Либединский как бы испугался наших революционных будней, которые он, очевидно, счи.ает подобающими для «тли» Маяковского: «Швейцаров у вас нет». Ибо в повести «Завтра» Либединский рисует партию сплошь погрузившейся в тины НЭП'а, от которой может ее спасти только молниеносная немедленная революция в Германии...

Трудная задача—романтика революционных буден. На этом поприще сорвалась также В. Герасимова в своем рассказе «Ненастоящие», помещенном в 6-й книге «Молодой Гвардии».

* * *

Большим вкладом в литературу являются произведения рано умершего Неверова. Наследие последнего составляют том рассказов и «Ташкент город хлебный».

В своих рассказах Неверов изображает быт деревни, взбаломученной войной и революцией. Но у Неверова особый подход к деревне. В то время, как у Пильняка и многих других «попутчиков» деревня изображается, как объект или жертва большевистских затей городских рабочих, Неверову деревня видится как смутно, но напряженно ждущая идеологических преображений, идущих от революционных рабочих города. Это некое художественное ощущение революционной смычки пролетариата с крестьянством, невзирая на тяжелые подчас размолвки. Рабочий, как центральный персонаж, все еще отсутствует и у Неверова, но дан некоторый канун, некое предощущение появления рабочего в большой литературе октябрьской марки.

А «Ташкент город хлебный»—это прекрасная по художественному исполнению эпопея нашего страшного года голода и детской беспризорности. Великая революция, голодом пораженная, в действенных поисках спасения снова поселяется в теплушках, которые бороздят необъятную страну. Детская Русь, осиротевшая от голода и обретающая общую мать в лице истекающей кровью, но живучей революции. Пафос советской революции, пораженной в своих кровеносных сосудах—в крестьянстве и в детворе—дан здесь в строгих тонах. И над всем веет дух горячей любви к детям и крепкой уверенности в конечном самоизбавлении. Настоящая советская классика и многие страницы «Ташкента» так и просятся в школьную хрестоматию.

* * *

Наши «беглые итоги» слишком разрослись, а между тем остался еще ряд произведений, которые заслуживают особого рассмотрения. В особенности это относится к произведениям Гладкова (напр., «Ватага»), Низового и др. Совершенно обойдены здесь стихи, а также писатели, относящиеся к чисто пролетарским группировкам (за исключением Безыменского). Но, расширяя наши «итоги», мы, помимо недостатка места, натолкнулись бы на затруднения совершенно иного порядка: оформление итогов приводит нас к вопросу о централизме и областничестве в нашей литературе, а также о характере творчества наших пролетарских писателей. Но это уже совершенно особые темы, выходящие за пределы настоящих заметок.

Приходится поэтому ограничиться одним общим выводом:

Октябрь внес резкую грань между классической литературой и современной литературой, которая уже, видно, никогда «назад к классикам» не вернется. Предупреждением может служить А. Толстой: старинная мраморность формы обрекает на сословную ограниченность размаха в содержании, несмотря на благие намерения. Ибо не только содержание, но и формы бывают сословные, классовые.

II. СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ЛИРИКА.

М. Эйхенгольц.

Западно-европейская поэзия последних десятилетий XIX и начала XX века более знакома русскому читателю в ее французском ответвлении. Этому способствовали русские символисты, генетически связанные с символизмом французским. Французов пропагандировали переводы В. Брюсова (французские лирики XIX века.) а также И. Эренбурга (поэты Франции 1870—1913. Париж. 1914),

переводы отдельных авторов—Верлэна (Брюсов, Сологуб), Верхарна (Брюсов, Волошин) и значительное количество других. Немецкая лирика в переводах была представлена относительно беднее, Можно выделить, пожалуй, лишь Демеля. Рильке.

Традиция русского художественного вкуса, ориентировавшегося в XIX веке преимущественно на немецкую лирику (Жуковский, Тютчев, Фет), была нарушена. Это объясняется тем, что французский символизм, как и натурализм, явился зачинателем нового литературного течения на Западе.

В этом отношении немецкий экспрессионизм своеобразен своей самостоятельностью. Он отмечает в Германии известный протест против ориентации на свою романскую соседку. В настоящее время и по чисто-внешним причинам прорыв блокады начался с Германии, немецкая литература оказалась у русского читателя на виду.

Немецкому экспрессионизму можно найти во Франции лишь известные аналогии. В настоящее время распавшаяся группа «Аббатства»—Ж. Ромэн, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель, Арнос—гуманитарна в творчестве, как экспрессионизм, но более классична; с другой стороны, крайние течения во Франции—кубисты и дадаисты: Г. Аполлинер, Арагон, Кокто, М. Жакоб, Сальмон—формальнее и лишены немецкой идейности.

О своевременности перевода немецких лириков говорить не приходится. Следует обратить внимание на переводы Владимира Нейштадта (Чужая лира. Переводы из одиннадцати современных немецких поэтов. «Круг». Москва—Петербург. MCMXXIII. 160 стр.), и А. Луначарского («К характеристике новейшей немецкой поэзии». Современный Запад. № 2. 1923 г. Стр. 120—138.)

Книга В. Нейштадта—удачно составленная антология. Переведены по 3—7 стихотворений И. Бехера, Ф. Верфеля, В. Газенклевера, Г. Гейма, Ван-Годдиса, И. Голля, Э. Дрема, Клабунда, Эльзы Ласкер-Шюллер, А. Лихтенштейна, А. Эренштейна. Это—поэты приблизительно одного поколения (старше других Ван-Годдис, Ласкер-Шюллер), зачинатели и представители современного немецкого литературного течения—экспрессионизма.

Не легко пока четко представить их литературные приемы, как некоторое единство. Тем более это затруднительно сделать в отношении тематическом.

Провозвестник новейшей литературы, Л. Рубинер в своем манифесте указывал, что лирика будет этична. Это-то особо характерное, объединяющее столько разнообразных творческих личностей, на что указывает автор переводов в своей содержательной статье - послесловии о «Тенденциях экспрессионизма». Ссылаясь на К. Пинтуса, явно обостряя свои выводы, он пишет: «Экспрессионизм—не литературная школа, не стиль, но секта с определенными моральными тенденциями», и указывает на его «апостольский лозунг — вести человечество по пути морального совершенствования».

Действительно, экспрессионисты ставят жизненные проблемы в аспекте моральном. И социальный мотив, который в их поэзии силен, сплетается с метафизическим. Так, у Бехера—

> Скандальте! скандальте! Мир стал уже тесен.
> Орут бедняки пред дворцами не песни.
> И в щепки ворота. И вдребезги окна.
> И стены шатаются, пулей язвимы...
> Мы бога не любим, у нас он похитил
> Все силы—лохмотьями нас раскидал.

Мотивы жизни, смерти, любви трактуются сверх-лично, разрешаются мистически. Лирика экспрессионистов в значительной мере философична. Но это не «идейная» поэзия: слишком силен в ней эмоциональный тон. Это —лирика душевного «стеснения», как названо одно стихотворение Бехера; преимущественно пессимистическая, с почти истерической ненавистью к филистерству, напоминающему немецких романтиков; с устремлением к героизму, грозе и буре; но без положительных идеалов, без практических жизненных целей; скорее крик, чем призыв; отчаяние, но редко

безнадежность, как у Верфеля в стихотв. «На земле мы все чужие»:

...Матери живут, чтоб вдруг не жили.
Дом стоит, чтоб развалиться гнило.
Радость вспыхнет, чтоб исчезнуть дремно.
Даже сердца стук у нас заемный.
На земле мы все, мы все чужие.
Умирает все, что нас роднило.

Лирику экспрессионистов В. Нейштадт вслед за Креллем называет политической. Политическая она в широком смысле, потому что связана с социальной борьбой. Она социально объяснима в эпоху мировой войны и революции. Подобные мотивы не редки: Бехер—Марш, Газенклевер — 1917, Лихтенштейн—Сражение при Саарбурге, Клабунд—Штыковая атака.

Лирические лозунги экспрессионистической лирики гуманитарные. Пафос—человечность. Так, у Верфеля—«К читателю»:

Я хочу, о человек, лишь родным тебе быть!..
О если б случилось однажды
Чтоб друг другу мы в объятья пали, братья!

Встречается мотив гражданский, даже национальный, хотя редко последнее непосредственно выражено, как у Газенклевера в стихотв. «Убийцы сидят в опере»:

В когтях дымятся кишки кровавые,
Вырванные у гренадера какого-то батальона.
Этой ночью тысячи пали всей оравой!
Убийцы сидят в оперном павильоне.

Унтер-офицер, с мордой, как у лошади,
Вылез из мяса, нашинкованного штыком,
Все еще кричит Карл Либкнехт на площади:
«Долой войну» и убит тайком.

В барабан забили. Треснул, ошарашив.
Хлеб из суррогатов. Кровь в вине, в бульоне.
О, страна родная, мне совсем не страшно!

Это — стихотворение большой мощи. Гравюры К. Гроса могли бы его иллюстрировать. В целом за образами экспрессионистов сквозит немецкий гражданин. Не даром, когда немецкие историки и критики (Вальцель, Крелль, Мартерштейнг и др.) говорят об экспрессионизме, они невольно становятся социологами.

В лирике экспрессионистов нет целостной картины быта, жанра. Порой она вещественно беспредметна; но и далека от самоценных аналогий символистов. В ней—отрывки быта и жанра, что позволяет ей быть современной, жизненной, городской. Кроме вышеприведенных примеров—у Верфеля:

В буйных кафэ, под небом, где птиц не бывает...
Даже у кельнера грязный дрожит поднос.
(«Слезы».)

или у Голля:

Но я знаю, когда начнется отрыжка рояля,
И мандолина царапает сердце твое...
Кельнеры пышут из огненных рощ, как когда-то твой бог.
(«Негр из варьетэ».)

Немецкий критик Керр вспоминает о принципе Либермана: «рисовать—значит опускать ненужное». Это применимо и в данном случае. Экспрессионисты отвергают натуралистическую детализацию.

В своей статье В. Нейштадт возражает против огульного противопоставления экспрессионизма импрессионизму. Так, анализируя стихотворение экспрессиониста Лихтенштейна «Сумерки», он указывает на системы импрессионистических образов, непосредственно зрительных рефлексов: «Играет прудом мальчик... Споткнулся жеребенок вдруг о даму... В окне толстяк приклеен за стеклом...», и слуховых: «Кричит коляска»...

Но если в эволюции художественных течений и отмечается в целом известная антитетичность, то, разумеется, это не противоречит случаям технической преемственности.

Это — традиционализм технической культуры. Теория о научной основе поэзии, перенесение научного метода творчества в поэзию, развивается от Бодлэра, Леконт де Лиля и парнасцев к Флобэру и натуралистам, Маллармэ

и символистам. найдя завершение в «научной поэзии» Р. Гиля. Деформация синтаксиса у Маллармэ, тематически-статичного, наследуется футуристами для целей тематики динамической.

Экспрессионисты пользуются зрительным образом, хотя в большинстве исходят не из внешне данного; и в таком случае, разумеется, указанный прием не более, как унаследованное от импрессионистов изощренное зрительное восприятие внешнего мира.

Они пользуются определенным приемом, но отвергают философское обоснование его: для импрессионистов или натуралистов факты внешней жизни самодовлеющи; для экспрессионистов — средство. Для одних литературное произведение должно отразить зависимость человека от внешнего мира, потому что он рассматривается прежде всего, как физиологическое существо». Для других—человек моральный фактор, устанавливающий связь между явлениями природы.

«К природе» импрессионистов и «Прочь от природы» экспрессионистов—лозунги достаточно противоположные, что отмечается многими. Одни показывают, другие доказывают: у одних проповедь, если она имеется, то вне произведения, зависит от выводов читателя; у других—само произведение—проповедь. Это и отмечает В. Нейштадт.

«Определяя свой философский базис сами экспрессионисты очень расходятся», указывает В. Нейштадт и приводит программные статьи Макса Пикара, примыкающего к идеалистическому объективизму Гуссерля; Макс Пикар говорит об ответственности за изображаемые вещи, об усилении их пафосом, требует абстрагирования, типизации, хочет освободить предмет от релятивизма аффекта, стремится к чистой логике, как отмечает автор статьи. С другой стороны, Р. Кайзер, кантианец, подчеркивает психологическую сторону течения, субъективизм, признает релятивизм. Словом, намечатся два типа экспрессионизма—объективный (логический) и субъективный (психологический). Вывод—экспрессионизм не утверждается на едином философском базисе.

В книге имеется также три кратких, но содержательных очерка В. Нейштадта, посвященных техническим вопросам экспрессионистической лирики—«О рифме И. Р. Бехера», «Повтор в лирике Ф. Верфеля» и «Несколько слов о ритме стихотворения Верфеля: «Есть ли радость в мире осиянней». Эти этюды позволяют судить о сознательности переводческих заданий В. Нейштадта. Его переводы вообще оставляют самое благоприятное впечатление. Он владеет рифмой, образы четки, стих ритмичен.

Возьмем рифму. Как говорит В. Нейштадт—«целый ряд поэтов экспрессионизма оперирует с рифмой только старого типа. Но поворот уже наметился. Этот поворот можно охарактеризовать, как стремление к деканонизации точной рифмы». В указанной статье В. Нейштадт приводит типы немецких неполных рифм—с отсечением: Manifeste—Gesten, Haine—versteinert, Sack—Atemakt; с выпадением одного согласного из группы замыкающих: Andern—landen, donnern — Sonnen; рифмы - метатезы — zart — Arzt; неравносложные рифмы: Finde—Wind и т. п. В русских переводах мы и видим аналогичные типы ассонирующих рифм. Эта звуковая рифма частично покоится на литературном (московском) произнесении.

Насколько подобная неканоническая рифма систематически проводится некоторыми экспрессионистами, свидетельствует хотя бы стихотворение «На земле мы все чужие» Верфеля.

Вот рифмы этого стихотворения: газом—сразу, землю—внемлет, смерти—тверди, тверже—удержишь, шлаки—плакать, ними—должны мы, туманы—обманут, жили—чужие и т. п. Тут и там встречаются, однако, рифмы ортодоксальные.

Нужно сказать, что подобные неточные рифмы свойственны и русскому современному стиху, так что перенесение немецких рифм у переводчика—не новшество. Беру для примера у Н. Асеева стихотв. «Россия издали» (1920 — 22): весна — узнать, слезы—озимь, синь—возноси, ребенок — забубенных; или «Песнь о хлебе» Есенина (1921)—жестокость—колосья, поутру — труп, катафалках — гаркнув, земле—телес, встанет—зубами, тесто — белесый; наконец, у Маяковского (Война и мир): щелясь—челюсть,

гнева—невод, томики—потомки, лоно—Вавилонов, слепоте — потеть, гроба—микробом, чинный—мужчины, убыль—рубль и т. п.

Менее удалось переводчику передать звуковые и лексические повторы, о которых он говорит в одном из своих очерков. Вот пример лексического повтора: «Все, что держим—больше не удержишь... Мы полны долгов, себе должны мы. Наша участь: с домом расквитаться» (Верфель), и звукового: «Пусть растут дома и стены тверже... Где мы ступим—топи и туманы». Я не заметил, однако, особой смелости и своеобразия в этом отношении.

Как синтаксическую особенность разбираемых стихотворений, можно отметить неполные предложения, без сказуемого, намечаемого приглагольным дополнением или обстоятельством того же предложения, как формулирует А. Пешковский—«И в щепки ворота. И вдребезги окна (Бехер), Солдаты стадом по клоаке улиц... Сиротой кровать...» (Газенклевер). Такая сжатость близка разговорной речи, стих полон движения, эмоционально окрашен. Ту же роль играют часто употребляемые нераспространенные предложения. Характерно в этом отношении, напр., стих, Верфеля «На земле мы все чужие».

О различных литературных приемах в лирике экспрессионистов, напр., о метафорах у Г. Гейма, И. Голля, Э. Дрема и о многих других нет возможности сказать в краткой статье. В книге имеются полезные биографические и библиографические примечания.

Сборник оживляют несколько острых рисунков-портретов поэтов, исполненных художниками экспрессионистами—Л. Мейднером, Ф. Кокошкой и др. Издана книга изд. «Круг» тщательно, на хорошей бумаге.

В небольшой статье А. Луначарский отмечает биографическую революционность современных немецких поэтов, членя их на сторонников умеренной позиции идейно революционного толстовства, как у Ромэн Роллана, и практически-революционным коммунизмом, как у Барбюса. С одной стороны, Верфель, с другой—Газенклевер. При всем том в антологии современной немецкой поэзии—сборнике «Благовещение», которого касается автор статьи, не представлена пролетарская немецкая поэзия. О ней в предисловии к сборнику говорится: «В Германии невероятное число псалмодирующих мальчиков, организованных апостолов,—певцов человечества. Это — поэты-пацифисты и социалисты. Они скрывают свою неоригинальность за разными формулами «образа действий». Время идет мимо них, как и мимо группы рабочих писателей».

Кайзер, немецкий критик, называет группу, участвующую в антологии, «бунтарями слова и звука». Экспрессионизм, разумеется, не только тематическая революция в немецкой поэзии, сравнительно со старшим поколением символистов. Статьи Георге, Рильке, Гофмансталем—не только отрицание формулы «искусство для искусства», но и нарушение стилистических традиций. Контроверзе революционеров из экспрессионистов и пролетарских поэтических групп можно найти аналогию во вражде русских комфутуристов к поэтам из Пролеткульта, находившимся под влиянием символистов. Но о проблеме литературного приема в современной немецкой лирике было сказано выше.

А. Луначарским сделаны переводы из М. Брода, М. Гумперта, фон-Гауфельда, Иоста, Хейнеке, Казака, а также Газенклевера и Лихтенштейна, более оформившихся, представленных также в сборнике В. Нейштадта. К сожалению, переведено лишь 16 стихотворений. Нужно выделить — экзотический примитивизм Гумперта в «Таити», манеру фрескового письма, преимущественно зрительные образы:

В Таити к морю девы подходят с тяжелыми косами,
Склоняются темными шеями, слушают раковин шумы.
В Таити по ветру морскому проносятся белые птицы
И перья падают с крыльев, кружась, к танцующим детям...

Из городских стихотворений Лихтенштейна—«Пять песен о Марии»—поэзия о Незнакомке:

Так много лет ищу тебя, Мария,
В садах, домах, на улицах, в горах,

В притонах, лавках, театральных школах,
В больницах и домах для сумасшедших...

далее—христианский социализм Иоста в «Ave Maria», политический, ораторский пафос стихотв. «Политический поэт» Газенклевера и т. д.

Переводы Вл. Нейштадта и А. Луначарского в целом разнообразно представляют современную немецкую лирику.

III. ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГОФМАНУ

Р. Шор.

1. «E. T. A. Hoffmann. Das Leben eines Künstlers» dargestellt von *Walter Harich*. Verlegt bei Erich Reiss. Berlin. Erster Band. S. 290. Zweiter Band. S. 386+14.—«E. T. A. Гофман. Жизнь художника», рассказанная *Вальтером Гарихом*. Изд. Эрих Рейс. Берлин. Первый том. Стр. 290. Второй том. Стр. 386+14.

2. «E. T. A. Hoffmans. Gespensterspiel» von *Karl Escher*. Edwin Runge. Verlagsbuchhandlung. Berlin. Lichterfelde. S. 48.—«E. T. A. Гофман. Игра призраков». *Карл Эшер*. Издательство и книжная торговля Эдвина Рунге. Берлин. Лихтерфельде. Стр. 48.

3. «Эрнест-Теодор-Амадей Гофман. Том первый. Фантастические пьесы в манере Калло». Часть первая. Перевод П. О. Морозова, под редакцией, с предисловием и примечаниями Е. М. Браудо. «Всемирная Литература». ГИЗ. Москва—MCMXXIII—Петроград. Стр. 208+2.

Отсутствие исчерпывающей биографии до настоящего времени составляло существенный пробел в довольно богатой литературе по Гофману. Старая биография Гофмана—его современника и приятеля Гитига—перегружена непроверенными анекдотами и сплетнями; новейшие—конца XIX в.—Гризебаха и Эллингера—подходят к Гофману с невозможной для него меркой реализма, реабилитируют его с точки зрения филистерской морали. Действительно, можно ли ожидать понимания Гофмана от биографа, который причисляет «Принцессу Брамбиллу» «к самым слабым произведениям поэта» (Элл. 163)?

Перелом в литературе конца XIX в., вновь приблизивший современного читателя к пониманию художественных форм романтики, с одной стороны, огромный биографический материал, собранный и опубликованный за последние два десятилетия (в особенности, трудами Ганса ф. Мюллера), с другой,—делают необходимым пересмотр традиционного взгляда на жизнь и творчество Гофмана. Этой необходимости и пытается удовлетворить двухтомная биография поэта, составленная *В. Гарихом*.

Объединяя разрозненные публикации биографических документов и частные исследования, книга Гариха рисует до мельчайших подробностей внешнюю и внутреннюю жизнь поэта. Перед читателем встает то душный, раз навсегда застывший в формах отошедшего XVIII века уклад жизни в чванном доме родовитых бюргеров Кенигсберга,—города, где за маской утрированного филистерства гримасничает безумие; то польские городишки глухой прусской окраины, с ожесточенной борьбой за первенство чиновничества и офицерства; то бесшабашное веселье театральной и музыкальной богемы Варшавы, Бамберга, Дрездена на грозном фоне непрерывной войны; то шумные улицы казенно-романтического Берлина. Рисуется пестрое общество, столь характерное для начала прошлого века, где одаренность и богатство стирают на «эстетических чаепитиях» старые сословные границы; там,

между титулованными антрепренерами и легкомысленными купцами, спившимися гениями и безукоризненными чиновниками, просвещенными еврейскими дамами и промотавшимися князьями — вращается Гофман; оттуда черпает он материал для своих фантастических гротесков и сатирических каприччио.

Изложение Гариха постоянно перебивается характеристиками тех лиц, с которыми сталкивался Гофман на своем жизненном пути; тут—и фигура гордого карьериста, дядюшки кроткого друга Гофмана—Т. Гиппеля; и романтического бродяги-гения, актера Лео; и сиятельного чудака, владетельного князя Пюклер-Мускау, напоминающего своей неоседливостью набросанный Грибоедовым и Герценом образ «американца-Толстого»; и литературной братии, мистифицирующей публику коллективными романами, в роде упоминаемого в «Серапионовых братьях»—«Романа четырех». Порой подобный материал перегружает изложение. Вряд ли представляют интерес для специалиста по Гофману приводимые Гарихом городские сплетни о незаконном происхождении Рих. Вагнера?

Так раскрывается автобиографическая точность многих эпизодов в Крейслериане, которые рассматривались прежде как поэтический вымысел (напр., эпизод тетушки Фюсхен в «Коте Мурре»); раскрывается отражение действительности в некоторых из наиболее фантастических (рассказов напр., в «Das öde Haus»). Там, где это нужно—в особенно важные моменты жизни Гофмана, напр., при изложении истории его любви к Юлии Марк—автор воспроизводит ее буквально день за днем, пользуясь записями гофмановской тетради «Miscellanea», куда поэт заносил и литературные, и музыкальные свои планы, и (скрывая под условным словом имя возлюбленной от ревнивого взора Миши) — муки своей романтической любви.

С чисто-биографическим исследованием Гарих сплетает оценку творчества Гофмана. К сожалению, автор не оказывается здесь на высоте новейших методологических требований.

При современном состоянии литературоведения вряд ли можно признать уместными замену анализа художественных форм простым изложением содержания произведений Гофмана; непосредственное перенесение материала Ich-Erzählungen на их автора; полное невнимание к литературной традиции и канону романтики; объяснение тех или иных художественных приемов (напр., фрагментарного конца, чередования сюжетных рядов и проч.) неумелостью автора; наконец, абсолютную оценку, произносимую Гарихом над каждым произведением Гофмана. (В частности, значение «Doge und Dogaresse» для русской лирики опровергает строгий приговор Гариха над этой повестью.)

Впрочем, и здесь встречаются удачные и тонкие замечания—такова интерпретация некоторых мест «Золотого горшка», «Klein Zaches'a», указания на чередования стилей у Гофмана и т. п.

Во всяком случае, не образуя эпохи в изучении Гофмана, книга Гариха, несомненно, является ценным вкладом в литературу вопроса.

Книжка *К. Эшера*, предлагающая под претенциозным названием довольно бесцветный перечень фантастических и гротескных образов Гофмана, относится к тем эфемеридам, которыми юбилей всякого поэта обогащает посвященную ему литературу. Никакого «проникновения в жуткие глубины гофмановского творчества», обещанного во вступлении, подобный перечень не дает и дать не может.

Предпринятое Госиздатом издание *перевода избранных сочинений Гофмана*, несомненно, отвечает назревшей потребности. Немногочисленные старые переводы произведений знаменитого романтика и малодоступны и сделаны, по большей части, плохо, порой просто безграмотно. Между тем творчество Гофмана интересно не только само по себе, как одно из наиболее ярких художественных выражений поздней немецкой романтики; знакомство с ним необходимо и для правильной оценки того течения в современной немецкой литературе, которое, воскрешая художественные формы романтики, представлено, напр., в произведениях Мейринка.

К сожалению, и новый перевод П. О. Морозова «Фантастических пьес в манере Калло» не может быть назван безупречным. Стилистические задачи, которые при передаче такого мастера сказа, как Гофман, должны стоять на первом плане, разрешены часто недостаточно тщательно. Так, переводчик часто оставляет без внимания пунктуацию Гофмана, опуская, например, тире—этот излюбленный романтиками знак паузы—и разрушая характерную отрывистость сказа. Точно так же переводчик устраняет типичные для Гофмана в патетических местах фигуры асиндетона (бессоюзия), и полисиндетона (многосоюзия), разбивает подчеркнуто - тяжеловесные периоды в сатирических местах (напр., в «Мыслях о высоком значении музыки»), наконец, вводит разъяснительные слова там, где у Гофмана нарочитая недоговоренность. Встречаются и явные неточности [1]).

В результате — стираются границы двух стилей Гофмана—высоко-патетического, доходящего до дифирамбических ритмов, и подчеркнуто - прозаического, пародически - канцелярского, которые поэт чередует с таким мастерством и перебоем которых он достигает иронического разрушения иллюзий [1]). Вряд ли можно согласиться и с такой подменой гофмановских образов, как перевод «der sanfte weiche Jüngling Terz» словами «нежная, кроткая дева-терция». Не всюду справился переводчик и с игрой слов, вычурными оборотами и кудреватыми периодами Жан-Поля,—он то прозаически раскрывает их (напр., «расплывчатой, как ртуть памяти» вместо «ртутной памяти»), то опускает (стр. 59), то переводит обратно смыслу подлинника (стр. 61). В общем перевод все же лучше большей части старых переводов, и местами (напр., на стр. 91) удачно передает стилистические фигуры подлинника.

Комментарий к переводу следовало бы увеличить. Не всякий читатель поймет, что перечень журналов в предисловии Жан-Поля (стр. 60) заключает противопоставление романтических журналов просветительским; что слова «замок Альцины» (стр. 75) и «Оркус» (неудачно переведенный словом «ад» (стр. 77) в устах загадочного музыканта («Кавалер Глюк»)—намеки на «Армиду» и «Орфея» Глюка и т. д. В разъяснении нуждаются и некоторые символы Жан-Поля и Гофмана—особый эмоциональный тон в поэтике романтизма символов: «уксусный вибрион» (символ, использованный Брентано в «Приключениях совщика *Богга*»), «звук гармоники» (символ, излюбленный Гофманом и использованный и Тургеневым в концовке «Призраков»), «нефть» (символ, встречающийся у Жан-Поля, Новалиса, Тика, Гофмана) утерян для современного читателя.

Предпосланный переводу биографический очерк и вступительные заметки к отдельным вещам Гофмана составлены Е. М. Браудо, к сожалению, по несколько устарелым источникам. В настоящее время, когда мы располагаем богатейшим материалом по Гофману—в виде дневников и переписки, опубликованных Гансом ф. Мюллер с дипломатической точностью и огромным комментарием, в виде ценнейших примечаний и статей в издании (к сожалению, незаконченном) Маасена, в виде нового опыта двухтом-

[1]) Ср., напр., стр. 57: «запоздалое указание» (в подлиннике—«Anzeige»—«рецензия»); стр 71: «с женами и детьми» (в подл. иронически: «und den lieben Kleinen»—«с милыми малютками»); стр. 75: «немногие *сразу* видят эти врата» (в подл.: «Wenige sehen das Tor einmal»—«немногие видят эти врата *хоть раз*»); стр. 77: «все продувают» (в подл.: «wühlen alles durch»—«перерывают все»); стр. 78: «они сегодня должны ударить одиннадцать раз» (в подл.: «sie müssen ihn heute elfmal machen»—«они должны проделать его (марш) сегодня одиннадцать раз»); стр. 78: «отстал один фигурант с бантом на башмаке» (в подл.: «da bleibt ein Figurant mit den Schuhschleife hängen»—«фигурант зацепился бантом от башмака»); стр. 78: «теперь он делает комплимент» (в подл.:«jetzt macht er sein Kompliment»—«теперь он расшаркивается»); стр. 91: «квакай» (в подл.: «quiecke»—«верещи»); стр. 92: «по цвету» (в подл.: «in der «Farbe»—«по масти»); стр. 94: «гармонические звуки» (в подл.: «Harmonika-Töne»—«звуки гармоники») и т. д

[1]) Ср. Sackheim. Hoffmann.

ной биографии Гариха—странно читать, что биография Гофмана, составленная его современником Гицигом, «еще поныне является наиболее надежным источником для его жизнеописания». Неудачным выбором источников приходится, очевидно, объяснять многие неточности в датировке произведений Гофмана и событий из его жизни [1]); неполноту в перечне его пьес и картин [2]); не всегда удачный подбор цитат из писем Гофмана и др. погрешности биографического очерка Е. М. Браудо. В приложенной в конце книги библиографии среди общих работ по Гофману не указана статья М. А. Петровского (в «Истории зап.-европ. литер. XIX в.», под ред. Батюшкова. Изд. т-ва «Мир». Т. I).

Не достаточно полон и обзор П. О. Морозова «Э. Т. А. Гофман в России». Так, говоря об увлечении Гофманом в московских кружках, автор не упоминает о напечатанной в «Телескопе» статье Герцена «Гофман»,—статье, не утратившей до настоящего времени своего значения. Среди новеллистов не назван граф В. А. Сологуб, повесть которого «История двух калош», на ряду с подражанием Вакенродеру, повторяет и мотивы «Крейслерианы». Из произведений Погорельского, быть-может, следовало бы упомянуть детскую сказку «Черная курица», хотя бы за то влияние, которое она оказала, по его собственному признанию, на Льва Толстого. Говоря о Достоевском, на ряду с мотивом «Двойника», можно бы остановиться на мотиве «Игрока»—«Spielerglück», как известно, впервые введенном в литературу Гофманом. Не навеяна ли Гофманом и оригинальная сцена в «Идиоте», в которой князь Мышкин показывает генералу свое искусство каллиграфа, и которая, не имея, как кажется, параллелей в русской литературе (мотив каллиграфического увлечения у Гоголя—«Шинель» и «Мертвые души»—использован в совершенно другом комплексе), дает этот мотив в том же освещении, что и аналогичные сцены между студентом Ансельмом и архивариусом Линдхорстом («Золотой горшок»)?

Но особенно странно, что автор не остановился подробнее на новелле Гофмана—«Doge und Dogaresse», с ее своеобразным преломлением в русской лирике. Если пушкинский отрывок — «Ночь светла» и не дает, быть-может, основания возводить его к названной новелле, то интерпретация Майкова «Старый дож» всецело навеяна одной из главных сцен новеллы Гофмана. И той же новеллой вдохновлялся Ап. Григорьев. Ср.:

...«девственна, как лик Аннунциаты,
Прозрачно-светлый Догарессы лик,
Что из паров и чада опьяненья,
Из кнастерного дыма и круженья,
Пред Гофманом, как светлый сон, возник»...

(Venezia La Bella. «Дневник странствующего романтика», строфа 47), и концовка цитатой:

«А я?—Давно пора мне привыкать
Senza amare по морю блуждать»
(Там же, строфа 48).

Несмотря на указанные недочеты, в целом, новое издание Госиздата является весьма полезным при бедности нашей литературы по Гофману.

---

[1]) Балет «Arlequino» написан не в Варшаве, а в Бамберге в 1808 г. Юлия Марк вышла замуж только 3 декабря 1812 г., и запись дневника, приводимая Браудо, относится к более раннему периоду; «Золотой горшок» задуман 19 августа 1813 года, закончен 24 января 1814 года—и т. д.

[2]) Не упомянута юношеская картина фантазии, воспроизведенная у Sackheim'a; тетрадь Miscellanea, опубликованная по частям Г. фон Мюллером; причудливый гротеск—«Folgen eines Sauschwanzes» и т. д.

IV. ГАУЗЕНШТЕЙН.

А. Федоров.

Вильгельм Гаузенштейн является крупнейшей и почти единственной фигурой на фоне современной марксистской литературы по искусству. Тонкий знаток и широкий эрудист, он, несмотря на все свои погрешности против ортодоксального марксизма, своими работами последних лет вносит много весьма ценного в марксистское искусствопонимание. Поэтому нам кажется своевременным познакомить русского читателя с тем, что он может извлечь для себя как в смысле уяснения личности Гаузенштейна как марксиста-социолога искусства, так и в смысле ознакомления с тем новым, что он дает в этой области из тех его сочинений, которые переведены на русский язык. Одновременно этот очерк послужит и отзывом на недавно появившиеся на русском языке его работы «Искусство и общество» и «От импрессионизма к экспрессионизму», так как они, как мы увидим ниже,—почти все, что имеется на русском языке из книг Гаузенштейна.

Мы говорим сейчас о Гаузенштейне как о марксисте, но чрезвычайно знаменателен тот путь, который прошел Гаузенштейн в своем научном развитии. Он начал свою научную работу как приверженец «формальной школы», трактующей искусство исключительно с точки зрения формы и вне всякой связи с общественной жизнью. Из работ этого периода развития Гаузенштейна на русский язык были переведены и изданы издательством «Современные Проблемы» две его книги «Нагота в искусстве» и «Искусство Рококо» (в 1914 году). Первая представляет собою приложение к конкретному историческому материалу тех мыслей об искусстве как о чистой форме, которые были развиты Гильдебрандом в его знаменитой «Проблеме формы в изобразительном искусстве» (русский перевод изд. «Мусагет»). Здесь читатель найдет и знаменитую «форму существования и форму проявления», и предпочтение рельефа круглой пластике, и порою весьма остроумный формальный анализ отдельных произведений искусства,—словом, все то, что, будучи «открыто» Гильдебрандом, наделало так много шума и исчезло с быстротой, равной не уступавшей по силе этому шуму. Мы не будем здесь подробно останавливаться на этой книге, так как критика формальной школы не входит в наши задачи и так как эта книга не может нам ничего дать в смысле освещения поставленных выше вопросов.

Еще менее интересным является здесь для нас «Искусство Рококо». Здесь отсутствует даже и формальный анализ, не говоря уже о социологическом, и мы имеем обычного типа описательно-биографическую историю французской иллюстрации XVIII века. Она может представлять некоторый интерес разве только для сравнения ее с соответствующим местом «Искусства и общества», где Гаузенштейн, воспользовавшись тем же материалом, дал ему весьма оригинальное и блестящее социологическое толкование, о чем мы еще будем говорить ниже.

Но, начав как «формалист», Гаузенштейн в процессе своей научной деятельности все более и более приходит к сознанию негодности этой точки зрения и необходимости социологического рассмотрения искусства. А раз став на эту точку зрения, он неминуемо пришел к историческому материализму, как к единственной научной социологии искусства. И новая, недавно переведенная на русский язык работа Гаузенштейна, а именно «Искусство и общество» (изд. «Новая Москва» 1923) снабжена уже нижеследующим эпиграфом из Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». В этой эволюции его художественных воззрений значительную роль сыграли общественно-политические события последних лет, что совершенно правильно было отме-

чено А. В. Луначарским в его статье о Гаузенштейне, помещенной в 1-м номере журнала Р. А. Х. Н. «Искусство». Но было бы ошибочным и несогласным с фактами утверждение, что только война и революция сделали его марксистом, так как первая его марксистская работа «Der nackte Mensch in der Kunst aller Länder u. Völker» появилась в Германии в 1913 году. На русский язык она переведена не была, но о ней в 1914 году была помещена рецензия в «Аполлоне» (№ 4-й). Автор этой рецензии Ашкинази разругал ее отчаянно, доказывая полнейшую непригодность рассмотрения искусства под таким углом зрения. Нам лично кажется, что события последних лет дали Гаузенштейну только лишнее подтверждение правильности его основного воззрения на искусство и заставили его заострить и точнее выявить в «Искусстве и обществе», являющейся конденсированной переработкой вышеупомянутого сочинения, содержавшиеся в нем социологические выводы об искусстве. Как бы то ни было, сам Гаузенштейн в первой части этой своей работы, к рассмотрению которой мы сейчас приступаем, говорит о том, что социологическое рассмотрение искусства есть единственно возможное для нашего времени, как наиболее для него соответствующее. А раз так,—то и единственно правильное, так как «соответствующее нуждам времени и есть абсолютное» (стр. 8). Но притти к такому взгляду на искусство можно было только в том случае, если для него была подготовлена почва ходом самой науки об искусстве. В той же главе Гаузенштейн касается того, что «поколение младших историков искусства начинает чувствовать крайнюю относительность индивидуалистической и классической нормативной эстетики» (стр. 9) и что уже Ворринтер, далекий от марксизма, должен был вплотную подойти к социологическому рассмотрению искусства.

Но «формальное» прошлое Гаузенштейна не прошло для него бесследно. Подлинным марксистом его считать нельзя, и он часто сбивается в сторону. Луначарский справедливо укоряет его в том, что подлинным рассмотрением искусства он считает лишь рассмотрение формы. Так и в этой книге. Гаузенштейн считает, что доказать зависимость исторического развития искусства от социальной жизни, а в конечном счете от экономики, можно только в том случае, если мы сможем доказать это по отношению и развитию художественной формы. Желая найти наиболее лишенный «содержания» объект, который «нелегко было бы понять как социальный масштаб», но который, вместе с тем, «пользовался бы значением во все эпохи художественного развития», Гаузенштейн останавливается на проблеме изображения нагого тела в искусстве. Отправная точка зрения Гаузенштейна неверна: социологическое рассмотрение искусства должно учитывать в равной мере как форму, так и содержание. Но в данном случае эта его позиция принесла только пользу. До сих пор в области применения исторического материализма к искусству мы имели работы, написанные специалистами по литературе, которые естественно ставили акцент на «содержание», почти совершенно игнорируя формальные стороны в искусстве. Появление же работы по социологии художественной формы является лишним подтверждением правомерности марксистского рассмотрения искусства, и с этой точки зрения мы можем только радоваться, что Гаузенштейн взял вопрос именно в этом разрезе, тем более, что в сущности он не остался здесь формалистом и проблему формы рассматривает как идеологическую проблему, в особенности во второй части своей книги.

Свою работу Гаузенштейн разделяет на две части. В первой из них он рассматривает влияние социально-экономических условий на характер формы изображения нагого тела, на стиль этого изображения. Вторая посвящена выяснению того, как эти условия влияли на самую возможность появления изображения нагого тела, т.-е., иными словами, насколько тот или иной общественный уклад жизни способствовал или препятствовал появлению таких изображений в живописи и скульптуре.

Первая часть его книги охватывает почти всю жизнь изобразительных искусств от искусства первобытного,

через древне-восточное к античному и искусству современной нам европейской культуры. В пределах этого очерка мы не можем даже в самых коротких словах охарактеризовать и разобрать оценку, даваемую Гаузенштейном искусству того или иного периода. Диапозон его захвата настолько обширен, что выполнение этой задачи потребовало бы нескольких страниц. Мы не рискуем утомлять ими читателя и постараемся лишь отметить те общесоциологические выводы, которые делает Гаузенштейн в результате своих изысканий, так как именно это и входит здесь в нашу задачу. Так, прежде всего, относительно первобытного искусства. Считая стиль выражением материальной и духовной культуры эпохи, он устанавливает наличие в первобытном искусстве двух, идущих один за другим, стилей. На более низкой ступени культуры, в охотничьем и кочевом быту господствует натуралистический стиль. Художник схватывает явления и вещи так, как они ему кажутся по первому впечатлению, не вдаваясь ни в какие размышления по этому поводу. Этот стиль более или менее импрессионистичен, как, например, в живописи бушменов. С ростом культуры и возникновением земледелия этот натуралистический стиль сменяется символическим, орнаментальным, схематическим стилем изображения. Пользуясь терминами М. Ферворна, он называет первый стиль «физиопластическим», последующий—«идеопластическим». Особенности обоих этих стилей он выводит из свойств психики человека данной стадии культуры,—свойств, обусловленных в конечном счете способами добывания материальных средств существования. Не вдаваясь в подробное обсуждение этого вопроса, отметим только всю социологическую его важность и глубину. Символичность творчества земледельческих племен в свое время отметил еще Плеханов в своей статье о Г. Успенском («Наши писатели-народники») и дал ему анализ, сходный с анализом Гаузенштейна. Но у Плеханова это было случайным замечанием, Гаузенштейн устанавливает строгие законы развития первобытного искусства

Чередование стилей изображения нагого тела в искусстве культурных народов Гаузенштейн ставит в зависимость от смены «органических» и «критических» эпох культуры (термины Сен-Симона). Первые—это эпохи коллективизма, вторые—дифференциации и чрезмерного развития индивидуализма. Искусство первых—это искусство конструктивное, монументальное, искусство больших масс, второе — станковое, индивидуалистическое, импрессионистическое в конце концов. Большие и важные проблемы доступно разрешать только первому роду искусства, ибо только ему доступно «разрешить великую проблему пространства». «Организованное пространство всегда является коренным монументальным символом общественного характера культур» (стр. 94). Здесь Гаузенштейн чрезвычайно близко подходит к тому пониманию смены стилей, заключающейся в чередовании тектонических и украшательских стилей, которое в свое время дал Кон-Винер. («История стилей изящных искусств»; есть русский перевод). Но материалистическое мировоззрение Гаузенштейна, отрицающее всякий абсолютный критерий оценки, предохраняет его от той ошибки, в которую впал Кон-Винер, именно от предпочтения одних стилей перед другими. Понимание стиля как выразителя культуры своей эпохи заставляет Гаузенштейна притти в вопросе об оценке художественных направлений к рассмотрению их с точки зрения той силы и яркости, с которой они выражали сущность своего времени. Признавая в общем правильной эту схему Гаузенштейна, заметим лишь, что она слишком уже обща. Он не захотел или не смог связать смену коллективистических и индивидуалистических направлений в искусстве с перипетиями классовой борьбы. Вообще он как-то опускает положение о классовом характере искусства. Правда, он иногда касается этого вопроса, но как-то спорадически и случайно, хотя там, где он его приметил, результат был столь удачен, что должен был бы показать ему всю важность учета смены классов для смены художественных направлений. Мы подразумеваем ту главу его книги, которая посвящена искусству Рококо. Здесь его заслуга заключается в разрушении заблуждения историков искусства всех

направлений, и в том числе и марксистов, о якобы сплошь упадочном характере искусства этой эпохи.

Вторая часть книги Гаузенштейна рассматривает, как материальные причины, создавшие тот или иной уклад жизни, делали изображение наготы в искусстве более или менее органическим и естественным или, наоборот, препятствовали ему. Не касаясь первой главы этой части, «Естественный и косметический человек», переходим прямо ко второй: «Греки и нагое тело». Совершенно справедливо устанавливая благоприятные условия для изображения нагого тела в пластике, существовавшие в условиях греческого быта, Гаузенштейн, однако, в выяснении причин привычки греков к наготе, культа этой наготы, пользуется экономическим фактором слишком уже по-детски примитивно. Он считает, что культ наготы ввела Спарта, при чем «нагое тело становится предметом заботы, потому что недостает возможностей интенсивной и экстенсивной культуры одежды» (стр. 231). Сводить культ нагого тела в Греции к бедности греков—это более чем наивно. Правда, сам Гаузенштейн учитывает, что спартиатам приходилось все время жить военным лагерем среди соседних покоренных племен, но этот фактор является у него только побочным. На самом деле далеко не так. Культ нагого тела у греков вырос не из бедности, а из всего уклада жизни их воинственных торговых городских общин, находившихся в непрерывной борьбе друг с другом за рынки и вынужденных, в силу этого, обращать особое внимание на физическое развитие молодежи—будущих воинов. Эта причина культа нагого тела у греков была в свое время великолепно выяснена Плехановым. Но ведь у немцев считается «дурным тоном» читать русские книги по искусству. Впрочем, кое-что сходное с этим есть и у французского автора Тэна в его «Ваянии в древней Греции», с которым Гаузенштейн уж наверное был знаком. Между тем в свете этого плехановского анализа стало бы ясным и установленное Гаузенштейном положение, что изображение нагого женского тела появляется в греческом искусстве значительно позднее такового же мужского, уже в эпоху близкую к упадку, в эпоху жанрового, индивидуалистического искусства. Гаузенштейн выводит это запоздание из более низкой оценки женщины как общественного существа, в силу чего интерес к изображению женского тела мог появиться только уже в индивидуалистическую эпоху, когда стали интересоваться человеком как индивидом, а не как членом общества. Но причина этой низкой оценки женского тела Гаузенштейном не дана и становится ясной только при нашем анализе культа нагого тела. Этот культ вырос из военных потребностей, и пока он обусловливался только ими, в нем не было места для женского тела. Но когда—уже в эпоху эллинизма—изображение нагого тела стало служить эротико-эстетическим целям, женское тело и как более чувственное, и как более изящное стало доминирующим в греческой пластике. В главе, посвященной изображению нагого тела в эпоху Средневековья, Гаузенштейн учитывает все факторы, препятствовавшие ему. Важно здесь отметить, что он совершенно правильно ищет корней аскетизма в пролетарском характере раннего христианства. Здесь мы опять видим удачное применение положения о классовости искусства. Заслуживает упоминания замечание Гаузенштейна, что в эпоху феодализма, когда появляются богатые и обеспеченные духовенство и феодалы, нагое тело в искусстве встречается только при изображении лиц низких или преступных. Роскошные одежды феодалов и духовенства были слишком важны для них как символы их богатства, чтобы они могли любить обнаженное тело, и они оставляли его для низшего класса. Прослеживая оживление интереса к нагому телу вместе с ростом денежного хозяйства и развития буржуазии, Гаузенштейн доходит, наконец, до нашего времени. Эпоха индустриализма, с его точки зрения, наиболее неблагоприятна для проблемы изображения нагого тела в искусстве и, даже больше,—неблагоприятна для искусства вообще. Буржуазный индивидуализм есть потеря личности, современная эпоха не может дать общего стиля, ибо современное общество не живет единой жизнью.

оно—лишь механическая совокупность людей. Изображение нагого тела может быть естественным лишь в том случае, когда нагота встречается в жизни—таков общесоциологический вывод Гаузенштейна. Современный художник должен пользоваться натурщиком, и поэтому нагота в современном искусстве—какая-то неживая, лишняя и ненужная. «Задача создать из профессиональной модели художественное произведение является одним из безумнейших требований, которые когда-либо эпоха предъявляла своему художнику» (стр. 328). Индустриализм убил человеческое тело, и Гаузенштейн с горьким юмором замечает, что чулочный фабрикант—плохая модель для наготы в искусстве. Поэтому художники в разрешении проблемы нагого тела должны были или стать ориенталистами (Делакруа, Энгр, Гоген и др.), или, ища наготы в окружающем их обществе, изображать нагих кокоток, которым одним только и привычна нагота (отсюда оправдание Гаузенштейном эротического искусства), или же, наконец, разрешать проблему нагого тела в карикатуре на него (Домье, Тулуз-Лотрек и др.). Выход из этого положения Гаузенштейн видит в изображении сцен труда. Эту задачу выполнили Менье с его фигурами рудокопов и *Монск*, который «у доменных печей, на горных заводах... встречал людей, которым нагота тела навязывалась жизненной функцией—работой» (стр. 334). Так приходит Гаузенштейн к выводу, что новый расцвет искусства возможен только через пролетариат, только в нем, только в его жизни новые горизонты для новых разрешений проблемы нагого тела в искусстве. И задачу своей работы он видит в уяснении сущности проблемы наготы в искусстве, в уяснении значения искусства, что он считает полезным и нужным для новых строителей социальной жизни, и в этом Гаузенштейн показывает себя подлинным марксистом, который никогда не боится «утилитаризма» и не разглагольствует о священной наджизненности своих научных изысканий. Гаузенштейн прав: его книга может быть и будет очень и очень полезна. В ней есть много невязок и противоречий, она не всегда выдержана в строго-марксистском духе, но все же в общих чертах она правильна. Это—большой и серьезный труд, впервые подлинно научно рассматривающий искусство, трезво, дельно и без обычных в этих случаях лирических излияний. Нами она настойчиво рекомендуется самому широкому кругу читателей, не говоря уже о специалистах.

Несколько раньше ее появилась статья Гаузенштейна «Об экспрессионизме в живописи» (в Сборнике «Экспрессионизм». ГИЗ. 1923). Мы останавливаемся на ней не до, как это следовало бы хронологически, а после «Искусства и общества», потому что, лишь ознакомившись по этой последней работе с основными мыслями Гаузенштейна, читатель может вывести и из этой специальной статьи общесоциологические заключения. Интерес этой статьи для нас заключается в том, что, считая экспрессионизм противоположностью импрессионизма как с формальной, так и с идеологической стороны, Гаузенштейн рассматривает эту противоположность как диалектическую, а не как безусловную, исключающую. Экспрессионизм в своей противоположности импрессионизму представляет собою последующий за ним этап диалектического развития искусства. Эту диалектическую противоположность экспрессионизма импрессионизму Гаузенштейн расширяет до вопроса о диалектике искусства вообще, усматривая в экспрессионизме начало новой эпохи мистически-религиозного по содержанию, а с формальной стороны стремящегося формы предметов заменить абсолютным средством их изображения искусства. Таким было христианское искусство до Ренессанса, его сменил Ренессанс как позитивистическое, реалистическое искусство, на смену которого, в свою очередь, приходит экспрессионизм.

Мы уже отмечали выше склонность Гаузенштейна к широким схемам искусства, совершенно почти не связанным с фактом классовости искусства. Тем не менее, эта его схема заслуживает большого внимания и обсуждения, значительно более серьезного, нежели мы можем это сделать здесь. Здесь же мы можем установить лишь эту схему диалектики искусства, как она может быть

выведена из работ Гаузенштейна. Усматривая диалектичность в самом развитии творчества отдельного художника (см. в упомянутой статье о развитии творчества Лейбля и Пуссена), он далее устанавливает диалектичность жизни данного художественного направления. Из диалектики художественных направлений создается более широкая диалектика стиля эпохи и, наконец, все это завершается величественной диалектикой эпох искусства, соответствующих, по мнению Гаузенштейна, диалектике позитивных реалистических и религиозных эпох. Относительно этого его последнего утверждения нам едва ли можно с ним согласиться, тем более, что, как мы увидим это ниже, Гаузенштейн, в достаточной мере, независимо от самого себя, но зато уже подлинно-социологически, вскрыл причину метафизичности экспрессионизма. Во всяком случае, эта схема заслуживает, повторяем, самого внимательного к себе отношения. И значение этой статьи Гаузенштейна в связи с «Искусством и обществом» заключается в том, что выявленная там только лишь на одной из своих проблем, диалектика искусства, расширена здесь до принципиальной постановки вопроса.

Последней из переведенных на русский язык работ Гаузенштейна является статья почти на ту же тему, что и предыдущая, а именно «От импрессионизма к экспрессионизму», помещенная в 1-м номере «Западных Сборников», выпускаемых «Новою Москвою» (1923 г.). Эта статья представляет собою одну из глав его большой работы «Die bildende Kunst der Gegenwarts». В виде отдельной статьи эта работа Гаузенштейна для русского читателя имеет, главным образом, информационный интерес, так как знакомит его с современным искусством Германии. Рассмотрение ее в этом ее значении не входит здесь в наши задачи. Но поскольку она содержит в себе некоторые общесоциологические выводы об искусстве и проливает некоторый свет на эстетическое мировоззрение Гаузенштейна, постольку мы вкратце остановимся здесь на ней именно под этим углом зрения. Гаузенштейн рассматривает в ней экспрессионизм как реакцию на импрессионизм. Последний был искусством динамическим, импрессионистская картина «длительно дифференцировала явления из самой себя, создавала один момент из другого, распространялась в ее сильно вибрирующей подвижности одновременно через многие моменты развития явления» (стр. 226). В силу реакции экспрессионизм ищет статичности, застывшей монументальности. Импрессионизм был искусством ощущения, он был словно приспособлен для периферии человеческого существа, для его ощущения и ихто и передавал в своих картинах. Экспрессионизм, наоборот, исходит из центра, из волнующейся души и пользуется изображением вещей лишь для выражения этого волнения. Этот тонкий анализ Гаузенштейна является, с нашей точки зрения, классическим образцом применения к конкретному историческому материалу знаменитого Плехановского «психического закона антитезы», заимствованного им от Дарвина и перенесенного на явления искусства. И знаменательно, что Гаузенштейн дошел до этого самостоятельно, так как он, как мы уже отмечали это выше, едва ли когдалибо читал Плеханова. Интересный материал дает эта статья и для уяснения тех следов былого формализма, которые остались у Гаузенштейна и которые сильно дают себя знать в «Искусстве и обществе». В этой статье он прямо заявляет: «искусство есть форма и ничего больше, как форма» (стр. 235). Но интересно, что подобно тому, как там он проблему социологии художественной формы рассматривает как проблему идеологическую, подобно этому и здесь такое определение искусства не исключает его идеологического значения. Он высказывает эту мысль по поводу утверждения, что искусству безразлично, что изображать, и приходит к тому выводу, что это далеко не так, так как в различные исторические эпохи изображение одних и тех же объектов дает разные переживания. В зависимости от этого в разные эпохи наблюдается интерес к различному роду живописи. В концеконцов, как нам кажется, понимание Гаузенштейном искусства как формы есть только формальное (в философском смысле этого слова) определение искусства, а вовсе не тот «формализм», который

несовместим с социологическим пониманием искусства. Но все-таки и этот «формализм» еще очень силен в Гаузенштейне и порою он приводит его к совершенно недопустимым для марксиста выводам. Рассматриваемая нами статья—яркий тому пример. Редакция журнала, печатая ее, поместила под ней такую оговорку: «...К сожалению, не объясняя «религиозного» и «метафизического» характера новейшего искусства, автор провозглашает эти черты положительными. Редакция не отвечает за подобные мысли марксиста Гаузенштейна» (стр. 225). Редакции-то хорошо—«она не отвечает», а вот нам-то надо ответить, почему же, в самом деле, «религиозность» и «метафизичность», т.-е. явные черты упадочности провозглашаются Гаузенштейном положительными? А дело вот в чем. Мы уже отмечали выше, что в «Искусстве и обществе» Гаузенштейн говорит об упадке искусства в буржуазную эпоху, выход для искусства в частности для проблемы «наготы в искусстве» он видит в изображении рабочих и их труда. Но этот выход—выход идеологический. Здесь мы находим лишь новые темы, новую идеологию, но не новые формы. А раз «искусство есть форма и ничего больше, как форма», то выход из тупика может быть найден только в новых достижениях формального характера. И эти новые достижения Гаузенштейн усматривает в живописи экспрессионистов. Они заключаются в том, что теперь «создают обоснованную теоретическую и практическую формулировку отношений цветов друг к другу, цветов-красок, которые переросли импрессионизм и неоимпрессионизм и стали широкими элементами большой живописной и колористической эволюции» (стр. 230). Экспрессионистов в первую голову интересует проблема соотношения цветов, как овеществление психических переживаний. Это получилось именно вследствие «религиозности» и «метафизичности» идеологии экспрессионистов и этим-то и обусловлено. А раз это так, раз это причина положительного, по мнению Гаузенштейна, следствия, то положительной провозглашается и причина. Так, увлечение формою заводит Гаузенштейна очень и очень далеко от марксизма и не позволяет ему сделать того вывода, который он, как марксист, должен был бы сделать из оценки экспрессионизма. Он сам устанавливает как причину такого акцепта на передачу личных психических переживаний, которое наблюдается у художников-экспрессионистов, на ужасы войны, социальной революции и голодовки. Он не хочет только заметить, что упоминаемые им художники, сыны всего этого, этим искалеченные и подавленные, есть те самые певцы «кошмаров и ужаса», которые—всегда упадочники, ибо в хаосе настоящего они видят только одну гибель и не замечают новых зорь грядущего будущего.

На этом мы заканчиваем наше рассмотрение имеющихся в русском переводе работ Гаузенштейна и питаем некоторую надежду, что в процессе его мы обрисовали до некоторой степени искусствоведное мировоззрение Гаузенштейна, марксиста, в конце-концов, но слишком зараженного ядом «формализма», постоянно затуманивающего для него ясность марксистского анализа явлений искусства. Резюмируя значение Гаузенштейна в марксистской литературе по искусству, мы склонны думать, что оно заключается в том, что его богатая эрудиция впервые дает тот обильный фактический исторический материал, которого так не хватало в сочинениях прежних авторов-марксистов, писавших по вопросам искусства.

Из известной нам русской литературы о Гаузенштейне, кроме вышеупомянутых рецензий Ашкинази и статьи Луначарского в «Искусстве» (к сожалению, напечатана пока только часть этой статьи), отметим здесь статьи Луначарского и Фриче, помещенные в 1-м и 2-м №№ «Вестника Социалистической Академии» за прошлый год, а также ряд рецензий на книгу «Искусство и общество», появившихся в нашей периодической печати.

ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ.

(I. Государство—штрейкбрехер. II. О некоторых газетах и журналах).

Рудольф Увира.

I. «ГОСУДАРСТВО—ШТРЕЙКБРЕХЕР» [1].

Книга эта посвящена выяснению штрейкбрехерской деятельности Американского правительства как высшего исполнительного органа крупной американской буржуазии. На страницах ее с большой полнотой и ясностью излагается американское рабочее движение в послевоенные годы. Еще раз, с бесспорной доказательностью, автор выясняет роль так называемой американской демократии — этого верного прикрытия капиталистической диктатуры.

Автор начинает свою работу выяснением истории рабочей политики Вашингтонского правительства во время империалистической войны. Широкие обещания правительства были забыты им с момента заключения мира. «Великое наступление капитала» началось с самого грубого подавления стачек рабочих горной и стальной промышленности в 1919 году. Это наступление в 1920 г. приняло небывалые, в истории борьбы капитала с трудом, формы так называемого «Open schop drive'a». Началась борьба за право капиталистов на заключение личных— без посредства профессиональных союзов — договоров с рабочими. Уолстрит и Белый дом в Вашингтоне объединились и, при помощи хорошо финансируемой и организованной кампании, попытались сломить крепнущие организации рабочего класса. Гари — председатель американского стального треста—выкинул лозунг: никогда не иметь дела ни с одним вожаком рабочих союзов, а «демократический» президент Вильсон клеймил стачку рабочих стальной промышленности как несправедливую и противозаконную.

Правительство сделало все, чтобы обеспечить успех этого наступления капитала. Огромное количество иностранных рабочих было

[1]) «The government—strikebreaker» by Jay Lovestone published by the Workers party of America. New-York City. 371 p.—«Государство—штрейкбрехер». Ж. Ловстон. Изд. Рабочей партии Америки. Нью-Йорк. 371 стр.

выселено и тысячи американских рабочих арестованы. Небывалая ожесточенность этой кампании принудила тогда же и коммунистическую партию Америки к подпольной работе.

Внесение национального момента в эту борьбу ослабило сплоченность рабочего класса, а драконовские наказания, применявшиеся к вожакам угрожали породить окончательное разъединение. После того, как почва была таким образом подготовлена правительством, выступила артиллерия тяжелой индустрии с Гари во главе. Этот последний при помощи бесчисленных щупальцев американского стального треста, проникающих во все области хозяйства, централизовал бой. Все было пущено в ход. Пресса куплена. Церковь «сдана внаем», армия шпионов и провокаторов, явно и тайно, законными и незаконными средствами, добивалась окончательного разложения рабочего движения. Это был бой не на живот, а на смерть. Плохо организованные, разъединенные рабочие стояли перед твердо сомкнутым строем капиталистического фронта. Рабочие потеряли доверие к профессиональным союзам, и число членов союзов уменьшилось на *711.000*, достигнув общего числа *3.200.000*, при чем и это число многими считается преувеличенным. Во время этой столь неудачной для рабочих борьбы хозяйственная жизнь всей страны пришла в состояние сильной депрессии. В середине 1920 года биржевой курс облигаций достиг низшего уровня со времени войны. Торговые обороты уменьшились на 25%. Экспорт понизился почти наполовину, импорт—более чем наполовину. Около 6 миллионов наемных рабочих остались безработными. Но капиталисты, охваченные во время войны безумием наживы, добивались сохранения дивидендов и во время депрессии. С 1916 по 1920 год стальное производство имело *825.958.000* долларов чистого дохода, а угольное—*139.075.000*. Бывший секретарь казны В. М. Г. Мс-Adoo заявил, что на основании статистики подоходного налога доходы многих угольных баронов достигали круглой цифры 2000%, и что 100% дохода с основного капитала не было редкостью. Банки имели за время войны доход в *1.747.605.000* долларов, значит, в три раза больше, чем за такой же промежуток времени до войны. В эту сумму не включены дивиденды, экстрадивиденды и ренумерации (вознаграждения). Для того, чтобы сохранить такие доходы и во время депрессии, капиталисты настаивали на понижении заработной платы и удлинении рабочего времени.

В то время как 1921 год был самым тяжелым годом для рабочих, статистики доказывают, что дивиденды росли. Средняя месячная сумма выплаченных в 1921 году дивидендов составляла *359.000.000* долларов, следовательно, на 100% больше таковой в 1913 году; и по данным Journal of Commerce New-York на 4% больше таковой предыдущего года. Между тем нью-йоркская State Industrial Commission установила, что, вследствие уменьшения заработной платы и безработицы, рабочие получили только 71,4% заработной платы 1920 года. В других штатах процентное отношение было еще более печальным для рабочих.

Фермерам жилось не лучше. Покупательная сила сельско-хозяйственных продуктов понизилась за 1921 года на 25—45%, сравнительно

с 1913 годом. По данным Department of Agriculture средняя стоимость акра упала с 34,74 дол. в 1919 году на 14,52 дол. в 1921 г., т.-е. почти на 59%. Это объясняет, почему американское сельское хозяйство, по скромному подсчету, несет 8.000.000.000 долларов ипотек. Крупная буржуазия объясняет свое свирепое урезывание заработной платы тем, что рабочие, якобы, во время войны получали излишек. Автор доказывает при помощи подробных официальных статистик, что американский рабочий никогда не получал излишка заработной платы, что высокая уплата во время войны представляет собою умело придуманную американской буржуазией басню, и что труд рабочих в настоящее время, даже по приводимым правительством цифрам, в сильной степени недооплачен.

В доказательстве того, до какой степени американский капитал централизован, автор приводит следующие цифры: U. S. Steel Corporation и железные дороги владеют 75% американского антрацита и угольных копей, содержащих асфальт, и имеют вполне в своих руках добывание угля. 25 человек держат в руках 82% систем паровых железных дорог. 4 большие финансовые фирмы (J. P. Morgan and C°, Guarantee Trust C°, Bankers Trust C° и First National Bank of New-York) занимали уже в 1913 году *261* директорских мест в разных транспортных, торговых и страховых товариществах.

Но возникшие в 1921 году забастовки снова показали некоторую силу сопротивления рабочих против тяжелого натиска капитала. В 1922 г. разразились колоссальные забастовки, в которых более миллиона рабочих текстильщиков, чернорабочих и железнодорожников протестовали против урезывания заработной платы. Никогда ранее американское рабочее движение не проявило себя с такой силой, не было исполнено такой единой волей. Железная воля угольных рабочих и блестящее сопротивление текстильщиков сломили натиск капитала. Приходилось осиливать почти непреодолимые препятствия. Приходилось справляться не только с тщательно организованным наступлением буржуазии и с штрейкбрехерским поведением правительства, но и с бюрократическим управлением профессиональных союзов, отказавшимся довести победу до конца. Профессиональные союзы совсем не были в силах выступить против буржуазии с полною мощью. Вследствие этого победа оказалась только частичной, временной, в ожидании дальнейшей жестокой борьбы.

За очень подробным описанием трех великих забастовок следует не менее интересное изложение того, какую роль американские суды, армия, союзы предпринимателей, печать, церковь и правительственный аппарат играют в рабочем движении.

Изучая некоторые из последних решений Вашингтонского Высшего Суда, приходишь, в виду его самодержавного положения в американском законодательстве, к заключению, что Высший Суд представляет собою исходный пункт американской реакции, душу капиталистического угнетения в местном, государственном и национальном управлении. Весь план американского правительства вращается вокруг неограничен-

ного авторитета судов. Высший Суд, состоящий из 9 членов, назначается Президентом пожизненно; «народ» не имеет ни малейшего влияния на его выбор. Эта маленькая, безответственная группа имеет абсолютное право veto и исключительное право толкования каждого закона. Никакое иное правительство, даже монархия Гогенцоллернов, не имела такого «конституционного» средства для охраны капиталистической системы. Это sanctum sanctorum «демократии» американской буржуазии может издавать законы не только без согласия обычных конституционных законодательных органов, но даже против их воли. Этот святейший синод из 9 капиталистов-епископов представляет собою в то же время законодательную и судебную власть. Высший Суд есть наиболее отдалившаяся от народа часть правительства, и он не допускает даже самых небольших изменений в законодательстве. Во главе Высшего Суда стоит теперь исконный враг рабочих William K. Taft. В своей бесконечной преданности интересам имущих классов Высший Суд не ограничивается угнетением взрослых рабочих. 15 мая 1922 года он во второй раз объявил противным конституции закон о защите детского труда, который был внесен на утверждение Палатой Депутатов.

Вполне естественно, что во время забастовок правительство предоставляет в распоряжение индустриальных баронов, для усиления их частной полиции, достаточное количество отрядов инфантерии и кавалерии. Особенно практиковалось это во время забастовки текстильщиков и горнорабочих и еще более во время железнодорожной забастовки, когда все прежние железнодорожники, находившиеся в армии, были организованы для штрейкбрехерства.

В Марион, родном городе покойного президента Гардинга, союз предпринимателей, повсюду проявляющий живую деятельность, достиг идеала совершенства. Подробная карточная система регистрирует там каждого рабочего города и его образ жизни. Если какой-либо рабочий не нравится организации, то его высылают так же беспощадно из городских пределов, как в свое время русский царь высылал неприятных и неудобных людей. Рабочие, недовольные условиями работы на одной фабрике, могут быть приняты на другую лишь с согласия их прежних хозяев. Несколько девушек, служащих в конторах, хотели переменить свои места, так как в других лучше платили, но не получили нужного разрешения и принуждены были вернуться обратно.

Эти капиталистические организации—самые могущественные в стране. Они господствуют над печатью, школами, законодательством, церквами и многими другими учреждениями, влияя на общественное мнение и направляя его против справедливых требований рабочих.

Более точное представление об особенностях американской конституции может дать тот факт, что она представляет собою отличный аппарат для угнетения рабочих. Историки, как Biard, Smith, Brice, Woodrow Wilson и др., дают обильный материал, доказывающий, что американская конституция и правительство, на ней базирующееся, вполне обдуманно устроены таким образом, чтобы исключить непосредственное влияние

масс на законодательство и политику страны. Профессор J. Allen Smith говорит, что основатели американской конституции стремились образовать правительство, которое «должно было быть как раз настолько популярным, чтобы не вызывать всеобщую оппозицию и в то же время давать народу по возможности меньше фактической политической власти». Brice утверждает, что если бы конституция не была принята каждым штатом в отдельности, а была бы поставлена на общее голосование, то *ее бы отклонили*. Во всяком случае, трудовые массы, в то время когда американская конституция входила в силу, не считали ее демократическим документом. Чтобы лишь внести предложение о *внесении поправки* в конституцию, нужно иметь $^2/_3$ голосов обоих палат и штатов. Для ратификации такой предложенной поправки необходимо согласие законодательных учреждений трех четвертей штатов. Рабочим фактически невозможно внести изменение в конституцию. Вудро Вильсон сказал однажды по вопросу об американской конституции: «Ни одну из писанных конституций Европы не так трудно изменить, как нашу собственную». Из *2000* предложенных исправлений до сих пор приняты были лишь *19*. Из них первые 12 были несущественны, дальнейшие три были приняты во время военного положения. С тех пор не было сделано ни одного изменения, имеющего какое-либо решающее социальное значение.

В народном представительстве народная воля встречает такие же трудности на своем пути. Палата Депутатов имеет значительно меньше власти, чем Сенат и Президент, стоящие дальше от народа. Лишь эти два последних имеют право назначения чиновников и заключения договоров. Новоизбранные депутаты получают свои места в народном представительстве лишь 13 месяцев после своего избрания, в течение которых продолжают управлять страной их предшественники, уже потерявшие доверие страны.

В европейских правительствах кабинет министров, как целое, и каждый министр в отдельности ответственны непосредственно перед Законодательной Палатой и косвенно перед избирателями. В Америке министры назначаются Президентом и неответственны ни прямо, ни косвенно перед народом. На ответственность и лойяльность с их стороны имеют право лишь господа из Wall-Street'a

Те же черты отмечают американскую систему политических партий. Избиратели должны слепо положиться на то, что их кандидат обещает до выборов. Как только он избирается, он выходит из сферы их влияния. Американские политические партии не несут никакой ответственности за правительство, они представляют собою на редкость усовершенствованное средство для достижения целей имущих. Обе господствующие партии субсидируются и составляют собственность фабрикантов и банкиров. Американские партии всегда имеют несколько платформ, чтобы привлечь всевозможных избирателей, и ни в какой стране, кроме Америки, партии не выступают перед выборами со столь туманными программами.

Резюмируя события за 4 года, следующие за войной, Ловстон отмечает значительную радикализацию рабочего движения. Три больших забастовки в 1922 году составляют пограничный столб в американском рабочем движении. Впервые капиталисты встретились тут с выдержанной, геройской, сплоченной массой, с растущим классовым сознанием. Выборы в 1922 году дают картину большего участия рабочих, как таковых, в выборной кампании. Американская федерация рабочих, профессиональные союзы железнодорожников начали отклоняться от их принципов беспартийности и стали интересоваться выборами. Это великое пробуждение, еще не определившееся и несовершенное, представляет собою мерило обострения классовых противоречий. Frank Munsey, один из реакционных газетных королей, требовал в речи, произнесенной на American Bankers Association Convention in New-York, в верном предчувствии грядущих событий, слияния обеих больших буржуазных партий—демократов и республиканцев, чтобы остановить врывающийся поток радикализма. Третья оппозиционная либеральная партия теперь как раз образуется.

Штрейкбрехерское поведение правительства дало сильный толчок к развитию потребности в рабочей партии. Но реакционные вожди профессиональных союзов с полным правом боятся этого движения. Они видят в образовании рабочей партии определенный план к решительной борьбе с буржуазией. Хотя «Съезд прогрессивного политического действия» («Progressive Political Action») в Кливленде в декабре 1922 года отклонил предложение об образовании рабочей партии, все же движение в пользу независимой рабочей партии теперь сильнее, чем когда-либо ранее. Другим показателем растущей радикализации является все увеличивающееся сочувствие профессиональных союзов к томящимся в тюрьмах коммунистам.

Но за время этой ожесточенной борьбы капиталисты тоже не оставались бездеятельными. Они хорошо использовывают свое время, чтобы быть во всеоружии, когда наступит грядущая неизбежная борьба. Концентрация капитала развивается быстрыми шагами, и с ней растет сила наступления буржуазии. Чтобы увеличить свою силу обороны, крупная буржуазия придумала новую тактическую меру. United Steel Corporation и Standard-Oil C⁰ стараются продать часть своих акций своим служащим, чтобы заинтересовать их в своей политике. Вообще заметно стремление крупных трестов продавать часть своих акций небольшими группами. Это, понятно, в действительности не означает децентрализации капитала. Широкая масса рассеянных в стране небольших держателей акций не имеет ни малейшего влияния на политику их компаний. Они не уменьшают, а, наоборот, увеличивают силу крупной буржуазии. Так как, благодаря своим акциям, они—эти мелкие держатели—питают непосредственный интерес к своей компании, они более склонны поддерживать во время забастовок решения этой последней. Они заинтересованы в повышении ценности их акций и охотно поддерживают всякую политику, увеличивающую их дивиденды. Таким путем буржуазии часто удавалось создавать трещины в солидарности рабочих!

Новая борьба впереди. Забастовка железнодорожников не ликвидирована окончательно. Соглашение с текстильщиками было лишь перемирием, и также обстоит дело с углекопами. Капиталисты и правительство готовятся к грядущей великой борьбе между капиталом и трудом.

New-York.

II. «О НЕКОТОРЫХ ГАЗЕТАХ И ЖУРНАЛИСТАХ» [1].

Освальд Гаррисон Виллард более чем кто-либо другой призван высказать мнение об американской прессе. Сын, внук и племянник известных прогрессивно-настроенных американских журналистов, многолетний главный редактор нью-йоркской «Evening Post», в настоящее время—редактор и владелец «Nation»,—всей своей деятельностью тесно сроднился с американской журналистикой. Мало кто знает столь близко современные редакции и выдающихся представителей прессы, как он. Вилларда можно причислить к немногим выдающимся американским журналистам, еще не зараженным страстью к наживе и не склонившимся перед стальными и нефтяными королями. Высоко ставя призвание журналиста, он уверен, что в близком будущем находящаяся на службе у капитала пресса Соединенных Штатов снова будет служить истинным нуждам народа.

Книга эта, ожидавшаяся с большим интересом непредубежденными кругами, содержит ряд статей о наиболее выдающихся и характерных американских ежедневных газетах. Это—живо написанная, ясная картина тех путей, по которым идет американская журналистика: все возрастающие централизация и подчинение ежедневной прессы самовластью крупных капиталистов и безответственное стремление владельцев газет создать из прессы возможно более прибыльное предприятие, не обращая внимания на вред, наносимый этим общественному делу. Можно указать только на немногие исключения из этого общего правила.

Нью-йоркская газета «Times» и ее владелец Адольф С. Окс не относятся к последним. После 25-летней деятельности Окс сделал «Times» могущественнейшим и влиятельнейшим органом всей благонамеренной буржуазии Америки. Газета выходит ежедневно в количестве 400.000 экз. В заголовке газеты читаем «All the news that's fit to print» (все новости годные для печати), но сильно ошибется тот, кто поверит, что господин Окс строго придерживается своего девиза. Он печатает далеко не все сведения, а только то, что, по его мнению, стоит распространения. Что же

[1]) «Some newspapers und newspapermen». By Oswald Garrison Villard. Alfred A. Knopf. New-York. 345 Seiten und Illustration. — Освальд Гаррисон Виллард «О некоторых газетах и журналистах». Изд. Альфред А. Кнопф, Нью-Йорк. 345 стр. с иллюстр.

касается точности его сведений, то, просмотрев архив, можно легко установить, что, начиная с 1914 года, ни одна газета не превзошла «Times» в распространении ложных, искаженных и полудостоверных слухов. Особенно бесстыдно и безответственно вела себя газета в изложении известий из России. В относительно короткий промежуток времени она сообщила, что Петербург пал семь раз, три раза его едва не захватили, два раза он сгорел до тла, дважды там господствовала полная и безнадежная паника и по шести различным поводам Петербург, якобы, открыто восставал против большевиков. Только в пользующейся дурной славой сенсационной газете Герста (Hearst) можно было бы найти что-либо подобное. Повествования о Колчаке и Юдениче, само собой разумеется, доброжелательные, были апогеем всего созданного в смысле лживой пропаганды, обмана и искажения, для того, чтобы сбить с толку американское общественное мнение. (По сей день отношение «Times» к Советской России осталось таким же, как было. 21 октября 1923 года там была напечатана статья бывшего колчаковского генерала Дитрихса, по рассказам которого головы членов царской семьи были отрезаны, положены в спирт и отправлены в Главное Управление Ч. К. в Москве.)

Г-н Окс в своем преклонении перед богатством, в своем восхвалении бога существующего порядка, естественно не слышит и не видит никого, кто сколько-нибудь может быть заподозрен во враждебном отношении к существующему строю или капитализму.

«Times» занимает также первое место, как проповедник расовой ненависти. Газета прилагает все усилия для доказательства того, что имеется два рода американских граждан: привилегированный—белый и низший —черный!

Единственное преимущество «Times» перед остальной американской прессой—это в очень крупных размерах с большими затратами организованная внутренняя и особенно заграничная информация, преимущественно в области торговли. Это дало «Times» много тысяч читателей, для которых остальная часть газеты является безразличной.

Вильям Рандольф Герст (самая печальная фигура нашего времени, как его кто-то недавно назвал) является богатейшим владельцем газет в Америке. Он более чем кто-либо иной виновен в постыдном положении американской прессы. Он не принадлежит ни к какому политическому направлению или партии. Он ни социалист, ни либерал, ни консерватор. Но он бывает немного тем, и другим, и третьим, в зависимости от времени, места и условий. В действительности же он политическое и моральное ничтожество.

Он неоднократно «сражался за правое дело» и часто выдавал себя за покровителя бедных и угнетенных. Он был против вредной для страны политики крупных финансистов, он одним из первых выступил за национализацию железных дорог, электрических предприятий и природных богатств. Он требовал самоуправления городов, восьмичасового рабочего дня, минимума заработной платы и даже признания Советской России. И в то же время он ненавидит японцев, одобряет сильную армию и флот

и не прочь угнетать и грабить слабые государства. Затем, для разнообразия, он снова протестует против американского империализма.

Он ратовал за многие высокие идеи, но всегда безуспешно, так как всегда сюда примешивались личные интересы. В то время, когда он громче всего кричал о правах народа, он не колеблясь, протягивал руку политикам самой низшей пробы,—тем, которые всегда готовы отнять у народа его последнее право в угоду своего истинного владыки—крупных капиталистов. Бессовестная роль его газеты во время мировой войны была слишком скоро забыта.

В. Р. Герст, без сомнения, один из самых крупных дельцов Америки: 9 утренних газет, 11 вечерних, 15 воскресных во всех частях Соединенных Штатов—являются его собственностью. Кроме этого, ему принадлежат еще 9 периодических изданий, два из которых выходят в Лондоне. Тираж его газет так велик, что для каждого отдельного печатного листа требуется по 32 тонны бумаги. Годовое производство газет Герста обходится 90.000.000 долларов, которые принесли ему в 1922 году 12.000.000 долларов прибыли. Герст гордится, что около 7.000.000 семейств (т.-е. каждая четвертая семья Соед. Штатов) регулярно читают одно из его изданий.

Самой либеральной газетой на английском языке «New-York World» Нью-Йорк обязан еврейско-венгерскому переселенцу—Иосифу Пулицеру Недостаточно образованный, привычный к тяжелому труду, без друзей и денег обосновался он в вожделенной стране свободы и создал ныне очень значительную ежедневную газету, цель которой служить самым широким массам народа. Конечно, «New-York World» не стала тем, чем она могла бы быть, если б решилась отказаться от своего компромиссного направления. Но все же она принадлежит к тем немногим газетам, за которыми можно признать хотя бы некоторую политическую независимость. Газета Пулицера с успехом выдержала не один бой с крупным капиталом. Она боролась против налоговых льгот, субсидий и других тайных уловок для опустошения государственной кассы. Почти все налоговые реформы, как-то: налог на наследство и на предметы роскоши, налог на высокие доходы, зародились в «New-York World». Правда, теперь эта газета не пользуется больше нераздельным доверием масс. Она потеряла силу и не преследует больше свои цели с прежними постоянством и упорством. Еще и по сие время ее редакторы цепляются за либерализм, потерпевший полное крушение во время мировой войны. Так что в наши дни протеста «World» против социальных несправедливостей, против крупных капиталистов и империалистической политики Вашингтонского правительства, против устарелого и несовременного государственного устройства Соединенных Штатов,—имеют только очень слабое значение и почти не возбуждают негодования буржуазной прессы.

Еще один крупный владелец газет—Франк А. Мунсей (Frank A. Munsey), газетный торгаш, как его называет О. Г. Виллард. Этот, по его собственному чистосердечному признанию, не имеет никаких других идеалов, никакой другой цели, как печатать все, что приносит доход.

Его газеты: «New-York Sun», «New-York Herald» и «New-York Telegram», и бессильны и бескровны.

Все их честолюбие заключается в том, чтобы доставлять легкое чтение и чтоб их хорошо раскупали. Они являются признанным органом самодовольной, преуспевающей мелкой буржуазии; они не преследуют каких-либо политических целей, заботятся только о материальном успехе. Никогда Мунсей не создавал пользующейся успехом газеты—он скупал существующие уже ежедневные газеты небольшого размера, соединял их и, благодаря подавлению соперников и ловкому использованию доброй славы уже существующих газет, достигал успеха.

Интересным экспериментом в области газетного дела является еврейская «Vorwärts». Эта газета, пользующаяся большим успехом, не выплачивает прибыли, но употребляет их на нужды газеты. Она имеет небывалое влияние на еврейскую колонию Нью-Йорка, а также и других городов. Она не преследует никаких идеалов и стремится только быть полезной своим читателям. Она совсем не интересуется сохранением национальных еврейских особенностей, еврейского языка, напротив, пользуется всеми средствами для воспитания в духе времени и американизации своих читателей. «Vorwärts» тратит большие суммы на усиление профессиональных союзов, но мало сочувствует крайне настроенной рабочей политике.

В специальных главах О. Г. Виллард говорит о газетной жизни и журнализме в Бостоне, в Балтиморе, Филадельфии, Чикаго, Канзасе, Вашингтоне. Бостон, когда-то литературная столица Соед. Штатов, окончательно уступил первенство Нью-Йорку; бостонский газетный мир, гордый своей ограниченностью, все глубже погружается в пошлый консерватизм Новой Англии (New England), совершенно равнодушный и слепой по отношению к новым временам. Вашингтон, в отличие от других больших городов, является исключительно правительственным центром. Он не является ни промышленным, ни торговым, ни литературным центром Соединенных Штатов, что особенно заметно на прессе: имея характер чисто местный, она за стенами города не имеет никакого влияния. В общем газеты провинциальных городов—точные сколки нью-йоркской прессы.

Недавно один известный нью-йоркский журналист объездил североамериканский континент. По его наблюдению, все характерное в местной ежедневной прессе все больше и больше исчезает и уступает место подавляющей монотонности и безличию, что̀ является следствием деятельности крупных газетных обществ, которые скупают и централизируют провинциальные листки—по одному типу.

В заключение надо привести несколько резюмирующих цифр из статистической части книги: в Нью-Йорке выходит на английском языке 8 бо́льших и 12 средней величины газет в количестве 3.666.500 экземпляров ежедневно, в то время как в 1913 году их выходило 2.915.000 экз. На других языках выходят: 4 арабских, 3 словакских, 1 чешская, 1 французская, 3 немецких, 2 греческих, 3 венгерских, 2 итальянских, 1 сло-

венская, 1 кроатская, 1 сербская, 1 литовская, 3 польские, 3 русские, 1 украинская, 1 испанская, 5 еврейских.

Три наиболее крупных газетных общества следующие:

«W. R. Hearst Newspapers»—20 газет, тираж 4.093.176 экземпл. ежедневно.

«Scripps Howard Newspapers»—29 газет, тираж 1.321.066 экземпл. ежедневно.

«Munsey Newspapers»—4 газеты, тираж 471.757 экземпл. ежедн

Как далеко зашла уже централизация ежедневной прессы, видно из того факта, что такие большие города как Детруа (четвертый по величине город Соединенных Штатов с миллионным населением), Сен-Луи, Мильвоке имеют только одну единственную английскую утреннюю газету. В 1920 г. числилось в Соединенных Штатах 68 больших городов с 100.000 и больше жителями. Из них 59 имеют только по одной утренней газете, а остальные 9 городов (из них три с населением в $^1/_4$ миллиона) вообще не имеют больше собственной утренней газеты.

Более обстоятельные сведения о партийной ориентации американских газет в следующий раз.

New-York.

ВРАНГЕЛИАДА В БОЛГАРИИ [1]).

В. Коларов.

«В стране братушек»,.«В стране произвола и бесправия»—в названных книгах речь идет о Болгарии и о переживаниях в ней той части белой русской эмиграции и контр-революционной армии, которая после разгрома барона Врангеля в конце 1920 года нашла убежище в балканских странах и, главным образом, в Болгарии.

История повторяется.

Более чем 40 лет тому назад многочисленная и мощная русская армия перешла Дунай в войне против Оттоманской империи. Она была встречена болгарским народом как освободительница. Это была великая историческая драма. В 1921 г. на болгарскую землю вступила другая «русская армия»: она носила такие же знамена, распевала такие же песни и шла под командой таких же царских генералов. Однако, это был только фарс. Но, как часто бывает в фарсах, под смешными жестами и героическими позами комедиантов «русской добровольческой армии» скрывалась трагедия многих тысяч рабочих и крестьян, казаков и интеллигентов, вовлеченных стихией гражданской войны в стан контр-революции.

Про нерадостную участь последних и рассказывают И. Калинин и Ал. Терской. Оба они лично пережили то, о чем рассказывают. Хотя их рассказы в некоторых частях повторяются, но вообще книжку второго автора можно рассматривать, как продолжение рассказа первого. Так что, прочитав одно за другим произведения обоих авторов, читатель получает общую картину жизни «белых» в Болгарии, начиная с лета 1921 до конца лета 1923 года.

И. Калинин короткими, живыми штрихами описывает ужасы режима в белогвардейском лагере на острове Лемносе и на Галлипольском полуострове, где были сконцентрированы в начале разгромленные врангелевские полчища. «Теперь в Галлиполи хозяйничал новый госпо-

---

[1]) *И. Калинин.* В стране братушек. Кооперативное Издательство «Московский Рабочий». 1923, стр. 240.

Ал. Терской. В стране произвола и бесправия. Русские в Болгарии до и после переворота. Государственное Издательство. 1924, стр. 182.

дин, врангелевский генерал Кутепов, вождь добровольцев. Расстрелами инакомыслящих он поддерживал в сердцах «галлипольских орлов» пламень любви к родине, т.-е. злобу к Советской власти и жажду мести».

Но, несмотря на это, развал армии начался с первого же дня, дезертирство превратилось в эпидемию. «Распыление контр-революционной армии за границей шло безостановочно — то естественным путем, самотеком, то под влиянием агитации враждебных Врангелю политических групп, то—как это ни странно—под давлением французов». Легче всего распылялись казаки.

Когда весной 1921 года французское правительство отказало Врангелю субсидировать дальше его армию, белый генерал решил перебросить ее в балканские страны для того, чтобы сохранить ее, как таковую. Как раз в этот момент болгарское правительство, в исполнение мирного договора, должно было распустить старую армию и заместить ее новой, добровольческой. Однако, не легко находились добровольцы. И Стамболийский, боясь коммунистов, дал согласие на переброску в Болгарию 20.000 русских «военных беженцев». Имея их под рукой, он надеялся воспользоваться ими, если понадобится. Повидимому, русские должны были въехать безоружными, но фактически они приехали как настоящая армия, с большим количеством скрытого оружия.

И вот генералы, разбитые Красной армией и не успевшие удержать под своей властью ни одной пяди русской земли, серьезно задумали завоевать беззащитное крошечное государство, правительство которого в своей мелко-буржуазной ограниченности оказало им широкое гостеприимство. Они заняли фактически всю Болгарию, все важные стратегические пункты, устроились в запустевших казармах, назначили во всех городах и вокзалах своих комендантов, учредили свои полевые суды, организовали отличную контр-разведку и скоро почувствовали себя настоящими хозяевами страны. Болгарская буржуазия, испуганная мощным коммунистическим движением, почувствовала себя обеспеченной и сама стала защищать своих покорителей. Однако, коммунисты немедленно забили тревогу в среде народных масс, которые быстро поняли опасность со стороны контр-революционных пришельцев. Земледельческое правительство пришло в испуг, когда в один прекрасный день открыло, что Врангель в согласии с буржуазными партиями устраивал заговор не только против коммунистов, но и против него. Под давлением сильно взволнованных народных масс оно и решило действовать. Начались обыски, аресты, обезоружение. После некоторых попыток сопротивления и после того, как Врангель отправил болгарскому правительству опереточный ультиматум, которым—ни больше ни меньше—объявлял войну Болгарии, белые генералы сдались. Сам Кутепов был выгнан из пределов страны.

Однако, это тяжелое поражение не отчаяло Врангеля. Белый главком знал хорошо, что он и его банда имели некоторую цену и могли получать огромные деньги, лишь поскольку они находились во главе, хотя и кажущейся, военной силы. Он приспособился быстро к новым усло-

виям, и после того, как болгарскому правительству было внушено свыше, что оно не должно служить так ревностно большевикам, он реорганизовал свою армию, превратив ее в «рабочие дружины».

Но этим не кончается политическая роль Врангеля в Болгарии. Обессиленный в значительной степени, как военная сила, он развернул широко свою черносотенную организацию для борьбы с гораздо более опасным врагом — безостановочным разложением рядовых элементов его армии, чему способствовала и систематическая пропаганда.

Вся книга И. Калинина есть отличное описание процесса морального и физического освобождения огромной сельской массы, обманутой Врангелем, от иллюзий, яда и цепей контр-революции. Постепенно эта масса просыпалась, убеждалась в тщетности и гибельности своих усилий, научалась видеть настоящую Россию,—там, за морем, и фальшивую Россию—здесь, за границей, в их настоящем виде, и неудержимая тяга на родину охватила ее. Основались союзы («Союз возвращения на родину», «Сельско-хозяйственный казачий союз»), начали отправлять делегатов в Россию, основались газеты («Возвращение на Родину», «Новая Россия»), организовались переправки по частной инициативе, пока, наконец, в Софию прибыла миссия Советского Красного Креста, взявшая в свои руки дело репатриации. Советская Россия победила Врангеля и в его последнем контр-революционном стане за границей. После этого он может только бесноваться от злобы и мстить. Его армия свелась к шайке окончательно разложившихся элементов, контр-разведчиков, кокаинистов, продажных журналистов, кокоток.

Подвиги этой банды, особенно после июньского переворота в Болгарии, очень живо описаны в книжке Ал. Терского. Болгарская охранка, огнем и мечом истреблявшая болгарских коммунистов, предоставила русских «большевиков» врангелевским черносотенцам. И эти последние давали волю своим зверским и хищническим инстинктам. Изменники «дела освобождения России» подвергались неописуемым физическим и моральным пыткам. Гордые «орлы» Врангеля превратились в ландскнехтов болгарской буржуазии, которая использовала их для подавления народного восстания в сентябре 1923 г. Они давно играют роль жандармов и в Югославском королевстве. И если между Болгарией и Югославией вспыхнет новая война, что не является невероятным, то, говорит Терской, «на полях брани встретятся две родственных по духу и крови рати жандармов чужих стран. Одна—во славу его величества короля Александра, другая—во славу его величества короля Бориса».

Калинин, отчасти и Терской, рисуют яркими штрихами похождения множества врангелевских героев разного сорта. Перед глазами читателя один за другим проходят портреты свирепых белых генералов—Кутепова и Туркула, монархического атамана Богаевского, начальников карательных отрядов, в роде генерала Икаева, черносотенных журналистов—контр-разведчиков типа Ивана Калинникова,—интеллектуального убийцы товарища Агеева, генерала Покровского, организаторов контр-разведки в Болгарии Самохвалова и Зайцева и т. д. Посреди этого бу-

кета, конечно, подымается высоко фигура самого Врангеля с его бесчисленными мошенничествами и грабежами, при посредстве которых он снабжался средствами: распродажа русского торгового флота и огромного количества другого государственного имущества, ценностей Петроградской ссудной казны, расхищение вывезенного из России «имущества войска Донского» и т. д.

Книга Калинина дает также довольно точное описание быта болгарского народа, среди которого ему пришлось прожить около двух лет; как хороший наблюдатель, он успел схватить как сильное, так и слабое, как положительное, так и отрицательное в характере народа. Кроме того, она знакомит русского читателя в общих чертах с новейшей политической историей болгарского народа и дает ему достаточную основу для понимания хода событий в Болгарии по своей важности переходящих за пределы этой страны.

НОВЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ.

(Обзор).

М. Фабрикант.

А. И. Некрасов. Организация массы в архитектуре. (Отдельный оттиск Известий Иваново-Вознесенского Политического Института. Том VII. Вып. II (1923), стр. 5—27.)

М. Я. Гинзбург. Ритм в архитектуре. Обложка и украшения И. Р(ерберга). Первая часть. М. «Среди Коллекционеров». 1923. 8⁰. 116+9 стр. VIII+39 илл. в тексте.

А. Г. Габричевский. Пространство и масса в архитектуре. (Первая часть.) «Искусство». Журнал Российск. Акад. Художеств. Наук. М. 1923. № 1, стр. 292—309.

А. Р. Розенберг, архитектор. Философия архитектуры. (Общие основания теории проектирования архитектурных сооружений.) Обложка А. Лео. «Начатки Знаний». П. 1923. 16⁰. 53+2 н/н. стр. (Наука, литература и искусство).

С. В. Шервинский. Два отношения к стенной плоскости—«Архитектура». Ежемесячник (Московского Архитектурного Общества). 1923 г. № 1—2, стр. 7—15.

Игорь Глебов. Процесс оформления звучащего вещества—в «De musica», сборнике статей под редакцией Игоря Глебова. Петроградская Госуд. Академ. Филармония. П. 1923, стр. 144—164.

Наука об искусстве—в обоих своих разветвлениях: систематическом искусствознании и истории искусств—одинаково сильно испытывает на себе определенное воздействие текущей художественной действительности. В зависимости от того, какое из искусств стоит в центре последней, в научном исследовании выдвигаются поочередно на первый план то архитектура (Ренессанс), то живопись (XVII и конец XIX века), то литература (вторая половина XVIII в.). Если это положение считать обратимым, то целый ряд приведенных в заголовке работ по теории архитектуры, появившихся на протяжении лишь одного 1923 года, может считаться симптоматичным и свидетельствующим, быть-может, о том, что мы вновь стоим перед расцветом архитектурного творчества. Теоретическое изучение искусства почти не имеет своих традиций в русской науке Если старая работа Бахмана [1]) или известная эстетика Гегеля, отлично

---

[1]) *К. Ф. Бахман.* Всеобщее начертание теории искусств. Ч. 1 и 2. Перев. с нем. М. Чистякова. М. 1832—1833. В оригинале (1828 г.) автор пользуется термином Kunstwissenschaft, а не теорией искусства.

переведенные на русский язык, вполне определили художественно-теоретическое сознание в первую половину XIX века, то впоследствии нужно дойти почти вплоть до наших дней для того, чтобы натолкнуться на серьезное исследование в интересующей нас области (напр., Гильдебранд [1]). Тем более более скудной является литература на русском языке по специальной теории архитектуры. Отдельных страниц из Тэна, Рескина и проч. или специальных глав из малопопулярных «Основ искусства» Вундта [2]) и совсем неизвестного «Опыта исследования законов искусства» [3]), конечно, черезчур мало для того, чтобы здесь можно было говорить о какой-нибудь преемственности или школе. И, действительно, почти каждая из рассматриваемых работ *по-своему* открывает новую главу в русской науке об искусстве. Не даром А. Некрасов предпосылает своему изложению весьма поучительное вступление о специальных—в отличие от эстетики и истории искусства—задачах «искусствознания». Как раз общей чертой всех рецензируемых здесь сочинений, при всем различии исходных точек зрения их авторов, является то, что последние вполне сознательно *противополагают* свои выводы тем, которые могли бы быть сделаны на основе *чисто исторического* изучения архитектуры. Так, А. Габричевский, исходя из «анализа феноменологического, исследующего состав архитектурной данности и конструирующего «первичные типы», считает, что «и дальнейшее развитие, и конкретизация двух первичных типов навстречу друг к другу на пути к синтетической архитектуре методологически ничего (!) не имеет общего с чисто эмпирическими закономерностями художественно-исторического процесса». С. Шервинский, отправляющийся в своем «опыте» от предыдущего автора, но в отличие от него рассматривающий не две «первичных категории пространственно-художественного творчества» (пространство и масса), а более частный случай двух возможных типов отношения к стенной плоскости, впрочем, также имеющих «принципиальную значимость, как два полярных устремлений архитектурного мышления, «столпного» и «плоскостного»,—точно также оговаривается в том,—что de facto мы не можем ожидать в истории архитектуры совсем беспримесного осуществления того или другого принципа». Наконец, и для М. Грузенберга «очевидно, что на ряду с историей архитектурных форм (в понимании автора, обычной историей архитектуры—*М. Ф.*) возможна и параллельная история композиционных методов, анализирующая в первую очередь двигательную силу этих методов: *ритм*, во всем разнообразии его проявлений» (стр. 72). Нужно сказать, что такое единение мыслей исследователей совершенно различного типа: историка, философа и теоретика архитектуры, производит внуши-

---

[1]) *А. Гильдебранд.* Проблема формы в изобразительном искусстве. Перев. Н. Розенфельда и В. Фаворского. М. 1914.

[2]) *В. Вундт.* Основы искусства. СПБ. 1910. (Приложение к «Гермесу» за 1910 г.)

[3]) [Акад. *В. И. Шервуд*]. Опыт исследования законов искусства. Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика. (Отд. оттиск из «*Русского Обозрения*» 1894—1895 гг.). М. 1895. 8⁰. 235 стр.

тельное впечатление и, несомненно, открывает новые и весьма заманчивые перспективы искусствоведения, но в то же самое время нельзя скрыть и некоторых методологических опасений при таком решительном размежевании двух дисциплин: истории искусств и искусствоведения. В самом деле, для нас остается неясным даже вопрос о *последовательности* изучения объекта—в данном случае архитектуры: с одной стороны, теоретическое изучение как бы базируется на уже изученном с исторической точки зрения материале, а с другой, как принципиальное, оно «должно в дальнейшем дать нам правильные *вехи* (чисто историческая, более того,—хронологическая «категория»! *М. Ф.*) для исследования и характеристики многоразличных архитектурных явлений» (Шервинский). Такое несколько двусмысленное взаимоотношение исторического и систематического методов легко может повести к тому, что в жертву последнего неизменно будут приноситься «хронологические и локальные рамки, применяемые обычно в художественно-историческом изложении» (Гинзбург). И там, где систематик видит в истории архитектуры только материал для «иллюстрации» принципиальных положений (Шервинский, стр. 9), его роль по отношению к первой может свестись лишь к беглой «перлюстрации» руководств по архитектуре с часто совершенно фантастическими, хотя и очень наглядными реконструкциями. Да и исчерпывается разве современная история архитектуры лишь историей «архитектурных форм»? Разве не включает она в себя, на ряду с последней, и эволюцию всех возможных композиционных разрешений, открывающихся, по мнению М. Гинзбурга, лишь в ином, не-историческом плане исследования? Совершенно правильно А. Некрасов (стр. 21) кавычками подчеркивает условный характер этого традиционного термина—«архитектурные формы»—несравненно более узкого, чем архитектурная форма без кавычек, являющаяся в действительности объектом всякого научно-художественного изучения архитектурного творчества. Итак, мы думаем, что на частном случае архитектуры подтверждается лишний раз ненужность противоположения искусствоведного и исторического методов. Наука об искусстве должна быть и будет единой, как бы ни эволюционировали ее методы, и искусствознание есть лишь видоизмененная—и *обогащенная* методологически проработанной терминологией (Некрасов, стр. 21), история искусств [1]).

С этой точки зрения, и только с этой, получают свое значение рассматриваемые работы даже и в том случае, если не за всеми из них можно признать равную чисто-теоретическую ценность. Все они посильно выясняют и освещают основные понятия, которыми мы постоянно вынуждены оперировать при простом рассмотрении и тем более при изучении памятников зодчества. «Основные элементы в архитектуре—пространство и масса, а основная проблема архитектурного формообразования—орга-

[1]) Прекрасным образцом правильного сочетания двух указанных точек зрения является работа *A. E. Brinckmann*. Plastik und Raum, als Grundformen Künstlerischer Gestaltung. München. R. Piper. 1922.

ническое объединение их» — так определяет Габричевский содержание своей незаконченной, к сожалению, статьи, отправляющейся от яркой, но вряд ли действительно принципиальной, как это представляется ее автору, антитезы Гегеля: «неорганическая скульптура» (обелиск, пирамида) и «негативная архитектура» (пещера). Гораздо менее тесною представляется связь этих двух категорий А. Некрасову?... «обе формы архитектуры, т.-е. и масса и пространство, не зависят друг от друга» (стр. 24), и в своей работе он ограничивается подробным исследованием средств *организации массы*, как-то: горизонтального плана, «художественной системы», выражающейся в поперечных и продольных разрезах, делительных членениях и т. д. И, несмотря на ряд положений, вырывающих определенный протест — так, кроме только что приведенного, напр., усиленное подчеркивание абстрактности архитектуры,— статья А. Некрасова может служить недурным введением в изучение архитектуры.

«Сознание ритма и симметрии есть начало всякого искусства» (Некрасов, стр. 10). «Ритмом проникнута вселенная». «Искусство — лишь одна из областей, в которых чувство ритма господствует и управляет». (М. Гинзбург, стр. 9). «Каждая архитектурная форма, взятая сама по себе, есть результат ритма». «Ритм—та основная сила, тот комплекс закономерности, который руководит пространственным распределением формальных элементов...» (стр. 73). Исходя из таких, несколько преувеличенных, на наш взгляд, представлений о роли ритма в архитектуре, М. Гинзбург в своей живо написанной книге дает, на ряду с отвлеченным анализом ритма, и конкретную проблемологию его на основе главных архитектурных памятников. Придав понятию ритма черезчур универсальный смысл, легко потерять чувство его специфического и потому единственно реального значения. Не даром научное изучение архитектуры прибегает к категории ритма очень редко [1]),—быть-может, именно вследствие ее чрезмерной отвлеченности, так сказать, первостихийности: в действительности, ритм получает свое выражение в ряде формально разнокачественных явлений, обычно оцениваемых в других терминах. Однако, нельзя отрицать того, что сведение всех их к одной первооснове, при условии доказанности наличия таковой, и составило бы предмет подлинной философии архитектуры.

Обозначение работы А. Розенберга «философией архитектуры» следует признать совершенным недоразумением. Впрочем, подзаголовок титульного листа правильно указывает ее содержание: теория проектирования сооружений, которую автор склонен уподоблять «теории музыки», но как последняя—в ее школьной интерпретации (а автор только ее имеет в виду)—очень далека от философии музыки, будучи чисто технической дисциплиной, точно так же и первая является лишь опытом *систе-*

[1]) См. *Gerstenberg.* Deutsche Sondergotik. München. 1913.

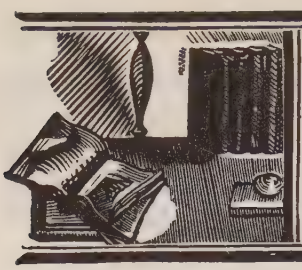
матики типов архитектурной конструкции с точки зрения *целевого* назначения здания [1]).

Статья И. Глебова, интересная для искусствоведов тем, что автор ее исходит целиком от работ Воррингера и Ригля, вновь возвращается к аналогии музыки и архитектуры, но не в самой общей формулировке, а только в пределах одного периода последней—именно классической готики [2]).

---

[1]) На значение элемента *цели* на ряду с пространством и массой, для истории архитектуры указывает исследование P. Frankl. «Die Entwickelungsphasen der neuern Baukunst». Berlin. 1914. К сожалению, до сих пор и четвертый элемент—*свет*—играет весьма скромную и совершенно незаслуженную роль в научном изучении архитектуры.

[2]) К указанной выше литературе следует прибавить еще статью *Г. К. Космачевского*, Идеология зодчества в только что вышедшем органе Ленинградского общества архитекторов «Зодчий». 1924. № 1, стр. 7—23.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. В. ВОЛГИН. Очерки по истории социализма. *Б. Горев.*—**2. А. ДЕ-СЕН-СИМОН. I. Сочинения, под ред. проф. В. Святловского. II. Избранные сочинения, под ред. В. Волгина. III. Изложение учения Сен-Симона, с предисл. и прим. В. Волгина.** *Ц. Фридлянд.* **3. Н. БУХАРИН. Кризис капитализма и коммунистическое движение.** *М. Зеликман.*—**4. Н. ЛЕНИН. Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма.** *Б. Горев.*

В. П. ВОЛГИН. Очерки по истории социализма. Гос. Изд. 1923. Стр. 150.

Настоящая книжка составилась из ряда работ, в разное время напечатанных В. П. Волгиным: из его брошюры, посвященной Жану Мелье, революционному коммунисту начала XVIII в., вышедшему из народа, из предисловий к книге Морелли «Кодекс природы» и к «Изложению учения Сен-Симона» и, наконец, из напечатанной в «Вестнике Социалистической Академии» статьи «Идейное наследие бабувизма». Есть в сборнике еще статья «Уравнительные теории XVIII в.», напечатанная, если не ошибаемся, еще до революции в «Книге для чтения по истории нового времени». Но она стоит как бы в стороне от остальных статей сборника, как по краткости и конспективности изложения, так и по своему содержанию, которое лишь с натяжкой можно отнести к истории *социализма* в узком смысле слова. Во всяком случае, ей скорее было бы место *в начале* сборника для характеристики некоторых крайних мелко-буржуазных идей XVIII в., из которых отчасти вырос впоследствии, на ряду с якобинством, и уравнительный коммунизм. Находясь же в книге между Морелли и Бабефом, эта статья может у мало подготовленного читателя несколько затемнить нужную историческую перспективу.

Что же касается остальных статей сборника, то все они основаны на первоисточниках, написаны с большим знанием дела и читаются с несомненным интересом. Особенно интересны и важны, в смысле свежести материала, статьи о Мелье и Бабефе, тем более, что обе они по своему содержанию близко подходят к нашей революционной эпохе. Вообще в качестве пособия для всех, изучающих ранних предшественников новейшего социализма и коммунизма, книжку В. П. Волгина нужно признать весьма полезной. Жаль только, что она не снабжена ни пояснительным и объединяющим предисловием, ни библиографическим указателем.

Б. Горев.

СОЧИНЕНИЯ АНРИ ДЕ-СЕН-СИМОНА. Под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. В. В. Святловского. Петроград. Госиздат. 1923 г. Стр. 364.

СЕН-СИМОН. Избранные сочинения. Под ред. и с предисловием В. П. Волгина. Москва. Госиздат. 1923 г. Стр. 211.

ИЗЛОЖЕНИЕ УЧЕНИЯ СЕН - СИМОНА (1828—1829). С предислов. и примеч. В. П. Волгина. Госиздат. 1923 г. Стр 335.

Библиотека «предшественников научного социализма» на русском языке обогащается новыми книгами. С особенным удовольствием мы отмечаем появление работ Сен-Симона и его школы.

Сен-Симон, интереснейший мыслитель XIX в., принадлежит к тем писателям, о которых больше писали, чем их читали. И отношение к нему всегда колеблется между энтузиазмом и пренебрежением. Научное изучение школы и доктрины учителя сделали только первые шаги. И если дело тщательного изучения истории социализма находится вообще в зачаточном состоянии, то больше всего это относится к сен-симонизму и доктрине Сен-Симона. На русском языке имеется, в конце-концов, лишь одна большая работа о нем Иванова и несколько более или менее интересных статей. Работы о Сен-Симоне на немецком и французском языках (Muckle, Вейль) не переведены, некоторые его произведения имелись на русском языке, но в разрозненном виде.

Упомянутые выше книги делают попытку восполнить этот пробел. На русском языке теперь в систематизированном виде дано самое интересное из работ Сен-Симона, как и основное произведение школы: «Изложение доктрины». Ряд статей в русских журналах («Под знаменем марксизма» № 10; «Записки научного о-ва марксистов»), соответствующие главы в книгах по истории социализма (Горева, Святловского), а также предисловия к сочинениям Сен-Симона и сен-симонистов, Волгина и Святловского, пытаются подвергнуть доктрину научному анализу на основании предшествующих работ. Но трудно себе даже представить то разнообразие точек зрения, какое существует в литературе на Сен-Симона и его учение. Мы оставляем в стороне взгляды ученых не-марксистов. Последние стремятся разобраться преимущественно в обще-философской, вернее, религиозной части его учения, хотя, конечно, проявляют интерес и к его системе социально-политических взглядов. Марксистов интересует и философская сторона учения, но для них центр тяжести лежит в вопросе о месте Сен-Симона и школы в истории социализма. И здесь начинаются разногласия. Если Мукле (почти марксист) не считает Сен-Симона утопистом, то Экштейн отказывается видеть в нем социалиста, а Купов отрицает вообще его право занимать место в пантеоне великих мыслителей. Не меньше разногласия и среди русских исследователей. Для В. Святловского «в общем ходе истории мысли—Сен-Симон и социалист и исторический материалист, а все учение Маркса о классах бесконечно обязано ему—этому гениальному и своеобразному мыслителю XIX века». Правда, В. Святловский понимает это положение так: «Сен-Симон не утопист и даже не социалист, в общепринятом смысле этого слова»... К сожалению, в своем предисловии он не дает нам понять, в чем это своеобразие его, как социалиста. С точки зрения В. П. Волгина: «для того, чтобы признать Сен-Симона социалистом, нет достаточных оснований». Б. Горев в этом вопросе занимает довольно неопределенную позицию. Но стоит только сравнить, *как* и *почему* марксисты, отрицающие право Сен-Симона занимать место среди «предшественников», обосновывают свою точку зрения, чтобы лишний раз убедиться, что исследование учения Сен-Симона, да и его школы, требует в дальнейшем еще огромной работы. Сравните только взгляды Волгина, Лукина, Рязанова, Фридлянда, писавших в последнее время о Сен-Симоне. Причина этой разногласицы в том, что и основоположники научного социализма не имели окончательно установившегося взгляда на учение Сен-Симона. Если нельзя согласиться с Д. Рязановым, что для Маркса и Энгельса Сен-Симон в конечном счете не был социалистом, то неосновательно и утверждение В. П. Волгина: «право Сен-Симона на почетное место в истории социалистических идей *признано* за ним самими творцами научного социализма». В. П. Волгин при этом ссылается на «Комм. Манифест» и «Анти-Дюринг», но не упоминает известного замечания Маркса в III т. «Капитала», где дана характеристика Сен-Симона, как идеолога индустриализма. Мы в краткой рецензии, конечно, не можем подвергнуть рассмотрению спор о Сен-Симоне: придется ограничиться лишь замечаниями формального свойства.

Необходимость *критически* разобраться в учении Сен-Симона прежде всего предполагает отказ от апологии. С этой точки зрения предисловие—статья В. Святловского—нас ни в какой мере не удовлетворяет. «Как колоссальный и

мощный маяк мысли, Сен-Симон стоит на пути духовного развития своей эпохи: можно без преувеличения сказать, что XIX в. развивался под знаком Сен-Симона. Он—узловая станция великих магистралей своего времени»... В этом утверждении есть большая доля истины, но она требует доказательств и выяснения, *что* делает Сен-Симона великим мыслителем XIX века. Читатель не найдет в предисловии Святловского никаких ориентировочных указаний для чтения, относящихся к различным периодам и часто противоречивых произведений Сен-Симона. В книге Святловский собрал его имевшиеся и раньше на русском языке сочинения. Часть из них была в свое время издана им же, часть вошла в серию «Родоначальники позитивизма». При этом не совсем ясно, почему проф. Святловский не включил в книгу важное сочинение Сен-Симона: «О преобразовании европейского общества», как и 4-ую тетрадь: «Катехиза промышленников». Формального свойства также ланные редактором примечания. Ценны библиографические указания литературы о Сен-Симоне и его сочинений.

Гораздо более интересны книги под ред. В. П. Волгина. Прежде всего отметим подбор материала в книге о Сен-Симоне. Здесь даны его произведения периода философской зрелости (1819—1825 г.), при чем подобрано то, что наилучшим образом может выявить лицо Сен-Симона, как социального мыслителя и политика. Марксисту-исследователю нужно начинать, главным образом, с изучения этих произведений. К сожалению, в книгу не вошел весь интересный в этом смысле материал; «Vues sur la propriété et la législation», «Le libéralisme et l'industrialisme», как и ряд мелких работ: о союзе собственников нац. имуществ и т. д., представляют собою материал огромной важности, который должен появиться на русском языке. Ценны примечания Волгина к «Изложению доктрины», и приходится сожалеть, что их нет в книге сочинений Сен-Симона.

Несколько замечаний по существу предисловия В. П. Волгина о Сен-Симоне. «Его биография,—пишет он,—не только история его индивидуального развития, но и история социального и интеллектуального развития Франции конца XVIII в.». И дальше: «то новое, что дал Сен-Симон в своих произведениях, что отличает его от дореволюционных и революционных мыслителей, представляет результат учета, с точки зрения новых общественных сил, двух величайших переворотов конца XVIII в. и начала XIX в.: французской революции и промышленного переворота,—политической и экономической победы буржуазии». Рассматривать доктрину Сен-Симона исключительно в свете общественной эволюции за период последней четверти XVIII и первой четверти XIX века—единственная гарантия правильной оценки его учения. Но что это означает? Эти 50 лет заполнены борьбой начал *феодального* и *буржуазного*. При чем идеология буржуазии, как освободительная и революционная, даже социально-революционная, терпит существенные изменения после революции, в эпоху империи и реставрации. Доктринеры и либералы—вот новая форма буржуазной идеологии. Другая линия развития, это—эволюция социальной, коммунистической мысли с XVIII до 30-х годов XIX ст. К какой группе отнести Сен-Симона, с кем его поставить в связи? В. П. Волгин отграничивает сен-симонизм от фурьеризма—и не без основания. Но если так, то следует ли трактовать учение Сен-Симона как ветвь либерализма? Правда, Сен-Симон восхищался Сеем, правда, идея ассоциации у Сен-Симона соответствует идее гармонического общества у экономиста Бастия. Только при этом допущении можно понять центральную идею Сен-Симона об обществе как о саморегулирующемся хозяйственном организме. Отсюда его идея отмирания государства, как управления людьми. Указания Экштейна на «манчестерские» идеи Сен-Симона поэтому не так уж неосновательны, как думает В. П. Волгин. Но Сен-Симон мечтает о передаче власти в руки промышленников и ученых,—они организуют производство и т. д. Это дает основание Волгину говорить о Сен-Симоне как идеологе государственного капитализма. Государственный капитализм—категория историческая. В эпоху империализма эта-то общественная формация представляет собою переходную форму

от капитализма к социализму. В основе его лежит монополия, победившая свободную конкуренцию в эпоху высокоразвитого капитализма. Имеются ли эти элементы в конце XVIII и первой четверти XIX в.? Идеи организации производства в это время, поскольку здесь мы не имеем дела с коммунистической идеологией XVIII в. (да, по существу говоря, и в этом случае), коренятся или в пережитках феодализма, которые далеко тогда еще не были делом безвозвратного прошлого, или в зачаточной форме капитализма, в его строго протекционистской формации. В каждой из этих особенностей эпохи или сочетания их—источник философии Сен-Симона. Мы лишены возможности доказать это здесь, но считаем слабо доказанным утверждение Волгина, что Сен-Симон признает средневековый порядок «далеко не идеальным порядком», что сходство с реакционерами у него только внешнее. Не забудем, что идеология буржуазии к началу XIX в. претерпела много изменений, и основное: в сближении идей либерализма и реставрации. Продуктом этого сближения была доктрина Сен-Симона. Своеобразный «торийский социализм»—вот что мы имеем в доктрине Сен-Симон к концу его жизни.

Даже В. П. Волгин, признавая, что Сен-Симон, не социалист, часто толкует, как социалистические, некоторые его мысли. «Несколько тысяч пролетариев перешли сразу в разряд собственников, и это нисколько не отразилось на обработке земли, наоборот, земля стала приносить более обильные урожаи, чем в прежние годы», и в этом положении В. П. Волгин видит высокую оценку Сен-Симона зрелости пролетариата. Но ведь здесь идет речь о совершенно определенной вещи: Сен-Симон превозносит новую буржуазию, собственников национальных имуществ. Мы ограничимся этими замечаниями. Статья В. П. Волгина дает строго-научную марксистскую трактовку вопроса.

Несколько слов о предисловии Волгина к книге: «Изложение доктрины». Он нам показывает истоки учения школы, как продолжение идей учителя и как их углубление и развитие. Школа продолжала дело Сен-Симона там, где остановилась мысль учителя. При чем его учение они развили в социалистическом духе. «Возникший в среде интеллигентских групп, связанных тесно с развитием промышленности и банкового дела, сенсимонизм мог внести в социалистическую теорию много нового и свежего материала. Но выйти за пределы кругозора этих групп, оценить пролетариат, как активную силу истории, а не только, как эксплуатируемую массу, он был еще не в состоянии. Отсюда его идеализм, отсюда его отрицательное отношение к классовой борьбе и к бунтарству, отсюда его теократия, отсюда же его обнаружившееся вскоре бессилие привлечь к себе широкие народные массы». Здесь дана удачная формулировка социального состава и особенностей сенсимонизма. Но так как характеристика Сен-Симона оставила много неясностей, то непонятна также связь доктрин школы и учителя. Ведь школа не только была продолжением, но и во многом преодолением доктрины Сен-Симона.

Будем надеяться, что появление трех книг Сен-Симона и сен-симонистов послужит стимулом для ряда новых марксистских работ, посвященных интереснейшей фигуре XIX века.

Ц. Фридлянд.

Н. БУХАРИН. Кризис капитализма и коммунистическое движение. Издательство «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 83.

Брошюра содержит сделанный от имени Исполкома Коминтерна доклад тов. Бухариным на XII съезде РКП (б.). Этот доклад, изданный «Красной Новью» интересен тем, что он представляет не только стенограмму речи, но дополнен интереснейшими данными о рабочем движении многих стран, на которых докладчик не мог остановиться в течение своего доклада. Хотя эти «дополнения и исправления вносились в «пожарном» порядке», как замечает автор, тем не менее они значительно дополнили доклад.

Весь материал доклада разбит на девять глав, в которых изложен, хотя и в конспективной форме, но достаточно ярко, ход кризиса мирового капитализма и рост рабочего движения. Правда,

приведенные данные кончаются 1922 годом и в настоящее время не вполне отражают положение мирового хозяйства и соотношение классовых сил, но общая линия развития, намеченная в докладе, остается правильной и в наши дни, несмотря на значительные изменения, происшедшие в западных странах со времени партийного съезда (апрель 1923 г.) в связи с событиями в Германии, назначением так называемого рабочего правительства в Англии, коренным изменением соотношения сил в Болгарии и т. п.

Особенно ценный материал представляет, на наш взгляд, глава III, посвященная революционному движению Востока, в частности Азии. Цифровой и фактический материал, который автор приводит для характеристики движения в Китае, Японии, Индии и Голландской Индии чрезвычайно интересен. В IV главе тов. Бухарин останавливается на общем состоянии рабочего движения в связи с политической обстановкой в Европе. Останавливаясь подробно на развитии фашизма, тов. Бухарин делает вывод, что «глубочайший корень фашизма заключается в том, что при теперешнем соотношении между классами европейская буржуазия *не в состоянии управлять всей хозяйственной жизнью страны на таких началах, которые соответствуют нормальному ходу капиталистического развития*». (Курсив автора. *М. З.*)

Глубоко поучительны для каждого сознательного рабочего данные, которые приводятся в V главе, в которой тов. Бухарин разбирает соотношение сил внутри рабочего класса. Из этих данных видно, что имеются страны, где революционный авангард представляет ничтожное меньшинство, как в Англии, например, где против 4 миллионов членов, числящихся в Рабочей партии, Компартия насчитывает лишь 5 тысяч; есть, наоборот, страны, где коммунисты имеют значительный численный перевес над реформистами, как, например, в Норвегии (50 тысяч коммунистов против 5 тысяч реформистов), в Чехо-Словакии (135 тысяч членов в Компартии против с.-д., сведенной почти на-нет). Общее количество членов всех партий, входящих в Коминтерн, составляет около двух миллионов, по данным т. Бухарина. Что касается общей цифры сторонников Амстердама и Профинтерна, то она соответственно ровна 14—15 милл. и 12—13 милл.

В следующих главах тов. Бухарин останавливается на тактике Коминтерна и положении в отдельных секциях. Здесь читатель знакомится с теми заминками, которые замечались за 1923 г. в норвежской и итальянской партии. Здесь можно почерпнуть ценные сведения касательно других секций Коминтерна. Брошюра представляет огромный интерес, и с ней полезно ознакомиться каждому, интересующемуся международным рабочим движением. Издана брошюра хорошо.

М. Зеликман.

Н. ЛЕНИН. Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма. Издат. «Красная Новь». М. 1923 г. Стр. 33.

Как видно из предисловия автора, помеченного: «Москва, 14 мая 1918 г.», первое издание настоящей брошюры явилось перепечаткой его статьи о Марксе, написанной в 1913 г. для энциклопедического словаря Граната. Конец статьи, посвященный революционной тактике марксизма, был редакцией словаря выброшен по цензурным соображениям и в данной брошюре не восстановлен. Таким образом, брошюра в настоящем своем виде состоит из двух частей: «Биографические даты» и «Марксизм», при чем эта последняя часть состоит из трех отделов: диалектика, материалистическое понимание истории и экономическое учение Маркса. Больше всего места уделено изложению экономического учения, которое Ленин считал наиболее важной частью марксизма.

Вся брошюра написана мастерским словарным стилем, т.-е. в высшей степени сжато, почти конспективно, при чем мысли Маркса излагаются нередко его собственными словами. Брошюра, конечно, не нуждается в особ и рекомендации. Но нам думается, что именно ее сжатый, словарный характер делает ее недостаточно популярной, и потому для

начинающего читателя она вряд ли будет годиться без подробных устных пояснений. Зато она в высшей степени интересна и важна для изучения духовной личности, теоретических интересов и манеры писать самого Ленина, так как показывает, какие именно элементы и стороны марксизма он считал нужным осветить для легальной энциклопедии, а также, каких результатов ему удалось достигнуть при изложении такой огромной темы в столь малом объеме—и таким все же простым и ясным языком.

Б. Горев.

ЛИТЕРАТУРА О ЛЕНИНЕ.

1. Памяти Ленина. Сборник. *В. Невский.* — **2. Henri Guilbeaux. Wladimir Iljitsch Lenin.** *В. Полянский.*

ПАМЯТИ ЛЕНИНА. Сборник.—Высший Военный Редакционный Совет. Москва. 1924 г. Стр. 150.

Сборник состоит из двух частей; в первой сделана попытка осветить жизнь и деятельность нашего вождя, а во второй собраны статьи, написанные товарищами тотчас же под влиянием великой потери.

Статьи первой части преимущественно давнего происхождения и написаны еще тогда, когда мысль о роковой потере никому, конечно, не приходила в голову, и потому в них еще чувствуется радость, что Владимир Ильич с нами, что его мощный гений излучает свои дивные мысли, силу и руководство. Статьи подобраны очень удачно, и многогранная личность Владимира Ильича очерчивается с разных сторон. Сборник начинается известной небольшой работой Зиновьева, который попытался дать очерк деятельности и жизни Владимира Ильича. Очень жаль только, что очерк этот перепечатан со старыми ошибками, доселе неисправленными (напр., утверждение, что «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса» начал действовать в конце 90-х годов). Статейка Н. И. Бухарина характеризует значение В. И., как теоретика, Сталин рисует Владимира Ильича как организатора нашей партии, Троцкий оттеняет национальные черты характера Владимира Ильича, так удачно совмещавшего эти черты с интернационализмом в самом лучшем и последовательнейшем своем выражении; Горев, Покровский, Бонч-Бруевич, Елизарова, Мицкевич, Лепешинский, Луначарский, Подвойский, Емельянов, Шлихтер, Антонов-Овсеенко, Горбунов, Осинский, Каменев, Максим Горький и другие рисуют те или другие черты характера, жизни и деятельности Ленина.

Конечно, цельной, единой характеристики от этих статей не получается, но все же статьи подобраны так, что получается более или менее верное представление о личности Владимира Ильича, который был так близок каждому из нас и который стал как бы неотъемлемой частью каждого из нас, ибо нет ни одного члена партии, миросозерцание которого не создал бы Владимир Ильич. Удивительно художественна и верна характеристика Владимира Ильича, данная Горьким. Огромный талант художника какими-то неведомыми путями дошел до верного понимания природы своего гениального современника и вождя.

«Суровый реалист, хитроумный политик—Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это хорошо. Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропинкам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробираются в Кабул, в русскую миссию индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают: «Что такое Ленин?» А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку: «Вот Ленин—

самый честный парень. Такого еще не было на земле». Я говорю: «Это—хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтобы начать действовать. Слишком долго дожидаться, когда они начнут думать и понимать, а злой гений капитала все быстрее душит их нищетой, алкоголизмом, истощением».

Как это прекрасно! Как это хорошо! Как здесь чудно указана самая существенная, самая главная черта личности Владимира Ильича, то, что у каждого угнетенного рождало и рождает веру в свои силы, в грядущее счастье, что подвигало и подвигает нас на борьбу. Да, кипят слезы, горе своими цепкими лапами сжимает нас за горло, много испытаний у нас впереди, сами мы мелочны, эгоистичны, не умеем отказаться во имя общего блага от своих маленьких, ничтожных, эгоистических желаньиц и стремлений, возводим их в перл создания, когда они по сути-то хуже навозной кучи, тоска берет и белый свет не мил, а вот как вспомним, что жил на земле «самый честный парень», что вот здесь, в двух шагах от нас, жил и действовал Владимир Ильич, что русская бедная измученная страдающая рабоче-крестьянская земля создала этого еще невиданного миром гения, и хочется жить, хочется работать, бороться, хочется умереть во имя этой рабоче-крестьянской страны, этой массы трудящихся и угнетенных.

Вера, да еще вера, соединенная с религиозным мракобесием, есть зло, есть одна из причин угнетения, но та вера, о которой говорит Горький,—прекрасная вера, и как счастливы мы, что центром этой веры, сущностью ее, является Владимир Ильич, его личность, это воплощение страданий и вместе с тем надежд на освобождение угнетенного трудящегося человечества. Если бы не оставалось такой веры в освобождение после таких потерь, как смерть Ленина,—не стоило бы и жить на свете.

Во второй части сборника самой поразительной и самой близкой сердцу является статья Бухарина. Много грехов отпустится самому грешному человеку, если он сумеет так, как т. Бухарин, сильно любить и сильно чувствовать такую великую потерю, как потеря Ленина. «Милый! Незабываемый! Великий!» скажем мы словами Бухарина и простим все маленькие недостатки сборника Высшего Военного Редакционного Совета.

Хорошо то, что собранием статей о Ленине этот сборник будит в читателе ту веру, о которой говорит Горький и которая загорается при воспоминании о Владимире Ильиче.

Издан сборник прекрасно.

В. Невский.

HENRI GUILBEAUX. Wladimir Iljitsch Lenin. Verlag «Die Schmiede». Berlin. 1923. S. 174.

АНРИ ГИЛЬБО. Владимир Ильич Ленин. Изд. «Кузница». Берлин. 1923 г. Стр. 174.

Книжка принадлежит перу известного французского коммуниста Анри Гильбо, хорошо знавшего Владимира Ильича по Швейцарии в период Циммервальдского и Кинтальского соглашения и в момент организации 1-го конгресса Коммунистического Интернационала в Москве. Гильбо около четырех лет прожил в России в период гражданской войны и мог непосредственно наблюдать кипучую практическую деятельность тов. Ленина и его теоретическую работу. Свои наблюдения и размышления тов. Гильбо и дает немецкому читателю. Как поэт, публицист и политический деятель одновременно, тов. Гильбо дал прекрасную книжку по своему содержанию и по форме изложения, по ее живости и выпуклости. Это—дифирамб товарищу Ленину и его учению о диктатуре пролетариата и захвате рабочим классом государственной власти. Но это не казенный дифирамб, — с каждой страницы веет глубоким настоящим чувством уважения, любви, если хотите, преклонения перед могучей мировой фигурой товарища Ленина, перед величием которой в дни траура склонились даже враги коммунизма.

Книжка распадается на три части.

В первой автор дает биографию тов. Ленина и его характеристику, как человека.

Во второй излагаются идеи ленинизма, — о революционном марксизме, о научном социализме, о проблемах революции и государства, о буржуазной демократии и пролетарской диктатуре, об организации Советов и политике пролетарского государства, об империализме и колониальной политике капитализма и революционном интернационализме и, наконец, о культурной проблеме. Все эти вопросы освещены принципом единства слова и дела, которые так тесно, органически переплетались в деятельности Владимира Ильича.

В данной заметке нет никакой необходимости излагать все затронутые вопросы. Читателю «Печати и Революции» они хорошо знакомы. Но если кто не представляет цельной фигуры Ленина, как теоретика и практика, тому книжка тов. Гильбо, несомненно, поможет оформить свое представление, особенно немецкому читателю.

Несмотря на агитационные цели, которые перед собой ставил автор, несмотря на вытекающий отсюда схематизм, взгляды Ленина изложены с научной точки зрения достаточно точно, подкреплены они как цитатами из работ самого великого вождя, так и критическим разбором всяких писаний врагов ленинизма.

Третья часть озаглавлена «Воспоминания и пережитое». В ней автор описывает свои встречи с Владимиром Ильичем и другими русскими товарищами за границей и в Р.С.Ф.С.Р. Эти воспоминания не имеют большого исторического значения, они не проникают во всю глубину тогдашних политических дискуссий, но, тем не менее, и они имеют некоторый интерес. Написаны они с теплым чувством. В этой же части помещены: 1) протокол об отъезде товарища Ленина и других из Швейцарии в Россию через Германию и 2) прощальное письмо к швейцарским рабочим. Эти документы— удар хлыстом по клеветнической компании ренегата Алексинского, компании, утверждавшей, что большевики приехали в запломбированном вагоне и являются агентами кайзера.

К книге приложены: 1) прекрасный портрет товарища Ленина, сидящего в кресле, 2) Ленин в своем рабочем кабинете в Кремле, 3) Ленин в президиуме 1-го конгресса Коммунистического Интернационала, 4) Ленин в группе с Троцким и Каменевым, 5) Ленин говорит — это одна из лучших фотографий, показывающих силу, напряженность и страстность Ленина, как оратора, 6) Ленин среди старых большевиков, 7) портрет Ленина (неудачный) из «Schweizer illustrierte Zeitung», 8) дом в Цюрихе, в котором жил тов. Ленин в 1916—1917 гг., 9) несколько автографов т. Ленина, 10) телеграмма Ленина к Гильбо, из Берна в Женеву, в связи с отъездом в Россию, и 11) несколько других снимков.

Все снимки подобраны умело и выполнены прекрасно. Они показывают товарища Ленина с того момента, когда он стал известным, как непреклонный враг буржуазии,—горячо любимым или страстно ненавидимым,—во всех концах земного шара; они показывают его в различной обстановке.

Встречаются в книжке неточности в формулировках, но они незначительны, не часты, касаются мелочей и не умаляют значения работы.

Книжка заслуживает перевода на русский язык; она будет читаться с интересом и большой пользой.

Как все немецкие книжки, работа Гильбо издана хорошо.

Валерьян Полянский.

ЛИТЕРАТУРА О ГЕРМАНИИ.

I. ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Сб. под ред. Мирошевского. II. ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Сб. статей и материалов. III. Л. ПОЛОНСКАЯ. Пути Германии. IV. Г. ЗИНОВЬЕВ. Германский кризис и задачи партии. V. ЕГО ЖЕ. Проблемы германской революции. Изд. «Моск. Рабочий». VI. ТО ЖЕ, в изд. Госизд. Украины. VII. Е. ПАВЛОВСКИЙ. Накануне последнего боя в Германии. VIII. А. ЧЕКИН (В. Яроцкий). Германия на перевале. ***М. Брагинский.***

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. Под ред. Мирошевского. Изд. «Молодая Гвардия». М. 1923 г. Стр. 282.

ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Сборник статей и материалов. Изд. Тифлисского ком. компартии Грузии. Тифлис. 1923 г. Стр. 175.

Л. ПОЛОНСКАЯ. Пути Германии. 1913—1923 гг. в фактах и цифрах. ГИЗ. Москва. Стр. 199.

Г. ЗИНОВЬЕВ. Германский кризис и задачи партии. ГИЗ. М. 1923. Стр. 55.

ЕГО ЖЕ. Проблемы германской революции. Изд. «Московский Рабочий». М. 1923. Стр. 51.

ТО ЖЕ, в издании Гос. Издат. Украины, Харьков. 1923 г. Стр. 77.

Е. ПАВЛОВСКИЙ. Накануне последнего боя в Германии. Пер. с нем. Л. Раевского. ГИЗ. 1924. Стр. 134.

А. ЧЕКИН (В. ЯРОЦКИЙ). Германия на перевале, с прилож. статьи Ларина: Политическая география революционной Германии. Изд. «Молодая Гвардия». Москва. 1924. Стр. 53.

В своей брошюре «Проблемы германской революции» т. Зиновьев очень кстати напоминает мысль, высказанную т. Лениным о перспективах социальной революции в Европе. В Европе,—говорил вождь международного пролетариата,—труднее будет начать, но легче будет продолжить и закончить пролетарскую революцию.

Германскому пролетариату горьким опытом своих тяжелых страданий, как бы суждено послужить трагическим оправданием этого предсказания великого революционера. Мы, действительно, присутствуем при невероятных муках родов германской революции в небывало сложной внутренней и внешней обстановке.

Торжество стиннесо-фашистской олигархии, сопровождающееся неослабевающим наступлением капиталистической реакции на все важнейшие завоевания рабочего класса; возрождение на фабриках и заводах самого разнузданного хозяйского произвола, отбрасывающего рабочих, при помощи осадного положения и генералов черносотенного рейхсвера, далеко назад даже от тех позиций, на которых они уже стояли до империалистской войны; настойчивая и небезуспешная компания капиталистов в пользу ограничения политических и особенно экономических функций государства до минимума, чтобы «самим себе непосредственно подчинить весь правительственный аппарат принуждения и гнета для всемерного использования его против организованного пролетариата и прежде всего против его авангарда—коммунистической партии; наконец, полное крушение демократических свобод, придавленных солдатским сапогом генерала фон-Секта и все еще прославляемых социал-демократами как единоспасающее средство против пролетарской революции—вот картина современной Германии.

Если германскому пролетариату предначертано историей до конца исчерпать иллюзорные надежды на мирный выход из тупика, куда завела ее капиталистическая реакция, то на социал-демократию та же история возложила печальную миссию убаюкивать пролетариат этими несбыточными надеждами в интересах более прочного подчинения его игу капи-

тала и орудием злейшей контр-революции. Падая все ниже и ниже, социал-демократы в своем откровенном цинизме дошли до того, что президент республики социал-демократ Эберт и, последовавшие его примеру, социал-демократические члены Гамбургского сената демонстративно наградили гамбургскую полицию за кровавое усмирение революционных рабочих в тяжелые октябрьские дни минувшего года.

К счастью, социал-демократы все заметнее теряют свое прежнее влияние на массы, которые, расставшись после последнего опыта в Саксонии с так называемыми «левыми» социал-демократами, начинают переходить на сторону коммунистов и усиливают свое сопротивление бешеному натиску капиталистической реакции. Бои, которые сейчас ведет пролетариат в борьбе против своего классового врага, пока еще носят только оборонительный характер. «Решающие бои,—говорит т. Зиновьев в своих «Проблемах» (украинское издание, стр. 71),—отодвигаются на некоторое время. Но они придут неизбежно. Временно восторжествовавшие при помощи социал-демократов, фашисты не смогут, по словам того же автора, «разрешить элементарные неотложные задачи, какие стоят перед Германией... Основные факторы революции продолжают действовать. Потеряв свои последние иллюзии, германский пролетариат станет сильнее».

Цитируемая нами брошюра т. Зиновьева является как бы вторым, дополненным, изданием брошюры, вышедшей ранее в издании «Московского Рабочего». К первоначальному тексту брошюры здесь добавлены предисловие, новая (IX) глава и послесловие. Таким образом, в новом издании автору удалось рассмотреть те же вопросы, но уже в свете новейших событий, и дать оценку новому опыту, накопившемуся за последние месяцы минувшего года. Что касается брошюры т. Зиновьева «Германский кризис и задачи партии», то о ней особо говорить не приходится, так как содержание ее почти целиком покрывается содержанием его «Проблем».

Переходя к оценке других из обозначенных в заголовке книжек, мы остановимся прежде всего на группе изданий, не имеющих самостоятельного значения и являющихся произведениями чисто сборного или компилятивного характера. Важнейшей из них, по заданию своему, является книга, составленная т. Полонской и рассчитанная, по ее словам, «на широкие круги средняка-партийца для общего ознакомления последнего с путями Германии и, с другой стороны, на лектора, пропагандиста, журналиста и т. п., как справочник. Книга, по признанию самого автора, на две трети составлена из того материала, который уже появился на нашем книжном рынке, и только на одну треть написана заново, и то только для того, чтобы внести «связывающие звенья между различными частями компилируемого материала».

Такой прием при составлении книг на столь ответственную тему, как германская революция, едва ли можно признать удачным. Перепечатывая дословно целые страницы под ряд из различных авторов (особенно из Павловского, Зиновьева, Ларина и др.), составитель рискует допустить ряд внешних промахов, которых действительно не избежала т. Полонская (напр., на стр. 7, 16). Но, что еще хуже, этот рискованный прием, усвоенный составителем книги, сконструированной к тому же в спешном порядке,—книге, претендующей служить справочником и руководством, «освобождающим от искания материала в десятках книг, журналов и газет»,—крайне неблагоприятно отразился на общей структуре книги. Несмотря на внесенные составителем звенья, связывающие перепечатки из различных авторов, книга т. Полонской лишена системы, цельности изложения. И это понятно. Составитель заимствовал из использованных им книг не только «материал», в строгом смысле этого слова, но и чужие комментарии к этому материалу и чужие выводы из них. Правда, использованные составителем авторы в общем и целом сходятся в основных своих взглядах на важнейшие проблемы современности. Однакоже, они не могут, конечно, не расходиться в оценке различных деталей и отдельных сторон исследуемых явлений, и потому некритическая сводка их тезисов и взглядов при помощи

так называемых составителем «связывающих звеньев» накладывает на все его произведение печать самого вульгарного эклектизма. Не будем останавливаться на оценке «материала», собранного в книге т. Полонской по существу, так как нам уже приходилось высказываться о наиболее интересной и существенной его части на страницах «Печати и Революции» при обзоре его первоисточников. Но мы не можем в заключение не указать на то, что претензия составителя книги заменить своим произведением десятки других книг и журнальных статей является совершенно необоснованной. Мы не могли бы рекомендовать, особенно лекторам и журналистам, обязанным пользоваться, по возможности, критически проверенным материалом, ограничиваться книгой т. Полонской. Мы уверены, что они не смогут обойтись без очень многих книжек и после появления в свет «Путей Германии». Единственно, на что может рассчитывать книга т. Полонской, это— лишь на скромное место в ряду других произведений более компетентных авторов.

Относительно двух сборников, отмеченных в самом начале заголовка нашей рецензии, мы должны прежде всего отметить, что это вещи далеко неравноценные. Сборник «Германская Революция» дает довольно обильный и разнообразный справочный и статейный материал в форме цифровых данных, заметок, отрывков, характеристик, статей, принадлежащих перу как партийных, иностранных и русских товарищей (Гернле, Эндерле, Троцкий, Радек и др.), так и контр-революционных авторов (Шейдеман, Носке и др.). Общий очерк германской революции, принадлежащий перу редактора Сборника, составлен слишком конспективно, но в соединении с заметками и статьями, характеризующими различные стороны современного положения в Германии,—и особенно с помещенным в сборнике «Календарем германской революции», регистрирующим события от 4 августа 1914 г. до 12 августа 1923 г., — дает читателю довольно ясное представление о главных моментах революционного движения в Германии. К этому надо добавить, что материал сборника преподносится читателю в доступном и занимательном изложении. Интересны очерки, правда, весьма краткие, характеризующие различные политические организации и партии, а также капиталистические группировки и их виднейших главарей. Более подробный очерк посвящен развитию юношеского движения. В книге дано не мало рисунков, портретов, шаржей.

Гораздо менее удачным, с точки зрения полноты и разнообразия, вышел тифлисский сборник: «Проблема германской революции». Он весь почти занят перепечаткой одноименной работы т. Зиновьева, доклада Радека и нескольких статей из газеты «Правда». При всех достоинствах названных работ трудно, однако, согласиться с слишком преувеличенным мнением составителя о сборнике, как о книге, «дающей возможность всесторонне изучить и понять события во всей их многогранности».

Нам остается сказать еще несколько слов о брошюрах т.т. Павловского и Чекина (В. Яроцкого).

Тов. Павловский уж давно зарекомендовал себя, как солидный и вдумчивый исследователь международного и экономического положения современной Германии. Новый труд т. Павловского по своему содержанию является непосредственным продолжением его прежних трудов («Банкротство Германии» и «Быть ли Германии колонией?»), о которых нам уже приходилось говорить на стр. «Печати и Революции». Основная задача, которую ставит себе автор, остается прежней: доказать, что «Германия находится в состоянии полнейшего экономического, социального и политического разложения»; что «она созрела для пролетарской революции»... Этот основной вывод автор аргументирует по обыкновению обильным цифровым материалом, характеризующим неизбежное банкротство капиталистической Германии, а также данными, крайне интересного анализа международного положения германской республики.

Что касается небольшой брошюры т. Чекина, то мы смело можем признать ее превосходнейшим и чуть ли не пер-

вым образчиком популярного изложения такой сложной проблемы, как германская революция. Автору брошюры с удивительным искусством удалось на пространстве менее чем в 50 страниц с достаточной четкостью определить основные моменты политического и экономического развития Германии за последние 50 лет и рассказать о них живым и образным языком. Занимательность изложения сделает брошюру доступной самым широким кругам читателей. Не следует, однако, думать, что брошюра т. Чекина предназначается для «легкого» чтения; наоборот, занимательная форма нисколько не мешает солидности содержания. Автор не пренебрегает и цифровыми данными, довольно щедро рассыпанными почти на каждой странице его брошюры. Но у места и во-время приведенные, вкрапленные в самый текст и с ним как бы органически сросшиеся, эти цифровые данные без особого напряжения легко будут усваиваться вместе с интересным текстом. Привлекательна и внешность брошюры, вложенной в оригинальную, по своему символическому рисунку, обложку. Горячо желаем брошюре т. Чекина самого широкого распространения.

М. Брагинский.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. Э. ШУЛЬЦЕ. Развал мирового хозяйства. *Е. Преображенский.* — **2. А. КОН. Теория промышленного капитализма.** *Ф. Капелюш.*—**3. Н. БУХАРИН. Политическая экономия рантье.** *Ф. Капелюш.* — **4. З. ЕВЗЛИН. Деньги.** *Е. Преображенский.* — **5. Г. НАУМОВ. Введение в изучение экономической науки.** *М. Зелинман.* — **6. В. КАЧИНСКИЙ. Очерки аграрной революции на Украине. Вып. I. и II.** *Ю. Спасский.*—**7. I. Пр. Н. ОГАНОВСКИЙ. Очерки по экономической географии России. Ч. I. II. И. БОРИСОВ.—Экономическая география Советской России. III. Проф. П. ТИМОФЕЕВ. Экономическая география России в сравнении с важнейшими странами.** *М. Эльская.*—**8. РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ в 1923 г, Ежегодник В. С. Н. Х.** *А. Хавин.* — **9. М. ГУРЕВИЧ. Прямое обложение сельского хозяйства Украины.** *Ю. Вильдо.*—**10. Проф. Н. КАЖАНОВ. Основные положения сельско-хоз. экономии.** *П. Месяцев.* — **11. Н. СУХАНОВ. — Очерки по экономии сельского хозяйства** *Ю. Спасский.*

Э. ШУЛЬЦЕ. Развал мирового хозяйства. Перевод с немецкого Ш. Дволайцкого. Государствен. Издательство. Стр. 359.

Настоящая работа профессора Э. Шульце вышла на немецком языке уже вторым изданием, при чем второе издание является совершенно переработанным и дополненным большим количеством свежего материала. В этой рецензии я коснусь вкратце, первого издания этой книги.

Не случайностью является тот факт, что первая книга, дающая сколько-нибудь систематическое описание состояния мирового хозяйства, соединенное с попытками понять то, что происходит, появилась в Германии, которая не только больше всего страдает от развала мирового хозяйства, но сама является центральным пунктом этого развала. Но, как ни велико желание для каждого представителя буржуазной Германии понять то, что происходит, и ясно понять перспективы будущего, не от одного желания зависит ,его осуществление. Книжка Э. Шульце является ярким тому доказательством.

Автор начинает свое предисловие следующими словами: «Задача этой книги—проследить биение пульса больного мирового хозяйства». Когда врач измеряет пульс больного, то эта операция дает ему возможность понять много только потому, что он знает расположение и все функции органов живого человеческого тела. Наоборот, профессор Шульце прощупывает пульс

расстроенного мирового хозяйства, не имея ясного представления о внутренних тенденциях развития капитализма в период его органического упадка, а такой период наступил для мирового капитализма после империалистической войны. Поэтому-то все цифровые записи пульса, все описания расстройства функций мирового хозяйства, которые мы находим в этой книге, дают очень богатый, очень интересный, тщательно собранный и отчасти недурно переработанный материал, но не дают самого главного: они не дают понимания внутренних законов распада капитализма, они не связаны общей стержневой идеей, которая осветила бы новым светом весь этот цифровой материал и придала бы ему новый смысл. С этой точки зрения работа Шульце является скорее полусырым материалом для научного исследования о мировом хозяйстве, чем самим исследованием.

Что касается содержания книги, то мы здесь находим, во-первых, описание так называемой мнимой конъюнктуры после войны, описание наступившего затем кризиса с изложением того, что автор называет причинами кризиса, затем идет анализ торговых балансов важнейших стран, дальше—цифровые данные о состоянии мировой торговли после войны, затем—анализ состояния валют в отдельных странах и интервалютарных отношений. Книжка заканчивается обсуждением вопроса о способах лечения расстроенного капиталистического хозяйства мира.

По вопросу о причинах современного хозяйственного кризиса, т.-е. по центральному вопросу всего исследования, автор, перечисливши все виды кризисов, какие вообще бывали, пишет: «К этим различным видам хозяйственных кризисов присоединился теперь еще один, составленный из всех этих компонентов. Современные мировые экономические бедствия неправильно было бы объяснить одной какой-нибудь причиной. Напротив того,—что и голодный кризис (в средней Европе), и кризис перепроизводства (в странах с сильной валютой), и даже денежный кризис, так как инфляция, господствующая в большинстве стран, играет здесь значительную роль; кое-что, наконец, приходится поставить в счет спекулятивным махинациям. Ко всему этому присоединяется в настоящее время *множество других причин*, наиболее значительные из которых подлежат краткому рассмотрению. Изучающий общественное хозяйство должен отдавать отчет в том, что вопросы, которым он себя посвящает, отличаются исключительной сложностью, и что направление движения, которое он в отдельном случае устанавливает, возникает не из противодействия *двух* сил, но что и здесь возможно участие значительно большего *числа* сил» (стр. 55).

Из этой цитаты читатель может видеть, что на протяжении книги его будут отсылать к «множеству других причин». А мы, марксисты, давно знаем: где поднимается вопрос о множестве причин, там наверняка нет знания одной основной причины рассматриваемых процессов. Читатель не найдет формулировки этой основной причины хотя бы потому, что автор хотя и пытается в некоторых случаях рассматривать мировое хозяйство как единое целое, но не распространяет последовательно этой точки зрения на все проблемы; он не ставит далее вопроса о системе стихийного равновесия в мировом хозяйстве до войны и после войны и не может поэтому отдельные хозяйственные процессы понять как отдельные частные проявления одного общего стержневого процесса мирового хозяйства. Мы не будем здесь останавливаться на ряде ошибок, которые автор делает в своих общих выводах именно благодаря отсутствию понимания самого существенного в современном мировом хозяйстве. Приведу пример. Казалось бы автор лучше всего должен был понять роль Германии,—понять не в мировом хозяйстве вообще, а в *современном* мировом хозяйстве. Он очень ярко описывает распад германского хозяйства, процесс распродажи Германии, но он не может понять того, что распродажа за бесценок при падающей валюте рабочей силы германского пролетариата, основного капитала промышленности и отдельных промышленных предприятий представляет из себя в целом лишь про-

цесс того выключения Германии из мирового хозяйства, который является объективным последствием Версальского мира. От этого выключения из системы мирового хозяйства Германия пыталась откупиться распродажей своего живого и мертвого имущества, но этих средств хватило не надолго.

Что касается практических выводов автора и предлагаемых им мер, то в этой области он показал себя плаксивым вздыхателем о международной солидарности; он апеллирует к разуму теперешних господ Европы и книгу свою заканчивает словами Канта: «Если погибнет справедливость, то нет больше смысла в том, чтобы люди жили на земле».

Если бы спасение Европы действительно зависело от «справедливости» Пуанкаре, Болдуина и Муссолини, то действительно жить бы не стоило на земле.

В общем книге можно пожелать широкого распространения в виду обилия в ней фактического материала, а также, в виду того, что эта теоретически довольно слабая, если не сказать беспомощная, работа все же выпукло рисует отдельные стороны распада капитализма и гибельные последствия Версальского мира. С этой стороны она является обвинительным актом против современного капитализма вообще.

Перевод сделан тов. Дволайцким безукоризненно.

Е. Преображенский.

АЛЕКСАНДР КОН. Теория промышленного капитализма. (Тезисы и планы). Издание Коммунист. университета имени Я. М. Свердлова. М. 1923 г. Стр. 120.

Эта книжка преследует следующую цель: «дать лекторам и кружководам партшкол (преимущественно 2-й ступени) необходимое пособие для подготовки к лекциям и занятиям». Потребность в таком пособии действительно вполне назрела, ее следует даже считать острой. Автор в предисловии пишет: «Мы уверены что... нам не удалось избежать крупных промахов и пробелов и потому ждем от читателей указаний, за которые будем чрезвычайно благодарны и обязаны». К сожалению, помимо отдельных «промахов и пробелов», само построение книги, вся ее структура, на наш взгляд, не удачна и не отвечает цели. Книга разбита на 10 глав-тем (между прочим, имеется предметный указатель, но отсутствует почему-то оглавление), а каждая глава состоит из плана и тезисов, при чем в главе 10-й не менее 81 тезиса, в главе 9-й—72 тезиса и т. д., а в 3-ье главе (теория денег) даже 199 тезисов. Мы подсчитали общее число тезисов и получили—887! Это embarras des richesses противоречит самому понятию тезисов. Что такое тезисы? Это—квинт-эссенция, изложенная в немногих сгущенных и выпуклых, содержательных и ясных положениях. Основное требование, предъявляемое к тезисам, это—следующее: их должно быть как можно меньше и каждый из них должен быть по возможности кратким. Они должны уловить главную суть, при чем деление на определенные тезисы отнюдь не произвольно, также не просто дело удобства,—нет, в тезисах должно быть дано *логическое* расчленение предмета. В особенности же это следует подчеркнуть для такой книги, как эта, долженствующей дать систематизацию всего курса. Разумеется, это задача далеко не легкая; мы сказали бы даже, что это очень трудная, чуть ли не самая трудная задача. Трудность представляет не только схватывание самого материала в его важнейших пунктах, не только логическое сопоставление их,—не меньшая трудность заключается в стилизации тезисов: ясный, рельефный, «железный» стиль их не менее важен, чем правильная передача по существу. И совершенно напрасно думать, что в таких материях, как политическая экономия, стиль не играет роли. И очень даже играет. Разумеется, несравненный пример Маркса, этого великого мастера слова, может служить нам только недосягаемым идеалом, но каждый из нас должен помнить, что *всякое многословие в тезисах обязательно становится пустословием и бьет мимо, лишь затемняет предмет, со-*

здает путаницу. Педагогическая и дидактическая цель совершенно не достигается при этом.

Что же сказать об этой книжке с 887 тезисами. В большей своей части эти «тезисы» производят впечатление не тезисов. От того, что возьмешь текст учебника и занумеруешь его по строчкам, он еще не становится тезисами. Во многих местах мы совершенно не могли догадаться, что руководило автором при разбивке материала? Логического расчленения предмета мы не находили. Очевидно, автор просто-напросто разбивал по строчкам: приблизительно пять—десять строчек,—вот тебе и «тезис»... При этом часто много лишнего и, что еще хуже, много повторений.

Характерна в этом отношении глава о кризисах. Вот на удачу пример: почему тезисы от седьмого до одиннадцатого этой главы не объединить в один? Логически в них дается цифровая предпосылка схемы простого воспроизводства. Благодаря тому, что «тезисы» разбиты не по своему содержанию, а по размерам (по строчкам), не выделяется достаточно рельефно (в 12 тезисе) самое главное: для простого воспроизводства $V+m$ первого подразделения должны быть целиком обменены на c второго подразделения. На этом вовсе не сделано ударения, это даже не напечатано курсивом. Число тезисов этой главы безусловно могло бы быть сокращено приблизительно в 3—4 раза, книжка от этого только бы выиграла; а каждый в отдельности «тезисы» эти в изложении автора не отчеканены и громоздки. Что касается самого содержания, то укажем для примера на следующие «промахи и пробелы»: автор распространяется исключительно о диспропорциональности отраслей производства и не упоминает об ограниченности потребления пролетариата, как важнейшей подоплеке кризисов, излагает только одну определенную теорию кризисов и лишь в примечании упоминает про противоположную теорию излагаемую в курсе А. Богданова, не упоминает также ни слова о теории Розы Люксембург, а в перечне литературы не считает нужным привести книгу Туган-Барановского, дающего, как-никак богатый фактический материал. С упомянутым примечанием случилось вообще что-то неладное. Теория А. Богданова, которую наш автор отводит потому, что она 1) сильно искажает марксистскую теорию кризисов, 2) резко противоречит жизни, как оказывается, с одной стороны, исходит из отраслей, изготовляющих предметы потребления, а с другой стороны, не верна именно потому, что «на деле обычно кризис охватывает в первую голову отрасли, изготовляющие предметы потребления». И тут же говорится что, согласно этой теории, кризис перепроизводства всегда должен начинаться с отраслей первого подразделения (т.-е. с отраслей изготовляющих средства производства). Темна вода в облацех.

В предметном указателе мы находим, между прочим, следующее: билонная монета (в книге нигде это слово не упоминается и не объясняется), блокированая система, блокированная чеканка монеты, закрытая и открытая чеканка монеты, неполновесная монета, покупательная стоимость монет, покупательная стоимость неполновесной монеты, монометаллизм, биметаллизм и т. д. О двух последних вещах «тезисы» дают совсем бледное понятие; для чего автору понадобились такие детали? А вот о «количественной теории денег» не упоминается ни слова, несмотря на то, что теме о деньгах посвящено больше всего места и что сопоставление с этой теорией лучше всего уясняет теорию денег Маркса. Рядом с таким изобилием тезисов о монете приходится отметить, что трест и картель отсутствуют не только в указателе, но и в тексте, а на тему о централизации производства имеются два считанные тезиса (на стр. 55)—это из 887! Думаем, что этих примеров вполне достаточно.

Книжка А. Кона, тем не менее, как чуть ли не единственная попытка создать конспект-пособие для лекторов, заслуживает благодарности. В общем материал распределен в ней, несмотря на отмеченные нами «диспропорциональности», в порядке обычной программы совпартшкол. Быть - может, автору удастся в следующем издании исправить «промахи»; не будем утверждать,

что для этого надо отказаться от формы тезисов—у нас злоупотребляют ими,—но во всяком случае тезисы не должны заключаться в пристегивании номеров к тексту на манер четьи-миней или школьных изданий Виргилия.

Ф. Капелюш.

Н. БУХАРИН. Политическая экономия Рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. 2-е издание. Госиздат. М.—П. Стр. 185.

Это—прекрасная книга, у нас, да и не только у нас—единственная в своем роде, как строго научный разбор и опровержение самых продуманных возражений, выдвинутых буржуазной наукой против основ теории Маркса. В сущности против буржуазной политической экономии (классической и вульгарной) у нас имеется только один свидетель, сам Маркс, но здесь речь идет о возражениях, выставленных уже после Маркса; правда, книга Г. Госсена, предвосхитившая теорию «предельной полезности», появилась уже в 1854 г., но она осталась тогда незамеченной; правда, Кондильяк уже в 1795 г. подчеркивает субъективный характер ценности, которая покоится у него на полезности и редкости, при чем он проводит уже также разграничение между настоящими и будущими потребностями, но Кондильяк лишь наметил то, что австрийская школа развила, так или иначе, в целую *систему*. На наш взгляд, заглавие книги т. Бухарина неудачно—оно слишком узко; автор хотел подчеркнуть им, что австрийская школа, ставя во главу угла не производство, а потребление, соответствует психологии самого паразитического слоя современной буржуазии, слоя рантье, владельцев бумаг с твёрдым курсом, людей совершенно утративших связь с производством; однако, сам т. Бухарин указывает, на то, что еще более модная англо-американская школа (Кларк), вытесняющая австрийскую, соответствует другому виду рантье, финансовому капиталу, и боевому империализму, в которых банки становятся организаторами производства. Книга Бухарина заслуживает более широкого названия, примерно: Буржуазная критика теории Маркса. Мы назвали австрийскую теорию самым продуманным возражением против Маркса; аргументация «австрийцев» (Бем-Баверк, Карл Менгер, Визер) сплошь да рядом сводится к ложному, порочному кругу, противоречива, схоластична, тем не менее она построена «необычайно искусно» (слова т. Бухарина), и порой нужны серьезные усилия мысли, чтобы вскрыть все ее ложные построения,—в этом смысле надо понимать наши слова. Книга Бухарина является тяжелой артиллерией, иначе это и не могло быть, это не упрек автору, а крупная заслуга его, но давно пора бы составить популярное изложение ее для наших совпартшкол, в которых обыкновенно преподносится учение Маркса, но далеко не всегда знакомят слушателей с буржуазными теориями, а между тем, если не каждый сознательный марксист, то во всяком случае марксист-теоретик должен уметь ответить на эти последние. Что самостоятельная работа мысли в этом направлении, опровержение схоластики Бем-Баверка и др. далеко не легкая вещь, покажут несколько пунктов этой теории, излагаемых ниже в беглых штрихах.

Австрийская школа исходит из разнообразия и различной напряженности (ненасыщенности) потребностей. Карл Менгер построил свою знаменитую «скалу потребностей». Но здесь нужен выбор определенной единицы оценки, а «австрийцы» (а также Кнут Викселль) не могут указать ее. Для фабриканта пятидесятая прядильная машина на его фабрике имеет ту же ценность, что и первая, а общая ценность всех 50 равна не $50+49+48\ldots+2+1=1275$, а просто $50\times50=2500$. Бем-Баверк отделывается тем, что на рынок поступает «в большинстве» (!) случаев избыток (!!) продуктов над личным потреблением собственника. Еще бы: при товарном производстве! Сам Бем-Баверк признает, также, что «насыщенность» спроса, т.-е. предельная полезность благ, зависит от имеющегося количества благ, а это значит, конечно, что она определяется

только трудом. Другой подводный камень «австрийцев»—это учение о так наз. субституционной пользе. Оценка блага зависит от предельной полезности не этого, а других благ, служащих для замены его. Большая часть оценок происходит именно не изолированно, а в этой связи с оценкой других вещей. «Оценки» Бема «антиципируют условия рынка», при чем он предполагает не один, а последовательный ряд рынков, одни субъективные оценки объясняет другими. Теория издержек производства тоже отсылала от одних издержек к другим. Тов. Бухарин путем кропотливого анализа теории Бем-Баверка доказывает воочию, что «субъективная оценка», из которой должна быть выведена цена, сама предполагает эту цену. Одним из самых запутанных вопросов, разрабатываемых австрийцами, является также вопрос о ценности так наз. комплементарных, взаимно дополняющих друг друга (Менгер) благ или теория экономического вменения (Визер). Пример: иголка и нитки.

Ценность средств производства зависит, по Бему, от ценности продукта, а не наоборот! Если открыты новые залежи меди, то ценность меди упадет потому, что увеличится количество продуктов, изготовляемых из нее... Это софизм, но, подите,—не так просто разбить всю эту сложную сеть теоретических выкрутасов и математических выкладок, которую строит Бем-Баверк. Бухарин и здесь выявляет воочию логический круг.

В параграфе о «прибыли в государстве социалистов» Бем приводит следующий путаный пример: пекарь и лесоразводчик получают за день одно и то же вознаграждение, хотя через 100 лет дубки, насаженные последним, представят собой гораздо бо́льшую ценность.

По Бему, основой для образования прибыли служит продолжительность производственного процесса. Рабочие не могут «ждать»: настоящие блага для них ценнее будущих. Ядро и центр теории прибыли Бема «недооценка будущих благ» по сравнению с настоящими. Но еще Родбертус и Маркс выяснили, что разделение труда заменяет последовательность во времени последовательностью в пространстве. Отсылаем читателя к разбираемой книге Бухарина; он увидит, какая головоломная работа проделана автором, чтоб расчистить эти дебри казуистики «австрийцев» и свести проблему на ее социальную сущность. Конечно, достаточно уже одного указания на то, что на самом деле не капиталист ссужает рабочего, а рабочий капиталиста, ибо оплата происходит не до, а после трудового процесса; но т. Бухарин побивает «австрийцев» их собственным оружием, доказывает внутреннюю противоречивость их теории. Самым важнейшим и в то же время самым схоластичным аргументом Бем-Баверка наш автор считает тезис о переоценке настоящих благ в виду их технического превосходства (производственный процесс, по Бем-Баверку, тем успешнее, чем он длиннее, настоящий месяц труда имеет поэтому преимущество перед всеми будущими). И что же оказывается в результате анализа т. Бухарина? С одной стороны, потребительные блага являются у Бема, так сказать, средствами производства средств производства. («Распоряжение некоторой суммой настоящих потребительных благ,—говорит Бем,—освобождает имеющиеся в данный период средства производства».) С другой стороны, так как производительные блага технически ценнее в настоящем, чем в будущем, то и настоящие потребительные блага ценнее, чем будущие. Тут на первом плане уже не потребление, а производство. Это—пример той путаницы, в которой приходится разбираться у Бем-Баверка. В общем получается сказка про белого бычка. Объяснения Бем-Баверка вертятся как белка в колесе. Но, повторяем, далеко не легко вскрыть его внутренние противоречия и показать, как это делает Бухарин, например, как при всем психологизме «австрийцев» они следуют самому заправскому товарному фетишизму (в определении капитала) и т. д.

Как вполне правильно доказывает т. Бухарин, если даже согласиться с взглядом Бем-Баверка на прибыль, как на преимущество более длинных производственных процессов, это даст нам только дифференциальную прибыль, а

не прибыль вообще; точно так же, если имеется дифференциальная прибыль в технически передовом предприятии, прибыль вообще имеется также при совершенно одинаковой технике.

В конце книги приложена статья «Теоретическое примиренчество» о теории ценности Туган-Барановского. Последний считает теорию предельной полезности κτῆμα εἰς ἀεί, вечным приобретением экономической науки, и доказывает, что трудовая стоимость имеет смысл только по отношению ко всему обществу и абсолютно не применима к отдельному хозяйству, а предельная полезность, напротив, пригодна для оценок индивидуума и лишена (даже с точки зрения Бема) смысла по отношению к народному хозяйству. Туган строит формулу о пропорциональности трудовых стоимостей и предельных полезностей. Это, по меткому сравнению т. Бухарина, все равно, что прививать оспу телеграфным столбам.

Ф. Капелюш.

З. П. ЕВЗЛИН. Деньги. Под редакцией и с предисловием проф. М. И. Боголепова. Петроград. Стр. 294.

Читатель, который ждет от книжки З. П. Евзлина изложения и обоснования определенной теории денег, жестоко ошибется в своих ожиданиях. Автор, хотя и начал очень объемистый труд о деньгах, однако отправился в это длинное плавание, не имея определенной точки зрения по коренным вопросам теории денег и денежного обращения. Иными словами, в книжке нет того, что является самым главным и естественным в каждом исследовании, которое хоть сколько-нибудь претендует на научное значение. «Современная экономическая наука еще не выработала единой теории ценности денег. Здесь до сих пор борятся несколько течений, из которых ни одно не получило общего признания» (стр. 117). «От каких причин зависит покупательная сила денег? Экономическая наука до сих пор окончательно не решила этого вопроса. До сих пор он продолжает волновать экономистов и вызывает среди них горячий спор (стр. 117). Таким образом, автор считает себя в праве не иметь точки зрения по основному вопросу, которому посвящена его работа, потому что «экономическая наука еще не выработала единой теории ценности денег». Так как в общественно-политических вопросах, как мы знаем, в классовом обществе и не может быть единой точки зрения, то автору очень долго, вплоть до коммунистического общества, придется ждать такой теории денег, которая получила бы «общее признание».

С точки зрения теории вопроса рассматриваемое произведение представляет из себя нечто совершенно жалкое. Как вам, например, нравятся следующие обывательские рассуждения автора о деньгах: «Основательны ли нападки противников денег? Правильны ли их обвинения? Отнюдь нет. Деньги в современном обществе являются лишь орудием для распределения производительных богатств и средством для удовлетворения жизненных потребностей (?). В качестве таковых они оказывают людям неоценимые услуги» (стр. 34). «Несмотря на то, что такое разделение труда поставило отдельного человека в крайнюю зависимость и подчиненность общественному хозяйству, деньги, тем не менее, обеспечили личности экономическую свободу, которой она не пользовалась при прежних строях. Деньги освободили личность от прикрепленности к данному месту. Всякий, имеющий деньги в руках, может свободно жить, где угодно, приобретать что угодно и сколько угодно, а где свобода (!), там жизнь, творчество и движение вперед» (стр. 35). «Само собой разумеется, что, обладая такими важными качествами, деньги не могли не стать предметом бесконечного стремления людей, из-за них происходит ожесточенная борьба, при которой все общество разбивается на отдельные замкнутые касты, на общественные классы, ведущие между собой с ненавистью, злобой и отчаянием беспощадную войну» (стр. 35). Не нужно смешивать орудие, служащее для совершения зла, с причиной, производящей зло. Причина всех несчастий и бедствий современного человечества—

недостаток хозяйственных благ и непомерное развитие потребностей. Современное общество не производит достаточного количества благ, которые могли бы удовлетворить предъявляемые запросы всех членов сполна, и последние принуждены бороться из-за них. Хозяйственные блага и есть то узкое одеяло, которое каждый тянет к себе. Упразднением денег мы не достигли бы искоренения самого зла, а лишь видоизменили бы его форму» (стр. 36). Утверждение автора насчет того, что «где свобода, там жизнь, творчество и движение вперед», явно опровергается его собственным трудом. Он имел полную «свободу» написать и—что̀ важней—издать его, хотя в нем нет никаких намеков на «творчество и движение вперед».

Все эти глубокомысленные рассуждения, перемежающиеся с довольно богатым фактическим материалом книги, дают представление о той работе, с которой мы имеем дело. Выбирать из книги общетеоретические места, которые не защищают никакой законченной системы, указывать на ошибки этих мест или неточности было бы занятием довольно скучным. Я укажу только на страницы, где находятся наиболее неверные утверждения автора: стр. 118, 120, 121, 127, 172 и т. д. Что касается теории кредита, то и здесь, к счастью автора, «более или менее полной исчерпывающей теории кредита в экономической науке до сих пор не выработано». А потому и здесь он считает себя в праве заняться изложением различных теорий кредита и просто обывательских рассуждений о кредите буржуазной финансовой науки.

Поскольку автор встал перед вопросом о биметаллизме, то он, не будучи сторонником теории стоимости Маркса, не мог объяснить всех явлений из истории металлического денежного обращения, истории победы золота как мировых денег. Точно так же ему не приходит даже в голову поставить вопрос о диктатуре отдельных национальных валют на протяжении последних столетий (и даже включая римско-греческий период экономической истории Европы) в связь с диктатурой отдельных стран в мировой торговле.

Что касается положительных качеств книги, то они исключительно заключаются в том фактическом материале, который в ней содержится. Этот материал относится как к истории возникновения денег, так и к фактам из истории денежного обращения в позднейший период. Совершенно излишними, однако, являются в книге, совершенно не относящиеся к делу сведения из области минералогии и химии (таблица Менделеева и т. д.).

Резюмируя, мы должны сказать следующее: в теоретическом отношении книга представляет из себя кашу и путаницу чужих мнений и с этой точки зрения ни в коей мере не может служить руководством для изучения вопроса. Что же касается фактического материала книги и изложения различных мнений по вопросам денежного обращения, взятых из истории теорий денежного обращения, то весь этот материал может быть использован при изучении вопроса, когда основы теории читатель уже имеет из единственно-научного источника в этом отношении—из экономических трудов Маркса и его учеников.

Е. Преображенский.

Г. НАУМОВ. Введение в изучение экономической науки. Очерки развития народного хозяйства. Издательство «Красная Новь». 1923 г. Стр. 322.

В этой книге автор стремится выяснить, почему происходит смена одной эпохи другой, отчего зависит эта смена и как она совершалась от зарождения хозяйственных форм первобытного человека до нашего времени. «Наша задача будет достигнута, — говорится в введении,—если мы этой книжкой поможем читателю разобраться в двух важнейших и наиболее тесно связанных частях экономической науки—в политической экономии и истории хозяйственных форм» (стр. 23). Для решения этой задачи автор расположил довольно богато собранный материал, среди которого имеется много цифровых данных, на пять глав (кроме введения): I. Первобытный коммунизм. II. Патри-

архально-родовая община. III. Принудительный труд. IV. Ремесленно-городской строй и V. Капитализм. Подзаголовки делят каждую главу на много отдельных рубрик, логически-связанных между собою и значительно облегчающих нахождение в книге разбора того или другого вопроса.

Удалось ли автору решение задачи, которую он себе ставил? В общем, да. Этому много способствует популярность изложения, превращающая книгу в доступную рядовому рабочему, имеющему элементарные знания по политграмоте. Книга Наумова безусловно может служить введением в изучение экономической науки.

Но, несмотря на эти положительные стороны книги, автор, стоящий на марксистской точке зрения, не избегнул, тем не менее, и неясных мыслей в своем изложении. Чтобы не загромождать нашу краткую заметку, мы мельком остановимся на некоторых, с точки зрения исторического материализма, неясностях. На стр. 15 читаем: «Были времена, когда человек не знал, что такое корысть, кража, любостяжание, когда он был искренно проникнут братской любовью ко всем, кого считал себе подобным». Такая идиллия об *искренно проникнутой братской любви ко всем* напоминает бабушкины сказки из библии о жизни людей в раю до грехопадения Евы. Не об этой ли эпохе говорит автор? Правда, при первобытном коммунизме, в эпоху до возникновения частной собственности человек не знал, что такое корысть, кража, любостяжание, но относительно братской любви ко *всем* автор несколькими страницами дальше сам повествует о том, что «войны являются постоянным делом». Но если в приведенном примере больше исторической фантазии, чем научной глубины, то в следующих словах заключается совсем не марксистская постановка вопроса (стр. 16). «Не надо представлять себе дело так, будто политический строй или умственное и нравственное стремление человека зависят целиком и исключительно от экономического строя». Такое утверждение автора противоречит *целиком и исключительно* существующему у нас до сих пор представлению о зависимости политического строя или умственного и нравственного стремления человека от экономического строя. Да сам автор на 20 странице отрекается от того, что он заявлял на 16 странице, утверждая, что «все устройство человеческого общества и все умственные представления человека зависят от организации производственных отношений, установившихся в данную эпоху», т.-е. от экономического строя, не так ли?

Таких противоречий в книге не мало, и этот недостаток значительно понижает ценность ее. Но история развития хозяйственных форм изложена толково. Книга издана хорошо: четкий шрифт, хорошая бумага, сносная брошюровка.

М. Зеликман.

В. КАЧИНСКИЙ. Очерки аграрной революции на Украине. Вып. I. Уравнительный раздел земли. Стр. 106. Вып. II. Обобществление сельского хозяйства. Стр. 110. Харьков. Госиздат Украины.

Автор ставит своей задачей «использовать имеющийся материал для схематичного обзора самого процесса аграрной революции и фиксирования некоторых уже теперь определившихся положений. Процесс аграрной революции т. Качинский рассматривает, как борьбу трудового крестьянства за уравнительный раздел помещичьей земли. Тем самым понимание аграрного переворота слишком упрощается, и крестьянство рассматривается, как единый революционный фронт, восставший всем миром на помещика. Но даже те данные, которые автор пытается систематизировать и учесть, красноречиво свидетельствуют против такого упрощенного изображения бушевавшей аграрной стихии. В 1916 г. площадь помещичьего посева в 8 украинских губерниях равнялась $3^1/_2$ миллионам дес., а по вычислению автора не превышала 43% всей помещичьей земли сельскохозяйственного назначения. Было бы грубой ошибкой отсюда заключить, что другая половина помещичьих владений лежала втуне. Общеизвестно, что она

сдавалась в аренду и частью попадала в руки кулаков разного калибра, частью середняков. Не менее отчетливо выступает легальная «экспроприация» помещиков кулаками и верхними середняцкими слоями при анализе движения купчей земли, почти совершенно ускользавшей от беднейшего крестьянства. Аграрный капитализм в России развивался за счет быстро таявшего феодального землевладения, с одной стороны, и за счет пролетаризировавшегося беднейшего крестьянства—с другой. Мы никогда не поймем ни экономического содержания аграрной революции, ни ее политического выражения, если будем рассматривать крестьянство, как однородную трудовую массу, единую по своим классовым устремлениям. *Внутри* деревни кипела жестокая гражданская война кулачества и отчасти примыкавших к нему середняков с крестьянской беднотой, составлявшей около половины всего сельского населения.

Оценивая результат уравнительного напора, стремившегося к потребительно-трудовому разделу всех нетрудовых земель, т. Качинский приходит к выводу, что с их хозяйственным усвоением крестьянство далеко не справилось. На Украине площадь посева сократилась в 2 г. на 17—18%, и урожайность упала на 30—35%. Вместе с тем число беспосевных и малопосевных дворов попрежнему было весьма значительным (по данным Екатеринославской губ. 36,93%). Почти вдвое увеличилась группа карликовых мелкосередняцких хозяйств, сеющих от 3 до 6 дес., и особенно сильно пострадала высшая группа многоземельных, сеявших свыше 15 дес., понизившаяся с 15,5% до 2,66%. В густо населенных районах уравнительное землепользование не смогло освободить крестьян из тисков земельной тесноты. Уравнительность сводится во многих случаях к бесхозяйственному «держанию земли». Автор делает осторожный вывод, что «уравнительность землепользования подвергается хозяйственному испытанию и сохранится только в той мере, как то обусловят экономические факторы» (1,105).

Выпуск II посвящен обобществлению сельского хозяйства и рисует печальные картины неудач, выпавших на долю совхозов и колхозов. Большая часть крупных помещичьих хозяйств уничтожена под натиском крестьянского равнения. К 22-му году земельная площадь всех трестированных украинских совхозов не превышала 118,553 десятины. Величина бесконечно малая по сравнению с 16 мил. десят. крестьянского посева. Немногим лучше обстоит дело с коммунами и артелями, владеющими в общем лишь 4 сотнями тысяч десятин и засевающими не свыше 2% крестьянской посевной площади. Качественная сторона советских и коллективных хозяйств не лучше количественной. Они страдают от слабой обеспеченности живым и мертвым инвентарем, а организация в них производства мало чем отличается от обычного крестьянского хозяйства. «Коллективизм в земледелии,—пишет т. Качинский,—может укрепиться только с развитием сельско-хозяйственной техники. Артели, построенные на соединении голых рук или легких плужков... вовсе не являются прообразом земледельческого коллективизма». Иного вывода не мог бы сделать автор-марксист. Фундаментом советской экономики на долгие годы суждено оставаться тем многим миллионам крестьянских дворов, которые осели на развалинах помещичьих латифундий и мелко-буржуазного кулацкого хозяйства. От этой объективной действительности должна исходить реалистическая аграрная политика пролетариата, направленная к развитию производительных сил земли.

Тов. Качинский оставляет открытым вопрос о тех конкретных путях, которыми пойдет обобществление сельского хозяйства в рабочем советском государстве. Сказать, что социалистическая организация сельского хозяйства есть вопрос техники, значит объявить проблему решенной, в то время как она лишь поставлена. Ведь вопрос именно в том и состоит,—способна ли эту социалистическую технику построить индивидуалистическая крестьянская масса. И каковы подступы к социализму от докапиталистического крестьянского хозяйства?

Ю. Спасский.

Проф. Н. П. ОГАНОВСКИЙ. Очерки по экономической географии России (в связи с мировым хозяйством, по новейшим статистическим материалам). Часть I—Сельское хозяйство. Изд. Наркомзема «Новая Деревня». М. 1923 г. Тир. 10.000. Стр. 238.

И. Г. БОРИСОВ. Экономическая география Советской России. Второе переработанное и дополненное издание. Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1923 г. Тир. 10.000. Стр. 214.

Проф. П. Г. ТИМОФЕЕВ. Экономическая география России в сравнении с важнейшими странами. Госиздат. М. — П. 1923 г. Тир. 10.000. Стр. 347.

Перед нами 3 пособия по экономической географии России. Из них одно даже во втором издании. Таков спрос на учебники по этому предмету, который стал обязательным предметом не только в высшей, но чуть ли не в средней школе раньше, чем самая наука окрепла, сложилась и оформилась.

Более того, самый предмет изучения новой науки еще только формируется. Проф. Огановский (стр. 3) говорит, что «объектами изучения экономической географии являются: 1) *Мировое хозяйство* как результат экономических взаимоотношений отдельных национальных хозяйств. 2) *Народное хозяйство* как совокупность отдельных областных или районных хозяйств данной страны. И мировое и народное хозяйство, как целостные хозяйственные организмы, начинают складываться лишь с конца XIX столетия, с момента гигантского развития мирового транспорта, создавшего современную связанность стран и рынков между собою, и в результате этой связанности — известное разделение труда между ними. *Поэтому формы строения этих организмов, находящихся еще в зачаточном состоянии, рыхлы, неустойчивы, постоянно модифицируются*» (курс. наш. *М. Э.*) [1]). Примыкая в данном определении к Швитау и Дове, Огановский заодно считает, что не только мировое, но и национальное хозяйство еще не сложилось. Но ниже (стр. 4) проф. Огановский всецело присоединяется к другому определению (проф. Дена), которое во главу угла ставит не изучение мирового хозяйства и его районов, а изучение отдельных отраслей, связное «изложение этих фактов в *пространстве и во времени*» (стр. 5).

Таким образом, проф. Огановский в своих теоретических воззрениях колеблется между чистым описанием и фазеологическим анализом Дена; между изучением района и изучением отраслей хозяйства, Впрочем, в данной работе, посвященной одной только отрасли хозяйства, его колебания разрешаются. Отметим, что эта работа, которая должна служить первой частью общего курса, касается целого ряда общих вопросов экономической географии, но только под углом зрения сельского хозяйства, физико-географического строения, населения, внешней и внутренней торговли. В сущности это экономическая география России в ее сельско-хозяйственном аспекте. При этом вся работа проникнута резким выявлением особенностей сельского хозяйства в противовес промышленности. «Сельское хозяйство *отстает* от индустрии в силу того факта, что, кроме человеческого труда, земледельческая продукция зависит пока от роли природных факторов, воздействие человека на которые ограничено» (стр. 8). «Но сельское хозяйство значительно отличается от индустрии тем, что в нем далеко не всякое увеличение затрат сопровождается пропорциональным развитием производительности земли, т.-е. человеческий труд не с одинаковой щедростью оплачивается природой» [1]) (стр. 175—176); «сельско-хоз. производство не может превратиться в исключительно меновое» (стр. 177)—и в результате: «Итак, до последнего времени, эволюция сельско-хозяйственного и про-

[1]) См. также стр. 235.

[1]) Это не значит, что Огановский разделяет воззрения П. Маслова. На стр. 52 автор вкратце резюмирует свои возражения против П. Маслова: «падение производительности человеческого труда происходит не при переходе от более экстенсивных к более интенсивным системам хозяйства, *а в пределах одной и той же экстенсивной системы*». (Курсив автора.)

мышленного производства в сфере распределения средств производства, главнейшим из которых в сельском хозяйстве является земля—или в противоположном направлении: первая в сторону дробления, вторая — концентрации».

Революционный «черный передел» представляется автору продолжением старых общинных переделов (стр. 83), а уравнение крестьянства — продолжением старой нивелировки, которая является общим законом сельско-хозяйственного развития и у нас и за границей (стр. 65).

Цифры, приводимые проф. Огановским, кажутся весьма убедительными и трудно себе представить, чтобы рядовой студент мог к ним отнестись критически. По его вычислениям большая половина частновладельческих земель перешла еще до революции к трудовому крестьянству (52,6 мил. дес. из 101,7 мил. дес.), и в общем итоге трудовое крестьянство располагало 201,4 мил. дес. Цифра эта получена следующим образом: во-первых, к трудовому крестьянскому владению отнесена вся надельная земля (хотя, несомненно, те же владельцы наделов могли быть крупными частными собственниками), во-вторых, сюда отнесена вся земля, купленная обществами и товариществами, и единоличные покупки менее 50 дес. до 1905 г. и вся арендованная земля, а также вся купленная крестьянством после 1905 года земля (стр. 77—79).

Тем не менее, если студенту случайно придется заниматься по книжке Месяцева «Земельная и с.-х. политика», он найдет там (стр. 10) совершенно иные данные о расслоении внутри-надельной и арендованной земли.

Проф. Огановский, признающий, что «общий термин «крестьяне» обнимает частных владельцев совершенно различных категорий», все же определенно силится доказать, что крепкое «трудовое» крестьянство—самое живучее его зерно. Роль буржуазного крестьянства ничтожна, а купеческое землевладение носит чисто спекулятивный характер (стр. 76).

Тип хозяйства Огановский, таким образом, определяет только размерами землевладения, хотя и признает (66 стр. прим. 1), «что дроблению хозяйственной территории не всегда соответствует дробление с.-х. капиталов» [1]).

В этом мы видим главное расхождение автора с марксизмом, а не в том, что указывается в предисловии издательства. Совершенно верно, что значение революции не столько в количественном расширении земельного фонда трудящихся, сколько в изменении всего аграрного строя.

В заключение отметим, что проф. Огановский переработал и дополнил свой учебник, который скоро должен выйти во втором издании.

Если работа проф. Огановского является прекрасным пособием и занимательной книгой, то этого далеко нельзя сказать про два другие учебника.

Второе издание конспективного пособия Борисова значительно отличается от первого. Из него выброшен целый ряд общих вступительных отделов (основные понятия науки о народном хозяйстве, географическое положение), выпущена библиография (в начале глав о путях сообщения, о сельском хозяйстве) и взамен этого введено много дополнительных фактических сведений.

Конспект явным образом перестроен под влиянием работы проф. Огановского. Тем не менее, работа осталась сшитой белыми нитками и блещет такими заявлениями, как «города России являются, по преимуществу, административными центрами, между тем как на Западе они являются промышленными центрами» (стр. 23), или: «плотность населения имеет большое значение в развитии экономической жизни народов, в особенности для стран сельско-хозяйственных, обусловливая часто (?) даже ту или иную систему хозяйства и самое направление хозяйственного развития». Но в общем 2-е издание, хотя

[1]) Эта же мысль иллюстрируется на стр. 234: «относительно продуктов огородничества, садоводства, птицеводства по центральным губерниям можно отметить довольно частые случаи, когда даже денежный доход на 1 хоз-во от этих продуктов в средних группах оказывается бо́льшим, чем в верхних».

и значительно расширенное (214 страниц вместо 130), гораздо скромнее такими общими рассуждениями и сводится к простому конспекту-справочнику.

Зато отнюдь не такой скромный характер носит работа проф. Тимофеева. Свой труд автор называет «монографией» (см. предисловие) и придает ему вид научной работы с приложением «Указателя использованной литературы по экономической географии и привходящим наукам». О том, что этот указатель сразу выдает автора головой, мы уже писали[1]). Автор не использовал ни классических работ Ленина, ни «опыта» Прокоповича, единственного пока суммарного исследования народного дохода, ни исследований Кафенгауза, Чаянова, Книповича, Месяцева, Кржижановского. Вслед за Чупровым и в согласии с Прокоповичем Тимофеев признает преимущества мелкого земледелия над крупным (стр. 67—68).

Несмотря на некоторое сходство, эти работы ни в коем случае нельзя сравнивать.

Работа Тимофеева скорее напоминает старый учебник истории Иловайского. Приводим типичный образец его исторического анализа. Речь идет о картофеле. «Родиною картофеля является Америка, откуда он был вывезен в Европу приблизительно 200 лет назад. Культивировка картофеля сыграла огромную роль в Европе, где до того времени бывали голодовки, уносившие треть, а иногда и половину населения голодающих местностей. Появление же нового питательного продукта — картофеля — оказало в области борьбы с частыми голодовками решающее влияние.—Однако, население далеко не сразу оценило высокие качества картофеля. Напротив того, первоначально оно, как в Западной Европе, так и в России, отнеслось к культуре картофеля явно враждебно и упорно не желало сажать его.— В Западной Европе впервые заинтересовались картофелем прусские короли, Фридрих I и Фридрих Великий, и старались всячески привить населению этот полезный корнеплод. Но население упорствовало, называло картофель «чертовыми яблоками» и не желало вводить в свой обиход» и т. д. в таком же роде (стр. 98). Такой же интересный анализ истории табака (116 и сл.), скота (стр. 125) и пр. дает автор.

После этого небольшого обзора невольно соглашаешься с проф. Огановским, что от составителя пособия требуется сугубая осторожность и что «уловить основные законы развития изучаемых процессов в нашей науке представляется задачей, разрешение которой доступно лишь гениальному уму или большому многолетнему коллективному труду ряда научных работников». Первой очередной работой было бы составление сборника, в котором резко и рельефно выдвинуты были бы основные методологические проблемы.

Наука, которая изучает основную проблему хозяйственного строя, состояние производительных сил, не может быть предоставлена мелким и крупным «специям» и оторвана от основных проблем марксизма. Проблема географического фактора, проблема экономического района, проблема населения, конкретный и суммарный анализ мирового и национального хозяйства,—анализ, который должен лечь в основу теоретических обобщений и практических мероприятий,—заслуживают, наконец, хоть какого-нибудь внимания теоретической мысли. Пока научная теория круто и решительно не повернет рычаг новой науки, она будет бессильно биться на мели более или менее случайного собирания фактических справок и едва ли от такого «знания» можно будет ждать плодотворных педагогических результатов.

М. Эльская.

[1]) См. «Социалистическое Хозяйство», № 9—10.

«РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В 1923 г.». Ежегодник В. С. Н. Х. Год издания III. (Отчет II Съезду Советов С. С. С. Р.). Редакционно-Издательский Отдел В. С. Н. Х. 1923 г. М. Стр. 725.

Реферируемый сборник разбивается на две части: первая часть охватывает статьи-обзоры общего характера, вторая

часть дает ряд статей-обзоров, посвященных отдельным отраслям промышленности.

Сборник открывается статьей П. А. Богданова «Основные вопросы промышленности в 1923—24 г.»,—статьей, в которой автор сжато и вместе с тем достаточно выпукло намечает ряд вопросов, подлежащих разрешению в новом операционном году, как в области организации производства, так и в области постановки торговли по вопросам регулирования цен и ограничения накладных расходов. С общим выводом автора о том, что «нельзя ставить вопрос о снижении производства в связи с кризисом», и о том, что «выход из положения только в дальнейшем расширении производства», — вряд ли приходится спорить.

Среди статей отчетного характера основной, несомненно, является статья профессора Кафенгауза: «Государственная крупная промышленность в 1922—23 гг.», в которой автор подводит итоги работе промышленности в минувшем операционном году. Данные, приводимые проф. Кафенгаузом, позволяют сделать следующие выводы:

За 11 месяцев (октябрь 1922 г.—сентябрь 1923 г.) количество рабочих, занятых в крупной промышленности, увеличилось с 9504 тысяч человек до 1.116,7 тысяч челов., или на 17,5%; заработная плата одного рабочего за тот же период увеличилась с 8,6 товарных рублей в месяц до 14, 6 товарн. рублей, или на 41%; ценность ежегодной продукции всей крупной промышленности увеличилась с суммы в 85,0 миллионов довоенных рублей до суммы в 106,6 милл. довоен. рубл., или на 24,7%. Таковы эти основные факторы, характеризующие рост русской промышленности. Автором дан богатый цифровой материал и достаточно яркий его анализ. Статья в общем и целом дает достаточно цельное представление о работе, проделанной русской промышленностью Все же приходится констатировать, что автором допущен целый ряд дефектов. Основной дефект в том, что автор, приводя основные таблицы (о количестве рабочих, движении стоимости продукции, движении зарплаты), не дает сравнительных данных довоенных и даже данных за минувший 1921—22 г. Это, конечно, весьма умаляет ценность приводимых автором материалов, так как ведь основное мерило, по которому можно судить о нынешнем состоянии промышленности и успехах, достигнутых ею, это—сравнительные данные о результатах ее нынешней работы с работой довоенной или хотя бы минувших лет. Другой дефект, допущенный автором, состоит в том, что он совершенно почти обошел вопрос о результатах концентрации производства, отослав читателя к специальным обзорам. Между тем, конечно, интересны не только результаты концентрации по отдельным отраслям промышленности, но и общая картина по всей промышленности в целом. Не освещен почти совершенно автором вопрос об успехах промышленности в смысле экономии расходов топлива, сырья и рабочей силы. Между тем этот вопрос имеет весьма актуальное значение.

Статья Ситницкого «Государственная торговля» содержит детально разработанные цифровые данные о торговой деятельности 130—140 объединений. Автором приведена разбивка торговых оборотов по кварталам, основным корпорациям Госорганов (тресты, синдикаты, губторги), отраслям промышленности, по группам контр-агентов, с которыми эти торговые операции производились. Из всех этих данных заслуживает быть отмеченным то явление, что на текстильную промышленность падает 53% всей суммы продажи всей русской промышленности и что по удельному весу среди торговых органов на первом месте (66,8%) всей суммы продажи стоят тресты, на втором — синдикаты (19,7%) и на третьем—губторги (13,5%). Чрезвычайно жаль, что автор совершенно обошел вопрос об организационной структуре торгового аппарата, о его нынешнем состоянии, о расходах по его содержанию. Между тем именно эти данные сейчас, поскольку особенно остро ставится вопрос о методах охвата торговым аппаратом всего внутреннего рынка и о его удешевлении,—приобретают особый интерес. Можно также пожалеть, что автор обошел молчанием

вопрос о разразившемся осенью 1923 г. кризисе сбыта, хотя в этом отношении, может-быть, автор формально и прав, поскольку результаты кризиса с наибольшей остротой сказались уже в начале нового операционного года (ноябрь—декабрь 1923 г.), но все же нам казалось бы, что совершенно пройти мимо этого первостепенного факта не следовало бы.

Из других статей, помещенных в первой части, отметим статью Гринцера: «Динамика промышленных цен», в которой дается большой цифровой материал о движении цен на продукты промышленности, к сожалению, не делая из него никаких выводов. Много интересных данных содержит статья А. Рабиновича: «Условия труда», в которой он приводит весьма подробные данные о движении реальной заработной платы рабочих (с разбивкой по отдельным отраслям и по отдельным районам). Любопытны также приводимые автором данные о размерах всевозможных начислений на зарплату.

С интересом читается статья Лапирова-Скобло о «Научно-технической работе в 1922—23 г.», в которой автор приводит длинный список достижений нашей техники.

Такова эта первая часть сборника, имеющая общий интерес. Не говоря уже о дефектах, отмеченных нами в отношении отдельных статей, следует подчеркнуть тот факт, что целый ряд весьма важных вопросов все же обойден. Так, не говоря уже о том, что совершенно обойден вопрос о финансовом положении промышленности, на что указывает в предисловии и проф. Кафенгауз, совершенно обойден вопрос о налоговом обложении, не затронут также совсем вопрос об организационных формах регулирования промышленности и торговли.

Если первая часть содержит статьи общего характера, охватывающие всю промышленность в целом, то вторая часть содержит ряд очерков, посвященных отдельным отраслям промышленности. К сожалению, размеры заметки не позволяют нам разобрать каждый очерк в отдельности. В общем и целом, несомненно, все эти статьи, написанные крупными специалистами и руководящими работниками соответствующих отраслей, дают достаточно ясную и исчерпывающую картину работы каждой из отраслей промышленности в отдельности.

Особенно заслуживают быть отмеченными статьи-обзоры, посвященные каменно-угольной, нефтяной и металлургической промышленности. Авторы этих обзоров дают исчерпывающие данные о состоянии соответствующих отраслей промышленности. В отношении почти всех остальных обзоров следует отметить крупный дефект—отсутствие сравнения с довоенными данными. Ряд обзоров, кроме того, совершенно не содержит данных о сбыте (обзоры по шерстяной, льняной, электро-технической промышленностям и др.). Вообще следует признать, что во второй части не чувствуется достаточно последовательно проведенного плана, как в смысле охвата каждым из обзоров круга вопросов, так и в смысле соблюдения определенного соотношения между местом, отведенным каждой из отраслей промышленности в отдельности.

Все же следует признать, подчеркивая впечатления от всего «Ежегодника» в целом, независимо от отдельных его дефектов, что он имеет огромный и непосредственный интерес для каждого, кто интересуется вопросами народного хозяйства. Мы с большим нетерпением будем ждать появления обещанного редакцией II тома «Ежегодника».

Издан «Ежегодник» опрятно.

Д. Хавин.

М. Б. ГУРЕВИЧ. Прямое обложение сельского хозяйства Украины. Харьков. 1923. Изд. Ц. С. У. Украины. Стр. 64.

Вместо априорных рассуждений о легкости или тяжести продналога для крестьянского хозяйства, что чаще всего встречается, мы имеем в брошюре М. Б. Гуревича попытку серьезного изучения этого вопроса на основании материалов Харьковского Губстатбюро, выборочного с.-х. обследования губернии, данных Наркомпрода и Наркомфина и—для сравнения—данных бывш. департамента

окладных сборов. Отсутствие каких-либо полных и точных сведений, охватывающих весь вопрос в целом, накладывает, конечно, свой отпечаток на брошюру товарища Гуревича, которому приходится строить свои предположения на основании далеко не обильного материала. Да и автор замечает, что самый масштаб работы несколько груб, и дает возможность наметить лишь основные вехи в разработке интересующей нас темы. В брошюре автору действительно удалось выявить некоторые особенности обложения деревни на Украине до революции и в 1921—22 гг. Обложение земель на Украине до 1915 года рассматривается по двум полосам: 1) по степной (губернии: Екатеринославская, Херсонская и Таврическая) и 2) по остальным 6 губерниям лесостепи, при чем обнаруживается следующее: а) лесостепная полоса подверглась относительно более слабому земельному обложению, так как «в степной полосе рост обложения находится в близком соответствии с ростом урожайности, посевной площади, цен на труд, скот и его продукты, и изменяется параллельно общему индексу. В лесостепной полосе обложение резко отстает от роста всех рассмотренных элементов». Эти выводы довольно наглядно подтверждаются тремя приложенными графиками. б) Вообще «рост обложения резко отстает от роста всех других приведенных элементов» (от индексов на землю, скот, труд, продукты животноводства и полеводства и проч.) и «что налоговые рессурсы в довоенное время не были полностью исчерпаны, особенно в лесостепных губерниях». Здесь необходимо еще учесть и то, что все время, до 1914—15 гг. включительно, неуклонно идет процесс развития сельского хозяйства, как количественно (рост сборов хлебов с 1881 года по 1913 г. на 122%), так и качественно—изменение в пропорции культур в сторону расширения рыночных и улучшение молочного и мясного скота, а также свиней.

Сравнение тяжести обложения в 1913 и 1922 гг. показывает нам: «на 1 дес. удобной земли: 1—45 к. и 2—84 к., на 1 дес. обложенной земли: 1—80 к. и 3—99 к., на 1 дес. посевной площади: 2—74 к. и 7—76 к., на 1 душу населения: 2—10 к. и 4—81 к. Предварительный анализ главных элементов, из которых складывается хозяйство каждой группы (от 0,25 д. до 3,0 д. и более на едока), вынуждает автора констатировать: для мелких хозяйств—перегруженность нерабочими членами семьи, рабочей силой и рабочим скотом и определенно выраженный продовольственно-потребительский тип хозяйства; для более крупных—меньшее обременение едоками и более товарный характер самого хозяйства, сказывающийся на расширении ярового клина, в частности—пшеницы. Основным недостатком продналоговой системы М. Б. Гуревич считает самый признак, на котором базируется все обложение в своей прогрессии — землеобеспеченность, так как рост всех элементов хозяйства по группам сильно отстает от роста землеобеспеченности. «В то время, как в последней группе землеобеспеченность увеличилась на 1978%, другие элементы возросли: посев. площ. — на 1327%, рабочий скот—на 775%, коровы—на 342%, кр. рогат. скот—на 719% и т. д., рабочие—на 20%. Что касается величины продналога в 1922 г., то он, по сравнению с 1921 г., уменьшился на 19%, при чем «главная масса налога в размере 82,7% падает на средние хозяйства (0,51 д.—2,0 д. на едока), что соответствует 77,8% их общего числа. Малоземельные (17,9% х-в) уплачивают всего 4% налога, а многоземельные (4,3% х-в) уплачивают 13,2%. Интересны сравнительные подсчеты % продналога и проч. налогов к валовой продукции по отдельным группам, говорящие о том, что тогда как % продналога все время возрастает от низших групп к высшим, % проч. налогов, наоборот, возрастает от высших к низшим. Это приводит в общем итоге к значительному сглаживанию роста прогрессии в обложении более мощных х-в. «Последняя группа платит больше первой: продналога в 8,34 более, а всех налогов вообще, включая и прочие, лишь в 3,54 раза более.

Проектируемая продналоговая система, единая для всего С. С. С. Р. дает, по мнению М. Б. Гуревича, «увеличение

продналога на Украине на 17% в среднем на одно х-во» и «понижение обложения высшей группы на 30%». Причины: различные принципы обложения — в Р. С. Ф. С. Р. налоговая ставка определяется в зависимости от урожайности района, а на Украине—в зависимости от вычисляемой валовой продукции для каждого района и отрасли хозяйства; кроме того, московская налоговая система учитывает скотовладение каждого хозяйства, украинская же система индивидуальное скотовладение во внимание не принимает.

Брошюра снабжена в конце таблицами по обследованию Харьковской губ. в 1922 г. и индексов цен на различные элементы с.-х. производства с 1892 г. по 1915 г.

Ю. Вильдо.

Проф. Н. КАЖАНОВ. Основные положения сельско-хозяйственной экономии. Изд. Н. К. З. «Новая Деревня». Стр. 82+2 нен.

Несмотря на то, что Россия—страна земледельческая, несмотря на то, что сельское хозяйство играло и сейчас играет решающую роль в народном хозяйстве нашей страны,—до самого последнего времени у нас наблюдалось почти полное отсутствие серьезной и глубокой литературы по экономике основного промысла Республики. Учебник А. И. Скворцова «Основы экономики земледелия» да краткий конспект проф. А. Ф. Фортунатова «Несколько страниц из экономии и статистики сельского хозяйства»—исчерпывали собою всю «капитальную» литературу в этой области.

Россия, однако, в этом отношении не представляет собою исключения—книг и пособий по сельско-хозяйственной экономии почти нет и в мировой литературе. До сих пор еще не только не установлены самый предмет, объем, характер и методы этой науки, но даже не существует установившейся терминологии. Происходило это, с одной стороны, вследствие сложности тех процессов, которые происходят в сельском хозяйстве, вследствие отсталого его характера, а с другой—по причине того, что научная и общественно-политическая мысль направляла свое внимание совершенно в другую сторону,—в сторону разрешения *«аграрного вопроса»*.

То небольшое количество монографий, которое представляет собою сел.-хоз. экономию, как науку, поражает необыкновенной пестротой и разнообразием как содержания, так и подхода. Все их можно разбить на две части: 1) основные принципы сельско-хоз. экономии, связывающие сельское хозяйство с общей системой народного хозяйства (народно-хозяйственные основы сел.-хоз. экономии), и 2) руководства по организации сельского хозяйства, связывающие технику сельского хозяйства с его экономикой. За последнее время литература второй категории заметно развивается, главным образом, среди сторонников так называемого «семейно-трудового» направления крестьянского хозяйства. Это происходит под влиянием, с одной стороны, потребности в том, чтобы осмыслить и изучить крестьянское хозяйство, а с другой стороны, вследствие сознания бесплодности споров о крупном и мелком хозяйстве в земледелии, которые захватывали внимание экономистов и политиков предыдущего периода.

Первая часть сельско-хоз. экономии, трактующая вопрос с точки зрения всего народного хозяйства, до сих пор переживала застой. Правда, в прошлом ее заменяла собою обширная литература по аграрному вопросу, которая давала ответы на основные вопросы политики и практики в области сельского хозяйства. Однако, теперь, когда Советская власть разрешила аграрный вопрос, потребность в экономической литературе, которая бы освещала основы сельско-хоз. промысла и его экономику, несомненно, имеется налицо. И можно лишь только пожалеть о том, что марксистская мысль еще слишком мало уделяет этому внимания.

Книга проф. Кажанова как раз и пытается восполнить этот пробел, и если не разрешить, то хотя бы поставить основные вопросы сел.-хоз. экономии. Следует отметить, что эта книга очень выгодно отличается от всей предшествующей литературы по сельско-хоз.

экономии. И хотя автор сам признает свою книгу «схематичной», «отвлеченно-теоретической», выражающей мысли «в отвлеченно-схематических контурах», тем не менее, нельзя не признать чрезвычайную своеобразность и оригинальность в постановке и трактовке основных вопросов.

По своим воззрениям Н. Кажанов примыкает к своему учителю А. И. Скворцову, пользуется его отвлеченно-научным методом, игнорирует сельскохоз. статистику, однако он идет гораздо дальше и затрагивает целый ряд новых вопросов (и, в частности, вопрос о роли финансового капитала в сельском хозяйстве). Выгодно отличает эту книгу от других монографий по сельско-хоз. экономике и то, что в ней уделено достаточно серьезное место вопросам труда в сельском хозяйстве, чего избегали многие экономисты.

Проф. Кажанов дает прежде всего чрезвычайно оригинальное расположение материала, разбивая его на 4 отдела: 1) природа как фактор сельскохоз. производства, 2) техника как фактор сельско-хоз. производства, 3) капитал в сельском хозяйстве и 4) труд в сельском хозяйстве.

Изучая природу сельского хозяйства, он приходит к выводу, что эта природа претерпевает глубокие изменения под влиянием развития капиталистических отношений, которые вызывают специализацию земледелия по отдельным районам (культура льна в Сев.-Зап. области, картофеля—в Костромской губ., хлопка—в Туркестане и др.). Эту специализацию Н. Кажанов называет *«географической локализацией сельского хозяйства»*.

До сих пор «агрономы-натуралисты» объясняли это явление всецело природными условиями, а «агрономы-экономисты»—«плотностью населения тех или других районов, количеством рабочих рук и ртов на единицу площади». Однако, дело обстоит гораздо сложнее: в этом процессе «скрещиваются более глубокие взаимоотношения хозяйствующего человека и природы, он представляет из себя одну из форм материального синтетического разрешения изменяющихся диалектических отношений человека к природе, сам по себе является своего рода *техникой сельского хозяйства»*. (Курсив мой. *П. М.*)

«Какие народно-хозяйственные предпосылки необходимы для того, чтобы процесс географической локализации сельского хозяйства получил широкое массовое выражение, как процесс территориальной специализации отраслей и культур, территориального разделения труда в сельском хозяйстве. Элементарно ясно, что *историческое развитие этого процесса немыслимо без перехода сельского хозяйства в товарную стадию производства*, т.-е. стадию производства не продуктов собственного натурального потребления, а товаров, для отчуждения их на рынок. Только тогда сельский хозяин может перейти к исключительному разведению на своих полях ненужного ему непосредственно хлопка, табаку, сахарной свеклы и т. д., если продукты этих культур кто-либо у него берет и дает взамен необходимые предметы личного и хозяйственного потребления».

В этом случае «нам представляется, что на этих громадных пространствах действует какая-то одна хозяйствующая воля, организующая *массовое производство* строго определенных сельско-хозяйственных продуктов: в одних районах—хлопка, в других—картофеля и т. д. Да, так эту картину и приходится рассматривать, здесь действительно проявляется единая воля законов капиталистического развития, обративших все отдельные поля и помещиков и крестьян в крупную фабрику массового производства определенных специфических товаров. Мы утверждаем, *таким образом, что явление географической локализации сельского хозяйства—такого же порядка, как явление технической концентрации обрабатывающей промышленности*. При чем подчеркиваем,—мы усматриваем здесь не простую аналогию, а однозначность явлений».

Признавая вслед за Марксом, что «концентрация капитала в основании своем покоится на росте производительности труда», Н. Кажанов усматривает в явлении географической локализации сельского хозяйства «основной путь развития производительных сил сельского хозяйства».

Останавливаясь далее на «проблеме расстояния в сельском хозяйстве» и отмечая, что развитие капитализма опрокидывает все построения Тюнена, выраженные в его знаменитой «схеме» концентрического расположения сельского хозяйства в порядке убывающей интенсивности, Н. Кажанов, в противоположность ряду агрономов-экономистов (напр., проф. А. Чаянов и др.), приходит к следующим выводам:

«Поскольку (в связи с развитием жел.-дор. транспорта) процесс нивелировки цен во времени и пространстве приобретает все более всеобщий характер, постольку утрачивает свою роль та основа формирования сельского хозяйства, которая имеет решающее значение в схеме Тюнена, именно диференцированное формирование сельского хозяйства по уровню интенсивности, в зависимости от более или менее близкого расположения районов от ценоустанавливающего центра сбыта сельско-хозяйственных продуктов. Прежняя диференциальная разница местных цен на сельско-хозяйственные продукты, в зависимости от расстояния от рынка, при географической нивелировке цен, утрачивает значение стимула для конкурентного оборота различных отраслей и культур разной интенсивности. Отдельные районы начинают производить не те продукты, которые, вследствие благополучного расположения их относительно рынка, последний выше оплачивает сравнительно с другими районами, а те, которые они могут дешевле произвести,—те продукты, производство которых обеспечивает большую производительность затрат. Мы знаем, что это достигается географическим отбором отраслей и культур по степени их приспособленности к тем или другим физико-географическим условиям. Мы пришли, в конце-концов, снова к явлению производственной географической локализации сельского хозяйства, как системе развития производительных сил сельского хозяйства. Только в этот момент сельско-хозяйственное производство начинает освобождаться от опеки рынка, от активного регулирующего режима последнего; только в этот момент при капиталистическом строе народного хозяйства, условия производства сельско-хозяйственных продуктов начинают торжествовать над условиями обмена их; только с этого момента сельско-хозяйственное производство вступает в точном смысле слова в фазу капиталистического производства».

Исследуя в дальнейшем те процессы, которые происходят в сельском хозяйстве в связи с проникновением в него сначала торгового капитала, захватывающего область обмена его продуктов (частью через кооперацию) и влияющего на само производство, Н. Кажанов подробно останавливается на внедрении промышленного, а затем финансового капитала. При этом он совершенно правильно отмечает, что промышленный капитал подчиняет себе отдельные (по преимуществу дополнительные — молотьба, размол и т. п.) процессы сельского хозяйства, как бы окружая основное его «биологическое ядро». Но «через объединения разрозненных отдельных производителей мировой торговый капитал, не внедряясь непосредственно индивидуально-капиталистически в технику производства, утверждает свою победу над интимными производственными процессами сельского хозяйства» (содержание скота, птиц и т. п.).

Однако, наибольшую зависимость сельского хозяйства от капитализма создает банковый капитал. «Банковый капитал оказался достаточно приспособленным, чтобы «с достоинством» выполнить эту общую миссию капитала в сельском хозяйстве. В одних случаях он действует колоссальной экономической мощью современного крупного централизованного капитала, в других—своей крайней эластичностью, утонченностью приемов. Не останавливаясь на разнообразных конкретно-исторических вариациях формы проникновения банкового капитала в сельское хозяйство, мы рассмотрим два главных пути этого проникновения, две основных формы срастания банкового капитала с сельским хозяйством. Один путь идет в сторону производственного изменения общих условий сельского хозяйства, другой—проводит капитал в недра самой производственной ячейки, в точном смысле слова является вмешательством

капитала во внутреннюю жизнь автономного хозяйственного предприятия».

«Когда говорят о мелком кредите в сельском хозяйстве, то обыкновенно имеют в виду кредит на покупку всяческих улучшенных орудий производства, в результате применения которых в производстве повысится доходность хозяйства, что даст последнему, в конце-концов, возможность развязаться с долгом. Но это первая упрощенная стадия кредита в сельском хозяйстве, гораздо существеннее и более революционно действует кредит в той его стадии, когда он становится перманентным регулятором всего денежного обращения сельско-хозяйственного предприятия».

«Только централизованный банковый капитал в современном его колоссальном развитии может более или менее устойчиво, планомерно организовать обращение денежных средств в массовом сельском хозяйстве, при всеобщей перестройке последнего в сторону мирового разделения труда, специализации, мировой географической его локализации».

«В результате исследования вопроса о проникновении банкового капитала в сельское хозяйство, мы, таким образом, приходим к бесспорному заключению, что сельское хозяйство, в силу биологической природы основных его производственных процессов, оставаясь по форме мелким производством, с развитием капиталистических отношений, все в большей и большей мере в чистом виде становится капиталистическим производством. Та же основа капиталистического развития, которая преобразует весь строй обрабатывающей промышленности, — развитие производительных сил дает направление и капиталистической переорганизации сельского хозяйства, в частности неизбежно приводит к технической концентрации сельского хозяйства в форме географической локализации. Этот процесс локализации на первых своих этапах осуществляется преимущественно при посредстве торгового капитала, втягивающего массовое мелкое сельское хозяйство в капиталистическое товарное обращение, но окончательно он завершается в результате непосредственного проникновения финансового капитала в производственную организацию этого хозяйства и подчинения ее себе».

Как видно из предыдущего, проф. Н. Кажанов чрезвычайно оригинально подошел к постановке вопроса о концентрации капитала в сельском хозяйстве, перенося вопрос из области рассуждений о борьбе крупного и мелкого хозяйства в совершенно другую плоскость. Расходясь со всей плеядой «ревизионистов», он правильно подметил, что влияние капитала на земледелие сказывается не столько через укрупнение сельско-хоз. предприятий, сколько через подчинение мелких хозяйств торговому, а затем финансовому капиталу. В противоположность ревизионистам, он учитывает также, что, подходя к вопросу о сельском хозяйстве, необходимо ясно различать, какую стадию общественного развития переживает оно как в целом, так и в отдельных его частях, так как только при этом условии можно правильно понять законы его развития. В этом у него замечается, несомненно, чисто марксистская постановка вопроса.

К сожалению, правильную марксистскую линию проф. Н. Кажанов выдержал далеко не полностью и не до конца. Уже в введении, характеризуя метод диалектического материализма, он допускает ряд существенных ошибок, а затем запутывает вопрос о земельной ренте, присоединяясь в этом вопросе во многом к А. И. Скворцову (ошибки которого в свое время отмечал т. Ленин). Неправильная постановка этого вопроса отразилась прежде всего на том, что диференциальную ренту он отнес к отделу «природа как фактор сел. - хоз. производства», а абсолютную—к «технике», тогда как всякому знакомому с Марксом должно быть ясно, что частная собственность на землю, монополия на нее, лежит в основе абсолютной ренты.

Но самую грубую ошибку он делает, признавая за «закон» явление убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве. Этот «закон» лежит в основе всех его построений и теоретических обобщений. В этом он резко отступает от марксизма и не только переходит в лагерь «ревизионистов», но

примыкает вплотную к буржуазной экономике. Правда, проф. Н. Кажанов дает своеобразное объяснение этому «закону». По его мнению, основу для него образует то, что в промышленности техника непосредственно овладевает ее первичными силами, а в сельском хозяйстве (как «биологической промышленности»)—«техника скорее окружает эту стихию, биологически - организованную в сложные самодовлеющие образования, частично только метаморфизируя их. Это окружение исторически идет все дальше и дальше, но у него есть грань самосохранения биологической цельности организма, переход через которую грозит разрушением или наследственным вырождением последних».

«Здесь мы наблюдаем как бы своеобразную революцию биологической природы против хозяйствующего человека: развитие производительности организма определило развитие той производственной обстановки, которую создает для организма эксплуатирующий его человек».

Признавая закон убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве, Н. Кажанов отмечает, что действием этого закона «бесспорно почти всеми объясняется контрастное историческое положение сельского хозяйства по сравнению с обрабатывающей промышленностью, выражающееся в том, между прочим, что цены на продукты обрабатывающей промышленности, с техническим прогрессом таковой, несомненно, падают, цены же на продукты сельского хозяйства определенно возрастают. Под его действием земледельческая культура, сосредоточивавшаяся еще не в столь далекие исторические эпохи на небольших относительно площадях поверхности земли, неизменно даже на наших глазах захватывает все бóльшие и бóльшие пространства, не оставляя свободным почти ни одного клочка даже мало удобной земли».

«Только закон убывающей производительности затрат объясняет то явление, что высоко-культурные англичане, переселяясь в свои колонии, забрасывали все свои привычки и возвращались к варварским способам обращения с землею, стремясь не столько к высокой культуре растений, сколько к распространению экстенсивной культуры на возможно большей площади»...

«Законом убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве объясняют, за немногими исключениями, почти все экономисты—явление ренты (второй вид диференциальной ренты)».

Исходя из этого же закона, он делает совершенно неправильный вывод и в отношении судьбы абсолютной земельной ренты, которая, по его мнению, исчезает не в результате национализации земли, как учит Маркс и марксисты, а в силу иных обстоятельств: «при свободной капиталистической конкуренции и отсутствии частной собственности на землю, абсолютная земельная рента уничтожается не потому, что продукты сельского хозяйства продаются ниже их стоимости (ценности), а потому, что увеличивающееся применение капиталов в сельском хозяйстве повышает цену производства продуктов, не вызывая до известных границ повышения рыночных цен».

«Поскольку же уже нет свободных неэксплуатируемых хозяйственно пространств земли, постольку всяческое увеличение применения капиталов в сельском хозяйстве неизбежно идет в сторону интенсификации его, почему неизбежно наталкивается на своеобразную преграду своему распространению (уже не юридическую)—на закон убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве».

«Одним словом, в сельском хозяйстве имеется внутренний производственный регулятор, уничтожающий абсолютную ренту, в виде закона убывающей производительности затрат».

История закона убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве является весьма поучительной, и этот вопрос представляет камень преткновенья для всей буржуазной экономики. «Внимание к этому явлению сельского хозяйства,—как справедливо отмечает сам проф. Н. Кажанов,—всегда значительно усиливалось, и научная мысль начинала заниматься им в периоды тех или других кризисов сельского хозяйства, наоборот, если сельское хозяйство процветало, о за-

коне убывающей производительности затрат почти все забывали».

Первоначально этот закон был формулирован экономистами, как «закон убывающего плодородия почвы», затем агрономы центр тяжести перенесли на растение (и даже на количество усвояемой им солнечной энергии), Н. Кажанов переносит его на все организмы (в том числе не только растения, но и животные), с которыми приходится иметь дело человеку в сельскохоз. производстве. Н. Кажанов считает, что этим законом сельское хозяйство отличается от промышленности, а в это же время буржуазно-экономическая англо-американская школа (в лице проф. Маршалла) доказывает, что этот закон присущ всему капиталистическому производству (и в частности, имеет значение даже для индустриальных машин). Эти колебания и шатания мысли с достаточной убедительностью указывают нам на то, что попытка привлечь этот закон к объяснению основных явлений сельско-хозяйственной экономики и политики обнаруживает полную несостоятельность экономики старой школы (буржуазной и ревизионистской).

В свое время, касаясь этого вопроса, т. Ленин правильно отметил («Аграрный вопрос и критики Маркса»): «Закон убывающего плодородия почвы вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, в роде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными, вечными и естественными законами».

«...Вся история XIX века массовыми данными по отношению к самым различным странам неопровержимо доказывает, что «универсальный» закон убывающего плодородия *совершенно парализован* «временной» тенденцией технического прогресса, который дает возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населению производить увеличивающееся количество земледельческих продуктов на увеличивающуюся массу населения».

Таким образом, книга проф. Н. Кажанова ясно обнаруживает, что, несмотря на целый ряд верных положений, ему оказалось не под силу создать новое направление в сельско-хоз. экономии, и что последняя еще ждет своих творцов, которые, очевидно, могут притти лишь из коммунистического лагеря. При всем том следует признать, что во многом книга проф. Н. Кажанова является чрезчайно интересной и заслуживающей серьезного внимания.

И подобно тому, как Маркс освободил теорию диференциальной ренты от всякой связи с «законом убывающего плодородия почвы», из которого исходил «отец земельной ренты» Рикардо, экономисты-коммунисты должны взять правильные положения проф. Н. Кажанова о влиянии капитализма на сельское хозяйство и освободить их от «закона убывающей производительности затрат в сельском хозяйстве».

П. Месяцев.

Н. Н. СУХАНОВ. Очерки по экономии сельского хозяйства. Изд. «Книга». 1924 г. Стр. 267.

Аграрный вопрос стоит в центре общественного внимания Советской России. Симптоматически растет литература аграрной теории наравне с работами, посвященными текущей практической политике. В «Очерках» Н. Н. Суханов собрал, исправил и дополнил свои аграрные этюды, в разное время печатавшиеся еще в дореволюционные годы. Теоретически ясная, заостренная постановка вопросов сохранила «Очерки» от увядания и придает им актуальный интерес. Но... как известно, наши достоинства часто становятся нашими недостатками, и теоретическая смелость автора иногда увлекает его на путь утверждений мало доказанных и неоправданных на опыте. К этому, местами, примешивается тенденциозная пригонка статистического материала.

Автор рассматривает интенсификацию земледелия, как форму проявления падающей производительности последующих затрат, и делает отсюда бесспорный, с его точки зрения, вывод, что при прочих равных условиях дороговизна единицы продукта прямо пропорциональна интенсивности производящего хозяйства. Правда, автор тут же оговаривается, что нет ничего невозможного для современной техники и что закон падающей производительности относится к одинаковому культурно - техническому уровню. Например, хлеб, производимый экстенсивной техникой русского крестьянина, может стоить дороже пшеницы весьма интенсивного бельгийского земледелия. Таким образом, даже, по мнению самого автора, закон уменьшающ йся производительности следующих затрат есть лишь экономическая формулировка стационарного состояния земледельческой техники.

Самый яркий из «Очерков» посвящен «законам развития сельско-хозяйственных форм». Автор пытается здесь схематизировать процесс развития капитализма, как историческую противоположность индустриального капитализма—аграрному. В сельском хозяйстве, по мнению Н. Суханова, капитализм не выполнил своей исторической миссии обобществления производительных сил. С развитием капиталистической индустрии аграрный капитализм, наоборот, сокращается, раздробляются крупно-капиталистические хозяйства, уступая место крестьянским, семейно-трудовым производственным ячейкам. Сила аграрного капитализма обратно пропорциональна росту индустрии. Отсюда вывод, что обобществление земледелия может быть построено только руками самих крестьян, «при помощи и содействии рабоче - крестьянского государства». Суханов хочет резко отгородиться при этом от Давида и «давидианцев», которые победу крестьянской семьи над капиталистическим предприятием расценивают, как производственное превосходство трудового мелкого земледелия над крупным.

Гипотеза автора об антагонизме индустриального капитализма аграрному имеет несомненное значение при экономическом анализе довоенной Западной Европы, которая стремилась превратиться в промышленную мастерскую мира. Но упадок аграрного капитализма на Западе уравновешивался ростом капиталистического земледелия Восточной Европы и особенно за океаном. В орбите мирового капитала мы находим не антагонизм земледелия и промышленности, но отчетливый их симбиоз. Вне такого симбиоза немыслима индустриализация отдельных капиталистических районов и стран. В блестящей неопровергнутой работе Ленина «Развитие капитализма в России» (Соч., т. III) дано конкретное изучение теснейшей содружеской смычки торгово - промышленного и аграрного капитала в процессе капитализации нашего сельского хозяйства. В дореволюционной русской деревне лавочник, хозяйчик, кулак часто сливались в одном и том же лице. На примере Бронницкого уезда, приводимом Сухановым, мы, правда, видим, что капиталистическая промышленность данного района имеет тенденцию развиваться за счет аграрного капитализма этого района или, точнее сказать, за счет его сельского хозяйства. Но убыль аграрного капитализма в одном месте неразрывно связана с его прибылью в другом. Об этом, повидимому, забывает наш автор.

В статье «Об итогах последнего ценза Соединенных Штатов» Суханов пользуется свежим статистическим материалом переписи 1920 г., чтобы подкрепить свое излюбленное положение о трудовом крестьянском хозяйстве, укрепляющемся на обломках капиталистического земледелия. Но еще Гегель говаривал, что факты неумолимы. И, несмотря на метод средних цифр, маскирующий удельный вес крупных ферм в общей массе сельско-хоз. производства, автор все время принужден оперировать с данными, говорящими скорее об укрупнении предприятий, но отнюдь не об их раздроблении. Очевидно, размах американской индустрии дает в руки аграрного капитала могучее оружие технического превосходства. Сельско-хоз. кризис, ныне разразившийся в Соединенных Штатах, еще сильнее опустошит ряды более мелких и слабых предприятий.

О. Спасский.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

1. «ВРЕМЯ». Орган «Лиги Время». *О. Кауфман.*—2. П. КЕРЖЕНЦЕВ. НОТ. Научная организация труда и задачи партии. *Д. Рейтинбарг.*

«ВРЕМЯ». Орган «Лиги Время». Ежемесячный журнал. Изд-во «Красная Новь». Главполитпросвет. М. 1923/24 г. №№ 1, 2, 3, 4. Стр. 96+96+96+96.

«Через борьбу за время и за НОТ к коммунизму», заключает т. Керженцев свою статью в 1-м № журнала. Лозунг этот достаточно четко очерчивает общую идеологическую физиономию журнала.

«Проблема НОТ—партийная проблема» (№ 3, стр. 9). «Лига Время—один из отрядов в борьбе за новую культуру, за коммунизм» (№ 3, стр. 45).

Под таким углом зрения намечается линия работ журнала с явной установкой на общественное воздействие. Ставя перед читателем актуальные проблемы и практические перспективы, орган «Лиги Время» выдвигает ударные области, на которые должна быть направлена работа по НОТ.

1. НОТ в производстве.

Статья т. Каплуна «Охрана труда—Нот—Время» (№ 2).

Статья т. Давыдова «Планировка производственных работ» (№ 3).

Ряд информационных заметок о научной организации производства.

2. НОТ в госаппарате.

Ленин о госаппарате (№ 4).

Статья Торбека «Р. К. И. и НОТ» (№2).

Статья Витке «Структура делопроизводства» (№ 1).

3. НОТ в торговом аппарате.

Заметки в отделе: «За границей» (№№ 3, 4).

4. НОТ как участник пролетарского культурничества.

Статья Татулова «НОТ и организация культуры» (№ 3).

Автор дает марксистское обоснование НОТ, как передовой линии «культурного фронта»; «*экономию*», как основной принцип, НОТ ставит во главе культуры, диалектически - материалистическое понимание которой выдвигает тот же лозунг «*экономии*».

Гигиены труда, как части НОТ, касается т. Семашко в ст. «Гигиена труда и время» (№ 3) и т. Кекчеев в ст. «Труд и отдых» (№ 1).

Заслуживают внимания богатые по материалу статьи т. Струмилина «Бюджет времени русского крестьянина» (№ 1) и «Годовой бюджет времени русского крестьянина». Методом массового наблюдения автор пытается установить общее распределение времени между разного рода занятиями крестьянина

Статья т. Кржижановского «Плановая работа С.С.С.Р.» (№ 3) выдвигает процесс рационализации, как основную предпосылку планового хозяйства. В отношении этого вопроса более ценный материал дает только что вышедший 4-й № журнала. Связь НОТ с плановым хозяйством проходит через него красной нитью.

Так, т. Рудаков в ст. «Время и план» ставит плановую проблему на основе нотизации советской хозяйственной жизни и улучшения госаппарата.

В иной плоскости той же проблемы касается т. Керженцев в ст. «НОТ на хозяйственном фронте».

Статья декларирует массовую основу НОТ в смысле вовлечения низовых ячеек в общую хозяйственную работу. В этом смысле последний № дает некоторый сдвиг, вернее, окончательное оформление позиции по отношению к деятельности Лиги Время. Лозунг «Лига Время есть Лига НОТ».

В № 4 журнала на одной из основных проблем НОТ останавливается т. Шпильрейн в своей статье «Научная Организация Психотехники». Проблема психотехники рассматривается здесь опять-таки под углом планирования хозяйственной жизни. 1921 г. выдвинул в области государственного хозяйства Р. С. Ф. С. Р. проблему поднятия про-

изводительности труда отдельного рабочего. Отсюда интерес к вопросам индивидуального труда, возникновение ЦИТ'а и его платформа. Организация производства 1922—23 гг. (в плане нормализации и качественного улучшения) приводит к вопросу о профподборе рабочих. Экономическим условиям этого момента соответствует линия рабо. Лаборатории Промышленной Психотехники Наркомтруда. Психотехника сегодняшнего дня должна проходить под знаком «Ножниц». Отсюда рациональное распределение рабочей силы по предприятиям сообразно способностям, т.-е. профконсультация в обще-государственном масштабе. Важнейшей задачей настоящего момента т. Шпильрейн считает также широкую воздейственную работу в области психологии, а кроме того, реорганизацию организационных форм психологической работы.

Возвращаясь к журналу в целом, следует отметить значительность ряда практических предложений (снабжены иллюстрациями), а также свежесть информационного материала. Имеется богатая хроника в отношении ЛВ и НОТ. Данные этих отделов позволяют свободно ориентироваться в сегодняшнем дне по НОТ (деятельность центральных и местных учреждений, предстоящий съезд, etc.). Несколько слаб отдел «За границей». Расширить следует также отдел «Книги», опять-таки в отношении обозрения заграничной печати.

Технически журнал издан хорошо (бумага, набор). Некоторый уклон в сторону конструктивизма (обложка, заставки, внешняя организация лозунгов) приходится только приветствовать.

О. Кауфман.

П. М. КЕРЖЕНЦЕВ. НОТ. Научная организация труда и задачи партии. Госиздат. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 37+15. («Приложение».)

«...надо всячески предостерегать как от вульгаризации идей НОТ'а, так и от неосновательных надежд на какое-то исключительно чудодейственное влияние принципов научной организации на нашу работу. Всякая организационная и особенно реорганизационная работа требует длительного и упорного напряжения сил и дает результаты очень не скоро».

Эти слова автора (стр. 31) могут смело служить эпиграфом к небольшой, очень тщательно изданной книжке по научной организации труда, книжке дополняющей ряд других трудов т. Керженцева по тому же вопросу («Принципы организации», «Памятка организатора» и др.).

Как и все прочие, она отличается четкостью конструкции (вот и живое применение организационного принципа, выдвигаемого автором), ясностью и точностью изложения.

Автор берет большую проблему НОТ в ее государственно-партийном разрезе. Для этого:

Вводных две главы—1) «*Что такое НОТ?*» — Терминология, изучение работы человека, изучение материальных сил, организационных методов; источники НОТ'а, нужен ли НОТ.

2) «*НОТ на Западе и у нас*», где автор кратко формулирует особенности нотовского движения в С.С.С.Р и за рубежом,— особенности, зависящие от коренного отличия общественного строя рабоче-крестьянского государства от строя капиталистического, поглощающего в виде прибавочной стоимости в пользу власти имущих все достижения научной организации труда и производства.

В главе 3-й—«*Что делать в области НОТ'а?*» — автор останавливается больше на применении организационных принципов в самой области развития у нас НОТ'а (централизация работы, борьбы с организационной безграмотностью). Может-быть, потому, что чисто-организационные методы ближе ему, чем другие проблемы НОТ'а (напр., механизация, психотехника), которым на протяжении всей работы уделяется чрезвычайно мало внимания.

Зато почетное место П. М. Керженцев уделяет агитационно - пропагандистской работе в области НОТ'а. Это— работа, в которой, как известно, ему же принадлежит большая доля практических достижений («Лига Время», «Ор-

ганизуй самого себя», бесчисленные статьи в «Правде» и т. д.).

Теперь об упущениях. Самое большое это, конечно, молчаливый обход автором *первых тезисов* бюро московских коммунистов-работников НОТ'а,— тезисов появившихся в «Правде» 11 января 1923 года и не имевших под собой подписи П. М. Керженцева.

Ни в тексте, ни в «Приложении», где напечатаны Резолюция XII съезда Р. К. П. (между прочим, напечатано «XII съезд Р. К. И.») о реорганизации госаппарата и *вторые тезисы* бюро московских коммунистов - работников НОТ'а («Правда», 25 апр. 1923 г.), об этом первом документе не сказано ни слова. А между тем в нем намечены основные положения, развитые позже по докладу т. Керженцева.

Другие недостатки, кроме отмеченного уже выше выделения чисто-организационных методов НОТ'а в ущерб другим сторонам вопроса, гораздо менее значительны и всецело покрываются достоинствами небольшого, но продуманного очерка.

Интересующиеся вопросами НОТ'а, особенно из молодых партийцев, найдут в нем для себя много ценных строк.

Д. И. Рейтинбарг.

ИСТОРИЯ.

а) Всеобщая история.

1. С. ЖЕБЕЛЕВ. Введение в археологию. Часть II. *Н. Щербаков.*—2. О. НЕЙРАТ. История античного хозяйства. *Проф. Е. Кагаров.*—3. Ф. МЕРИНГ. История Германии с конца средних веков. *А. Слуцкий.* — П. КАМПФМЕЙЕР. — История современных общественных классов в Германии. *А. Дивильковский.*

С. А. ЖЕБЕЛЕВ. Введение в археологию. Часть II. Теория и практика археологического знания. Издательство Наука и Школа». Петроград. 1923. Стр. 172. Цена 2 руб. золотом.

Выпуском второй части «Введения в археологию» автор закончил свой блестящий труд, целью первой части коего было изложить историю археологического знания. Предлагаемая вторая часть «имеет в виду познакомить с основным содержанием археологии, с главными источниками ее, с некоторыми наиболее существенными вопросами в области теории и практики археологического знания» (стр. 189).

Книга заключает в себе пять глав: I. Содержание и источники археологической науки. II. Судьба памятников: их гибель и воскрешение; III Охрана и хранение памятников; IV. Изучение памятников. V. Археология в среде родственных дисциплин и ее самодовлеющее значение. Не только впервые приступающие к археологическим занятиям будут увлечены этою книгою, которая с исключительною последовательностью вскроет перед ними жизненные истоки археологии, но и преподающие историю искусства и археологию неоднократно будут, даже против своей воли, возвращаться к «Введению». Написанное сжато, образцовым языком, «Введение» и по содержанию является образцовым, имеющим себе подобия только в иностранной литературе. («Археология» Деонна, «Метод истории искусства» Титце.) Весь пронизанный мыслью—не отрываться от фактов, не покидать исторической основы,— труд проф. С. А. Жебелева неминуемо произведет свое воздействие на приметный ныне уклон к поспешным обобщениям. Бесконечно прав автор, говоря (стр 143), что «плодотворное изучение стиля памятников может протекать только лишь на исторической основе. Вот почему всякий археолог должен быть, вместе с тем, и историком искус-

ства; иначе он при суждении о стиле памятника или станет «эстетом»—в самом жалком значении этого слова,— или окажется беспомощным в своих занятиях и будет сопоставлять между собою такие памятники, которые не только не одновременны по своему происхождению, но и глубоко различны по своему внутреннему содержанию». Автор, согласно Булле, рекомендует «любовно и неустанно «вживаться» в сущность, характер и мысли того народа, памятники которого желательно постигнуть. При этом нужно оставить в стороне все воззрения и понятия своего времени». Предостерегая от увлечения «искусствознанием», автор, не особенно сочувствующий ему, замечает, что дело исследователя быть «прежде и главнее всего точным и правдивым истолкователем памятника».

В виду того, что второе издание настоящего труда потребуется, вероятно, в скором времени, укажем вкравшиеся пропуски: на стр. 21 прим. 2-е не упомянут большой труд. A. Heller'a «Die Bildniskunst der Griechen u. Römer» (Stuttgart 1912); к стр. 38: прил. труд Condivi переведен на русский язык М. Павлиновой, СПБ, 1914; к прим. 2-му на стр. 39: сочинение Вазари имеется в русском переводе под ред. Ф. Швейнфурт. Берлин, 1923. Изд. «Нева»; к стр. 122: по греко-римскому музею в Александрии имеется путеводитель (E. Breccia «Guide de la ville et du musée d'Alexandrie». Alexandrie 1907); к стр. 128: по Румянцовскому музею имеются: 1) «Иллюстрированный путеводитель по Этнографическому музею. Москва, 1910 г.» и 2) «Каталог картинной галлереи с иллюстрациями и пояснительным текстом, под общей ред. Н. И. Романова». Москва, 1915 г., а по Городской галлерее П. М. и С. М. Третьяковых издан в 1917 году 27-м изданием образцовый «Каталог» (Москву автор, выражаясь языком XVI в., слегка «истеснил»); к прим. на стр. 158: не приведена полезная книга P. Brandt'a «Sehen u. Erkennen», вышедшая в Лейпциге в 1923 г. уже 5-м изд. с 709 иллюстрациями; к прим. на стр. 168: вышла в текущем году обстоятельная работа Ф. В. Баллода («Приволжские Помпеи»), посвященная, главным образом, культуре Золотой Орды XIII — XIV вв.

Издана 2-я часть «Введения» вполне хорошо, опечаток не много.

Н. Щербаков.

ОТТО НЕЙРАТ. История античного хозяйства. Перевод с нем. Николаев. 1924. Стр. IV+105. Гос. Изд. Укр.

За исключением небольшой и сильно устаревшей работы Эд. Мейера «Экономическое развитие древнего мира» да нескольких журнальных статей Ростовцева, Хвостова и др., на русском языке нет ни одного общего труда, который бы охватывал все стороны хозяйственной жизни древнего Востока, Греции и Рима. Книга Нейрата, только что выпущенная в свет Гос, Изд. Укр., могла бы с успехом заполнить этот пробел, если бы в ней самой не было, к сожалению, многочисленных пробелов.

Книга распадается на восемь глав, из которых каждая посвящена какой-либо одной крупной эпохе в развитии экономической жизни древнего мира: так, первая глава рассматривает хозяйственное развитие древнего Востока до возникновения греко-восточной (эллинистической) хозяйственной системы, т.-е. до III века до Р. Х.; во второй главе мы находим картину греческой торговли до средины VIII века; в третьей — экономические следствия греческой колонизации (от средины VIII в. до конца VI в. до нашей эры) и т. д. Изложение автора страдает крайней неполнотой, и многие важные и интересные вопросы обойдены почему-то молчанием. Так, о зарплате для рабов (своих и чужих) и свободных, об отношении тарифных ставок к прожиточному минимуму, о системах производства, о крупной и мелкой промышленности мы не находим у Нейрата ни слова. Равным образом, не касается он и вопроса о классовом составе работодателей (подрядчиков, купцов и фабрикантов), ремесленников и рабочих, хотя богатые цифровые данные он мог бы найти у Франкотта в его труде «L'industrie dans la Grèce ancienne». Очень мало говорит Нейрат и об организации ра-

бот, управлении фабрикой или мастерской, роли владельца, арендатора и управляющего, о разделении труда, о ремесленном ученичестве. Приводя многочисленные цитаты из древних авторов, он почти совершенно не пользуется надписями, содержащими богатейший материал по античной экономике. Не приводит он и многих цифровых данных: напрасно стали бы мы искать у него, напр., цифры общего оборота внешторга Афин, которая легко устанавливается на основании свидетельства Андокида о двухпроцентном пошлинном сборе со всех ввозимых и вывозимых товаров в Пирее; нет у него и каких-либо других статистических данных, напр., об общем богатстве Аттики в валюте и т. д. Такой интересный и, можно сказать, животрепещущий вопрос, как борьба с повышением цен на предметы первой необходимости в Греции и Риме, не нашел себе места в изложении автора. История аграрных отношений в древнем мире, особенно в Греции, очерчена недостаточно выпукло и четко.

В своей концепции экономического строя древнего мира Нейрат примыкает к Бюхеру и его школе: он подчеркивает рабовладельческую основу античной промышленности, малую производительность подневольного труда, отсутствие строгой дифференциации производства. Но, на ряду с этим, он признает высокое развитие денежного хозяйства в эллинистическую эпоху, замечая, что переводные операции стояли в эллинистическом Египте на более высоком уровне, чем несколько десятилетий тому назад в Центральной Европе (стр. 53). Попытки разрешить знаменитый спор между экономистами (Родбертус, Бюхер, Сальвиоли) и историками (Эд. Мейер, Белох, Пельман, Гуммерус) об основном характере экономического строя древности, о «капитализме» в Греции и Риме, о «фабричном производстве в крупной индустрии» древнего мира и т. д.—мы у нашего автора не находим. И это тем более досадно, что он является одним из лучших знатоков экономической жизни древнего мира.

Перевод исполнен добросовестно.

Е. Кагаров.

Фр. МЕРИНГ. История Германии с конца средних веков. Перевод и предисловие И. Степанова. «Красная Новь». М. 1923 г. Стр. 266.

«История Германии с конца средних веков» Фр. Меринга, вышедшая новым изданием, не является оригинальной монографической работой. В первой своей части она дает сжатую, порой конспективную сводку положений и описаний исторических фактов, подвергшихся марксистской обработке в трудах Энгельса, Каутского и самого Меринга. Вторая часть почти совпадает по содержанию с его большой работой по «Истории Германской с.-д.». И все же это обстоятельство не только не умаляет значения рецензируемой книги для наших учащихся, в особенности учащих, а делает ее весьма ценным и необходимым руководством по истории Германии. Давая в ней «руководящие положения, которые бы послужили путеводной нитью среди огромного материала», Меринг заранее ограничил рамки своей работы и вынужден был часто прибегать к конспективности изложения, в особенности, в первой своей части. Но эта конспективность и обобщенность очень часто, в особенности, когда идет речь о Великой французской революции и ее значении для феодальной Германии, облечена в такие яркие формулировки, что не стирают конкретности и своеобразия исторического факта, а, наоборот, дают правильную нить для его понимания. Так, напр., говоря о революционных войнах, Меринг в нескольких словах определяет их сущность: «Глубочайшая причина возникновения революционных войн коренится в том, что буржуазия и феодальная Европа не могли существовать одна подле другой» (стр. 101), или о якобинцах Великой революции: «чем беспощаднее устраняли они (якобинцы) феодальную эксплуатацию, тем сильнее давила их капиталистическая эксплуатация, которая с величайшею пышностью развертывалась по низвержению феодализма. Придушить ее и устранить ее устои—сделалось на ряду с отражением внешнего врага главной целью парижских революционеров... За ними навсегда оста-

нется та всемирно-историческая заслуга, что они спасли революцию и смели феодальное государство столь основательно, как это не удавалось ни в какой другой стране в мире» (стр. 105).

Основной положительной стороной этой работы Фр. Меринга является то, что при всей своей сжатости и краткости, она дает анализ огромного количества исторических фактов *в их внутренней связи*, оперируя марксистским методом. В этом отношении особенно интересны главы, посвященные Бисмарковской «революции сверху», объединению Германии, анализу классовых сил, оценке буржуазии и пролетариата.

Книга распадается на две части. Первая (1—3 отделы) часть с введением посвящена описанию событий от начала нашей эры до эпохи мировой реакции после Великой французской революции и представляет собою сжатую историю образования прусского государства. В этой части Фр. Меринг прослеживает формирование германской буржуазии в рамках феодализма, ее борьбу против отжившего строя экономических отношений. Здесь Меринг дает яркий анализ реформации и ее последствий, буржуазной классической философии и литературы и вскрывает основной грех идеологов германской буржуазии—их половинчатость, соглашательство с феодальной системой.

Вторая, большая часть (4—7 отделы) посвящена анализу условий и характера классовой борьбы между буржуазией и формирующимся новым классом—пролетариатом, начиная с мартовской революции вплоть до падения исключительного закона против социалистов. Эта часть имеет для нас бо́льшое актуальное значение. Здесь Меринг выясняет истоки немецкого рабочего движения, сущность лассальянцев и марксистов во главе с Бебелем и Либкнехтом, прослеживает зарождение и рост германской с.-д., обстановку ее борьбы в героическую эпоху исключительного закона. В свете современных событий многое из истории германской с.-д. кажется нам теперь иным. Кое-что, в особенности относящееся к ее парламентской деятельности, мы переоценили в ее успехах того периода. И, если бы Меринг дожил до наших дней, он при переиздании этой книги должен был бы изменить свою оценку с.-д. и выяснить, что корни ее реформизма восходят именно к этой героической эпохе исключительного закона, к тем головокружительным парламентским успехам, которых достигла она тогда, к той чрезмерной приспособляемости, к легальным возможностям, которые являлись руководящими для германской с.-д. Не случаен тот факт, что, спустя несколько лет после падения исключительного закона, Бернштейн идеологически обосновал ту практику реформизма, которая накоплялась в недрах германской с.-д., начиная со съезда в Готе.

Книга Фр. Меринга снабжена предисловием переводчика т. С. Степанова, дающим несколько методологических указаний и кратко обрисовывающих задачу настоящей книги быть пособием для учащих и более или менее подготовленных учащихся.

Д. Слуцкий.

П. КАМПФМЕЙЕР. История современных общественных классов в Германии. Гос. Издательство. М.—П. 1923 г. Стр. 373. Тираж 10.000.

Книга известного автора «Очерков истории немецкой культуры» вышла понемецки уже 3-м изданием. В предисловии к этому 3-му изд. (данном и в переводе) автор стремится указать принципиальную разницу своего метода исследования от метода «буржуазных историков». Отсюда мы узнаем, что к данной «попытке» побудил впервые автора сам Карл Маркс—следовательно, тем самым уже, повидимому, определяется и общий характер метода; во-вторых, автор и конкретно указывает, что подошел к истории Германии, главным образом, со стороны ее «великих экономических и социальных переворотов», а не со стороны лишь подвигов князей да их войн—как это делают, мол, до сих пор буржуазные историки.

Словом, все, казалось бы, в порядке, и перед нами действительно «история

классов», писанная убежденным материалистом и марксистом. Но в действительности это далеко не так.

В действительности даже такие элементарнейшие для марксиста понятия, как «класс» (следовательно, и «классовая борьба») и «переворот» (революция) понимаются автором не в их точном смысле, как он незыблемо выяснен научным социализмом Маркса: Кампфмейер под «классом» понимает лишь класс в узком смысле — *современного*, капиталистического класса (буржуазия, пролетариат). В средние же века было другое: «сословия», которые, мол, отнюдь нельзя смешивать с классами! Так что, говоря об элементарно-понятном классовом факте—что в средние века «государство оказывается всецело в руках крупных землевладельцев», он прибавляет такую «ученую» оговорку: «оно превратилось—*читатель простит нас за неточное выражение*—в «классовое государство», в «сословное государство».

Словом, все те же жалкие виляния буржуазных ученых вокруг ярчайшего и несомненнейшего, казалось бы, факта всей истории «цивилизованных» народов—вокруг жестокой классовой борьбы, ее наполняющей. Спросим виляющего профессора: разделялось ли средневековое крепостническое общество Германии на эксплуататоров-баронов (плюс попы, плюс все прочие приживалы и прихлебатели «сословия») и на эксплуатируемых мужиков? Была ли между ними то скрытая, то открытая, гражданская война в течение веков? Была, скажет он. И даже расскажет об ужасах крепостного права, о захвате баронами общинных земель, наконец, о попытках крестьянских вооруженных восстаний... Но все это, видите ли, «сословная борьба», а вовсе не классовая борьба. Какая чепуха и каша!

Понятно, что и с «переворотом» дело обстоит также беспомощно-«учено». Кампфмейер то и дело говорит о «великих переворотах» на протяжении всей германской истории. С реформацией и крестьянскими войнами является на сцену один «великий переворот»; через столетие, с 30-летней войной — другой «великий переворот» и т. д. А между тем сам же автор показывает, давно, впрочем, известную, картину *великого поражения* революционных городов в союзе с крестьянством в эпоху так наз. Реформации—страшное обострение крепостного права в связи с этой *классовой* трагедией, падение роли германской торговой и мануфактурной буржуазии. Затем—после 30-летней войны неслыханное запустение и одичание когда-то оживленно-торговой и ремесленной Германии, и в то же время почти окончательное обезземеление крестьян, особенно в северных провинциях. Там крепостничество принимает формы жесточайшего личного рабства, столь знакомого и нам при «великих» Романовых—Петре I и Екатерине II. И все это—«великие перевороты»!

Сообщит о «великом перевороте», и потом тут же, не кашлянувши, глубокомысленно ставит вопрос о «причинах затишья в немецкой экономической культуре и причинах *ничтожности изменений в социальных классовых образованиях* Германии периода после реформации». Вот так «великая революция» с «ничтожными классовыми изменениями»! Не стоило, право, лично быть знакомым с Марксом, чтобы договариваться до подобных плоскостей.

А дело, кажется, просто и ясно, и понять его можно из сообщаемых самим же автором фактов войны не на живот, а на смерть между классами Германии.

В XVI веке разбита на-голову высшими феодалами-князьями в союзе с высшей буржуазией и с ее соглашательской церковью (Лютером, «Реформацией») подымающаяся демократическая мелкая буржуазия городов в союзе с жаждущим «земли и воли» крепостным крестьянством. Если сравнить, что одновременно произошло в соседних Нидерландах (победоносная революция городской буржуазии против феодального самодержавия испанского короля), или что за пару веков перед тем случилось в гораздо ранее развившейся экономически Италии (победа городских республик над дворянством во главе с папой—расцвет затем Венеции, Генуи, Флоренции), дело становится еще более трагически-ясно. Германия открытием Америки оказалась отрезана от мировых пу-

тей развития грядущего капитализма. Ее цветущий в средние века торговый капитал (Ганза, Нюренберг, Аугсбург) сведен почти на-нет.

Хищные феодальные волки-князья остались единственными владыками упавшей страны и приспособлялись к нарождающемуся мировому рынку одним еще доступным для крепостника путем: безмерным «уплотнением» крепостного права для добычи из крови и пота раба денег, властно требуемых рынком. Сам Кампфмейер—правда, лишь как-то «сбоку»—говорит нам и о разительных фактах упадка старинного торгового и банковского капитала в XVI и XVII вв., и позже о расширении запашек в Шлезвиге, Мекленбурге и Померании—руками обезземеливаемых крепостных—в виду открывшегося широкого хлебного спроса в процветающих Нидерландах, а затем в Англии.

Все это дает нам понятие об «историографии навыворот» таких историков, как Кампфмейер: где самая явная классовая борьба, там у них что-то в роде векового соглашательского сватания между «сословиями»; где черная реакция и торжество эксплуататорской контрреволюции, там—«великая революция». Искать тут подлинного выяснения исторических путей, существа пружин, лежащих в основе смены экономических эпох, нечего и думать.

Тем не менее, *вне* этих непосильных для Кампфмейера задач, как *буржуазный* историк, он в своем роде дает немало интересного историко-культурного материала. Так весьма ярко, картинно освещена эпоха палочного короля—«великого» Фридриха, который на фоне выше обрисованной, многовековой крепостнической реакции сквалыжнически, как настоящий буржуа-ростовщик (будучи в действительности чистокровнейшим прусским юнкером-помещиком), строил свое казарменное государство. И потом эта казарма-контора послужила превосходной основой для своеобразной юнкерско - капиталистической империи нашего времени, где «кайзерская» буржуазия играла роль холопа-приказчика, а обуржуазенные помещики—роль командиров.

Много также интересных фактов и характернейших цифр из новейшего времени, — времени Бисмарка и затем эпохи империализма Вильгельма II. Факты и цифры эти в большинстве, впрочем, достаточно известны, но, сгруппированные в исторической перспективе—хотя опять-таки и с крайним недостатком освещения лучами классовой борьбы, — они производят все же известное *новое* впечатление. Какая все же материальная силища складывалась в рамках этой колоссальной прогрессивно-технической империи, и как праховы оказались «точно-научные» расчеты классовой (о, слишком классовой!) политики эксплуататоров германской трудовой массы!

Сочувствуя в этих последних главах самому правому направлению германских социал-демократов, автор совершенно перестает быть объективным историком, даже в буржуазном смысле. Перед нами—жалкий, мелкий политик из третьеразрядной берлинской пивной, пишущий унылую статейку для—увы!—непокупаемой уже профсоюзной газетки. Образец: глава «Всемирно - революционная эпоха истории» (так громко величается эпоха после ужасающего разгрома в войне 1918 г.). Здесь—умильные вздохи о «германском крон-принце», ибо, видите ли, этот знаменитый идиот предвидел, что «война не может кончиться победой немецкого оружия... Чтобы не погибнуть (так думал «он»), Германия должна стремиться к заключению мира». Но злые, мол, «советчики» помешали ему, возлюбленному, в этом. И затем замечательное для историка «классов» изречение: «Эти люди (т.-е. министры, генералы кайзера), если бы они хотели вести в крупном масштабе политику мирных соглашений, должны были бы *опереться на демократически-социалистический класс* (!), являющийся принципиальным противником вильгельмовской империалистической политики насилия».

Вот верх историко - политической мудрости германской социал-демократии. Вот «великая революция», к которой она стремится. Вместо кайзера—крон-принц. Нет, этих безнадежных лю-

дей, по русской, мужицкой поговорке, «хоть печкой по темю учи»...

Впрочем, это уж как будто слишком выходит за пределы собственно-исторических тем данной книги. Кампфмейера все же читать следует каждому пролетарскому читателю, желающему из более или менее подробного обзора прошлых фактов истории Германии понять ее настоящее. Но нужно твердо помнить, что он пригоден *только* как интересный рассказчик фактов. Смысла же последних надо искать в других «наших» книгах, к сожалению, пока-что слишком немногочисленных. Можно на первый раз тут рекомендовать превосходную, хотя и краткую «*Историю Германии с конца средних веков*» недавно умершего славного коммунистического историка *Ф. Меринга*.

Д. Дивильковский.

б) История революционных движений на Западе.

1. Н. КАРЕЕВ. Две английские революции XVII века. *А. Слуцкий.* — 2. А. КОНРАДИ. История революций от Нидерландского восстания до кануна Французской революции Том I. *Н. Лукин-Антонов.*—3. Е. ВОЛКОВ. Христо Ботев. *Б. Горев.*

Н. КАРЕЕВ. Две английские революции XVII в. Изд. «Сеятель». Ленинград. 1924 г. Стр. 971.

Великая Французская революция, являясь классическим примером буржуазной революции, заслонила собой свой образец — английскую революцию. Если первой посвящены десятки томов, то целый ряд вопросов эпохи английской революции тонут во мраке истории. Появление книги, посвященной двум английским революциям (1649—1689 гг.), да еще «в популярном виде», следовало бы только приветствовать. Но читатель будет глубоко разочарован, ознакомившись с этой книгой, ибо она не только не разрешает целого ряда сомнений, но, наоборот, запутывает вопрос, дает неправильную оценку и освещение событиям.

За описанием политической борьбы между королем и парламентом идет описание религиозной борьбы англиканства и пуританства. «Первая английская революция была событием более сложным. Одновременно с борьбой между королем и парламентом происходила другая борьба—в области религиозной» (стр. 7). «Вторая английская революция столь же мало имела характер демократический и социальный, как и характер вероисповедный. Все дело ограничивалось одной политикой (стр. 9), так скользит по поверхности фактов Н. Кареев. Мостики, перекидываемые иногда между этими группами фактов, в виде попыток подвести под них классовый фундамент, не помогают правильности понимания событий. Много автор уделяет внимания пресловутой «роли личности в истории», часто давая описание характера отдельных королей и их роли. Так, английская реформация, на ряду с «общими причинами» (?) объясняется «личным характером Генриха VIII, человека деспотических капризов» (стр. 32), а О. Кромвелю придается исключительное значение среди деятелей английской революции (VIII гл.).

Уже сам подход к вопросу и трактовка английских революций как борьбы королевской власти с парламентом («вопрос шел о пределах первой и правах второй») (стр. 5) без предварительного анализа содержания этой борьбы, без социально-экономического анализа борющихся сил приводит Н. Кареева к априорному положению, что итогом революций явилось восстановление нарушенных королевским абсолютизмом XV в. старых «вольностей» английского народа. Доказательству этого положения посвящено все последующее изложение. «Сами эти две революции были вызваны нарушением со стороны династии Стюартов несомненнейших прав, приобретенных парламентом в первые

же два века своего существования» (стр. 22) или «за три с лишним десятка лет Стюартам не удалось сломить то сопротивление со стороны нации, которое встретило в ней стремление водвориться в стране абсолютизма. Королевская власть сделала нападение на старую конституцию Англии, и революция получила оборонительный характер» (стр. 73), пишет Н. Кареев. А в заключении книги, подводя итоги, констатирует: «главным в них (революциях) была борьба между королевским самодержавием и ограничившим эту власть парламентом» (стр. 259).

Но трактовать так английские революции, видеть причину в формальном нарушении «установившейся конституции» (?)—значит не понимать существа движения, всего разнообразия его социального содержания, его основного характера, как «установления нового политического строя для нового европейского общества», приведшего к победе новых общественных классов. Не видеть этого—значит не понять самой революции и не учесть всех классовых сил, делом коих была она, не заметить основного — общественного развития Англии за предшествовавшее столетие, когда формировалось новое соотношение классовых сил.

Этого—основного — не видит Н. Кареев. Вот почему его интересует только борьба короля и парламента; он не замечает социальной стороны «левеллерского» движения, рассматривая «левеллеров», как «политических радикалов, демократов без социального оттенка», проходит мимо «истинных левеллеров» (нельзя же принимать всерьез нескольких слов, посвященных «уравнителям» и «деггерам»), дает неправильную оценку армии и ее роли в революции. Оттого же Н. Кареев, высоко ценя О. Кромвеля, не вспомнил о «коммунистических утопистах» Джерарде Уинстанлее и Ульямсе Эверарде, еще в XVII веке понявшем, что «истинная свобода царит там, где у человека есть пища и другие средства к жизни».

На английскую революцию Н. Кареев смотрит как на борьбу «за закономерную и свободную государственность» (стр. 92). Оттого мелкими эпизодами на фоне кареевской «борьбы короля и парламента» являются раскол «долгого» парламента на почве отношения к королю, переход пуританской его части, представляющей крупную финансовую буржуазию, на сторону короля, а раскол армии Кромвеля на «грандов» — высшее офицерство и «левеллеров» — солдат, их социальная подоплека, богатейшая история борьбы этих двух групп и борьбы их с парламентом, роль «денежных мешков из Сити» в революции не привлекают внимания нашего историка. Не поняв классового характера армии, ее низов, не видя в ней «организованную демократию страны», Кареев приходит к неверному выводу, что армия «расходилась с пресвитерианским парламентом по вопросу о церковном единообразии» (стр. 122 по 127). Видимо, борьбу солдат-левеллеров против цензового и бессрочно заседающего парламента, как она хотя бы отразилась в таком документе, как «Народное соглашение», Кареев зачисляет тоже по «церковному ведомству»!

Не может понять Н. Кареев и политики Кромвеля, подходя к нему как к «незаурядному человеку... из одной породы с Цезарем, с Наполеоном» (VIII гл.). В деятельности Кромвеля он видит два противоречивых периода. Но то, что понятно с точки зрения классового анализа, непонятно с точки зрения «незаурядного человека». Кромвель—сын своего класса, сквайр, представитель среднего дворянства и средних слоев торговой буржуазии, и таким он остается во все периоды своей деятельности. Подталкиваемый демократической частью армии на революционные шаги, он неохотно, силою обстоятельств вынуждается итти по этому пути до тех пор, пока власть не переходит в руки представляемого им класса. С этого момента он в левеллерском движении, в особенности в его «уравнительской части», видит классовых врагов, подкапывающихся под основы собственности. (Речь Кромвеля при открытии парламента в 1654 г. или его речь при роспуске его в 1655 г.)

В рамках настоящей рецензии мы могли остановиться только на некоторых основных моментах английской рево-

люции, затрагиваемых Н. Кареевым в его книге. Ошибочный подход к событиям, непонимание хода классовой борьбы привели к тому, что книга, написанная с прекрасными целями популяризации, не только не освещает вопросов, но запутывает их. Не могут, конечно, спасти положения ссылки автора на классовую квалификацию отдельных исторических деятелей или групп, которую он иногда делает, при общей путанице при постановке вопросов.

А. Слуцкий.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.—А. КОНРАДИ. История революций от Нидерландского восстания до кануна Французской революции. Том I. Перевод с немецкого С. И. Цедербаума. Гос. Изд-во. Москва—Петроград. Стр. 416.

Первый том работы А. Конради посвящен Нидерландской и Английской Великой революции. Автор широко использовал относящийся к данной эпохе материал первоисточников — мемуары, политические памфлеты, газеты, прокламации, законодательные акты и т. п. Он прекрасно ориентирован как в старой, так и в новой литературе вопроса.

Особую ценность работе Конради придает то обстоятельство, что она написана с точки зрения материалистического понимания истории, при чем эта точка зрения с большим мастерством последовательно проводится через все исследование. Идет ли речь о различном отношении нидерландской буржуазии к Карлу V и его сыну Филиппу II, или о причинах особой ненависти к инквизиции «еретического» Антверпена (свобода совести — свобода торговли!), или социальной подоплеке английского пуританства и объяснение неистовой вражды пуритан к «папизму» и англиканству,—всюду социологический метод Маркса, умело и тонко применяемый автором, дает ценные результаты.

Автор считает, что уже XVI век открывает собою эру *буржуазных* революций. Правда, в Германии «крестьянская война 1525 года не явилась прелюдией великой революции», и осталась,— в силу особенностей тогдашнего экономического состояния Германии,—«изолированным событием». Но уже Нидерландское восстание является типичной буржуазной революцией, выросшей на почве противоречий между потребностями высокоразвитого торгового капитала Нидерландов и феодально-самодержавной властью испанских королей, пытавшихся восстановить расшатанные государственные рессурсы путем систематического ограбления торгово-промышленных нидерландских провинций.

Эта революция (1568—1588), перешедшая в последующие годы в длительную торговую войну между Испанией и Нидерландской республикой, привела к власти «новый государственный класс»—крупную торговую буржуазию, создавшую в северных провинциях режим «чистейшей плутократии». Напрасно историки видели в событиях в Нидерландах во второй половине XVI века «простое восстание против Испании или даже религиозную войну против инквизиции. Эти моменты сыграли свою роль, но в основе лежат классовые интересы и экономические побуждения» (26—27). Доказательству этого положения и посвящены первые три главы книги.

Переходя к Английской революции, автор начинает с разрушения популярной исторической легенды, будто вся ответственность за революцию падает на двух первых Стюартов: «Подготовительный период английской катастрофы нельзя втискивать в столь узкие пределы... Когда в 1603 году со смертью прославленной королевы Елизаветы вымерли Тюдоры и очистили место Стюартам, переворот был уже неизбежен. В доказательство этой, на наш взгляд, вполне правильной, точки зрения автор приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что резкая политическая оппозиция, питавшаяся, в свою очередь, экономическими причинами, зародилась уже в последние годы царствования Елизаветы (стр. 141—149).

Говоря о классовых противоречиях, А. Конради дает чрезвычайно обстоятельную картину экономических отношений в тогдашней Англии, в частности подробно останавливается на состоянии промышленности и положении ра-

бочего класса, что в дальнейшем помогает автору установить надлежащую социальную базу для тех политических группировок, которые возникали уже в самом ходе революции. Классовая подоплека пресвитерианства выясняется автором гораздо обстоятельнее и убедительнее, чем, напр., в известной работе Бернштейна (см. 319—320, 321, 323, 327, 331). Метод исторического материализма последовательно проведен и при объяснении фактов внешней политики: благожелательного отношения к молодой английской республике самодержавных Испании и Франции (Испания первая признала республику «цареубийц») и враждебной позиции республиканских Нидерландов, где был безнаказанно убит первый же чрезвычайный английский посол, прибывший в Амстердам вскоре после казни Карла I (376, 377—378, 379).

Применение марксистского метода привело автора к ряду весьма ценных и новых, даже в марксистской литературе, выводов. В частности любопытна попытка установить экономическую программу пуританства, до его распадения на пресвитериан и индепендентов. Эту экономическую программу автор вскрывает в так называемой «Великой Ремонстрации» (22/XI 1641 г.) — документе, которым до сих пор историки интересовались исключительно с точки зрения имеющихся в нем *политических* требований. Оказывается, что именно здесь можно найти «экономический символ веры пуританского большинства Нижней палаты в вопросе о внешней торговой политике» (стр. 288).

Следует признать весьма важной и попытку автора вскрыть чисто *экономические* нужды и требования среднего крестьянства (см. стр. 411), хотя того материала, который здесь дается, еще слишком мало, чтобы обосновать материалистически огромный интерес тогдашнего английского «йоменства» к политическим вопросам и его чрезвычайно активное участие в революции. Будущим исследователям предстоит еще много поработать над этим вопросом.

Политическая борьба, происходившая в армии Кромвеля, правильно освещена автором на основании известных «Бумаг Кларка». Нам кажется, однако, что следовало бы уделить больше места организации и религиозно-бытовой жизни «железнобоких», связав, разумеется, эту группу явлений с социальным составом и политическими построениями, господствовавшими в «парламентской» армии.

К числу спорных положений рассматриваемой работы следует отнести утверждение Конради, что к революционным элементам населения следует относить и «значительное (курсив мой *Н. Л.*) меньшинство *высшего* дворянства (nobility)» (137). Неправильным кажется нам и попытка автора искать в Английской революции «*сильного* политического движения наиболее развитых слоев пролетариата» (141). Можно возражать и против социальной характеристики индепендентства, его правого крыла, как партии «прогрессивной буржуазии... не цеховых районов», стоявшей не только за свободу совести, но и за «свободу торговли и промыслов» (333). Нам кажется, что нельзя устранить из индепендентства и «аграрный» элемент, в лице нового мелкого дворянства, возникшего в самом ходе гражданской войны. Это—те «капитаны» и «полковники» из армии Кромвеля, часть которых прошла в Парламент на дополнительных выборах 1645—1646 года. Ведь не следует забывать, что перераспределение избирательных округов, которого требовали «правые» индепенденты, было в интересах не столько городской буржуазии, сколько мелкого и среднего землевладения. Нельзя, наконец, согласиться с тем оппортунистическим объяснением поражения левеллерства в 1649 году, которое дает автор (см. 413—414); нельзя обвинять Лильберна в том, что он недооценил важности для того момента тактики «единого фронта»: «смычка» с умеренным крылом индепендентства была невозможна потому, что после торжества республики Кромвель и его политические единомышленники повернулись снова спиной к своим вчерашним союзникам—левеллерам и все более и более ориентировались «вправо», в сторону зажиточной буржуазии и среднего дворянства.

Во всяком случае за Конради останется честь быть первым марксистским историком Нидерландской революции; впрочем, и по истории Английской революции мы не имели до сих пор *систематической* работы, написанной с точки зрения исторического материализма, если не считать посвященного этой революции очерка Бернштейна в «Предшественниках новейшего социализма». Жаль только, что наш автор останавливает свое изложение на 1649 году.

Книжка Конради иллюстрирована чрезвычайно любопытными рисунками, дополняющими строго-научное изложение живыми картинками быта и права соответствующих эпох. Непонятно только, почему $^2/_3$ рисунков приходятся на Нидерланды и только $^1/_3$, если не меньше,—на Англию. Богатый фантастический материал, использованный автором, не подавляет читателей, а живость и увлекательность изложения облегчает усвоение предмета. Перевод в общем удовлетворителен, хотя есть кое-какие погрешности против... русского языка (см., напр., стр. 15, 40, 45, 47, 65, 72, 73 и др.).

Н. Лукин-Антонов.

Е. З. ВОЛКОВ. Христо Ботев (На заре балканского революционного коммунизма.) Из серии изданий Истпарта. Госуд. Издат. 1923. Стр. 227.

В предисловии к настоящей книге редакция Истпарта пишет: «Выпуская в свет научно-историческую работу т. Волкова об эпохе революционного движения в Болгарии в период деятельности наиболее видного представителя этого движения Христо Ботева (1848—1876 гг.), Истпарт имел в виду тот интерес, который может представить эта книга и для русского читателя с точки зрения отражения течений русской революционной мысли того времени в жизни таких славянских уголков Европы, как маленькая Болгария, и огромного влияния этой мысли на передовую интеллигенцию славянских национально-угнетенных народностей». В заключение, оговорив ряд своих разногласий с автором и критикуя его «невыдержанность в марксистском отношении», редакция, тем не менее, думает, «что в общем и целом научно-популярный труд т. Волкова найдет среди *широкой массы* (курсив наш) читателей положительную оценку достоинства книги, в виду которых Истпарт считает издание ее делом весьма полезным».

С этим мнением редакции мы никак не можем согласиться. Что представляет собою эта книга? Подробнейшую биографию болгарского национального революционера в эпоху борьбы болгарской интеллигенции с Турцией за национальную независимость. В книге, действительно, имеется ряд любопытных и мало известных данных об идейном влиянии русских революционеров 60-х и 70-х гг. на болгарских революционных националистов, при чем особенно интересны совершенно новые данные о заграничной деятельности Нечаева (отчасти и Бакунина). Но все это могло бы составить содержание небольшой журнальной статьи, и тогда она была бы полезна для всех, интересующихся нашим прошлым революционным движением. Остальная же часть книги представляет собой обстоятельный, местами прямо утомительный, рассказ о национальном движении в Болгарии, о внутренней борьбе среди национальных партий, об интригах русского, сербского и румынского правительств. Все это, вероятно, очень интересно для болгар, может-быть, интересно для русских специалистов по истории национальных движений на Балканах, но «для широкой массы читателей» безусловно не представляет интереса. И если они соблазнятся подзаголовком книги («На заре балканского революционного коммунизма»), то они разочаруются. Ибо того положения, что Христо Ботев был в конце своей деятельности «революционным коммунистом», автор, по нашему мнению, *не* доказал. Он был, несомненно, демократом, он ненавидел угодничавших перед турками и думавших лишь о своем кармане «чорбаджиев» (буржуев), он увлекался иногда социалистическими фразами. Но мы видели все это и в эпоху II Интернационала у части польских «социалистов», у армянских дашнаков

и т. д., и мы знаем, что социалистическая фразеология (иногда вполне искренняя) лишь прикрывала их мещанский национализм. Христо Ботев, как выясняется из работы Е. З. Волкова, был, конечно, искренний, талантливый и смелый революционер - заговорщик, но революционер, стоявший в общем и целом на *национальной*, а не *классовой* точке зрения (хотя он и мечтал о братстве народов и балканской федерации). Поэтому его биография имеет, по-нашему, мало отношения к истории коммунизма, хотя бы и балканского.

Б. Горев.

в) История революционных движений в России.

1. В. АСТРОВ.—«Экономисты», предтечи меньшевиков. *В. Виленский (Сибиряков).*—2. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД Р. С.-Д. Р. П. *В. Невский* — 3. І. РЕВОЛЮЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. Вып. І. П. П. НИКИФОРОВ. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. *В. Виленский (Сибиряков).*—4. С. ПИОНТКОВСКИЙ. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. *Г. Лелевич.*—5. А. АРОСЕВ. Как это произошло. *Г. Лелевич.* — 6. ДЖОН УОРД. Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 гг. *В. Виленский (Сибиряков).* — 7. ЛЕНИН и БРЕСТСКИЙ МИР. Статьи и речи Н. Ленина в 1918 г. о Брестском мире. *Г. Гордон.*—8. Г. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО. В Крыму при Врангеле *С. Ингулов.*—9. А. ШЛЯПНИКОВ.—Семнадцатый год. Кн. 1-ая. *Г. Лелевич.*—10. П. ДЫБЕНКО. Мятежники. *К. Зличенко.*

В. АСТРОВ. «Экономисты», предтечи меньшевиков. («Экономизм» и рабочее движение в России на пороге XX века.) Москва. Изд. «Красная Новь». 1923 год. Стр. 144.

«Экономистами» в 1898—1903 годах назывались те из русских социал-демократов, которые призывали русских рабочих к экономической борьбе, отрицая необходимость и своевременность участия русских рабочих в политической борьбе с самодержавием.

Всякая мысль о создании самостоятельной рабочей партии в России «экономистам» казалась продуктом переноса чужих идей на нашу русскую почву.

Эти мысли нашли свое выражение у известной г-жи Кусковой, бывшей в то время лидером «экономистов». «Экономизм» рекомендовал русским рабочим в своей борьбе не выходить из рамок экономической борьбы, предоставляя политическую борьбу либеральной буржуазии.

Это была большая политическая ошибка, которая очень долго мешала русским социал-демократам в деле оформления партии рабочего класса. Борьба с «экономизмом» была ожесточенной и в конечном счете закончилась разгромом «экономизма». При чем в этом разгроме «экономизма» главную роль сыграла «Искра», руководимая Г. В. Плехановым и В. И. Лениным. «Искра» смело выбросила лозунг организации вокруг рабочего класса и под его руководством всех революционных сил для борьбы с самодержавием.

Тов. Астров поставил своей задачей дать исследование этого периода русского рабочего движения, в целях изучения зарождения меньшевизма в русской социал-демократии. Он, не без основания, делает вывод, что «экономизм» является предтечей русского меньшевизма. Действительно, экономисты в процессе борьбы выработали ряд организационных и тактических принципов, которые в дальнейшем были использованы меньшевиками.

Нельзя закрывать глаза на то, что «экономизм» имел известные предпосылки, которые лежали в условиях развития промышленности России конца XIX века, что в значительной мере получило свое отражение в идеологии, развиваемой «экономистами». Тов. Астров в первой части своей книжки дает добросовестный анализ этих предпосылок «экономизма». Однако, эти объективные условия не смягчают историческую сущность ошибки «экономизма», а по-

жалуй, ее только подчеркивают и делают более яркой и выпуклой. Ибо что могло быть простительно рабочему только-только осознающему свои классовые интересы, то, конечно, непростительно тем, кто претендовал на роль вождей рабочего класса в России.

Книжка издана довольно опрятно.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД Р. С.-Д. Р. П. Сборник статей и материалов под редакцией В. А. Алгасова. К двадцатипятилетию со дня первого съезда Р. С.-Д. Р. П. Гос. Изд. Украины. 1923 г. Стр. 192.

Первый съезд нашей партии вызвал довольно большую литературу. Кроме изданий комиссии Октябрьской революции в Москве (Истпарта), вышли в свет издания и в провинции. К числу последних принадлежит и книжка Украинского издательства. Новых материалов сборник не содержит. Это—перепечатка старых статей и отрывков о первом съезде,—Б. Эйдельмана, В. Махновца, А. Крамера, Б. Горева, П. Тучапского и др. Собрано все, так сказать, существенное, что было известно ко времени издания сборника, и с этой точки зрения сборник дает довольно ясное представление о съезде и его работах. Вводная статья т. В. Алгасова точно так же не дает ничего нового, написана удовлетворительно, хотя по весьма понятным причинам не дает полной картины периода первого съезда: «по весьма понятным причинам», говорим мы, ибо совершенно прав т. Алгасов, что истории с.-д. кружков 90-х гг. еще нет, как нет истории кружков 80-х годов. Материалы по этому периоду только-только начинают разрабатывать. Этим и объясняются некоторые погрешности т. Алгасова: напр., третьим представителем Бунда на съезде назван Коссовский; теперь известно, что этим делегатом был рабочий Кац (см. «Красная Летопись», № 7); этим же объясняется и то обстоятельство, что т. Алгасов умалчивает о работе с.-д. группы П. Точисского в Петербурге рядом с Благоевым и что за чернопередельцами почти не признается никакой работы в России. А между тем ныне известно, что и благоевская группа и кружок Точисского выросли прямо из чернопередельческих петербургских кружков. Да и слишком резкую характеристику чернопередельцев, данную Марксом, следовало бы пояснить. Мы знаем, а Маркс не мог этого знать, что не страха ради уехали Плеханов и его товарищи за границу. Было бы, конечно, хорошо, если бы автор вводной статьи привел бы и литературу о первом съезде; тогда сборник мог бы служить хотя и не образцовым, но все же некоторым пособием, в особенности в провинции, в школе. В общем из довольно неудовлетворительной литературы о первом съезде сборник Укр. изд. все же выделяется, хотя и грешит некоторыми неточностями (до известной степени извинительными).

В. Невский.

РЕВОЛЮЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. Выпуск I. Истпарт. Гиз. Стр. 433. Москва, 1923 г.

П. НИКИФОРОВ. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. «Московский Рабочий». Стр. 64. Москва. 1923 г.

Первый выпуск материалов и документов, связанных с революцией на Дальнем Востоке, носит довольно пестрый характер и в редакционном отношении заставляет желать очень многого. Дальний Восток — огромнейшая окраина С. С. С. Р. Революционные события там находились в тесной связи с международной обстановкой Дальнего Востока, и вполне понятно, что составители сборника должны были бы дать соответствующее введение, которое ориентировало бы широкого читателя в этой международной обстановке, на фоне которой развивались революционные события борьбы дальневосточных рабочих и крестьян за утверждение власти советов.

К сожалению, вместо этого составители дали в большинстве случайный материал, который почти не увязан между собою. А те примечания, которые даны редакцией, зачастую искажают историческую правду. Так, в одном из примечаний к ст. Серошева (стр. 115) редакция

дает справку, что дальневосточники и в частности амурцы «всегда были против попыток образования общесибирского центра». Это неверно. В 1918 году на II Общесибирском Съезде Советов участвовали все советы Дальнего Востока, в том числе и Амурский совет. Представители последнего наравне с другими были избраны в Ц. И. К. Советов Сибири (Центросибирь) и там работали все время существования Центросибири.

Случайны статьи Е. Кандо «Экономическое и политическое положение современной Японии» и Г. Лебедева «Пять лет революционной борьбы на якутском фронте».

Наибольший интерес представляют два первых очерка, вошедших в сборник, Д. Бузина «О партизанско-повстанческом движении в низовьях р. Амура—1919—1920 гг.» и С. Серошева «Вооруженная борьба за власть советов на Дальнем Востоке». Тов. Бузин дает интереснейший материал, характеризующий ставший историческим так наз. «Николаевский инцидент», который до сего времени остается камнем преткновения при урегулировании русско-японских отношений. Статья т. Серошева интересна как воспоминания непосредственного участника вооруженной борьбы на Дальнем Востоке.

Надо полагать, что следующие выпуски материалов, посвященных революции на Дальнем Востоке, будут более продуманы в редакционном отношении и более систематизированы, чем это сделано в первом выпуске.

Книжка Никифорова представляет сборник «перехваченных» тем или иным путем документов, характеризующих замыслы международных империалистов на Дальнем Востоке. Документы очень интересные, порой сенсационные, особенно это касается документов, разоблачающих японских империалистов. Значительная часть этих документов была опубликована в мировой печати во время так наз. Вашингтонской конференции. Слабая сторона книжки Никифорова заключается в отсутствии комментариев к этим документам, что безусловно необходимо, так как некоторые из этих документов не только малопонятны для широкого читателя, но вместе с тем являются сомнительными для историка, ибо темно и сомнительно происхождение некоторых из них.

Во всяком случае опубликованные Никифоровым документы нуждаются в хорошем введении. Введение, сделанное автором, слишком схематично, чтобы восполнить этот недостаток.

Вл. Виленский (Сибиряков).

С. А. ПИОНТКОВСКИЙ. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. Истпарт. Гиз. Москва. 1923 г. Стр. 124. Тираж 15.000 экз.

За 6 лет, истекшие со времени Октября, накопилась весьма значительная литература, посвященная истории революции 1917 года. С одной стороны, есть несколько блестящих исторических этюдов, содержащих в себе марксистский анализ классовой борьбы в первый год революции («Классовая борьба и революция в России» Н. И. Бухарина, «Октябрьская революция» Л. Д. Троцкого). С другой стороны, накопилось огромное количество воспоминаний, документов, монографий, освещающих отдельные эпизоды 1917 года. Работы первого типа позволяют читателю выяснить в общих чертах движущие силы и значение Октябрьской революции, но дают чрезвычайно мало для ознакомления с фактической стороной событий. Работы же второго типа эпизодичны, отрывочны и лишь взятые в совокупности могут дать более или менее ясную, фактическую картину революции. Ясно, что читателю - неспециалисту совершенно не под силу одолеть всю эту груду сырого материала и разобраться в ней. Уже давно назрела насущнейшая потребность в издании связного очерка, который, с одной стороны, заключал бы в себе правильное марксистское освещение событий, с другой—знакомил бы с фактическим ходом Октябрьской революции. Иными словами, необходим такой же учебник по истории Октябрьской революции, какой недавно выпустил тов. М. Н. Покровский по истории революции 1905 года.

Книжка тов. С. Пионтковского не может считаться таким учебником. В ней нет смелых и оригинальных обобщений, какими так богаты работы Покровского; язык ее бледен, изложение сухо; наконец, она чрезмерно сжата. И, тем не менее, ее надо всячески приветствовать, как первую и пока единственную попытку дать связный очерк истории Октябрьской революции.

Охарактеризовав в первых двух главах экономическую и социальную эволюцию России с начала XX столетия до февраля 1917 года, тов. Пионтковский обрисовывает затем общий ход классовой борьбы с февраля по Октябрь и затем особо подробно останавливается на ходе самого Октябрьского переворота. Книжка заканчивается сжатым анализом первых шагов советского правительства и деятельности III Съезда Советов.

Социологический анализ тов. Пионтковского в общем правилен и совпадает с обычной большевистской трактовкой предмета. Возбуждают сомнение только некоторые отдельные места. Так, говоря о предвоенной русской экономике, тов. Пионтковский пишет: «За годы, протекшие после победы над революцией 1905 года, российский капитализм стал быстро переходить в новую стадию своего развития: возвышаясь от монополистического капитализма к государственно-монополистическому, он все более и более срастался с государственным аппаратом» (стр. 10). Эта точка зрения в применении к довоенному периоду является совершенно новой и, во всяком случае, нуждается в подробном обосновании.

Далее, говоря о «двуликости» Октября, с одной стороны, явившегося завершением буржуазно-демократической революции, с другой — началом социалистического переворота, тов. Пионтковский, в числе примеров буржуазно-демократических мер сов. правительства, приводит «Декларацию прав народов России». «Этот декрет, — пишет тов. Пионтковский,—по своему характеру является чисто буржуазным, и любое из временных правительств дооктябрьской России могло со спокойной совестью его издать» (стр. 115). Разумеется, в этом декрете есть элементы буржуазно-демократической реформы, но когда и какое буржуазно-демократическое правительство могло бы принять второй пункт этого декрета: «Право народов России на свободное самоопределение, *вплоть до отделения и образования самостоятельного государства*»? Усмотреть в «декларации прав народов» признаки «двуликости» Октября можно только в том смысле, что этот декрет заключает в себе *и* демократические *и* социалистические элементы.

Наконец, тов. Пионтковский совершенно напрасно поверил бредням Керенского (стр. 59 и 69), будто в Октябре правые элементы хотели свергнуть временное правительство руками большевиков, а затем уже расправиться с большевиками. Не имея возможности останавливаться здесь подробно на этом вопросе, я отсылаю интересующихся к своей статье «Октябрь в белогвардейском описании» (№ 21 (9) «Пролетарская Революция» за 1923 г.). Во всяком случае, монархические офицеры слабо поддерживали Керенского потому, что за ними не шли солдаты, а не потому, что сознательно допускали победу большевиков над временным правительством.

Наиболее ценна книжка тов. Пионтковского, как *сводка фактического материала*. Автор использовал множество книг, журналов, газет, в том числе совершенно недоступных среднему читателю газет 1917 года и мало распространенных провинциальных изданий. Особенно интересен богатый подбор цифр, иллюстрирующих рост большевистского влияния в городских думах и советах осенью 1917 года. С фактической стороны можно отметить только три существенных пробела: 1) отсутствуют интереснейшие цифры стачечного движения в 1914—1916 гг., 2) отсутствуют сведения о либеральной оппозиции и планах дворцового переворота в предфевральский период, 3) отсутствуют хотя бы краткие указания на ход борьбы с Донской Вандеей ко времени III Съезда Советов.

Нам еще придется ждать и, может-быть, долго ждать настоящего научного курса истории революции 1917 года, а пока книжка тов. Пионтковского, вместе с его превосходной «Хрестоматией по истории Октябрьской революции

ции», будет необходимым пособием для каждого, кто хочет ознакомиться с общим ходом Октябрьского восстания и его предпосылками. Г. Лелевич.

АЛ. АРОСЕВ. Как это произошло. (Октябрьские дни в Москве.) Воспоминания-материалы. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 62. Тираж 7000 экз.

Книжка тов. Аросева не является новинкой для читателя, знакомого с нашей историко-революционной литературой. Книжка не представляет из себя более или менее связного очерка, а состоит из ряда фрагментов, написанных разновременно и большею частью уже напечатанных в различных периодических и непериодических изданиях. Такое происхождение книжки не могло не отразиться на ее содержании: нередко встречаются повторения, нет цельности картины.

Из десяти вошедших в книжку фрагментов наибольшую историческую ценность представляет очерк «Материалы к истории Октябрьской борьбы», правда, дважды опубликованный ранее,—в журнале «Творчество» и в сборнике «Октябрьское восстание в Москве». В этом очерке приведен целый ряд собранных покойным тов. В. Тихомировым донесений белогвардейских командиров о ходе военных действий в Москве с 28 октября (ст. ст.) по 2-е ноября 1917 г. Это—первостепенной важности исторические документы, сохраняющие, так сказать, запах пороха и неоспоримо доказывающие, что организация боевых сил московских белогвардейцев в октябрьские дни была значительно выше организации сил московского пролетариата. Вообще отрывки из воспоминаний тов. Аросева устанавливают, что в дни Московского Октября, на стороне белогвардейцев была высокая налаженность аппарата при полной растерянности и безволии белых «масс», на нашей же стороне—величайший энтузиазм рабочих и солдатских масс при весьма слабой организованности. Чего стоит, например, такая картинка:

«Солдаты в эти дни действовали не столько по нашим распоряжениям, сколько по массовой своей мудрости.

«— Куда вы идете?—спросил я однажды солдат, увидав, как они строятся на Скобелевской площади в ряды.

«— А вон там, в Брюсовском переулке, нашим немного худо, так мы им на подмогу.

«— Кто же вам приказал?

«— Не знаю.

«И буквально никто из них не знал, кто же именно приказал выступать,— так сами и выступали» (стр. 11).

Совершенно естественно, что гигантский напор масс быстро сломил эс-эровски-юнкерское сопротивление, и приведенная картинка приобретает особый смысл в свете рассказа тов. Аросева о падении градоначальства, когда 300 белогвардейцев сдались красному отряду в 25 человек с тов. Саблиным во главе.

Главный интерес книжки Аросева, однако, не в документальной и фактической стороне ее. Она чрезвычайно полезна, как собрание сценок с натуры, бытовых штрихов, черточек и т. д. Аросеву часто удается показать решающие исторические события в их обыденности, приблизить их к читателю настолько, что он окунется в Октябрьскую обстановку (см., например, превосходное описание назначения Муралова, стр. 14—15). И, наоборот, совсем неудачны места, которые Аросев пытается выдержать в торжественном патетическом тоне (см., например, очерки «Пламенная площадь» и «Кремль»).

Совершенно напрасно Аросев включил в книжку главу о заседании Учредительного Собрания, не имеющую никакой исторической ценности и ничего не добавляющую к воспоминаниям Климушкина и Мстиславского.

В общем книжка тов. Аросева не расскажет начинающему читателю, «как это произошло», но читателю, знакомому с историей Октябрьских дней в Москве, она даст некоторые новые факты и много ярких бытовых сценок и штрихов. Историк же поблагодарит тов. Аросева за то, что последний облегчил его кропотливую работу, собрав под одной обложкой разбросанные по различным изданиям очерки.

Г. Лелевич.

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ. 1918—1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. С предисловием И. Майского. Гиз. 1923 год. Стр. 171.

Автор записок полковник Уорд, являясь представителем Англии в Сибири, в момент острой гражданской борьбы был одним из тех агентов Англии, которые поддерживали переворот в Омске, утвердивший в 1918 году пресловутого Колчака в роли «верховного правителя».

Неудивительно, что вся та часть записок английского полковника, кстати сказать, «бывшего рабочего», которая касается Колчака, полна дифирамбов последнему. В адмирале Колчаке «бывший рабочий» полковник Уорд видел «великого политического деятеля». История показала, что Уорд жестоко ошибся в надеждах, возлагаемых им на Колчака.

Зато «большевики» у полковника Уорда нашли другую характеристику менее лестную: «Они,—пишет он,— представляли кружок революционеров, связанных общей целью—грабежом и убийством каждого порядочного человека, будь то рабочий или буржуа, если только он отказывается поддерживать политику анархии. Эти пять или шесть определенных злодеев образовали что-то в роде кровавого братства, и, прикрываясь анонимностью, издавали приказы от имени русских рабочих, которым последние не могли сопротивляться, боясь применения грабительского террора».

Эта выписанная нами цитата из записок вполне характеризует понимание Уордом русской революции, которую ему пришлось наблюдать.

Наибольшую ценность записки представляют в той части, которая вскрывает закулисную сторону интервенции Сибири союзниками. Уорд рассказал довольно много фактов, которые характеризуют роль союзников в сибирской контр-революции. Начать с того, что Уорд сообщает о полученном им предписании в ноябре 1917 года быть готовым перебросить свой отряд из Гонконго во Владивосток. Вот, оказывается, когда Англия начала готовиться к интервенции Сибири! С другой стороны, Уорд очень много интересного рассказывает о внутренних взаимоотношениях союзного командования в Сибири.

Он рассказывает, как командования союзников взаимно боролись: на Дальнем Востоке—американцы с японцами; в Омске — англичане с французами. В этом отношении книга Уорда является очень ценным свидетельским показанием, которое поможет будущему историку сибирской интервенции разобраться в целом ряде фактов, ответственность за которые должны нести союзники.

Особенно убийственны показания Уорда в отношении Японии. «Я видел многое, убедившее меня,—пишет он,—что страна Восходящего Солнца была в то время более заинтересована в поддержании беспорядка, как наивернейшего средства для укрепления собственных честолюбивых намерений».

Плохи японцы, но и сами англичане в рассказах Уорда тоже выглядят мало привлекательно. Его записки подтверждают, что Нокс и Уорд были духовными отцами переворота 18 ноября, сделавшего Колчака «верховным правителем». А что стоила сибирскому населению колчаковщина—об этом русский читатель знает достаточно хорошо.

Перевод записок снабжен хорошим предисловием И. Майского, который вводит читателя в историю сибирской интервенции и позволяет ему правильно оценить факты, которых касается Уорд в своих записках.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ЛЕНИН И БРЕСТСКИЙ МИР. Статьи и речи Н. Ленина в 1918 году о Брестском мире. С вводной статьей и примечаниями Н. Овсянникова. Государственное Издательство. Москва — 1923—Петроград. Стр. 118. Тираж 10.000.

Составленная по материалам XV тома сочинений В. И. Ленина книжка т. Овсянникова заслуживает самого широкого распространения, как с точки зрения интересов правильного понимания истории Брестского мира, так, в особенности, с точки зрения выяснения той исключительной роли, которую сыграл в этом выдающемся эпизоде гениальный вождь Советской России.

Обстоятельная, при всей своей сжатости, вводная статья Н. Овсянникова дает общий обзор возникновения и хода переговоров с немцами и параллельно с этим излагает начало и развитие той борьбы по вопросу о тактике в деле заключения мира, которая разгорелась в Ц. К. Р. К. П. (тогда еще Р. С.-Д. Р. П. (б.) и в кругах ответственнейших большевиков. Затем следуют десять статей и речей Ленина. Эти статьи и речи снабжены достаточно полными и разнообразными примечаниями. Хронологическая таблица важнейших событий 1917 — 1918 гг. завершает книжку. Можно пожалеть об одном: т. Овсянникову следовало бы в виде приложения дать несколько характерных статей или выдержек из «Коммуниста», а также одну — две речи сторонников революционной войны «во что бы то ни стало». Правда, из полемических мест статей и речей Ленина читатель может получить некоторое представление о смысле и даже стиле выступлений противников заключения мира, но картина была бы все же полнее, если бы пред читателем было одно из таких выступлений, приведенное целиком. Вопрос шел о судьбе Советской власти, а с нею о судьбе русской и мировой революции: левые коммунисты доказывали, что заключить мир с немецкими империалистами значит дискредитировать большевизм, с одной стороны, и экономически закабалить Россию и тем свести на-нет завоевания революции—с другой. Поэтому надо вести революционную войну, как бы безнадежна она ни была, так как даже временная гибель Советской власти в России окажется могучим стимулом для развития революционных движений во всем мире. Против этой-то точки зрения, нашедшей едва ли не наиболее резкое свое выражение в резолюции Московского Областного бюро от 24 февраля 1918 года, и выступил Ленин, остававшийся долгое время в значительном меньшинстве по этому вопросу. Он с самого начала, как только выяснилась вся безнадежность попыток привлечь англичан, французов и американцев к заключению общего мира, и как только из первых же донесений Крыленко стало видно, что армия стихийно демобилизуется и абсолютно небоеспособна, со всею присущей ему беспощадной логичностью и решимостью стал настаивать на необходимости заключить мир с немцами, хотя бы и сепаратный: это и была знаменитая теория «передышки», так блестяще себя оправдавшая. Бесподобные по своей кристальной отчетливости и силе проникающей их диалектики «Тезисы о мире» (написаны 7 января, напечатаны в № 34 «Правды» 24 февраля 1918 года) со всею энергией развивали единственно трезвую и реалистическую линию политического поведения, возможную в тот ответственный момент. А между тем, при всей убедительной простоте и ясности этой линии, не так-то легко было ее найти и особенно провести в то потрясающее время: ведь впереди все было гадательно, а в качестве противников выступали не только левые соц.-революционеры, но и старые, ответственнейшие и крупнейшие большевики. Но, как заметил сам В. И. Ленин, la raison finit toujours par avoir raison—правда всегда берет верх,—и она взяла: прошло восемь месяцев, и 13 ноября 1918 года В. Ц. И. К. аннулировал Брестский договор.

Г. Гордон.

Г. В. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин. 1922 г. Стр. 120.

Автор—бывший начальник Отдела печати врангелевского генерального штаба. Сам себя Немирович-Данченко рекомендует человеком, обладающим «с одной стороны — юридическим образованием и административным опытом, а с другой—знакомым с земельным вопросом и пропагандой здоровых аграрных идей». Мы же, с своей стороны, добавим, что автор—монархист шульгиновского толка, антисемит, большой поклонник врангелевского военного таланта. При всем этом Немирович-Данченко не лишен способности освещать явления в тоне объективного наблюдателя, не чуждого, правда, настроений «лойяльной оппозиции».

Среди всей массы эмигрантской мемуарной литературы, посвященной пе-

риоду «крымского сидения», книга Немировича-Данченко выделяется разве только тем, что ее автор, занимая скромное место при Врангеле, и притом недолго, не успел нажить такого количества врагов, которое обязывало бы его полемизировать со своими противниками и сводить с ними счеты. Ему не в чем и оправдываться. Занимавшаяся автором должность позволила ему только два-три раза беседовать с Врангелем и в этих беседах установить, что «главнокомандующий» не высокого мнения о прессе, о журналистах и о пропаганде. Немировичу-Данченко оставалось только констатировать, что после «Освага» поправить дело было невозможно. Но этих бесед было достаточно, чтобы книга Немировича-Данченко проникласъ целиком стремлением выявить Врангеля как личность честную и «незаурядную».

Эта задача удается автору, однако, не легко. Он не может победить в себе «объективного наблюдателя» надолго. И время от времени личность «главнокомандующего» вырисовывается такой, какой, видимо, автор ее не хотел бы изображать: двусмысленное заигрывание с союзниками, с одной стороны, и с немцами (неудачная попытка) лицемерное и пифическое заявление о будущем «хозяине земли российской» (то-ли царе, то-ли учредилке), отсутствие какой-либо ясной линии во внутренней политике, вообще беспомощность в вопросах всякой политики, неограниченное честолюбие и радение родному человечку (в большинстве бездарному никудышнику)—таковы факты из деятельности «главкома», таковы отдельные черты Врангеля даже в благожелательной характеристике Немировича-Данченко.

Автор предусмотрительно умолчал о методах борьбы и расправы Врангеля с рабочими. Он отделался одним примером, который должен был продемонстрировать «гуманность» белогвардейской власти и который должен был доказать, что репрессии белых ни в какое сравнение с красным террором итти не могли. Эту гуманность белогвардейцев в Крыму доказывает, видите ли, тот факт, что председатель севастопольского Совпрофа меньшевик Канторович не был расстрелян, а был только сослан в Грузию. Но мы-то ведь знаем, что песенка—

От расстрелов стоит дым,—
То Слащев спасает Крым—

была сочинена севастопольскими рабочими при Врангеле неспроста.

Вообще говоря, стремление «облагородить» фигуру Врангеля осуществляется автором не совсем удачно. Ему приходится для этого выводить в мрачном виде ближайших сотрудников главнокомандующего, своей бездарностью способствовавших провалу врангелевских операций и политики. Бедному главнокомандующему, видите ли, не с кем было работать и не на кого было опереться, Даже правая рука Врангеля, Кривошеин, оказался ни на что не способным человеком. «А. В. Кривошеин,—пишет автор,—при всем его несомненном уме и дальновидности, был для маленькой территории Крымского полуострова слишком дорогой роскошью».

Вообще говоря, трагедия белого Крыма заключалась в том, что в нем оказалось слишком много больших кораблей, для которых не нашлось соответствующего плавания. Это—с одной стороны. А с другой—преклонный возраст неудачливых сановников.

«Неспособность работать на склоне лет по 20 час. в сутки в обстановке бивуака, вне привычного для них комфорта и служебной дисциплины, лишала их возможности поспевать во-время за событиями и проводить в жизнь нужную меру в нужный момент. Когда были необходимы единоличные быстрые решения, они, по старой памяти, цеплялись за авторитет тяжеловесных междуведомственных комиссий и, само собой разумеется, не могли соперничать в быстроте и ловкости рук со своими антиподами».

Говоря об этом, Немирович-Данченко приходит к выводу, что дело Врангеля было погублено перепроизводством губернаторов.

«Ведь было же время,—восклицает он,—когда вся территория В. С. Ю. Р. управлялась—и притом совсем недурно—одним губернатором и нормальным штатом чиновников губернской администрации! И это было тогда, когда

российская казна могла не стесняться в расходовании средств на управление и благоустройство Крыма—этой жемчужины юга России. В 1920 году было наоборот. При пустой казне (так говорил А. В. Кривошеин) в Крыму плодились и множились управления, отделы и канцелярии, наполненные бюрократами третьего сорта, жившими впроголодь и получавшими содержание в полторы—две турецкие лиры по курсу, влиявшему на крымскую дороговизну».

Но и давая такую суровую характеристику крымскому административному бедламу, автор все же — правда, не совсем удачно—старается выгородить Врангеля, которого «колпачили» со всех сторон и который (бедный Врангель!), оказывается, «похож был на героиню лафонтеновской басни с сыром во рту, под которым хитрые лисицы вершили свои дела под покровом льстивых фраз, пока сыр не выпал и не разразилась катастрофа».

Не менее беспомощен оказался Врангель и в своих попытках провести аграрную реформу и либеральный закон о волостном земстве. Вообще говоря, политическая физиономия военного рубаки и усмирителя «Калабуковской» Кубани—Врангеля довольно туманно обрисована в книге Немировича-Данченко. Но благосклонность автора к Врангелю основана, главным образом, на сознании, что главком—монархист. И если он вынужден временно играть в либерализм, то только потому, что к этому вынуждали его обстоятельства. А «обстоятельства» были такие, что от них не отвернешься: восстания крестьянства, деятельность «зеленых» отрядов, волнения среди рабочих, брожение внутри белой армии.

Закон о волостном земстве и земельная реформа рассматривались Врангелем и Кривошеиным как средство успокоить бунтующий мужицкий тыл и вызвать сочувствие у крестьянства по ту сторону фронта. Поэтому оба закона были облечены в шумливую форму манифестов. «Народу,—писал в манифесте Кривошеин,—не только будет предоставлена земля и все преимущества, связанные с ее обладанием, но и все права на участие в строительстве государства». Вся эта декларация, однако, самим Немировичем-Данченко оценивается, как «излюбленный кивок умного сановника в сторону демократической галерки». Вообще все эти демократические припарки прикладывались не один раз к воспаленному телу «юга России», но являлись они не чем иным, как свидетельством полной растерянности, подавленности и бессильного метания от жесточайшей реакции к либеральным заигрываниям с мужиком.

Покуда есть безработные белые генералы и безработные белые журналисты за границей, будет итти поток мемуарной литературы, будут восхваляться одни главнокомандующие и противопоставляться другим, будут рекламироваться «возглавители» и хулиться «блюстители» престола, будут новые и новые суетливые представления к производству или награждению. Этого единственного утешения, этой единственной услады—играть в «будущую Россию»—они не могут себя лишить.

С. Ингулов.

А. ШЛЯПНИКОВ. Семнадцатый год. Книга первая. Истпарт. Гиз. Москва. 1923 г. Стр. 348.

Книга тов. А. Г. Шляпникова является продолжением его известного двухтомного «Кануна Семнадцатого года». Подобно «Кануну», «Семнадцатый год» представляет из себя личные воспоминания автора, богато иллюстрированные и дополненные неизданными документами. Тов. Шляпников начинает с января и кончает 3 марта 1917 года.

В книге имеется чрезвычайно большое количество фактических и цифровых данных, характеризующих общий ход событий как самих февральских дней, так и предфевральского периода. С этой стороны Шляпников значительно дополняет и еще более значительно исправляет картину, нарисованную бесчисленными мемуаристами и «историками» (Милюков, Суханов, Деникин, Станкевич и мн. др.), писавшими о февральской революции. В высшей степени важны приведенные тов. Шляпниковым статистические данные об экономиче-

ском и продовольственном положении страны, а также о количестве и составе рабочих Петрограда накануне февральской революции. Эти цифры лучше объясняют причины февральского взрыва, чем все думские фейерверки, и облекают в плоть и кровь общие фразы о «разрухе», способствовавшей февральскому взрыву.

Подробно обрисовывается деятельность социал-патриотических группировок, в частности «Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленного Комитета» накануне революции. Социал-патриоты были сначала против всяких массовых выступлений. Когда же революционное настроение рабочих стало переливать через край, «военно-промышленные социалисты» пытались превратить рабочие выступления в жалкие придатки к «оппозиционным» выступлениям Думы. Несравненна оценка деятельности рабочей группы, данная либералами из «Военно-Промышленного Комитета», подчеркивавшего в своей резолюции «самое деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, занятых в предприятиях, работающих на оборону. При этом группа решительно высказывалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы» (стр. 38). Положительно сенсационно сообщение тов. Шляпникова, что *Чхеидзе, Скобелев, Чхенкели, Керенский имели связь с офицерски-либеральными кружками, готовившими дворцовый переворот.* «К. А. Гвоздев, бывший министр труда,—пишет т. Шляпников,—передавал мне впоследствии, что между их группой деятелей при Военно-Промышленном Комитете и фракцией Чхеидзе произошел разрыв на почве воззвания к выступлению в день открытия Государственной Думы. Скобелев открыто выражал свое негодование не только по поводу содержания воззвания и постановки вопроса о войне, но и по поводу самого факта его появления. Думские меньшевики боялись, что народное движение сможет расстроить планы дворцового переворота» (стр. 55). Неудивительно, что в разгар февральского восстания,—26 февраля 1917 г.,—оставшаяся на свободе часть членов «Рабочей Группы Военно-Промышленного Комитета» открыто высказывалась за окончание всеобщей забастовки (стр. 126).

В то время, когда Станкевичи, Сухановы, Керенские отрицали всякую возможность *массовой* революции в ближайшее время, только *наша партия ждала решающих битв.* Тов. Шляпников 11 февраля писал в Швейцарию большевистскому Центральному Комитету: «Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган...» (стр. 64).

Главная ценность книги Шляпникова в том и заключается, что она впервые (если не считать воспоминаний тт. Залежского и Каюрова в № 1 «Пролетарской Революции» за 1923 г.) вскрывает организующую роль нашей *большевистской партии* в февральских событиях. Страницы, посвященные описанию деятельности Бюро Ц. К. и П. К. накануне февраля и большевистской работе в армии, останутся навсегда первоклассными историческими источниками. Эти страницы показывают, что февральская революция явилась результатом не только стихийного недовольства, но и ни на минуту не прекращавшейся кротовой работы революционного подполья. Только полным отрывом от жизни этого подполья можно объяснить рассуждения Станкевичей и Сухановых о полной неожиданности февральской грозы.

Один только вопрос не получает в книге тов. Шляпникова должного разрешения. Это—вопрос о том, каким образом большевики, одни только, по утверждению тов. Шляпникова, обладавшие накануне Октября сильной всероссийской подпольной организацией, после свержения самодержавия оказались в меньшинстве в Петроградском Совете. Тов. Шляпников делает отдельные попытки выяснения этого вопроса. Так, описывая события 27 февраля, тов. Шляпников пишет: «Нас волновал вопрос о том, как пройдут выборы в Петроградский Совет. Собрание делегатов-учредителей показало нам, что наши товарищи увлеклись боевыми задачами и упустили выборы» (стр. 154). Точно так же 28 февраля члены П. К. рассуждали таким образом: «Некоторые товарищи высказывали предположения,

что слабое представительство наших районных организаций в Совете произошло потому, что наиболее передовые и решительные члены партии были увлечены всякого рода боевой работой и в пылу увлечения не заботились о выборах. Другие объясняли нашу слабость тем обстоятельством, что арестами 26 февраля нарушено было партийное руководство районами, и выборы шли неорганизованно. Все выступавшие товарищи искали объяснений, главным образом, в организационной стороне дела» (стр. 203). Очень важно также замечание, касающееся образования Солдатской секции Совета: «Была намечена и норма представительства—по одному на роту. Рабочие имели на каждую тысячу человек одного представителя, поэтому когда выдвигали предложение одного представителя от солдат на каждую роту, имели в виду запасные полки, в которых роты были по 1000 и более солдат. На деле же получилось очень широкое представительство для солдат, так как многие воинские части и командиры, хотя и с малым числом солдат, все же посылали по одному, а иногда и более представителей. И получилось огромное число солдатских представителей, в котором рабочие совершенно потонули» (стр. 193—194). Однако, все эти объяснения полного ответа не дают, и вопрос еще ждет своего исследователя.

Встречаются в книге фактические недочеты. Например, тов. Шляпников систематически называет народного социалиста Пешехонова эс-эром (стр. 19, 191 и 243). Далее, тов. Шляпников пишет, что Георгиевский батальон, прибыв в Петроград, перешел на сторону народа. Между тем Георгиевский батальон, не доехав до Петрограда, принужден был вернуться в Ставку. Далее, Совет Старейшин Думы вовсе не выносил постановления «Государственной Думе не расходиться», как утверждает тов. Шляпников, а ограничился решением не разъезжаться из Петрограда (см. Милюков—«История второй русской революции». Киев, 1919 г., стр. 24).

Несмотря на эти—совершенно незначительные—недочеты, книга Шляпникова является одним из основных источников для истории февральской революции, и остается только пожелать скорейшего выхода в свет последующих томов.

Г. Лелевич.

П. Е. ДЫБЕНКО. Мятежники. Издательство «Красная Новь. 1923 г. Стр. 111.

Небольшая книжка эта является чуть ли не первым более или менее полным историческим очерком из революционной жизни нашего красного флота, в котором один из активных участников Октябрьской революции П. Е. Дыбенко дает реалистически-живописные картины как предфевральской подпольной революционной работы моряков, так и активного участия матросских масс в февральской и октябрьской революциях.

В воспоминаниях других историко-описателей приводились иногда лишь отдельные эпизоды из революционного движения работников моря в октябрьские дни—«Аврора» и т. п., но эпизоды эти очень разрозненны, отрывочны и потому не могут дать такого ясного представления о роли моряков Балтфлота и Черноморья в великом деле нашей революции, как эта очень интересная книжка. Написана она в несколько эпических тонах, но вместе с тем пропитана тонким, свойственным автору, украинским юмором, особенно в тех частях, где он касается «героев» империалистической войны или разных авантюр «Александра Федоровича» Керенского. Но юмор этот нигде не нарушает правды исторического повествования, за исключением разве нескольких мелочей.

Книжка очень удачно разделена на небольшие части, охватывающие в сжатой форме тот или другой период революционной борьбы, главным образом, героических масс, начиная с описания кануна империалистической войны, когда в воды Балтийского моря прибыла англо-французская «дружественная» эскадра вместе с Пуанкаре «для заключения союзного договора», как информировал матросов «Бакинский морской вестник».

С этого момента у моряков «мрачные мысли нависают...» Становится ясно,

что «не вырвешься из этой проклятой кабалы...» И, действительно, вскоре «раздались первые раскаты орудий и треск пулеметов. Полилась потоками кровь...» «Нас не спрашивали: хотим мы воевать или нет».

В нескольких небольших главках первой части очерка «До февральской революции», кроме очень удачной передачи тяжелых и мятежных настроений матросов—рабов царского времени, автор дает описание их восстания на дредноуте «Гангут» и пораженчески-революционного движения на других кораблях под руководством только что образовавшихся матросских революционных групп, не успевших еще установить «полный контакт с кронштадтскими и питерскими организациями».

Моменты «Февральской революции» и возникающие параллельно с нею предиюльские пролетарско-революционные настроения также очень хорошо переданы в этой части. Дальнейшие картины предоктябрьского революционного движения все шире и глубже развертываются в частях «Первые дни Керенщины», «Июльские события» и «Перед грозой». Автор с несомненным мастерством выявляет все увеличивающийся рост пролетарского революционного сознания масс, становящихся в непримиримую оппозицию коалиционному правительству и стремящихся завоевать «всю власть Советам», особенно подчеркивая крупную роль в этом матросов Балтфлота во главе с «Центробалтом»—этим по существу Военно-Революционным Комитетом, не признававшим соглашательского «Центрофлота». Черноморский флот в это время бегал еще на запятках правительства Керенского, пытаясь подавить все революционные порывы балтийцев к установлению пролетарской диктатуры. Не мало потратили усилий балтийцы прежде чем добились от черноморцев понимания—на чьей стороне правда.

С любовью отмечает автор роль первого революционного «адмирала» Максимова, любимца и избранника матросов, а также крупную в революционном движении моряков фигуру Антонова-Овсеенко, одного из главных героев и вождей Октябрьского переворота в Питере. Много интересных эпизодов, связующих все в цельную историческую картину и характеризующих важнейшие моменты перелома революции от Февраля, через неизбежный Июль, к победоносному Октябрю.

Нельзя не привести в сокращении маленького эпизода из посещения председателем «Центробалта» П. Е. Дыбенко тов. Ленина во дворце Кшесинской перед Июльскими днями с целью выяснить его отношение к стихийно нараставшему революционному вихрю:

«...Спрашиваю: можно ли Ленина видеть?»

«А вы кто такой?»—«Я председатель Центробалта».

«...Из соседней комнаты выходит человек средних лет, среднего роста, с улыбкой на лице; внимательные с усмешкой глаза.—«Это Ленин».—Подхожу к нему:—«Разрешите получить указание и информацию для нашей работы, а то много ходит слухов о готовящемся вооруженном выступлении».—Узнаю, что предполагается только демонстрация.

— «Уж тут следите сами,—сказал Ленин.—Но, смотрите, не набедокурьте, а то я слышал, что вы там с правительством не ладите. Как бы чего не вышло...»

— «Ничего, Владимир Ильич, это наговоры, мы люди скромные и вперед батьки в пекло не полезем».

Питерское восстание вспыхнуло. «Немедленно послать корабли на поддержку Петрограда и Кронштадта с требованием передачи власти в руки Совета Рабочих, Солдатских и Флотских депутатов»—гласила резолюция, немедленно принятая Центробалтом.

Центробалт был разогнан, много матросов расстреляно. Дыбенко, Антонов-Овсеенко и другие участники восстания Балтфлота очутились в «Крестах».

Три последние части очерка «Красный Октябрь», «Гатчина», «К новым боям», «Смерть учредилки» написаны с неменьшим подъемом и свежестью в изложении исторических фактов.

Не могу воздержаться, чтобы не привести здесь еще одного эпизода, связанного с воспоминаниями о дорогом каждому из нас имени Ильича. Тем более, что он очень характерен: об отношении к гражданской войне.

«Поднимаюсь во второй этаж Смольного, — рассказывает Дыбенко.—С трудом разыскиваю комнату заседания Совета Народных Комиссаров. Маленькая плохо освещенная комнатка... Луначарский, за ним Зиновьев и некоторые другие горячо, с раздражением доказывают невозможность удержать власть без меньшевиков, отстаивают необходимость создания коалиционного правительства».

«Гражданская война началась, льется народная кровь. Нужно сегодня же решить вопрос и начать переговоры с меньшевиками».

За столиком, в стороне, опершись на руки, сидит Владимир Ильич, спокойный, с иронической улыбкой.

«Ну, дальше, дальше!.. Все?.. Вы испугались революции?.. Вы боитесь, что не удержите ее?.. Рабочий и солдат ее начал, он ее и удержит. А я предпочитаю остаться с двадцатью стойкими рабочими и матросами, чем с тысячью мягкотелых интеллигентов». (Подчеркнуто мною. *К. З.*)—«Ленин неожиданно покидает комнатку... Недоумение пробегает по лицам... На другой день уже всем было известно, что точка зрения Владимира Ильича победила. Владимир Ильич глубокой проницательностью и уменьем глядеть в будущее спас Октябрьскую революцию».

В «Гатчине» выявляется ответственнейшая роль Дыбенко, которого в качестве «парламентария» в весьма опасный момент отправили в стан Керенского-Краснова. Ему удалось не только дипломатически и мужественно провести и казаков и ударников, арестовавших Краснова и перешедших на нашу сторону, но и навеки опозорить «Александра Федоровича» тем, что он «страха ради» принужден был предательски и позорно бежать в дамском платье «от мести своего злейшего врага — Дыбенко». Глава временного правительства был политически убит этим матросом.

Вскоре после этого другой матрос Виктор Железняков также политически убил другого эс-эровского проходимца Виктора Чернова, заставив его прикосновением руки по плечу оставить навсегда «долгожданный Всероссийский Парламент».

В этом отношении тов. Железняк *немного* разошелся с тов. Лениным, исполнив, как говорит П. Е. Дыбенко, «приказ Октябрьской революции».

Книжка издана очень недурно, иллюстрирована, хотя и несколько неясными технически, гравюрами, с хорошей агитобложкой под лубок.

К. Злинченко.

ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ.

1. Хрестоматия материализма. Французские материалисты XVIII века. Вып. I. *С. Кривцов.*—**2. Р. ПИКЕЛЬ. Великий материалист древности (Демокрит).** *Г. Баммель.*— **3. Л. ВОЙТОЛОВСКИЙ. Очерки коллективной психологии. Часть I. Психология масс.** *И. Ильинский.*—**4. Проф. А. ЛАЗУРСКИЙ. Классификация личности.** *М. Рейснер.*

ХРЕСТОМАТИЯ МАТЕРИАЛИЗМА. Французские материалисты XVIII в. Выпуск 1-й. Бог, природа и человек. Под ред. и с предисловием проф. И. С. Плотникова. Изд. «Прибой». ПБ. 23 г. Стр. 240.

Боевой французский материализм является одним из непосредственных предшественников марксизма. Н. Ленин («Маркс», изд. «Прибой», стр. 12) определяет марксизм как «материалистическое понимание истории или, вернее, распространение материализма на область общественных явлений». Отсюда понятно то внимание, какое мы уделяем французскому материализму в наших семинарских занятиях по историческому материализму в вузах и партшколах.

На основании опыта нынешнего года мы можем сказать, что хрестоматия, составленная т. Плотниковым, удовлетворяет задаче дать в руки учащегося, незнакомого с языками, хорошее пособие, которое ознакомило бы его с подлинными мыслями этих «разрушителей небес» XVIII столетия. При чем особым достоинством является то, что хрестоматия дана систематически, почему читатель может получить представление о том, как постепенно заострялась мысль французского материализма по каждому вопросу, начиная с робких на наш взгляд попыток подойти к этим вопросам Вольтера, который в глазах наибольшего количества людей ведь как раз и является синонимом материализма и атеизма. Вспомним только русских вольтерианцев. Хрестоматия разбита на следующие разделы: 1—Историческая подготовка французского материализма XVIII ст., сюда вошел Вольтер. 2—Общие взгляды на значение философии—даны четыре отрывка из Ламетри и Гольбаха. 3—Философская теория материи (Ламетри, Дидро и Гольбах). 4—Учение о законах природы, необходимости и свободе воли (Гольбах и Даламбер). 5—Тело и душа (Ламетри, Дидро и Гольбах). 6—Гносеология материализма (Ламетри и Кондильяк) и 7—Бог и мир (Дидро и Гольбах). Всего дано 22 отрывка, дающих в своей совокупности представление о системе французских материалистов и показывающая вместе с тем с помощью предисловия и соответственной литературы основной недостаток его—механистичность. Настоящий том посвящен философии, второй выпуск будет освещать их общественную теорию. Повторяем, издание очень полезное и составлено хорошо, конечно, можно было бы кое-что добавить, например, совершенно не отмечено учение Дидро об эволюции, почему в нем видят предшественника Дарвина и в чем он резко отличается от своих сотоварищей по Энциклопедии. Но издано торопливо и потому немало небрежностей, начиная с самого заглавия выпуска: «Бог, природа и человек»; собственно богу в этом вып. из 22 отрывков посвящены только два, а такое название может привлечь читателя, подумавшего здесь найти непосредственный материал для антирелигиозной пропаганды. Наконец, в синхронистической таблице, составленной небрежно, нет вовсе Гольбаха, имя которого также не указано при «Здравом смысле» ни в самой статье, ни в оглавлении, хотя в то же время в хронологическом перечне эта статья стоит под его именем. Затем следовало бы дать указатель литературы, что читать об этих философах. Думаем, что эти мелкие промахи будут исправлены к следующему изданию, так как книге надо пожелать самого широкого распространения.

Ст. Кривцов.

Р. В. ПИКЕЛЬ. Великий материалист древности (Демокрит). С предисловием Л. И. Аксельрод (Ортодокс). «Новая Москва». 1923. Стр. 113.

Живейший интерес, с которым подходишь в настоящее время ко всякому историко-философскому исследованию, столь редкому у нас, в марксистской литературе, должна была бы вызывать и книжка т. Пикеля, сразу обостряется после двух удивительно глубокомысленных эпиграфов. Один эпиграф из Ф. Бэкона: «Философия Д. заслуживает того, чтобы мы отомстили за ее забвение». Другой эпиграф из доброго, всегда готового к услугам, Ф. Ланге: «Демокрит должен быть причислен к величайшим между великими мыслителями древности». Бедные потревоженные тени!

Но если я начал с эпиграфов, можно ли обойти молчанием «введение» т. П.? В самом сжатом виде я могу высказать следующие замечания.

Во-первых. Если «натурфилософия... в буржуазной философии находится на задворках, на положении падчерицы», а «метафизики и эклектики за версту старались ее обходить», то непонятно, почему эта же самая «натурфилософия далека от марксизма, часто даже приводила в теории к идеалистическому миросозерцанию и на практике к реакционной политике»? Очевидно, понятие «натурфилософия» не столь просто, ибо она не является «единственной» «правильной» исходной точкой при научном анализе, как думает т. П.

Во-вторых. «Насколько нам известно, не только в русской, но и в иностранной историко-философской литературе это первая попытка дать самостоятельную работу о Демокрите. Если об Аристотеле и Платоне написаны во всех странах сотни книг, то о Демокрите, кроме десятка статей, ничего нет». Нам не зачем доказывать, что говорить так, в такой безоговорочной форме, по меньшей мере, преждевременно. У Иберверга, в его Grundriss'e (изд. 1920, а не русск. пер. 1876, который цитируется автором), можно найти литературу о Демокрите, именно специально о нем, и не только статьи, но и крупные монографии, среди которых, правда, у него отсутствуют работы последних трех лет. Далее автор пишет: «Великий материалист древности еще ждет своего Плутарха и, конечно, не в наши дни, когда из сочинений Демокрита нам известны ничтожнейшие отрывки только некоторых, а об остальных мы знаем только по названиям, писать исчерпывающую монографию». Не в наши дни... Не думает ли т. П., что сочинения Д. еще являются предметом археологических раскопок? Не надеется ли он, что настанут дни, когда мы будем располагать полным собранием сочинений Д. Это—о «введении». Теперь о книге.

В первой главе т. П. трактует вопрос о «социально-экономическом развитии Греции в VII—V веке до Р. Х.». Живое, аргументированное конкретными фактами изложение создает целостное впечатление, и у читателя остается довольно полное представление о социально-экономической истории Греции в VII—V веке. Эта глава могла бы быть прекрасным введением в популярный учебник истории греческой философии. Но в работе о Д. она требует весьма существенных поправок. Д. был ближе к ионийским колониям, чем к Греции. Путешествия не могли не сталкивать его с хозяйственным и политическим опытом восточных народов. Ионийцы, в свою очередь, находились в теснейшей связи с северным побережьем Эгейского моря. И если историю ионийских колоний, конечно, нельзя понять вне истории Греции, то историческую обстановку, в которой выросло мировоззрение Левкиппа и Демокрита, нельзя понять без тщательного изучения культуры восточного побережья Эгейского моря.

Вторая глава — «Развитие греческой философии до Д.» страдает тем, что *о развитии* греческой философии в ней речь идет лишь в заглавии. Изложение ведется по следующей—общепринятой, впрочем—схеме: «Фалес называл первичным веществом воду... Анаксимандр не считал возможным, чтобы подобного рода первичное вещество могло встречаться... Анаксимен выбрал воздух... Пифагор воспринимает от Анаксимандра понятие о первооснове... В учении элеатов впервые четко проводится грань между философией природы и философией познания... Парменид исправляет недостаток своего учителя... В заключение обзора элеатского учения следует остановиться на Зеноне... Блестящая плеяда позднейших (?) натурфилософов открывается Гераклитом. Он—основатель так называемой философии становления»... и т. д., и т. д. Всеми выписанными здесь фразами начинается изложение каждого философа в отдельности. Никакой объединяющей идеи, никакого обобщающего метода, никакого прагматизма в анализе, никакой «истории»!

В третьей главе, излагающей «атомистическое учение в философии до Демокрита», также есть много спорного. Автор подробно останавливается на индийской философии, пользуясь книгою Мабильо, но ни в этой, ни в предшествующей главе («Развитие греческой философии до Д.») он ни слова не говорит о том, что же собственно вошло в атомистику Д. от его предшественников. Автор ограничивается указанием, что Д. «отобрал зерна от плевел и, сохранив все драгоценное, дал поразительную»... и т. д., и пр. Во-вторых, Мабильо далеко не авторитетная величина в этих вопросах. Это известно мало-мальски сведущему в литературе читателю. В-третьих, не совсем серьезно звучит указание, что приходится пожалеть только о недостаточном исследовании и знакомстве наших историков и философов с «индийской философией». Не говоря уж об «Indische Studien» Альбрехта Вебера, можно указать целый ряд

фундаментальных исследований в этой области, не принятых во внимание автором, слишком слепо идущим за Мабильо, и утверждающих как раз обратное—именно, что атомистика в Индии объясняется заимствованием из Греции! Впрочем, это отвечает тому кругу источников, которым пользуется он. Вот эти источники. С. Трубецкой «Курс истории философии», статья С. Трубецкой в Энцикл. словаре Брокгауза и Ефрона, т. 18, статья М. Хвостова в Энцикл. слов. Граната, краткий курс Целлера «Очерк ист. греч. философии» (русск. пер. 1913), русск. издание 1876 г. Ибервега «История греч. философии», статьи С. Гогоцкого в его «Философском лексиконе» (1861), книга Редкина «История философии» (1889), статья Корсунского в журн. «Вера и Разум» (1855), статья Бертло в «La grande encyclopedie», русск. пер. Риттера «История философии» (1839), Ланге «История материализма» (1899), две цитаты из «досократиков» Маковельского и одна из Гейберговского издания Архимеда. Тут комментарии излишни.

Подобный круг «первоисточников» отражается и на 4-й главе: «Философия Д.». Первая часть—«жизнь Д.»—полна совершенно фантастическими фактами. Касаться их я не буду, ибо пришлось бы опровергать почти каждую строчку. Нельзя не отметить только: 1) что «миросозерцание»—переведено неправильно (вместо «миростроения», это—мелочь, но что означает «великое и малое миросозерцание»?), 2) что 80 олимпиада приходится на 460—457 гг. до Р. Х., а не на 480—470 гг., 3) что если Ксеркс был в Абдере «между 450—470 гг.», то он не мог оставить воспитателей для Д., родившегося в 460 году, и, наконец, 4) что «собрание фрагментов Д.» в издании Муллаха (1883) ни в коем случае не может быть использовано в книге о Д. (а т. П. ведь все-таки написал книгу о Д.), не привлекая текста, обработанного Дильсом. Собрание Муллаха весьма неполно и некритично (хотя я и признаю несколько преувеличенным общепринятое в литературе строго отрицательное отношение к нему). Это признает также и Гомперц, у которого т. П. добросовестно списывает, не называя его имени (напр., вся стр. 64). Я не буду касаться также изложения философии Д.: оно проводится в том же духе, в каком написана глава о «философии до Д.» и о котором было уже выше сказано. Получается какая-то мозаика, лишенная внутреннего систематического единства и не создающая цельного впечатления у читателя. То же самое следует сказать и о последней главе: «Развитие атомистики после Ц.». Не имея ясно осознанного понятия о генетическом, диалектическом методе исследования, автор следует, если так можно выразиться, «биографическому» способу изложения.

Я думаю, что мои замечания не умаляют по существу значения книги, которая есть, несомненно, плод самостоятельной работы мысли. Выбросив весь греческий текст ее, можно было бы обработать в качестве, если не исследования (для этого необходимо знакомство с первоисточниками, которого у автора нет, вопреки замечанию тов. Аксельрод в предисловии к книге), то популярного очерка из истории научного мировоззрения. Для этого у автора имеются все данные, и ручательством за это может служить блестящее, по удивительному богатству выраженных в нем мыслей, предисловие, которое принадлежит перу такого выдающегося представителя марксистской философии, каким является тов. Л. И. Аксельрод-Ортодокс.

Григорий Баммель.

Л. ВОЙТОЛОВСКИЙ. Очерки коллективной психологии. Ч. I. Психология масс. М. Гиз. 1924 г. Стр. 87. Тираж 7000.

Интерес к психологии за последнее время становится в марксистской теории весьма актуальным. Литература русского марксизма может указать целый ряд произведений, посвященных вопросам общей психологии (Корнилов, Шпильрейн, Залкинд); в других (работы М. А. Рейснера) настойчиво выдвигается психологический момент в теории исторического материализма, а также в учении о праве и государстве. Широко использованы данные психоло-

гии в оригинальных статьях венгерского марксиста Пауля Шенде (Arch. f. Geschichte des Socialismus, 1922; Arch. f. Socialwissenschaft, 1923). С этой точки зрения появление очерков т. Войтоловского, вплотную подходящих к важнейшим проблемам психологии масс, вполне своевременно. Автор—литературный критик, пользующийся значительной известностью на юге России, с первых же страниц устанавливает определяющие его исследование строго марксистские предпосылки. «Экономическая структура каждого класса дает направление его духовному творчеству» (13). «Все цели, стремления и планы, из которых слагается история, нераздельно связаны с процессом общественного производства» (13) В подчеркивании этой связи автор хватает даже через край. По его словам, например, «в содержании каждого исторического события можно открыть *прямую* зависимость от строения и организации производства». Нужно ли говорить, что зависимость эта сплошь да рядом бывает весьма *косвенной*, что экономика отражается в философии, литературе, искусстве, пройдя предварительно через преломляющую среду политики, права и пр. Но в общем интерпретация г. Войтоловским исторического материализма научна и далека от преподносимых под флагом сверхортодоксии квазимарксистских вульгаризаций.

Л. Войтоловский ставит себе весьма серьезные задачи. Он сознает, что социальная психология должна быть наукой более сложной, чем астрономия, но тем не менее рассчитывает в понимании соответствующих фактов выработать точный язык и найти точные научные реактивы (16). Положение автора ухудшается еще тем, что, как он находит, работа научной мысли в этом направлении «не только не исполнена, но даже еще не начата» (17). Труды Тарда, Сигеле, Лебона, Жоли страдают схематическим единообразием и неглубоким отношением к изучаемому предмету. В лучшем случае они удостаиваются лишь беглой и пренебрежительной критики со стороны г. Войтоловского. Учение Тарда, по его мнению, относится к числу гипотез, в основе которых лежит «бесплотная фикция, алхимия *коллективной души*» (21). Рядом с этим психология массы, по Тарду, «сводится к психологии *героической единицы*, овладевшей вниманием толпы и использовавшей ее подражательную покорность» (20). Читатель, который затрудняется так легко примирить гипотезы «коллективной души» и «героической единицы», и обратится непосредственно к Тарду, будет приятно разочарован. Из предисловия этого писателя к русскому изданию «Социальных этюдов» (1902), он узнает, что Тард категорически отвергает химерическое представление о коллективной душе, а из очерков «Толпа и публика» и «Преступность толпы» убедится, что у Тарда нет ничего похожего на сведение психологии толпы к психологии героической единицы, использовывающей подражательную покорность окружающих. Более того, у французского социолога встречаются попытки связать психические свойства толпы с ее классовым составом (особенности крестьянской, промышленной толпы и т. д.).

Не лучше обстоит с критикой теории Михайловского, которую наш автор ставит выше всех других, не скупясь для нее на самые лестные характеристики: «глубокое искусство», «полнота использования материала», «вполне научные исследования», «блестящее проведение добытых выводов в сознание русского общества» (21). После таких предварительных аттестаций читатель с удивлением наталкивается на следующую передачу рассуждений Михайловского: «Стоит только появиться отважному и уверенному «герою», и темная, отсталая, невежественная, но глубоко подражательная крестьянская масса забудет все свои суеверия и самоотверженно подчинится его призывам» (26). Что же здесь вполне научного? Какой ученый и просто мыслящий человек возьмет на себя ответственность за этот продукт романтического фразерства, влагаемый г. Войтоловским в уста автору «Борьбы за индивидуальность»? Между тем Михайловский усердно предостерегает против такой фальсификации его мыслей, указывая, что в его значении «герой» может быть и полоумным, и негодяем, и глупым, нимало не интересным. Это

просто человек, который первым «ломает лед» (Н. К. Михайловский. Соч., т. II, стр. 100). Т. Войтоловский умудрился найти у Михайловского даже аристократическое полупрезрение, полунедоверие к черни, к толпе, к дрянному песку, попираемому ногами и ожидающему своих Ньютонов и Галилеев (27). Много ошибок можно, конечно, обнаружить у покойного идеолога и вождя народничества, но «презрение к черни» впервые найдено у него т. Войтоловским, и с этой находкой нашего автора никак нельзя поздравить.

Не менее легко Л. Войтоловский разделывается с теорией эмоций Петражицкого (эмоция эхоластической мудрости—60). На расчищенной таким образом почве автор начинает воздвигать собственное здание. Результатом его изысканий является убеждение, что существует «особая сила—сила масс, создаваемая толпою. Проявление этой силы сопровождается *приливом животной энергии*, а следовательно, и питательных процессов в организме каждого из участников толпы, под влиянием чего происходит трансформация темперамента, и вся толпа становится добычей эмоциональной заразы» (63). Пребывание в толпе, поясняет в другом месте г. Войтоловский, связано с подъемом силы и бодрости и вообще с подъемом всего духовного самочувствия (44). Отсюда и определения толпы, которые автор считает, повидимому, «точными научными реактивами»; «ряд коллективно-согласованных действий, продиктованных единством настроений и целей; одна из форм совокупной работы, согретой общим усилием достижения» (64).

Два последних определения не отличаются удобопонятностью. Толпа не есть, конечно, ни ряд действий, ни форма работы. Прежде всего она является скоплением людей, и только совершив вопиющее насилие над обычным (и научным) словоупотреблением, можно оторвать это слово от его подлиннейшего содержания. Внося в понятие толпы целевой элемент («единство целей»), Л. Войтоловский существенно нарушает собственное же представление о стихийном, полусознательном характере толпы. Подводя под это понятие и совокупность людей, разбросанных на протяжении многих верст по самым различным углам, но объединенных общностью воззрений и идеологии (члены одной и той же партии), наш автор смешивает совершенно различные вещи (33). У пренебрегаемого им Габриэля Тарда он смог бы поучиться тонкому и остроумному разграничению толпы и публики, из которого французский ученый делает весьма ценное и плодотворное употребление. Теория о повышении бодрости и самочувствия в толпе расходится с общеизвестными фактами паничности и легкой угнетаемости толпы (во время пожара, беспорядочного бегства и т. п.). Наконец, автор не вносит ни единой новой черточки в объяснение единодушия толпы и в сущности повторяет трактуемую им в качестве вульгарной гипотезу заразы, предпослав ей громковещательную и ничем не обоснованную мысль о трансформации темперамента (чем это лучше «подавления индивидуальности» у Михайловского?).

Книга Л. Войтоловского — типический продукт дилетантизма. Ultima ratio для автора — теория эмоций Ланге-Джемса далеко перешагнула уже бальзаковский возраст в науке. Л. Войтоловскому, очевидно, остались неизвестны новейшие учения рефлексологии и объективной психологии (Бехтерев, Павлов и др.), переводящие на новые рельсы весь метод науки о фактах сознания. Аподиктическое утверждение о полном отсутствии полового чувства в основе хлыстовщины (75) возможно, конечно, лишь в устах человека, незнакомого со сделавшими эпоху исследованиями Зигмунда Фрейда. Л. Войтоловский сгруппировал в своих очерках несколько новых интересных фактов. Изложение образно и занимательно, хотя разжижено изобилием повторений. Повидимому, автор мог бы дать живо написанные очерки в области социологической разработки некоторых произведений художественной литературы. Такая работа была бы интересна и нужна, что затруднительно сказать о настоящей книге, написанной, видимо, наспех и без достаточной научной подготовки.

И. Ильинский.

Проф. А. Ф. ЛАЗУРСКИЙ. Классификация личностей. Издание второе под редакцией М. Я. Басова и В. Н. Мясищева. Госиздат. М.—П. 1923. I—368.

Второе издание посмертного труда А. Ф. Лазурского показывает, бесспорно, на растущий интерес к психологическим вопросам. Специально успех книги покойного врача, психолога и педагога объясняется и тем обстоятельством, что при крайней бедности новейшей литературы по социальной психологии труд Лазурского хочет дать классификацию «психосоциальную в широком смысле этого слова» и ставит в основу угла «активное приспособление личности к окружающей среде» (12). Задача чрезвычайно благодарная, которая, в особенности в наше время крупных социальных сдвигов и перегруппировок, приобретает особенный интерес. Не надо забывать, что «классификация личностей» неоднократно привлекалась к построению различных социально-политических вопросов и до некоторой степени приобрела печальную известность. Именно на этой почве всегда происходили битвы между сторонниками прирожденной иерархии людей и приверженцами благоприобретенных различий между ними. И поскольку первые — начиная с великого аристократа Платона — на наследственности рабской природы обосновывали справедливость социального угнетения, настолько же вторые в уродующем и искажающем влиянии социальной среды видели основание для борьбы за освобождение угнетенных. Достаточно вспомнить здесь хотя бы то, что писал в свое время Маркс о влиянии разделения умственного и физического труда, о мануфактурном закрепощении рабочего кабале «частичной» специализации, о «сельском идиотизме» и т. д. Волей-неволей, а вопрос о классификации личностей при социальной точке зрения переходит в вопрос о «психосоциальной» их классификации, а отсюда совершенно последовательно—и социально-политической.

Если мы теперь действительно попробуем рассмотреть труд Лазурского с им самим поставленной точки зрения, то мы должны будем установить некоторые довольно крупные его недостатки, и притом зависящие не от того, что автор, унесенный смертью в разгаре своей творческой деятельности, не успел закончить своего труда, а просто потому, что он не сумел или не смог провести последовательно и систематически свою точку зрения. Уже в постановке самого вопроса о классификации «личностей», а не общественных типов (Маркс сказал бы—экономических и социальных ролей и масок), сказывается основной дефект автора. Ибо самое понятие «личности», по его же собственным данным, оказывается настолько шатким, что для «психосоциальной» теории оно теряет всякое значение. И в самом деле, что составляет лежащую в основе классификации «личность»? Согласно указаниям автора в личности мы наблюдаем две стороны: во-первых, называемую им «эндо-психику», которая заключает в себе «нервно-психическую организацию» человека, его «внутренний механизм». И хотя «совершенно неправильно думать, что все решительно эндо-черты являются прирожденными (унаследованными)», однако все же «такое соотношение можно считать безусловно преобладающим», т.-е., значит, «безусловно преобладающая» часть эндо-психики оказывается прирожденной и наследственной. От эндо-психики отличает Лазурский «экзо-психику», при чем под нею он понимает такие проявления психики, которые отражают на себе «в большей или меньшей степени внешние окружающие человека условия, ту обстановку, среди которой он живет и действует». Содержанием экзо-психики являются отношения человека к окружающей его среде. Спрашивается теперь где же мы должны искать ту «личность», которая подлежит классификации. Очевидно, не в экзо-психике, так как эта последняя представляет собой результат не столько деятельности личности, сколько объективных внешних условий. Остается, таким образом, именно эндо-психика, которую наш автор в действительности и признает «ядром человеческой личности», охватывающей его основной «внутренний механизм» и пользующийся в своей деятельности «относительной независимостью» (41—17).

Но такого рода положения делают самую «личность» весьма сомнительной в самом ее происхождении, так как не секрет для каждого, что именно в своем происхождении личность менее всего независима, и раз дело идет тут о наследственности и прирожденности, то как раз социальные условия, определившие собой конституцию предков данной личности, этим самым наложили неизгладимое клеймо и на данную личность (в ее психо-физическом аппарате) и на ее существование до самого акта рождения. И это нисколько не в меньшей степени, нежели как впоследствии они определяют собой и экзо-психику лица. Между эндо-психикой и экзо-психикой различие оказывается весьма шатким. И эндо-психика отличается от экзо-психики лишь тем, что в первом случае мы встречаемся с экзо-психикой, поскольку она слагается до рождения младенца и слагается в его психо-физический аппарат, во втором же—охватывает отношения организма к среде уже после рождения. Но по существу и в первом и во втором случае перед нами не что иное, как экзо-психика. Понятие личности, опирающейся на ядро эндо-психики, оказывается, таким образом, совершенно необоснованным.

Но, быть-может, понятие личности оправдывается ее действенным, творческим приспособлением к окружающей среде? Данные Лазурского весьма мало подтверждают подобное предположение. Во-первых, «отношение между личностью и окружающей ее средой, а вследствие этого и отношение между эндо-и экзо-психическими элементами личности бывает на разных уровнях далеко неодинаковым». На низшем уровне, а к нему относится подавляющая масса населения, занимающаяся физическим трудом, «влияние внешней среды и внешних обстоятельств является безусловно преобладающим», следовательно, говорить здесь об эндо-психике, к которой сводится «ядро личности», совершенно не приходится. Личность здесь задавлена. В большей степени мы находим личность на среднем психическом уровне, где люди, «будучи полезны обществу, успевают в то же время и себе обеспечить не только материальное благосостояние, но и некоторый комфорт, физический и духовный». Такие более состоятельные классы умеют сохранить более или менее свою личность, так как они «обладают гораздо большею способностью приноровиться к окружающей среде, найти в ней свое место и использовать ее для своих целей». Однако, «концентрацию личности» в истинном смысле этого слова мы находим лишь у так называемого высшего уровня да еще у «чистых типов», рождающихся при особенно благоприятных условиях, «где общие условия жизни благоприятны, и род занятий отвечает основным задаткам и стремлениям данного индивидуума»,—другими словами, и концентрация личности и «тенденция к известному объединению личности» оказываются явлениями чрезвычайно редкими и доступными либо таким же редким явлением, как особи высшего психического уровня или «чистые типы» (24 — 30). Что и требовалось доказать. Самое же понятие личности в данном смысле является лишь идеальным понятием, которому не только не соответствует действительность в ее массовом проявлении, но которое, наоборот, применяется как известный суд над этой самой действительностью и идеальное ей противоположение. Само собой разумеется, что личность, которой вовсе не имеется у масс населения, которая более или менее при благоприятных условиях доступна состоятельным классам и изредка обнаруживается у особенно одаренных людей и «чистых типов», не может служить в науке общим классовым понятием, способным стать основой научной классификации.

Лазурский, стоявший под гнетом старой психологии, не мог и здесь отделаться от злосчастного индивидуализма, и хотя вся его работа, весь материал буквально вопияли не об индивидуальном и личном, а о типичном и массовом, тем не менее с нарушением всех законов логики насильственно запихивал свои рачительно собранные факты в нелепый и ненужный мешок индивидуализма и обозначал в качестве классификации личностей то, что на самом деле и в лучшем случае было классификацией общественных (классовых и груп-

повых) типов. Впрочем, он также мало сумел провести правильную линию между личной психологией и социальной психологией, как многие из его учителей, и на том основании, что мозг и нервы имеются только у отдельного лица, а не у общественного соединения, решил и все массовые, общественные переживания отдельной особи перенести в рамки индивидуальной психологии. Это, приблизительно, такой же прием, как если бы мы полученные при помощи микроскопа данные стали изучать не как отражения окружающего нас объективного мира природы, но как явления, характеризующие собой исключительно природу самого микроскопа, как его (микроскопа) экзо-психику, являющуюся результатом взаимодействия между его эндо-психикой и окружающим миром... На самом деле, конечно, при социопсихических явлениях дело идет вовсе не о мышлениях или чувствовании общества, таких центров сознания и эмоциальной жизни вовсе не имеется, но речь идет о совершающихся в массе индивидуальных психик общественном процессе. Общественный процесс вовсе не становится в виду этого процессом индивидуальным, и изучать при этом мы должны не личности, а социальные типы.

Сама классификация Лазурского безнадежно путается между принципом социальным и индивидуалистическим. Как психолог, он видит перед собой различные особи, которые отличаются по степени развития своих психических сил. Как интеллигент, он не может отказаться от превосходства интеллектуальной деятельности над всякой другой. Как идеолог буржуазии, он не может отказаться от отождествления высшего типа и класса состоятельных людей, также как от помещения в разряд обездоленных материально—отсталых психически. И хоть в результате таких различных тенденций получается великая мешанина, но общая цель достигается: классовое различие оправдывается умственным и психическим уродством, и мы незаметно приближаемся не то к положениям Платона и Аристотеля с их «рабством по природе», не то к учению политической антропологии в лице Лапужа, Чемберлена и Аммона с властвованием благородных долихоцефалов над хамским отродьем брахицефальных рабов. Но обратимся к подлинным рассуждениям нашего автора.

Мы не будем специально останавливаться на самом принципе классификации, как он устанавливается Лазурским. В основу его положена множественность признаков, которая наперед обеспечивает автору большую свободу выбора, отбора и передвижения. Важно не перечисление этих признаков—количество психической активности, богатство личности, диференцированность или обилие оттенков, интенсивность отдельных проявлений, сознательность и идейность, концентрация личности, степень приспособления, уровень творчества, тенденция к повышению психического уровня (18—30),—но то, как эти признаки группируются и применяются для целей классификации. Поэтому мы прямо обратимся к характеристике отдельных «уровней», как они выясняются у Лазурского. Остановимся на «низшем уровне». Что мы здесь находим? «Представители низшего уровня характеризуются, с одной стороны, бедностью душевной жизни и преобладанием низших, более элементарных психических функций над высшими, а с другой — своею подчиненностью окружающей среде, которая приспособляет их к себе и накладывает на них свой отпечаток, в большинстве случаев очень мало считаясь с их индивидуальностью» (53). Итак, с одной стороны, психическая отсталость, с другой—непреодолимый гнет среды. Спрашивается, однако, который из этих факторов является определяющим: потому ли они так подавляются средой, что являются слабоумными от рождения или, наоборот, становятся слабоумными потому, что их уродует среда? На этот вопрос Лазурский отвечает совершенно определенно: «неизбежность социального подчинения прямо вытекает из основных особенностей низшего уровня», т.-е., другими словами, эти люди страдают в результате своего собственного слабоумия: «Сравнительная бедность психической жизни благоприятствует сосредоточению упражнения и интересов на мускульной деятельности, вы-

двигая в первую очередь занятия и профессии, требующие значительной силы и ловкости, а также физической выносливости. Сюда могут быть причислены, например, чернорабочие всякого рода, носильщики, кузнецы, солдаты-рядовые, сельские рабочие и т. д... в современных социальных условиях мускульный физический труд играет всегда лишь служебную подчиненную роль... люди, сколько-нибудь психически одаренные и находящиеся в сравнительно благоприятных условиях, обычно избегают его, сосредоточивая свои силы на занятиях, требующих умственного развития и умственной деятельности. Что же касается слабосильных, менее выносливых представителей низшего уровня, а также таких, которые выросли в условиях городской жизни и не привыкли к тяжелому физическому труду, то они также находят себе применение в других профессиях, требующих умственного труда столь же, сколь и физического: прислуга всякого рода, писцы и мелкие служащие, приказчики и мелкие торговцы, ремесленники, фабричные рабочие и т. д. И все эти категории «слабосильных», принадлежащих психически к категории низшего уровня, настолько слабоумны, что даже в тех случаях, когда судьба «выдвигает их на более самостоятельный пост, или же, желая испробовать их, поручают им более сложное дело, требующее соображения и инициативы, то они оказываются совершенно беспомощными: теряются, путаются, никак не могут приспособиться и, в конце-концов, часто сами просят оставить их при том скромном занятии, которое соответствовало их способностям». (54). Данная характеристика, как очевидно, приобретает все больший и больший интерес. Этот интерес особенно возрастает и потому, что как раз после смерти нашего ученого автора произошла такая вещь, как великая российская революция, которая, как известно, не только не обошлась без помощи фабричных рабочих, солдат рядовых, сельских рабочих, даже чернорабочих, носильщиков, кузнецов, не говорим уже о служащих и писцах, но им преимущественно и обязана своими удивительными успехами. Из изложения Лазурского мы уже знаем, что в их лице мы имеем дело со слабосильными, не умеющими приспособляться к среде, одним словом, с низшим психическим уровнем. Но, естественно, мы не можем удовлетвориться таким кратким описанием общественного класса, ставшего теперь не только во главе Союза Советских Республик, но и двигающего мировую революцию. Нам в высшей степени важно знать, к чему способны эти «слабосильные» и какого будущего мы должны от них ждать. Интерес наш в данном случае, конечно, в значительной степени чисто теоретический. Характеристики, данные Лазурским, достаточно ярки и определенны. И в самом деле,—чего же еще ждать от людей, которым присуща «примитивность и недостаточная сознательность», «недостаточная координированность, объединенность чувствований и стремлений», интересы коих «узки и ограничены», «знания об окружающем мире отрывочны и несогласованны. Идеалы смутны и неясны, правила поведения случайны и противоречивы», при чем, в довершение всего, участие их в общественных делах «чисто пассивное» (56—57)...

Но, удивительное дело, когда тот же Лазурский переходит к отдельному описанию «личностей» низшего психического уровня, он приходит к выводам, которые не только нас заставляют несколько усомниться в «чистоте» психического уровня самого автора, но и заподозрить его в жестокой непоследовательности. Характерно, во-первых, то обстоятельство, что, говоря о низшем уровне, он отводит едва ли не бо́льшую часть своего изложения «извращенным» типам этого уровня. Во-вторых, если даже «антисоциальные проявления... встречаются у представителей данной группы гораздо чаще, чем у чистых типов какого бы то ни было уровня», то это «является следствием не каких-либо органических изменений в центральной нервной системе, а чисто внешних социальных воздействий и привычек». И если раньше наш автор утверждал, что социальное положение низшего уровня зависит от присущих ему прирожденных свойств (эндо-психики), то теперь выясняется, к нашему удивлению, что в

основе столь распространенного извращения низшего уровня лежит как раз «несоответствие между их эндо- и экзопсихикой... невозможность прямым естественным путем осуществить свои основные наклонности», а «враждебная среда заглушает личность, ломая и коверкая даже те способности, которые в ней были» (84—85). Итак, не низший уровень и отсутствие способности приспособиться к среде приводит этих людей к низшим же ступеням социальной лестницы, а, наоборот, слишком хорошее приспособление к ужасающим условиям среды, которая уродует и разбивает человека отнюдь не низшего уровня таким образом, чтобы путем его извращения приспособить его к весьма низменным, но непреодолимым требованиям среды. Но третье обстоятельство, которое мы выясняем при просмотре «личностей» низшего уровня, еще более изумительно: в галлерее литературных типов низшего уровня мы совершенно не находим у Лазурского представителей тех классов и профессий, которые по вышеприведенным указаниям этого писателя должны составлять, что называется, основное ядро низшего уровня. Среди «чистых» рассудочных перед нами, как образец, выступает гвардейский офицер, среди аффективных подвижных—адъютант и помещица-княгиня, среди чувственных — опять-таки помещик-обжора, среди мечтателей—помещик и крепостной старый слуга, энергичных низшего порядка—целая галлерея помещиков, офицеров и придворных, среди покорно деятельных—несколько чиновников и крепостной лакей, среди упрямых—городовой и лакей, среди извращенных апатичных — мещанин, безвольных — крестьянин, расчетливых эгоистов—чиновник, аффективно-извращенных — два уголовных каторжанина, беспорядочных насильников — наборщик, сосредоточенно жестоких — профессиональный нищий... Спрашивается теперь, где же среди этой живописной галлереи действительные люди физического труда, фабричные рабочие, сельские рабочие, рядовые солдаты, даже кузнецы, носильщики и прочая братия, которую Лазурский целиком отнес на низший психический уровень? На кучу хорошо приспособленных помещиков, чиновников и офицеров—пара нищих, несколько лакеев и один наборщик... Совершенно неожиданный оборот дела. Так, Лазурский в качестве сколько-нибудь беспристрастного ученого блистательно опровергает себя как буржуазного идеолога и налагает на всю свою работу кричащее клеймо противоречий.

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы выяснить перед нами основные и особенно печальные дефекты работы покойного психолога. Прибавим к этому еще несколько замечаний. Устранение социально-классовой основы и обращение к чисто-биологическому понятию «среды» совершенно обесценивает труд Лазурского со стороны социопсихической; понятие «личностей» никоим образом не может заменить понятие классового или даже группового профессионального типа; вся классификация получает путаный характер и дает в одном месте, как, например, для среднего уровня, по преимуществу профессиональное разделение, потому, будто бы, что этот уровень особенно тесно связан с профессиями, дающими здесь даже биологические типы (117), а в другом—типы мировоззрения, как автор считает это необходимым делать для высшего уровня (216), где, будто бы, решающее значение имеют идеальные категории (экзо-категории). И если даже признать в качестве принципа деления способность приспособления, то и тут получается непоследовательность, ибо низший уровень характеризуется неспособностью к приспособлению (?), но и высший в качестве гениальных и талантливых «личностей» дает массу жертв именно в виду весьма малой способности этих высоко одаренных личностей к приспособлению. Вся эта путаница разрешилась бы, конечно, очень легко, если бы автор, отказавшись и от «личностей» и от «среды», заменил бы эти на двух разных полюсах находящиеся понятия—понятием подлинного живого общества с его классовым, профессиональным и групповым разделением и занялся бы характеристикой положительно данных социальных типов. Тогда мы имели бы перед собой действительно научно-законченный и социально-плодотворный труд.

Обращаясь, наконец, к некоторым ценным сторонам книги Лазурского, мы должны отметить вложенную в него, но неосознанную самим автором, теорию различных ступеней дарования преимущественно в той среде, которая носит название интеллектуальной деятельности. Классификация личностей у него есть по существу вовсе не классификация личностей, а классификация различных ступеней и одаренности среди так называемого образованного общества и даже, говоря более специально, интеллигенции. Интеллигенция исполнителей пассивного типа, интеллигенция приспособителей в самых различных профессиях, интеллигенция изобретателей в виде так называемых гениальных и талантливых личностей—вот истинное содержание труда Лазурского, который, сам будучи интеллигентом, главнейшею целью своего труда сделал вопрос об интеллигенции в различных ее социально-психических группировках и в этой области сумел дать действительно кое-где любопытный материал, достойный дальнейшего исследования. Ни один работник в этой области не обойдется без знакомства с трудом Лазурского. Впрочем, при современном состоянии науки и тут у Лазурского имеется дефект, который явился результатом его игнорирования роли бессознательного в современной социальной психологии. Лазурский успел и здесь несколько устареть. Но, повторяем, тем не менее труд Лазурского представляет собой небезынтересный опыт индивидуалистически-биологической психологии в области разрешения социально-психических проблем.

М. Рейснер.

НАУКА И РЕЛИГИЯ.

1. А. СУХОВ. Религия в свете современного знания. *Проф. Е. Кагаров.*—**2. А. МАЛЬВЕР. Наука и религия.** *Г. Бройдо.*—**3. ДОМЕЛЛА-НЬЮВЕНГУИС. Бог, его прошлое и настоящее.** *Г. Бройдо.*—**4. П. КРАСИКОВ. На церковном фронте.** *В. Сарабьянов.*—**5. В. ФЕДОРОВ. Христа не было.** *Г. Бройдо.*—**6. ЕПИСКОП ВИЛЬЯМ.—М. БРАУН. Коммунизм и христианство.** *В. Сарабьянов.*

А. А. СУХОВ. Религия в свете современного знания. Издание третье. ГИУ. Одесса. 1923. Стр. XVI + 270.

Книга А. А. Сухова, только-что вышедшая третьим изданием, предназначается, главным образом, для лекторов-антирелигиозников. «Настоящая работа,—пишет автор в введении к своей книге,—ставит себе определенную задачу—быть распространенным конспектом для лекций и бесед по затронутым вопросам»... «Автор не собирался открывать совершенно новых истин, неизвестных специалистам»... «Если книга принесет пользу товарищам-лекторам и их слушателям, автор будет считать свой труд вполне вознагражденным».

Книга Сухова распадается на 2 части: в первой излагаются результаты новейшей критики Ветхого Завета, а также история иудейской религии и возникновение христианства; вторая часть посвящена «мировым загадкам», вопросам о происхождении мира, жизни и человека в свете современного естествознания. Этот план нельзя признать вполне удачным: две последние главы второй части, трактующие о происхождении религии и нравственности, должны были бы скорее найти себе место в первой части, с которой они органически связаны по содержанию.

Автор довольно тщательно использовал новые данные по истории культуры первобытных народов, по этнографии, по религиям древнего Востока и т. п., и его книга, несомненно, содержит в себе много интересного и ценного фактического материала. Но в освещении

различных вопросов с автором не всегда можно согласиться.

Так, в главе о происхождении христианства Сухов всецело стоит на точке зрения астральной теории, выводящей всякую религию из культа небесных светил. Христа он считает солнечным божеством. Это ведет к искусственности и натяжкам: стоит только вспомнить многочисленные «астрономические» чертежи в известной книге Немоевского, приводимые для объяснения различных христианских мифов, тогда как мифы эти гораздо легче и естественнее поддаются истолкованию в рамках хозяйственных и социальных условий жизни того времени. И вместо того, чтобы отыскивать происхождение евангельских животных (тельца, овна, козерога) на звездном небе, не проще ли видеть в них воспоминания о первобытном тотемическом строе? Е. Ярославский, рассматривающий культ умирающего и воскресающего бога на Востоке как земледельческую религию хлеба, стоит на более правильной точке зрения.

Далее, Сухов держится совершенно неправильных взглядов на сущность и происхождение тотемизма. Он приводит (стр. 220 и след.) три объяснения тотемизма: 1) теорию лингвистическую или, точнее, теорию кличек, выставленную Спенсером и Леббоком (тотемизм—результат недоразумения, вызванного обычаем давать отдельным людям имена животных, растений и др. предметов); 2) теорию, сближающую тотемизм с идеей переселения душ предков в животных, и 3) теорию происхождения тотемизма из коллективной магии, имеющей целью обеспечить членам клана изобилие необходимых продуктов потребления. Сам Сухов склоняется при этом на сторону первых двух теорий. Но, не говоря уже о крайне случайном и произвольном выборе приводимых им гипотез (опущены чрезвычайно интересные теории Джевонса, Пиклера и Сомло, Гаддона, Вундта, Фрэзера, Эйльдермана и др.), принимаемая Суховым точка зрения представляется слишком идеалистической: она предполагает глубокое воздействие чисто-интеллектуалистических моментов (неясность языка, забвение кличек людей, представление о животных, как обителях духов предков) на исторический процесс. Наш автор (марксист!) забывает при этом, что тотемные группы являются прежде всего производственными объединениями, что тотемистическая организация покоится на своего рода разделении труда (о чем на русском яз. см. ныне Эйльдерман «Первобытный коммунизм и первобытная религия, М. 1923, стр. 62—63; С. Ковалев «Курс всеобщей истории», I, Пб. 1923, стр. 79—104). Кроме того Сухов смешивает тотемизм с культом животных (теротеизм). Териоморфические (т.-е. звероподобные) изображения богов, эпитеты божеств, образованные от названий животных, многочисленные мифы о превращениях богов и т. под.,— все это переживания старинного культа животных, но не тотемизма. Для того, чтобы доказать существование последнего у семитов, греков, германцев и других народов, Сухов должен был сослаться на подражательные игры и пляски греков, воспроизводившие внешний вид и походку животного, на мифы о происхождении рода или племени от животного, на запрещение употребления в пищу тотемного животного и периодическое убиение и вкушение его и т. под. (см., напр., материал, приведенный в моей книге: «Культ фетишей, растений и животных», Пб. 1913, стр. 253—309, след., где я,— впрочем, ошибочно,—отвергаю наличность тотемизма в религиях древнего мира).

Многочисленные примечания и обширное послесловие, рисующее первобытное миросозерцание человечества, представляются излишними. Кое-что из этого материала можно было бы с большей пользой для читателя вработать в основной текст. Вообще же говоря, все эти рассуждения о веддах, гасманийцах, эскимосах, бушменах, якутах и проч., основанные к тому же не на новейших этнографических исследованиях, а главным образом, на старых трудах по истории культуры, лучше было бы заменить подробным, живым и толковым изображением источников христианства. Разработка этого вопроса, крайне скомканного у Сухова (главы V и VI), гораздо важнее для лекторов и агитаторов, нежели подробности миросозерцания индейцев Северной Америки или сибирских

туземцев. Из эллинистических источников христианства Сухов приводит в своей книге только мотив непорочного зачатия, мотив страдания божества за грехи человечества, образ умирающего и воскресающего бога и крест, как религиозный символ (стр. 66). Это—неполный и случайный подбор. Сухов забывает или не знает о связи таинства евхаристии с древними мистериями, идее перерождения души, учении о троичности лиц божества (священные триады в восточных религиях), почитании святых (наследие культа местных героев Греции), иконостасе православного храма, выросшего из декораций греческого театра, сошествии в ад, заимствованном из восточных сказаний, избиении младенцев (римские легенды), мотиве воздержания Иосифа от сношений с женой до рождения сына (греческие аналогии), представлении о божественной горе, мотиве искушения Иисуса дьяволом (индийские параллели), мотив чудесного насыщения (то же) и т. д. И право же, вместо того, чтобы австралийцам и другим малокультурным племенам разных частей света посвящать семьдесят страниц (семьдесят!) Приложения, лучше было бы остановиться подробнее на вопросах о происхождении религии вообще и христианства в частности.

На стр. 136 автор определяет религию как науку первобытного человечества, возникшую в результате потребности осмыслить мир для более успешной борьбы за существование. «Потребность осмыслить мир»—не есть ли это возврат к старой теории «жажды причинности» (Causalitätsbedürfnis) немецких идеалистов? Поистине, от тов. Сухова можно бы ожидать иного определения.

Кроме указанных выше основных, принципиальных недостатков, в изложении автора можно отметить ряд ошибок и неточностей в частностях.

Так, напр., автор пишет на стр. 34, что персы и мидяне ничего не слыхали о потопе. Это совершенно неверно. Иранские сказания о потопе мы находим, напр. в Авесте (Вендидад 2), и Линднер вполне убедительно доказал, что это не заимствованное, но исконное иранское сказание.

Тель-эль-Амарна никогда не была столицей Аменхотепа III; лишь Аменхотеп IV, в борьбе с фиванским духовенством, перенес туда свою резиденцию (стр. 16). Думузи—не халдейское, а суммерийское божество (стр. 39); в турецком языке это слово («домуз») означает «кабан» (бога убивает вепрь). Адониса вряд ли можно назвать греческим божеством; это — заимствованный греками у финикийцев мифический образ (стр. 70). Вряд ли возвышение пап можно объяснять опасностью, грозившей Европе со стороны Ислама (стр. 141). Не думает ли автор, что экономические причины здесь играли главную роль? Выражение «каждая нома» (133 и 259) неправильно, потому что ном—существительное мужеского рода. Термин «манизм» (стр. 263), образованный нашим автором от меланезийск. «мана», нельзя признать удачным, в виду наличности в истории религий термина *манизм* в значении культа предков от латинского manes—духи предков).

Проф. Е. Каганов.

А. МАЛЬВЕР. Наука и религия. ГИЗ. 1923 г. Стр. 176.

Книга Мальвера не представляет собой систематического исследования происхождения и сущности религии. Еще меньше места она уделяет вопросу о взаимоотношениях религиозного и научного миросозерцания.

Книга представляет собой ряд очерков, в которых приводится богатейший сравнительный материал из истории религий.

Одни очерки подробно, другие менее обстоятельно рассматривают различные стороны религиозного культа.

Главы, посвященные культу солнца и огня, являются наиболее ценными местами книги. В этих главах приводится настолько богатый материал и притом изложенный с исторической последовательностью от первобытной схоластики до изображений Христа и Девы Марии XV—XVI в., что у читателя не может остаться каких-либо сомнений в источнике происхождения легенды о Христе.

В главе V (культ) рассмотрены под таким же углом исторических напластований история рождества, обрядов, облачений, молитв, акафистов, процессий,

свечей, образов и целого ряда других аксессуаров современной церкви и религии. Глава эта пополнена редактором Д. Святицким статьями о месяцеслове, истории праздника Пасхи, обедне и археологии литургии. В главе VI Мальвер излагает ценнейший материал о роли в древнейших религиях воды, камней, метеоритов, реликвий, мощей и т. д.

Спокойный тон, почти без толкований, приведение одних только исторических фактов должно произвести серьезное впечатление даже на предубежденного читателя из верующих.

Слабо разработана глава об евангелиях. Современная наука обладает огромной ценности данными в области исследования евангелий, совершенно не использованных Мальвером.

В небольшой вводной главе о происхождении религии Мальвер стоит на точке зрения, уже отошедшей в область предания, о том, что первобытная религия возникла на поклонении силам природы, в частности—на культе солнца.

В кратком предисловии к книге т. Калатчиков отмечает эту ошибку, так же как и то обстоятельство, что Мальвер, являясь сторонником эволюционной биологической теории, ошибочно трактует вопросы отмирания религии в заключительной главе книги.

Несмотря на это, книга, именно потому, что она является, главным образом, систематическим сборником обстоятельно собранных фактов из истории религии, является весьма ценной в нашей антирелигиозной библиотеке.

Книга снабжена большим количеством хорошо воспроизведенных рисунков и имеет хорошо составленный Святицким библиографический указатель русской литературы по истории религии.

Г. И. Бройдо.

ДОМЕЛЛА НЬЮВЕНГУИС. Бог, его прошлое и настоящее. С предисл. А. Борового. Кн-во «Голос Труда». Москва. 1923 г. Стр. 120.

Ньювенгуис — голландский анархист, ушедший из рядов соц.-демокр., не приняв ее оппортунистического, приспособленческого к интересам правящего класса, направления. Но его отрицание социал-демократии—анархическое, и напрасно в предисловии к книжке А. Боровой ищет и находит в его трудах не только точки соприкосновения с большевизмом, но даже утверждает, что «некоторые страницы этого памфлета (речь идет о знаменитой работе В. И. Ленина «Государство и революция»), брызжущего революционизмом, беспощадно бичующего соц.-дем. «соглашательство», точно буквально воспроизводят всесторонний анализ Ньювенгуиса» (стр. 7). Тонкий намек на то, что анархисты—праотцы коммунистов и что Ленин «воспроизводит» Ньювенгуиса, быстро рассеивается как только мы перевернем страницу этого предисловия, где приведено самое, очевидно, яркое место из работ Ньювенгуиса в доказательство того, что Ленин «воспроизвел». Вот это место: «Социал-демократия становится все более и более государственным социализмом и препятствием к свободе. Вместо того, чтобы завоевывать и укреплять свободу, она рождает новые узы». Как это похоже на книгу Ленина «Государство и революция», может судить каждый современный читатель Советской России, которого в 23 году весьма трудно убедить в том, что нечто подобное анархо-либеральной мешанине Ньювенгуиса можно найти у вождя пролетарской диктатуры.

Сама работа Ньювенгуиса носит на себе все следы пасторского происхождения автора.

Если в роли пастора ему приходилось говорить речи на тему о существовании бога, отправляясь от веры в него, то в роли просвещенного рационалиста он исходит от чистого разума.

В главе «Доказательства бытия бога» он рассматривает ряд доказательств: космологическое, теологическое, историко-палеологическое, моральное, онтологическое—и разбивает все эти доказательства, делая вывод, что «доказательства существования бога падают под критикой здравого человеческого смысла» (стр. 80).

Вместе с Г. Джоржем он восклицает о невозможности «нас уверить, что великий строитель мира, бесконечной му-

дростью которого произошло бытие, намеренно состряпал такой мир, в котором громадное большинство людей обречены на нищету» (51). Дальше, возражая тем, кто говорит, что бог все может, но не хочет, автор восклицает: «Замечательный бог, который не хочет делать того, что он мог бы сделать».

Выступая против учения о целесообразности мира после нескольких ссылок на Дарвина, он приводит длинную выписку из известного стихотворения Гейне: «Целесообразность», в которой в игривой форме доказывается нецелесообразность строения человеческих органов, и заключает: «после такой удачной пародии все дальнейшие опровержения ученых о целесообразности мира бесполезны» (стр. 69).

Игриво, остроумно, но не доказательно.

В главе о происхождении понятия о боге Ньювенгуис не дает анализа общественных взаимоотношений на разных ступенях их исторического развития, как источника тех или иных религиозных идей. Ход развития религии по Ньювенгуису таков: «от фетишизма или анимизма к политеизму, от последнего—к монотеизму» и далее «можно наметить три основные формы развития религиозных представлений: 1) патриархальная, 2) деспотическая и 3) конституционно-монархическая» (стр. 41—42).

О первой стадии он сообщает, что «частная собственность и отцовское право были теми двумя факторами, которые похоронили родовой строй». Таким образом, патриархальный родовой строй из истории Ньювенгуиса выпал совершенно.

Дальше он сообщает, что «при родовом устройстве не было рабства женщины, все были равны»... Это при патриархате-то.

Бог, по Ньювенгуису, это—репродукт невежества и непознания природы, и только. «Чем более человек познает законы природы, тем более исчезает религия» (стр. 45).

О том, что религия есть отражение общественных взаимоотношений, что высокоученые люди в области астрономии и биологии веруют в бога и т. д. и т. п.,—о причинах этого у автора ничего связного найти нельзя.

В последней главе Ньювенгуис выступает с утешением тем, кто боится «пагубности последствия отрицания бога».

В этой главе он приводит поток цитат из сочинений древних философов—Платона, Аристотеля, Цицерона, папы Александра VI и т. д., доказывая, что они все были неверующими, но считали необходимым сохранение бога для черни. «Поэтому,—говорит он,—можно часто видеть людей науки, заигрывающих с религией, хотя сами ее давно отбросили» (стр. 101).

Далее, он выступает против церкви и ее учений. Он говорит: «Мы не можем признать истиной учение церкви, которая никогда не пыталась разрешить вопроса о том бесправии и неравенстве, которые властно царят над идеей всеобщего братства, и о том невыносимо-тяжелом гнете государства (всякого? *Г. Б.*), которое ложится на плечи большинства людей» (стр. 116).

Итак, учение церкви приемлемо, если б она стояла за «всеобщее братство» и была бы против государства, хотя бы и пролетарского. На такой платформе Ньювенгуис в XX столетии нашел бы себе соратников, верующих в хорошего бога.

Книжка рассчитана на квалифицированного буржуазного интеллигента. У нас ее можно было рекомендовать как антирелигиозный материал в среде лиц, готовящихся стать священниками, если в Советской России еще есть такие.

Г. И. Бройдо.

П. А. КРАСИКОВ. На церковном фронте. НКЮ. 1923 г. М. Стр. 311.

Эта книга есть собрание статей т. Красикова, написанных им за период 1918—1923 гг. по религиозному вопросу; сюда же вошла и обвинительная речь автора по делу петроградского митрополита Вениамина. Антирелигиозной литературой мы совсем бедны, особенно на практические темы.

Единственный в свое время журнал «Революция и Церковь» не доходил до городского читателя, оставаясь мало известным даже среди партийных агитаторов и пропагандистов.

В теперешней же литературе преобладает пропагандистское, теоретическое содержание. Сборник же статей т. Красикова включает в себя несколько пояснительно-информационных статей на такие важные темы, как «декрет о церкви и школе», «брак в Советской России», «закон о внесении в списки рожденных и умерших».

Этим именно и полезна рецензируемая нами книга. Для агитатора, преподавателя и учащегося она буквально незаменима.

Обычно, выступая по религиозным вопросам, мы говорим о вере и знании, о религии и нравственности, об истории религиозных воззрений, и о многом другом «общем». Мы останавливаемся и на явлениях сегодняшнего дня. События, волновавшие нас в прошлом году, быстро стираются новым потоком, выпадают из памяти. А между тем как важно сравнивать сегодняшнее со вчерашним!

Книга т. Красикова восстанавливает в памяти стершиеся события прошлого.

Вот 7 статей I-го отдела «Отделение церкви от государства»,—и вы вспоминаете тот период советской и партийной в сфере религиозных отношений деятельности, который можно было бы характеризовать двумя словами: пояснительная информация. Мы декретировали отделение церкви от государства, мы информировали об этом население, поясняя сущность и цели декрета. То же и в отношении «закона божьего», брака, записи рожденных и умерших...

А вот второй период. Мы в борьбе с религиозностью проявляем большую активность. Мы переходим в наступление. Период информации сменяется эпохой агитации и пропаганды. Т. Красиков отражает ее в своих статьях II-го отдела: «Крестьянство и религия», «Женщина, религия и коммунизм», «Пролетарская и буржуазная совесть» и т. д.

Третий период—период борьбы с церковью не на живот, а на смерть. Церковь—организатор контр-революции. Т. Красиков дает целый ряд статей о «Черном соборе», о «религиозной хитрости» о «голоде и христианстве», о «четырех манифестах патриарха Тихона».

Архитектоника сборника, как видите, очень удачна. Что же касается качества статей, то за них говорит имя автора. В практических вопросах антирелигиозной борьбы Красикова можно назвать лучшим их знатоком, как и его соратника т. Горева (Галкина).

В сборнике имеется и теоретическая статья «О значении и происхождении религии».

Статья эта, превосходно написанная, проводит, в противоположность Энгельсу и Плеханову, взгляд, обоснованный сначала Богдановым, затем Куновым,—взгляд, имеющий сторонников в лице тт. Бухарина, Степанова и др

Не вдаваясь в детали богданово-кунновской теории, мы лишь отметим, что она базирует на игнорировании технической стороны трудового процесса, поскольку отрицается возможность на первых ступенях религиозного мировоззрения обожествления сил природы.

Эту статья мы назвали превосходной, хотя и не стоим на точке зрения ни Богданова, ни т. Красикова, потому что она, в отличие от других работ на ту же тему и с той же позицией, не страдает обилием натяжек. К тому же живой стиль, образный язык, хорошо подобранные иллюстрации.

Хорошая, в общем, книга, необходимая и пока незаменимая.

Вл. Сарабьянов.

В. ФЕДОРОВ. Христа не было. Кооперативн. из-во «Буревестник». Краснодар. 1923 г. Стр. 83.

Автору не удалось доказательно обосновать тезис, выраженный в заглавии книги. Основная причина этой неудачи заключается в том, что автор всю свою книжку построил на системе юридических доказательств и тех методов, которые употребляются стороной в судебном процессе.

Он перебирает различные источники—как материал «дела»: археологические данные, труды современных эпохе историков, писания апостолов и т. д. И в одних материалах констатирует отсутствие данных о существовании Христа, а другие источники (апостолов) отводит как недостойных свидетелей, которым верить нельзя.

В результате такого подхода к делу у читателя (даже объективно, научно и антирелигиозно настроенного) может сложиться один вывод: несуществование Христа не доказано.

Для читателя же верующего, для которого Христос существует, книжка не дает основания в этом разубедиться.

В 1-й главе автор рассматривает «исторические данные» и указывает на известное отсутствие каких-либо данных о Христе в работах Филона, Иосифа Флавия, Тацита, Светония и Плутарха, между тем, говорит он, «само собой разумеется, что такие из ряда вон выдающиеся явления, как жизнь бога на земле и его чудеса, должны были быть известны не только в Палестине, но и далеко за пределами маленького еврейского царства» (стр. 13).

Во 2-й главе «Евангельские данные» автор приводит цитаты из апостольских писаний, основывая на этих цитатах необходимость отвода апостолов как свидетелей.

Приведя текст из деяний (XVI, 37—39), в котором указывается на разногласия, бывшие между Павлом и Варнавой, на факт существования идейных группировок, автор замечает, «людей, которые ссорятся из-за таких пустяков, мы считаем недалекими, сварливыми, если не сказать больше»...

Далее, сообщая о том, как Павел обрушился на Петра «за то, что Петр ел с язычниками, и, конечно, трефное мясо», автор восклицает: «Какое убожество! Когда перед ними (апостолами) стояли высокие задачи распространения своего учения, когда они удостоены были нести измученным народам заповеди великой любви, в то время Петр, Варнава и Павел не нашли ничего лучшего, как только препираться из-за прогнивших правил разлагающейся религии Авраама, Моисея и пророков» (стр. 23).

Автор хочет, очевидно, опорочить свидетеля тем, что свидетель лжет, будто он христианин, на самом де деле он привержен к вере иудейской. Далее он сообщает, что «в том-то и суть, что иудейство того времени, как и теперь, впрочем, как мы заметили раньше, чтило не религию, а букву религиозных предрассудков».

Какие выводы для верующего? Религия—это хорошо, обряды—плохо? Христианство—это «высокие» начала, а иудейство—это плохо.

Такими адвокатскими способами автор думает, что он «сумел свести их (апостолов), как свидетелей Христа, с высокого пьедестала...» и что «апостолы, как свидетели, ничем не выделяются из ряда обыкновенных людей, т.-е. способны ко лжи, обману, трусости и т. д., и их показаниям можно доверять лишь по проверке таковых», и что по проверке «положение для апостолов создается катастрофическое» (стр. 43).

Как же автор проводит эту проверку?

Приведением известных противоречий в евангелиях, при чем он опровергает одно положение евангелия другим.

Напр., «нам известно из христианского учения, что Иисус есть равноправный с отцом и духом бог. Кроме того, все три они—только один бог». Это учение автор разрушает единым махом, обращаясь к чистой логике. «Смешно было бы,—говорит он,—чтобы бог ходатайствовал перед богом. Это просто походило бы на китайскую церемонию».

Вот как легко разрушить в неверующем учение о триединстве!! Рассматривая слово «господь» и указывая, что оно употреблялось для «обозначения римского императора» и что императоры уподоблялись только второстепенным богам, автор делает вывод, что «нет никаких данных» доказывать, что апостолы в действительности считали его богом» (стр. 31). «В то же время из евангелия нам известно, что И. Хр. есть сын божий». Что ж из этого? «Получается очевидная невязка».

Все время автор разрушает одно свидетельство о существовании Иисуса, опираясь на другое, авторитет которого таким путем устанавливается.

Напр., указывая на «подвиги» Павла в Ефесе и стремясь изничтожить их значение, он сообщает: «Христос лично, как известно, добраться до Ефеса не успел», но из этого следует, что он существовал, что о нем есть достоверные сведения, что известно точно даже где, когда он был, т.-е. все усилия автора, направляемые к доказательству вымышленности Христа, идут на смарку.

На 44-й стр. автор, очевидно полагая, что плохой стиль содействует неверию, пишет: «получается, что или святой дух опростоволосился и оказался несостоятельным или попали впросак апостолы».

В этой дилемме автор желает проваливать апостолов, а потому первую часть опровергает.... чем?

«Так как святой дух не мог наделать таких промахов уже в силу того, что он бог всемогущий, всезнающий, всеведающий и т. д., то, следовательно, вина в этом самих апостолов».

Итак, апостолы посрамлены, дух святой восторжествовал. Дух святой «оказывается непричастным к их писанию». Вот оно укрепление чистой религии на почве рационалистического толкования ее обрядных и прочих аксессуаров!

В 3-й главе—«Влияние язычества» автор приводит различные моменты из истории мифологии, доказывая, что многие из них вошли составными элементами в христианское учение, и делает вывод о том, что «выдавать огромное большинство евангельских изречений за нечто новое может только тот, кто не умеет разбираться в ходе развития культуры народов»...(стр. 50). Ну, а на верующего какое впечатление произведет вся глава 3-я?

Все хорошее существовало искони у всех народов. Христос хорошее взял, плевелы очистил.

Последняя глава—«Религия и коммунизм»—особенно слаба. В ней автор противополагает идеалу христианскому идеал коммунистический.

Описывая первый идеал, он сообщает, что в раю очень плохо, поэтому не стоит к нему стремиться. Там, «как известно—неограниченное самодержавие», а «насколько нам помнится, деспотизм никогда не являлся сколько-нибудь совершенной формой правления» (стр. 76). «Положение праведников в раю целиком напоминает роль приживалок», и если даже их «хорошо кормят, одевают и т. д., то от этого позор рабства (в котором они пребывают в самодержавном раю. *Г. Б.*) ничуть не уменьшается». Получается, что ради «жлвота», обжорства — «маммоны» люди продают свою честь и совесть» (стр. 76). Вот как ужасен рай, реалистически изображенный автором.

Ему он противополагает коммунизм.

«Здесь все отчетливо и ясно», пишет автор.

«Захватив политическую власть, рабочий класс уничтожает собственность»...

«Воровать, грабить и убивать ради корысти в этих условиях будет излишне. А это даст возможность изжить такие громоздкие и дорого стоящие аппараты, как полиция, жандармерия, суд... их роспуск будет гарантией полной свободы», наконец, в религии «нигде прямо не рекомендуется сплотиться или объединяться с тем, чтобы сообща, общими силами двинуться к намеченной цели», совсем другое положение в коммунизме и т. д. и т. п. И из всего этого описания рая и коммунизма автор умозаключает, что «научнее, выше, реальнее и неизмеримо *вероятнее* идеал общественный» (стр. 82), который противополагает идеалу религиозному. Коммунизм оказывается *более вероятной* возможностью, чем рай, а поэтому стоит стремиться к нему. Да возрадуются в XX столетии пролетарии—коммунизм оказывается вероятным более, чем рай! И такую главу автор приложил ко 2-му изданию (!!) для того, как он пишет в предисловии, чтобы ответить на вопрос: «а что же вы даете нам взамен религии?».

Книжка религии и сознания верующего не уничтожает и взамен ничего не дает.

Издание ее в Краснодаре является явным свидетельством, как плохо еще у нас поставлено распространение книг из центра, ибо в области антирелигиозной литературы у нас уже имеется очень много прекрасных книжек.

Г. И. Бройдо.

Епископ ВИЛЬЯМ.— М. БРАУН. Коммунизм и христианство. Изд. «Красная Новь». Стр. 80.

Эта книга ценна, как агитационная—и только.

Автор очень искренно сворачивает с пути христианства, которым шел долгую свою жизнь, и объявляет себя сторонником революционного марксизма, т.-е. коммунизма, в доподлинном, большевистском (для точности) смысла этого слова.

Он решительно отходит от веры, чтобы поклониться знанию. Бог е-копа Брауна, это—«природа в трех лицах: материя—отец, сила—сын и закон—дух».

Величайшие учителя мира, по мнению автора: Лавуазье и Мейер, Кант и Лаплас, Кеплер и Ньютон, Дарвин и Уоллес, Маркс и Энгельс.

Все в мире естественно, в нем нет места чудесам, сам мир в творце не нуждается.

Автор—атеист и противник христианства.

Выступая против попытки христианских социалистов синтезировать социализм с христианством, он указывает, прибегая местами к остроумным доводам, что «христианский социализм» является империалистическим по своему характеру, «спиритуалистическим», «буржуазным»...

Выше мы квалифицировали эту книгу, как агитационную, и читатель убедится, прочтя ее, что никакого научного анализа в работе е-копа Брауна нет: он обошел даже вопрос исторических трансформаций христианства.

В качестве же пропагандистского пособия рецензируемая книга не годна. Автор ее пытается проникнуться марксизмом, ему даже кажется, что он стал уже революционным марксистом.

Но... если трудно не увидеть искренности в его симпатии к революции и коммунизму, то очень легко убедиться, что марксизм е-коп Браун не понял до конца.

Совершенно справедливы примечания редакции к тем местам писем автора, в которых он говорит о роли государства и церкви. Е-коп Браун коммунистического общества без государства не мыслит.

Здесь, очевидно, крупную роль играет обывательское понимание «государства»—управление вообще.

Если бы автор познакомился с марксистской трактовкой этого вопроса (классовое насилие во всяком государстве), весьма возможно, что он не позволил бы себе употреблять термин «государство» обывательски ненаучно.

Любопытен также тот факт, что и без религии нет общества, нет и марксизма: «Марксистский социализм одновременно является... *религией* и политикой. В нем заключается и то и другое для блага мира в целом».

История часто повторяется. Е-коп Браун в этой области повторил М. Горького и т. Луначарского.

«В сфере общественной человечество есть мое новое божество»,—так гласит основное положение е-копа Брауна. Но его же мы находим и у Горького.

Очевидно, нашему автору не попалась на глаза одна из ранних работ Энгельса, где последний говорит, что нет никакой нужды наклеивать на человека ярлык «бог», чтобы относиться к человечеству с уважением.

Совсем в духе старой работы т. Луначарского звучат и такие фразы: «Социализм для меня представляет такое обширное понятие, которое одновременно является синонимом и морали, и религии, и христианства».

Конечно, т. Луначарский отказался бы от последнего слова в фразе е-копа Брауна, но в оправдание последнего нужно сказать, что его христианство есть именно христианство е-копа Брауна: автор согласен оставить и евангелия, но в старые меха влить *свое* вино. Читатель, может-быть, помнит и такое определение «религии», данное т. Луначарским: «религия марксистов-революционеров есть страсть овладеть миром». Е-коп Браун пишет: «Религия... состоит... в желании и в стремлении овладеть знанием законов природы»... Но при чем же здесь религия? Ведь речь идет, если угодно, об этике sui generis, и сам автор говорит:

«В нравственном царстве мой бог в трех лицах: факт—отец, истина—сын, жизнь—дух».

Почему е-коп Браун столь произвольно употребляет термин «религия»,—трудно сказать.

Однако, можно предположить, что здесь не малое значение имеет американский практицизм: большая масса людей не мыслит жить без религии, а потому оставим ее, подменив по существу «фактом—истиной—жизнью».

Иными словами: «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Мы бы могли пойти другим путем в объяснении этого момента в письме е-копа Брауна—путем Плеханова: автор пытался изыскать интеллигентскую душегрейку и для себя, и для других,—но

работа е-копа Брауна не наводит на этот путь.

Скорее всего: американский практицизм.

И действительно, как без последнего объяснить нежелание автора порвать с церковью: лучше, по его мнению, революционизировать последнюю?

Автор так, очевидно, увлекся «практическими» целями, что не замечает глубокого в себе противоречия. Ведь если церковь—революционизированная—будет вести на борьбу с капитализмом, бороться с суеверием, пропагандировать «истину—факты», то какова же роль коммунистической партии!

В целом, книга е-копа Брауна интересна и легко читаема, но, к сожалению, предисловие т. Красикова страдает некоторым схематизмом. Мы читаем: «Для нас, русских, выступление кающегося американского епископа особенно интересно, ибо в нашей стране, после решительной победы пролетариата, мы имеем не двух-трех, как в Америке, а десятки и даже сотни кающихся епископов, монахов и протоиереев. И сам собою напрашивается вывод: количество кающихся церковников в стране прямо пропорционально успехам пролетарской революции».

Здесь именно нами и усматривается схематизм. Нам кажется, что такие выступления, каким явилось выступление е-копа Брауна, едва ли можно подвести под «закон пропорций».

Скорее всего, будет вернее, что если мы подойдем к нашему автору согласно известной поговорке: в семье не без урода.

Е-коп Браун один из малых сих, и едва ли можно говорить, что со временем число их возрастет, превратясь в массовое. Не будем преувеличивать значение «российских покаяний»: они вынужденны, между тем как покаяние е-копа Брауна—вполне добровольное и искреннее.

Вл. Сарабьянов.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

1. Е. ПОЛИВАНОВ. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. ***М. Петерсон.***— **2. РУССКАЯ РЕЧЬ. Сборники статей.** ***М. Кенигсберг.***—**З. М. ПЕТЕРСОН. Очерки синтаксиса русского языка.** ***А. Пешковский.***

Е. Д. ПОЛИВАНОВ. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. Госиздат. Берлин. 1923 г. Стр. 95.

Содержание книги следующее: Отделы языкознания (7—18), Общая фонетика (18—61), Фонетический состав русского языка (61—67), Основы общей морфологии (67—71), Фонетический состав французского (71—77), немецкого (77—80) и английского языков (80—89), Изменения в языке (89—93) и Генеалогическая классификация языков (93—95).

Самое ценное в книге отдельное рассмотрение фонетического состава новых языков. Этого, насколько мне известно, нет ни в одном пособии такого рода на русском языке. Больше всего места уделено общей фонетике. Она удачно иллюстрирована довольно большим количеством примеров из русского и иностранных языков. Другие отделы книги очень мало развиты.

В морфологии не выясняется понятие формы слова: «Морфология ведает значение отдельных слов в зависимости от их состава» (8). Такое определение не охватывает того явления, которое Фортунатов называет отрицательной формой. Очень кратко и недостаточно характеризуется синтаксис: «Синтаксис же ведает значения соединений слов; к области синтаксиса относится, например, выяснение различия между значениями фраз: *Иванов—слепой* и *слепой Иванов*, в связи с порядком слов, их составляющих (этот порядок будет одинаковым образом дифференцировать значение фраз

Петров—глухой и *глухой Петров*). Вот и все, что говорится о синтаксисе. Так же лаконично и мало вразумительно определение семасиологии (см. стр. 9). Правда, сам автор в предисловии оговаривается, что его книга единственным пособием для знакомства с предметом служить не может, но тем более для краткой характеристики отделов языковедения должны были быть выбраны более существенные признаки.

Нельзя, далее, согласиться с автором, что субститутом *a* в предударном слоге является в русском языке звук заднего ряда среднего подъема (ср. англ. judge). Местами, впрочем, автор себе противоречит, транскрибируя, напр. Vada (67), akno (93). Неверно также, что субституты для *и* и *е* в предударном слоге—ъ напр., mьta, по мнению автора, передает произношение слов *мила* и *мела*. В русском литературном произношении это не так (ср. Богородицкий, «Общий курс русской грамматики» (4-е изд.), таблица. или Ушаков, «Краткое введение в науку о языке» (5-е изд.), 47, где, по-моему, точнее). Само понятие *субституции* мне представляется очень неудачным. Явление, которое автор так называет, я бы предпочел обозначить термином—чередование. На других более мелких возражениях останавливаться не буду.

Автор предназначает свою книгу, «главным образом, в качестве пособия для готовящихся к преподаванию новых языков». И действительно, отдел фонетики, общей и частной, прекрасно введет их в понимание звукового состава новых языков. С этой точки зрения книга вполне оправдывает свое назначение, и ее можно горячо рекомендовать читателю.

М. Петерсон.

РУССКАЯ РЕЧЬ. Сборники статей под редакцией Л. В. Щербы, проф. Петр. универс. — I. Труды Фонетического Инст. практического изуч. яз. Птр. 1923. Стр. 296.

Рецензируемая книга представляет собою сборник статей по лингвистике, написанных представителями петербургской лингвистической школы (Бодуэн де-Куртене), под редакцией ближайшего ученика Бодуэна и ныне его заместителя, проф. Щербы. В предисловии, впрочем, заявлено, что «участники сборника связаны» лишь «личной дружбой» и только, «может-быть, общим лингвистическим направлением» и что «они абсолютно свободны в своих суждениях, неся каждый личную ответственность за свои статьи». Статьи, действительно, представляют очень значительные модификации и по темам, и по выполнению, но их принадлежность к одной научной школе сквозит очевидным образом.

Сборник снабжен предисловием, написанным, очевидно, редактором его. В этом предисловии констатируется, во-первых, поворот лингвистики к изучению живых языков вместо построения мертвых схем сравнительной грамматики старого типа, к стремлению изучать язык в связи с изучением этнографии, археологии, истории; не отрывать «слова» от «вещей» (требование Р. Мерингера), и, во-вторых, оживление интереса в обществе к вопросам языка, в особенности в литературных кругах, при чем особенно занимает проблема «поэтического языка» (кавычки сборника). Предисловие подчеркивает, что сборник «во многом питался также» этим последним интересом, примыкая в лингвистике к тому направлению, которое сосредоточивает свое внимание на вопросах живого изучения языков. Характер сборника и определяется этими двумя условиями. В сборнике четыре статьи, из которых три посвящены изучению поэтических произведений со стороны языка и четвертая—наблюдениям над живым языком.

Как было указано выше, не все статьи равноценны по выполнению. На первом месте по значению должна быть поставлена статья Б. Ларина «О разновидностях художественной речи». (Семантические этюды.) Задачей статьи является основоположение эстетики языка, вводимой автором в область исследований науки о литературе; эти задачи формулированы так: «о словесном качестве литературы безотносительно авторских индивидуальностей, с главным интересом к общему, постоянному». Самая идея построения эстетики языка должна быть приветствуема решительным образом, вопрос в выполнении и определении сфе-

ры притяжения этой дисциплины,—здесь не все представляется приемлемым у автора работы. Остановимся на ее положительных чертах. К ним прежде всего принадлежит широкая осведомленность автора в филологической литературе, выгодно отличающаяся от ограниченного кругозора опоязовцев: связь лингвистики с филологией, отмеченная в предисловии, как характерная черта одного из направлений современной лингвистики, есть здоровое и вполне своевременное течение современной научной мысли, запутавшейся в фонетических экспериментах и абстрактных сравнительно-грамматических схемах. С этой точки зрения работа Б. Ларина, ставящая вопрос об историческом контексте языкового явления, представляет собою факт отрадный. Если не ограничивать задач языковедения построением грамматических схем, то филологическое изучение языка не может подвергаться сомнению, да и в отношении грамматики того или иного исторического языка возможность построения грамматической схемы вне исторического и филологического изучения текстов языка есть простая фикция. Чрезвычайно отрадным представляется критика генетического рассмотрения языкового факта для определения его сущности и значимости. Филологическое изучение в свете исторического контекста должно быть строго отличаемо от генетического определения причинности возникновения данного словесного факта. В западной научной литературе вопросы генезиса также стали подвергаться сомнению в отношении своей исключительности, как метода лингвистики: назовем «Курс общей лингвистики Ф. де Сосюра» (Париж—Женева, 1916), и прежде всего работы Антона Марти, являющегося, впрочем, представителем философского знания. Эта антигенетическая тенденция также должна приветствоваться всемерно, хотя ее появлением не должна отрицаться возможность истории языка (в смысле Г. Пауля), но только как главы истории вообще. Итак, построение эстетики языка рассматривается Б. Лариным, как семасиологическая, прежде всего, задача,—в связи с этим он и излагает принципы семасиологического исследования. Необходимо приветствовать протест автора против безграничного дробления и «клочкования литературной ткани», против бессмысленного разнесения по карточкам словесного материала с целью постигнуть художественное достоинство его; ряд полемических выпадов в этой же связи против деятелей «Опояза» («звуковые повторы», «речи Дон-Кихота») еще более подчеркивает положительную сущность мысли Б. Ларина. Но в вопросах построения принципов семасиологии не все представляется одинаково убедительным в работе. Самым существенным дефектом представляется нам, что автор, повидимому, не склонен различать значения и вещественного отношения (термин Гуссерля), с одной стороны, и значения и внутренней формы слова—с другой. Попытки различения первой пары мы находим у автора в его различении реальных и концептуальных значений, но мысль представляется нам недостаточно углубленной, что подтверждается приведенными примерами: в примере с тенетами, как покрывалом охотнику (Некрасов), и путами на разъяренном звере нет никакого различия в сфере концептуального значения по терминологии Б. Ларина, и уж скорее его можно было бы усмотреть в сфере вещественных отношений, что, впрочем, уже не составляет компетенции языковеда,—вышеприведенному тезису Р. Мерингера можно и должно противопоставить требование строгого различения слов и вещей. Третья выставленная автором категория эстетического значения слов совсем неясна; нам представляется, что отчасти здесь имеют место внутренние словесные формы (удивляемся, как автор, ссылающийся на Гумбольдта, не пользуется этим термином; неужели же гипноз потебнианства, психологизировавшего и «скомпрометировавшего» это понятие, так сильно действует?), частью же просто стилистические формы различного социально-психологического происхождения, лишь иногда приобретающие характер внутренних поэтических словесных форм. В рецензии, конечно, невозможно останавливаться подробно на этих сложнейших вопросах семасиологии; важно отметить лишь, что хотелось бы большей точности от автора в постановке их. Ду-

мается нам, что работа его сильно бы выиграла, если б к разработке темы был привлечен более широкий круг теоретических исследований в области языка и знака, и прежде всего работы Марти и Гуссерля, автором не упоминаемые и, повидимому, оставшиеся вне поля его исследования. Не останавливаясь на подробностях, отмечая лишь общие тенденции, не можем пропустить некоторой эклектичности взглядов автора, сводящего семасиологические проблемы на психологические («психическая среда», «эмоции», «волнения» и тому под.). Некоторые неясности в основных положениях автора создают общую неубедительность для того, кто далек от мыслей автора. Лишь тем, кто оказался близок к ним в результате своих работ, кажутся они понятными. Но во всяком случае, нельзя не приветствовать эту работу как симптом поворота в языкознании, углубления и расширения его горизонтов, свободных, вместе с тем, от футуризирующей науки опоязовцев.

Остальные статьи сборника, посвященные художественной речи, также не равноценны по своему достоинству. Очень интересны наблюдения В. Виноградова над языком и стилем протопопа Аввакума. Теоретическая позиция автора могла бы вызывать немало возражений. Одним из центральных мест теоретических взглядов автора является заимствованное им у швейцарского лингвиста Сешеэ определение символа, на котором В. Виноградов построил свою работу о поэзии Ахматовой. Вместе с тем это определение далеко не удовлетворительно в смысле своей глубины и отчетливости, не говоря уже об его психологической природе, также мало пригодной для семасиологического анализа. Заслуживает всяческого приветствия мысль, высказанная автором и часто забываемая даже и в наше время, о коренном различии лингвистики и естествознания и вытекающей отсюда необходимости рассмотрения телеологии языковых фактов. Если в этой формуле телеологию углубить до постановки семасиологии, как центральной проблемы лингвистики, то получится должная формулировка основных задач науки о языке.

Совсем мало интересного представляет собою статья редактора сборника проф. Щербы. Лингвистическое толкование стихотворений имеет какой-нибудь смысл, кроме фонетического, при более широкой постановке семантических вопросов, исключенных проф. Щербой простым указанием на их субъективность. Это замечание лишает возможности всякой с ним полемики, так как для нее необходимо много места, а с нашей точки зрения единственно объективным в языке является его семасиологическая сторона.

Совершенно особняком стоит статья Льва Якубинского о диалогической речи. Необъятная груда материала, при чем еще трудно определить, какую научную область может она интересовать, свидетельствует лишь о полнейшей некритичности не только к выполнению проблем, но даже их постановке. Эта работа Л. Якубинского, как и его работы в сборнике «Поэтика», чрезвычайно трудно читаема и производит просто досадное впечатление. В общем же сборник содержит частично очень интересный материал и принесет безусловную пользу. Остается пожелать скорейшего выхода дальнейших сборников.

М. Кенингсберг.

М. Н. ПЕТЕРСОН. Очерк синтаксиса русского языка. Государственное Издательство. Москва. 1923 г. Стр. 192+II.

Перед нами—явление совершенно исключительное в современной синтаксической литературе. Автор делает планомерную и последовательную попытку построить систему синтаксиса без понятий зависимости, согласования, управления, предложения (в обычном смысле, авторово «предложение»—нечто совершенно иное), членов предложения, главных и второстепенных членов со всей их дальнейшей рубрикацией, личного и безличного предложения, частей речи,—словом, всего того, что обычно является основой синтаксиса. Напрасно он пытается при этом смягчить революционность своего выступления ссылками на Фортунатова и Риса. Ему, конечно, самому прекрасно известно, что в центре синта-

ксических концепций Фортунатова стоит учение о грамматической сказуемости, и что главным основанием, побудившим Риса определить синтаксис, как учение о словосочетании, явилось отнюдь не отрицание особой грамматической природы «предложения», а только то, что само «предложение» очень трудно определить и что на ряду с «предложениями» в языке могут оказаться словосочетания, не образующие «предложений», но нуждающиеся в синтаксическом исследовании (см. у самого автора полемику с Фортунатовым и Рисом в этих пунктах на стр. 20 и 28). Единственно, что объединяет автора с Фортунатовым и Рисом— это определение синтаксиса, как учения о «словосочетаниях», а не о «предложениях» (у Фортунатова, впрочем, о «*формах* словосочетаний», что совершенно иное). Но такое определение отнюдь не предрешает содержания самого синтаксиса. Пишущий эти строки провел один из своих академических курсов синтаксиса в строгом порядке обзора форм словосочетаний русского языка, но это не помешало ему вскрыть в словосочетаниях типа: «именит. пад. имени + согласуемый с ним глагол» значений подлежащего и сказуемого, в словосочетаниях типа: «глагол или имя + имя в косвенном падеже с предлогом или без него» значение управляемого члена (дополнения) и т. д. и т. д. Центр тяжести разбираемой книги не в том, что синтаксис определяется как учение о словосочетаниях (как это кажется автору), а в том, что сами словосочетания рассматриваются *только* со стороны взаимных отношений слов и словосочетаний друг к другу и намеренно не рассматриваются со стороны их отношений к самой мысли говорящего. Спрашивается, удалось ли автору убедить читателя в необходимости такого ограничения материала современного синтаксиса? Нам думается, что нет.

Основания наши следующие:

1) Устранив категории частей речи не только в их школьном виде, но и в том виде, как они понимались Потебней и Фортунатовым, и подставив под них новую формальную классификацию слов с рубриками, не совпадающими с этими частями речи (стр. 15 и сл.), он в дальнейшем *все время пользуется традиционными категориями* («имя» на стран. 34, 38, 45, 47, 53, 55, 58 и мн. друг., «глагол» на стран. 34, 38, 42, 45 и др., «прилагательное» на стран. 45, 47, 48, 50 и др., «причастие» на стран. 47, 48, 97, и др., «деепричастие» на стран. 96, 97 и др., «наречие» на стран. 46, 93, 94 и др., «предлог» на стран. 34, 55, 57 и др., «союз» на стран. 34, 106, 108 и др., даже «местоимение» на стран. 45, 48, 50 и др.), не делая ни малейшей попытки определить их. При этом отношение некоторых из этих категорий к установленным в основной схеме рубрикам указывается бегло только в *двух* местах книги (стран. 47 и стран. 53 в выноске). Комбинируя эти 2 места с тем фразным материалом, который под все категории всюду подставляется, приходим к выводу, что только *одна* из категорий («имя») совпадает с одной из рубрик основной схемы («слова, изменяющиеся по падежам»), остальные же или являются частями делений схемы («прилагательное», «причастие», «деепричастие», «наречие»), или с ними перекрещиваются («глагол») или совсем в нее не входят (неполные слова). Таким образом, вполне законным является предположение, что обработать материал на почве своей схемы автору оказалось затруднительным.

Если относительно «глагола», «прилагательного», «причастия» и «деепричастия» автор и мог бы с некоторым правом отослать нас к ненаписанной им морфологии, то категории «наречия» (понимаемого автором чисто *синтаксически*, т.-е. со включением таких слов, как «там», «где» и т. д., см. стран. 93 и след.), «предлога» и «союза» уже явно требовали для себя определения.

Кроме того, понятия «падежа», «рода» и «лица», на которых зиждется основная схема автора и которые обычно определяются в неразрывной связи с «частями речи», у автора тоже не определены. Ясно, что если бы даже это были *только* морфологические понятия (чего, я думаю, не станет утверждать и сам автор), он должен бы был включить их определение в свою книгу, чтобы показать, *как* можно их определить в отрыве от частей речи. Пока это не сделано, схема имеет единственным фундаментом традицию, и тем в корне подрывает все новаторство автора.

2) Основное понятие книги, «функция словосочетания», тоже не определено. Это тем более досадно, что изучение «функций словосочетаний» должно, по автору, исчерпать всю внутреннюю сторону синтаксических явлений и должно с лихвой вознаградить нас за тот ущерб, который причиняет в этом отношении изгнание из синтаксиса «подлежащего», «сказуемого» и т. д. Что такое «функция словосочетания»? На стран. 34 дается определение «функции формы», при чем из контекста ясно, что дело идет о форме отдельного слова. «Под функциями формы», читаем мы здесь, «разумеется... совокупность значений, в которых форма употребляется, или, точнее, с которыми ассоциируется звуковая сторона формы». По точности и ясности это определение не оставляет желать ничего лучшего. И вот, когда читатель, подготовленный таким образом, ждет, что при переходе от отдельного слова к словосочетанию появится аналогичное определение функции *формы словосочетания*, на следующей странице неожиданно вводится без всякого определения понятие «*функции словосочетания*» (стр. 35, «функции словосочетаний изменяются»..., до этого места термин этот не встречается). Ясно, что «функция формы словосочетания» и «функция словосочетания»—не одно и то же. В грамматике, как в математике, уронив из цепи понятий одно звено, можно безнадежно рассыпать всю цепь. Это и случилось, по нашему мнению, здесь с автором. Смешав «словосочетание» с «формой словосочетания», он наводняет, как увидим ниже, всю книгу несинтаксическим (словарным) анализом внутренней стороны речи и тем создает нередко *видимость* обилия синтаксических истолкований и затушевывает отсутствие тех немногих, но основных и *подлинно-синтаксических* значений, которые единственно нужны (срвн., напр. *девять* «функций» словосочетания «именит. пад. имени+глагол» на стран. 39 и сл. при возможности, по признанию самого автора, во много раз увеличить эту цифру, вместо *одной* действительной функции: «предмет и признак, им производимый», или, что то же, «подлежащее и сказуемое»).

3) Основная классификация автора уже не раз нами упоминавшаяся (схема страницы 15 и сл.), не свободна от *логических дефектов*, и если вдуматься в эти дефекты, то окажется, что они созданы противоречиями между нигилистическими заданиями автора и учтенными им все же под давлением необходимости «частями речи». Так, разделив все слова с формами словоизменения на 3 основных разряда: «слова, изменяющиеся по падежам», «слова, изменяющиеся по родам» и «слова, изменяющиеся по лицам», он вслед за тем совершенно неожиданно делит второй из этих разрядов на 2 подразряда: *а*) «только по родам» и *б*) «по родам и *падежам*» (курсив мой. *А. П.*). Логический дефект ясен. В лучшем случае рубрика *б* должна бы была составить особый, 4-й, *смешанный* разряд. Оставаясь же в пределах 3-х основных разрядов, ясно, что рубрика *б* могла быть *одинаково* включена и в 1-й и во 2-й разряды. И то и другое одинаково нелогично. Спрашивается, почему автор из 2-х нелогичностей выбрал именно ту, а не другую? Да потому, что, включив рубрику *б* в 1-й разряд, он разорвал бы «прилагательное» на 2 разряда и лишился бы «существительного», представленного 1-м разрядом.

Ясно, что существительное и прилагательное, как части речи, здесь, так сказать, «выпирают» из-под схемы автора.

4) Деление книги на отделы «соединений слов» и «соединений словосочетаний» (долженствующее, очевидно, заменить традиционный «синтаксис простого предложения» и «синтаксис сложного предложения») тоже не может быть оправдано, так как самые границы «словосочетаний» не определяются. На стран. 35-й читаем: «В речи редко то или другое словосочетание употребляется отдельно. Обыкновенно одно слово вступает в сочетание с целым рядом слов, напр.: «Учитель встал и заложил руку за кожаный пояс» [1]). Словосочетания из двух или, *как в данном примере* (курсив наш. *А. П.*), из нескольких слов

[1]) Надстрочными и подстрочными дугами в этом примере показаны связи, объединяющие словосочетания: «учитель встал», «учитель заложил», «встал и заложил», «заложил руку», «заложил за пояс» и «кожаный пояс».

могут соединяться между собою». И дальше рассматриваются уже «соединения словосочетаний»: «Тише едешь, дальше будешь» и др. Спрашивается, почему же все-таки «учитель встал и заложил руку за кожаный пояс» будет одно словосочетание, а «тише едешь, дальше будешь»—два? В чем критерий членения речи на «словосочетания»? Если бы автор хоть чуточку задержался на этом кардинальном пункте, если бы он попробовал хоть, например, начертить для «тише едешь, дальше будешь» такие же дуги, какие им начерчены для 1-го примера, то он увидел бы, что в «тише едешь, дальше будешь» нет той *непрерывности синтаксических связей*, какая есть в 1-м примере. Он увидел бы, что в первом примере не просто «одно слово вступает в сочетание с целым рядом слов», а каждый член входит посредствующим звеном по меньшей мере в два словосочетания («учитель встал», «встал и заложил», «заложил за пояс», «за кожаный пояс»), чем и соединяет эти словосочетания в одно целое. Отсюда он пришел бы к идее об *односторонности* всякого синтаксического отношения, о *направлении*, в котором располагаются эти отношения,—другими словами, о *ходе зависимости* в «словосочетании» и об отправном пункте этой зависимости, *подлежащем*, или иногда *сказуемом* (ибо должен же откуда-нибудь этот ход зависимости начинаться). Но это отождествило бы его «словосочетание» с «предложением», и этого он счастливо избежал, предположив все синтаксические отношения, вопреки эмпирическим данным, *обоюдными*.

Вышеизложенных 4-х пунктов мы считаем достаточным для доказательства того, что основная попытка автора—ограничиться в синтаксисе изучением отношений слов и словосочетаний друг к другу—не удалась. Но, быть-может, это объясняется неумелостью аргументации, а не ошибочностью самой идеи? Думается, что скорее наоборот: значительный грамматический талант автора не совладал с поставленной им себе задачей, вследствие ложности отправной точки зрения. В самом деле, ведь и «словосочетания» и «соединения словосочетаний» не существуют в языке вне «сочетающей» и «соединяющей» различные элементы языка *мысли* говорящего. Как же можно их изучать вне отношений к этой мысли? И в каком же отделе грамматики придется тогда изучать эти последние отношения?

Принципиальная важность всех рассмотренных до сих пор вопросов заставила нас уделить столько места «Введению» книги (стр. 3—38), что о самом «Очерке» (стр. 38—126) придется сказать очень немногое. Справедливость требует отметить, что, как специальное исследование, он заключает в себе немало ценного и интересного. Правда, из-за ложности основных положений некоторые отделы выпали из синтаксиса и заменены, в сущности, семасиологией (1, пп. 1, 2, 3, 4, стран. 38—53); правда, по той же причине во всех остальных отделах определение функций дается или тавтологическое (напр., в предложных сочетаниях в определении почти всегда повторяется исследуемый предлог: «действие и предмет, *за* который оно направляется», и т. д., что синтаксически совершенно обесценивает определение), или слишком общее (напр., функция: «действие и время его совершения» охватывает 20 различных видов словосочетаний); однако, сама рубрикация в большинстве случаев, вследствие общей тесной связи здесь синтаксических значений с лексическими, оказывается синтаксически оправданной. Особенно это следует сказать про наиболее разработанный п. 5-й («отношение между словами выражено падежными окончаниями или падежными окончаниями и предлогами», стр. 53—91). Мы не представляем себе, чтобы будущий исследователь этих словосочетаний мог обойтись без рецензируемой книги, и мог бы прибавить к рубрикам автора что-либо значительное.

Общее впечатление наше от этой, столь нашумевшей в педагогических кругах, книги можно свести к 3-м пунктам:

1) Методологически книга представляется чрезвычайно *полезной* своей *отрицательной* стороной: резкое крушение, которое потерпел автор в своих общих построениях, положит, может-быть, конец появляющимся время от времени попыткам отсечь грамматическую сторону речи от ее первоисточника—мысли.

2) В руках специалиста книга явится всегда полезным исследованием в области падежных и особенно предложных конструкций.

3) В руках некритического читателя (напр., рядового педагога) книга может оказаться очень вредной вследствие спутанности основных точек зрения.

А. Пешковский.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. М. МЕНЗБИР. Великий ледниковый период в Европе. *И. Стеллецкий.* — 2. Проф. Д. ГОЛЬДГАММЕР. Невидимый глазу мир. *Э. Шпольский.* — 3. Проф. В. ШИМКЕВИЧ. Как произошел человек. *М. Гремяцкий.* — 4. Проф. Н. ХОЛОДКОВСКИЙ. Биологические очерки. *М. Завадовский.* 5. Проф. В. ШИМКЕВИЧ. Будущее человечество с точки зрения натуралиста. *М. Гремяцкий.*—6. O. HERTWIG. Das Werden der Organismen. *М. Гремяцкий.*— 7. I. СТЕКЛОВ. Галилей., II. ЕГО ЖЕ. Ломоносов. III. ЗАМЯТИН. Роберт Мейер. IV. ЧИСТОВИЧ. Мечников. V. Н. ХОЛОДКОВСКИЙ. Мальпиги. VI. ЕГО ЖЕ. Ян Сваммердам. VII. МЕНШУТКИН. Зинин. *М. Завадовский.*

М. А. МЕНЗБИР. Великий ледниковый период Европы. (Век мамонта и пещерного человека.) Петроград. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1923 г. Стр. 120.

Темой для своего интересного очерка автор избрал вопрос о «великом ледниковом периоде». Самое название это наводит на мысль об его исключительном значении. Явление это было причиной целого ряда фаунистических особенностей северного полушария, сыграло оно огромную роль и в начальных судьбах человечества.

Неудивительно, что над вопросом этим думали многие специалисты-ученые, но в объяснение его дать могли лишь голые гипотезы. Одни его причину усматривали в солнечных пятнах, другие—в неведомых процессах в земной коре.

В виду этого автор очерка наметил себе задачею — способствовать установлению правильного взгляда на размер и значение ледниковых явлений в органической жизни земли. Для этого он ищет прежде всего одну общую причину явления, которое имело место не только в геологическое время, но и совершается на наших глазах (Альпы, Кавказ, Гималаи, Кордильеры, Антарктический материк).

Автор справедливо полагает, что, «найдя объяснение образованию и развитию современных ледников, мы тем самым подойдем к решению вопроса о причинах развития ледниковых явлений в геологическое время» (стр. 4).

Однако, своим очерком автор дает лишь ответ на вопрос: «как?», но отнюдь не на вопрос: «почему?». Он сам с грустью замечает на стр. 48: «Мы все еще стоим перед *загадочным* явлением постепенного понижения температуры в течение, по крайней мере, всей третичной эры»...

Начало оледянения Европы он не совсем уверенно относит на конец третичной и начало четвертичной эпохи (стр. 1, 21), с чем несогласен Депере, возражающий против допущения значительного понижения температуры в плиоцене (стр. 49), и П. А. Кропоткин, родоначальник (70 гг.) учения о ледниковом периоде в дилювиальную эпоху.

«К концу плиоцена,—настаивает на своем автор,—несомненно, произошло понижение температуры и вместе с тем при сильной влажности началось оледянение *горных вершин*». Появляется мамонт — Elephas meridionalis рядом с вымирающим мастодонтом. Это и понятно «В начале плиоценовой эпохи зимние холода в Южной России достигали уже значительной напряженности» (Н. А. Соколов). Но делать отсюда заключение о существовании целых двух оледянений в течение плиоцена на территории современной Украины, как делает это проф. В. А. Городцов в своей новой археологической классификации, нет оснований: Восточная Европа находилась в зоне континентального климата.

Большинство геологов принимает, что оледянение Европы началось с раннего

периода четвертичной эры. За последнее время, однако, все чаще и чаще раздаются голоса, что начало ледниковою периода надо отодвинуть на конец плиоцена, т.-е. на конец третичной эры. На это автор очерка замечает, что, «по всей вероятности, так и есть. Ледниковый период наступил не сразу. Метеорологические условия, вызвавшие его, в свою очередь, наступали постепенно. Вероятно, прошли не века, а тысячелетия, пока ледники вышли за пределы своих вековых колебаний и Европа вступила в ледниковый период» (стр. 39).

Вот эти-то «тысячелетия» кануна оледянения в четвертичную эпоху и были тем доледниковым периодом,—для Украины, по крайней мере, — к началу которого относится, напр., известная кирилловская палеолитическая стоянка в Киеве.

«В Восточной Европе 2-я межледниковая эпоха постепенно перешла (через 3-ье оледянение, к четвертичной эпохе, для Украины двукратное. *И. С.*) в послеледниковое время, а в средней ее сменила 3-ья ледниковая, 3-ья межледниковая, местами 4-я ледниковая и, наконец, уже за последней последовало послеледниковое время» (стр. 48), при чем территория Украины после 3-го оледянения «уже не покрывалась больше ледниками» (стр. 75).

Таким образом, приходится отвергнуть, по отношению к Украине, как последнее по времени четвертое оледянение, так и первые два, имевшие, однако, место в Зап. Европе. В конце плиоцена вся «южная степная Россия» пребывала свободной от второго, наибольшего для Зап. Европы, оледянения (стр. 78), что также говорит не в пользу универсальности упомянутой выше классификации Городцова. Думается, что напрасно автор очерка «надеется пополнить сведения о них (несуществовавших ледниках) исследованием их в России» (стр. 57).

Вывод из сказанного тот, что новая (1919 г.) археологическая классификация Городцова вполне, быть-может, применимая для Западной Европы с ее принятыми в науке четырьмя оледянениями, несколько поспешна и во всяком случае неприменима в целом по отношению к территории современной Украины.

Как уже упомянуто, автор настоящего очерка задался целью выработать правильный взгляд на явления ледниковой эпохи, чему он посвящает львиную долю своего труда (80 стр. из 120). Неудивительно, что такие кардинальные явления ледниковой эпохи, как мамонт и пещерный человек (обозначенные в подзаголовке), оказались как бы скомканными, освещенными не в той мере, как они того заслуживали бы.

В своем исследовании о ледниковом периоде Мензбир выступает определенным противником Кювье с его теорией катаклизмов в истории земли и, наоборот, горячим сторонником великого Ляйеля, всячески стараясь, вслед за ним, доказать, что ледниковый период для Европы отнюдь не являлся катастрофой.

Набросав широкую картину постепенного роста ледников, не могущих быть постоянными в своих размерах; отметив их огромную разрушительную силу и указав на их следы в виде множества озер, исцарапанных валунов, бараньих лбов и, в свое время, айсбергов, как на характерную подробность ледникового ландшафта,—автор задается вопросом: нет ли какой-либо общей причины, обусловливающей собою развитие ледников под разными широтами и в разных климатах?

Известно, что не только ледники уживаются с тропической растительностью, но и, с другой стороны, их нет в с.-в. Сибири, где мы имеем самую низкую среднюю годовую температуру. Это соображение приводит автора вплотную к вопросу о причинах происхождения ледников и к рассмотрению ряда соответственных теорий. Авансом автор «особенно подчеркивает» вывод, сделанный еще 40 лет тому назад А. И. Воейковым, по которому необходимым условием образования ледников является приток большого количества влажности,—подчеркивает потому именно, что лично признает единственно правильной *метеорологическую* гипотезу происхождения ледников, впервые высказанную Грегори и обстоятельно развитую позже Хармером, как определенно эволюционную.

Против астрономической теории Кроля-Уолесса, принятой особенно в Англии, Мензбир делает возражение в том смы-

сле, что допускаемая теорией частота и краткость ледниковых периодов не отвечает фактам геологической действительности, констатирующей промежутки между ледниковыми периодами во много миллионов лет.

Чрезвычайно соблазнительную по простоте и весьма ныне популярную ледниковую теорию предложил в 1896 г. Аррениус, поддержанный позднее проф. Чемберленом.

Согласно этой теории, уменьшение современного содержания количества углекислоты наполовину «должно возвратить землю к ледниковому периоду плейстоценового времени». Возражением служит указание, что эта теория не объясняет фактов исторической геологии, а кроме того, количество углекислоты в воздухе постоянно.

Большинство геологов принимает чередование отдельных ледниковых (и межледниковых) эпох, от шести до трех; Гейниц—лишь одну, с последовательным наступанием и отступанием ледника. Мензбир принимает теорию Гейница только наполовину, мои же геологические исследования на Украине в 1923 г. заставляют, не колеблясь, встать на защиту этой последней в ее целом.

Ледниковая хронология за последние годы значительно продвинулась вглубь, приобретя известную устойчивость. Оледянение в Европе длилось 500.000 лет, в России и Украине—около 200.000. Человек гейдельбергской расы проник сюда из Азии за 300.000 лет до нашей эры.

Подвергнув тщательному анализу тундровую гипотезу немецкого ученого Неринга (стр. 66—76), Мензбир доказал ее несостоятельность.

Мамонт, игравший столь выдающуюся роль в жизни европейского троглодита, в праве был рассчитывать на большее к себе внимание со стороны исследователя, с которым никак нельзя согласиться, будто мамонт не имеет своей, определенно сложившейся, генеалогии.

Двадцать сжатых, но весьма содержательных страничек посвящены автором герою доистории, свидетелю ледниковой эпохи, пещерному предку европейцев.

В общем небольшая опрятная книжечка, бросской внешности, с четким и приятным для глаз шрифтом, заслуживает, без сомнения, внимания. Повторяемость и некоторая, местами, неуверенность в суждениях с лихвой покрывается легкостью языка, в изящных формах трактующего о сухо-специальных вещах. Книжка пригодна и для широких слоев читающей публики, тем более, что трактует на тему общечеловеческого интереса, рисуя широкими мазками суровую обстановку жизни наших ледниковых предков.

И. Стеллецкий.

Проф. Д. А. ГОЛЬДГАММЕР. Невидимый глазу мир. I. Молекулы и атомы. РСФСР. Государственное Издательство. Берлин. 1923. Стр. 157.

Автор этой книжки, покойный проф. Д. А. Гольдгаммер (сконч. в декабре 1922 г.), по справедливости пользовался репутацией не только выдающегося, европейски известного ученого, но и превосходного популяризатора. Достаточно напомнить его многочисленные блестящие статьи в «Научном Слове» и его превосходную книгу «Молекулы, эфир и электроны» (вошла в состав издания «Итоги науки»).

Реферируемая книжка по своему содержанию несколько отличается от тех довольно многочисленных переводных и оригинальных книг по вопросу о строении вещества, которые появились на русском языке за последнее время. Между тем как эти книги сосредоточиваются, главным образом, на наиболее «модной» проблеме строения атома, книга проф. Гольдгаммера посвящена исключительно так наз. кинетической теории материи. Разумеется, автор не ограничивается изложением «классической» теории, но достаточно внимания уделяет и современным завоеваниям. Экспериментальное исследование броуновского движения, изучение структуры кристаллов при помощи рентгеновых лучей, теория квантов и ее применения в учении о строении материи—все это и нашло себе место в книге Д. А. Гольдгаммера.

Особенное внимание автор уделяет так называемым статистическим проблемам. При этом ему приходится останавливаться на таких сложных вопросах как учение о

равномерном распределении энергии по степеням свободы, вычисление вероятности состояния, статистическое толкование второго начала термодинамики и т. д. Все эти трудные вопросы излагаются в высшей степени просто и элементарно. Впрочем, некоторый запас предварительных знаний от читателя требуется. Но этот запас предполагается очень небольшим. Знакомства с начальной физикой и некоторых сведений из элементарной математики—вполне достаточно для понимания книги.

Книжка печаталась в Берлине, и внешний вид имеет очень аккуратный. К сожалению, корректура оказалась далеко не на высоте. В книжке много опечаток, часто довольно грубых, а иногда и затрудняющих понимание текста. Для примера достаточно указать, что формула средней энергии колебания, встречающаяся несколько раз, *ни одного разу* не набрана правильно.

Э. Шпольский.

Проф. В. М. ШИМКЕВИЧ. Как произошел человек. Госиздат. Берлин. 1923. Стр. 39.

Изящно изданная в Берлине книжка покойного профессора рассчитана на мало подготовленного читателя. Вначале дается представление об ископаемом человеке и его орудиях, а также о природе ледниковой эпохи; затем автор кратко знакомит с человекообразными обезьянами и некоторыми из низших человеческих рас, наконец, даются некоторые сравнительно-анатомические сведения и указываются признаки, связывающие человека с обезьянами и ниже их стоящими животными. Прямого ответа на поставленный названием книги вопрос автор не дает. «Ясно, что настоящих предков человека мы еще не знаем», говорит он на стр. 31. При таком построении книги было бы правильнее, пожалуй, показать, как с каждым завоеванием науки вопрос о происхождении человека все более разъясняется. Тогда читатель увидел бы, что невозможность дать *окончательный* ответ на этот вопрос ничуть не подрывает основного положения науки—что человек происходит от животных предков.

За исключением этого недостатка, в остальных отношениях книжка производит благоприятное впечатление. Язык простой и живой, фактический материал умело подобран и хорошо иллюстрирован (крайне неудачно только выбран рис. 6, изображающий мамонта по неестественной реконструкции). Благодаря хорошей бумаге рисунки вышли отчетливо. Книжка может быть рекомендована как для учащихся самых различных школ, так и для рабочих, интересующихся основными биологическими вопросами.

М. Гремяцкий.

Проф. Н. А. ХОЛОДКОВСКИЙ. Биологические очерки. Сборник избранных статей по теории эволюции и различным вопросам биологии. С портретом автора и рисунками в тексте. Посмертное издание под ред. Е. Н. Павловского. Госисдат. М.—П. 1923 г. Стр. 355.

Н. А. Холодковский—один из немногих русских ученых биологов, отдающих свои силы не только лаборатории, но и широкой популяризаторской деятельности. Начиная с восьмидесятых годов и до 1923 года его статьи по различным вопросам биологии печатаются в ряде литературных и научно-популярных журналов. Все они интересны тем, что в них читатель без труда находит не элементарную скучную компиляцию, но хорошо проработанный свежий материал, изложенный четким, хорошим русским языком. Правда, Н. Холодковский—не К. Тимирязев; его письмо лишено тимирязевских блесток остроумия, яркости и разносторонности, которые на много лет запечатлевают в памяти тимирязевские темы. Холодковский академичен. Его прочитают лишь те, кто уже имеет некоторый интерес к биологии.

В сборник включены 18 статей, из которых первые десять трактуют эволюционное учение, остальные посвящены различным главам биологии, как организм и окружающая среда, о спячке у животных, жизнь тлей, инстинкт и разум и др.

Местами материал статей несет следы своего солидного возраста (многие из

них напечатаны до 1900 года), но в целом сборник читается и в наши дни не без интереса.

М. Завадовский.

Проф. В. М. ШИМКЕВИЧ. Будущее человечество с точки зрения натуралиста. Третье дополненное издание Госиздат. Берлин. 1923 г. Стр. 39.

Автор пытается на основании анализа человеческого прошлого создать образ будущего человека в его анатомических (и психических) особенностях. Нельзя назвать эту попытку особенно удачной. Из чисто биологических факторов, определяющих в известной мере возвышение организма в филогенетической системе автором не принята во внимание роль щитовидной железы. Мало уделено им внимания и чисто социальным факторам, которые с дальнейшим развитием общественности будут играть все бо́льшую роль в создании физического типа культурного человека. Вообще приходится признать, что вторая часть брошюры, посвященная будущему человеку, много слабее первой, анализирующей наше прошлое на основании точных анатомических данных.

По характеру изложения книга не принадлежит к числу вполне популярных. Для ее понимания требуется некоторая общебиологическая подготовка и знакомство с ископаемыми предками человека.

М. Гремяцкий.

OSCAR HERTWIG. Das Werden der Organismen. 3-te. Auflage. Jena. 1922.

О. ГЕРТВИГ. Возникновение организмов. 3-е изд. Иена. 1922. Стр. XX+686.

История смены научных взглядов доставляет ряд ярких примеров диалектического развития воззрений. Теория, проводящая определенную идею под напором новых фактов сменяется другой—противоположного характера: тезис сменяется антитезой. Так, если взять пример из физики, на смену ньютоновского учения о свете, как истечении вещества,—пришла теория волнобразного движения эфира. Но дальнейшее расширение сферы фактических наблюдений оказывается несовместимым и с рамками новой теории. Является потребность в основательных поправках, и тогда взоры ученых обращаются к отвергнутой первой теории: возникает новое течение, объединяющее в себе и примиряющее оба взгляда. Это—синтез, обозначающий существенный шаг вперед. Таким синтезом являются новейшие физические теории, вобравшие в себя основное содержание и ньютоновской и гюйгенсовской идеи и ставшие возможными лишь благодаря ряду блестящих открытий конца девятнадцатого и начала двадцатого века.

В области биологии мы также переживаем теперь полосу важных открытий, широко раздвигающих научные горизонты. Бесчисленные ряды новых фактов, бывших неизвестными исследователям средины прошлого столетия, сгруппировались в новые научные построения, породили целые новые науки—механику развития, генетику и т д. Теория, объединявшая факты, известные пятьдесят лет назад, теория, давшая могучий толчок развитию всех биологических дисциплин и вызвавшая к жизни названные научные отрасли, стала теперь лицом к лицу с порожденными ею же новыми идеями, столкнулась с фактами, как бы не укладывающимися в ее рамки. Представители новых воззрений, сами вышедшие из гнезд дарвинизма, нередко, увлеченные идейной борьбой, приходят к совершенному отрицанию роли естественного отбора в эволюции организмов. Мало того, под пером некоторых крайних представителей новых течений, само эволюционное учение переходит в собственную противоположность—в учение о неизменности органических форм, облеченное, конечно, в термины современной генетики—в учение о *постоянстве генов* (идеи Лотси).

О. Гертвиг не принадлежит к числу этих крайних антидарвинистов. Он неоднократно подчеркивает на страницах своей книги, что отрицание дарвинизма не есть еще отказ от эволюционных взглядов. Он даже как будто бы во имя правильного понимания эволюционного процесса и предпринимает ревизию учения

об естественном отборе. Правда, объективно его выступление учитывается реакционными кругами именно как удар по эволюционизму. Его книга встретила особенно восторженный прием среди клерикалов, торжествовавших, конечно, не потому, что им открылось правильное понимание эволюционного процесса, а только потому, что они почувствовали в своих руках новое оружие в борьбе против материалистических взглядов. Таково при создавшейся идейной обстановке объективное значение всякой отрицательной критики дарвинизма, т.-е. критики, приводящей его к антитезе, хотя бы и предпринятой ради углубления знаний.

Посмотрим теперь, насколько содержательна аргументация автора и что нового вносит она в идейный арсенал антидарвинистов. Свои возражения против дарвинизма Гертвиг объединяет в следующие пять групп: 1. Незначительные различия в строении организмов, даже если они полезны, не имеют ценности в смысле отбора. 2. Многие систематические признаки, очень важные морфологически, не представляют выгод обладающим ими организмам. 3. Многие общие признаки, отличающиеся закономерностью и повторяемостью, не объясняются принципом отбора. 4. Генеалогия дает ряд аргументов против Дарвина. 5. Отношение дарвинизма к понятию «цели».

Первая группа аргументов не раз выдвигалась противниками Дарвина и получила в литературе должную оценку. В противоположность словам Гертвига, опыт учит нас, что небольшие отклонения в работоспособности активных и пассивных органов (мышц, органов чувств, пищеварения и др.) и в конституциональной сопротивляемости болезням, паразитам, голоду и т. д. могут решить вопрос о жизни и смерти. Плодовитость того или иного вида может зависеть от ничтожных изменений в строении и все же решить его судьбу в борьбе за существование. Значение вариации зависит не от размера уклонений, а от их роли в жизни организма. Поэтому совершенно ложно утверждение, что небольшие уклонения не могут вызвать процесса отбора.

Не лучше обстоит дело с аргументами второй группы: они и не оригинальны и не убедительны. Ведь особенности, характеризующие крупные систематические группы, тоже полезны: например, класс млекопитающих характеризуется присутствием волос, обилием кожных желез, величиной головного мозга, наличием грудобрюшной преграды, живородностью, постоянной температурой тела и другими признаками; эти отличия млекопитающих представляют несомненное усовершенствование сравнительно с организацией их предков — пресмыкающихся. Все эти признаки принадлежат к категории «общих приспособлений», являющихся шагом вперед относительно более раннего состояния, но по своему строению и отправлениям они так универсальны, что подходят для самых различных условий жизни. Напротив того, специальные приспособления меняются от одного вида к другому. Эти факты вполне соответствуют теории отбора.

Что касается третьей группы возражений Гертвига, то они в действительности направлены мимо цели. Он пытается доказать, что общая закономерность жизненных явлений (например, такие свойства живых тел, как способность переваривать пищу, дышать, размножаться делением) нельзя объяснить действием естественного отбора. Но эти общие свойства живого вещества связаны с вопросом о самом возникновении жизни и совершенно выходят за пределы того, что имеет в виду теория Дарвина. Ей нельзя ставить в вину, что она объясняет не все явления жизни, как нельзя порицать ученого натуралиста за то, что он не музыкант и не цирковой борец.

Далее, какие же генеалогические данные несовместимы с теорией отбора? Оказывается, что, по мнению Гертвига, дарвинисты склонны признавать монофилетическое происхождение [1]) организмов, а генеалогия говорит против этого. С этим аргументом дело совсем неблагополучно. Во-первых, ничем не доказано, что дарвинизм неизбежно приводит к монофилии, во-вторых, генеалогические данные (имеющие лишь ограниченное зна-

[1]) Т.-е. происхождение от одного предка, а не от многих.

чение) говорят лишь против такой монофилии, какую находим в библейском сказании о сотворении мира и над которой смеялся еще Геккель. Стоит ли говорить, что она не имеет ничего общего с дарвинизмом?

Наконец, последнее возражение состоит в том, что организм следует изучать с причинной точки зрения, а не стремясь выяснить происхождение их целесообразности. Такое ограничение задачи биологии нельзя считать правильным. Именно приспособления, т.-е. такие структурные особенности и свойства, которые поддерживают жизнь индивида или целой породы и представляют главное отличие живых тел от неживых. «Приспособление» есть специфически биологическое понятие, обозначающее средство для поддержания жизни. Сделать понятным происхождение приспособлений составляет поэтому одну из главных задач теоретической биологии.

Этими пятью «группами возражений» почти исчерпывается то, что автор выдвигает против дарвинизма. Остальное содержание книги есть талантливое изложение ряда общебиологических вопросов—о зародышевой клетке, о биогенетическом законе, о наследственности и изменчивости и т. д. На фоне этого изложения нас поражает слабость аргументации против учения Дарвина. В чем же ее причина?

Несомненно, что одной из причин этого убожества критики дарвинизма является чуждое по существу Гертвигу стремление выступить против учения, влиянию которого он приписывает распространение идей борьбы на общественные отношения. По его мнению, материалистическое мировоззрение, нашедшее в дарвинизме могучую опору, вылилось на английской почве в учение «утилитаризма», с его необузданной хозяйственной конкуренцией и борьбой всех против всех, с его «laisser faire», с его непрерывным состязанием между отдельными индивидуумами и между целыми народами.

Ряд исторических событий, грозящих разрушить германскую культуру, вызвал, как одно из своих последствий, появление этой книги, сочетавшей прекрасное изложение чисто биологических вопросов с жалким протестом против этих событий, в виде антидарвинистской тенденции.

В подтверждение своих слов позволю сослаться на появившуюся в 1918 году брошюру того же автора: «К опровержению дарвинизма в области этики общественности и политики», где основная тенденция Гертвига проходит красной нитью.

Чувство, волновавшее автора при работе над «Возникновением организмов», он сам выражает так: «Я надеюсь, что эта книга подаст ему (германскому народу) повод к серьезному размышлению и поможет ему, от природы мирному, трудолюбивому и вместе с тем героическому народу, создать более гармоническое мировоззрение, чем позволяет это сделать теория естественного отбора и борьбы за существование,—это перенесенное на нашу почву чужеземное растение». Эти слова лебединой песни выдающегося немецкого биолога вскрывают перед нами причину внутренней слабости его книги.

М. Гремяцкий.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ. I. Стеклов «Галилей». 103 стр. II. Стеклов «Ломоносов». 203 стр. III. Замятин «Роберт Мейер». 72 стр. IV. Чистович «Мечников» 81 стр. V. Холодковский «Мальпиги» 34 стр. VI. Холодковский «Ян Сваммердам». 49 стр. VII. Меншуткин «Зинин». 122 стр. 1922 — 1923 гг. Изд. Госиздат. Изд. Гржебина. Берлин.

Большие люди—люди сильных страстей и упорной воли; знакомство с их жизнью имеет глубокое воспитательное значение даже в том случае, если оно носит книжный характер. Одно условие при этом необходимо соблюдать,—необходимо, чтобы биограф был сам значительным и чутким человеком. В противном случае даже великое рискует сделаться рядовым и мелким, подчас жалким и смешным.

Жизнь великих обыкновенно ассиметрична; но как бы она ни была уродлива в одних, она необыкновенно красива и ярка в других своих гранях. Здесь более чем где-либо применим афоризм: «От великого до смешного один шаг». Вот по-

чему дать выпуклый, живой образ, с его красстой и уродством, а не ходульный манекен, припудренный сахаром, под силу лишь мастеру. Он должен уметь смотреть прямо в глаза натуре, а не снизу вверх; рассматриваемая серия биографий в целом производит благоприятное впечатление, начиная с простой, но весьма удачной, изящной внешности издания и заканчивая живым серьезным содержанием большинства книг, вошедших в серию. Удачнее других работ «Роберт Мейер» Замятина, «Ломоносов» и «Галилей» Стеклова и «Зинин» Меншуткина, слабее «Мальпиги» и «Ян Сваммердам» Холодковского, совсем слаб «Мечников» Чистовича.

Трагическая фигура Роберта Мейера, почти интуитивно угадывающего великое значение своих исследований, вопреки гнусящему голосу окружающей мещанской среды, загнавшей его в сумасшедшую рубаху, очень выпукла и красочна. Подлинная жизнь одного из людей, заслужившего в своих трудах бессмертия, далеко позади оставляет трагедию многих, воплощенную в «Одиноких» Гауптмана. Замятин своим изложением жизни Мейера сделает последнего доступным и знакомым и тем кругам, которые вряд ли слыхали раньше о великом исследователе природы. В изложении жизни Галилея и Ломоносова мы опять-таки слышим голос человека, которому не чужда не только сфера духа, но и живая жизнь. Стеклов не только излагает, но и исследует; его образы доподлинные, и читатель чувствует, что материалы им не приняты на веру, но критически оценены.

Если в изложении Замятина чувствуешь, что биографа увлекает прежде всего трагедия жизни, которую он и дает как художник, в Стеклове виден аналитик, который все же дает образ как целое.

Образ Михайлы Ломоносова, со всеми национальными чертами его широкого гения, данный в рамке жизни его современников, очень четок. Удачен и образ Галилея, хотя его фигура, заслоненная веками и иной культурой, просит дополнительных штрихов в фоне.

Очень удачна и интересна биография талантливейшего химика Зинина, данная Меншуткиным. Вряд ли широкий читатель знает фамилию Зинина, принадлежащего к выдающимся русским людям, со специфическими чертами *национального* гения. Его образ настолько жив, и дан в столь широкой и прекрасно исполненной рамке, что не мало будет способствовать осознанию у русского читателя своего *национального* достоинства.

Бледнее образы Мальпиги и Яна Сваммердам. Жизнь выдающихся биологов XVII века дана в суховатых академических тонах. Холодковскому не удалось оживить ни отца микроскопии—Мальпиги, ни одного из первых эмбриологов—Сваммердам.

Оба они остались в пределах лишь двух измерений, — плоскостным изображением. Это обстоятельство, однако, не уменьшает ценности изложенных фактов из биографии и трудов двух средневековых биологов, впервые данных на русском языке.

Совсем не повезло Мечникову. Яркая и страстная его натура, богатая разнообразием интересов, ссохлась и поблекла в изложении Чистович. Досадно, что даже богатейший материал личных воспоминаний многих еще живущих товарищей выдающегося биолога нашего времени остался втуне,— неиспользованным. Могучий язык слов пригодился биографу лишь для того, чтобы пополнить коллекцию биографий из учебника Саводника. Одна тень,—без мяса и костей, без воли и духа. Шаблонное жизнеописание, каких много и в каких немного нужды. А жаль. Над жизнью Мечникова стоит поработать. В ней много красок и содержания. Жаль и то, что серия, как целое, этой книгой несколько испорчена.

М. Завадовский.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. А. УТЕВСКИЙ. Смерть Тургенева. *Н. Кашин.*—2. ТУРГЕНЕВ И ЕГО ВРЕМЯ. Сборник первый. *Н. Фатов.*—3. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТУРГЕНЕВА. Сборник статей. *Д. Благой.*—4. А. ОСТРОВСКИЙ и Ф. БУРДИН. Неизданные письма из собраний Гос. Театр. Музея им. А. Бахрушина. *Д. Благой.*—5. ИЗ ЮБИЛЕЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ А. Н. ОСТРОВСКОМ. I. А. Н. ОСТРОВСКИЙ. 1823—1923. Сборник статей. II. ОСТРОВСКИЙ. Юбилейный сборник. III. ПАМЯТИ А. Н. ОСТРОВСКОГО. Сб. статей. IV. А. Н. ОСТРОВСКИЙ. Сб. статей. V. ТВОРЧЕСТВО А. Н. ОСТРОВСКОГО. Юбилейный сборник. *Ю. Соболев.* —6. В. ЧЕШИХИН-ВЕТРИНСКИЙ. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Часть I и II. *В. Переверзев.*—7. В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Леонид Андреев. *В. Полянский.*

А. С. УТЕВСКИЙ. Смерть Тургенева. 1883—1923. Труды Тургеневского Общества. «Атеней». Пет. 1923. 16⁰ Стр. 88.

Названная брошюрка уже была напечатана в Тургеневском сборнике, изданном Тургеневским Обществом, не принадлежа к числу работ, вызванных специально той или другой юбилейной датой. Но все-таки автор хорошо сделал, выпустив свою работу отдельной книжечкой к сорокалетию со дня смерти Тургенева, тем более, что для нового ее издания автор использовал ставшие ему доступными ценные неизданные материалы из архивов П. В. Анненкова и Я. П. Полонского, находящихся теперь в Пушкинском Доме. «В частности здесь впервые использована переписка Тургенева с П. В. Анненковым за 1882 и 1883 годы и письма Я. П. и Ж. А. Полонских и А. Ф. Онегина, касающиеся болезни и смерти Тургенева».

А. С. Утевский разносторонне разрабатывает избранную им тему, не ограничиваясь только рассказом о тех страданиях, какие приходилось переживать Тургеневу во время своей болезни, и о том уходе, каким он тогда был окружен. Помимо этого, наш автор останавливается на отношении И. С. к смерти и констатирует, что оно не было всегда неизменным, наоборот, что «в душе великого писателя на смертном одре произошел перелом», близость смерти внесла в его душу примирение, о котором так ярко свидетельствует его знаменитое предсмертное письмо к Л. Н. Толстому.

Душевное состояние автора «Записок охотника» в это время А. С. Утевский совершенно справедливо приравнивает к таковому же состоянию героини рассказа «Живые мощи», кроткой страдалицы Лукерьи. Любопытно отметить, как Тургенев в своем творческом прозрении сумел постичь ее переживания и найти для них чарующее выражение, подобно тому, как в «Дневнике лишнего человека» в прощание Чулкатурина с жизнью наш романист как-будто вложил «частицу тех переживаний, которые выпали на его долю через 33 года».

В последней главе своего очерка автор останавливается на той яростной борьбе страстей, которая ярким пламенем разгорелась вокруг гроба Тургенева в связи с опубликованием П. Л. Лавровым письма, где тот сообщал, что «Тургенев, со собственной инициативе, предложил ему содействовать изданию революционного органа «Вперед» и с этой целью в течение трех лет вносил по 500 фр. ежегодно». Перед исследователем, таким образом, встает вопрос, как мог Тургенев, заявивший себя «принципиальным противником революции»,—как мог он давать деньги на поддержку революционного издания. Наш автор решает этот вопрос в том смысле, что Тургенев мог сочувствовать революционному движению «в общем, как оппозиции против державного деспотизма».

В брошюрке А. С. Утевского, между прочим, указано, что упомянутая выше переписка Тургенева с Анненковым в подлинниках хранится в Центрархиве. Следовало бы позаботиться об издании ее полностью.

Н. Кашин.

ТУРГЕНЕВ И ЕГО ВРЕМЯ. Первый сборник (изд. Тургеневской Комиссией Общества Любителей Российской Словесности), под редакцией Н. Л. Бродского. 1923. Государств. Изд-во. Москва. Тираж 5.000 экз. Стр. 4 ненум. + 326. Цена не обозначена.

Выпуском I Тургеневского сборника О-во Люб. Росс. Словесности возобновляет свою издательскую деятельность. Несвободный от некоторых недостатков, настоящий сборник является несомненным серьезным вкладом в изучение И. С. Тургенева. Книга состоит из трех отделов. Первый озаглавлен — «Художники слова о Тургеневе». В него вошли отклики писателей на анкету О-ва Л. Р. Сл. по поводу столетия со дня рождения Тургенева. К сожалению, материал, представляемый этим отделом, довольно бледен. Интересны письма о Тургеневе Л. Н. Толстого и П. А. Кропоткина, но первое не является новинкой (было напечатано в журн. «Современник», 1913, кн. 3), второй же едва ли может быть отнесен к «художникам слова». Из подлинных «художников слова» откликнулись лишь К. Д. Бальмонт, давший обстоятельную красивую статью со стихотворением в заключение, и Б. К. Зайцев; кроме них, поместили коротенькие заметки Н. Д. Телешов и Н. И. Тимковский, да еще напечатали обстоятельные излияния Л. Ф. Нелидова-Маклакова и Е. М. Эк-Курч, — писательницы, едва ли кому, кроме членов О. Л. Р. Сл., известные. Заканчивается отдел циклом из десяти выразительных триолетов под заглавием: «Мудрость. Памяти Тургенева», написанных недавно скончавшимся историком литературы и поэтом В. Е. Чешихиным-Ветринским.

Второй отдел, заключающий в себе ряд статей о Тургеневе, значительно ценнее. Выделяются статьи *Л. П. Гроссмана* «Смена стилей в театре Тургенева», устанавливающая ряд интереснейших параллелей между пьесами Ив. Серг-ча и произведениями западных драматургов—Меримэ, Мюссэ, Бальзака [1]), и *Н. К. Пиксанова*, «История Призраков», написанная с большою обстоятельностью, хотя и не опровергающая, как то кажется автору, интересной и подкупающей гипотезы Ч.-Ветринского, что Эллис — символ музы Тургенева. Интересны статьи *Л. Крестовой* — «Татьяна Бакунина и Тургенев», служащая дополнением к статье Н. Л. Бродского «Премухинский роман Тургенева», появившейся недавно в сборн. «Тургенев», изд. Центрархива, и небольшая работа *Н. Л. Бродского* «Проза «Записок охотника», убедительно, хотя и бегло, демонстрирующая несомненную ритмичность, рифмичность и эвфоничность языка знаменитых рассказов. Статья *Д. Д. Благого* «Тургенев—редактор Тютчева», более интересная для изучения Тютчева, чем Тургенева, поражает своим поистине изумительным выводом, что Тургенев, самовольно исправляя и *искажая* текст тютчевских шедевров, поступал «целесообразно» и заслуживает за то чуть ли не особой благодарности исследователей.

Излишним балластом представляется обширное извлечение из работы *В. И. Дьяконова* под заглавием «Сравнения Тургенева», скорее напоминающее сводку необработанных материалов, чем исследование. Единственным оправданием для появления этой статьи в сборнике служит преждевременная смерть ее автора, краткая биографическая заметка о котором дана П. Н. Сакулиным. Третий отдел книги — материалы. В нем читателю преподносится целый клад — 108 *неизвестных ранее писем И. С. Тургенева:* 98—к Ник. Ив. Тургеневу (известному декабристу и эмигранту) и членам его семьи, и 10 — к другим лицам. Впрочем, письма Ив. Серг-ча к Тургеневым, интересные, конечно, как интересно все, что выходило из-под пера великого писателя, относительно являются довольно бледными и не идут ни в какое сравнение, напр., с письмами к Вьярдо, Ламберт или Савиной. Наиболее часто повторяющейся темой их оказывается вопрос о приглашении к обеду, завтраку, или на «бокал шампанского» и на охоту. Только изредка попадется какой-нибудь более ценный штрих, как, напр., в письме

[1]) Странно лишь, что автор совершенно не уделил внимания такой важной пьесе, как «Нахлебник».

№ 4, из которого мы узнаем, что Тургенев, пригласив «г-на Васильева» (священника посольской церкви в Париже) «давать уроки закона божьего» (!!) своей дочери, посовестился «говорить с ним о деньгах» и решил, что самое удобное будет... ничего ему не платить и только «отблагодарить его в конце года каким-нибудь подарком». Разумеется, практический священнослужитель весьма скоро прекратил уроки, столь неопределенные в смысле гонорара, чем привел Тургенева в большое смущение. Штрих — необычайно колоритный для аристократически-барской психологии Тургенева, колоритный и для его двойственного миросозерцания: он «агностик», почти атеист, тем не менее заботится об уроках «закона божьего» для своей Полины! Любопытны обстоятельные заботы И. С. Тургенева о своих имениях, об оброке, доходах и размере возможного выкупа за землю, в связи с освобождением крестьян (письмо № 5), и кое-что другое. Письма к Тургеневым снабжены очень краткими и бледными характеристиками адресатов Ив. Сер-ча, написанными А. А. Фоминым. Им же дан весьма скупой, чисто формальный и местами очень небрежный комментарий к письмам.

Из примечаний А. А. Фомина мы, напр., узнаем, что «указ об освобождении крестьян был опубликован... 19 февраля 1861 года» (стр. 281) [1]), но ничего не найдем в разъяснение ряда имен: напр., тщетно стали бы читатели искать в примечаниях А. А. Фомина, кто таковы «г-н Pomey» или г-жа Delessert», или «г-жа Junis», или «г-жа Инниш» (?), или Ханыковы и многие другие лица, упоминаемые в письмах; ничего не узнаем, напр., и о деле Тургенева в сенате (письмо № 20), или выставке (письмо № 23) и о письмах Меримэ и многом другом, что естественно было бы разъяснить в примечаниях. Некоторые комментарии А. А. Фомина вызывают недоумения, напр., совершенно неясна связь письма № 69 с днем рождения П. Вьярдо, о котором в письме ничего не говорится, и которое, тем не менее, служит А. Фомину опорой для датировки письма [1]) и т. д. Все французские письма переведены, что можно, разумеется, только приветствовать, но, к сожалению перевод местами далеко не точен: напр., «il se passe dans la forêt de Dodone» переведено: «я его читал (?!) в лесу Д.» (стр. 307) [2]), иногда же до курьезности буквален: напр., слова «J'étais abonné au Temps et au Gaulois» нельзя, конечно, переводить — *Я был подписан* (!) на «Temps» и «Gaulois»..., а «je me suis blessé les pieds avec mes souliers» — «я *поранил* себе ноги ботинками» и т. д.... Текст русских писем И. С. Тургенева передан почему-то без соблюдения орфографии подлинника. Письма И. Сер-ча не к Тургеневым (к М. С. Щепкину, А. Н. Плещееву и др.) комментированы Н. Л. Бродским гораздо более обстоятельно, чем А. А. Фоминым — письма к Тургеневым. Упомянем еще о ценных мелких заметках по Тургеневу, данных В. Е. Чешихиным-Ветринским (особо любопытны указания на прототипы героев «Дыма»), и на весьма важный перечень юбилейной литературы о Тургеневе, вышедшей в черте белогвардейской оккупации на юге России, составленный М. А. Алексеевым, при чем им дается не голый список, а указатель, сопровождаемый характеристикой наиболее интересных работ, и даже перепечатываются (с соблюдением правописания подлинника) некоторые вновь опубликованные письма Тургенева. В заключение нельзя не обратить внимания на совершенно недопустимое отсутствие указателя собственных имен и на крайне небрежную корректуру, в результате чего имеется масса опечаток и ряд неприятных ляпсусов, напр., ссылка на воспроизведение *двух* снимков дома

[1]) Сведение, к тому же и не вполне точное, так как указ 19 февраля был, как известно, обнародован 5 марта.

[1]) Письмо, повидимому, и относится вовсе не к 1877 г., а к 1881 году, слова же о времени «столь ужасном для всех русских», думается, надо понимать как намек на убийство Александра II.

[2]) Речь идет о содержании оперного либретто, и о третьем акте говорится, что «действие происходит в лесу Додона».

Тургеневых, в то время как воспроизведен только один, и пр.

Зато внешность издания производит весьма выгодное впечатление, при чем нельзя не отметить неизвестного ранее портрета И. С. Тургенева, прекрасно отпечатанного с дагерротипа начала 40 гг.

Н. Н. Фатов.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТУРГЕНЕВА. Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского. Книгоизд-во «Сеятель» Е. В. Высоцкого. Петрогр. 1923 г. Стр. VII+319. Тираж 2000 экз.

Из многочисленных тургеневских сборников, появившихся со времени юбилейного 1918 года, сборник, выпущенный ныне издательством «Сеятель», едва ли не самый насыщенный по содержанию и в то же время наиболее цельный по своему составу. Все его статьи, несмотря на различную методологическую устремленность различных их авторов, крепко связаны между собой общей заглавной темой — уяснить разные стороны единого творческого пути одного из замечательнейших мастеров русской художественной прозы.

Значительная часть статей — и среди них все лучшее сборника — ставят эту задачу на фоне многообразных связей и соответствий между Тургеневым и его литературным окружением — предшественниками, современниками, последователями. Все сюда относящиеся статьи столько же важны в науке о Тургеневе, сколько и в изучении тех писателей, с которыми он в них сопоставлен. Так, проф. *А. И. Белецкий* («Тургенев и русские писательницы 30—60-х гг.»), рядом примеров и сопоставлений отмечая выдающуюся роль, которую женщины-писательницы сыграли в процессе сложения женских образов Тургенева, одновременно вводит нас в почти неисследованный мир женского литературного творчества поры его расцвета.

М. П. Алексеев («Тургенев и Марлинский») исследование роли повестей Марлинского в генезисе героя тургеневской повести «Стук... стук... стук» дает повод к интересному этюду по истории литературных отображений особого, литературой же порожденного типа — читателя Марлинского, — «героя à la Марлинский».

Статья *А. Лаврецкого* — «Тургенев и Тютчев» — вскрывает в жизненном и творческом облике Тургенева особое подземное течение, которое, выражаясь собственными словами Тургенева, таилось «там, внизу, под поверхностью жизни», «тайно сопровождало его на всех его путях». Усматривая в этом течении нечто сходное с основной стихией, звучащей нам в Тютчеве, автор получает возможность, играя светотенью сходств и различий, углубить и понимание поэзии Тютчева. В дополнение к делаемым автором сближениям Тургенева с Тютчевым, интересно отметить, что основной художественный образ вызвавшего такую резкую отповедь в Тютчеве романа Тургенева «*Дым*», между тем явно навеян другим более ранним стихотворением того же Тютчева («Как дымный столб»...)

Своеобразна в композиционном отношении статья *А. С. Долинина* «Тургенев и Чехов». В сущности это даже не статья, а две статьи (одна — «Параллельный анализ «Свидания» Тургенева и «Егеря» Чехова», другая посвящена методологии и гносеологии термина «литературное влияние»), не только, в некое подобие гофмановскому «Коту-Муру» непрерывно перебивающие друг друга, но и написанные совершенно различным слогом: насколько язык «анализа» ясен, точен, убедительно-конкретен, настолько рассуждения об условиях и границах влияния, несмотря на оговорку автора, что он «не исповедует здесь никакой метафизики», спутанны, туманны, расплываются как раз в дурную метафизическую отвлеченность. Недостаток внешнего строения статьи выкупается, правда, мастерским анализом сравниваемых рассказов Тургенева и Чехова. Не совсем только правильно архитектоническое членение «Свидания» на «две почти равные части», между которыми «архитектоническая связь — самая примитивная — пространственная: идет раньше система образов пейзажного характера и лишь после того, как эта система уже до конца исчерпана, выдвигается вторая система образов, связанная с первой слабыми нитями аналогии». На самом деле, Тур

геневым развертывается пейзаж, на его фоне ставятся аккумулировавшие в себя его основные черты два человеческих образа. Драматическая коллизия, имеющая между ними место, в свою очередь, отражается на восприятии пейзажа, драматизацией которого и завершается весь рассказ. Таким образом, архитектоника «Свидания» вовсе уж не так «примитивна», обладает определенной симметрией, своего рода композиционной музыкальностью. Симпатии автора вообще целиком на стороне поэтики Чехова, и это чувствуется на протяжении всего анализа.

Из остального материала Сборника выдаются статьи *М. Рыбниковой* «Один из приемов композиции у Тургенева» и *М. М. Клевенского* «Литературные советники Тургенева». В первой подчеркивается важное композиционное значение рассказчика в повестях Тургенева; из второй выясняется, что Тургенев был не только большим охотником давать всякого рода литературные советы и наставления (чему посвящен ряд напечатанных за последнее время работ), но с неменьшей готовностью в своей собственной художественной деятельности спрашивал и подчинялся всякого рода указаниям, даваемым ему его друзьями. Правда, характерно, что ни один почти из этих советов, в большом количестве подобранных автором статьи, не носит стилистического характера, там же, где такие стилистические указания имеют место, Тургенев чаще всего им не подчиняется.

Добросовестно выполнен *М. Габель* «Опыт анализа «Песни торжествующей любви». Но, сочувственно цитируя указание Елагина, — «прообразом тургеневского рассказа являлась итальянская новелла XIII века», — автор оставляет без внимания, что рассказ Тургенева начинается ссылкой на рукопись никак не старше конца XVII в.

Интересен этюд *М. Самарина* «Тема страсти у Тургенева». Однако, делая ряд любопытных замечаний относительно роли эстетического момента в жизни героев Тургенева и давая, в свете упомянутой выше статьи Лаврецкого, богатый материал для дальнейших сопоставлений Тургенева с Тютчевым (напр., параллелизм мотивов грозы и страсти), основную тему своей статьи автор разрабатывает слишком эпизодически.

Наоборот, интересное исследование *К. К. Истомина* о движении тургеневского стиля от Андрея Колосова к Рудину (роман «Рудин») загромождено неуместными в работах этого рода лирическими отступлениями к читателю, цитатами из Ибсена, рассуждениями о космическом чувстве и космической душе и т. п. Написана эта статья языком («потертая монета... *громко вопиет* о своей новой чеканке»..., «лирическая *накипь...утихает* и *всплывает на поверхность*, а на дне души отстаивается спокойная *гладь рисунка* и т. п. и т. п.), с которым может итти в сравнение только стиль последней в сборнике и самой неудачной статьи *Николая Энгельгардта* «Мелодика тургеневской прозы». Все от начала до конца ошибочно в этой статье. Прежде всего, называя ее исследованием о «мелодике», автор, на самом деле, занят выяснением исключительно метрических особенностей тургеневской прозы. Затем вся его статья направлена одним совершенно незаконным стремлением — до-нельзя упростить чрезвычайно сложное и вовсе не разработанное в методологическом отношении изучение принципов ритмического и интонационного строения художественной прозы. Из общего гармонического потока тургеневских фраз автор произвольно выхватывает отдельные небольшие куски, в которых ему удалось обнаружить наличие нескольких ямбов или анапестов, и рубит эти куски, согласно обычным стихотворным схемам, на строки (нечего говорить, что в отношении Тургенева, как известно, совершенно не выносившего такого слияния прозы и стиха, подмены стиха «рубленой прозой»,— подобные изучения особенно малоуместны). В результате такой работы, возникают банальнейшие стишки, в которых, несмотря на красноречивые заверения автора об их «изумительной грациозности» и «необыкновенной красоте», никак не угадать могучего и широкого дыхания великолепной тургеневской прозы. Автор, видимо, и сам чувствует, что одних его заверений недостаточно, и вот, чтобы окончательно убедить читателя, что препарированная им проза

звучит «совсем как стихи», он, следуя остроумному почину Андрея Белого (вся статья проникнута преклонением перед теориями Белого, очевидно, принятыми в качестве «последнего слова»), решается дать образцы «экспериментальной версификации», т.-е. или присочиняет к тургеневским отрывкам рифмованные концы (!), которых, очевидно, только и недоставало, или составляет по метрическим схемам, якобы открытым им у Тургенева, совсем новые стихотворения. Но что пристало Андрею Белому, видимо, никак не идет Николаю Энгельгардту. По крайней мере, от таких «экспериментальных» строк, как—

«Жизнью играя, смеется и плачет
Дева—нежный цветок.—
В лесу так и кипит, и скачет
Весенний поток»—

«отскакиваешь» с неменьшим отчаянием, чем от фраз в роде: «строфы гармонической прозы суть... переходы к созерцательному *грезению в кристалле прозрения разума* вещей».

Но одна неудачная статья на десять, несомненно, ценных работ — процент слишком невысокий, и в богатой тургеневской литературе последних лет новый сборник займет безусловно видное место.

Д. Благой.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ и Ф. А. БУРДИН. Неизданные письма из собраний Государств. Театрального Музея, имени А. А. Бахрушина, под ред. Н. Л. Бродского, Н. П. Кашина, при ближайшем участии А. А. Бахрушина. М. — П. 1923 г. Стр. XVIII+498. Тираж 6000 экз.

Изданием обширной переписки Островского и современного ему петербургского актера Ф. А. Бурдина театральная секция Российской Академии Художественных Наук открывает серию трудов по истории русского театра второй половины XIX в., объединяемую общим названием «Островский и его современники» и задуманную по типу известного академического издания, связанного с именем Пушкина.

Переписка включает в себя свыше 700 номеров (письма Островского к Бурдину частью были опубликованы, письма Бурдина печатаются впервые) и охватывает из года в год — нет писем только за 1858 — 59 гг. — почти всю творческую деятельность Островского, начинаясь 1853 годом — год первого появления на сцене его оригинальной пьесы — и прерываясь в начале 1886 г., за несколько месяцев до смерти писателя.

На первый взгляд переписка носит узко-профессиональный характер. Тема всех без исключения писем двух друзей одна и только одна — театр. Все текущие театральные новости Петербурга и Москвы, щедро рассыпанная на каждой странице пудра театральных уборных—закулисные анекдоты, сплетни, интриги, недоброжелательство театральных рецензентов, физиология театрального ремесла—все эти бенефисы, «поспектакельные деньги» и т. п., и т. п. Тщетно мы станем искать в переписке каких бы то ни было откликов на великие события современной литературы (деятельность Тургенева, Достоевского, Льва Толстого) и жизни (падение Севастополя, освобождение крестьян и т. п.). Все это меркнет перед одной, действительно непоправимой, с точки зрения авторов переписки, бедой. «Я передал о твоем затруднении,—пишет Бурдин Островскому от 24 июля 1882 г.,— что в Москве нет любовника, а в Петербурге—старух» (речь идет, конечно, о театральных амплуа)—сообщение, которое, казалось бы, можно взять в качестве эпиграфа, до конца определяющего собой горизонт переписки, весь ее пафос.

Однако, по мере чтения писем, для более внимательного читателя открывается второе и гораздо более замечательное их лицо. Переписка является не только подробнейшей летописью театрального быта обеих столиц, давая тем в руки исследователей и любителей бесценный фактический материал по истории русского театра, но и представляет собой главу из истории русского освободительного движения, в части его, касающейся раскрепощения театра, вообще. Островский застал русскую сцену в чрезвычайно тяжелых внешних условиях. Среди театрального начальства господствовали традиции театра кре-

постных. Начальствующие обращались, напр., к артистам на «ты». Материальная оплата авторского и актерского труда носила совершенно ничтожный характер — сам Островский, как известно, несмотря на всю свою славу и колоссальную производительность, тяжко нуждался до конца жизни. В то же время театр задыхался в путах чиновничье-бюрократического хозяйничания (частно-предпринимательское театральное дело из опасения конкуренции разрешаемо не было). Островский с первых же шагов заявил себя непримиримым противником существующего театрального строя. И письма его к Бурдину, это в сущности — печальная повесть не прекращающейся и чаще всего бесплодной борьбы с театральной дирекцией, конторой, репертуарным комитетом и прочими органами театральной администрации. Жалобы на совершенную свою беспомощность перед лицом чиновничьей безликости, граничащие с неоднократно высказываемым решением вовсе уйти от театра, отказаться от постановки и даже дальнейшего писания пьес, мелькают в письмах Островского на протяжении всей переписки. Как известно, борьба Островского (Бурдин здесь являлся только его подголоском) увенчалась было к концу его жизни полным успехом, если бы не новый противник, внезапно ставший на его пути: через несколько месяцев после назначения на пост директора Московской театральной школы и заведующего художественной частью московских театров Островский скоропостижно умер.

Эта боевая сторона переписки делает ее интересной не только для названных выше читательских категорий, но и для широкого читателя вообще и в известной мере оправдывает тот—имея в виду невысокую покупательную способность современных читателей и значительную стоимость книги—чрезвычайно большой тираж, в котором она выпущена Госиздатом.

Жаль только, что слишком большие размеры переписки помешали ее редакторам предпослать ей вступительную статью, которая помогла бы читателю ориентироваться в ней надлежащим образом, особенно обратив внимание на ее вышеуказанное общественное значение. Без такой статьи лабиринт встречающих нас в письмах и интересных только исследователям мелочей слишком мудрен, чтобы не запутаться в нем самым безнадежным образом. Недостаток места вынудил не давать к письмам и обычных примечаний, замененных подробным именным указателем в конце книги, при котором приведены краткие биографические сведения. В передаче орфографии подлинника редакция прибегла к остроумному способу, печатая письма по новому правописанию, но в то же время сохраняя все их существенные звуковые и начертательные особенности. Однако, отсутствие принятых отмет не позвсляет относительно ряда встречающих нас в тексте писем слов с неправильным написанием судить, — повторяют ли они ошибки подлинника или являются простыми опечатками. Если верно второе, то таковых встречаем мы в книге немало. Не обозначена принадлежность нескольких писем без обращения и подписи Островскому (№№ 544, 579). Следовало бы также во избежание монотонного типографского строя книги перед началом писем каждого нового года ставить соответственные цифры годов. Однако, вообще трудная и кропотливая работа по редактированию переписки выполнена с большой тщательностью. К переписке приложено 3 портрета Островского и Бурдина, два фотографических воспроизведения писем и краткий биографический очерк Бурдина, написанный Н. П. Кашиным.

Д. Благой.

ИЗ ЮБИЛЕЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ А. Н. ОСТРОВСКОМ.

1) А. Н. ОСТРОВСКИЙ. 1823—1923. Сборник статей к столетию со дня рождения под ред. проф. Когана. К-во «Основа». Иваново-Вознесенск. 1923. Стр. 162.—2) ОСТРОВСКИЙ. Юбилейный сборник под ред. А. А. Бахрушина, Н. Л. Бродского и Н. А. Попова. Изд. Русск. Театрального Общества. Иллюстрации по матер. Гос. Театрального музея им. А. Бахрушина. М. 1923 г. Стр. 74.—3) Памяти А. Н. ОСТРОВСКОГО. Сборник статей об Островском и неиздан-

ные труды его, Петроградского О-ва имени Островского, под редакц. Е. П. Карпова, Р. К. Петрова, М. Д. Беляева, А. С. Полякова. С портретом А. Н. Островского и иллюстрациями Боклевского, Шарлеманя, Ламбина, Стеллецкого, Всеволожского. К-во «Путь к Знанию». П. 1923 г. Стр. 208.—4) А. Н. ОСТРОВСКИЙ. Сборник статей под ред. Б. В. Варнеке. Госиздат Украины. 1923 г. Стр. 194.—5) ТВОРЧЕСТВО А. Н. ОСТРОВСКОГО. Юбилейный сборник Росс. Академии Художественных Наук, под ред. С. К. Шамбинаго. Госиздат. М.—Петр. 1923 г. Стр. 325.

Эти пять сборников, заглавия которых выписаны в порядке хронологического поступления их на книжный рынок, составляют бесспорно ценный вклад в литературу о великом драматурге. К сожалению, общим недостатком, обычным именно для «юбилейной» литературы, является распыленность материалов, некоторая случайность в их выборе и в расположении. Переходя к оценке сборников, следует распределить помещенные в них статьи по определенным рубрикам, т.-е. расположить в известной последовательности материал биографический и критический. Для упрощения ссылок на тот или иной сборник условимся обозначать их так: ивановознесенский, московский (издан. Театрального О-ва), петроградский, одесский (Украинский Госиздат) и академический.

Материалы чисто биографического характера—биографии, мемуары, разного рода памятки и пр.—во всех сборниках представлены не слишком богато. Мало значительны воспоминания А. Ф. Кони в московском сборнике и Вальца о первой постановке «Снегурочки» там же; сравнительно детально сделана сводка всех материалов и сведений о болезни и смерти Островского (Синюхаева) в петербургском сборнике; любопытная страничка из биографии Островского, относящаяся к первоначальным годам его писательского пути «Газетная травля», рисующая журнальную клевету, возникшую вокруг известного обвинения Островского в «плагиате» неким актером Горевым (Беляев—в петроградском сборнике), да рассказ неутомимого исследователя Островского Кашина о волнениях Островского при первой постановке «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского»,—вот, пожалуй, и все, что можно было бы отметить в сборниках по части мемуаров. Впрочем в одесском сборнике находим еще любопытную справку М. П. Алексеева об Островском в Одессе, точнее, о цензурном запрете «Грозы», снятой с одесской сцены по распоряжению одесского сатрапа графа Строганова. «Гроза», хотя и была допущена цензурой 3-го отделения, вызвала следующую резолюцию Строганова: «Невзирая на цензуру 3-го отделения, не дозволить представление «Грозы» не только не благопристойной, но даже похабной». Но эта, сама по себе ценная, страничка из истории цензурных нравов относится скорее не к биографии Островского, а к биографии самого графа Строганова.

Н. Кашин в иваново-вознесенском сборнике как бы дополняет рассказанную Алексеевым историю в богатой статистическими данными статье «Мартиролог Островского», в которой, на основании архивных данных, устанавливает не только количество представлений пьес Островского на императорских сценах, но и грустную историю борьбы великого драматурга с дирекцией, упорно затирающей его пьесы и чинящей ему всевозможные материальные невзгоды.

Значительный интерес представляют те статьи в сборниках, которые рисуют огромное влияние Островского на русскую сцену. Истинный писатель для театра, оставивший ему огромное наследие и заложивший до сих пор не стареющую традицию, Островский, однако, питал свое творчество от соприкосновения с теми замечательными актерами, чья интуиция так свободно воспринимала ту новую правду, которую нес с собой драматург. Н. Е. Эфрос в статьях «Островский и Садовский» и «Первые Катерины», Брянский «Мартынов и Островский» и «Васильев в репертуаре Островского» (в московском сборнике) и Е. П. Карпов «Стрепетова — Катерина» (петербургский сборник)—дают чрезвычайно ценный материал, устанавливающий внутренний тон этого взаимоотношения между драматургом и его актерами. Вместе с тем, эти статьи пред-

ставляют значительный интерес и для исследователя актерского мастерства. Б. Варнеке в двух больших статьях «Творчество Островского» (одесский сборник) и «Островский и сценические исполнители» (в академическом сборнике) устанавливает те основные вехи сценизма Островского, по которым шло его драматургическое мастерство, уклоны и развитие которого в огромной мере зависели от индивидуальных свойств отдельных актеров. Можно считать бесспорным тот факт, что, питая свое творческое вдохновение из живых наблюдений над бытом, Островский оформлял его в зависимости от личных свойств того исполнителя, которому он предназначал ту или иную роль. Например: про роль Кнурова из «Бесприданницы» он пишет своему другу Бурдину: «я более года думал, чтоб написать для тебя роль, спокойную и типичную». А режиссера Федорова он просит назначить в «Доходном месте» роли так, как он предполагал, когда писал эту пьесу, и дает перечень семи главных ролей, указывая их исполнителей. А своего «Минина» он пишет в расчете на «энергический жест» В. В. Самойлова. К сожалению, центральная статья в этом отделе, посвященном вопросу о взаимном влиянии театра на творчество Островского и Островского на мастерство актеров, статья В. Г. Сахновского «Влияние театра Островского на русское сценическое искусство» (в академическом сборнике) написана так нечетко, что порой интересные и верные замечания автора совершенно тонут в тех запутанных и сложных построениях витиеватой речи автора, на которых строится вся работа. В ней словесный материал, синтаксис которого хранит на себе налет влияния Аполлона Григорьева, без его, однако, пафоса, превалирует над внутренним содержанием. Что значит, например, такая фраза: «Я положительно думаю, что Островский поставил особые задачи русской сцене не только тем, что вывел доселе невиданных людей, но тем, что способ их написания был прямым обращением к особой стороне русской натуры»? Что значит: «созерцание Садовского в роли Любима Торцова было чудом искусства»? Сказать об Островском, что он «иночески простой пустынножитель на торжище людских страстей», в сущности значит ничего не сказать о нем. А между тем мысль В. Г. Сахновского о влиянии Островского, воздействовавшего на творчество актеров и тем самым приобщившего их к образам мирового репертуара, так как через Островского они—эти исполнители—нашли себя и приобрели иное душевное содержание,—мысль эту нельзя не признать глубоковерной.

Наиболее слабой частью всех сборников нужно признать ту, которая включает в себе статьи, дающие оценку творчества Островского. Здесь полнейшая неразбериха. Владимир Боцяновский (петербургский сборник) в статье «Любим Торцов» восклицает: «Канализация полуразрушена, и нечистоты с дворов не вывозятся. И все-таки: почему не о «духе одних нечистот, а о духе святом» говорим мы вернувшиеся из России? Да потому, что мы видели что-то, чего не узнаешь, не поживя там. Перед Алешей над гробом протухшего тела увидел живое нетленное тело, увидел Христа трапезующего», так восклицает, цитируя Белого, Боцяновский, только для того, чтобы сказать, что «из-за строк наших новых писателей глядят скорбные, любящие глаза все того же старого Любима Торцова», и в финале совершенно неожиданно заключить, что «только слепые не заметят в стиле Островского стиля Алеши Карамазова». Надо признаться, что даже и для «юбилейной» литературы, в которой знаки восклицания заменяют исследовательский метод, это слишком! А. А. Фомин (в сборнике Академии) статьей «Связь творчества Островского с предшествовавшей драматической литературой», утверждает бесспорные истины, что Волга впадает в Каспийское море: «значительная близость чувствуется у Островского с Грибоедовым, поскольку тот, использовав внешние приемы Мольера, в общей концепции отошел от него по пути общих, эпически-объективных отражений крупных жизненных бытовых течений». Или такая новость, что «в XIX веке Островский, как наследователь богатого и разнохарактерного, предшествовавшего ему материала по русской драматической литературе, ближе всего

примкнул к направлению, определенно выявленному Пушкиным, как последователем основных достижений Шекспира». На более правильный путь—путь исследовательский—встает П. А. Марков в статье «Морализм Островского» (академический сборник), в которой, исходя во многом из тех положений, которые развивал уже В. Г. Сахновский в своих работах об Островском, и устанавливая некоторые внешние приемы драматургического мастерства Островского (выбор, например, имен и фамилий и пр.), совершенно верно замечает, что «субъективная оценка Островским своих героев выясняется из их имен, из совокупности свойств и черт характера, из общей концепции и конструкции действия». Затем П. А. Марков вскрывает вообще все те условные приемы, которыми утверждает Островский свой вовсе уж не такой ясный и простой «морализм», ибо самая морализация в пьесах Островского есть «условный и сценический прием, достигающий целей театральных, с одной стороны, с другой помогающий сделать более доступным восприятию зрителей тот темный мир, который изображен в его пьесах». И общий вывод: «морализация—покров, за которым Островский скрывает темные сущности темного царства,—покров предохраняющий и преображающий». Мы не будем сейчас говорить по существу положений, выдвигаемых статьей, многие утверждения ее требуют дальнейшего раскрытия, как, например, вопрос об эстетике «уродливого» у Островского, но мы должны признать, что в сборнике, носящем название «Творчество А. Н. Островского», тот формальный метод, к которому прибегает исследователь, конечно, в тысячу раз для нас приемлемее ровно ничего не поясняющего склонения во всех падежах слов «великий драматург»,—склонения, которым занимаются с излишним усердием остальные критики.

Из статей, ставящих проблему изучения мастерства Островского, нужно отметить, во-первых, чрезвычайно внимательный и интересный труд А. Полякова по изучению текстов произведений Островского, по его рукописям, хранящимся в центральной библиотеке петербургских академических театров (петербургский сборник), затем меткие наблюдения над языком Островского С. К. Шамбинаго (академический сборник). Несколько ценных замечаний дает работа М. Алексеева «Пейзаж и жанр у Островского» (одесский сборник); С. Елеонский (в ив.-возн. сборн.) пытается установить предвосхищенный замысел «Вишневого сада» в комедии Островского и Соловьева «Светит, да не греет». Но основание для установления этого у автора чрезвычайно шаткое. Он аргументирует на сходстве фамилий в обеих пьесах и, между прочим, говорит, что фамилия того купца Дериганова, у которого на торгах перебивает Лопахин имение Раневской, напоминает фамилию Дерюгина в комедии Островского. На самом деле фамилия *Дериганов* у Чехова происходит, несомненно, от названия того *деригановского* леса, в котором собирал А. П. грибы, живя в Бабкине под Москвой.

Марксистская критика представлена в сборниках довольно бледно. Нужно указать лишь на статьи П. С. Когана и Кубикова (в иваново-вознесенском сбор.). Чучмарев в статье «Социально-экономический момент в творчестве Островского» (одесский сборник) несколько упрощает сложную проблему, утверждая, что Островский отразил почти исключительно «деньги» — то объективное, что царствовало над всей жизнью эпохи Островского. Думается, что выдвигать такое решение: пьеса «На бойком месте» строит ход своего действия на положении: «если предвидится триста процентов прибыли, капиталист решается на какое угодно преступление» —значит, сложный и глубокий марксистский подход сводить почти-что к ребячеству.

В работах, исследующих композицию отдельных пьес Островского, первое место принадлежит М. П. Кашину, которому принадлежат статьи «Исторические пьесы Островского» (академический сборник) и «Характеристика одного типа у Островского» (одесский сборник). Тот же неутомимый Кашин в академическом сборнике дает любопытную сводку взглядов на Островского у французских и немецких критиков, писавших по поводу Островского в связи с появлением переводов его пьес..

Между прочим, нельзя не отметить курьезного замечания Леметра, который, рассказывая о сцене покаяния Катерины в «Грозе», говорит: «в России, когда убивали старуху («Преступление и наказание»), когда зарывали живого ребенка («Власть тьмы») или просто когда обманывали своего мужа, — пользовались случаем, когда на улице много народа, бросались на колени и громко каялись. Повидимому, таков обычай страны!»

Петербургский сборник дает много любопытного, относящегося уже непосредственно к писаниям самого Островского. В отделе «Неизданные труды Островского», мы находим его переводы из Теренция, Сервантеса и Макиавелли, а также черновые записи его о Лопе-де-Вега. Все это лишний раз подчеркивает тот высокий интерес, который питал Островский к театру, насыщенному действием и интригой. Изучая испанцев и итальянцев, приобретал Островский превосходные навыки для построения своих пьес. В московском сборнике помещены письма Островского, относящиеся ко времени поездки драматурга на юг с больным Мартыновым, и отрывки из дневника с записями впечатлений кавказского путешествия 1883 года. Ничего особенно примечательного ни в этих письмах, ни в дневнике биограф Островского не найдет.

В смысле внешней стороны издания на первом месте стоят сборники петербургский, дающий превосходные иллюстрации, и академический, хотя, например, в моем экземпляре неверно сброшюрованы листы. Московский сборник (Театрального О-ва) поражает количеством опечаток. Из двух провинциальных сборников—одесского и ивановознесенского—пальму первенства, по справедливости, надлежит отдать последнему.

Юрий Соболев.

В. Е. ЧЕШИХИН-ВЕТРИНСКИЙ. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. I. 169 стр. Ч. II. 159 стр. Изд-во Т-ва «В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых». М. 1923 г.

Биографическая литература о Достоевском очень бедна. До сих пор нет сколько-нибудь удовлетворительной научной разработки его биографии. Материалов для биографии издано много, но весь этот материал разбросан по разным изданиям и для широких читательских кругов, за исключением специалистов-словесников, остается мертвым капиталом. При таких условиях удачно составленный сборник материалов, характеризующих жизнь и личность Достоевского, представляет большую ценность. Книга Чешихина-Ветринского, вышедшая первым изданием в 1911 г., и была этим удачным сборником. Автор собрал наиболее яркие и интересные страницы из воспоминаний о Достоевском и писем его и о нем, в целом дающие довольно полное представление о жизни и личности гениального писателя. Трудно указать в биографической литературе о Достоевском лучшую книгу для чтения, чем этот сборник. Со времени первого издания книги в печати появилось много новых материалов, и труд Ветринского очень нуждался в обновлении. Для настоящего издания автор воспользовался этими материалами, обновил книгу свежими документами, и она стала в уровень с современностью.

К книге приложен обновленный библиографический указатель и хронологическая канва жизни и творчества Достоевского.

В. Переверзев.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Леонид Андреев Критический очерк с приложением хронологической канвы и библиографического указателя. Издательство «Русский Книжник». Москва. 1923 г. Стр. 86.

Львов-Рогачевский известен как литературный критик-марксист. Творчество Леонида Андреева для марксистского анализа дает богатейший материал, как со стороны идеологической, так и со

стороны психологической. Поэтому читатель, особенно современный, в праве ожидать от выпущенной книжки крепкого анализа общественной и личной драмы такого интересного и отчасти загадочного художника, каким был Леонид Андреев. Между тем автор, несколько переработав, вернее, расширив свою прежнюю работу об Андрееве «Две правды», дал книжку скучную, ни одной своей стороной с марксистским мировоззрением не соприкасающуюся. Не можем же мы принять за марксизм случайные замечания о социальных противоречиях, — в таком, примерно, стиле: «эта стена существовала с первых дней дружбы (между Андреевым и Горьким. *В. П.*), ибо непримиримые противоречия русской жизни, непримиримые противоречия разных социальных групп создали два мироощущения, два мировоззрения». Тут, конечно, марксизмом и не пахнет; эти утверждения, если так можно выразиться, только слабая тень от марксистского анализа; впрочем, тут и анализа нет, а есть простое бездоказательное утверждение, установление голого факта.

Вся книга — сплошной психологический анализ, скорее рассказ и притом неглубокий. Мы даже склонны утверждать, что от расширения книга не выиграла, а проиграла. Однообразие материала навевает на современного читателя скуку, а некоторая яркость «Двух правд» как-то стушевалась.

Книга состоит из глав: «Леонид Андреев и Максим Горький», «Нарастающий мрак» и «Две правды» Леонида Андреева

В первой из них рассказывается о влиянии на писателя Горького, как он заражал Андреева своим оптимизмом, и как последний, освобождаясь от горьковских уз, стремился быть «подлинным художником», «у которого было свое лицо, свое леонидо-андреевское выражение». Автор повествует, но не анализирует.

В «Нарастающем мраке» Львов-Рогачевский начинает свой рассказ с детства Леонида Андреева, когда у него «появилось печальное выражение на лице», останавливается на трех попытках самоубийства, на болезни сердца, на том, как «кошмарно-ужасное, необычайное, фантастическое, глубоко личное входят в творчество художника и создают основной тон и основные настроения после кратковременных увлечений горьковским энтузиазмом», как «Леонид Андреев становится врагом жизни вообще, а не только ее темных сторон, развенчивает Христа, который слишком верил в людей, развенчивает его крестный подвиг и закрывает глаза повесившемуся предателю,—красные глаза, налитые кровью», которые «неотступно смотрели на небо». Все указанные моменты в настроении художника критик находит в тех или других его произведениях. Находит и указывает правильно, но объяснения их анализа не дает и благодаря этому не помогает читателю проникнуть в лабораторию творчества Леонида Андреева.

Дальше идут основные страницы книжки, на которых разбирается «проблема душевной раздвоенности»Андреева, его основной мотив: страх смерти и страх жизни. Это—лучшая часть книжки. Автор на ряде произведений показывает, что Андреев был «историком и свидетелем, обвинителем и защитником, палачом и плакальщиком одиночек-индивидуалистов, — всех этих, по его терминологии, инфлюэнтиков, неврастеников, истериков и алкоголиков». Творчество Андреева сближается автором книжки с творчеством Эдгара По и Ф. Достоевского. Но, как и на протяжении всей книжки, без надлежащего анализа, без учета исторической обстановки.

Совершенно неверны и бездоказательны утверждения, что «Достоевский явился пророком судорожной «катастрофической эпохи», а Л. Андреев был «ее свидетелем и изобразителем, ее мучеником и ее жертвой». «Его творчество, по словам Рогачевского,—памятник скорби и в то же время памятник катастрофической эпохи, памятник восторга и ужаса перед нею... К этому привела его та среда, с которой он был органически связан». Подобные категорические заявления понятны в устах человека, который не имеет представления о классовой точке зрения, но всякий, усвоивший ее, хотя бы в общих чертах, никогда не признает творчество Андреева памятником периода революции 1905 года. Андреев был мещанин-индивидуалист, временами с анархистским уклоном мыс-

ли. Это не характерно для того времени. Если же и признает, то с ограничениями, оговорками, пояснениями, а не так, как Рогачевский.

Львов-Рогачевский прошел мимо разбора творчества Андреева тов. Луначарским, а у него он нашел бы и классовый подход и опровержения своих утверждений. Это, быть-может, заставило бы автора книжки сосредоточиться на аргументации.

Говоря о «необычайной обстановке», в которую Андреев ставит своих героев, критик заявляет: «он является прямым наследником Метерлинка»; отмечая «гиперболизм стиля», критик подводит Андреева к Чехову: «где у А. П. Чехова чуть-чуть, там у Леонида Андреева черезчур». Эти сближения опять-таки и неверны и бездоказательны. Они построены по внешним признакам, по законам отвлеченной логики, а не на основании марксистского серьезного анализа указанных писателей и соответствующего сближения их при учете условий и времени, в которых им приходилось творить.

Заканчивая книжку, Львов-Рогачевский усиленно подчеркивает, подводя итог всему сказанному им ранее, что «творчество Леонида Андреева, это— талантливо подведенный итог пережитому периоду, пережитым настроениям упадочной интеллигенции». Тут много неясного и непонятного. О какой упадочной интеллигенции говорит критик? О той, которая после поражения революции 1905 года ушла из рядов революции и ударилась в мистику, в эротику, в арцыбашевщину и сологубовщину, с их саниными и навьими чарами? Если— да, то как это связать с утверждениями, что характер творчества Андреева наметился чуть ли не с пеленок? Если идет речь об интеллигенции дореволюционной, то как, например, сблизить взгляды на интеллигенцию Андреева, Вересаева и Горького?

В последних строках автор упадочную интеллигенцию называет растерянной. Это далеко не одно и то же. особенно при учете исторических условий. А дальше эта упадочная и растерянная интеллигенция квалифицируется, как одинокие аристократы духа, попавшие под перекрестный огонь классовой борьбы. Квалифицируется без всяких кавычек и без всяких доказательств. Не поймешь, что говорится всерьез и что с иронией.

Вместе с мистиком, анархистом-индивидуалистом Г. Чулковым, Львов-Рогачевский, противопоставляя Андреева писателям александровской и николаевской эпох, писателям из дворян с большой старинной культурой, объясняет характер творчества Андреева тем, что он был «скиталец-разночинец без всяких культурных корней по происхождению и воспитанию», что «он был сыном своего времени, он был весь в предчувствии катастрофы».

Ну, а какие культурные корни у Горького? О какой катастрофе идет речь? О поражении революции или о духовном и нравственном банкротстве тогдашней интеллигенции?

Забыв о марксизме и встав на позиции специфически психологического анализа, автор ударился в эклектизм и, наконец, попал на позицию Чулкова, глубоко враждебную марксизму. Этим и закончил книжку.

В конце книжки приложена «Хронологическая канва»: когда Андреев родился, когда учился, когда записался в присяжные поверенные, когда умерли его жена и он сам и, наконец, что́ когда написано и где напечатано. «Канва», ясно, недостаточная даже для критика, порвавшего с общественной жизнью. Мы думаем, что многие общественные явления повлияли на творчество Андреева более, чем получение университетского диплома и звания помощника присяжного поверенного.

В библиографии совершенно неосновательно пропущены, например, статьи А. Луначарского. Они весьма интересны, поучительны и проливают яркий свет на общую характеристику творчества Андреева, каковой заголовок стоит в начале обзора критической литературы о художнике.

Вывод. Во многих отношениях конкретная характеристика отдельных сторон творчества Андреева правильна, но марксистского анализа и нужных разъяснений читатель в данной книге не найдет. Случайно брошенные социологические замечания не доказаны и в

большинстве случаев не верны. В общем критик не проник в существо творчества Леонида Андреева.

Книжка издана небрежно, с грубейшими опечатками.

Валерьян Полянский.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. «НАШИ ДНИ». Альманах № 4. *К. Локс.*—**2. МАРИЭТТА ШАГИНЯН. Приключения дамы из общества.** *К. Локс.*—**3. Л. ЛЕОНОВ. Петушихинский пролом.** *К. Локс.* — **4. Я. ОКУНЕВ. Грядущий мир.** *Н. Асеев.*—**5. ЛАЦИС-СУДРАБС. Наша дорога.** *Г. Лелевич.* — **6. С. ФОМИН. Земная зыбь. Рассказы.** *В. Вешнев.* — **7. А. БАРКОВА. Настасья Костер.** *В. Вольпенштейн.*—**8. «СРЕДЫ». Сборник.** *Н. Асеев.*—**9. С. ПОДЬЯЧЕВ. За грибками, за ягодками. Рассказы.** *И. Кубиков.* — **10. М. ПРИШВИН. Охота и лов на севере.** *И. Кубиков.* **11. Н. КЛЮЕВ. Ленин.** *Г. Лелевич.*—**12. ЗАПАДНЫЕ СБОРНИКИ. Вып. I.** *И. Гливенко.* **13. КОЛЬРИДЖ. Кристабель.** *И. Аксенов.*—**14. Дж. ПАПИНИ. Конченный человек.** *И. Аксенов.*— **15. Г. ЖЕФФРУА. Жизнь научила.** *Д. Горбов.* — **16 Ж. ДЮАМЕЛЬ. I. Цивилизация. II. Полуночная исповедь.** *Э. Бик.*—**17. I. К. ШТЕРНГЕЙМ. Любимая лошадь кайзера—Либусса. II. Г. МАНН. Рассказы. III. Оскар М. ГРИФ. На добрую память. IV. А. РУВЕЙНИ. Стихия. V. К. ЭЙНШТЕЙН. Дурная весть. VI. М. БАРТЕЛЬ. За решеткой.** *И. Гливенко.* — **18. Г. БЕРГСТЕДТ. Праздник Йоргена.** *Ян. Бенни.*—**19. В. БОНЗЕЛЬС. По Индии.** *Э. Бик.*

НАШИ ДНИ. Альманах № 4. Гиз. 1924 г. Стр. 354. 4000 экз.

Рассказы и повести, включенные в 4-й альманах «Наших дней», довольно легко классифицировать. Это—проза последних лет, к которой мы уже успели привыкнуть, по темам и заданиям современная, по выполнению—за немногими исключениями вполне бесформенная. Мы говорим о форме не в смысле каких-либо установленных канонов (таких нет), а в смысле непосредственного ощущения необходимой телесности, воплощенности. В рассказах Ляшко, Насимовича, Огнева в сущности нет ни начал, ни концов. Круг образов и переживаний, еще не дошедших до сознания, еще находящихся в процессе физиологического переваривания, изложен ими на таком-то количестве страниц, снабжен заглавием и подзаголовком «рассказ». Там, где нужна мысль, ее заменяет чувство или лирическая чувствительность, где нужно чувство—появляются самые наивные уловки: стремление растрогать или произвести впечатление такими-то горестными обстоятельствами или прекрасной душой героини. Самое худшее, что эти наивности и промахи, свидетельствующие о глубокой незрелости восприятия, сочетаются с какой-то вымученностью и выделанностью. Как это происходит—не беремся судить. Быть-может, здесь естественное влечение к оригинальности?

Но в таком случае она не достигается средствами столь легко разгадываемыми. К этим средствам, мы относим: 1) стремление запутать начало так, чтобы нельзя было угадать, к чему, собственно, относится последующее; 2) создать исключительную по безобразию обстановку (особенно Огнев); 3) передавать услышанные разговоры нарочито косноязычно; 4) выдумать ряд образов, непохожих на обычные, и привесить их в виде брелоков к самому простому и встречающемуся на каждом шагу. Ведь если мне говорят, что печь «вот-вот услышит, откроет сизый от золы закопченный рот и зашамкает» (Ляшко), то не в праве ли я потребовать в дальнейшем оправдания и доказательства этой экстраординарной возможности? Вместо этого—точка. Моему воображению предоставляется быть вполне самостоятельным и продуктивным. За всеми этими четырьмя основными «приемами» скрывается наблюдательность качественно вполне обывательская. Поэтому-то улицы, дома,

люди, разговоры сливаются в одно мутное пятно, без остроты, без запоминаемости. О темах можно сказать только одно—лучше взять тему отстоявшуюся, чем потонуть в ворохе неразобранного и непонятного. Если оно не стлилось в сознании в строгие линии обоснованной необходимости, тем самым превращающейся в необходимость художественную, то не помогут и детский дом, и радиомачты, и добрые намерения.

В повестях Шишкова и Никандрова («Ватага» и «Рынок любви») поставлены задачи более основательные, чем у упомянутых рассказчиков. Это—широкие бытописатели, «совсем», впрочем, как говорится, «непохожие». Первый работает по областной экзотике и дивам неслыханным, второй—чрезвычайно деловит и знает, какова есть жизнь «на самом деле». Шишков идет в одной линии с Вс. Ивановым, он успел осмыслить, что Россия—страна «невозможных возможностей», и смело создает «творимую легенду». Сделана она, тем не менее, довольно просто. Немного переодев Стеньку Разина, автор назвал его партизаном Зыковым и пустил громить города. Партизаны вешают, перепиливают батюшку пилой, жгут, насилуют. Зыков поднимает на плечах тридцатипудовый колокол, совершает различные чудеса по части кровопролития главным образом, затем находит свою царевну и с ней скрывается в горы. Там его по заслугам расстреливают. Ищет Зыков не то «правды», не то восстанавливает веру протопопа Аввакума. И в этих подобающих случаях слог автора возвышается до пафоса почти байронического: «Зыков думал — нет правды без бога, и бог без правды мертв есть. И как думал, так и делал: за старого бога, за правду, за угнетенный люд! Он все бросил, все спалил, что было позади, обрек себя на страшный бой, и карающий меч его не боялся крови. За бога, за новую правду! Буря, и кровь, и огонь, не страшно, не грех, так надо. Бурей носился по Алтаю Зыков; старый отец бросил ему:—Назад! Богоотступник!—Смерть отцу!—И вот отец убит» (стр. 146).

По этому поводу заметим автору, что персонажи, удавшиеся ему, суть кухарка Настя, акцизный чиновник Артамонов, да, пожалуй, еще Гараська, если бы он не пакостил на каждом шагу.

В этом направлении, повидимому, ему и надлежит работать, оставив «высокий штиль» на неопределенно-долгое время.

Никандров, в противоположность увлекающемуся Шишкову, суховат и трезв. Ему не до лирики, о делах он повествует прозаично, без лишних прикрас: «Не губите меня... Я так еще молод, силен, и так хочу жить... Скажите правду: если вы занимаетесь этим профессионально, тогда я лучше сейчас же вам заплачу, сколько следует за один сеанс любви, даже еще прибавлю сверх, и немедленно отпущу вас с миром...—У меня есть 20 аршин мадеполаму,—колотил он себя в грудь кулаком, — 12 аршин маркизету, 9 крепдешину и еще кое-что; ничего не пожалею, все отдам, если вы сейчас же уйдете от меня»... («Рынок любви»), 182 стр.). В таком духе рассказана история полусумасшедшего бухгалтера Шурыгина и одной женщины, ищущей заработка. Повесть притязает быть верным зеркалом каких-то нынешних нравов. С топографической точностью упомянуты московские бульвары и улицы, правильно перечислены все необходимые сопутствующие обстоятельства. Все это сделано с оттенком торжествующего злорадства, и этот оттенок чрезвычайно неприятен, заставляя заподазривать автора в искренности его намерений. Пишет Никандров гладко и отчетливо, но об искусстве здесь говорить не приходится, да, вероятно, и сам автор не думал о нем. До искусства ли, нащупав такую благодарную тему?

В конце альманаха, в виде заключения, что ли, напечатан небольшой рассказ С. Боброва «Мальчик». Рассказ этот совершенно контрастирует со стилем всего сборника, ставит себе задачи чрезвычайно простые (детские воспоминания) и выполняет их удачно. Здесь мы встречаем искусство, уменье видеть, хороший язык.

О стихах, помещенных в начале книги, говорить много не приходится: ничего примечательного, в лучшем случае, они не представляют и напечатаны, вероятно, потому, что полагается в альманахе прозы в виде украшения быть и стихам.

К. Локс.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН. Приключения дамы из общества. Из-во Френкель. 1924 г. Стр. 186. 5000 экз.

Книга озаглавлена по первой вещи, «маленькому роману»,—кроме романа, в сборник включено пять рассказов и одна «повесть», названная так, очевидно, по некоторой прихоти. Для Шагинян это уж не первый «опыт»—кажется, лет десять она пишет и романы, и повести, и рассказы на различные, преимущественно, современные темы. Общее наше впечатление от всех этих опытов рисовало нам автора прежде всего наблюдателем, интересующимся психологией людей, «жизнью» в самом широком смысле этого слова. Иными словами, все это где-то посредине между искусством и резонирующим критицизмом. Этим основным качеством обусловливается и полная «литературность» и суховатость, и любовь к выводам, к головным темам. Человек, любящий размышлять, потом уже художник; искусство—одно из возможных средств, вовсе не роковая необходимость—такова Шагинян.

Сказанное, конечно, не оценка,—только факт: каждому свое.

Предлежащий роман изображает светскую буржуазную даму, постепенно, в период революции, превращающуюся в даму «советскую». Муж ее, обнаружив душевную низость и трусость, стал эмигрантом, она, брошенная им на Юге, знакомится с большевиками, и находит в этом знакомстве нечто для себя новое, приятное и полезное.

Полезное заключается в неожиданно обнаружившейся трудоспособности, приятное—не в менее удивительном открытии у красноармейцев некоторых человеческих качеств. Самое же приятное таится во встрече с героем, бывшим эмигрантом, теперь комиссаром, спасающим «даму» от людей, слишком рьяно выполняющих декреты. Большое удовольствие во всей этой «оказии» автору доставляет тщательное прослеживание всех душевных перипетий героини: что она думает и что она чувствует—это основное. Подробный анализ заканчивается следующим выводом: «Да, пройдя через труд, нищету, болезнь, опростившись, приспособившись, выживши, причислив себя к классу, имеющему мозоли на ладонях,—я сохранила глубоко внутри существо, чуждое всему пережитому. Я открыла в себе нечто, подобное атавистическому отростку на ушах, и мне было горько мое унизительное открытие... Человек на деревяжке, денщик революции, объяснялся в любви Алине Николаевне Зворыкиной»... Отсюда делаем вывод—роман задуман, как сатирический, по отношению к тому классу общества, от которого сам автор, в противоположность своей героине, отказался вполне. (Доказательство: рассказ «Агит-вагон».) Анализ сословных чувств (тема романа) вообще заканчивается таким приговором: «Последней грани вы все-таки не перешагнете,—добавил он, подавая мне бумажки:—органически, органически разные».

Таков вывод романа, вообще проникнутого такими выводами и заключениями, сделать которые должны были, конечно, сами читатели. Автор предпочел преподнести эти выводы сам, очевидно, в интересах популяризации бесспорного. Рассказы и повесть написаны в таком же стиле и имеют темой различные психологизированные происшествия, любовные по преимуществу.

Н. Локс.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ. Петушихинский пролом. Москва. Изд. М. и С. Собашниковых. 1923 г. Стр. 86. 3000 экз.

Повесть, начинающаяся очень давно (230 лет тому назад) и заканчивающаяся недавним голодом, точнее,—история одной деревни и монастыря, изукрашенная и стилизованная,—такова небольшая книжка Леонова.

Не случайно по формату она напомнила нам «Лимонарь» Ремизова. Это имя, конечно, прежде всего приходится вспомнить, говоря и о Леонове. Вся суть повести в словесной, старо-книжной народной вязи, в стилизации, может-быть, для автора вполне натуральной. Такова и кустодиевская «Русь» и «слово» к ней Замятина—другого, ближайшего нашему автору, прозаика.

Это письмо, идущее от Лескова (вернее—от некоторой части Лескова) осно-

вано на той любви к слову «Русь», которая романтизирует и безграмотного мужика и кликушу за их своеобразие: «и плелись они, бабенки с пустыми глазами, конокрад свихнувшийся, бобыль с бородой,—богомольная, нищая босота, каменное сердце под юродным крестом,—с клоками сена в волосах, с колокольцами в сердце, ползли безногие на мозластых пятернях, и там перед серебряным сундуком, слепые подымали головы, провидя страшные выси в куполах, мертвым взглядом угадывая Пафнутия, возлежащего в славе, перед собою, бесплодные выставляли вперед пустующие брюха, и рычало в жалобном ожидании нутро их».

Такова «Русь», сохранившаяся от московского средневековья, темная, юродствующая, всегда любезная славянофильствующему эстетству. Это—не та Россия, которую знал и любил Пушкин, которую вслед за ним должны знать и любить и мы.

Покамест автор обнаружил себя способным учеником своих учителей, выйдет ли он на более широкую дорогу—покажет будущее.

К. Локс.

Я. ОКУНЕВ. Грядущий мир. Утопический роман. Иллюстрации и обложка Николая Акимова. Петроград. К-во «Прибой». 1923 г. Стр. 70.

Очень схематизированный, сжатый и утороплённый язык Я. Окунева предполагает скорее конспект романа-утопии, чем сам роман. Неразвитые, поэтому весьма интересные тематические ответвления пропадают из-за их невыясненности и слабой детализации. Содержание романа—таково:

Профессором Мораном изобретен особый газ, дающий возможность при помощи анабиоза переносить людей из нашего столетия в двадцать второе. Двое препарированных им таким образом русских пробуждаются в Мировом Городе будущей Мировой Коммуны. Соответственно своим привычкам и ощущениям они воспринимают новизну и яркость грядущей культуры как долго бывшие во мраке глаза яркий свет. Очень хорошо в романе описано воспитание будущего юношества:

«У нас нет школьных скамеек и душных аудиторий... Наше юношество и наши дети учатся на свободе, изучая геологию в недрах земли, ботанику—в лесах полях наших террас, физику—в природе. У нас нет почти книг. Юное поколение рыщет по всему земному шару и добывает своей пытливостью и трудом знания».

Спорнее—описание идеографа-аппарата, передающего мысли без слов. Вообще таких в природе не наблюдается. И если автору нужно было разрешить проблему международного языка—он пошел по линии наименьшего сопротивления.

Но в общем роман Я. Окунева является чуть ли не единственным произведением для юношества, ведущим его мысль не назад—к пассивному восприятию бывших культур, а в будущее,—к критической оценке и проверке положений, даваемых автором. В этом—особая сила и действенность «Грядущего—мира». Хорошо также, что в романе нет пессимистической объективизации Уэллса. «Грядущий мир» должно рекомендовать как увлекательное и полезное произведение всем молодым читателям.

Н. Асеев.

ЛАЦИС-СУДРАБС. Наша дорога. Повесть из жизни революционера. Изд. «Московский Рабочий». 1923 г. Стр. 134. Тираж 2000 экз.

Повесть тов. Лациса, это—повесть о том, как юный латыш-батрак из темного полуграмотного мальчика превратился в сознательного революционного социал-демократа. Перед нами проходят мытарства малютки-пастуха, короткое обучение его в сельской школе, исключение за невзнос платы, мытарства в качестве приказчика в городе, первые пробуждения классового инстинкта и первое знакомство с социализмом, возвращение в деревню в разгар грандиозного восстания латышских крестьян в 1905 г., поджоги имений баронов, создание революционных органов самоуправления в деревне, чудовищные зверства карательных отрядов, геройская партизанская

борьба «лесных братьев», наступление реакций, создание нелегальных партийных организаций, выработка из героя повести крупного партийца «профессионала», арест и побег на новую работу.

Повесть не может претендовать на признание серьезной художественной ценности ее. Автор не *показывает* событий, а только *рассказывает* о них. Участники событий даны схематически, несколько топорно. Язык бледен, не всегда правилен, эпитеты банальны. Автор злоупотребляет длиннейшими рассуждениями, которые, может-быть, были бы недурны в агитационных брошюрах 900-х годов, но которые менее всего уместны в художественном произведении.

И тем не менее, от книги нельзя оторваться, она увлекает, захватывает. Это объясняется тем, что, при всех художественных недостатках книги, она представляет собою чрезвычайно *искренний* рассказ о революционном пути деревенского пролетария на фоне революционной борьбы в Прибалтийском крае,— этой изумительной яркой и, к сожалению, мало известной страницы революции 1905 года. Искренность сквозит в каждой строке книги и делает ее *ценнейшим человеческим документом*. Чувствуется, что автор пишет о том, что он хорошо знает, что пережил (невольно возникает мысль, не является ли повесть тов. Лациса замаскированной страничкой автобиографии).

И захватывающие перипетии борьбы латышских батраков и крестьян, картины белого террора, партизанских схваток, массового ренегатства после подавления революции, первых попыток воссоздания партийных организаций,— все это рассказано правдиво, все это не может не увлечь читателя, все это невольно заставляет забывать о серьезнейших художественных дефектах книги. Повесть тов. Лациса вряд ли займет значительное место в пролетарской художественной литературе. Ее нельзя даже сравнивать с такими произведениями, как «Неделя» Ю. Либединского, рассказы и повести Н. Ляшко и т. д. Но, несмотря на это, она бесспорно сыграет немалую роль в деле создания в среде нашего юношества «революционной романтики». Наконец, не подлежит сомнению ее историческое значение, как одного из немногочисленных источников для ознакомления с историей революции 1905 г. в Прибалтийском крае.

Г. Лелевич.

СЕМЕН ФОМИН. Земная зыбь. Рассказы. Изд. «Земля и Фабрика». 1924 г. Москва—Петроград. Стр. 122.

Семен Фомин—поэт. С книгой рассказов он выступает впервые. Для поэта, выступающего в беллетристике, всегда есть опасность нарушить повествование излишним лиризмом и субъективными отступлениями. Семен Фомин этой опасности избежал. Он умеет не отходить от фабульного остова, вкладывая в него исключительно беллетристический материал.

А материал он черпает из крестьянской жизни. Нельзя сказать, чтобы у Семена Фомина была интересная наблюдательность, что в его рассказах есть новые оригинальные черты из быта деревни. Темы он берет избитые и трактует не глубоко. Не глубоко именно в смысле художественном: фигуры расплывчаты, в развертывании сюжета нет напряженности и содержательности, все течет вяло, от ужасного и не ужасного одинаково веет бесстрастностью и спокойствием. Повидимому, ни тема, ни люди, ни быт его не волнуют. Получается впечатление, что Семен Фомин устал, пишет спустя рукава. А между тем художественными данными автор, несомненно, обладает. Это прежде всего видно в языке, который, хотя в общем и небрежен, изредка сигнализирует о стилистических способностях автора. Особенно это сказывается в пейзаже: «В голубом небе высоко клубились длинные кудели белых облаков. Вдоль огумной изгороди молодые березы покачивали смольной бахромой из бирюзовых четок» (стр. 7).

Лучший рассказ в сборнике «В тупике» Взят уличный тупичок, сонный, мертвый, символизирующий уездную Россию царского времени. Революция 1905 г. лишь слегка коснулась этого глухого, мертвенного, заброшенного уголка в

котором единственным развлечением был старый вечно дремлющий козел. Но «через двенадцать лет жизнь нашего тупика, да и сам тупик, стали неузнаваемы. На бывшей харчевне пылала красная вывеска «Рабочий клуб». Перед ним старого козла уже не было. Высокая стена тупика, похожая на перекладину буквы П, была выломана. Жители тупика, покидая свои тесные углы, выходили в пробитую брешь на широкую улицу, где гудели трамваи, фукали автомобили, кипела жизнь» (стр. 77).

Рассказ занимает всего 5 страничек, но дан четко, выдержанно и содержательно.

В. Вешнев.

АННА БАРКОВА. Настасья Костер. Драматические сцены. Государственное Издательство. М.—П. 1923 г. Стр. 84.

Рыжеволосая Настасья Костер—разбойница-проповедница старой веры (действие происходит в эпоху Алексея Михайловича), воодушевляющая крестьян на борьбу с боярством: эффектная тема разработана Анной Барковой в ряде сцен-эпизодов, не связанных стройным действенным нарастанием. Неотчетлива драматическая и идеологическая линия Настасьи Костер; борьба за веру — за освобождение холопов—во имя анархического мятежа личных страстей, эротического разгула—моменты религиозных сомнений—все эти мотивы спутаны, ни один не проявлен достаточно ярко (эротический, пожалуй, ярче других) ни в драматической борьбе, ни в патетике. И в отдельных сценах нет подлинного нарастания, они разработаны сценически—неумело. Таков, напр., любовный «поединок» Настасьи и князя Кострикова; прямые объяснения в любви и вызовы на борьбу там, где интересны были бы моменты косвенных реплик, разнообразных ухищрений и внезапных выпадов. Однако, и в языке, и в отдельных сценических положениях есть свежесть; отдельные моменты свидетельствуют о художественном темпераменте автора.

Нецельный образ героини все же заинтересовывает читателя. Первые сцены, напр., встреча с матерью, удачнее последующих.

Драматические сцены Барковой—материал для пьесы, еще не написанной автором.

В. Волькенштейн.

«СРЕДЫ» Литературный сборник. Под ред. Н. П. Рогожина. 1923 г. Тверь. Стр. 94.

Двадцать восемь человек «средняков» собрано в этом сборнике. Двадцать восемь человек избрало, очевидно, своей профессией литературу. И ни единого живого слова, ни одной своей человеческой строки! Если скучна жизнь в Твери, в Бежецке, Осташкове, то, главным образом, потому, что в местах этих живут «средняки», сюсюкающие, ноющие, вздыхающие на один лад, в полном бессилии подметить характерную черту, крепкое слово своих родных мест, вкрапить их в строку, оживить ими песню. Нет, ничего не хотят видеть и слышать средняки, кроме «образцов» плохо усвоенных чужих строк.

«Никакой общей идеи содержание сборника не имеет. При подборе материала мы руководствовались исключительно желанием выбрать из представленного авторами лучшее по технике и по художественности».

Так заявляет редактор сборника в предисловии к нему. Но это только заявление. Мы считаем как раз наоборот: художественность и техника «средняков»—никакая. Но общая идея—беспросветной, безвыходной скуки, зевоты до ломящих челюстей,—очевидно, объединяла этих людей, обрекших себя на бесплодный и каторжный труд безнадежного версификаторства. Смотрите—разве сплошным штампом полнейшей душевной прострации не объединены эти строки, подписанные разными фамилиями:

«Сегодня для меня весь мир и чужд
и дик»
М. Дешевой.

«С разбитой мечтою печальный бесчастный,

«Один я опять»
П. Атанеин.

«Как грустно думать о том, что было,
О том, что было, но не забыто
Осенней ночью в душе унылой —
В ней все уснуло, в ней все убито».
А. Багрова.

Ночь черна и не видно рассвета
И в тумане заветная даль,
Моя песнь лебединая спета.
В сердце—холод, тоска и печаль».
Д. Морской.

«Душа человека везде одинока».
«Я в мире один, ни души, ни следа».
Вл. Юренев.

Цитировать эту дикую скуку, отъединенности от происходящего вокруг, громогласное признание своего одиночества единственной стихотворной темой—можно было бы у всех участников сборника. Там же, где отсутствует этот, очевидно обязательный, для средняков «поэтический» мотив—он заменен еще более отвратительным «поэтическим» подсюсюкиванием, как, напр.,

«Мотылек впился устами в незабудку голубую»
Ив. Морозов.

Или:

«Мотылечки, мотылечки
Белые, пушистые,
Сверху падают, кружась,
На поля иглистые».
Н. Власов-Окский.

Или:

«Из серебряной проруби
Безмятежных высот
Мчатся белые голуби,
Живописен их лет!»
Н. Власов-Окский.

Двадцать восемь человек собрано в сборник без единой живой строчки. Это уж не только скучно—это страшно. Тихая маниакальность «средняков» говорит об упорном и непрекращающемся цветении провинциальной тины, о живучести ее спор, угрожающих гибелью всякому свежему голосу, всякому оригинальному творчеству — попадись оно в липкие и бесформенные «среднячеекие» объятия.

Н. Асеев.

С. ПОДЬЯЧЕВ. За грибками, за ягодками. Рассказы. Изд. «Новая Москва». 1923 г. Стр. 130.

С. Подьячев—писатель установившийся и старый. Его стиль, манера и способ обработки материала возвращает нас к представителям второстепенной народнической беллетристики. Не мудрствуя, С. Подьячев пишет о явлениях деревенской обыденной жизни. И здесь, конечно, не спрашивая от писателя того, чего он дать не может, беря книгу в руки, рассчитываешь получить какой-нибудь новый материал для познания деревенской жизни. Но, к сожалению, и в этом смысле собранные рассказы С. Подьячева дают очень мало

Перед нами деревня дореволюционного периода эпохи мировой войны. Но ведь быт этой старой деревни был относительно неподвижен ряд десятилетий. Чтобы найти в предреволюционной деревне новые настроения, надо было произвести соответствующий отбор бытового материала и на нем сосредоточить внимание и свое и читателя. Так и сделал Ив. Шмелев в своих замечательных очерках «Суровые дни». Кое-какие интересные штрихи есть и у Подьячева. Так, напр., из очерка «Неприятности» читатель может узнать о той роли, какую играли деревенские кооперативные чайные в организации народного недовольства царским режимом.

Но эти отдельные черточки (они есть и в первом рассказе «За грибками, за ягодками») тонут в обрисовке уже давно известных бытовых явлений деревенской дореволюционной жизни. Вот баба, которая по невежеству отказалась от операции и пошла к знахарке, после чего ей пришлось отнять руку; вот деревенский кулак, льющий крокодиловы слезы; вот враждебное отношение мужиков к приехавшему из города барину. Чтобы вновь после Успенского и Златовратского подносить такой материал читателю, нужно одно из двух: или давать его в свете исключительно яркого художественного отображения, или вводить в него те новые наслоения в быте деревни, которые оправдывают затрату времени читателя. Нельзя же в самом деле подносить серый по форме рассказ о сно-

хачестве («Письмо к мужу») после блестящих публицистических рассуждений на эту тему Глеба Успенского и красочного рассказа Горького «На плотах». Ведь только в этом рассказе и есть один новый факт—это пребывание мужа крестьянки в плену. Но разве этого достаточно для повторения той же самой темы в известной подьячической манере письма?

Не отрицая известных заслуг С. Подьячева в литературе, необходимо сказать, что изданная книга его рассказов, даже со стороны содержания, никакой особой ценности не представляет.

И. Кубиков.

МИХ. ПРИШВИН. Охота и лов на севере. Изд. «Круг». 1923 г. Стр. 148.

Очерки Пришвина, выбранные из двух его ранее вышедших книг, носят этнографический характер. Они предполагают у читателя некоторый интерес к ознакомлению с этим бытом далекого севера, где плавают в полной безопасности «священные» лебеди, не боясь охотников.

В очерках рассеяно много бытовых подробностей, охватывающих жизнь людей, более чем где-либо зависящих от власти слепых стихийных сил природы. Эти особенности быта делают книгу Пришвина вспомогательным пособием при изучении северного края. Но и просто, как книга для чтения, при некотором интересе к данному быту, она занимательна. Напр., рассказы «На морских зверей» и «Траловый лов» содержат в себе много любопытного о людях сурового прибережья и «чудесах» северного моря.

Зависимость от власти сил природы и беспомощность перед ней человека создает здесь прочную базу для суеверного восприятия явлений жизни. Это приводит не только к торжеству христианской мистики с ее «пресвятой богородицей», но и к прочной вере в колдунов, леших и других представителей «нечисти». Такую зависимость можно установить по рассказам Пришвина.

Написаны очерки хорошим языком и прекрасно изданы.

И. Кубиков.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. Ленин. ГИЗ. Петроград. 1924 г. Стр. 50.

Лев Толстой как-то назвал искусство средством эмоционального заражения. Это определение, с которым вполне правильно солидаризовался тов. Бухарин, следует постоянно иметь в виду при оценке художественного произведения. Первый вопрос, который должен возникнуть при появлении новой книжки стихов, это—вопрос, какими идеями и эмоциями «заразит» она читателя.

Подойдем с этим вопросом к новой книжке Клюева. Давать здесь общую характеристику творчества Клюева нет нужды, ибо такая характеристика еще два года тому назад дана тов. Л. Д. Троцким. «Индивидуальность Клюева,—пишет тов. Троцкий,—находит себя в художественном выражении мужика, самостоятельного, сытого, избыточного, эгоистично-свободолюбивого» («Литература и революция», стр. 44).

«Новая» книжка Клюева (в этот «новый сборничек вошли стихи 1918—1919 гг.) крайне «революционна». Слова «революция», «коммуна», «Смольный» и т. д. не сходят со страниц сборничка. Мало того, называется книжка «Ленин», и почти в каждом стихотворении на все лады склоняется имя нашего вождя. Но еще тов. Троцкий сказал: «Когда Клюев «подспудным стихом» поет Ленина, то очень не легко решить: Ленин это или... Анти-Ленин?» («Литература и революция», стр. 48). Тов. Троцкий, без сомнения, писал «нелегко решить» только потому, что стихи Клюева о Ленине не были тогда еще собраны в отдельную книжку. В настоящий момент решение не представляет никаких затруднений. Не угодно ли?

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских Ответах...

...Борис, златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным—вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.

Одним словом, не основатель Коминтерна, а какой-то преподобный Зосима Соловецкий.

Может-быть, вы хотите проникнуть в истинный смысл имени «Ленин»? Извольте, Клюев все объяснит:

Ленин, лев, лунный, лен, лучезарье:
Буква «Люди», как сад, как очаг в декабре...
Есть чугунное в Пуде, вифанское в Марье,
Но Христово лишь в язве, в пробитом ребре.

Есть в истории рана всех слав величавей,—
Миллионами губ зацелованный плат...

Вот оно подлинное лицо Ильича и подлинное лицо Октябрьской революции!

Быть-может, вас интересуют воспоминания о первой годовщине Октябрьской революции? Пожалуйста:

К кронштадтскому молу причалили струги,—
То Разин бурунный с персидской красой...
Отмерили год циферблатные круги,
Как Лев обручился с родимой землей.

Сегодня крестины. Приплод солнцеглавый
У мамки-истории спит на руках...
Спеваются горы для Ленинской славы,
И грохот обвала роится в стихах.

Таких примеров можно было бы привести множество, но этого не требуется. Книга стихов, самое заглавие которой указывает на ответственную задачу—поэтически создать образ Ленина, показывает нам вождя пролетарской революции в виде не то Святогора-богатыря, не то Георгия-Победоносца, не то князя Владимира-Красное-Солнышко, не то самого Иисуса Христа. Клюев берет Октябрьскую революцию и пытается приспособить ее к своим чаяниям домовитого мужичка. Это искаженное до нелепости восприятие революции он прикрывает всеми узорчиками и побрякушками, которые могут оказаться под рукой у раскольничьего начетчика с Северного Поморья. Эта раскольничья рухлядь превращает стихи талантливого Клюева в расписанные кустарные куклы, делает их трудно-читаемыми и часто приводит прямо к комическим эффектам. Разве не смешны, например, следующие, напоминающие Тредьяковского, строки:

Ленин—тундровой Руси горячая печень,
Золотые молоки, жестокий крестец,
Будь три-краты здоров, и три-краты же вечен,
Как сомовья икра, как песцовый выжлец!

Впрочем, эти смехотворность и неудобочитаемость не должны особенно огорчать нас. Было бы очень печально, если бы Клюеву удалось своими эмоциями «заразить» более или менее широкий круг читателей. Такому «заражению» могла бы немало содействовать марка Госиздата, издавшего книжку Клюева без всяких оговорок и предисловия, если бы сам Клюев не обезвредил своих стихов неудобочитаемостью.

Г. Лелевич.

«ЗАПАДНЫЕ СБОРНИКИ» Вып. I. Стр. 264. Изд. «Новая Москва». М. 1923.

Издательство «Новая» Москва выпустило первый выпуск «Западных Сборников», имеющих своей задачей «знакомить русского читателя с крупнейшими и характернейшими явлениями литературы и искусства Запада».

Несмотря на наличность изданий «Всемирной Литературы» и «Современного Запада», нельзя не признать полезным и это новое литературное предприятие, тем более, что издательство намерено придать своим Сборникам несколько отличный от указанных изданий характер. Одна из существенных особенностей «Сборников» заключается в том, что они должны быть исключительно «западными», так как и художественные произведения, и статьи о литературе и искусстве, а равно и иллюстрации принадлежат исключительно западным авторам и художникам.

По такому принципу составлен и первый номер. В нем есть стихи (Фрейлигграта, В. Морриса, К. Хенкеля, М. Мартинэ, К Эйснера. И. Кипша и И. Бехера), художественная проза

(А. Франса, К. Фаррера, Р. Роллана, Штернгейма, Экоута), статьи по литературе и искусству (Фрейгана, Гаузенштейна, А. Ван-де-Вельде и Шеневьера), иллюстрации (Ван-Гога, Сезанна, Экзора, Мунха, Кубина, Кирхнера, Хеккеля, Пехштейна, Кокошки) и, наконец, целый ряд заставок и концовок, принадлежащих также западным художникам.

Уж самый перечень материала показывает, что первый выпуск «Западных Сборников» составлен интересно и разнообразно, несмотря на наличность неизбежного А. Франса с неизбежно восторженными вступительными строками к нему. Вся литературная часть носит определенный общественный характер, но это придает сборнику известную выдержанность и пока не утомляет однообразием.

Воспроизведения иллюстративного материала оставляют желать лучшего.

Что касается статей по литературе и искусству, то *сами по себе* каждая из них может быть и интересна, но не все из них оправдывают предпочтение, оказываемое им перед русскими авторами, «потому что они в большинстве случаев могут дать более богатый фактический материал по тем или иным вопросам литературы и искусства», как говорится в предисловии от «Издательства». Есть в них недочеты и другого порядка, которые особенно резко выделяются в статье Гаузенштейна, это—язык. Некоторые места требуют очень большого напряжения для понимания: «Вот почему начинают чувствовать к художникам, которые, наперекор нарождающемуся экспрессионистскому движению, упорствуют в импрессионистском созерцании, прежде всего некоторую симпатию». Или: «Кто хоть однажды глубоко пережил красоту живописной традиции от Делакруа до Сезанна и кто, с другой стороны, чувствует, что из живописного оскудения новейшего искусства могут развиться начала какого-то еще не вполне ощутимого художественного стиля,—тот должен переживать этот контраст, как подлинный вопрос современного искусства; и может случиться, что проблема времени приведет его к отчаянию».

Таких—или трудных для понимания, или необычайно длинных предложений—полна статья Гаузенштейна.

Но, повторяем, в общем первый выпуск нового издания «Новой Москвы» надо считать удачным, и мы с интересом будем ждать появления следующих номеров.

И. Гливенко.

КОЛЬРИДЖ. Кристабель. Пер. Георгия Иванова. Изд. «Петрополис». П. 1923. Стр. 62.

Более ста лет отделяют нас от опубликования самой знаменитой поэмы основателя английского романтизма. Как ни странно, но перевод Георгия Иванова является первой попыткой передать на нашем языке поэму, известную всем понаслышке или хотя бы по длинному эпиграфу Байрона в его послании к сестре. Этот эпиграф, кстати сказать, был уже пересказан с очень большой точностью Лермонтовым в одном юношеском стихотворении (романс: «Стояла серая скала»), кажется, будто этим влияние Кольриджа на русских авторов и ограничилось. В действительности это, однако, обстоит иначе. Самуэль Кольридж своим влиянием в Англии охватил слишком большой круг поэтов, чтобы это отраженное влияние не нашло распространения в других странах. Не говоря уже о Байроне, мы имеем столь известного у нас Эдгара По, всю жизнь переживавшего влияние главы Озерной Школы, мы имеем Суинберна, влияние которого на наших поэтов легко уследимо и чья метрика не перестает оказывать свое воздействие на современные нам работы Б. Пастернака. Дж. Китс откровенно подражал одной поэме Кольриджа в своей балладе «La Belle Dame sans Merci», а эта баллада, в свою очередь, надолго определила характер письма Александра Блока. Таким образом, влияние Кольриджа, хоть и отраженное, в нашей литературе не умирало, а появление русского текста его работ, пусть запоздалое, следует приветствовать, хотя бы попытка не была безупречной: тем более, что с первого раза почти невозможно дать образцовый текст, и Гнедичева Иллиада, в

своем известном нам теперь чтении, является вторым переводом поэмы (первый, ямбический перевод, был как известно, уничтожен автором).

Георгий Иванов определяет стих своего оригинала как четырехударный метр позднего английского эпоса. Мнение это следует признать теоретически не бесспорным: Бирс в своей «Истории англ. романтизма XIX века» полагает, например, что поэма эта написана «варьированными восьмисложными куплетами (двустишьями)». От себя прибавлю, что в основном размере ударения прикреплены к четным слогам строки, что весьма сближает размер этот с обычным нашим ударным ямбом. Односложность большого количества английских слов не позволяет английской метрике варьировать основной размер пропуском ударений, как это делается у нас: вариации достигаются при помощи введения добавочных слогов, часто с заглушенной гласной, но большая часть стихов Кристабель все-таки написана именно четырехударным восьмисложником четного порядка. У Георгия Иванова, напротив, четырехстопный ямб является исключением, и размер перевода можно определить как трехдольник. Читатель сам может оценить степень ритмического искажения.

Again she saw that bosom old	03	01	02	01 —
Again she felt that bosom cold	03	01	02	01 —
Она снова увидела старую грудь	001	002	001	002
Холодную грудь ощутила вновь	01	002	001	02
For what sheknew she could not tell	03	01	02	01 —
O'er — mastered by the mighty spell	03	001	02	01 —
Потому, что о том, что знала она	001	002	01	003
Передать не могла, колдовством больна.	001	002	001	03

Я не стану умножать примеров, так как для этого пришлось бы, чего доброго, переписать всю книжку, но укажу причину сознательного искажения английского метра переводчиком: в результате его «вариаций» стих удлиняется на несколько слогов, и в него можно уместить больше слов. Таким образом, ритмическая точность принесена в жертву точности логической. Однако, и эта жертва не оправдала себя. У Кольриджа: «Потому что того, что она знала, она не могла передать, осиленная могучим взглядом (сглазом)», у Г. Иванова—см. выше. У Кольриджа:

Они все шпорили, их *кони взмылились добела.*
И, наконец, мы пересекли тень ночи.
Они пришпоривали злобно коней.
Мы пересекли ночную тьму.

Пропал целый образ, притом наиболее яркий. Здесь, как и в первой моей цитате и как происходит на всем протяжении перевода, разрушен порядок рифмовки, уничтожено двустишье. Как следствие приведенных операций переводчика, лирическая поэма Кольриджа является нам в значительной степени потерявшей свой лиризм, ослабленной в своей ритмической мелодике и совершенно лишенной той дикой энергии выражения, за которую ее особенно ценят.

Сказанное, однако, ни в какой мере не должно подрывать значение инициативы Г. Иванова. Будем надеяться, что последующие переводы этой поэмы будут совершенней и что русские стихотворцы сделают для Кристабель то же, что они сделали для «Старого Моряка», которого перевели уже три раза и который, наконец, в переводе Гумилева, начинает давать достаточно близкое представление о подлиннике.

Приводя «окончание» поэмы в послесловии, переводчик должен был бы предупредить читателя о том, что подлинность его сильно заподозрена английской критикой.

Книжка издана прекрасно, но обезображена ужасными рисунками.

И. Д. Аксенов.

ДЖОВАННИ ПАПИНИ. Конченный человек. Пер. Р. Да-Рома под редакцией А. Волынского. ГИЗ. П. 1923 г. Стр. 280.

Джованни Папини сыграл довольно крупную роль в организации итальянского символизма. Старым читателям

«Весов» это имя знакомо: Папини вел там отдел итальянской литературы. Это был поздний декадент, доживший сначала до всеобщего признания своей школы, а затем до ее вульгаризации и отмирания. Когда в 1911 году очередным передовым движением итальянской литературы стал футуризм, молодежь литературных кофеен и эксцентрических художественных выставок, мнением которой одно время руководил Папини и приверженностью которой он особенно дорожил,—эта самая почтенная молодежь, составленная из отборных лоботрясов, кокаинистов, тангистов, скетинг-рингщиков и различного вида альфонсов, отвернулась от своего недавнего учителя и даже провозгласила его «конченным человеком». Что делать, брошенные символизмом семена упали на благодарную почву, и одичание интеллигенции шло вровень с развивавшимся империализмом. Папини не захотел быть «конченным человеком». В книге под этим ироническим заглавием, выпущенной им двенадцать лет тому назад, он заявляет свои права на своевременность собственного существования. Даром, что он декадент, он умеет себя выворачивать наизнанку не хуже любого футуриста, а насчет оголтелости, пусть-ка кто-нибудь с ним поспорит! Насчет мании величия тоже с самим Маринетти потягаться можно. В результате в тринадцатом году декадентская листовка «Лачерба», основанная Папини совместно с тому подобным Арденго Соффичи, оказывается органом футуристов. Ныне Папини, кажется, мирно успокоился в материнских объятиях католической церкви.

Но вернемся к самой книжке, которую переставали читать уже в четырнадцатом году и которую неведомо зачем перевели в двадцать третьем. Это апология бегства от жизни, боязни реальности, самовлюбленнейшего нарцизма, наглейшего выворачивания собственных кишек, всенаплюйства, возведенного в принцип, и верхоглядства, провозглашенного догматом. Почти что на трехстах страницах тянется эта канитель и беспрестанно отмечается, что единственным занятием порядочного человека, в перерывы беготни за всякими юбками, является удовольствие от бессистемнейшего чтения чужих книжек и наслаждение литературными красотами. Жизненной задачей Папини, по его словам, являлось объять необъятное, но по закону, открытому Кузьмой Прутковым задолго до Эйнштейна, Папини постигла неудача, которую он, по ему ведомым причинам, считает очень почетной. Надо ли говорить, что эта трогательная история не может ни на минуту заинтересовать современного читателя? Что во все время чтения этой пухлой исповеди бездельника и пенкоснимателя у такого читателя вертятся в голове очень старые стихи, а именно:

Зачем нам знать страдал ты или нет,
К чему нам знать твои сомненья,
Ошибки глупые первоначальных лет
Рассудка злые сожаленья?

Но Папини слишом италианец: он полагал зрелищем достойным внимания свою жестикуляцию картонным мечом и даже размалеванность собственной физиономии. Возможно, что он знал свою публику и действовал наверняка. Но ГИЗ то, полагаю, должен был учесть, что у нас в данное время аудитория несколько отличается от той, для какой писалась эта книжка двенадцать лет назад? Или все осталось по-старому под нашим зодиаком? Или ГИЗ существует только как биржа труда для безработных переводчиков? Или наш читатель, доверившись авторитету фирмы, обязан проглатывать всякую идеологическую дрянь и литературную заваль?

Символисты щеголяли эрудицией и классической образованностью. Текст Папини пестрит всякими именами, которые были, очевидно, совершенно непонятны уважаемому переводчику. А. Волынский не даром был привлечен редактировать этот текст, но, по обычаю многих редакторов, не решился искажать прелестей подверженной ему рукописи. В результате Георгий оказался Горгиесси, Капаней превращен в некоего Капанэо (очевидно, первый тенор и соперник Карузо) и проч. Конечно, читать эту книжку, да еще в рукописи, дело тяжкое, но, принимая во внимание, что ее все-таки прочли же и корректора и метранпаж, редактору, возложившему

на них это иго, надлежало понести часть этого бремени. Ведь, в конце-концов, он и есть главный виновник произведенной растраты сил и средств, которые без его авторитетного грифа могли бы найти лучшее применение.

И. Д. Аксенов.

ГУСТАВ ЖЕФФРУА. Жизнь научила. Историческая драма. Из жизни парижских предместий времен коммуны. Изд-ство «Красная Новь». Главполитпросвет. М. 1923 г. Стр. 180.

Роман, переделанный в историческую драму самим автором, остался романом, несмотря на драматизированную форму. Действие развивается медленно, развертываясь в длинных диалогах и рассказах о случившемся за сценой; характеры раскрываются в обмене мыслей и самообъяснениях, отнюдь не в действиях—сжатых, точных и бьющих по впечатлительности читателя - зрителя; перерывы в действии на целые десятилетия, в свою очередь, плохо способствуют динамике пьесы. И, однако, динамика эта налицо, хотя и в скрытом виде (такой динамикой держится каждый хороший роман): она—в смелом противопоставлении героической борьбы парижских рабочих против версальцев, изображенной в действиях 1-ом и 2-ом, и истории разложения одной рабочей семьи в течение ряда годов, следующих за разгромом коммуны.

Эта динамика—в развитии рабочего быта Парижа от высшего напряжения рабочего класса в политическом творчестве до отхода его в нравственное подполье, в эпоху безвременья: прежние герои национальной гвардии, впервые в мире организованно поднявшие оружие против буржуазии, пережив разгром политический и горе личных потерь в гражданских боях, постепенно засасываются бытом, уходят в вино, игру или эгоистическое скапливанье на старость. Семья раскалывается: жены уходят в могилу под бременем тяжких забот о хлебе насущном, дочери—на улицу, не выдержав нищеты и бессмысленной борьбы за существование без цели впереди.

Нельзя не отметить крупного достижения автора: он сумел в драме дать (правильно или нет освещенную—вопрос другой) историю массы, не выведя ни одного вождя, ни одного «героя» в драматическом и историческом смысле слова; семья маляра Помье в центре—это просто сценическая условность. Автор умеет дать почувствовать, что та же драма происходит и у столяра Патерно, и у слесаря Шодрона, и у каждого из их соратников. Быт парижских предместий — трудолюбивый, семейственный, героический, потом мещанско-ограниченный и, наконец, низводящий зрителя в кабаки и танцовальные залы, оживающие в «зеленый час абсента»—показан с простотой и экономией. Тонкая черта, отделяющая трудовых пролетариев от апашей и босяков, весь трагизм ее неотчетливости, даны просто и убедительно. И правдивым предстает перед читателем образ дочери Помье-Сесиль, берущей на себя всю тяжесть борьбы среди всеобщего разложения и смерти, гордой и стойкой, потому что «в ней живет мятеж, который жил в ее братьях».

Не приходится поэтому жалеть, что автор не оборвал нить жизни безвестных героев на баррикаде, и предпочел прикончить своего Помье апоплексическим ударом за стаканом абсента в трактире: ведь это не помешало ему раскрыть подлинную трагедию и подлинный (обыденный) героизм трудовых масс,—показать, что и в упадке они хранят золото своего революционного упорства.

Пожалеть приходится о другом (не считая несценичности драмы): фабричный пролетариат остался вовсе вне поля зрения; драма заполнена ремесленниками, переживающими свою трагедию в одиночку, как в одиночку противостоит напору невзгод и героическая Сесиль. В связи с этим и классовое расслоение—фронт капитала против труда, все время, впрочем, предполагаемый ходом пьесы, рельефно не очерчен. Думается, что введение в действие фабрично-заводского пролетариата углубило бы классовое содержание пьесы и значительно выпрямило бы кривую упадка трудовых масс в эпоху безвременья.

Но и в таком виде драма Жеффруа правдива и остра в своей простоте: она художественна, так как демократична. Здоровый зритель современности простит ей за это и сценические ее недостатки. В том немногом, что сделала художественная литература для воплощения великого исторического момента, «Жизнь научила» займет видное место.

Перевод А. Чеботаревской хорош. Издана книжка, снабженная изящной обложкой Митрохина, удовлетворительно.

Д. Горбов.

ЖОРЖ ДЮАМЕЛЬ. Цивилизация. 1914—17. Рассказы. Пер. Ю. Н. Тынянова. Госиздат. Спб. Тир. 7000. Стр. 204.

ЕГО ЖЕ. Полуночная исповедь. Перев. и предисл. В. Вейдле. «Всемирная Литература». ГИЗ. Петроград. 1923. Стр. 184. Тир. 7150.

«Цивилизация»—это сборничек очень недурных военных рассказов, изредка напоминающих Барбюсса. Большинство из них проникнуты горечью печального натурализма,—натурализма госпиталя, ранения, всей плачевной изнанки войны. В этих рассказах у Дюамеля есть хорошая теплота, особая солдатская простота, без всяких особых хватаний за голову, истерик или фальшивых высоких материй всех сортов. В некоторых рассказах (как, напр., «Любовные дела Понсо») есть крепкий юмор, однако, как и всюду утишенный минорным стилем автора. Большинство рассказов своей фактической стороной производят весьма тягостное впечатление, доходя почти до кошмара в таких вещах, как «Лейтенант Дош», где сгущающееся все время настроение назревающей трагедии, заканчивается почти невыносимой сценой внезапной смерти на вид здорового человека. Перевод изобилует галлицизмами.

Иное впечатление производит «Полуночная исповедь»—вещь более поздняя. Это—неисчислимое, утомляющее и усыпляющее описание странных нервных и тяжелых состояний героя, явно патологического типа. Герой Дюамеля чрезвычайно внимателен, он замечает каждую мелочь, и в ответ на нее у него в душе немедля родится сложное и сильно задевающее его чувство, по большей части болезненно-мучительного свойства, если не мучительно-аффектированное. Его мелочи касаются, главным образом, вещей, явлений и предметов, так или иначе ранящих сердце людское, главным образом, своим убожеством, свидетельством о несчастиях, настоящих, бывших, а если нет таковых, то Луи выдумывает будущие. Его существование наполняется сложными ассоциациями по смежности, истолковывающими окружающее в невыгодную для героя сторону. Горькие и жалкие пустяки перевешивают в его глазах явления более значительные, т.-е. его пустяки символизуют для него нечто иное, чем то, что они есть, и этот мир невысказанных символов оказывается более обширным и несравненно более могущественным над его головой, чем та действительность с которой он имеет дело. Мотто «мир есть мое представление» здесь приобретает какую-то кошмарную реальность болезненную, жестокую и разлагающуюся. Очевидно, что не действительность, вот та, которую показывает Дюамель, является постулатом этих почти животных страданий, очевидно есть какие-то другие, глубокие причины всего этого, но их автор не касается, описывая лишь то, что попадается под больные и извращенные взоры его медленно заикающегося в своей душевной жизни героя. Это вызывает жалость, чуточку гадливую,—но это не вызывает сострадания, а состраданием живет искусство.

Что сказать еще! Надо ли прибавлять, что книга мастерски написана? Из сказанного выше понятно, что это ей помочь не может. Есть влияние Достоевского, но у того была налицо все-таки хоть какая-то борьба, здесь же тихий дурачок возится со своими несчастиями, ибо они составляют все его содержание и у него нет ничего больше. Тяжелая и бессмысленная книга. Послевоенный чад, бестолковый, антикультурный и ядовитый.

Э. П. Бик.

„СОВРЕМЕННАЯ ИНОСТРАННАЯ БИБЛИОТЕКА". Ред. П. С. Когана. Госиздат. Москва. 1923.

ГЕНРИХ МАНН. Рассказы. Пер. с немецкого. Стр. 50.

КАРЛ ЭЙНШТЕЙН. Дурная весть. Перев. с немецк. Стр. 102.

КАРЛ ШТЕРНГЕЙМ. Любимая лошадь кайзера — Либусса. Рассказ. Пер. с немецкого. Стр. 86.

ОСКАР, М. ГРИФ. На добрую память. 8 рассказов. Перев. с немецкого. Стр. 180.

МАКС БАРТЕЛЬ. За решеткой. Рассказы. Перев. с немецкого. Стр. 98.

А. РУВЕЙНИ. Стихия. Рассказы. Перев. с еврейского. Стр. 116.

Из указанных книг, входящих в издаваемую Госиздатом серию «Современной литературы», не все представляют собой одинаковую художественную ценность. Так, прежде всего два пустяковых рассказика Г. Манна вряд ли заслуживают того, чтобы их переводить.

Интересна нашумевшая в свое время «Дурная весть» К. Эйнштейна, но интерес этот вызывается отнюдь не художественными достоинствами, потому что это не литературное произведение, а ряд диалогов философского и общественного характера, при чем участниками этих 20 сцен-диалогов являются Иисус, апостолы, Пилат, Мария, обыватели, философы, софист, биржевик, сыщик и т. д.

В общем резкая, смелая, подчас оглушающая необычайностью подхода, общественная сатира; но читается она с трудом, благодаря, может-быть, обилию и разнообразию мыслей, с одной стороны, и благодаря своеобразию и выражению этих мыслей—с другой. В рассказе Штернгейма «Любимая лошадь кайзера» — Либусса (Любуша?) рассказывает в своих записках о Николае II, Эдуарде английском и Вильгельме немецком, которых она последовательно возила на своей спине. Рассуждения автора и его сатирический тон, вложенные в уста лошади, не производят впечатления удачного литературного приема.

Интересны и в общем недурно написаны рассказы Грифа и Рувейни, но из всех пяти книжек, безусловно лучшая принадлежит *Максу Бартелю*. Рассказы ведутся от имени рабочего, страстного бродяги, безумно любящего море и Италию. Некоторые рассказы—настоящие стихотворения в прозе, и несмотря на то, что автор рисует нам целый ряд тяжелых картин из жизни рабочего «дна», ему удается умело сочетать эту мрачную житейскую прозу с поэзией природы. В двенадцати небольших рассказах целая галлерея образов, своеобразных фигур, иногда лишь набросанных, но сильным и колоритным штрихом. Что-то есть в этих рассказах от Максима Горького?

И. Гливенко.

ГАРАЛЬД БЕРГСТЕДТ. Праздник Йоргена. Перев. с датского А. Ганзен. «Всемирная Литература». (Новости иностранной литературы.) Государственное Издательство. М.—П. 1924. Стр. 168.

«Александерсен» — первая переведенная на русский язык книга молодого датского писателя Гаральда Бергстедта—обратила на себя внимание самобытным своим характером и множеством, но все же в меру, рассеянных в ней остроумных «литературных трюков». Сила писателя сказалась в первую очередь в его редком уменьи связывать реалистические, фантастические и сатирические элементы повествования в увлекательное и убедительное целое. Можно сказать, что книга Бергстедта, резко отличаясь от привычного русскому читателю довольно вялого типа произведений северной литератры, явилась одной из лучших современных переводных книг. Правда—и это уже отмечалось критикой [1]), не все в этом романе было удачным. К концу его Бергстедт впадает в грубейший аллегоризм; сюжет, отяжелев, теряет свою увлекательность

[1]) См. «Печ. и Рев.», кн. 1-я за 1924 г., стр. 287.

и свежесть. Наконец, последние главы его вовсе лишены того обилия изящных и умных выдумок, которыми блистает первая часть. Таким образом, «Александерсен», при всей своей несомненной оригинальности, оставлял в читателе чувство некоторого недоумения.

Теперь — с переводом «Праздника Йоргена»—сатирической легенды, написанной Бергстедтом в 1919 году, не останется никаких сомнений в том, что европейский север подарил нас значительным художником, увлекательным романистом и близким нам по духу поэтом мужества, ума и шутки, в которой не так-то легко достать плоское дно...

Сюжетом нового произведения Бергстедта является мстительная проделка сильного, честолюбивого и даровитого человека над своими согражданами по фантастическому местечку — Йоргенстаду,—чему-то среднему между былым российским монастырским поселком, существовавшим «при мощах», и хорошим европейским университетским городком с крепкой, средневековой уличкой и традицией. Некогда оскорбленный и изгнанный из него «хранителями чудотворного плаща»—полновластными господами «храма», Микаэль Коркис возвращается на родину самозванцем, в качестве воскресшего святого Йоргена. Микаэль Коркис, актер и авантюрист, ухитряется вдохновенной игрой и не без мошенничества убедить народные толпы, собравшиеся на ежегодные Йоргеновские же торжества, что он самый и есть, возвратившийся, согласно легенде, после трех векового отсутствия, святой. «Хранители», оторопев и растерявшись, подчиняются его воле.

Центром книги является изображение двух дней торжества «Коронного вора»—такова неудобная и неуютная слава самозванца, по пятам следующая за ним в виде грозной «грамоты с точными приметами»...

Очень своеобразна сатира Бергстедта. С большой легкостью в студенческом стиле он в шутливом предисловии приподымает завесу над своим замыслом: ему, видите ли, послужили при повествовании о «бесстыднейшем из плутов своего времени»... следующие «источники»... Далее, на полустранице значится перечисление воображаемых, трижды ученых книг, среди которых вы найдете и «Жития Святых» — Птоломея Правдолюбца и некоего магистра с «Анналами средневековых плутней» и обязательного профессора «А. П. Бриллемана фон Снумпфендорфа» с обязательным фолиантом: «Коронный вор и его время» и т. д., и т. д. вплоть до «Здорового чтения для народа, V год,—Св. Йорген в Йоргенстаде—издание Храмового Капитула».— Совсем студенческая, и наивная притом, шутка—литературный трюк. Однако, вслед за беспечностью. почти комсомольской, сатира показывает свои зубы. Бергстедт приподымает огромную тему. Со всей решительностью раскрывает он таинственный сундучок храма св. Йоргена. Храм оказывается попросту:

«Центральным бюро крупного консорциума. И его внутренняя контора представляла нечто среднее между конторой помещика и конторой фактора».

Консорциум этот—фантастичен. Он— не церковь, хотя почти церковь. Он не корпорация, хотя члены его солидарны. С таким же успехом можно найти черты этого фантастического мирка почти во всякой корпорации, как во всякой церкви. Как ни ярок мир «хранителей» и их плутни в сатирическом изображении Бергстедта, все же всю горечь своего протеста он переносит в характеристику «простого народа»—его инстинкта, легковерия, стадности, покорности чудовищному обману. Бергстедт находит сильные и простые слова, чтоб показать как внушенье обретает стихийную силу и само превращается в стихию.

«У простолюдина легко нащупать слабое место. У простолюдина их много; он весь состоит из слабостей и больных мест. Где ни нажми на него, он вздрагивает и пугается. Лишь в одной точке он более или менее неуязвим, а именно,— в своей покорности судьбе, в готовности итти ко дну»... «...всегда у него на языке вертится последняя молитва, всегда в запасе свой Йорген, приготовлены на всякий случай денежки за разрешение коснуться чудотворного плаща, и хранится свято и нерушимо старая благоразумная прабабушкина вера, та самая, что одной ногой стоит в небесах, а другою—в сточной канаве на земле»

С огромным мастерством, не в пример многочисленным озорным шуткам книги, Бергстедт рисует волну народного ликования, экстатического состояния, окончательно ослепляющего и так уже ослепленные толпы.

Стоит почувствовать это горькое ядро, подлинный план повести (что не легко при стремительности и сюжетной занимательности книги), чтоб понять центральный внутренний ее замысел.

Тогда за шутками, за почти боккачиевским анекдотом повести, выступит страстная жажда Бергстедта, вложенная им в своего веселого (веселого ли?) героя—увидеть другим «простой народ».

Вот, как видит будущее Микаэль Коркис: «Два лебедя, безбожные, беззаконные, летели себе спокойно и ровно, взмахивая крылами»

Як. Бенни.

В. БОНЗЕЛЬС. По Индии [1]). Перев. с немецк. М. Кадиш. К - во С. Ефрон. Берлин (ст. орфогр.). Стр. 368. Моск. ц. 1 р. 70 к. зол.

Аккуратно изданный томик, приятная бумага, чистенький перевод,—примерно, таковы же и текст Вольдемара Бонзельса. Экзотико-сантиментальное путешествие довоенного немца в великобританскую Индию. Кое-что полагается само собой,—аборигенам обеспечено сочувствие автора, угнетатели в лучшем случае внушают себе некоторое уважение серьезностью антуража. Но Бонзельс поехал в Индию неспроста, он прочел предварительно Т. Мана, Стриндберга, Гамсуна и иных из тех, что акцентованно «сближались с природой», и дал нечто во всяком случае легко читаемое и не лишенное своей занимательности. Было бы много приятнее все сооружение, коли бы автору так не чесалось бы ежестранично кивать на потусторонние постулаты Индии и погружаться в бреды всех сортов (положим, один—лихорадочный), а также не выкладывать с настырной откровенностью свой самый разъистинный примитивизм. Однако, он делает это не без изящества, и иной раз трогает. Привычка к великолепной Индии Редьярда Киплинга портит, конечно, русскому читателю Бонзельса.

Книга состоит из четырнадцати новелл, связанных территориально, а также участием автора и его слуги-индуса. Они проезжают Индию, Джунгли, долезают до гор и спускаются обратно. Автор обладает хорошей, хоть и несколько тихонькой иронией, и его разговоры со слугой, по имени Панья, довольно приятны Свежий и незамысловатый юмор этот с хорошим пониманием разных общепростительных слабостей весьма облагораживает книгу. Но у него есть и ряд хорошо данных картин, которые приятно вспомнить. Правда, все они чуточку напоминают такого приглаженного и аранжированного Киплинга (напр., сражение мангусты-Риккитиккитави с Нэгомкоброй, обезьяний народ Бандар-Лог в «Джунглях» и др.), но другой раз вспоминается и Т. Гофман (битва с мышами в «Щелкунчике»), но все-таки эти картины лучшее из того, что есть в книге. Это бой кошек и крыс (стр. 22), разговор с обезьяною Гук (67), Джунгли и рассказ о кобре (115), инцидент со змеей и рикки (121). Занимательна глава с лихорадкой (у автора—хорошая выдумка) и была бы еще лучше, если бы все это не было столь высокоторжественно. Хороша история с обезьянами, охота за пантерой, буйволы и тигр. Из людей интересней других брамин Мангеше-Рао.

В конце-концов, все на потребу человеческую: слащавые ужасики, так любимые Бонзельсом, сослужили ему в книге и некоторую службу; понаторевши на сих кислосладких экзерциссах, он дает хорошую жуткость при встречах со змеями. Таких встреч четыре—змея ловит крысу, кобра убивает девочку, автора спасает мангуст от змеи и кобра убивает быка. Вот рассказ о мангусте и змее: «В углу палатки послышался шорох. Обернувшись, я увидел маленькое животное, которое я принял сперва за куницу. Встревоженное моим движением, оно сидело неподвижно и смотрело на меня двумя огромными черными глазами, выдававшимися сильно вперед и расположенными, как у обезьяны, очень близко друг от друга. Изящная мордочка была не больше грецкого ореха

[1]) Эта книга вышла также в изд. ГИЗ'а, М.—П. 1923 г., стр. 167.

в зеленой шелухе. Окраска шерсти показалась мне серовато-бурой, как у белок в зимнее время. Маленькое животное мне очень понравилось, и я попробовал завести с ним знакомство. «Подойдите поближе», сказал я и несколько раз слегка свистнул. Зверек не тронулся с места. Я соображал, чем бы его приманить. Но когда я сделал движение рукой, чтобы протянуть ему лежащий подле меня английский бисквит, зверек безшумно скользнул, и угол палатки мгновенно опустел. Однако, еще через мгновение, по бликам лунного света мелькнула легкая тень: зверек появился опять, очевидно, его влекло сюда любопытство. Меня пожирали два черных, широко раскрытых глаза, застывших от изумления. Никогда еще я не ощущал на себе такого пристального взгляда. Зверку, повидимому, страшно хотелось узнать, что я собой представляю и что привело меня из далекой страны в человеческое селение Итупа и оттуда к его темной норе. Я не мог ему ответить на этот вопрос, но и не хотел его разочаровывать. «Есть у вас семейство?» тихо спросил я. Он моментально исчез. Вопрос этот показался, может-быть, слишком неделикатным для начала знакомства. Однако, спустя некоторое время, зверек опять появился на том же самом месте, между сосудом с солью и сандальями Паньи. Он понял, повидимому, что мои слова не так уж опасны, как ему показалось вначале, и подкрался немного поближе, чтобы лучше меня рассмотреть. Мне стало жаль, что я не мог ничего ему предложить и что мое гостеприимство возбудило в нем недоверие. «Мне кажется, вы живете только в ночное время,—начал я осторожно,—я заключаю это по вашим глазами и по тому, что мы именно ночью с вами встретились. Очень прошу вас не делать ложных выводов из множества незнакомых предметов, которые вы здесь видите. В сущности мы, высокие прямые существа, движимы точно такими же влечениями, как и вы. Их легко перечислить. Это—счастье жить в этом мире, озаренном солнцем, любовь и сон. И над всем этим живет еще неустанная надежда, что когда-нибудь все станет еще более прекрасным. То же я читаю и в твоих больших глазах. Разве чувство, которое тебя привело сюда, чем-нибудь отличается от того, что побудило меня прийти в лесную чащу твоей родины?» А на это он ответил мне громким злым свистом, потрясшим все мое существо, и сейчас вслед за этим в листве, на которой я лежал, послышалось сердитое шипение. Нужно было лежать тихо,—иначе это могло бы стать прискорбным эпилогом моих скитаний по джунглям. Я понял теперь, кто был передо мной: но гораздо важнее было знать, кто был непосредственно около меня, в увядшей листве моего ложа. Маленький зверек стал вдруг както мягко и странно покачиваться, издавая при этом резкие и отрывистые звуки—нечто среднее между криком и свистом, относившиеся к той, что делила со мной ложе. Вдруг я увидел, как из-под хвороста поползло что-то к выходу, точно потекла струя густой темной жидкости. Маленькая тень с быстротой молнии скользнула вслед за змеей, и я услышал за стеной яростный шелест и шум сопровождаемый шипением, свистом и хрипом. Потом все стихло. Я слышал только прерывистые удары своего сердца и видел белые, словно обрезки бумаги, блики лунного света. Наконец, воздух снова огласился однообразным пением цикад. Мне показалось, они молчали, пока перед моими глазами разыгрывалась трагедия смертельной борьбы между двумя творениями ночи»...

По этому отрывку читатель может судить о достоинствах и мастерстве Бонзельса. Самый маньеризм своего стиля (обращение к мангусте на «вы») он другой раз умеет ловко противопоставить действительности, которая от этого много выигрывает в выпуклости. В книге имеется налицо определенная приятность. Жаль, что переводчик не догадался немного сократить Бонзельса, выбросив высокопарные рассуждения его и гамсунические разглагольствования на ландшафтные темы.

Э. П. Бик.

ИСКУССТВА.

1. К. ГАГЕМАН. Игры народов. Индия. *А. Луначарский.*—2. И. ГИРН. Происхождение искусства. *А. Федоров-Давыдов.*. — 3. Е. БРАУДО. Рихард Вагнер и Россия. *С. Бугославский.*—4. В. НИКОЛЬСКИЙ. История русского искусства. *А. Греч.*—5. I. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ТЕАТРА. Под ред. А. Гвоздева и А. Смирнова. II. СТАРИННЫЙ ТЕАТР В РОССИИ XVII—XVIII вв. Сборник статей под ред. акад. В. Перетца. *Н. Кашин.*—6. Л. САБАНЕЕВ. Музыка речи. *С. Бугославский.*—7. И. ЕВДОКИМОВ. Памятники художественной культуры на Севере. Вып. I и II. *Н. Щербаков.*—8. Г. ЛУКОМСКИЙ. Санкт-Петербург. Исторический очерк архитектуры и развития города. *Л. Розенталь.*—9. Б. АРОНСОН. Марк Шагал. *Л. Розенталь.*—10. О. ВОЛЬЦЕНБУРГ. Библиография изобразительного искусства. Часть I-я. Вып. I и II. *А. Сидоров.* — 11. Н. СЫЧЕВ. Инструкция для описания миниатюр. *Г. Жидков.*

КАРЛ ГАГЕМАН. Игры народов. Индия. Издательство «Академия». Петербург. 1923 Стр. 180. г.

Книжка принадлежит к той серии трудов Российского Института Истории Искусств, о которой я говорил выше, и вышла под редакцией того же Я. А. Гвоздева. Хотя она и носит название «Индия», но в нее входят статьи Гагемана, посвященные вообще юго-востоку Азии. Тут есть индусские впечатления, в собственном смысле слова, Цейлон, Бирма и Ява.

В дальнейших сериях обещаны и другие работы Гагемана о Японии, Китае и Африке. Книга Гагемана очень полезна, и соображения, которые приводит Гвоздев в предисловии, верны. Все же надо с еще большей определенностью подчеркнуть, что книга отнюдь не претендует на научность. Я не могу даже сказать, чтобы Гагеман, написавший, правда, несколько не плохих книг о режиссуре и актерском искусстве, показал себя в этих очерках действительно тем тонким знатоком и любителем театра, каким рекомендует его предисловие. В общем это как бы заметки из записной книжки культурного немца, который все время кокетничает с собою и публикой. Ему доставляет огромное удовольствие обругать англичанина, протестовать по поводу оскудения Европы в модном теперь для передовой германской буржуазии декандентствующем тоне, преклоняться перед древними, с религиозным налетом, культурными явлениями и т. д. Правда, Гагеман иногда недурно рассказывает, но иногда впадает в какой-то пошловатый тон, покровительственно похлопывает по плечу одни народы, покачивает головой над чрезмерными уступками европейской халтуре других. При этих условиях и его непомерное восхищение и его порицание не всегда внушают доверие. Был он всюду мало, и наблюдения его не могли не быть поверхностными. Правда, он хвастает, что старался не пользоваться тем показательным отельным искусством, которое создалось специально на потребу туристам. Но ясно, что в изучение действительного народного искусства он проникнуть не мог. Во всех случаях, когда он видел что-нибудь интересное, он натыкался на него случайно по указанию тех же полуотельных иностранцев старожилов. Очень характерна, например, хвастливо описанная сценка, в которой англичанин безмерно удивлялся, что чудак-немец делает сотню верст в сторону, чтобы посмотреть на спектакль знаменитой труппы в Бирмане. Между тем оказывается, что этот самый столь культурный и диковинный немец уехал со спектакля, не дождавшись выступления всему Бирману известного великого актера и ограничившись небольшим вступлением, потому, что де ему негде было ночевать, а он ужасно боится москитов. Вот, если бы туда попал какой-нибудь чудак-русский, то я совершенно убежден, что его и насильно нельзя было бы увести с этого захватывающего спектакля и что ни бессонной ночи, ни москитов он не побоялся бы. Вообще, несмотря

на отдельные интересные данные, неприятен именно этот дилетантизм приемов и мнимо живописный, изукрашенный и манерный стиль. За всем тем книжка представляет известный интерес, остается некоторое общее впечатление, не плохи описания индийского храмового танца, праздничной ночи в Бирмане и особенно Яванского театра теней.

На корешках книжки начатых работ К.Гагемана написано: «Восточный театр». Надо ждать, что Российский Институт Истории Искусств издаст более серьезные и самостоятельные работы, посвященные столь важному культурному явлению, как театр Азии и Африки.

А. Луначарский.

И. ГИРН. Происхождение искусства. Госиздат Украины. 1923 г. Харьков. in 8°. Стр. XVI + 232.

В вопросах о происхождении искусства Гирна многие считают весьма близким к марксизму. Это верно в той мере, поскольку всякое строго-научное, позитивное изыскание всегда будет склоняться к материалистическим выводам. И в той части своей работы, в которой Гирн рассматривает строго-объективно, как натуралист, наиболее примитивные формы искусства, как они выражаются у дикарей, его фактические выводы в достаточной мере сходны с теми, которые дает нам, ну, хотя бы Плеханов, в своих работах по этому вопросу.

Р. Пельше в своем предисловии к русскому изданию сочинения Гирна вполне справедливо отмечает достоинство его социологических изысканий и их пользу для только еще намечающейся марксистской разработки вопросов искусства. Главным недостатком книги Пельше считает то, что Гирн происхождение искусства рассматривает не только с социологической, но и с психологической точки зрения. По мнению Пельше, если и надо рассматривать искусство не с социологической точки зрения, то такою должна быть точка зрения не психологическая, а биологическая. Кроме того, такое рассмотрение происхождения искусства—дуалистично.

Мы вполне согласны с Пельше в его первом положении, а тем более, что те немногие подлинно-марксистские рассмотрения искусства, которые мы имеем, как раз и предприняты с биологической точки зрения. Такими являются работы Плеханова и такой же характер носит пока еще классическая для нашего времени работа Луначарского по вопросам искусства и эстетических эмоций—«Основы позитивной эстетики». Да и самое психологическое рассмотрение искусства у Гирна с его основным тезисом, что искусство способствует усилению удовольствия и уменьшению страдания, слишком близко подходит к биологической точке зрения и является просто только недоведенным до логического конца. Размеры нашей рецензии не позволяют нам проанализировать выводы Гирна и установить в них целый ряд просто неточностей в понимании и употреблении понятий и нелогичного освещения самого по себе правильного вывода.

Но мы не можем согласиться с мнением Пельше о дуалистическом характере работы Гирна. Такою она может показаться только с первого взгляда просто в силу делаемого самим Гирном разделения на психологическое и социологическое рассмотрения происхождения искусства. Нам лично работа Гирна представляется строго монистической. И именно эта ее монистичность, это наличие в ней единой, пронизывающей всю работу точки зрения, заимствованной от старых идеалистических рассмотрений искусства, делает его работу, несмотря на целый ряд сходных с материалистическими положениями, весьма далекой от марксизма.

Такой основной исходной точкой зрения является понимание художественного творчества и эстетического впечатления как «самоцели». Гирн понимает искусство как выражение душевных волнений, и именно это свойство искусства он считает самым существенным во всяком художественном произведении. Искусство может поучать, изображать конкретные явления, играть социальную роль, но истинное эстетическое впечатление есть передача своих переживаний, эмоций, другим людям. И именно только воспри-

тие «настроения» в художественном произведении есть эстетическое впечатление. Не даром Гирн так яростно нападает на всякое «интеллектуальное» рассмотрение искусства, на стремление рассматривать его как идеологический факт. А известно, что марксизм как раз и рассматривает искусство как явление идеологического порядка. Здесь ясно смешение понятий. Эмоциональный тон искусства, являющийся лишь одним из *способов* осознания мира, Гирн принимает за единственную сущность искусства. И интересно, что он сам же себе противоречит. Отрицая наличие у животных, в частности птиц, искусства как средства полового подбора (Дарвиновская теория), Гирн считает, что яркое оперение и игры птиц в периоды парования имеют целью не произвести на самку эстетическое впечатление, но,с одной стороны, выявить и усилить у самцов их собственные эмоции, а с другой—усилить возбуждение самки. Но ведь если искусство есть выражение эмоций и если социальная роль искусства, по Гирну, состоит в том, что выражение моих эмоций в художественном произведении (в танце, песнях и т. п.) симпатическим путем распространяется и на других людей, то игры птиц и их оперение как раз и будут искусством.

Основу происхождения искусства Гирн усматривает в наличии у человека художественного инстинкта, именно как инстинкта выражения своих эмоций. Этот инстинкт он считает «эстетической» причиной возникновения искусства. Но наряду с этим в социологическом изыскании конкретных проявлений искусства на заре культуры ему приходится признать целый ряд «неэстетических» причин возникновения искусства. Из этого противоречия он выходит следующим путем: возникновение искусства имеет причиной художественный инстинкт, но фактическое его проявление, оформление его проявлений «пользовалось» «внеэстетическими причинами», которые, таким образом, становятся уже не причинами, а только способами выявления. Это—все те моральные и социальные институты, которые появлялись в процессе человеческого мироприспособления. Чем дальше развивается искусство, тем оно становится все меньше зависимым от «внеэстетических» причин. Эта последняя мысль Гирна кажется нам весьма интересной и могущей дать в марксистской ее обработке весьма интересные результаты. Искусство, действительно, в процессе своего развития становится все более свободным от выполнения конкретных трудовых задач (напр., организации труда песней, репетирование рабочих и военных движений в танце, и т. д.). Но это вовсе еще не значит, что искусство становится все более и более «самоцельно». Оно лишь переходит от выполнения примитивных, непосредственных задач сегодняшнего дня к задачам содействия организации общественной жизни путем организации идеологий того или иного класса и пропагандирования его идей в эмоционально-воспринимаемых конкретных формах.

Установление Гирном наличия в человеке художественного инстинкта, как источника художественного творчества, разумеется, марксизмом не будет отвергаться. Марксист только скажет, как сказал в свое время Маркс в «Введении в критику политической экономии», что установление таких абстрактных понятий, лишенных всякого исторического содержания, совершенно бесполезно для исторического исследования. Поскольку мы рассматриваем «происхождение искусства», постольку нам интересно не то, что в человеческой психике или, вернее, физиологии допускает возможность существования искусства, а то, в силу каких обстоятельств реальной человеческой общественной жизни могло появиться и появилось искусство как социальное явление. Иными словами, поскольку мы считаем, и Гирн считает, что искусство есть явление социальное, постольку устанавливаемые нами причины его возникновения и развития могут быть только причинами социологического порядка. Только такая точка зрения может нам дать возможность найти правильный отправной пункт в изъяснении конкретных причин появления искусства вообще и отдельных его видов в частности и их роли в процессе общественного человеческого мироприспособления.

Именно отсутствием этой отправной, исходной точки зрения и объясняется отсутствие у Гирна единства в рассмотрении конкретных причин появления искусства. Он рассматривает его появление и в связи с трудом, и с войной, и с половым подбором, и с магией и т. д. и т. д., но нигде он не пытается углубить свое исследование. Он не замечает, что конкретное историческое проявление воздействия этих факторов на искусство обусловливалось экономическими причинами, создававшими условия этого воздействия.

Этим же объясняется и то, что Гирн трудовое происхождение искусства считает таким же «способом выявления» как, например, и военное, не задаваясь целью связать вместе биологическое, а следовательно, и экономическое значение военной и трудовой песни и пляски и отыскать их общий источник. В силу того же Гирн отрицательно относится и к теории искусства как игры, совершенно не понимая истинного содержания этого термина и настаивая на том, что игра есть упражнение органов, а искусство—выражение эмоций.

Отметив особенности книги Гирна, которые, в конце-концов, сводятся к тому, что он стоит на совершенно иной точке зрения на происхождение и сущность искусства нежели марксисты, мы должны отметить и достоинства его работы. Эти достоинства заключаются в наличии того, отсутствием чего, в силу необходимости, страдает наша рецензия: в большой и серьезной детальности разработки ее положений и в обстоятельной аргументации. Работа Гирна является плодом больших изысканий и громадной эрудиции. Мы вполне согласны с Пельше, что она является наилучшим результатом, которого может достичь немарксистская эстетика, и можем только радоваться по поводу обогащения весьма небольшой эстетической библиотеки на русском языке переводом этого серьезного и дельного труда, могущего быть весьма и весьма полезным пособием при умелом к нему подходе.

А. Федоров-Давыдов.

Проф. Е. М. БРАУДО. Рихард Вагнер и Россия (новые материалы к его биографии). Изд-во «Начатки Знаний». Пгр. 1923. Стр. 43. In 16°.

В брошюре четыре небольших статьи: 1) Вагнер и Бакунин, 2) Письма Вагнера к Серову. 3) Вагнер в Петербурге. 4) Вагнер и III отделение.

В первой статье, наиболее оригинальной и интересной в сборнике, автор раскрывает влияние Бакунина на революционную мысль композитора. Бакунин пробудил в фантазии Вагнера идею мирового пожара, в огне которого погибает ветхий мир богов «Кольца Нибелунгов»; вагнеровское «искусство будущего» создалось не без влияния Бакунина. Браудо указывает, что в дрезденском восстании Вагнер был активным революционером, идя об руку с Бакуниным; позже друзья композитора, чтобы его реабилитировать, старались затушевать этот эпизод в его биографии.

Вторая статья рассказывает об отношениях Серова к Вагнеру; к ней приложены два письма Вагнера к Серову (1860), впервые напечатанные Браудо в 1913 г.

Третья статья интересна по сообщению газетных рецензий и программ петербургских концертов Вагнера (1883 г.).

Четвертая статья дает извлечения из курьезного дела III отделения по наблюдению за Вагнером. Дело извлечено из архива III отделения А. А. Шиловым. Браудо пользуется личными сообщениями последнего.

Материалы Браудо ценны постольку, поскольку интересна всякая деталь из жизни великого человека. Вообще же новых черт в биографии и характеристике композитора они не вскрывают.

Сергей Богуславский.

ВИКТОР НИКОЛЬСКИЙ. История русского искусства. Берлин. 1923 г. РСФСР. Государственное Издательство. Стр. 252 + 8. 49 илл. (из них 14 трехцветок).

Нет более трудной и ответственной задачи, чем написание общего, притом популярного сочинения. С одной сто-

роны, автора обязывает наличие предшествующей литературы, очень обильной и разнообразной, с другой стороны—все больший круг подлежащих изучению произведений искусства, вызывающий все новые и новые вопросы. Вместе с тем весь этот сырой материал должен быть тщательно профильтрован и преподнесен в удобопонятной форме, должен быть лаконичным, сжатым, но в то же время спаянным, намечающим все главнейшие вехи в истории русского искусства.

К сожалению, лишь частично осуществлены здесь эти сложные и нелегкие задачи. Книга Никольского почти ничего не дает нового, а как компиляция старых сведений, отличается недостаточно внимательным критическим подходом к материалу, выражающемуся в многочисленных фактических ошибках. Она является чем-то параллельным «вступлению» в «Историю русского искусства» И. Э. Грабаря, может быть рассматриваема как конспект, в общих чертах довольно стройный, предшествующей литературы по вопросу. Общее введение в книгу, повидимому, должно дать неподготовленному читателю основные положения науки об искусстве, познакомить с ее теорией. Здесь на первых же порах позволим себе не согласиться с автором. Если, по его мнению, «живопись и скульптура» (в противоположность архитектуре) являются по существу искусствами «бесполезными», лишенными сами по себе утилитарных целей (стр. 4), то на это легко возразить, что та же русская икона, вызванная религиозной потребностью, или вывеска, необходимая, правда, для более материальной цели, не менее нужны, чем архитектурное сооружение, и потому не могут быть принципиально противопоставлены. Нельзя также вполне согласиться с высказанной далее точкой зрения, что критерий «размножаемости» разделяет искусство чистое и прикладное (декоративное) (стр. 8). Помимо несовпадения терминов (делающих, напр., возможным включения сюда фрески), нам пришлось бы отнести в группу «малых» искусств отлитую бронзовую статую или офорт, существующие каждый нередко во многих экземплярах.

Частая методологическая путаница терминов делает крайне спорным многие положения автора: так, на стр. 4 находим смешение понятий «замысел», «содержание» и «сюжет», употребленные в качестве синонимов.

Не станем останавливаться на совершенно произвольном делении скульптуры на «горельфы», «барельефы», «статуи» и «бюсты» (стр. 34); первые два понятия входят в термин «рельеф», последние—в термин «круглая скульптура» Однако, выяснение методологических неясностей могло бы завести нас слишком далеко. Поэтому перейдем к рассмотрению фактической стороны разбираемой книги.

Не будучи специалистом в области древне-русского искусства, мы не имеем возможности подробно остановиться на первой части разбираемой книги. Однако, и здесь позволим себе несколько общих указаний. Автор как-то слишком много места уделяет иконе, станковой живописи, мало касаясь росписей—этой наиболее волнующей сейчас области старого русского искусства.

В области иконописи нам кажется своевременным перестать говорить, как о чем-то само по себе разумеющемся, в связи с Дионисием о конце *новгородской* школы живописи (стр. 94). Мастер, которого В. Никольский называет «преемником» А. Рублева, хотя их разделяет промежуток, по крайней мере, в полстолетия, является одним из лучших представителей *московской* живописной школы.

В главах об архитектуре укажем на то, что тип каменного шатрового храма начинается в книге Никольского с Дьяковской церкви, совершенно правильно охарактеризованной как переходный тип (104); жаль только, что автором не привлечены более ранние памятники этого рода, напр., церковь Успения в с. Александрове, а также более поздние храмы,—церкви Острова и Медведкова.

Очень жаль, что совершенно не освещено монастырское строительство с его своеобразными формами, что в стороне оставлена провинция: лишь несколько слов бросает автор по поводу такой интересной области как ярославско-ростовская школа XVII в. или как украинское

искусство того же времени, несущее множество западных европейских черт.

Заканчивая обзор первой части книги Никольского, отметим не вполне удачный подбор иллюстраций, особенно совершенно недопустимое отсутствие репродукций с древних росписей.

Вторая часть работы В. Никольского на первых же порах вызывает полное недоумение; неясно, чем руководился автор в выборе тех художников, о которых он говорит. Если писать об иностранных живописцах XVIII в., работавших в России, то необходимо было бы упомянуть о Токке, влияние которого на русскую живопись было огромным, во всяком случае бо́льшим, чем роль упоминаемых автором Кювилье и Гзеля.

Обычные ошибки о «давидовском» стиле Лосенко и об ученичестве Антропова у Ротари повторены в книге Никольского (стр. 127), хотя известно, что русский художник был на 11 лет старше французского, а итальянец Ротари приехал в Россию тогда, когда Антроповым был создан уже ряд превосходных вещей. Совершенно неверны указания, что «парадность» менее удается Боровиковскому, чем другим мастерам русского XVIII в. (стр. 130); вспомним такие вещи, как А. Б. Куракин, Н. П. Шереметев, Павел I Д. А. Державина, чтобы убедиться как раз в противном. Недоумение вызывает полное умолчание об обоих Аргуновых и вместе с ними и обо всем крепостном, бытовом портрете эпохи. Разбрасывая повсеместно упреки по адресу Академии, автор, несомненно, отнесся к ней пристрастно, забывая таких мастеров, как П. И. Соколов, Егоров и Варнек. Его характеристики последующих художников отличаются крайней расплывчивостью. Одна и та же мерка «романтизма» прикладывается и к Кипренскому и к Иванову, и к Брюллову, и к Айвазовскому. Про Кипренского, кстати, автор пишет (стр. 154), что он был *учеником* Левицкого. Совершенно непростителен пропуск среди художников первой половины XIX века... Тропинина

Оценивая передвижников, автор слишком увлекается разбором их «идейной стороны», часто не замечая чисто живописных достоинств многих художников. Даже в оценке Перова он, повидимому, ничего лучшего не находит, чем «восходящее солнце», «лунный свет» и «вечернюю зарю» (стр. 173). Мимо автора прошло мастерство многих из них, напр., упоминаемого в книге Прянишникова и неупоминаемого А. Морозова. Недоумение вызывает также подбор художников в отделе, посвященном русской живописи конца XIX—начала XX вв.; здесь опущены Кустодиев, Билибин, даже Малявин, с картины которого приложена репродукция.

В страницах, посвященных архитектуре, недостаточно подробно освещены Камерон и Ринальди, и совершенно пропущен Фельтен. Все они не мало повлияли на развитие русской архитектуры XVIII века. Утверждение В. Никольского относительно Джилярди, что он «ввел в свою орнаментику фигуру лебедя» (стр. 227), кажется довольно странным: не спутал ли автор лебедя с грифонами, действительно попадающимися на его фризах. Подмена их, конечно, несколько испортит лиричный конец отрывка, но таково все же требование истины. Так же, как и в первой части, не вполне удачен подбор иллюстраций. А. Ф. Кокоринов (т. II) мало характерен для Левицкого, на его месте, конечно, хотелось бы видеть женский портрет. Наличие изображения кн. Суворовой (т. III), одного из наименее удачных произведений Боровиковского, также очень мало показательно. Подпись под портретом Олениных (т. VII) «Александр Брюллов» неправильна—следует «Карл Брюллов».

Жаль также, что трехцветки исполнены по красочным воспроизведениям; это, с одной стороны, умаляет их значение, с другой—отражается на их достоинстве. «Вид Петербурга» Алексеева (т. I) совершенно пропал, например, в подобной передаче.

Позволим себе еще несколько слов по поводу библиографии. Несмотря на оговорку автора, что он не претендует на полноту списка литературы, все же следовало бы включить сюда «Историю русского искусства» Новицкого, «Словарь русских художников» Собко, статьи Н. Врангеля в «Старых годах», сочинение Дягелева о Левицком, труды Айналова, Редина, Кондакова и Шмидта по древнерусскому искусству, а также капиталь-

ное сочинение Бобринского «Русская деревянная резьба». Называем здесь лишь наиболее выдающиеся исследования, пропущенные автором.

В заключение считаем не лишним отметить очень приятную внешность книги, прекрасную бумагу, четкий шрифт и хорошо исполненные цинкографии. Все это делает ее очень отрадным явлением в области современного типографического искусства.

Д. Греч.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ТЕАТРА, под редакцией А. А. Гвоздева и А. А. Смирнова, с 22 иллюстрациями в тексте. Античность, Средние века и Возрождение. «Academia». Петербург. 1923 г. Стр. 312.

СТАРИННЫЙ ТЕАТР В РОССИИ XVII—XVIII ВЕКОВ. Сборник статей под редакцией акад. В. Н. Перетца. Труды Росс. Инст. Ист. Искусств. «Academia». П. 1923. Стр. 180.

Оба сборника составляют труды Разряда Истории Тетра Российского Института Истории Искусств. В январе 1923 г. членами названного Разряда был прочитан цикл лекций по истории западного театра.

«Успех лекций, а равно сознание, что существующие пособия по истории театра частью устарели, частью по существу недостаточны, побудили Разряд Истории Театра приступить к изданию общедоступной серии книг научно-популярного характера, которая бы освещала прошлое театра на основе научных изысканий, подходящих к театру не только с биографической, культурно-исторической и социальной точек зрения, но и считающихся с театром, как с самодовлеющим искусством».

Первый сборник и выполняет эту задачу, составившись из выше упомянутых лекций. Такого рода начинания, конечно, можно только приветствовать, тем более, что в настоящее время наука театроведения пересоздается, если только не создается вновь, что, пожалуй, будет вернее. До сих пор в качестве истории театра изучали, в большинстве случаев, историю драмы, и только теперь начинают изучать доподлинно историю театра, т.-е. воплощение этой драмы на сцене.

В виду того, что такое изучение, собственно говоря, только начинается, от историка театра нельзя еще требовать в настоящее время исчерпывающей полноты и строгой системы. Поэтому-то «и настоящий сборник,—как сказано в предисловии,—намечает лишь основные вехи развития театра, не вводя в спорные вопросы изучения и реконструкции старинных спектаклей, но стремясь очертить основные линии сценического мастерства, поскольку они определяют развитие театра в XVIII и XIX вв., которым будут посвящены дальнейшие выпуски».

При таком положении дела легко можно было перегнуть палку в другую сторону и игнорировать литературную сторону спектакля, т.-е. драму. Одним из достоинств рецензируемого сборника, между прочим, является как раз то, что авторы статей отдают должное этому элементу, и в сборнике мы находим прекрасную характеристику, напр., драмы Лопе-де-Вега, принадлежащую известному знатоку испанского театра Д. К. Петрову. Точно так же должно отметить в статье Б. А. Кржевского «Театр Корнеля и Расина» характеристику французской трагедии, которую так неправильно, по старой памяти, все продолжают еще называть «ложно-классической», хотя от такого названия пора бы и отказаться.

Отмечу две мелочи в этой статье. В одном месте ее автор пишет: «но было бы неосторожно думать, будто такая ясность обозначает элементарность, схематизм, упрощение, симплизм» (стр. 255). К чему здесь это мудреное слово: «симплизм»? В другом месте читаем: «по антаблементу декорации идет балюстрада...» (стр. 261). А уж здесь слово «антаблемент» неукоснительно требует объяснения: ведь «Очерки» предназначаются для широкой публики.

Можно упрекнуть с нашей точки зрения статью А. И. Пиотровского: «Античный театр» (театр древней Греции и Рима), которой открывается сборник и в которой недостаточно полно охарактеризована греческая трагедия Эсхила, Со-

фокла и Эврипида, да в статье С. К. Боянуса — «Средневековый театр», где читатель найдет очень подробные сведения о религиозных пьесах, почти ничего не сказано о светских, между тем как такие пьесы, как «Робэн и Марион» и т. п. заслуживали бы упоминания.

Опять-таки, в виду еще малой разработанности науки театроведения, в настоящем сборнике встречаются статьи чуть ли не впервые трактующие в русской литературе затронутой ими вопрос. Такова, напр., в высокой степени интересная статья А. А. Гвоздева: «Оперно-балетные постановки во Франции XVI—XVII вв.», для которой, между прочим, использованы автором сборники рисунков-эскизов костюмов, «в настоящее время с гордостью хранимые в парижских библиотеках и в собрании немногих коллекционеров».

«Очерки по истории европейского театра» особенно следует рекомендовать ученикам многочисленных театральных студий, которые почерпнут в них много очень полезных для себя знаний.

Другой сборник, заглавие которого приведено выше, несколько более специального характера. Правда, в нем есть две статьи общего, руководящего характера: «К постановке изучения старинного театра в России» и «Театр в Московской России 250 лет тому назад», обе принадлежащие перу редактора сборника, известного знатока старинного русского театра, акад. В. Н. Перетца, но три остальные статьи, входящие в сборник, уже специальные и касаются явлений досумароковского репертуара, а именно, одна посвящена «Русской пасторали XVII в.» («Беседы пастушеские Симеона Полоцкого»), другая—«Истории театра в Твери XVIII в.» и третья—«Итальянской интермедии 1730 годов в русском переводе». Все три статьи сопровождаются впервые печатаемыми текстами. Специалисты, конечно, скажут спасибо авторам этих статей.

В следующих выпусках по истории русского театра «предполагается дать статьи о технике актерской игры, о постановке пьес и о приемах драматургии первых русских авторов».

Пожелаем скорейшего выхода в свет всех обещанных изданий «Трудов Российского Института Истории Искусств».

Н. Кашин.

ЛЕОНИД САБАНЕЕВ. Музыка речи. Эстетическое исследование. Изд-во «Работник Просвещения». М. 1923 г. 190 стр.+6 таблиц. Ц. 3 р. зол.

Наконец-то звуковая сторона речи послужила объектом исследования музыканта, обладающего чутким слухом, в то же время ученого с широким философским образованием, эрудита, методолога с громадным критическим чутьем. От работ в том же направлении Андрея Белого, Шкловского, Эйхенбаума, Всеволодского-Гернгросса книга Сабанеева ушла далеко вперед и в глубь проблем музыки речи.

Значимость работы прежде всего в методологическом отношении: в постановке проблем, в критическом освещении старых методов работы лингвистов и стиховедов. Методология их областей не может не претерпеть благотворных влияний книги Сабанеева.

Лингвист, прочитав ее, не может не учесть влияния темпа, мелодии, динамики на тембры (то, что лингвисты называют «звуками» языка), а также некоторых наблюдений музыкального уха автора (вопрос о глухих перед *н* и *м* и др.). Он должен осознать ограниченность области своего исследования языка (одни тембры), пересмотреть главу об «ударениях» и др.

Исследователю поэтической речи книга даст больше всего. Она покажет ему, что он часто смешивает элементы динамики, ритма и метра (добавлю: темпа и ритма, напр., у А. Белого), что «в существующей теории метра изучается не реальный стих, а какое-то схоластическое измышление по поводу стиха» (стр. 139); она даст ему запись звуковой, ритмической и динамической стороны поэтической речи; открывая новые области исследования, в то же время она вносит важные коррективы в анализ метра, «инструментовки» стиха.

Поэту труд Сабанеева даст осознание структуры областей, уже завоеван-

ных его интуицией, и этим расширит область дальнейших его завоеваний.

Декламатору книга поможет разобраться, с одной стороны, в принципах исполнения прозы и стихов, с другой — даст ясное осознание его выразительных средств.

Как «исследование», труд Сабанеева вызывает ряд вопросов и возражений.

Метод работы постоянно колеблется между исследовательским наблюдением явлений и эстетическим нормированием; отсюда отсутствие прочного материала для резюме и отчасти планомерности, которая позволила бы самому читателю сделать выводы.

Работа совершенно лишена исторического подхода к речи как к текучему процессу; отсюда игнорирование мелодических речевых традиций. Анализ современных элементов интонации сделан чрез современное же восприятие музыки. В работе замечается нередко игнорирование специфической особенности речи, звукового материала, *неразрывно* связанного с сопутствующими образами; автор рассматривает речь, как «звуковое бытие без отношения к ее символике образов и идей» (стр. 15), в то время, как звуковая сторона чаще всего обусловлена этой символикой. Многие явления, наблюдаемые автором, также отличие музыки от речи, прозы от поэзии, речи поэтической от обыденной—получили бы бо́льшую рельефность и ясность, если бы были рассмотрены через призму исторической схемы, хотя бы той, которую решаюсь предложить из резюме моей работы, находящейся в рукописи. В начале развития—язык звуковых жестов (согласно Вундту); далее непрерывный процесс дифференциации в его сфере. Ассоциирование звукового жеста с образом, смежным с ним по восприятию, с одной стороны (это путь языка слов), с другой—развитие ритмически-мелодических элементов жеста в бесцельной игре, не преследующей сбережения энергии и служебных целей (это путь языка «чистых» звуков-музыки). Поэзия, благодаря позднему отделению от песни, сохраняет черты музыкальной (более симметричной и оформленной) ритмики и более фиксированной мелодии; прозаическая же речь ушла дальше от первоначального единства музыки и речи; она все более теряет общее с музыкой, но взамен приобретает новое, как, например, ультрахроматичность, затушеванность твердых высот, очень прихотливый ритм,—то, к чему тщетно стремится новейшая музыка. Отсюда разные пути и методы оформления речи поэтической и прозаической, настойчиво отмеченные нашими исследователями из группы «Опояз». Отсюда и разные научные объекты и методы у лингвиста, стиховеда, теоретика прозы, несмотря на общность их материала.

Музыка в обычном смысле и «музыка» речи в наше время—понятия с разным содержанием и объемом.

Наблюдения Сабанеева в области различий музыки от речи, языка прозы—от языка поэзии в свете изложенной рабочей гипотезы приобретут, думается, бо́льшую ясность и связность.

Сабанеев ищет звуковой образ поэта, а не случайный исполнителя-декламатора. Признания самих поэтов, что́ особенно ценно, старых, а не только наших символистов, подтверждают обоснованность этих поисков (напомню хотя бы слова Шиллера: «музыка стихотворения гораздо чаще возникает в моей душе..., чем ясная идея его содержания»; в том же духе говорит Ю. Словацкий). Жаль только, что в своих построениях Сабанеев игнорирует метод Э. Сиверса (в его замечательных «Rythmisch melodische Studien»), который из чтения ряда лиц извлекает общее—интонацию поэта, а также работы его учеников (Ф. Сарана, Мазинга, Люика). Сабанеев как музыкант мог бы внести ценные поправки в работы этих «филологов уха» (в противовес «филологам зрения»).

Не могу согласиться с теорией ритма у Сабанеева. Под влиянием Спенсера, Авенариуса, может-быть, А. Н. Веселовского, автор определяет ритм, как принцип достижения наибольшего во впечатлении при наименьших средствах. Таким образом, ритм из области восприятий в категории времени расширяется в широкий эстетический принцип. Однако (на стр. 15), автор вносит ритм (в привычном, повидимому, понимании, как распределение элементов во времени) в элементы, *слагающие* музыкальное бытие

слова. На ряду с широким пониманием ритма у Сабанеева, думается, неизбежно и это обычное рабочее определение ритма. Трудно согласиться с принципом экономии сил и средств в искусстве, где восприятие постоянно искусственно задерживается, тормозится. К тому же экономия средств и наивысшее впечатление—переменные понятия в зависимости от уровня культуры и эстетики эпохи.

Не могу согласиться с Сабанеевым и в том, что проза есть непретворенная ритмом речь (126). С точки зрения определения ритма, по Сабанееву, хорошая проза, таким образом, всегда хуже дурных стихов.

Из деталей отмечу: 1) на необходимость считаться с исторической и диалектологической традицией при определении «естественной» (по Сабанееву) интонации разговорной речи, 2) на то, что *ъ* и *е* звучат разно только по диалектам, 3) что *щ* нельзя назвать «иотированным *ш*» (стр. 87).

Сергей Бугославский.

ИВАН ЕВДОКИМОВ. Памятники художественной культуры на Севере. Выпуск первый: «Два памятника зодчества в Вологде». 48 стр. с 5-ю рис. на 4-х вкладных таблицах. Вологда. 1922 г. Выпуск второй: «Вологодские стенные росписи». 96 стр. с 17-ю рис. на 9-ти вкладных таблицах. Вологда. 1922 г. (Обе книги — издание. Вологодского областного отделения Государственного Издательства; тираж первой—2000 экз., второй—1000 экз.)

Входя в серию «Памятники художественной культуры на Севере», работы И. В. Евдокимова являются ценными монографиями, посвященными памятникам зодчества и стенописи Вологды. Трудам характера общего должно предшествовать исследование отдельных произведений, и автор встал на правильный путь, сосредоточив свое внимание на небольшом числе сокровищ искусства Вологды. В первом выпуске дана подробная, сопровождаемая обстоятельным художественно-стилистическим анализом, история двух церквей Вологды: 1. Ильинской (построенной в 1700—1701 гг., искаженной в своем первичном виде последующими починками); 2) Варлаама Хутынского, воздвигнутой, вероятно, в 1780 г., являющей «прекрасный образец провинциального Екатерининского классицизма»...

Второй выпуск отведен стенным росписям четырех вологодских храмов: Софийского собора, Покрова Божией Матери, что в Козлене, Димитрия, прилуцкого чудотворца, что на Наволоке, и Иоанна Предтечи, что в Рощенье. Стенопись Софийского собора выполнена в 1686—1688 гг. под руководством известного ярословского иконописца Дмитрия Григорьева Плеханова (по всем данным, приведенным И. В. Евдокимовым, явно, что Плеханов был и главным мастером, расписавшим в 1694—1695 гг. ярославский Иоанно-Предтеченский, что в Толчкове, храм), мастера же трех остальных фресковых росписей—безымянны. Хотя и стоявшие под влиянием ярославских образцов и вологодских работ Плеханова, эти безвестные иконники сумели выказать свою оригинальность не столько в композиции, сколько в живописности своих красочных созданий. Такая любовь к красочным сочетаниям приводит автора к верному заключению, когда он, напр., козленского иконописца называет «старовером» (стр. 54), т.-е. отмечает в его творчестве столь понятные в провинциальном искусстве элементы архаизма.

Оба выпуска убедительно свидетельствуют о большой и вдумчивой работе, проделанной автором, который в основу своих изысканий положил памятники письменные и вещественные. Обширные примечания, привлечение нового материала, подкрепляют добросовестность исследований. Построенные по принципу художественно-археологическому и отчасти иконографическому, сочинения И. В. Евдокимова важны именно своею документальностью и объективностью.

Возражения возникают двоякого рода: 1) характера принципиального, 2) порядка второстепенного. Мы отметили бы некоторое, приводящее порою к рискованным выводам, подчеркивание автором художественной самобытности Севера: ведь, в конце-концов, Север был областью, более воспринимающей и хра-

нящей полученное, чем влиятельно-дающей, и указанное автором явление архаизма в стенописи находит свое объяснение как раз именно в том, что на культурно-провинциальном Севере долее удерживались те художественные направления, кои, напр., в Москве уже сменялись иными. (Подобием в данном случае могут послужить старины (былины): почти исчезнувшие на местах своего сложения, они и поныне живы на Севере, будучи ему чужды по всему своему существу.) Несколько условно, далее, понимает автор «Север», исключая из него Новгород Великий и Псков. Недостаточно учтено автором влияние искусства Костромы; слишком суживает И. В. Евдокимов период наибольшего расцвета древнерусского искусства, считая эту эпоху всего лишь в полтора столетия (2-я половина XV в. и весь XVI век): при таком счислении совершенно пропадает, по меньшей мере, целое столетие (2-я половина XIV в. и 1-я половина XV в.), умалчивая уже о XVII ст. Возражениями второго рода будут замечания, что автор напрасно везде (стр. 5,39) именует Фиораванти «Ридольфо» или «Рудольфо» вместо правильного «Аристотель»: можно считать установленным, что «Аристотель» было именем, данным знаменитому зодчему при рождении, а не прозвищем (см., напр., статью гр. К. А. Хрептовича-Бутенева в «Старой Москве», вып. 2-й, Москва, 1914 г., стр. 25 слл.) В выпуске втором на стр. 70 автор, везде на редкость точный, допустил неприятную погрешность такою датировкою, как «половина XVII столетия»: невольно напрашивается вопрос, какая половина, 1-ая или 2-я.

Напечатаны выпуски хорошим шрифтом, но бумага плоховата; иллюстрации выполнены четко, но во втором выпуске они слишком малы, лучше было бы вместо многофигурных композиций дать их детали. Пользование таблицами 2-го выпуска затрудняется отсутствием их нумерации и непоследовательностью вклейки.

Можно порою не примиряться с взглядами автора, выдвигать укоры за преобладание археологизма, недостаточность и недоведенность до конца стилистическо-формального и сравнительного анализа, но все эти упущения не в силах умалить бесспорных достоинств работ И. В. Евдокимова.

Н. Щербаков.

Г. К. ЛУКОМСКИЙ. Санкт-Петербург. Исторический очерк архитектуры и развития города. 1923 г. Издательство «Орхис». Мюнхен. 24 стр. + 43 иллюстрации на отдельных листах. 8°.

Краткая вступительная статья и значительное число тщательно выполненных репродукций помещены на отдельных листах в конце книги... Таков наиболее ныне в Германии распространенный тип популярных художественных монографий, выпускаемых обычно целыми сериями.

Обращаемся к тексту. На восемнадцати страницах рассказана история архитектуры и внешнего облика Петербурга. Не только названы все мастера и их постройки, но местами даны (конечно, в предельно лаконической форме) характеристики целой эпохи, того или иного зодчего, отдельного здания. Мало того, Лукомский находит возможность бегло обрисовать вид города в прежние времена, процитировать отзывы современников и даже делать лирические отступления («Мощь, сила государства чувствовались в каждом куске здания»— стр. 12; «Арки Главного Штаба..., по силе выражения, достойны победоносной нации, войска которой вступили в Париж», стр. 20). С большим уменьем, своего рода виртуозностью в немногих словах изложен большой материал. Но— увы!—эта виртуозность бесцельна. Получился, правда, недурной конспект, очень содержательный и соблюдающий соразмерность своих частей (только строительству XX века уделено обидно мало— всего строчек двадцать), но совершенно неинтересный для того, кто впервые знакомится с архитектурой Петербурга. Слишком сжато о многом сказано; нет ни одного достаточно выразительного образа или описания.

Некоторым коррективом к беглости статьи могли бы служить иллюстрации. Большая часть их (24) воспроизводит старинные литографии и гравюры. По

ним можно прекрасно восстановить облик города в старину, но для характеристики архитектуры они не достаточны. Да и подбор их не слишком систематичен. Что же касается 14 фотографических снимков, то их присутствие совершенно случайно. Воспроизводят они интересные, но все же не наиболее характерные архитектурные детали и ансамбли и заимствованы из книги того же автора «Старый Петербург», целью которой была демонстрация преимущественно мало известных и разрушающихся достопримечательностей зодчества столицы.

Своему назначению быть популярной рецензируемая книга не отвечает. Немецкому читателю (одновременно с русским изданием выпущено немецкое) она никакого сколько-нибудь ясного представления о Петербурге не даст. Мила она будет, пожалуй, русской эмиграции, в час тоски вспоминающей об утраченной родине. В угоду такому читателю Лукомский не поскупился целых шесть таблиц отвести портретам русских царей, содействовавших созданию и украшению города.

Л. Розенталь.

Б. АРОНСОН. Марк Шагал. Изд. «Петрополис». Берлин. 1923 г. Стр. 32 + 21 рис. на отдельных листах. 8°.

В настоящее время Шагал пользуется особенной популярностью в Германии. Он занимает одно из наиболее почетных мест в ряду создателей экспрессионистической живописи. Если вспомнить при этом, что своим первым, довольно шумным, успехом художник обязан Парижу, то невольно можно притти к заключению, что ему суждены бóльшая слава и влиятельность за рубежом, а не на родине.

В России Шагал, если не считать его юношеских выступлений, появился лишь в течение краткого промежутка 1916—1921 гг. Его органическая связь с еврейской национальной стихией, острое чувство быта, своеобразное и столь убедительное визионерство, близость новейшим французским течениям, безусловное и глубокое усвоенное живописное и графическое мастерство,—все это было замечено, но недостаточно оценено. Столь своеобразное и сложное творчество художника, кажущееся иным даже лишенным органической цельности, хотя вряд ли кто стал бы отрицать его исключительную значительность, требует глубокого и обстоятельного анализа. Мы же больше имеем представление о значительности этого творчества, чем об его качестве. То, что писали Тугендхольд и Абрам Эфрос о Шагале (отметим, кстати, что их монография переведена на немецкий язык), было скорее всего весьма нужными в свой момент, полными выражений энтузиазма «рекомендательными письмами» для художника.

Поэтому с особым интересом, ожидая получить что-то новое, берешься за книжку Аронсона. Увы, приходится жестоко разочароваться. Перед нами беглый этюд, полный претендующих на хитроумие обобщений. Автору чужд пафос искусствоведческого исследования. Его интересует «эмоциональная» сущность «Шагала». Сущность шагаловского творчества можно постигнуть только так, как оно было создано—чувством, эмоционально. Поэтому о ней можно говорить «по поводу» (стр. 13). Именно «по поводу» говорится о двух категориях художников, изобретателях-формалистах и эмоционалистах, пользующихся готовыми формами. Деление это, кое в чем правильное и во многом неточное, ничуть не лучше и не хуже сотен подобных же дилетантских классификаций. Нужно же оно для того, надо полагать, чтобы, причислив Шагала к «эмоционалистам», возвышающимся неким «чуть-чуть» над общим каноном, защитить его от обвинения в механическом пользовании приемами новейших живописных течений. Убедительно показать это Аронсону не удалось, так же, как и доказать, что образы нашего художника имеют не литературную, а живописную ценность. Не подтвержденные каким-либо аналитическим исследованием, эти весьма ценные определения остались голословными.

В книге говорится еще и о визионерстве Шагала, о его близости еврейскому народному творчеству, о связи с экспрессионизмом, футуризмом, кубизмом, о чувстве местечкового семейного быта, о его декоративной живописи и о гра-

фике. О технике художника сказано всего на 12 строках на стр. 16, зато даны выдержки из его дневника, цитируется Розанов (без Розанова в таких случаях никак нельзя!), и, конечно, упоминаются Гойя, Босх, Бальдунг Грин, Брегель (читатель очень догадлив и сразу соображает: Питер Брегель Мужицкий, а не какой-либо другой), Кранах, Руссо (снова догадываемся, — Анри, а не Теодор), Ропс, Чурлянис, Домье и др.

Пожалуй, если из книги и получается некоторое представление о художнике, то очень обобщенное и неяркое. Две-три мысли автора могут показаться новыми. И все-таки нельзя не призадуматься лишний раз над ненужностью подобных этюдов, претендующих на «эмоциональное» постижение. Именно о Шагале следовало бы писать совсем иначе.

Внешность книги прекрасная. Очень хороши репродукции с образцов станковой и декоративной живописи мастера, а также его театральных и графических работ. Знаменитый «Зеленый еврей» воспроизведен в красках. Жаль только, что нет снимков с произведений позже 1921 г., нам неизвестных.

Л. Розенталь.

О. Э. ВОЛЬЦЕНБУРГ. Библиография изобразительного искусства. Указатель литературы на русском языке по вопросам теории, истории и практики изобразительных искусств: архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Часть I. Отдельные издания. Выпуск 1-й. Общая теория искусства. Выпуск 2-й. Общая история искусства. Археология искусства. П. Из-во «Книжный Угол». 1923. 8°. Стр. 87 + 1 нен. + 187 + 1 нен. Тираж 2000 экз.

Выход двух выпусков библиографии т. О. Э. Вольценбурга есть в полной мере событие для всех занимающихся и интересующихся искусством. Автор привнес в свою работу тщательность строгого метода, хорошо организованную осведомленность. Зарегистрированные восемьсот с лишним изданий, за очень малым исключением, описаны на основании личного ознакомления. Помимо обычных внешних указаний, часто помещено содержание описываемой книги. Медлительная аккуратность работы вызовет у всякого чувство высокого уважения. Появление такого истинно-научного труда тем более радует, что в 1919 году выпущенная аналогичная по замыслу книга Н. Лаврского оказалась, как памятно, ниже всякой критики; самая уничтожающая была произведена как раз т. Вольценбургом («Книга и Революция», 1921 г., № 12).—О пользе и значении библиографии для науки и ее популяризации говорить нечего. Будем гордиться наличием в С. С. С. Р. издания, подобного которому не имеет ни одна из европейских стран (ибо немецкая «Международная библиография наук об искусстве», основанная Еллинеком, регистрирует только новинки).

При всей этой—как видно весьма высокой—оценке, которую мы рады дать труду тов. Вольценбурга, у нас не может не возникнуть по поводу его работы ряда мыслей, которые мы здесь излагаем для общей пользы дела и в столь же академическом тоне, в каком т. Вольценбургом ведется его регистрация. Потребность в библиографически правильном указателе русской литературы по искусству, оказывается, носилась в воздухе. Одновременно с т. Вольценбургом в Петрограде, над составлением такого справочника работали в Москве пишущий эти строки, в Одессе тов. С. В. Милеев, зарегистрировавший до 12.000 названий книг и статей по тем же вопросам изобразительных искусств. Наличие «трипликации» работы одного и того же характера есть, конечно, явление неэкономное, и выход из него достижим лишь одним путем: сотрудничества. Безукоризненности результата, которой, к сожалению, не достиг т. Вольценбург, не достигнет, думается, никто, работающий индивидуалистически в такой области, как библиография.

В предисловии к своему труду т. Вольценбург определяет составленный им каталог как «достаточно полный», «хотя далеко не исчерпывающий». Это есть главное и наиболее существенное наше сожаление по поводу книги т. Вольценбурга. Если бы работа велась коллективно, то—при всем пессимизме всякого

честного библиографа, утверждающего, что вообще нельзя исчерпать литературы данной области,—удалось бы составить указатель, гораздо более близкий к той полноте, которая всегда для библиографа будет идеальной целью. Работа т. Вольценбурга весьма неполна; если т. Вольценбург базировался на Публичной библиотеке, то придется горестно признать, что в лучшем русском книжном собрании налицо неизъяснимые пробелы. Но так как первая добродетель собирания сведений о книгах—систематика, то остановиться на данном вопросе нам представляется неизбежным.

Библиографический указатель предназначается в первую очередь для изучающего тот предмет, который библиографируется. Но изучение искусства в очень малой мере идет по тем разрезам, которым т. Вольценбург подчинил библиографию. Мы изучаем известный комплекс. Искусство античного мира или искусство современности, или искусство Возрождения для нас как область изучения, конечно, важнее, чем «история скульптуры», «история медальерного дела». Преподавателю, ведущему курс, ежедневно внятен вопрос, «что прочесть по искусству средних веков», а не «что почитать по истории орнамента». Конечно, это заставило и тов. Вольценбурга провести отдельные деления в его крупных рубриках («искусство древнего мира» и др. в разделе «история искусства отдельных эпох»). Но не было бы более плодотворным распределение в большой общей главе «Искусство Возрождения» материала на «Живопись», «Скульптуру» и т. п.? Тов. Вольценбург взял в основу деление не комплексно-историческое, а отвлеченное (по «искусствам»), как это было принято до сих пор. Наше указание по существу есть только пожелание, чтобы в конце труда тов. Вольценбурга был приложен соответствующий указатель. Хорошо составленный, такой указатель смывает многие грехи системы. По поводу нее мы зададим только один вопрос: почему в перечне будущих выпусков не упомянуто искусство графики? Где будет учитываться тов. Вольценбургом деятельность хотя бы Бердслея? В отделе «прикладных искусств»? Ведь не в «живописи» же? Всякое деление имеет и другую опасность. Чрезвычайно легко увлечься и расширить свои границы на области, непосредственно темы не касающиеся. Тов. Вольценбург включает в свою библиографию эстетику. Для нас ныне бесконечно ясно, что умозрительная эстетика к искусству принципиально не относится, что мешать понятие «красоты» и «искусства» теперь уже нельзя, что рассуждения о «возвышенном» и «трагическом» если к какому искусству и имеют касательство, то скорее к литературе или театру.

Тов. Вольценбург, однако, присоединяет еще отдел «Искусство и красота в природе» и снова заставляет сомневаться: все современное мировоззрение, видящее в искусстве ряд разрешений формальных задач, смотрящее на деятельность художника как на высшую степень квалификации мастерства, никогда не примирится, что «музыка водных и болотных обитателей» может войти в «библиографию *изобразительного* искусства». Правда, можно ответить, что в каждом из сочинений этих можно найти кое-что касающееся темы... Но где нет таких касаний! В целом ряде художественно-беллетристических повествований о художниках («Портрет» Гоголя!) их больше всего. Мы считали бы несравненно важнее, чем «Красоту в природе», отдел «философии техники и производства». Удивительно, как такой современный наш деятель, как т. Вольценбург, в области искусствознания оказывается принадлежащим к позапрошлому дню Рескинового благорастворения воздухов в «природе»!

При согласии даже на включение «эстетики» и «природы» в «изобразительное искусство» нельзя не указать, что т. Вольценбург в свой список все же включил ряд книг, не имеющих отношения к теме. Можно было бы составить целый перечень книг, «обманчивых» по названию, которое говорит об искусстве, тогда как внутри книги о нем—ни слова, или, наоборот, слишком много—о другом искусстве, чаще всего о литературе. Здесь мы переходим к конкретной критике «библиографии» т. Вольценбурга. Мы утверждаем, что из списка библиогра-

фии изобразительного искусства должны быть вычеркнуты и излияния Сохацкого (I,4), и Ансильйона (I, 9), и митрополита Филарета (I, 10), и второй том Гегеля (I, 40 и 49), как трактующий о музыке, и третий, как трактующий о поэзии... Нас бесконечно удивило включение в библиографию... Платона. О, да, он важен для изучателя эстетики. Но почему тогда отсутствует Кант? Не нужен ни Введенский («Художественное творчество, как принцип объяснения мифов»; почему тогда нет книги Абрагама «Сон и миф»?), ни Евлахов («Пушкин, как эстетик»; вот «Портреты Пушкина», и другая иконография, конечно, нужна в библиографии), ни Морозов («Об искусстве вообще и поэзии в частности»), ни Леонтьев («...об эстетике *жизни*»). Из отдела «Красота и искусство в природе» некоторым образом в цели библиографии могут войти из четырнадцати книг только четыре.—Важно отметить, что во втором выпуске таких неправомерных расширений темы гораздо меньше. Но там поднимается другой вопрос: как откликаться искусствоведу на проблемы истории и истории культуры. Тов. Вольценбург включает в свой перечень «памятников искусства древнего Востока» «Историю» проф. Б. А. Тураева, хотя известно, что ни в ней, ни в лекциях Бартольда (II, 239), Н. Никольского (II, 241), ни Брэстеда об искусстве речи не идет. Ведь отдел именуется «археология *искусства*». С этой точки зрения, недоумение возбуждает и включение в перечень трудов по истории костюма—при невключении в него трудов, говорящих об изобразительном искусстве с точки зрения археологии. Цитируя труды хотя бы проф. В. Мальмберга по торевтике (II, 427, 431), он не включает сюда его же работ по скульптуре. Потому ли, что скульптуре т. Вольценбург собирается посвятить особый выпуск? Но ведь особый выпуск будет посвящен и прикладным искусствам. Отдел археологии должен быть, конечно, сжат или тогда очень расширен. Тов. Вольценбург включает в него топографические сочинения, посвященные городам и странам древности. Но почему тогда нет топографии средневекового искусства? Путеводителей по Риму и таких исключительно ценных работ, как «Константинополь» Дж. Эссада и «Иерусалим» Н. П. Кондакова? Заметим кстати, что против включения Лаврским в библиографию искусства книг Рагозиной протестовал и сам т. Вольценбург («Кн. и Рев.», 1921, № 12, стр. 83).

В сущности говоря, все наши недоумения по поводу расширений темы т. Вольценбурга риторичны. Мы примиряемся даже со включением таких заведомо ненужных в «библиографии изобразительных искусств» книг, как многочисленные «быты царей» Забелина, поскольку они добросовестно учтены, описаны и поставлены на свое место. Основная беда библиографии—все-таки ее богатство пропусками. Самый краткий обзор ее убедил нас в отсутствии в перечне т. Вольценбурга целого ряда общеизвестных и широкораспространенных изданий. Из общего числа 804 зарегистрированных книг мы склонны были бы вычеркнуть до 50, но зато неизбежно было бы прибавление около 150 сочинений. Мы оставляем в стороне изданные в 1923 году книги, хотя пометивший свое предисловие 26-м августа этого года т. Вольценбург мог бы их зарегистрировать значительно больше. Но среди пропущенных им изданий имеется, например, издание «Диалога об искусстве» т. Луначарского, выпущенное по новой орфографии Пролеткультом в 1919 году, «История античного искусства» А. Миронова (Казань 1913) при регистрации его же «Истории искусств Возрождения и средних веков», «Искусство и революция» Пеллутье (М. 1907), «Плиний об искусстве» проф. Б. Варнеке, «Жанровые сюжеты в греческом искусстве» проф. Г. Г. Павлуцкого—труд, выдержавший 2 издания, «Русское искусство при Владимире святом» И. Михаловского, «Старый предрассудок» проф. В. Мальмберга; совсем непростительно отсутствие указания на новые переиздания «Философии искусства» Тэна; из издания 1912 г. помечен только первый выпуск, обойдено молчанием переиздание Государственного Издательства—единственное, имеющееся на рынке. Из художественно-археологических трудов нет ни Прахова («Исследования по истории гре-

ческого искусства» 1871 г.)—и ни одного из курсов такого исключительного ученого, как проф. И. В. Цветаев. Если «Основные понятия об искусстве» П. Ященко (Ростов 1891) еще в некоторой мере редкость, то популярные брошюры Эшуорс («Идеи красоты у великих художников») и Исакова («Вечное в искусстве»), изданные в Петербурге в 1918 г., отнюдь не раритет. Ни одного труда Буслаева не зарегистрировал т. Вольценбург. Он упоминает «Древние памятники искусства Киева» (Софийский собор, Михайловский и Кирилловский монастыри), Айналова и Редина (Харьков 1899) и не упоминает знаменитую монографию о Софийском соборе тех же авторов (1889 г.). При его внимании к истории культуры он пропускает единственный учебник «Истории античной культуры» Зелинского. Мы думали, что неупоминание «Собраний сочинений», хотя бы К. К. Герца, объясняется тем, что «собраниям» будет посвящен особый выпуск. Но т. Вольценбург упоминает сочинения *Стасова;* почему тогда опущен специальный том исследований по археологии С. А. Усова? Забыты такие основные и, конечно, всем известные труды, как «Поэзия кошмаров и ужаса» т. Фриче, одно из немногих марксистских руководств по истории искусства XIX века. Нет «Речей» Ферворна, что обесценивает весь отдел первобытного искусства... Зато в другом отделе зарегистрирован «Гипнотизм и искусство» Левенфельда, в котором трактуется—танец...

Тов. Вольценбург очень гордится своим вниманием к старым изданиям XVIII и начала XIX века. Пропуски есть и здесь. Цитируется Монтескье, но не упоминается «Рассуждение о науках и художествах» Руссо (М. 1768). Нет ни такой важной вещи, как «Речи» Рейнольдса (П. 1790), ни «Писем Менгса» (П. 1786), ни «Опыта начертания общей теории изящных искусств» Войцеховича (М. 1823). Список может быть увеличен весьма значительно: так мстит общее дело индивидуализму научной работы!—Мы повторяем, что все наши сведения были бы к услугам т. Вольценбурга.

Несравненно меньше погрешностей у т. Вольценбурга в определении той или иной книге ее места в общей систематике отделов. Но и здесь есть погрешности. Курс лекций А. И. Сомова попадает в отдел «Общая история искусств», несмотря на то, что в нем трактуется только эпоха средних веков и возрождения; в другом отделе—«Истории средневекового искусства» особо упомянуты его же «Лекции», являющиеся частью общего—того же—курса А. Вермана, несмотря на то, что каждый его том посвящен определенной эпохе, т. Вольценбург целиком относит к первому отделу. Из «Философии» Тэна один выпуск внезапно оказывается упомянутым в отделе античного искусства, куда он относится по содержанию, тогда как выходившие тоже выпусками брошюрки по истории отдельных эпох искусства А. Яковлева зарегистрированы под одним № и в одном месте.—Несмотря на обещание «Сборникам» посвятить особый выпуск, т. Вольценбург регистрирует «Искусство старое и новое», «Искусство и народ». Почему тогда нет «Искусства в производстве» Московского отдела ИЗО?

Самое описание почти безукоризненно. Особый разговор мог бы быть о регистрации иллюстраций. Мы считаем обязательным к ним самое большое внимание. Их техника должна быть означена точно. Ведь неправда же, что к «Истории искусств» Вермана приложены *гравюры* (II, 21). Нельзя ограничиваться только указанием «столько-то листов илл.» в одном случае, когда в другом указывается и способ выполнения иллюстраций (срв. хотя бы II, 425). К фамилиям авторов присоединяются их имена и отчества, хотя не ко всем: здесь опять мы бы помогли т. Вольценбургу. Во втором выпуске к именам иностранцев прибавлена транскрипция, что, конечно, лучше.—Надо посоветовать провести во всех выпусках единую проходящую нумерацию книг. «Аннотации» не везде налицо, где они могли бы быть. Некоторая странность в описании одного и того же издания (I, 156 и 162): формат в одном случае указан 16° (10 × 14,5), в другом—8° (9 × 14).—Укажем кстати, что для библиотекаря, пожалуй, важнее указание на высоту ставить на первом месте.

Все эти особенности, пробелы и погрешности, конечно, не умаляют общей

высокой ценности труда. Т. Вольценбург сам нас научил, как надо писать рецензии на библиографические работы. Да не обидится он на нас за последнее сопоставление его с Лаврским: вся наша рецензия определена тенденцией перевернутой латинской пословицы: «Quod licet bovi, non licet Jovi».

Проф. А. А. Сидоров.

Н. П. СЫЧЕВ. Инструкция для описания миниатюр. Российская Академия Истории Материальной Культуры. Петербург. 1922. Стр. 22 + 1 табл. in 8°. Тираж 350 экз.

Хотя автор и предупреждает в начале, что «Инструкция эта отнюдь не может служить руководством» (стр. 1), «что... при всем желании дать в краткой форме возможно большее количество указаний», он «все же не мог всего предвидеть и скомпановать построение «Инструкции в формах вполне отчетливых», что «задача такого построения, конечно, не легкая и могла бы быть исполнена... лишь при участии нескольких специалистов или если бы под руками были предшествующие опыты составления подобных инструкций...» (стр. 3)—однако, издание Р. А. И. М. К., бесспорно, является очень полезным и вполне, все же, оправдывает заглавие, имеющееся на его обложке. Н. П. Сычев очень внимательно и последовательно отмечает пункты, на которые должен дать ответ описывающий миниатюру в рукописи, при чем предусмотрены и все те обстоятельства, сопровождающие бытие миниатюры, которые могут прибавить что-либо к уяснению ее историко-культурного смысла и художественного значения. Весь текст написан не только в форме вопросов; они перемежаются с целым рядом практических советов, пояснений и конкретных иллюстраций. В заключение, дан список основных пособий.

Рассматриваемая брошюра, думается, является не только необходимой для лиц, принимающих участие в чрезвычайно важной работе Академии, «...поставившей себе... и задачу собирания сведений о всех сохранившихся памятниках миниатюры, в особенности русских, а также их научную регистрацию» (стр. 1), но и прямо-таки незаменимым пособием для музейных и библиотечных деятелей. Поэтому приходится жалеть, что просто и приятно изданная эта книжечка выпущена в столь ограниченном количестве экземпляров.

Г. Жидков.

ХРОНИКА

В С.С.С.Р.

ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА ПРИ В. Ц. И. К.

▫ В центре работ Института—издание «Библиотеки Научного Социализма», охватывающей в первой серии—собрания сочинений: К. Маркса и Ф. Энгельса (в 32 томах), Г. В. Плеханова (в 26 томах), К. Каутского (в 21 томе) и П. Лафарга (в 4 томах). Руководителю Института т. *Д. Б. Рязанову* удалось в последнее время собрать в институте ряд квалифицированных ученых переводчиков. Так, над разработкой, переводом и приготовлением к печати находящихся в институте рукописей работают *Б. Столпнер*, *П. Юшкевич*, *О. Румер*, *А. Воден*, *Е. А. Гуревич* и многие другие.

Работа над рукописями.

Сосредоточенные в Институте рукописи, пополненные в последнее время, благодаря энергии Д. Б. Рязанова, рядом новых материалов, частью уже разобраны, переводятся и подготавливаются к печати. Работами по разборке руководит т. *Эрнст Цобель*.

▫ Исключительный интерес представляет рукопись работы К. Маркса и Ф. Энгельса: «Немецкая идеология»—относящаяся к 1845—46 гг. Рукопись размером около 50-ти печатных листов. До сих пор она большей частью своей была неизвестна. В настоящее время заканчивается разборка и начат ее перевод.

▫ Из другой группы рукописей необходимо отметить громадную работу Ф. Энгельса «О диалектике» (25—30 печ. листов), представляющую собой рассмотрение ряда проблем, в настоящее время особенно занимающих теоретиков марксизма. Рукопись включает тетради: «диалектика в природе», «диалектика и математика», «диалектика и естествознание». Материал этот также не был известен. Эта работа Ф. Энгельса относится к 70—80 гг. В настоящее время рукопись подготавливается к переводу.

▫ Очень ценный материал для историка представляют также письма Ф. Энгельса к Эд. Бернштейну, относящиеся ко времени «закона о социалистах» и к основанию II Интернационала. Письма эти Институтом уже переведены и будут опубликованы в ближайшее время.

▫ Тов. *А. Неусыхиным* переведена с рукописи большая историческая работа Ф. Энгельса по древне-германской истории. Тов. А. Неусыхин, кроме того, работает над след. темой: «Взгляды Ф. Энгельса на общину, в свете новейших исследований».

▫ *А. М. Воденом* переведено неопубликованное продолжение известной работы К. Маркса «Lohnarbeit und Kapital»—представляющее собой доклад, прочитанный К. Марксом в Брюсселе в 1847 году под названием «Arbeitslohn». Работа эта с примечаниями Д. Б. Рязанова будет опубликована в журнале «Социалистическое Хозяйство».

▫ Также производится разборка рукописей трех первых по времени экономических работ К. Маркса (относящихся к 46—47 гг.): 1) «Arbeitslohn», 2) «Grundrente», 3) «Profet des Kapitales». Положения этих работ лишь частью вошли в «Антипрудон» («Нищета философии») и впоследствии в «Капитал», но полностью еще никогда не были опубликованы.

▫ Недавно частью переведены т. *Гутерманом* любопытнейшие заметки К. Маркса при чтении «Философии права» Гегеля. Заметки представляют со-

бой объемистую рукопись чередующихся цитат и замечаний к ним и дают совершенно исключительный по ценности материал для характеристики того пути, по которому шел К. Маркс, работая над Гегелем и преодолевая его.

Работы кабинета философии.

▫ Под руководством тов. *А. Деборина* кабинет готовит и печатает ряд томов «Библиотеки материализма». В сотрудничестве с т.т. *Б. Столпнером*, *А. Потресовым*, *О. Румер*, *П. Юшкевичем*, *А. Воденом*, *Г. Баммелем*, *П. Лупполом*, тов. Деборин предпринимает издание «Истории философии» Гегеля в 3-х томах (в настоящее время переводится). Уже приготовлена к печати «Философия истории» Гегеля и «Философия права». В серии библиотеки материализма печатаются «Лекции о сущности религии» Фейербаха, «Система природы» Гольбаха (в двух томах); избранные сочинения Ла-Метри. Готовятся: Гоббс, Пристли, Толланд. Также приготовлены к печати два новых тома «Философской хрестоматии».

Библиографические работы Института и опубликование документов.

▫ В подготовляемой к печати серии «Источники и документы по истории рабочего движения в Западной Европе с 1830—1875 г.» выйдут следующие работы: *А. Удальцова* «Июньское восстание в Париже» и «О коммуне 71-го года»; *Эрнста Цобеля* «Рабочее движение в Германии 48—49 г.г.»; *Ф. Ротштейна* «Материалы по чартизму»; *Д. Б. Рязанова* «Источники и документы по истории I Интернационала».

▫ Т. *Н. Преферансовым* готовится научная библиография по сенсимонизму, фурьеризму и овенизму, на основании материалов и библиотеки Института.

▫ *А. Д. Удальцовым* готовится библиография о коммуне.

▫ Подробная библиография по К. Марксу, охватывающая 1914—24 годы и включающая все иностранные книги и статьи за этот период времени, будет напечатана в I томе «Трудов Ин-та».

▫ В ближайшее время выходит первый том «Трудов Института». В нем будут напечатаны следующие работы: *Д. Б. Рязанова* «Исследование обоснований I Интернационала» по новым материалам; *В. Волгина* «О социализме в античном мире»; *Э. Цобеля* «К истории союза коммунистов». В философском отделе трудов печатается работа *А. Деборина* «Диалектика от Канта до Гегеля»; *А. Д. Удальцова* «О теории классов К. Маркса»; *Рубина* «Очерки по теории ценности К. Маркса». В этот том также войдут новые неопубликованные материалы: работа К. Маркса и Ф. Энгельса о Феербахе, представляющая собой часть упомянутой нами выше рукописи («Немецкая идеология»); письма Ф. Энгельса к Бернштейну также входят в этот том.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ (б. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ) АКАДЕМИЯ.

▫ Последним общим собранием членов Академии (в октябре 1923 года) в новый состав Президиума избраны: т.т. *М. Н. Покровский*, *Е. А. Преображенский*, *Н. И. Бухарин*, *А. Лозовский*, *В. Н. Смирнов*, *И. И. Скворцов*, *Ф. А. Ротштейн*, *Ф. Я. Кон*, *В. Милютин*, *Д. А. Рязанов*, *В. Волгин* и *Н. Лукин-Антонов*. Общим собранием избраны также новые члены Академии: т.т. *А. К. Тимирязев*, *В. В. Адоратский*, *М. Ф. Владимирский* и *А. Мартынов*.

▫ 22 января с. г. президиум С. А. принял постановление о переименовании Академии из Социалистической в Коммунистическую, что еще больше подчеркивает ее твердую ориентацию на революционное строительство будущего и резче формулирует ее задачи, как главного штаба революционной марксистской мысли. Работа Академии постепенно разворачивается по линии основной задачи; стать методологическим центром, объединяющим и направляющим работу научно исследовательских учреждений Москвы и провинции. Ныне не только проблемы обществознания стоят в центре внимания Академии. Партийным съездом, а затем совещанием и общим собранием членов Академии сформулировалась и определилась основная задача, к которой одновременно самостоятельным путем пришел и орган Ака-

демии «Вестник С. А.», журнал хорошо знакомый современному русскому читателю. К. А. вплотную подошла к задаче всесторонней организации марксистской научной методологии. В этих целях существовавший ранее Институт Научной Методологии реорганизован и превращен в Методологическую секцию Академии.

Методологическая секция.

▫ Во главе Секции временно находится организационная комиссия в составе т.т.: *В. И. Невского*, *Л. Крицмана*, *А. Тимирязева*, *М. Н. Фальк-нер-Смит* и *С. С. Кривцова*.

▫ Совещанием (при Агитпропе Ц. К.) намечено привлечение к работам секции всех научных коммунистических сил страны. Кроме создающегося таким образом руководящего ядра, на началах делового сотрудничества секцией должны быть объединены также кадры материалистически мыслящих беспартийных научных работников. Этим путем работа Академии усиливается, оживляется и расширяется за пределы обществознания.

▫ В ближайший план работ секции включено рассмотрение ряда проблем. Внимание секции особенно устремлено на рассмотрение проблемы приложения диалектики в физике и естествознании и применения математики и естествознания в общественных науках. Также в порядке дня: принцип относительности, вопрос о влиянии техники на экономику, рассмотрение статистического метода, методов учета производительных сил и т. д. Среди основных вопросов стоит также соотношение марксизма и современной психологии, история отдельных наук, специальное рассмотрение аналогий и др. В секции состоялся доклад *А. Тимирязева* на тему «Принцип относительности и махизм», отличающийся оригинальной постановкой вопроса и переводящий, развертывающуюся за последние годы, дискуссию о теории Эйнштейна в новую фазу. На ближайшее время намечены доклады А. А. Богданова «Объективное пространство и время» и В. Базарова «Материализм естественно-научный и материализм социологический, как элементы марксистской теории познания».—Секцией приготовлен к печати ряд работ, законченных прежним Институтом Методологии.

Секция общей теории права и государства.

▫ В секции ведутся в настоящее время работы по подготовке марксистской юридической энциклопедии. Ранее предполагавшееся издание социалистической энциклопедии, в состав которой данный материал должен был войти отдельной частью, задержалось и секция предполагает выпустить отдельно юридическую энциклопедию. В настоящее время подготовительная работа по составлению словника (списка слов), привлечению сотрудников и редакторов отделов закончена. На последнем заседании секции поручено всем т.т., принявшим участие в работах представить первые пробные статьи по отдельным принципиальным вопросам. В работах секции принимают постоянное участие т.т.: *П. И. Стучка*, *В. Вегер*, *Г. С. Гурвич*, *Я. А. Берман*, *Н. Овсянников*, *Эстрин*, *Пашуканис*, *Л. Войтинский*, *Е. Рубин*, *П. Сапожников* и др. Энциклопедия включает следующие отделы: 1) Общая теория права и государства, 2) Государственное и административное право, 3) Трудовое право, 4) Уголовное право, 5) Международное право, 6) Уголовный процесс, 7) История права и история философии права, 8) Земельное право, 9) Судоустройство и гражданский процесс.

Секция по истории общественной мысли и революционного движения в России.

▫ Внимание секции, руководимой т. *М. Н. Покровским*, главным образом, сконцентрировано на библиографической работе.

Секцией приготовлены к печати два новых выпуска библиографии периодических изданий. Кроме того, ведется работа над большим библиографическим указателем по русскому революционному движению.

Кабинет международной политики.

▫ Кабинет международной политики приступил к изданию ежемесячника «Международная летопись», посвящен-

ного международной политике, экономике и праву. (Под редакцией *Ф. А. Ротштейна*).

Издание ставит себе целью своевременно и систематически опубликовать необходимый документальный материал о важнейших изменениях в международных отношениях и давать исчерпывающую сводку относящихся сюда справочных данных.

Печатается первый номер журнала, охватывающий интересный материал. В номере помещены статьи: *Ю. Ключникова* «Советская Россия перед иностранным гражданским судом», *Е. Пашуканиса* «Рур и репарации», *И. Иванова* «Вашингтонская конференция и ее всемирно историческое значение». В отделе документаций публикуются материалы о внешней политике С. С. С. Р.— с момента нотификации державам об образовании Союза по январь 1924 года, а так же иностранные заявления и интервью по вопросам внешней политики С. С. С. Р. Богато представлены в этом издании хроника международных событий и библиография.

Секция советского строительства.

▫ В середине февраля состоялся доклад *Г. С. Гурвича* на тему «Принцип автономизма и федерализма в Советской системе».

▫ 21 марта состоялся доклад *В. Игнатьева* «Волостное советское строительство». Кроме того секция приняла живейшее участие в журнале «Власть советов», реорганизовавшемся из органа Н.В.К.Д. в орган В. Ц. И. К. В состав редакции последнего входят три активных работника секции Академии.

Секция литературы и искусства.

▫ Руководят секцией тт. *В. Фриче* (западная группа) и *В. Переверзев* (русская группа).

▫ В секции ведется библиографическая работа, подготовляется сборник по вопросам искусства, был прочитан ряд докладов. Одно из последних заседаний секции было посвящено заслушанию сообщения В. П. Полонского «Бакунин и Достоевский».

▫ Академия располагает богатейшей библиотекой (около 500.000 томов). В кабинетах представлена литература по вопросам почти исчерпывающая, не только на русском, но и на иностранных языках Издающийся Академией двухмесячный журнал «Вестник К. А.» печатает доклады, прочитанные в секциях, научные работы сотрудников Академии, ведет соответствующую библиографию, удачно размежевавшись с существующими русскими журналами, как то отмечалось т. Е. Преображенским на общем собрании членов К. А.

▫ В феврале и марте с. г. Академия посвятила памяти В. И. Ленина ряд торжественных заседаний. Членами Академии были прочитаны доклады, детально освещающие личность и роль т. Ленина, его значение для всех областей марксистской теории и практики. Среди докладчиков были тт. М. Н. Покровский, К. Радек, Д. Б. Рязанов и др.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК.

Участие России в XVI Международной выставке искусств в Венеции.

Русский павильон в Венеции был выстроен архитектором Щусевым еще в 1912 году, но до 1922 года организованных выступлений России на выставке не было. В 1922 году последовало приглашение от Комитета Венецианской Выставки, но по многим причинам выступление России и в том году не состоялось. В 1924 году вновь поступило приглашение принять участие в выставке. Наркомпрос и Нар. Ком. Иностр. Дел признали участие России в Междунар. В-ке чрезвычайно важным. Организация была поручена Р. А. Х. Н. При Академии организован Выставочный Комитет в составе *П. С. Когана, А. И. Кондратьева, А. М. Эфроса, Б. Н. Терновца*, уполномоченного по Ленинграду *М. П. Кристи* и специалистов-консультантов *Б. Р. Виппера, А. В. Бакушинского, В. Н. Домогацкого, А. А. Сидорова, Я. А. Тугендхольда*. Во главе Художественного Совета выставки—*А. В. Луначарский*.

▫ На выставке будет представлено русское искусство за последние 10 лет, с детальной демонстрацией произведений возникших в революционную эпоху.

▫ К участию в выставке привлекается свыше 75 русских художников. При выборе выставляемых произведений приняты следующие принципы отбора: формальная современность (импрессионизм, супрематизм, неореализм), беспартийность отбора—лучшее из всех течений, современность идеологическая—отражение новой России.

На выставке будут представлены: живопись, скульптура, театр-макеты, эскизы декораций и костюмов, графика, гравюра, рисунок, декоративное искусство, напр., фарфор, по принципу работы художников (не анонимной), и группа произведений, отражающих быт Советской России.

▫ Выставочным Комитетом готовится выпуск «Бюллетеней К-та».

Работа секций.

▫ В течение февраля и первой половины марта в отделениях и секциях Академии прочитано свыше 50 научных докладов, главным образом, по секциям литературной, пространственных искусств, полиграфической, театральной и музыкальной. По отделениям физико-психологическому, социологическому, философскому были прочитаны общие доклады *П. И. Каптерева*, *П. И. Карпова*, *В. Л. Львова-Рогачевского*, *М. М. Кенигсберга*, *В. П. Зубова*, *Н. Н. Волкова*, *Г. В. Жидкова* (в отд. изуч. революционного искусства) и др.

▫ В литературной секции руководимой *М. О. Гершензоном* состоялся ряд интересных докладов: *М. А. Цявловского* «Пушкинские тексты из собрания Бартенева», *М. О. Гершензона* «Сны у Пушкина», *Г. И. Чулкова* «Тютчев и Аксаков», *Н. К. Гудзия* «Тютчев и немецкий романтизм», *В. С. Нечаевой* «Неизданные письма Достоевского», *В. В. Яковлева* «Чехов и Чайковский», *Е. В. Базилевского* «Народно-поэтические источники поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», *Б. М. Соколова* «К вопросу о композиции народных лирических песен», *Ю. М. Соколова* «Темы современного украинского фольклора», *Б. С. Грифцова* «О природе романа», *М. П. Столярова* «Исходные точки органической поэтики», *И. И. Гливенко* «Литература этих лет», *В. В. Голубкова* «Социологический метод в школьном преподавании литературы» и *Р. О. Шор* «Формальный метод на Западе».

▫ В театральной секции были прочитаны следующие доклады: *Н. П. Кашина* «Рукописи дневников Островского», *А. А. Бахрушина* «Рукописные материалы театрального музея», *В. А. Филиппова* «Обозрение рукописей», *Н. Виноградова* «Монументальный театр», *П. А. Маркова* «Лес» в постановке В. Э. Меерхольда» и ряд других, в том числе *С. А. Полякова*, *Д. Чужого* по детальным вопросам искусства театра.

▫ Театральной секцией предпринята организация научно-показательной работы по театру. В театральном музее им. А. Бахрушина на март—июнь 1924 года объявлен цикл лекций *А. И. Южина*, *А. А. Бахрушина*, *В. А. Филиппова*, *П. А. Маркова*, *А. Р. Кугеля*, *В. Г. Сахновского*, *Н. П. Кашина* и *Н. Л. Бродского* «100 лет Малого театра».

▫ Театральной секцией в серии научно-показательных работ организуется в скором времени выставка театральных работ художника *Ис. Рабиновича*.

▫ Секцией приготовлен к печати сборник, посвященный театру XVIII века. В составлении приняли участие: *В. А. Филиппов*, *В. Г. Сахновский*, *Н. П. Кашин*, *П. А. Марков* и др.

▫ В секции пространственных искусств доклады: акад. *Ф. И. Шмидта*, проф. *А. И. Некрасова*, *Н. Н. Лазарева*, *И. Я. Корницкого*, *М. Я. Гинзбурга* и многих других. По истории и теории простр. искусств секцией готовится к изданию книга *М. Я. Гинзбурга* «Стиль и эпоха».

▫ В музыкальной секции состоялся ряд интересных заседаний, посвященных преимущественно проблемам истории и теории музыки. Так, прочитан на тему «Духовный путь Танеева» доклад *В. В. Яковлева*, сделано сообщение о «Неизданных письмах Глинки и Драгомыжского» *(С. С. Поповым)*. Прочитали по разным вопросам доклады: *А. Ф. Лосев*,

Э. Розенов, П. Лейберг, К. Кузнецов, Н. Я. Брюсова.

▫ Существующая при Р. А. Х. Н. Московская Ассоциация по изучению творчества А. Блока устроила в конце марта заседание под председ. *Л. П. Гроссмана*. На заседании был сделан ряд интересных сообщений (в том числе—прочитаны отрывки из дневника А. Блока от 1918 года).

«ДОМ УЧЕНЫХ».

▫ В течение января—марта текущего года «Домом Ученых» при Ц. К. У. Б. У. продолжалась серьезная культурная работа, обслуживающая свыше 1.000 человек членов клуба и широкие круги московской интеллигенции, посещающих литературные вечера, заседания научных обществ и кружков, концерты и пр., устраиваемые «Домом Ученых». Средняя ежедневная посещаемость клуба 110—140 человек. Наибольшим успехом пользуются, судя по посещаемости, работа научных кружков и концерты (125 чел.), затем следуют: литературные вечера (средн. посещаемость—86 человек) и научные доклады (65 человек).

▫ Среди лекций и докладов состоявшихся в «Доме Ученых» отмечаем лекции: *Н. П. Кравкова* «Новые данные в области изучения внутренней секреции», проф. *В. И. Баженова* «Радио и культура»; проф. *Н. Кольцова* «Влияние культуры на естественный подбор человека», прочитанную на немецком языке лекцию проф. Берлинского и Чилийского ун-тов *Хозе Гальвеца* «Северная и Южная Америка и их университеты». В «Доме Ученых» происходят заседания Евгенического общества (состоялись доклады *В. В. Бунака, С. С. Вермеля, Н. К. Кольцова, Г. П. Сахарова*), Юридического Общества, Об-ва Друзей Книги, Историко-революционного кружка, Об-ва гражд. инженеров. Состоялись литературные вечера писателей *Андрея Белого, Г. Шенгели, И. Эренбурга* (чтение отрывков из романа «Любовь и Жанна Лей»), драматурга *Чижевского, П. Г. Романова* (роман «Землетрясение»), вечер группы «На посту», *В. Маяковского* и др.

В середине января «Домом Ученых» был устроен в пользу германских ученых большой концерт в Новом Театре при участии лучших артистических сил Москвы. Участвовали: Нежданова, Держинская, Южин, Яблочкина, Яковлев, Чехов, Минеев, Блюменталь-Тамарина и Абрамова.

▫ 9 февраля «Домом Ученых» был устроен вечер памяти *Владимира Ильича Ленина*. Выступали: Н. А. Семашко с большим сообщением о В. И—че, как о вожде и человеке, и проф-ра Круг и Александров.

РАБОТЫ ГРУППЫ „ЛЕФ".

▫ В группе «ЛЕФ» произведена большая подготовительная работа по изданию ряда книг, в которых должна отразиться «практика ЛЕФ'а». К печати приготовлены: сборник стихов *С. Третьякова* «Итого», для которого автором произведена выборка стихов, изданных большей частью на Дальнем Востоке. В этом сборнике наиболее полно представлены стихи московского периода, написанные за последние полтора года. Затем книга статей *Н. Горлова* «Футуризм и Революция»; сборник статей *В. Шкловского* «Теория прозы»; сборник статей *Г. Винокура* «Культура языка».

Также подготовлена к печати законченная в начале 1923 года монография *Б. Арватова* о Маяковском. ЛЕФ'ом будут выпущены агит-поэмы *Н. Асеева*. В очередной, пятой, книге журнала «ЛЕФ» будут напечатаны, между прочим, повесть *И. Бабеля* и отрывок из романа *Б. Кушнера*.

РАБОТЫ ГРУППЫ «ОКТЯБРЬ».

▫ Группа пролетарских поэтов «Октябрь», развивая свою идеологическую и художественную платформу, поставила перед участниками группы задачу создания произведений, отображающих рабочих массовиков в их производстве и быту. В связи с этим перед группой становится задача изучения не только производства и быта, но и языка, без знания которого невозможно создание синтетической формы пролетарской литературы. Необходимо записывать язык рабочих окраин, поговорки, пословицы

и т. п. Для достижения этой цели группа решила просить М. К. Р. К. П. прикрепить членов группы к крупным рабочим ячейкам, обязать членов группы работать не только в этих ячейках, но и в иных организациях предприятий. Члены группы должны товарищески войти в рабочую семью.

▫ В настоящее время печатаются и скоро выйдут книги следующих членов группы: *А. Безыменского* «Комсомолия» (изд. «Красная Новь»), *его же* «Городок» (с графическими композициями художника Ю. Анненкова), *его же* «Как пахнет жизнь» (2-е изд. «Красной Нови»). *И. Доронина* «Гранитный Луг» (2-е дополн. изд. «Красной Нови»), *Г. Лелевича* «С натуры» (Госиздат), *Г. Лелевича* и *С. Родова* «Первая книга Коммунэр», *А. Костерина* «На изломе дней» (Госиздат), *Ю. Либединского* «Неделя» (2-е издание «Молодой Гвардии»), *его же* «Завтра» («Молодая Гвардия»), и книги стихов: *А. Жарова*, *Романа*, *Ивана Катаева*, *Коренева*. К печати готовится альманах группы.

▫ Члены группы работают над большими вещами. Ю. Либединский уезжает на Волховстрой, Шатурку, Каширу, для работы над повестью об электрификации, А. Безыменский работает над поэмой «Трамвай 577», Доронин кончает поэму «Наперекор стихии», Тарасов-Родионов кончает повесть «Темница», Роман работает над поэмой о Красной армии и т. д.

В МОСКОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ ДРАМАТУРГОВ.

▫ В течение января—марта 1924 г. в Московской Ассоциации Драматургов (МАД) прочитаны пьесы: *Ромашева* «Его спасает небо», *Виноградова* «Российский Прометей», фантастическая драма *Бромлей*, комедия из современной жизни *Эрдмана* и драма времен революции (момент окончания гражданской войны) *Волькенштейна*.

▫ Ассоциацией получено письмо из Америки, в котором сообщается о состоявшемся в Филадельфии докладе артиста М. Х. Т. *В. О. Лужского* о МАД, на котором он читал отрывки из пьес В. Волькенштейна, А. Глобы, К. Липскерова, А. Файко и В. Масса.

КНИЖНЫЙ ИТОГ ЗА 1923 ГОД.

По сведениям Российской Центральной Книжной Палаты за истекший 1923 год по Р. С. Ф. С. Р. вышло из печати 18.608 книг и брошюр и 13.326 номеров журналов, что представляет, по сравнению с 1922 годом, увеличение для книг и брошюр на 7.905 и для журналов на 3.051.

НА ЗАПАДЕ.

ГЕРМАНИЯ.

Нужда интеллигенции.

— В конце февраля в Берлине состоялось, организованное «Лигой Защиты нуждающейся Германской интеллигенции», собрание, посвященное выяснению вопиющей нужды работников умственного труда. Собрание происходило в Рейхстаге. Собравшиеся представляли огромное большинство германской интеллигенции и выступали от имени 2 милл. человек, объединенных в союзы так назыв. «свободных профессий». На собрании присутствовали рейхс-президент *Эберт*, министр иностр. дел *Штреземан*, рейхс-канцлер д-р *Маркс*, члены правительства, депутаты, представители дипломатического мира, прессы, различных общественных организаций. Собрание открылось докладом *Эверлинга*, председателя «Лиги Защиты». Основной причиной тяжелого положения современной германской интеллигенции докладчик считает Версальский договор и «безголовую политику Франции». Выступавший затем на собрании д-р *Маркс*, заявил, что «в силу истоще-

ния средств Германии, ее интеллигенция не должна ожидать от государства в ближайшее время какой-либо серьезной помощи». «Стисните зубы и терпите», говорит д-р Маркс. В его речи прозвучало замечательное признание: «немецкая промышленность, немецкая торговля, сохранившие свои жизненные силы, не помогают духовным работникам Германии»,—происходит разрыв между буржуазией и интеллигенцией. Выступавшие вслед за д-м Марксом представители профессий говорили каждый от имени своего объединения и нарисовали картину страшного экономического нищания и общего падения культурного уровня. В конце собрания единогласно выносится резолюция, обращенная к интеллигенции всего мира—«представители 2 миллионов умственных работников призывают интеллигенцию всех стран, во имя общечеловеческой культуры, поднять свой голос в защиту германской интеллигенции».

▫ Берлинский магистрат наметил, в связи с сокращением штатов, увольнение около двух тысяч учителей в городских школах. Учителя организуют собрания протеста против сокращения педагогического персонала, которое тяжело отразится на состоянии учебного дела в германской столице.

▫ Комитетом «Общества друзей Новой России» избрана особая комиссия для распределения пожертвований, поступающих от русских научных работников и институтов, и передачи их нуждающимся германским ученым.

▫ В конце февраля в берлинском суде разбиралось дело по обвинению известного художника - карикатуриста *Георга Гросса* в выпуске альбома карикатур под названием «Се человек». («Ecce homo»). Суду были преданы также издатели альбома. Художнику, известному своими левыми убеждениями, были поставлены в вину карикатуры, изображающие развратную жизнь буржуазии. В рисунках «блюстителями нравственности» были усмотрены элементы, противоречащие «нормальному ощущению и добрым нравам». Приглашенные в качестве экспертов—известный писатель *Максимилиан Гарден*, художественный критик *Макс Осборн* и официальный представитель д-р *Редслоб* отрицали наличие в альбоме каких бы то ни было нарушений правил нравственности и констатировали, напротив, выдающуюся художественную ценность работ Гросса. На ту же точку зрения стал президент Академии Художеств, проф. *Макс Либерман*. Сам обвиняемый заявил, что он стремился своими карикатурами заклеймить ужасные пороки современного общества, изобразив их без прикрас. Суд согласился, однако, с доводами прокурора и приговорил художника и издателей к штрафу в 500 зол. марок каждого. Кроме того, суд постановил изъять из альбома несколько рисунков.

Новые книги.

▫ В Лейпциге в издании Insel-Verlag вышел том собрания стихотворений *Стефана Цвейга* (Stefan Zweig «Gesammelte Gedichte»).

▫ Вышел 27-й ежегодник Общества им. Грилльпарцера, под редакцией K. Glossy. Книга вышла в из-ве Amalthea-Verlag в Лейпциге и заключает ряд интересных материалов.

▫ В Бонне в из-ве K. Schröder'a вышли в 2-х томах лекции *Шлегеля* (*Авг.-Вильг.*) «Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur».—Издание представляет собой критически проработанный текст работы главы немецких романтиков с введением и примечаниями G. V. Amoretti.

▫ Интересную книгу о Лессинге, его философских и религиозных взглядах выпустил G. Fitzbogen «Die Religion Lessings». Книга вышла в из-ве Meyer и Müller в Лейпциге.

▫ В издании английского семинария университета в Гиссене вышла работа Th. Spira о значении поэзии Шелли («Shelleys Geistesgeschichtliche Bedeutung»).

▫ Новая работа I. L. Seifert'a о чехословацкой, болгарской и юго-славской литературах, представляющая собой краткую характеристику и историю развития, опубликована из-вом Kösel и Pusted в Кемптене. Критика считает удачной часть книги, посвященную словенской литературе.

▫ Вышел на немецком языке перевод Бодлэровских «Tableaux Parisiens», выполненный W. Benjamin (Гейдельберг, R. Weissbach-Verlag).

▫ В из-ве S. Fischer'a в Берлине вышел перевод пьесы (с английского) *О'Нейлля* «Der Haarige Affe». Другая пьеса этого автора ставилась в Берлине в исполнении «Lustspielhaus'a» — «Imperator Johns». О'Нейлля можно причислить к драматургам «театра ужасов». Его пьесы полны сосредоточенного драматизма и психологических гротесков.

▫ Из новой психоаналитической литературы отмечаем следующие работы: Sigmund Freud: «Zur Geschichte der Psicho-analytischen Bewegung», затем выходящую под ред. Freud'a новую серию книг по врачебному применению психоанализа — «Neue arbeiten zur Ärztlichen Psychoanalyse»; из печати только что вышли два выпуска этой серии: 1) S. Ferenczi и O. Rank'a и 2) K. Abraham'a. Работы S. Ferenczi и O. Rank'a, кроме того, вышли в серии «Интернациональной психоаналитической б-ки»— в качестве XIV и XV томов. Все эти книги вышли в Вене в «Internationaler Psychoanalit. Verlag». В том же из-ве вышел краткий отчет, написанный W. Schmidt о психоаналитической педагогике в Советской России (в Москве). В из-ве E. Tal und C° (Лейпциг — Вена — Цюрих) вышла интересная книга— подробная биография S. Freud'a. Книга написана F. Wittels'ом и дает, кроме биографии, также картину его учения и очерк его школы («Sigmund Freud; der Mann, die Lehre, die Schule»).

▫ Отдельным изданием вышла статья Ernst Troeltsch'a «Die Socialphilosophie des Christentums»—в Цюрихе в Seldwyla-Verlag.

▫ 22 апреля в Германии празднуется столетие со дня рождения Иммануила Канта. «Кантовские дни» организуются обширным философским кантовским об-вом. В праздновании примут участие многие иностранные философские объединения. Примет в нем участие и Ленинградская Академия Наук, в лице своих представителей.

▫ Новая книга о возникновении Германской республики, охватывающая период войны вплоть до революции 18-го года, выпущена из-вом W. Ehrig во Франкфурте-на-М. Книга эта написана B. Stümke («Die Enstehung der deutschen Republik»).

▫ Под редакцией и с введением F. Hartig'a вышла переписка Меттерних-Гартиг, охватывающая годы 1818—1851. Книга вышла в из-ве Wiener Literar. Anstalt в Вене.

О России.

▫ В обзоре немецкой оригинальной и переводной литературы о В. И. Ленине на немецком языке («Lenins Erbschaft»— февральское приложение к «Frankfurter Zeitung») назван ряд работ, в том числе: «Sowjet-Russland im Umbau»— F. Schotthöfer'a, представляющая собой попытку очертить хозяйственную и культурную стороны жизни России, затем «Unter dem Sowjetstern» Georg Popoff'a, вышедшая как и книга Шетгефера в из-ве «Frankfurter Societäts Druckerei».

Назван также немецкий перевод книги Henri Guilbeaux «Владимир Ильич Ленин», написанной с большой любовью. Книга эта рецензируется в данном номере нашего журнала.

▫ В из-ве G. J. Manz'a вышла брошюра A. Herzog'a о Красной армии «Die rote Armee».

▫ В Лейпциге в из-ве E. Haberland вышла книга E. Kapherr'a о жизни поселенцев Сибири—«Ansiedler in Sibirien — Eine Hinterwälder Geschichte von Menschen, Bären und anderem Getier».

▫ Alice Panin выпустила книгу о Достоевском, как изобразителе человеческих страданий. Книга вышла в Фрейбурге в из-ве E. Guenther'a.

▫ Вышел в из-ве C. Hoym'a в Гамбурге перевод книги *Всеволода Иванова* «Цветные ветра». Переводчик Ed. Schiemann.

▫ В конце февраля в Берлине на выставке из-ва «Нева» демонстрировалось свыше 25 переводов русской классической поэзии и прозы на немецкий язык. Среди переводчиков необходимо отметить исключительно талантливого мастера перевода *Грегёра* (перевел «Двенадцать» Блока, сборник стихо-

творений В. Брюсова и К. Бальмонта, сказки Пушкина и множество других произведений с редкой художественностью). Выставка имела успех.

ФРАНЦИЯ.

▫ Последние номера журналов напечатали ряд некрологов о скончавшемся французском писателе Морисе Барресе. Пресса отмечает из них интересную статью *Альб. Тибодэ* в «Nouvelle Revue Française». В той же книге журнала помещен некролог-статья *Лакретелля* о Раймонде Радигэ, авторе пользовавшегося большим успехом романа «Le diable au corps».

▫ В «Revue de deux Mondes» напечатана статья Louis Madelein — «Первый удар колокола революции». Статья представляет собой интересный очерк эпохи Людовика XV.

▫ В «Revue de France» печатается неизданная переписка Стефана Малларме с Франсуа Коппе. В «Revue de deux Mondes» — переписка Шарля Бодлера с Виктором Гюго—в неопубликованных до сих пор частях. Обе переписки крайне интересны и дают много новых материалов к биографии Бодлэра и особенно Малларамэ. Особенно подробно переписка рисует взаимоотношения поэтов в тогдашнем обществе с правительством, их материальные и духовные невзгоды и т. д.

▫ В Daves sur Meuse — скончался в возрасте 85 лет *Эдмонд Пикар* известный бельгийский общественный и литературный деятель, один из основателей (совместно с Верхарном и К. Лемонье) литературного движенья «Молодой Бельгии»(«Jeune Belgique»). Пикар был также основателем журнала «L'art moderne». В политической своей деятельности он примыкал к рабочей партии, был одним из ее первых членов, одно время представлял рабочую партию в парламенте. Вся бельгийская печать, без различия партий, горячо откликнулась на его смерть.

▫ Отмечается возрождение и расцвет после войны французского романа приключений. Не обходится при этом «возрождении» и без курьезов. Французские романисты часто обращаются в поисках фабулы к России, революции, эмиграции. В результате—серия курьезов. К типу такого рода произведений относится и недавно вышедший роман Жозе Франпа «Княжна с клоунами».

▫ Henri Guilbeaux напечатал в газете «Накануне» в Берлине ряд статей о французской литературе. Любопытные данные приводит Гильбо относительно вырождения ряда французских журналов, так «Mercure de France» превратился постепенно из передового литературного органа в черносотенный и бульварный «подсобный полиции» журнал. Интересна также статья о скандальной книге M. Lalou «История современной французской литературы», в которой автор выдвинул малозначительных писателей, руководствуясь личными отношениями и замолчал крупнейшие явления современной французской литературы. «Книга эта написана—как говорит Гильбо—одновременно и с консервативной и коммерческой точек зрения».

▫ На французском языке вышла книга стихов русского поэта *Евгения Шкляра* «Notre Passion Humaine». Сборник этих стихов отмечен французской критикой и чрезвычайно дружелюбно принят молодыми французскими поэтами.

▫ *Морис Палеолог* в начале марта выступал в Париже с докладом на тему «Россия и будущее».

▫ Всеобщее внимание привлекла новая трагедия *Поля Рейналя* «Гробница под Триумфальной Аркой». Первые представления ее в театре Французской Комедии прошли чрезвычайно бурно. Тема пьесы—война; антипатриотические и антивоенные настроения автора нашли себе сильное воплощение в его трагедии и разделили аудиторию театра на два лагеря, шумно выражавших свое отношение к различным моментам спектакля. Несмотря на купюры, предполагают, что пьеса будет запрещена французским правительством. Любопытно отметить, что даже во Франции, в таком консервативном театре, как Французская Комедия, была принята пьеса такого содержания.

▫ *Клемансо* по сообщениям газет готовит книгу «Итогов» своей политической деятельности.

▫ Marcel Poete выпустил первый том своей работы «Un vie de cité; Paris de sa naissance à nos jours». Книга вышла в Париже в изд-ве August Picard-Editeur.

▫ Недавно вышла новая книга Frédéric'a Lefèvre'a, озаглавленная «Une heure avec...» Книга эта дает ряд любопытных бесед, споров, очень оживленных литературных интервью с писателями. Среди характеристик, таким образом нарисованных Лефевром, как особенно удачные отмечаются: Марселя Пруста, Ж. Ромэна, П. Морана, Ж. Жироду, А. Арну и В. Ларбо.

▫ Пресса отмечает только что появившийся чрезвычайно интересный роман *Жана Кокто* «Thomas l'Imposteur». Тема его—война. Кокто привлекает к себе все большее внимание. В 23-ем году нашумел сборник его стихов «Plain-Chant». Предыдущий его роман «Le Grand Ecart» не обладает достоинствами его новой книги.

▫ В изд-ве Грассе вышел, отмечаемый критикой, роман *П. Моран* «Левис и Ирэн». В изд-ве Nouv. Revue Française вышел роман Ж. Кесселя «Экипаж».

▫ В изд-ве Payot в Париже вышел авторизованный перевод известной книги *Вернера Зомбарта* «Le juifs et la vie èconomique».

АНГЛИЯ.

Книжное производство Англии за 1923 год.

Статистические сведения за 1923 год, помещенные в «The Publishers Circular and Booksellers' Record», дают общую цифру изданий в 12.274 книги, т.-е. на 1.432 книги (из них 422 новых и 940 переизд.) больше, чем в 1922 г. Бо́льшую цифру английское книжное производство дало лишь в блестящем 1913 году. Характерно, что, после нескольких лет почти равномерного издания, теперь опять с новой силой обозначаются книжные «сезоны». В течение сентября ноября «осеннего издательского сезона» было выпущено 4.017 книг. (См. таблицу на стр. 313).

Заметное увеличение дали следующие отделы: романы (+556), детские (+272), история (+143), религия (+126), литература (+85), наука (+81), медицина (+73), изящн. искусства (+46) и поэзия и драма (+44).

В некоторых отделах заметно понижение: общие труды (—79), игры (—57), география (—39), право (—33). Незначительные уменьшения в отделах деловых книг, сельского хозяйства, военных и морских.

Художественная литература.

▫ Вышел новый том рассказов *Д. Лауренса* «England, my England», встреченный большим интересом читателей и критики. Рецензенты английских журналов расходятся в оценке достоинства этого томика небольших, по размерам, очерков, посвященных, главным образом, проблеме пола. Книга вышла в из-ве Secker в Лондоне.

▫ Особенно отмечается критикой новый том рассказов *Шервуда Андерсена*—«Horses and Men», вышедший в из-ве Cape в Лондоне.

▫ Сильное впечатление производит том рассказов-очерков из жизни оккупированого Рура, написанный G. Moss'ом. Критика отмечает беспристрастие автора, благодаря которому рассказы обретают громадную убедительность. Книга называется «Пораженье» («Defeat») и вышла в из-ве Constable в Лондоне.

▫ Из числа новых романов следует отметить книгу S. Stevenson «Surpeus», вышедшую в из-ве Fisher and Unwinn в Лондоне.

▫ На английском языке вышел новый роман *Рабиндраната Тагора*, «Gora». Тема нового произведения Тагора, как и недавних его вещей—национальное освободительное движенье в Индии. Книга вышла в из-ве Macmillan'a.

▫ Критика отмечает дарованье молодого поэта I. D. C. Pellow, выступившего с первой книгой стихов: «Parentalia», вышедшей в из-ве Oxford University Press.

▫ Впервые на английском языке печатается не в сокращенном виде, без купюр «безнравственных» мест из романов и даже рассказов, полное собрание сочинений *Мопассана*. Перевод выполняется и издается M. Laurie. Вышел из печати первый том—«Bel-Ami».

▫ Переведены на английский язык две пьесы *Леонида Андреева* «Самсон

Отделы литературы.	Новые издания.			Переиздания.	Итого в 1923 г.	Итоги за 1922 г.
	Новые труды.	Переводы.	Брошюры.			
Философия	218	26	29	46	319	292
Религия	613	36	125	95	869	743
Социология	545	15	249	55	864	836
Право	117	—	68	56	231	264
Педагогика	174	1	57	12	244	207
Военные и морск.	106	—	81	19	206	210
Филология	155	—	23	45	223	189
Наука	468	23	80	107	678	597
Технология	483	6	109	91	689	686
Медицина и нар. здр.	270	14	56	93	433	360
С.-хозяйство и садовод.	127	—	34	25	186	204
Домашн. хоз-во	54	—	5	24	83	71
Деловые изд.	84	—	27	19	130	157
Изящные искусства.	222	7	17	48	294	248
Музыка	80	2	25	7	114	95
Игры, спорт и пр.	131	1	7	26	165	222
Литература	340	25	19	112	496	411
Поэзия и драмы	428	48	68	202	746	702
Романы	1162	85	7	1233	2487	1931
Детские книги	569	10	54	415	1048	776
История	380	17	52	66	515	372
Описания и путеш.	339	8	25	103	475	440
География	83	1	31	20	135	174
Биографии	336	24	5	101	466	398
Общие труды	169	—	1	8	178	257
Итого за 1923 г.	7643	349	1254			
	9246			3028	12274	10842
Итоги за 1922 г.	8754			2088	10842	

в цепях» и «Катерина» («Samson in chains» and «Katerina») и вышли в из-ве Brentano. Переводчик M. Bernstein.

▫ Как очередной «курьез» отмечаем роман L. Rogers'a «Wine of fury» из «русской» жизни. Это еще одна европейская отсебятина. В отличие от немцев пристрастных к «развесистым клюквам», англичане, как известно, специализировались на «белых медведях». По этому случаю в названном романе происходит приблизительно такой диалог. «Она: Это революция? Солдат: О!—Она: Итак мы свободны?—Солдат: Да, и мы можем ходить по летнему саду и лузгать семечки, при чем никто нас не может остановить». Таков образец хорошего, выдержанного английского стиля «белых медведей».

▫ В последней книжке Лондонского литературного журнала «Adelphi» помещены статьи *Лоренца*, *Миддльтон-Мюрри*, рассказ *Катерины Мэнсфильд* и воспоминанья *Горького* о Л. Андрееве.

▫ Вышла из печати новая пьеса *Голсуорти* «The forest». Весной этого года пьеса ставится в театре St. Martin; постановка привлекает широкое внимание.

Книги по истории и истории литературы.

▫ Увлекательно написанную книгу из истории английской литературы представляет собой работа H. Nicolson'a о послед-

нем путешествии Байрона в 1823—24 гг., для которой автор использовал ряд интересных материалов. Книга вышла в из-ве Constable и носит заголовок «Byron; the last journey 1823—24».

▫ Вышел II том ранее отмеченной нами работы I. M. Robertson'a о Шекспире. Том посвящен исследованию авторства ряда произведений Шекспира, а также влияниям и заимствованиям Шекспира (Marlow, Peele, Kyd, Greene и др. англ. современников). Книга вышла в из-ве Routledge под названием «The Shakespeare Canon», ч. II.

▫ O. W. Campbell выпустила интересную работу о Шелли и его друзьях. Книга носит историко-литературный и биографический характер и дает подробную характеристику как самого поэта так и его близких. Книга вышла в из-ве Methuen в Лондоне под заглавием «Shelley and the Unromantics».

▫ Проф. L. Cooper опубликовал в из-ве Harrap свою работу о поэтике Аристотеля—«The Poetics of Aristotle, its me aning and influence».

▫ К чествованию Байрона (по поводу столетия со дня смерти—8 апреля с. г.) в Nottingham'e выпущен сборник статей «Byron the Poet». Книга вышла в из-ве Routledge.

▫ Ценной работой по истории театра и драмы Англии в конце XVII века является книга A. Nicoll «A History of restoration drama 1660 to 1700», вышедшая в из-ве Cambridge University Press.

Научные работы и др.

▫ Оксфордское Университетское Издательство выпустило книгу R. S. Ratray—результат годичной работы антропологического отделения в Ashanti, охватывающий очень интересные материалы и наблюдения.

▫ Переведена на английский язык работа проф. M. Boule—директора Палеонтологического Института в Париже, посвященная исследованию первобытной культуры (по результатам раскопок, производящихся в центральной Франции). Книга вышла в из-ве Oliver and Boyd.

▫ Из-во Methuen выпустило в переводе на английский язык книгу немецкого профессора Erwin Freundlich'a (пр. Астро-физической Обсерватории Потсдама) по теории относительности. Книга представляет собой собрание трех его лекций. Одновременно с этим вышла вторым изданием на англ. языке его работа «Основы Эйнштейновой гравитационной теории». Вышла также книга Кассирера о теории Эйнштейна в переводе на англ. язык.

▫ Английские газеты сообщают, что в лондонском астрономическом обществе проф. Фаулер сделал доклад относительно проверки открытий Эйнштейна. Материалом для доклада послужило сообщение астронома д-ра Джона, проверявшего предсказания о перемещениях линий солнечного спектра. Из доклада выяснилось, что из трех предсказаний Эйнштейна, два — об изменениях в связи с удлинением орбиты Меркурия и относительно перемещения звезд вблизи затемненного солнца, подтвердились полностью. Третье же, относительно перемещения спектральных линий и спектров солнца и звезд по направлению к красной линии, вызвало большие дебаты и общего признания не получило.

▫ Вышла в из-ве University of London Press (из-во Лондонского университета) новая книга о современном положении Германии, написанная членом военной комиссии по разоружению генералом J. H. Morgan'ом. Рецензент («Satyrday Review» от 9 февр. с. г.), отмечая сочувственную по отношению к «поверженному врагу» позицию генерала и попутно оценивая Версальский договор, восклицает: «Циническим эпиграфом к Версальскому договору хорошо могла бы послужить перефразированная пословица «si vis bellum para pacem» (хочешь войны готовься... к миру)... Книга вышла под названием «The present state of Germany».

АМЕРИКА.

Книжное производство Америки за 1923 г.

Статистика американского книжного рынка, основанная на данных, опубликованных в Publ. Weekly в течение года, дает следующую картину производства.

Число новых книг увеличилось на 259, по сравнению с 1922 годом, число переизданий—на 56 (число брошюр уменьшилось на 90). В 1923 году было на 131 больше книг американских авторов, чем в 1922 г. Что касается книг английских и других иностранных писателей, то число книг изданных в Америке возросло в сравнении с 1922 г. на 124 кн., в то время как число привозных уменьшилось на 30.

В каждом из отделов наблюдается лишь незначительное увеличение. Наибольшее увеличение дает отдел *социологии*. По этому отделу напечатано за год 593 работы, что дало увеличение на 145. Из других отделов увеличение дали: философия, педагогика, филология, наука, медицина, сельское хозяйство, деловые книги, изящные искусства, музыка, игры, общая литература, детские, биографии и общие. Из двадцати трех отделов пятнадцать дали увеличение. Уменьшение, большей частью незначительное, отмечается в отделах: религия, право, технические книги, домашнее хозяйство, поэзия и драма, романы и история.

Международная классификация.	Новые издания.			По происхождению			Итого за 1923 г.	Итоги за 1922 г.
	Новые труды	Переиздания	Брошюры.	Американ. авторов.	Английских и других иностранных авторов			
					Печатались в Америке	Привезены		
Философия	273	20	70	262	30	71	363	356
Религия	553	32	125	551	26	133	710	730
Социология	390	27	176	529	16	48	593	648
Право	105	18	28	143	1	7	151	190
Педагогика	174	4	93	254	4	13	271	209
Филология	176	33	39	152	36	62	248	240
Наука	352	52	314	577	16	125	708	662
Техника	325	63	84	368	4	100	472	506
Медицина	223	67	34	281	6	37	324	298
Агрономия	113	13	59	175	2	8	185	112
Домашнее хозяйство	36	4	13	49	2	2	53	60
Деловые изд.	212	19	73	285	2	17	304	282
Изящные искусства	126	8	23	108	5	44	157	138
Музыка	62	2	14	56	1	21	78	60
Игры, занятия	98	20	28	124	2	20	146	109
Общая литература	299	42	98	283	61	95	439	424
Поэзия и драма	469	59	149	466	127	84	677	680
Романы	788	262	30	749	273	58	1080	1098
Детские книги	463	85	12	441	46	73	560	544
История	368	34	87	348	27	114	480	518
География и путеществ.	277	26	28	221	19	91	331	309
Биографии	347	26	65	256	58	124	438	398
Разные	38	5	43	74	1	11	86	67
Итого за 1923 г.	6257	921	1685	6742	765	1356	8863	
Итоги за 1922 г.	5998	865	1775	6611	641	1386	8638	

Вопрос о предварительной цензуре.

▫ Внимание издательских и литературных кругов Америки сосредоточилось в последнее время вокруг вопроса о введении предварительной цензуры. Вопрос возник в связи с повышенным интересом и соответствующим спросом на литературу сексуального характера. Некоторые американские «общества», в роде «Общества для подавления порока» («Society for the suppression of Vice»), подняли ряд судебных дел против книгоиздательств и торговцев по обвинению их в печатании и распространении порнографии и выступают за введение «цензуры нравов». На ряду с книгами действительно сомнительного характера в число инкриминируемых изд-вам сочинений попадают иногда, благодаря излишней ревности ханжеских об-в, и произведения Лауренса, Шницлера и др. В защиту свободы печатания на основе личной ответственности издательств выступила Лига Авторов, Ассоциация Издательств и некоторые другие аналогичные учреждения.

▫ К характеристике литературных нравов Современной Америки приводим письмо-объявление, помещенное в «Бюллетене Лиги Авторов» (органе, служащем, между прочим, целям взаимной информации издательств и писателей).

«Редактору Бюллетеня Лиги Авторов.

«Snappy Stories»—прекрасный рынок для всякого рода материала, который занимателен и имеет определенный сексуальный интерес. У нас нет предрассудков, мы не связаны условностями и пикантную одноактную пьесу мы примем не менее охотно, чем их когда-либо принимали в «Smart Set». У нас платят двойную цену в размере 3 сентов за слово коротких набросков в прозе. Принимаем в большом количестве.

Дружественный Вам
(подпись) *Ф. Гекстон*».

Американский книжный журнал «The Publ. Weekly», откуда мы перепечатываем этот любопытный образчик работы порнографической лаборатории, сопровождает его возмущенной репликой и приводит еще несколько подобных объявлений, как, напр.: «Telling Tales» нуждается в новеллах и коротких рассказах. Рассказы должны иметь определенный сексуальный интерес, но без вульгарности и искусственности...» или «Live stories» покупает сильные, интенсивные, хорошо написанные рассказы. Сексуальные темы желательны при отсутствии вульгарности».

Премии.

▫ Система премирования книг нашла себе в Америке особенно благодарную почву, так как американские издатели использовали ее как вид рекламы выпускаемых книг. Особенно распространены небольшие премии, раздаваемые обществами, частными лицами и издателями. Из сведений о премированных книгах мы извлекаем либо самые характерные, либо связанные с интересными книжными новинками.

▫ Издатель журнала «Dial» ежегодно выдает премию в 2000 долларов «сделавшему более всех других для американской литературы и наиболее нуждающемуся». Премия выдается по усмотрению издателя—не по конкурсу—«для ободрения и предоставления свободы для работы». В первые два года своего существования премия эта была выдана Шервуду Андерсену и Т. С. Эллиот. За 1923 год премию получил Van-Wyck Brooks (Ван-Вик Брукс) за критическую работу. Брукс является редактором журнала «Freeman» и лектором университета. Как критик Брукс более всех других американцев склонен рассматривать писателей в связи с эпохой и влияниями эпохи, приближаясь к социологическому методу в исследовании и оценке литературных явлений.

▫ Университетскую премию Witter Bynner Poetry Prize в 100 долларов, ежегодно выдаваемую за лучшие стихи студентам высших школ—за 1923 год получил Maurice Lesmean за поэму «In the Range Country». В конкурсе принимали участие 700 студентов из 63 учебных заведений. Вторым из соискателей отмечен C. P. Cullen студент-негр, стихи которого и ранее отмечались критикой.

▫ Журнал «Poetry» распределил три свои премии (от 200 до 100 дол.) между

E. A. Robinson'ом, L. Ridge'ем и H. Stuart'ом.

▫ Двух премий одновременно удостоилась книга I. H. Smith «The war with Mexiko» — «Война с Мексикой». Книга издана Macmillan'ом. Свои премии книга, судя по отзывам, оправдывает. Первая из присужденных First Loubat Prize в 1000 дол. выдается раз в 5 лет за лучшую книгу по истории или географии. Вторая — Pulitzer Historical Prize в 2000 дол. вообще является серьезной премией.

Художественная литература. Новые романы.

▫ Из числа в большом количестве выходящих романов-приключений следует отметить: «The mystery of Lynne court» («Тайна двора Линн») I. S. Fletcher'a (*Флетчера*) изд. The Norman, Remingto C-o в Балтиморе и «The diamond thieves» A. Stringer'a («Похитители бриллиантов» *А. Стрингер*), изд. Bobbs-Merrill C-o в Индианаполисе.

▫ G. Frankau (*Франкау*) написал новый роман вышедший одновременно в Англии и Америке «Gerald Granston's Lady».

▫ Вышел из печати новый том стихов *Роберта Фрост* (Robert Frost) под заглавием: «New-Hampshire». Книга вышла в Нью-Йорке в из-ве Holt and C-o.

▫ В изд. A. A. Knopf вышел том китайских стихов в переводе A. Waley под загл. «The Temple and other Poems». A. Waley, известный уже по целому ряду переводов с китайского, снабдил этот том большой статьей о кит. поэзии.

▫ Нашумевший роман Hall Caine'a «The woman of Knocka loe» вышел, кроме Америки, Англии и центральной Европы, также в Швеции, Дании, Голландии, Канаде, Южной Африке и Австралии.

▫ К исполняющемуся в 1924 году 50-летию английского поэта *Джона Месфильда* американское отд. изд-ва Macmillan'a выпустило в 8-ми маленьких томиках его избранные стихи (пред. автора)—John Masefield «Poems».

▫ В изд-ве Macmillan вышла поэма E. A. Robinson'a «The man who died twice»—«Человек, который умер дважды».

▫ Проф. J. C. Van Dyke (*Ван-Дайк*)—автор нашумевшего исследования о Рембрандте—избран членом американской академии искусств и литературы. Более подробные сведения об его книге читатели найдут в нашей хронике в предыдущей книге журнала.

▫ Изд-во Macmillan приступило к изданию полного собрания сочинений известного ирландского поэта и драматурга William Butler Jeats'a, получившего, как мы отмечали, нобелевскую премию по литературе за 1923 год. Первые томы выйдут текущей весной.

▫ O. Sayler написал книгу о Театре Рейнгарда. Его работа выпущена изд-вом Brentam в Нью-Йорке. Sayler известен работой о русском театре, отмеченной нами в прошлом году. Новая его книга называется «The art of Max Reinhardt».

▫ «Американско-еврейское издательское об-во» предприняло издание на английском языке серии переводов еврейских классиков. Серия называется «Schiff Library of Jewish classics» и готовилась в течение ряда последних лет к печати. Вышел первый том этой серии, заключающий избранные поэмы испано-еврейского поэта Соломон Ибн-Габирол'а. Перевод выполнен *Израэлем Зангвиллем*.

Книги по общественным вопросам.

▫ В Америке недавно опубликованы две книги, посвященные Польше и носящие обе название «Новая Польша»—«The New Poland». Первая книга N. C. Winter'a (*Винтер*—изд. Page and C-o) дает сначала картину историч. развития Польши, а затем рассматривает современную Польшу, ее общественность, культуру и пр. Вторая книга—Ch. Phillips'a (*Филиппс*, изд. Macmillan'a) — общий очерк современной Польши, написанный горячим ее сторонником. Книга дает подробные характеристики Пилсудского, Падаревского и Галлера.

▫ Вышли три интересные книги о рабочем движении: 1) «Child labor and the constitution» («Детский труд и конституция») R. G. Fuller'a, изд. T. J. Crowelle, 2) «Women and the labor movement» («Женщины и раб. движение») A. Henry в изд. Doran, 3) «The new world of labor» («Новый мир труда») Sh. Eddy, изд.

Doran. Последняя книга рисует положение рабочих на Востоке.

▫ Очень интересная книга, разоблачающая состояние американских тюрем, опубликована писательницей K. R. O'Hare, в свое время входившей в небольшую группу протестовавших против участия Америки в войне. За этот протест она была заключена в тюрьму. Книга называется: «In Prison», изд. A. A. Knopf.

▫ Изд-во Seltzer в Нью-Йорке опубликовало биографию *Рамзея Макдональда* (I. Ramsay Mac Donald) под заглавием «The man of tomorrow», написанную Iconoclast'ом.

▫ Только что вышла первая в Америке биография известного исследователя и основоположника особой системы организации труда—*Ф. Тейлора*. Биография, включающая также изложение его теорий, написана F. B. Copley и выпущена изд-вом Harper. Книга носит заглавие «Frederick W. Taylor». Материал для биографии доставлен его ближайшими друзьями и сотрудниками, в том числе и рабочими, занимавшимися под его руководством еще в 80 годах. Рецензент, с удовлетворением отмечая появление этой книги, говорит: «странно, что этот всемирно известный исследователь, система которого широко применяется, напр. во Франции, совершенно неизвестен до сих пор у нас в Америке»...

Книги о России.

— В одном из декабрьских номеров (Vol. CIV, № 23) американского журнала «The Publ. Weekly» помещена небольшая статья о деятельности Госиздата до 1922 г. включительно. В статье дается ряд сведений об издательской деятельности, характере и количестве выпускаемых книг, о составе руководителей Госиздата, ряд статистических данных, и общая положительная оценка работы Госуд. Изд-ва Р. С. Ф. С. Р.

▫ В изд. Boni в Нью-Йорке вышел перевод книги *Горького* «Мой университет». В переводе книга носит название «My university days».

▫ *А. Ярмолинский* (Avrahm Jarmolinsky) в литературном приложении «New York Herald» поместил статью о русской литературе, вышедшей в Берлине. Большая часть статьи посвящена книге Горького «Мой университет» с подробным изложением содержания. В заключение Ярмолинский упоминает воспоминания Горького, помещенные в «Беседе» и роман Вс. Иванова «Голубые пески».

— В изд-ве A. Knopf вышел перевод романа *Лескова* «Соборяне». Перевод выполнен I. F. Hapgood.

— Вышли на английском языке очень интересные мемуары известного русского скрипача *Ауэра*, в настоящее время живущего в Нью-Йорке. Мемуары содержат воспоминанья о встречах с видными музыкантами, русскими и иностранными, музыкальных событиях и пр. Книга называется: «My long life in music» by Leopold Auer. Из-во F. A. Stokes.

— Вышла в из-ве Kenedy в Нью-Йорке книга M. E. Almedingen'a о католической церкви в современной России. Книга называется: «The Catholic church in Russia loday».

СПИСОК КНИГ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Издательство „Красная Новь". Москва.

1. **Н. Ленин.** О партийном строительстве за 20 лет.
2. **Д. Петровский.** Капитализм и социализм. (От Томаса Мора до наших дней).
3. **И. Степанов.** Мысли о религии.
4. **Венцель Голек.** Автобиография немецко-чешского рабочего, изложенная Паулем Гере.
5. **Л. Сосновский.** Дела и люди. Кн. 1. «Рассея».
6. **Франц Меринг.** Очерки по истории войны и военного искусства.
7. **А. Луначарский.** Идеи в масках.
8. **Г. Зиновьев.** Судьбы нашей партии.
9. **Л. Либерман.** В угольном царстве. Очерки условий труда, быта и развития промышленности в Донецком бассейне.
10. **П. Вернер.** Баварская Советская Республика.
11. **А. Рыков.** Очередные задачи экономической политики.
12. **С. Юдин.** Вечер французской революции в клубах молодежи.
13. **А. Шлихтер.** Наша соседка Финляндия.
14. «Информационное письмо Главполитпросвета № 2».
15. **Р. Сирота.** Наше народное хозяйство.
16. «Подробный каталог наглядных пособий».
17. **З. Розенов.** Против попов. Вып. V.
18. «Народный Театр». Драмы.
19. Агр. **П. Грацианов.** Удобрение полей.
20. **Ю. Соболев.** Мученики Шлиссельбургской крепости.
21. **С. Семенов.** Чужой коровай. Комедия в 1-м действии.
22. **Л. Каменев.** Доклад правительства II Съезду Советов СССР.
23. **Г. Зиновьев.** На смерть Ленина.
24. **К. Радек.** О Ленине.
25. **А. Мартынов.** Великий пролетарский вождь.
26. **Л. Каменев.** Партстроительство и наша экономическая политика.
27. «На помощь школе». (Сборник рассказов).
28. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Социалистическая революция и задачи просвещения.
29. «Проливы». Сборник под ред. Ф. Ротштейна.
30. «13-я Конференция Российской Коммунистической Партии (б.)».
31. **А. Курский и Кузнецов.** Германия. Пособие для чтения и работы в школах и кружках малограмотных.
32. **Л. Владимиров.** Возвратите их на родину. Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии.
33. **Н. Крыленко.** О союзе Советских Социалистических Республик.
34. **Клара Цеткин.** Революционные бои 1919 г. и борцы революции.
35. **М. Шефлер.** Кредит крестьянскому хозяйству.
36. **Н. Ленин.** О кооперации.
37. **Е. Полюдо.** Без волостного бюджета нельзя наладить волостное хозяйство.
38. **А. Зубрилин.** Как многополье спасло крестьянство от разрухи и осветило деревню электричеством.
39. **А. Крашенинников.** Бешенство.
40. «На Царя!» Как и за что народ казнил Александра II 1 марта 1881 года.
41. **Михаил Герасимов.** Стихотворения.
42. **Г. Никифоров.** Развал. Пьеса в 2-х действиях в стихах.
43. **Н. Ленин.** К 8-му марта.
44. «К пятилетию Коминтерна (1919—1924)». Сб. I.
45. «К пятилетию III Коммунистического Интернационала (1919—1924)». Пособие клубным работникам деревни.
46. **Джиованиоли.** Спартак. (Роман.)
47. **Мультатули.** Откуда пошла власть богатых.
48. **А. Шефер.** Святые палачи (инквизиция).
49. **Н. Соколов.** Летающие люди.
50. **И. Степанов.** О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах.
51. **И. Степанов.** Задачи и методы антирелигиозной пропаганды.

Издательство „Новая Москва". Москва.

1. **Ганс Гейнц Эверс.** Индия и я.
2. «Производственные экскурсии». Сборник статей под ред. В. Менжинской.
3. **В. Александров и И. Цареградский.** Вечер книги в клубе.
4. **Дж. Лондон.** Тюрьма.
5. **Дж. Лондон.** По ту сторону щели.
6. **Е. Милицина.** В ожидании приговора.
7. **Дж. Лондон.** Железнодорожные зайцы.
8. **Марк Баскин.** Что нужно знать подготовленному марксисту.
9. **Братт.** Мир без голода. (Роман.)
10. **К. Соколов.** Методы комплексного преподавания.
11. «Труд и капитал в Английском парламенте».
12. **В. Петрок, А. Кузнецов, Б. Трейвас.** Наш опыт. Комсомол в деревне.
13. **А. Петров.** Лектор и аудитория.
14. **Л. Сейфуллина.** Молодняк. (Рассказы.)
15. **Е. Паркхерст.** Воспитание и обучение по Дальтонскому плану.
16. **А. Луначарский.** Партия и революция.
17. «Памятка юного пионера».
18. **Я. Галицкий и З. Валентинова.** Лед-электрик. (Сказка.)

Издательство „Московский Рабочий" Москва.

1. **С. Васильченко.** Карьера подпольщика.
2. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Избранные статьи и речи. Том II, III и IV.
3. **И. Розенберг.** Теория стоимости у Рикардо и Маркса. С вступит. статьей И. Рубина.
4. «Второй год работы кооперативного издательства «Московский Рабочий».

Издательство „Молодая Гвардия" Москва.

1. **Акад. А. Е. Ферсман.** Три года за полярным кругом. Очерки научных экспедиций в центр. Лапландию 1920—1922 гг.
2. **Дж. Лондон.** Пахарь моря.
3. **Мартин Нексе.** Пролетарские дети.
4. **П. Щелканов.** 9-е января 1905 года в клубах молодежи.
5. «Спутник молодого рабочего на 1924 год».
6. **Лев Гур.** История РКСМ.
7. **К. Гофман.** Голодающая Германия.
8. «Комсомольский театр». Вып. I.
9. **Вальтер Фогель.** Новая Европа и ее историко-географические основания.
10. **Г. Шубин.** Якунько и др. рассказы.
11. **И. Рахилло.** Рассказы.
12. **Николай Кузнецов.** Стихи.
13. **Михаил Голодный.** Стихи.
14. **Проф. Н. Рынин.** Аэростат.
15. «Под знаком комсомола». Альманах.

Высший Военный Редакционный Совет. Москва.

1. **Г. Саджент.** Стратегия на Западном фронте (1914—1918 г.).
2. **Фрейтаг-Лорингофен.** Выводы из мировой войны.
3. **Эрих Ф.-Фалькенгайн.** Верховное командование 1914—1916 г.г. в его важнейших решениях.
4. **Э. Людендорф.** Мои воспоминания о войне 1914—1918 г.г. Том II.
5. Гражданская война. Материалы. Том II и III. Материалы по истории ферганского Басмачества и боевых операций в Бухаре.
6. **Мих. Павлович (Вельтман).** Советская Россия и капиталистические державы. Вып. I. Советская Россия и Франция.

Издательство „Круг". Москва — Ленинград.

1. **А. Перегудов.** Лесные рассказы.
2. **А. Аросев.** Две повести.
3. **В. Иванов.** Полая Арапия. Рассказ.

Издательство „Книга". Москва—Ленинград.

1. **Д-р Вигдорчик.** Теория и практика социального страхования. Вып. II. Страхование на случай болезни в Зап. Европе.
2. **Жюль Гед.** Женщина и буржуазное общество.
3. **Виллиам Кент.** Новейшая система управления промышленным предприятием.
4. **Георг Бир.** Плотник.
5. **Д-р Р. Папе.** Сапожник.
6. **Густав Винтер.** Пути к повышению производительности предприятий.
7. **В. Медем.** По царским тюрьмам.

Издательство „Экономическая жизнь". Москва.

1. «Народное хозяйство России за 1921—1922 г.» (ежегодник).
2. «Материалы о деятельности Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Обороны и Центральн. Правит. учреждений».

3. **Н. Степанов.** Древесный питомник.

4. **Проф. Е. Скорняков.** Искусственное орошение небольших участков. Ч. I и II.

5. **Проф. Н. Кулагин.** О выборе рамочного улья.

6. **Проф. М. Иванов.** Породы свиней.

7. **Проф. М. Иванов.** Разведение, выращивание и содержание свиней.

8. **Проф. М. Иванов.** Кормление и откорм с.-х. птицы.

9. **Проф. М. Иванов.** Подготовка яиц для продажи и экспорта.

10. **Проф. М. Иванов.** Породы сельскохозяйственной птицы.

11. **Проф. М. Иванов.** Размножение и выращивание с.-х. птиц.

12. **Проф. М. Иванов.** Значение сельск.-хоз. птицеводства.

13. **Проф. М. Иванов.** Разведение сел.-хоз. птицы.

14. **Проф. М. Иванов.** Кормление и откорм свиней.

15. **А. Горяинов.** Вредные грызуны.

16. **А. Горяинов.** Вредители сада и огорода.

17. **Проф. И. Каблуков.** Пчелиный воск.

18. **П. Зворыкин.** Культура многолетних кормовых трав на семена.

19. **Д. Лоевецкий.** Валютная политика и валютное законодателство.

20. **А. Рашин.** Движение заработной платы в 1922 году.

21 **И. Михайлов.** Справочник по транспорту.

22. **Проф. И. Страхов.** Служебные постройки в крестьянском хозяйстве.

23. **Проф. П. Страхов.** Амбары и зернохранилища крестьянского типа.

24. **А. Колевинский.** Краткий очерк учения о ковке лошадей.

25. «Внешняя торговля России в 1922—23 г.». Сборн. статей под ред. В. Громана, М. Кауфмана и М. Заменгоф.

26. **В. И. Фролов.** Статистика внешнего товарообмена России 1921—1923 года.

27. **А. Рыков.** Хозяйственное положение Советских Республик и очередные задачи экономической политики.

28. «Великий строитель». Памяти В. И. Ленина.

29. **Г. Студенский.** Организация средне-черноземного крестьянского хозяйства.

30. **Г. Крумин.** Путь хозяйственной политики.

31. **А. Лежава.** Внутренняя торговля 1923 г.

32. **Проф. Карл Тышка.** Мирохозяйственная проблема современных индустриальных государств.

33. **Проф. С. Фалькнер.** Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства.

34. **К. Дебу.** Коллективное использование сел.-хозяйственных орудий и машин.

35. **А. Кактынь, А. Рашин, С. Струмилин.** Политика и практика заработной платы. Сб. статей.

Издательство Коммунистического Университета имени Я. М. Свердлова. Москва.

1. **Д. Баевский.** История рабочей печати в России. (Пособие по истории РКП. Вып. I).

2. **А. В. Луначарский.** В. И. Ленин.

3. **В. Вегер.** Право и государство переходного времени. (Хрестоматия).

4 «Сборник по вопросам партпросвещения».

Издательство Л. Д. Френкеля. Москва—Ленинград.

1. **Б. Горев.** От Томаса Мора до Ленина.

2. **Проф. Б. И. Словцов.** Физиология труда. Изд. 3-е.

3. «Малая биологическая энциклопедии». Под ред. проф. Ю. Шмидта.

Издательство „Голос Труда". Москва.

1. **Лев Мечников.** Цивилизация и великие исторические реки.

2. **Домелла Ньювенгуис.** Бог. Его прошлое и настоящее.

3. **Ж. Гюйо.** Нравственность без обязательства и без санкций.

Издательство „Земля и Фабрика". Москва.

1. «Современники». Альманах художественной прозы.

Издательство „Право и Жизнь". Москва.

1. **Проф. М. Гернет.** Социально-правовая охрана детства за границей и в России.

Издательство В. Ц. С. П. С. Москва.

1. **Ф. Сенюшкин.** Фабрично-заводские комитеты в России и их работа в современных условиях.

2. «Материалы по истории профессионального движения в России». Сб. I.

Издательство М. Г. С. П. С. Москва.

1. **С. Гиринис.** Что такое профессиональный производственный союз.

2. **Х. Я. Диамент.** Профсоюзы на культурном фронте (очерк московской работы).

3. **Г. Н. Мельничанский.** Московские профессиональные союзы в обстановке НЭП'а.

4. «По фабрикам и заводам». (Руководство по организации производственных экскурсий).

5. «Лекционно-экскурсионная работа культотдела М. Г. С. П. С.».

Издательство всерос. научной ассоциации востоковедения при Нар. Ком. Нац. Москва.

1. **М. Павлович.** Борьба за Азию и Африку

Издательство Центр. Комиссии по проведению недели Красного Флота.

1. «Красный Военный Флот». Сборник.

Издательство дома Театрального Просвещения им. В. Д. Поленова. Москва.

1. **П. Марков.** Новейшие театральные течения.

Издательство „Синяя Птица". Москва — Ленинград.

1. **А. Формозов.** Шесть дней в лесах. Приключения юных натуралистов.
2. **С. Маршак.** Сказка о глупом мышенке.
3. **Виталий Бианки.** Лесные домики.
4. **П. Ершов.** Конек-Горбунок.

Издательство „Academia". Ленинград.

1. **Бузескул.** Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. II. Греческий мир.

Издательство товарищества насл. бр. Салаевых. Москва.

1. **С. Шувалов.** М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников и его письмах.
2. **В. Львов-Рогачевский.** А. П. Чехов в воспоминаниях современников и его письмах.

Издательство Сабашниковых. Москва.

1. **Э. Страсбургер, Ф. Нолль, Г. Шенк, А. Шимпер.** Учебник ботаники для высших учебных заведений.
2. **Еврипид.** Драмы. Т. III.
3. **Леонид Леонов.** Деревянная королева.
4. **Леонид Леонов.** Петушихинский пролом.

Кооп. издательство „Жизнь и Знание" Москва.

1. **М. Волоцкой.** Поднятие жизненных сил расы.

Издательство „Прометей". Москва.

1. **П. Стучка.** Советская конституция в вопросах и ответах. Изд. 2-е.

Издательство „Наука". Москва.

1. **Екатерина Галати.** Золотой песок. 2-я книга стихов.

Издательство „Пучина". Москва.

1. **М. Левидов.** День диктатуры пустяков Англия в памфлете.

Издательство «Научная Библиотека". Ленинград.

1. **Б. Словцов.** Работа желез в организме.
2. **Проф. М. Аствацатуров.** Психотерапия и психоанализ.
3. **Д-р Л. Якобсон.** Сифилис и борьба с ним.
4. **Проф. А. А. Липшитц.** Растения и животные.
5. **Я. Перельман.** Межпланетные путешествия.

Издательство „Начатки Знания". Ленинград.

1. **И. Симонов.** Школа и половой вопрос.

Издательство А. Ф. Маркс. Ленинград.

1. **К. Чуковский.** Александр Блок.

Издательство „Имажинисты". Ленинград.

1. **Владимир Ричиотти.** Коромысло. Глаз. Поэма.
2. **Афанасьев-Соловьев, Семен Полоцкий, В. Ричиотти, Г. Шмерельсон.** В кибитке вдохновения.
3. **Вадим Шершеневич и Григорий Шмерельсон.** Стихи.

Рабочее издательство „Прибой". Ленинград.

1. **Проф. А. Пинкевич.** Основные проблемы современной школы.
2. **М. Покровский.** Борьба классов и русская историческая литература.

3. **Адам Смит.** Исследование о богатстве народов.

4. **Н. Андреев.** История первобытной культуры.

5. **Н. Павлов-Сильванский.** Феодализм в древней Руси.

6. **С. Драницын.** Конституция СССР и РСФСР в ответах на вопросы.

7. **Я. Захер.** История Великой Французской Революции.

8. **К. Витфогель.** Наука в буржуазном обществе.

9. **С. Пионтковский.** 9-е января 1905 года.

10. **В. Северный.** Тысяча Либкнехтов.

11. **В. Князев.** Ржаные Апостолы (Клюев и клюевщина).

12. **А. Аросев.** На перекрестке (Пьеса в 3-х актах).

13. **Джон Рид.** Штурм отжившего мира.

14. **К. Маркс.** Теория прибавочной ценности. Том II.

15. «Звенья». Альманах лит. кружка университ. им. Зиновьева.

16. «Путь к Коммунистическому Интернационалу». Из истории международн. рабочего движения. (Сб. статей и документов).

17. **Н. Бухарин, П. Залуцкий, Г. Зиновьев, М. Калинин, Л. Каменев, Г. Сафаров, И. Сталин.** За партию. За Ленинизм. Сб. I.

18. **В. Буштедт, А. Покровский, А. Харнас.** Древний Восток.

19. «Теория прибавочной ценности». Из неизданной рукописи к критике полит. экономии К. Маркса. Вып. I. Зачатки теории прибавочной ценности до Адама Смита включительно.

20. «Исповедь кровавой собаки». Соц.-демократ. Носке о своих предательствах.

Издательство „Жизнь Искусства". Ленинград.

1. **Х. Капабланка.** Основы шахматной игры.

2. «Спутник по Петрограду и его окрестностям».

Издательство „Сеятель". Ленинград.

1. **Проф. Р. Мизес.** Основные идеи современной физики и новое миросозерцание.

2. **Проф. Б. Розинг.** Теплота. С кратким очерком истории паровой машины.

3. **Н. Грацианский, Е. Мороховец, Н. Тарасов.** Обществоведение. Т. IV. Жизнь общества в эпоху мировой торговли, капиталистической промышленности и развитие социализма. Т. II. Формы организации труда и общества в Европе в эпоху преобладания натурального хозяйства и развития средиземно-морской торговли.

Издательство „Петроград". Москва — Ленинград.

1. **Г. Гауптман.** Призрак. Роман.

2. **К. Фаррер.** Подружки. Роман.

3. **Жак де-Лакреттель.** Зильберман. Роман.

4. **Р. Эден.** Эйнштейнова соната. Роман относительности.

5. **Г. Дж. Уэллс.** Люди-боги. Роман.

6. **Дж. Лондон.** Пытка. (Смирительная рубашка). Роман.

7. **П. Нансен.** Любовь и молодость.

8. «Петроград». Литературный альманах I

9. «Еврейский Альманах». Под ред. Б. И. Кауфмана и И. А. Клейнмана.

10. **Е. Замятин.** На куличках Повести и рассказы.

Издательство „Молодой Рабочий". Харьков.

1. **М. Салтыков-Щедрин.** Миша и Ваня.

2. **А. Немоевский.** Сердце машины (новеллы)

3. **Б. Шифрин.** Футбол.

4. **М. Яворьский.** Коротка історія України.

5. **И. С. Рабинович.** Освобожденный труд. Общественно-литературная хрестоматия для школ и самообразования. Ч. I.

6. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** Детский труд.

7. **В. Фриче.** Очерки ист. мирового рабочего движения. Рабочее движение в России.

8. **М. Светлов.** Стихи о ребе.

9. **В. Сарабьянов.** Введение в диалектический материализм.

10. **В. Сарабьянов.** От Октября 1917 года к мировому Октябрю.

11 **В. Сарабьянов.** От НЭП'а к социализму.

12. **П. Коваленко.** Капиталистическое общество.

13. **П. Коваленко.** Будущее общество.

14. **А. Чекин-Яроцкий.** Краткий очерк рабочего движения.

15 «Спутник юного коммунара на 1924 год».

16. **В. Крайний и М. Беспалов.** Ленин.

17. **Дж. Лондон.** До Адама.

Издательство „Путь Просвещения". Харьков.

1. **Проф. А. Никольский.** Животные и растения.

2. **Проф. А. Никольский.** Сообщество у животных.

3. **Г. Гринько.** Очерки советской просветительной политики.

4. **Н. Рождественский.** Методика неорганического природоведения. Построение курса по принципу исследования.

5. **Проф. А. Репрев.** Что такое болезни и как их лечат.

6. **Проф. А. Репрев.** Как организм защищается от болезни.

7. **Проф. В. Воробьев.** Тело человека.

8. **Проф. А. Покровский.** История земли.

9. **Проф. Н. Лебедев.** Организм и среда.

10. **Проф. Б. Герасимович.** Вселенная.

11. **Д-р Э. Краземан.** Мать и ребенок.

12. **Д-р Я. Замковский.** Глаз и зрение человека и животных.

13. **В. Полищук.** Ленин. Поэма.

14. **М. Павлович.** Мировая война (1914—1918 г.г.) и грядущие войны.

15. «Что рассказывать детям».

16. «Червоний Прапор». Букварь для взрослых.

17. **Проф. А. Никольский.** Как получились и получаются породы домашних животных.

18. **А. Палладин.** Механика жизни.

19. **М. Марков.** Жизнь клетки.

20. **Проф. В. Тимофеев.** Силы природы, энергия и ее превращения.

21. **Проф. П. Проскура.** Скрытые силы воды.

22. **Проф. М. Зуев.** Сахар и его производство.

Издательство „Пролетарий". Харьков.

1. **Н. Ленин** (**В. Ульянов**). Январские дни 1905 года.

2. **Ф. Энгельс.** О России.

3. **Н. Лебедев.** Жизнь. Популярный очерк.

4. **Х. Раковский и Н. Рафаил.** Ближневосточный вопрос.

5. **А. Тун.** История революционных движений в России.

6. **А. Ельницкий.** История рабочего движения в России. Ч. I. XIX век. Ч. II. XX век.

7. **Уптон Синклер.** Дебри.

8. «Борьба за труд». Хрестоматия. Сост. Рабинович, проф. А. Ледин и Коваленко.

Издательство „Труд". Харьков.

1. **Проф. Ф. Кунце.** Техника умственного труда.

2. **Дж. Лондон.** По ту сторону «щели».

3. **В. Блос.** Эрих девяносто девятый (верхом на принципе).

4. **В. Лямсцус.** Человеческая бойня.

5. **Борович.** Книгопродажа, как просветительная работа.

Издательство „Буревестник". Краснодар.

1. **Д. Фурманов.** В восемнадцатом году.

2. **Н. Бухарин и Г. Зиновьев.** Основные итоги XII съезда Р. К. П.

3. **А. Голубков.** Утопический и научный социализм.

4. **К. Каутский.** Очерки и этюды по политической экономии.

5. **Проф. А. Благовещенский.** Климент Аркадьевич Тимирязев.

6. **В. Федоров.** Христа не было.

7. «Краткий очерк истории социализма и социальных движений».

8. **Г. Ладоха.** Очерки гражданской войны на Кубани.

9. **П. Берлин.** Очерк развития экономических учений в XIX ст.

10. **Ф. Энгельс.** К критике политической экономии.

Издательство Тверского лит.-художественного общества. им. Никитина. Тверь.

1. **Ефим Шаро.** Блики. Стихи.

2. **В. Юренев.** Медуница. Стихи.

3. **Матвей Дудоров.** Из полей. Стихи.

4. **Александр Докучаев.** Из лучины. Стихи.

5. **Н. Трошин.** За свободу! Стихи.

Издательство „Сорабкоп". Киев.

1. **Н. Лядов.** Холодный яр. Повесть.

2. **Акад. С. Ефремов.** Карпенко-Карий (І. К. Тобілевич). Критико-биографичний нарис.

3. **Д-р Г. Гецов.** О чем говорил ветер.

4. **Т. Каменев.** Краткое пособие по политической экономии.

5. **К. Маркс и Фр. Энгельс.** Лейпцигский собор. С введением Густава Мейера.

6. **Г. Лозовик.** История общества. Вып. I. Доисторич. культура.

7. **М. Балабанов.** Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. I. Крепостная Россия. Ч. II. Капиталистическая Россия.

8. **Проф. С. Реформатский.** Элементарные сведения по химии.

9. **А. П. Чехов.** Рассказы. Спать хочется. Кухарка женится. Размазня.

10. **А. Франс.** Чтоб вам, скотам, околеть. (Крэнкэбиль). Инсценировка Е. Пиляя.

11. «Книгозбірня Селянина». Пісні Боротьби.

Государственное Издательство. *Редактор Вяч. Полонский.*